

Б. Ф. ЛОМОВ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
1-ИСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Б. Ф. ЛОМОВ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИИ**

Ответственные редакторы
доктор психологических наук Ю М ЗАБРОДИН,
доктор философских наук Е В ШОРОХОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

Книга посвящена актуальным методологическим проблемам психологической науки. Дается общая характеристика ее современного состояния и тенденций развития, обсуждаются пути развития ее теории. Рассматриваются базовые для психологической науки категории отражения, деятельности, общения и личности, а также соотношение биологического и социального в детерминации психики человека. Для психологов, философов, социологов, педагогов

Главная тема данной книги — вопросы системного подхода в исследовании психических явлений. Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ. Опираясь на достижения советской (и частично зарубежной) психологии, автор попытался рассмотреть тенденции развития психологической науки, ее базовые категории, теоретические проблемы, возникающие на современном этапе ее развития, реализуя принципы системного подхода. При разработке вопросов системного подхода в психологии использовались также идеи, сложившиеся в философии, социологии и биологии.

Особое внимание в книге уделяется проблемам, пограничным для психологии и других общественных и естественных наук.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, К. В. Бардину, А. А. Бодалеву, А. В. Брушлинскому, Е. А. Будиловой, В. Ф. Венде, Б. А. Душкову, Ю. М. Забродину, А. И. Китову, А. А. Крылову, В. Ю. Крылову, В. П. Кузьмину, А. Н. Лебедеву, К. К. Платонову, Я. А. Пономареву, В. А. Пономаренко, В. М. Русалову, А. А. Степанову, Т. Н. Ушаковой, А. В. Филиппову, В. Д. Шадрикову, В. Б. Швыркову, Е. В. Шороховой за участие в обсуждении замысла этой работы и ценные замечания по рукописи. Автор благодарен всем сотрудникам Института психологии АН СССР, чьи исследования послужили основой для данной книги.

Автор особенно признателен Тамаре Сергеевне Большаковой, выполнившей большой труд по подготовке рукописи к печати, а также составлению библиографии и указателей.

Современное состояние психологической науки можно оценить как период значительного подъема в ее развитии. В течение последних десятилетий расширился фронт психологических исследований, появились новые научные направления и дисциплины. Разрастается круг разрабатываемых в психологии проблем; изменяется ее понятийный аппарат. Совершенствуются методы исследования.

Психология непрерывно обогащается новыми данными, формируются новые гипотезы и концепции, относящиеся ко всем основным областям ее проблематики.

Психологическая наука все более активно включается в решение практических задач, возникающих в разных сферах общественной практики.

Можно утверждать, что психологическая наука в современных условиях вступает в качественно новый этап своего развития. По мнению некоторых ученых, «психология созрела для революции, если уже не находится в ее разгаре» [633].

В этих условиях резко возрастает потребность в дальнейшей (и более глубокой) разработке методологических проблем психологической науки и ее общей теории.

Нужно отметить, что теоретические концепции, схемы и парадигмы, сформировавшиеся в кабинетах, оказались сейчас перед необходимостью объяснять реальные жизненные события и решать практические задачи. При этом некоторые из них обнаружили свою ограниченность, «неконструктивность», а иногда и просто несостоятельность. Несоответствие теоретических разработок современным требованиям привело к оживлению эмпиризма, в частности к попыткам решать практические задачи на основе чисто эмпирического знания. Конечно, такой подход иногда позволяет находить решение поставленной задачи. Однако далеко не всегда (скорее, редко) это решение оказывается наилучшим.

В некоторых направлениях западной психологии эмпиризм возводится в ранг методологического принципа, что неизбежно ведет к позитивизму, претендующему на роль философского основания «чистой» науки. Характерные для него нигилистическое отношение к философским проблемам психологической науки и преклонение перед «нейтральным опытом» приводят к психологизации социальных явлений и биологизации психических, к утверждению субъективизма и индивидуализма в качестве основных принципов поведе-

ния человека. Вместе с тем подвергается сомнению самая возможность применения научных методов в познании психики; утверждается, что принцип детерминизма не распространяется на область психического, что психическое, как субъективное, не может быть раскрыто при помощи объективных методов; психическое рассматривается как «чистое явление» (т. е. имеет место разрыв и противопоставление сущности и явления).

Короче говоря, основные методологические проблемы, прежде всего вопросы о путях познания психического, которые в психологии никогда не сходили со сцены, сейчас приобрели особую остроту. Дальнейшая ее судьба как науки существенно зависит от их решения.

В советской психологии методологическим проблемам всегда придавалось первостепенное значение. Разработанные коллективными усилиями многих ученых ее теоретические позиции опираются на прочный фундамент марксизма-ленинизма.

Напомним, что уже в 20-е годы нашего века развернулась острая борьба в области философских и общетеоретических проблем психологии¹. Ведущие психологи того времени (П. П. Блонский [86], [87], К. Н. Корнилов [227] и др.) выступили с решительной критикой идеалистических концепций, показали их научную несостоятельность и раскрыли значение материалистической диалектики для развития психологии как науки². Большое влияние на развитие материалистических позиций психологии оказали работы выдающихся естествоиспытателей И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского, Н. А. Северцова, П. П. Лазарева и др.

Особенно отчетливо значение материалистической диалектики обнаружилось в подходах к разработке проблем, связанных с изучением социальной обусловленности психических явлений. Марксизм впервые в истории научной мысли дал последовательно материалистическое объяснение общественных явлений, раскрыл законы развития общества. Тем самым была создана реальная основа строго научного изучения специфически человеческих свойств психики, происхождения и развития сознания, детерминант психического развития человека, психического склада личности. Психология, опирающаяся в своем развитии только на естествознание, не знала путей и методов исследования законов общественно-исторического развития психики человека. И только овладев историческим материализмом, она получила возможность определения этих путей и

¹ Подробнее см [100].

² Некоторые зарубежные историки советской психологии иногда пытаются представить 20-е годы как период насильственного насаждения в ней марксизма. Однако такие представления искажают действительное положение вещей. Задача овладения материалистической диалектикой диктовалась логикой развития самой психологии, ее внутренними потребностями. Еще до революции многим передовым ученым стало ясно, что идеализм и метафизика заводят психологию в тупик.

разработки строго научных методов исследования психических явлений, свойственных человеку³.

Формирование методологических позиций советской психологии на основе марксизма-ленинизма происходило в условиях острой борьбы с феноменологическими, позитивистскими, биологизаторскими и социологизаторскими концепциями. Их критика, начатая советскими психологами более полувека назад, продолжается и сейчас; в настоящее время ее ведут также психологи социалистических стран и передовые ученые капиталистических государств.

Важно отметить, что теоретическая борьба в советской психологии тесно связана с революционно-преобразующей деятельностью общества. Она развивалась в условиях формирования нового типа общественных отношений и нового человека.

Большой вклад в разработку философских и общетеоретических проблем психологии на основе марксизма-ленинизма внесли Б. Г. Ананьев [39; 40], П. П. Блонский [87], Л. С. Выготский [128; 129], А. В. Запорожец [172], К. Н. Корнилов [227], Г. С. Костюк [231], С. В. Кравков [234], А. Н. Леонтьев [271], А. Р. Лурия [301; 302], В. Н. Мясищев [338; 339], В. Д. Небылицын [345], С. Л. Рубинштейн [419; 422], А. А. Смирнов [443], Б. М. Теплов [474], Д. Н. Узнадзе [481] и др.⁴ В их теоретических и экспериментальных исследованиях была раскрыта суть диалектико-материалистического подхода к изучению психики и сформулированы основополагающие принципы психологической теории.

Но жизнь не стоит на месте. Не может стоять на месте и наука. В современных условиях задача дальнейшего развития общей теории психологии выступает как важнейшая. От успехов в ее решении существенно зависят перспективы психологической науки в целом и эффективность ее применения в практике.

Когда закладывались основы марксистской психологии, естественно, что она могла опираться только на тот круг (и уровень) знаний, которым в то время наука располагала. Но психологическое знание развивается, и весьма интенсивно (и экстенсивно). В ходе развития обнаруживается, что то, что прежде казалось более или менее простым, на самом деле весьма сложно. Появляются новые научные данные, объяснить которые при помощи сложившихся

³ Идея социальной обусловленности психики человека не нова. Она весьма интенсивно развивалась французской социологической школой. Но эта школа, хотя и оказала большое влияние на развитие психологической науки, не нашла последовательно научных, материалистических путей объективного изучения социальной обусловленности человеческой психики (см.: Л. И. Анцыферова [51]).

⁴ Еще раз подчеркнем, что советская психология создавалась коллективными усилиями многих ученых. Определить «ранг» каждого из них — дело довольно трудное. Встречающиеся иногда попытки поднять чье-либо имя над всеми другими без достаточных к тому оснований мнют нанести поступательному развитию науки только вред. Задача изучения психологического наследия состоит вовсе не в том, чтобы распределить психологов согласно «табели о рангах», а в том, чтобы раскрыть суть вклада каждого из них в развивающуюся систему психологического знания.

прежде теоретических концепций, не всегда возможно, или во всяком случае трудно, а иногда — вообще невозможно.

Область явлений, изучаемых психологической наукой, огромна. Она охватывает процессы, состояния и свойства человека, имеющие разную степень сложности — от элементарного различения отдельных признаков объекта, воздействующего на органы чувств, до борьбы мотивов личности; от последовательного образа до фиксированной установки; от специфических перцептивных феноменов до общественного настроения масс людей и т. д. Одни из этих явлений описаны достаточно строго (как того требует наука), описание других, по существу, сводится к простой фиксации наблюдений (иногда даже не строго научных, а просто житейских). Некоторые явления исследуются в течение уже длительного времени, и даже сформулированы законы, которым они подчиняются. О некоторых явлениях лишь просто упоминается в связи с изучением других.

Многообразие явлений, изучаемых психологической наукой, создает, конечно, очень большие трудности в разработке ее общей теории.

Иногда думают, что обобщенное и абстрактное описание изучаемых явлений и их связей — это уже и есть теория. Конечно, такое описание, как и самые фактические данные, на основе которых оно строится, имеет большое значение для развития научной теории. Но этим теоретическая работа не исчерпывается; она включает также сопоставление и интеграцию накапливаемых знаний, систематизацию данных и многое другое; ее конечная цель состоит в том, чтобы раскрыть сущность изучаемых явлений. В этой связи необходимым образом возникают методологические проблемы. Если теоретическое исследование опирается на нечеткую методологическую (философскую) позицию, то возникает опасность подмены теоретического знания эмпирическим, соскальзывания к эмпиризму со всеми вытекающими отсюда следствиями. В этом случае основания обобщений и абстракции часто выбираются произвольно, и поэтому они не только не приближают к конечной цели, но уведут в сторону от нее (иногда — вообще от методов научного познания).

В познании сущности психических явлений важнейшая роль принадлежит категориям диалектического и исторического материализма. Они являются базовыми для психологии.

В некоторых направлениях психологии из всей совокупности категорий по тем или иным причинам иногда выбирается одна, и делаются попытки построить всю систему психологического знания только на ее основе⁵. Конечно, при желании можно все в человеческом бытии и его психике рассмотреть только через призму какой-либо одной категории, поскольку она, обладая всеобщностью, позволяет это сделать. Но нужно ли делать это? Продвигается ли при таком подходе познание природы и сущности психического? На наш взгляд, нет. Он ведет к редуцированию реальной многокачест-

⁵ При этом происходит произвольное и неправомерное расширение некоторых собственно психологических понятий, а научные дискуссии подменяются спором о словах.

венности человеческой жизни. Бытие человека должно быть раскрыто в совокупности многочисленных определений и отношений. Ленин отмечал, что в процессе исследования любого объекта должна быть раскрыта «... вся совокупность многообразных отношений.» [24, с. 202]. Он рассматривал это требование как один из важнейших элементов диалектики.

Любая категория сильна своей всеобщностью. Но она раскрывает только какую-либо одну определенную сторону действительности. Поэтому гиперболизация ее значения, ее абсолютизация, превращение в суперкатеорию опасны. История психологии знает немало примеров того, как абсолютизация какого-либо принципа или категории приводила к «заикливанию» исследований. Такова, например, судьба бихевиоризма, взявшего в качестве единственной базовой категории категорию поведения; в своем крайнем выражении он пришел, как известно, даже к отрицанию психического, т. е. предмета исследования. Та же судьба постигла и реактологию.

Как отмечал Ленин, «перед человеком *сеть* явлений природы» и наши «категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [24, с. 85]. Исследуя эту сеть, мы неизбежно раскрываем **систему узловых пунктов**. Психология, как и любая другая наука, не может плодотворно развиваться на основе одной-единственной категории, как бы важна она ни была. Конечно, в специальных исследованиях допустимо рассматривать ту или иную категорию как центральную, а раскрываемую ею сторону действительности — как самостоятельную и отдельную. Но нельзя забывать, что это — допущение, что те или иные стороны действительности — как отмечал Ленин, — «лишь кажутся самостоятельными и отдельными» [24, с. 178].

Не менее важно подчеркнуть несводимость категорий друг к другу. Раскрывая их соотношения, важно иметь в виду, что эти соотношения, не однозначны, не абсолютны и применительно к анализу разных объектов выступают по-разному. Успехи в разработке методологических проблем психологии и ее общей теории зависят от того, насколько она овладевает системой категорий материалистической диалектики.

В советской психологии особенно интенсивно разрабатываются такие категории, как отражение, деятельность, личность; в последние годы все чаще обращаются к категории общения. Именно они и рассматриваются в данной книге. Понятиями, которые по уровню всеобщности вполне приравниваются к категориям, являются также понятия «социальное» и «биологическое», они также будут рассмотрены.

Перечисленные категории, конечно, не составляют исключительного достояния психологической науки, они используются и другими областями знания⁶. Более того, ни одна из них не является.

⁶ В каждой области научного знания эти категории раскрываются с определенной точки зрения, поэтому в любой науке они должны быть специфицированы, т. е. з них должен быть выявлен именно тот аспект, который является предметом данной науки

психологической в собственном смысле слова. Это — изначально философские и междисциплинарные категории. Но они являются для психологии базовыми, поскольку позволяют раскрывать реальное бытие человека и особенности свойственных ему психических явлений.

Все эти категории используются для разработки методов познания, дающих возможность раскрывать объективные законы психики. Значение каждой из них и взаимоотношения между ними в конце концов определяются тем, насколько они позволяют исследовать предмет психологической науки — человеческую психику.

Именно этой задаче подчинена организация всей системы категорий, применяемых в общей психологии и ее специальных дисциплинах; она выступает в роли «системообразующего фактора» методов познания.

На основе философских категорий (в их диалектико-материалистической трактовке) формируется и развивается собственный понятийный аппарат психологической науки. Без их применения невозможно раскрыть сущность восприятия и мышления, представлений и памяти, эмоций и воли, мотивов и способностей и т. д. При этом важно еще раз подчеркнуть, что в познании сущности психических явлений необходимо использовать систему категорий, которая только и может обеспечить его полноту и всесторонность.

«Чтобы действительно знать предмет, — писал Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» [14, с. 290].

Задача данной книги — показать, почему это ленинское требование является в психологии на современном этапе ее развития особенно важным. В этой связи рассматриваются тенденции развития психологического знания и значение системного подхода, вытекающего из принципов материалистической диалектики, для дальнейшей разработки общей теории психологии (и ее специальных теорий).

Анализ категорий в их отношении к проблемам психологии начинается с категории **отражения**, сформировавшейся в материалистической философии. Здесь нужно отметить, что сложившись в теории познания, она имеет не только гносеологический смысл. В психологии она выступает прежде всего своей онтологической стороной (если пользоваться старыми философскими терминами). В истории были попытки трактовать психику и как особую субстанцию, и как вещество, и как особую форму движения. Категория отражения позволяет определить место психики во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира.

Однако отнести психические явления к категории отражения — еще недостаточно для подхода к их научному исследованию. Нужно выявить специфику психического отражения, отличающую его от всех других форм и уровней отражения, т. е. его *differentia specifica*.

СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И РАЗВИТИЕ ЕЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Решение этой задачи требует изучения деятельности человека (поскольку нас прежде всего интересует человеческая психика), реального бытия психического отражения. Поэтому далее рассматривается категория **деятельности**.

Марксизм трактует эту категорию как общественно-историческую. Именно как таковая она рассматривается в данной книге. Применение категории деятельности позволяет вскрыть функции психического отражения и некоторые существенные его свойства.

Из понимания деятельности как общественно-исторической категории вытекает необходимость исследовать не только индивидуальную деятельность (которая изучалась психологией в течение многих лет), но и совместную.

В свою очередь, это приводит к категории **общения**, также являющейся общественно-исторической. Но она раскрывает иную (по сравнению с категорией деятельности) сторону общественного бытия человека. Применение этой категории дает новый «срез» системы психических явлений.

Но когда речь идет о психологическом анализе деятельности и общения, то нужно иметь в виду, что ни деятельность, ни общение, взятые сами по себе, безотносительно к их субъекту, никакими психическими характеристиками не обладают. Ими обладает общественный субъект деятельности и общения — личность. Поэтому далее рассматривается категория **личности**.

Переход к этой категории позволяет выявить некоторые новые грани системы психических явлений.

При рассмотрении категорий деятельности, общения и личности, естественно, акцент делается на социальной детерминации психики человека. Но психические процессы, свойства и состояния существуют и развиваются не вне человеческого организма. Поэтому в ходе исследования методологических проблем психологии возникает необходимость обратиться к проблеме соотношений **социального и биологического** (понятия эти, как отмечалось, по уровню всеобщности близки к категориям). Анализ этих соотношений дает новый «срез» системы психических явлений.

Такова в общих чертах логика теоретического исследования представленного в данной книге.

В системе современного научного знания проблема человека (а точнее, класс проблем) все более выдвигается на передний план, связанный с перспективами развития этой системы. Уникальность феномена Человека, в котором специфическим образом проявляется единство законов природы и общества, создает особое его положение как объекта научного исследования. Здесь смыкаются интересы фундаментальных общественных и естественных наук, а также научно-практических комплексов: медицинских, педагогических и частично технических наук. Для будущности человечества значение научного познания Человека столь же велико, как значение фундаментальных наук о Природе и Обществе. Система научных знаний о законах развития человека, его истинных потенциалах и ресурсах необходима для общественного развития не в меньшей мере, чем знания о законах развития природы и общества. Возрастание значения того класса проблем, который относится к человеку, является общей тенденцией развития системы научного знания в целом.

В связи с этой тенденцией иногда высказываются суждения о целесообразности создания некоторой особой области знания, единой (одной) науки о человеке: антропологии в широком смысле этого слова. Так, известный французский психолог П. Фресс пишет: «По своей природе человек представляет такой уровень организации, который требует создания отдельной науки» [498]. Близкую позицию занимал также Б. Г. Ананьев [40]. Эта идея — спорная. На наш взгляд, создание единой науки о человеке имеет — во всяком случае сейчас — не больше оснований, чем создание единой науки о природе вообще или об обществе вообще. Во всяком случае, ставить вопрос о ней пока преждевременно. Правда, возможна постановка вопроса (и этот вопрос иногда возникает) о выделении в принятой классификации наук дисциплин, изучающих человека, в качестве особого класса наук (наряду с естественными и общественными).

Действительное же положение дел таково, что человек является объектом комплексного исследования, объединяющего различные науки, каждая из которых имеет свой специфический круг проблем, свои задачи, подходы и методы. Структура этого комплекса и многообразие подходов к изучению человека основательно исследованы Б. Г. Ананьевым [40]. «В системе тех или иных связей,— писал он, — человек изучается то как продукт биологической эволюции —

вид homo sapiens, то как субъект и объект исторического процесса — личность, то как естественный индивид с присущей ему генетической программой развития и определенным диапазоном изменчивости. Исключительно важное значение имеет исследование человека как основной производительной силы общества, субъекта труда и ведущего звена в системе «человек—машина», как субъекта познания, коммуникации и управления, как предмета воспитания и т. д.»[40, с. 5].

Поскольку в развитии человека специфическим образом проявляется единство законов природы и общества, класс относящихся к нему проблем открывает исключительно большие возможности соединения естественных и общественных наук как в фундаментальных, так и в прикладных исследованиях. Более того, изучение человека необходимо требует такого соединения.

§ 1. Психология в системе научного знания

В комплексе наук о человеке важнейшая роль принадлежит психологии. Какая бы проблема (или ее аспект) из того класса, который относится к изучению человека, ни была взята, ее последовательное изучение так или иначе приводит к необходимости анализа того круга явлений, которые принято определять как психические. Эта необходимость отчетливо обнаруживается **в общественных науках**

Исследование процессов и явлений, изучаемых историей, экономикой, этнографией, социологией, лингвистикой, литературоведением, теорией искусства (искусствоведением), юридической, политической науками, необходимым образом приводят к постановке проблем по существу психологических. Нередко социальные процессы и явления не могут быть достаточно полно раскрыты без привлечения знаний о механизмах индивидуального и группового поведения людей, закономерностях формирования стереотипов поведения, привычек, социальных установок и ориентации, без изучения настроений, чувств, психологического климата, без анализа таких феноменов, как подражание, внушение, заражение, без исследования психологических свойств и особенностей личности, ее способностей, мотивов, характера, межличностных отношений и т. д. Коротко говоря: в исследованиях социальных процессов возникает необходимость учета психологических факторов, при этом особенно острой она становится тогда, когда исследователь переходит от общих законов к специальным, от глобальных проблем к частным, от макроанализа к микроанализу.

Психологические факторы, конечно, не определяют социальных процессов, напротив, сами они могут быть поняты только на основе анализа этих процессов. Но эти факторы в зависимости от конкретных условий оказывают либо положительное, либо отрицательное влияние на те или иные события жизни общества

Потребность обращения к теории психологии, ее методам и результатам конкретных исследований возникает и в том случае, когда та или иная общественная наука включается в решение прак-

тических задач. Ведь любая практическая рекомендация реализуется в конкретных действиях конкретных людей, и то, как она будет реализовываться, в значительной степени, зависит от психологических особенностей этих людей.

Логика развития общественных наук ведет к тому, что на их границах с психологическими науками формируется целый «куст» специальных научных дисциплин и направлений. Прежде всего это — *социальная психология*, а также тесно связанные с нею *историческая, экономическая, этническая, юридическая, политическая психология, психолингвистика и психология искусства*. Некоторые из этих областей в нашей стране уже сформировались и успешно развиваются как самостоятельные научные дисциплины (например, социальная психология), другие находятся в стадии формирования и самоопределения (например, юридическая психология, психолингвистика и психология искусства), третьи еще только начинают зарождаться (например, этническая, экономическая и политическая психология).

Проблемы, требующие для своего решения психологических исследований, возникают также в **естественных науках**. Напомним, что одно из первых экспериментально-психологических исследований, а именно времени реакций человека, было проведено в середине прошлого века в связи с потребностями астрономии, а первой специальной психологической дисциплиной явилась *психофизика*, возникшая примерно в то же время. Несколько позднее как ответвление психофизики стала развиваться *психоакустика*.

Одна из наиболее фундаментальных проблем, названная Э. Геккелем «мировой загадкой», над решением которой наука бьется уже в течение длительного времени, — это проблема возникновения и развития психики в процессе биологической эволюции. Для дальнейшего развития биологических наук эта проблема, пожалуй, не менее важна, чем проблема возникновения жизни. Как показал еще А. Н. Северцов [431], психика должна была возникнуть и возникнуть в этом процессе, она стала его важнейшим фактором. Это значит, что изучение процесса биологической эволюции неизбежно требует изучения не только строения и функций живых организмов, но также их поведения, психики. На границах биологии и психологии сформировались такие области знания, как *зоопсихология* и *сравнительная психология*. Когда-то в нашей стране они развивались интенсивно. Однако в последние годы исследований в этих областях проводится очень мало.

Еще более остро психологические проблемы ставятся в тех областях естествознания, объектом исследования которых является высший продукт эволюции — человек. По мере того как, например, физиология обращается от изучения функционирования организма животных к изучению человеческого организма, т. е. с развитием физиологии человека, она вынуждена так или иначе сталкиваться с проблемами психологическими. Напомним, что крупнейшие отечественные физиологи И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. А. Ухтомский,

И. С. Бериташвили, П. К. Анохин и другие видели свою конечную цель именно в том, чтобы раскрыть физиологические основы человеческой психики. Перспективы развития физиологии человека (прежде всего физиологии высшей нервной деятельности и нейрофизиологии) существенно связаны с перспективами развития психологии.

То же можно сказать и о генетике, в особенности о генетике поведения¹. Распространяются ли (или по крайней мере оказывают ли влияние) законы генетики на поведение живых существ (в том числе и человека) и их психические свойства? Этот вопрос является предметом острых дискуссий среди как естествоиспытателей, так и обществоведов. Понятно, что, не разрабатывая теории, раскрывающей сущность поведения и психики и соответствующих строгих методов исследования, ответить на этот вопрос невозможно.

В последние годы наметилось и начало интенсивно разрабатываться еще одно научное направление — исследование биохимических основ поведения и психики. Особенно много работ ведется в области изучения биохимических основ памяти и эмоций. Иногда это направление называют «*психобиохимией*» (psychobiochemistry).

В связи с этими исследованиями уместно вспомнить Ф. Энгельса, который писал: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления?» [7, с. 563]. В приведенном положении обычно подчеркивается его вторая часть: то, что сущность мышления (вообще психического) не исчерпывается биохимическими процессами. И это безусловно верно. Но важна и первая часть этого положения: Энгельс не сомневается в том, что наступит время, когда удастся экспериментальным путем выявить биохимические основы психических явлений. Сейчас это время наступает. Пока еще трудно сказать, к каким результатам приведет исследование биохимических основ поведения и психики. Однако несомненно, что это направление имеет большое значение для последовательно материалистического понимания природы психических явлений.

На границах естественных наук и психологии также формируется и развивается ряд специальных научных дисциплин и направлений: к тем, которые упомянуты выше, нужно добавить *общую, дифференциальную и генетическую психофизиологию* [385].

Так же как и дисциплины, пограничные для общественных наук и психологии, они развиваются неравномерно. Одни уже имеют определенные успехи (например, общая и дифференциальная психофизиология), в других лишь определяется проблематика, подходы и методы исследования (например, психобиохимия).

Однако в любом случае важно подчеркнуть, что к психологическим проблемам обращаются и биологические, и физические, и химические науки. И это диктуется внутренней логикой их развития.

¹ Отметим, что в нашей стране генетика человека, за исключением, пожалуй, ее медицинских аспектов, развивается недостаточно. Почти так же обстоит дело с генетикой поведения. Значительно замедлилось развитие антропологии.

Конечно, каждая из специальных естественных наук и психологии, каждая из психологических проблем, которые диктуются этой логикой, но так или иначе перспективы их развития связываются с перспективами психологии.

Как отмечалось в начале параграфа, человек, а вместе с ним и его психика являются объектом исследования не только фундаментальных естественных и общественных наук, но и научно-практических комплексов.

В медицинских науках необходимость привлечения данных психологии так или иначе возникает при разработке большинства проблем здоровья и болезни. Это прежде всего относится к психическим и психогенным заболеваниям, которые изучаются *патопсихологией* и *психопатологией*².

Но, как известно, не только эти, но и многие другие, чисто соматические заболевания могут возникать и протекать по-разному в зависимости от психологических особенностей личности больного, поэтому и исследования этиологии и протекания заболеваний, а также их профилактики и лечения требуют знания не только строения и функционирования человеческого организма, но и человеческой психики: индивидуально-психологических особенностей человека, его характера, мотивационной сферы, субъективно-личностных отношений и т. д. Психологические свойства человека не только оказывают влияние на процесс заболевания и выздоровления. Они могут выступить и в качестве фактора, обеспечивающего устойчивость по отношению к болезни, фактора сопротивляемости и борьбы с ней. У заболевшего человека формируются, обычно бессознательно, своеобразные психологические приемы защиты и компенсации. Вопросы о том, каковы механизмы влияния психики на заболевание, его протекание и лечение и какую роль психологические факторы играют в сохранении здоровья, требуют специальных исследований. Не меньшее значение для медицинских наук имеет также изучение влияния болезни на психику. Не требует доказательства, что любое (или почти любое) заболевание приводит к тем или иным — иногда более, иногда менее значительным — изменениям самочувствия человека, его настроения, мотивов, установок и т. п.; изменения могут затронуть перцептивные, мнемические, интеллектуальные и эмоциональные процессы.

Уровень и характер влияния заболевания на психику зависит не только от внешних обстоятельств, но и от психологических особенностей заболевшего человека. Кстати сказать, иногда психологические наблюдения позволяют диагностировать болезнь раньше, чем это делается при помощи других методов.

Короче говоря, изучение заболеваний требует анализа изменений не только организма, но и психики больного, т. е. их внутренней, субъективной картины. В связи с этой потребностью на границах между медицинскими и психологическими науками как особая дисциплина формируется и развивается *медицинская психология* [177, 200] и тесно связанная с ней *нейропсихология* [302].

Но значение исследований «психологических составляющих» здоровья и болезни не только позволяет более глубоко и полно понять этиологию и развитие того или иного заболевания, что, конечно, прежде всего важно для его диагноза. Знание психологии может помочь также в определении наиболее эффективных методов лечения. В некоторых условиях эффективными оказываются методы психологического воздействия, система которых получила название

² Не включаясь в дискуссию о соотношении этих дисциплин, которая ведется сейчас широко, отметим только, что они (или она, если только это одна дисциплина) являются пограничными для медицинских и психологических наук.

психотерапия. Изучение психических особенностей пациента Помогает также избежать ятрогических заболеваний.

Психологические исследования открывают новые возможности не только в диагностике и лечении заболеваний, но и в восстановительной терапии, а также в социально-трудовой реадaptации больных и в медицинской (трудовой, судебной и военной) экспертизе.

В связи со все расширяющимся применением в медицине фармакологических веществ, в том числе и действующих на психику, в последние годы начала формироваться новая научная дисциплина — *психофармакология*, связанная с психобиохимией. Изучение психотропных эффектов лекарственных веществ открывает новые возможности для лечения патологических изменений психики, а также для изучения психических процессов и состояний [34].

Итак, в развитии медицинских наук возникают проблемы, решение которых предполагает их связь с психологией. Наряду с биологическими, химическими, физическими (и некоторыми другими) науками к числу базовых для медицины относится также и психология.

Психологические проблемы возникают и в другом научно-практическом комплексе — в педагогических науках. Связи между педагогикой и психологией традиционны. Еще К. Д. Ушинский отмечал, что «если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна узнать его во всех отношениях». В том же случае, если педагогика не опирается на знания о «законах природы и души человеческой, она превращается в простой набор практических советов и рецептов и перестает быть подлинной наукой, способной помочь учителю». В развитии всех областей педагогики: в ее общей теории, дидактике, частных методиках, теории воспитания, школоведении — возникают проблемы, требующие психологического исследования. Знание закономерностей восприятия, памяти, мышления, динамики формирования знаний, навыков и умений, природы способностей и мотивов, психического развития человека в целом имеют существенное значение для решения фундаментальных педагогических проблем, таких, как определение содержания образования на разных ступенях обучения, разработка наиболее эффективных методов обучения и воспитания, оценка результативности педагогических воздействий, совершенствование профессиональной ориентации и др.

Интенсивное развитие науки требует обновления и реконструкции содержания образования. Чему учить современного школьника? Что и как отбирать из той огромной массы информации, которая накапливается наукой, для школы? Эти вопросы вызывают острые дискуссии. Проблема соотношения системы научного знания и учебных предметов является для педагогики важнейшей. Понятно, что при ее решении нужно исходить прежде всего из научно обоснованных прогнозов развития общества (в том числе и науки). Но как бы рационально ни было определено содержание образования, как полно ни были бы учтены при этом перспективы развития общества, как четко на этой основе ни была бы определена систе-

ма учебных предметов (и программ) для школы, нельзя забывать о тех, кто будет овладевать этими учебными предметами — об учащихся, прежде всего об их психических свойствах и возможностях. Каковы возможности и резервы психического развития человека на разных возрастных ступенях? Есть ли какие-либо ограничения (пределы) этих возможностей? В чем состоят особенности каждой ступени? К сожалению, нередко эти вопросы решаются на основе только житейских представлений, которые обычно оказываются неточными и поверхностными. При этом возможности развития то завышаются, то занижаются. В результате процесс обучения организуется так, что либо сдерживает умственное развитие детей, либо приводит к перегрузке, которая может отразиться на их здоровье.

Не менее остро потребность в психологии обнаруживается, когда педагогика обращается к проблемам воспитания. Целью воспитания является формирование личности, соответствующей требованиям развивающегося общества. Вряд ли нужно доказывать, что достижение этой цели предполагает изучение закономерностей процесса формирования личности: ее направленности, способностей и потребностей, мировоззрения, самостоятельности мышления, творческого потенциала и др.

На границах между педагогикой и психологией развиваются *педагогическая психология*, а также связанные с нею *возрастная и детская* (как самостоятельная область) и ряд специальных областей психологии (*тифлопсихология, сурдопсихология* и др.).

Наконец, потребность в психологических исследованиях испытывают и технические науки, прежде всего те, которые связаны с разработкой систем управления, созданием роботов, компьютеров, систем коммуникации и средств отображения информации. Данные о психических функциях, процессах и свойствах человека необходимы техническим наукам в двух планах. Во-первых, для того чтобы заранее определить, как будет работать человек с создаваемыми техническими устройствами. Во-вторых, эти данные иногда могут служить основой технических решений при создании устройств, имитирующих некоторые характеристики психических процессов и функций (например, при разработке искусственных органов чувств [496]).

Как известно, данные психологии сыграли определенную роль в формировании кибернетики, послужившей теоретической основой ряда новых направлений в технических науках (см.: Н. Винер [118]). В свою очередь кибернетика оказала стимулирующее влияние на психологические исследования (прежде всего познавательных процессов и механизмов регуляции поведения).

На границах технических и психологических наук также формируются специальные дисциплины и направления. Важнейшей среди них является *инженерная психология*, изучающая психические явления с целью решения инженерных задач.

Инженерная психология сыграла решающую роль в формировании особого комплекса, получившего название «эргономика». Наряду с психологическими (прежде всего инженерной психологией и

психологией труда) этот комплекс включает ряд медицинских (гигиену труда и др.), биологических (физиологию труда, антропометрию и ряд других) наук, которые совместно разрабатывают практические задачи повышения эффективности и надежности систем «человек—техника—среда».

Подходы и принципы, сложившиеся в инженерной психологии, в значительной мере определили теоретическую базу эргономики; инженерная психология повлияла также на ее проблематику и методы исследования³.

Перечень психологических дисциплин, формирующихся на границах с другими науками (выделенных в тексте курсивом), конечно, не претендует на полноту и четкую структурированность. Но он дает общее представление о широте связей психологии с фундаментальными общественными и естественными науками, а также научно-практическими комплексами, определяющих ее место в системе современного научного знания и тенденции ее развития.

Заключая рассмотрение вопроса о потребностях в психологических исследованиях, возникающих в ходе развития научного знания, необходимо коснуться (хотя бы кратко) науки о всеобщих законах природы, общества и мышления — философии.

Для развития марксистско-ленинской философии значение психологии исключительно велико.

Накапливаемые в ней конкретные данные, разрабатываемые концепции и теории подтверждают правильность диалектико-материалистического решения основного вопроса философии. Они имеют прямое отношение к теории познания и диалектике.

Рассматривая вопрос о тех областях знания, «из коих должна сложиться теория познания и диалектика», Ленин в качестве важнейших назвал следующие: историю философии, историю отдельных наук, историю умственного развития ребенка, историю умственного развития животных, историю языка, плюс психологию, плюс физиологию органов чувств [24, с. 314]. Как видим, в этот перечень включена группа научных дисциплин, исследующих фундаментальные проблемы психологии.

В общей психологии накоплено немало данных о структуре, динамике и закономерностях познавательных процессов, в возрастной и педагогической — об умственном развитии ребенка, в зоопсихологии и сравнительной психологии — об умственном развитии животных. Философское осмысление всей совокупности этих данных составляет важнейшее условие дальнейшей разработки материалистической теории познания и диалектики.

Без серьезной опоры на результаты психологических исследований немислима философская разработка и таких проблем, как роль субъективного фактора в историческом процессе, в социальной организации и управлении обществом, соотношение сознательного

В разных странах формирование эргономики протекало по-разному. В СССР ее исходной базой явилась инженерная психология, в США — экспериментальная прикладная психология (близкая к инженерной), в Англии и некоторых других странах — гигиена труда.

и стихийного в революционном движении, познавательная деятельность человека, творческое мышление, роль интуиции в познании, и многих других.

Таким образом, сама логика развития всей системы научного знания диктует постановку проблем, которые относятся к компетенции психологии. В связи с этим существенно изменяются положение и роль психологической науки в данной системе. Она становится важнейшим звеном, связующим целый ряд различных областей научного знания, в определенном аспекте синтезируя их достижения. Без ее всестороннего развития невозможно обеспечить полноценные взаимосвязи между биологией и историей, медициной и педагогикой, техникой и экономикой и другими науками в изучении человека и решении практических задач, относящихся к человеческому фактору в жизни общества (подробнее см. следующий параграф).

Особое положение психологии в системе научного знания было показано Б. М. Кедровым. В предложенной им классификации психология расположена в самом центре «треугольника наук». Роль психологии как связующего звена между естественными и общественными науками подчеркивалась также Ф. В. Константиновым. Наиболее полно этот вопрос разработан Б. Г. Ананьевым.

Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или во всяком случае большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек⁴. Как отмечал Ананьев, именно в этом состоит ее историческая миссия, с этим связаны перспективы ее развития. Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции — это, конечно, задача философии.

Широкий фронт связей психологии с другими фундаментальными науками и научно-практическими комплексами (и связанное с этим ее особое положение в системе наук) является важным фактором ее развития, в значительной мере обуславливает специфику дифференциации и интеграции психологического знания.

В психологии как особой области знания объединяется целый ряд специальных дисциплин, связи между которыми далеко не всегда видны на поверхности (например, психофизиология и социальная психология). Но, несмотря на свою порой кажущуюся «несовместимость», они все тем не менее относятся к единой области знания. В конце концов их общая задача состоит в изучении сущности одного и того же класса явлений — психических. Базой объединения всех специальных психологических дисциплин является *общая психология*, экспериментально и теоретически разрабатывающая основные психологические проблемы.

⁴ Ряд психологических дисциплин изучает, конечно, и животных, что уже отмечалось. Но в конечном счете и они перспективно нацелены на проблемы психики человека, ее происхождения и качественного своеобразия

Экстенсивная дифференциация психологической науки создает, конечно, немалые трудности для синтеза накапливаемых в ней данных. Порой различие подходов и методов, используемых в разных специальных психологических дисциплинах, «заслоняет» общие задачи. Совместная работа психологов иногда выглядит как строительство библейской «вавилонской башни».

И тем не менее главный объект исследования всей системы психологических дисциплин один и тот же. Это — человек, его психические процессы, состояния и свойства.

Изучая их, психология использует достижения всех других наук, разрабатывающих в той или иной связи проблему человека. И она не может развиваться, не используя эти достижения. Трудно рассчитывать на серьезные успехи в исследовании психических процессов как функций мозга (и понять их специфику), не опираясь на ту совокупность данных, которые накоплены в других науках о мозге. Точно так же нельзя исследовать психологические характеристики личности и ее социального поведения, не опираясь на знания объективных законов жизни общества.

Известно, что психология как самостоятельная область науки начала формироваться позднее других (если не всех, то многих) фундаментальных наук. И этот факт не случаен. Он вполне закономерен. Ее формирование не могло начаться прежде, чем другие науки не достигли определенного уровня развития, т. е. прежде чем не была создана необходимая научная база, которая позволила бы вычленилть собственно психологические проблемы и наметить пути их решения.

Конечно, некоторые общие идеи относительно природы и сущности психики высказывались в процессе развития философии начиная с древнейших времен. В развитых философских системах психология выступала как их относительно самостоятельная часть. Так в заключительной части «Энциклопедии философских наук» Гегеля, — в «Философии духа» — есть специальный раздел, посвященный психологии; по существу, психологические проблемы рассматриваются им также в разделах антропологии и феноменологии духа. Гегель формулирует ряд проблем, которые впоследствии стали предметом конкретных (в том числе и эмпирических) исследований. Конечно, психика трактуется им идеалистически.

Проблемы ее природы и сущности психики разрабатывались и в материалистической линии развития философии. Именно здесь сложились общие предпосылки возникновения психологии как науки. В истории этой линии можно найти немало интересных и ценных идей и наблюдений, сыгравших большую роль в формировании объективного подхода к изучению психических явлений.

Однако философские трактовки психики (и материалистические и тем более идеалистические) были весьма абстрактными и не могли сами определить возникновение психологии как специальной области науки. Они разрабатывались главным образом в связи с решением основного вопроса философии: об отношении сознания и мышления к бытию, а также в этических и эстетических учениях.

Развитие материалистической философии подготовило почву для того, чтобы психические явления, трактуемые идеализмом как существующие вне и независимо от материи, стали рассматриваться как особое свойство материи. Но благодаря этому сложились лишь общие предпосылки выделения психологии в особую область научного знания. Чтобы эти предпосылки реализовались, потребовался длительный путь развития конкретных (специальных) наук о природе и обществе.

Непосредственные предпосылки ее возникновения формировались в развитии прежде всего естественных наук. Именно в них проблемы психологии были сформулированы как конкретно-научные. Решающую роль в возникновении некоторых направлений психологической науки сыграла эволюционная теория Ч. Дарвина, который, кстати, сам сформулировал ряд гипотез относительно законов и механизмов некоторых психических явлений⁵. Разработка проблем развития жизни и возникновения человека неизбежно вела к постановке проблем возникновения и развития психики.

Что касается общественных наук, то в ходе их развития также формировались проблемы, идеи и гипотезы, по существу относящиеся к психологии.

Революционизирующая роль в развитии этих наук принадлежит учению Маркса о развитии общества как естественноисторическом, т. е. подчиняющемся объективным законам, процессу. Не случайно Энгельс и Ленин сравнивают научный подвиг Маркса в общественном развитии с подвигом Дарвина в естествознании. Исследование объективных законов развития общества также неизбежно вело к постановке психологических проблем, таких, как происхождение и историческое развитие человеческой психики, ее качественного своеобразия (в отличие от психики животных), деятельности, общения, личности, взаимоотношения общественного и индивидуального сознания и др.

Конечно, перечисленные проблемы ставились и в немарксистских направлениях общественнознания. Но лишь марксистское учение об обществе определило пути объективного изучения социальной детерминации психики человека и создано реальную основу научного решения этих проблем.

Таким образом, именно в ходе развития естественных наук, с одной стороны, и общественных — с другой, складывалась проблематика психологической науки.

В этом процессе формировались и ее методы. На первых порах использовали те методы, которые сложились в связи с разработкой других проблем и для других целей. Но в ходе собственно психологических исследований эти методы трансформировались, уточнялись, совершенствовались применительно к проблемам психологии.

Психология часто заимствовала из других наук также теоретические схемы и концепции (одним из примеров такого заимствования

⁵ Теория Дарвина оказала существенное влияние на развитие всей системы биологических наук, что, конечно, также повлияло на процесс становления психологии.

ния может служить принцип рефлекторной дуги). Однако попытки их последовательного применения, как правило, показывали их ограниченность и односторонность. Нередко эти попытки приводили к утрате качественной определенности психических явлений, к их подмене явлениями другой природы и даже к отрицанию реальности психики. Под сомнение ставился вопрос и о статусе психологии как самостоятельной области научного знания. Споры о предмете психологии и подходах к его исследованию пронизывают всю историю ее развития. Иногда в борьбе с психологией высказывались аргументы типа: поскольку наука показывает, что души нет, не может быть и психологии как науки. Это, конечно, наивный аргумент, не способствующий развитию знания (не только психологического, но и научного знания в целом).

Да, конечно, Души, как некой самостоятельной субстанции, нет. Но психические явления — это неоспоримая реальность, причем такая, которая проявляется в жизни человека мощнейшим образом.

Трудно даже на минуту представить себе человека просто как созданный эволюцией своего рода биологический или физиологический «препарат» или биофизическое устройство, без субъективности восприятия, без человеческих эмоций, переживаний, отношений — словом, без того, что принято называть «субъективным миром».

Столь же трудно представить его и как некий «сгусток социума», «социальную монаду», поведение которой жестко и однозначно диктуется «общественной машиной». Законы общества не существуют вне деятельности живых людей, обладающих сознанием и волей, желаниями и потребностями — психическими качествами.

Следование принципам научного познания вовсе не требует отказываться в существовании явлениям, пути исследования которых еще не вполне ясны. Наоборот, они требуют активного поиска этих путей, поскольку на фоне «белых пятен» на «карте» научного знания и то, что уже хорошо изучено, часто выглядит искаженно.

Вопрос о том, как родившийся живой комочек материи в процессе развития становится общественно активным человеком, обладающим сознанием и волей, эмоциями и разумом, характером и талантом, не может быть просто отвергнут наукой. Этот процесс закономерен, хотя бы только потому, что он повторяется миллиарды раз. Вопрос о том, как этот процесс происходит, должен быть решен, а это невозможно сделать, минуя психологию (хотя, конечно, в ее взаимодействии с другими науками).

Когда к исследованию психических явлений применяются теоретические схемы и методы, сложившиеся в других науках, и оказывается, что они не раскрывают существа этих явлений, такую попытку неверно оценивать как совершенно бесплодную. Здесь важен не только позитивный, но и негативный результат, не всегда очевидный; вывод о том, что психическое не может быть сведено к явлениям, имеющим другую качественную определенность. Это значит, что оно обладает качественным своеобразием.

Механический перенос методов и теоретических схем одной пау-

ки в другую ведет к таким упрощениям, которые смазывают качественные различия изучаемых явлений; происходит «соскальзывание» с одного предмета на другой, что часто называют редукционизмом.

В последние годы о редукционизме в психологии говорят довольно много. Часто в научных дискуссиях этот термин используется даже как жупел. Не следует, однако, забывать уроков истории, хотя бы эти уроки и относились к другой науке. В свое время острая борьба между «организмистами» и «редукционистами» велась в биологии. Однако многие из тех результатов, которые были получены «редукционистами», явились основой молекулярной биологии [536].

Обсуждая проблему редукционизма, важно иметь в виду одну тонкость. Если методы и концептуальные схемы других наук применяются в психологии с целью исследовать место и роль психических явлений в системе других явлений действительности, вскрыть их предпосылки и основания их качественного своеобразия, то это не только допустимо, но и необходимо. Это — неизбежный момент познания. Когда же эти методы и схемы абсолютизируются, применяются без учета качественных различий изучаемых явлений, тогда действительно возникает опасность подмены предмета исследования — редукционизм в дурном смысле слова: делается вывод о том, будто бы то, что в эти схемы не укладывается и этими методами не обнаруживается, не существует. Такой способ использования достижений пограничных наук есть не что иное, как проявление метафизического подхода. Для психологии (и не только для нее) опасно не само по себе применение методов и теорий, сложившихся в других науках, страшны неправомерное расширение сферы их действий, их абсолютизация. Каждая теоретическая схема, каждое понятие, каждый метод, заимствованные из других наук, должны пройти через «горнило методологии».

Подмена психологии физиологией или социологией, конечно, не содействует прогрессу знаний о сущности психических явлений. Однако их исследование необходимым образом требует опоры на достижение и физиологии и социологии.

В психологии говорят о разных формах редукционизма: физиологическом, биологическом, кибернетическом, социологическом, математическом и т. д. («множественный редукционизм», который может при абсолютизации привести к плюралистической позиции). Нередко, критикуя какую-либо одну его форму, ей противопоставляют другую: например, физиологическому редукционизму — социологический. В борьбе с редукционизмом иногда пытаются рассматривать психические явления как замкнутый в себе субъективный мир, безотносительно к их материальному субстрату и окружающей среде, т. е. соскальзывают к феноменологическим позициям. Но феноменологизм не преодолевает редукционизма. Его действительной антитезой (любых его форм) является диалектико-материалистический подход. Особенно большое значение для психологии сейчас приобретает сформировавшийся в русле этого подхода принцип системности, который должен обеспечить синтез все-

го того ценного для понимания психики, что накапливается и в физиологии, и в биологии, и в социологии и в других областях науки, а вместе с тем раскрыть качественную специфику психических явлений.

Взаимосвязи психологии с другими науками диктуются не только логикой (законами) процесса научного познания, но и самой сущностью познаваемого объекта. В их многообразии отражается объективное многообразие связей и отношений, в которых существует и развивается психика как реальность.

При обсуждении вопроса о положении психологии в системе научного знания основное внимание было уделено ее взаимосвязям с другими науками, т. е. взаимосвязям, которые можно обозначить как внешние.

Но прогресс психологического знания предполагает также и развитие связей между самими специальными психологическими дисциплинами, т. е. связей внутренних. Любая из них — возникла ли она на границах с естественными или с общественными науками — раньше или позже, но неизбежно обращается к достижениям других психологических дисциплин, а в конечном счете — ко всему «спектру» основных проблем психологии.

Так, психофизика, возникнув на границах психологии и физики, логикой своего развития вынуждена обращаться к результатам, накапливаемым не только теми дисциплинами, которые связывают психологию с естествознанием, но и теми, которые связывают ее с общественными науками. В свою очередь социальная психология все чаще обращается к данным психофизики, психофизиологии и других психологических дисциплин, развивающихся на границах с естественными науками.

Психологическое знание, таким образом, органически объединяет позиции естествознания и обществоведения в изучении человека.

Взаимосвязи психологических наук — как внешние, так и внутренние — являются важнейшим условием ее прогресса. В зонах этих взаимосвязей содержатся большие резервы развития психологического знания.

Именно здесь в первую очередь возникают новые проблемы, открываются возможности поиска новых путей исследования, формируются новые методы, получают новые факты, создаются новые концепции и теории.

Заканчивая этот параграф, еще раз подчеркнем, что психология формировалась и развивается в неразрывной взаимосвязи с другими областями научного знания. В зонах этих взаимосвязей содержатся большие резервы развития психологического знания. Именно здесь в первую очередь возникают новые проблемы, открываются возможности поиска новых путей наследования, формируются новые методы, получают новые факты, создаются новые концепции и теории.

Особенности развития психологического знания зависят не только от связей психологии с другими науками. Не в меньшей (а скорее, в большей) степени они определяются возрастающими потребностями общественной практики. Как известно, прежде психологией была преимущественно теоретической (мировоззренческой) дисциплиной, теперь же, сохраняя свою познавательную роль, она все более становится и областью особой профессиональной практической деятельности в промышленности, государственном управлении, системе образования, в здравоохранении, культуре, спорте и т. д.

Включение психологической науки в решение практических задач существенно изменяет и условия развития ее теории.

В социалистическом обществе психология, как и все другие науки, полностью поставлена на службу человеку труда. И в этом она видит свою высшую благородную цель.

Задачи, решение которых требует психологической компетенции, возникают в той или иной форме во всех сферах жизни общества, что определяется возрастающей ролью так называемого человеческого фактора. Под «человеческим фактором» понимается широкий круг социально-психологических, психологических и психофизиологических свойств, которыми обладают люди и которые так или иначе проявляются в их конкретной деятельности, оказывая влияние на эффективность и качество этой деятельности. Речь идет о потребностях и способностях человека, о мотивах его поведения, его интересах и творческих возможностях, трудоспособности и работоспособности, об интеллекте и эмоциях, о воле и характере, сознании и самосознании, о формировании социальных установок и ценностных ориентации и т. д.

Кратко перечислим важнейшие задачи, поставленные перед психологией общественной практикой в условиях развитого социализма⁶.

Выявление резервов роста производительности труда. Достижения техники и технологии, совершенствование системы экономического планирования и управления производством открывают мощные резервы роста производительности труда и повышения эффективности производства, по они могут быть по-настоящему реализованы только при условии развития творческой активности человека. Наряду с резервами, создаваемыми научно-техническим прогрессом и развитием экономики, все большее значение на современном этапе приобретают резервы главной производительной силы социалистического общества — свободного от эксплуатации человека⁷.

⁶ Подробнее см.: [286; 289; 291].

⁷ Когда речь идет о человеке как главной производительной силе общества, то имеется в виду «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [8, с. 178]. При этом психологию прежде всего интересуют «индивидуальные

Есть основания полагать, что по мере все более полного использования резервов, открываемых техникой и экономикой, роль человеческих (прежде всего психологических) факторов производительности труда будет непрерывно возрастать.

На современном уровне развития производительных сил общества особенности человеческого фактора связаны прежде всего с изменением характера общественного труда. С одной стороны, неуклонно возрастает численность работников, занятых по преимуществу умственным трудом, с другой — в условиях современного производства труд значительной части рабочего класса все более насыщается интеллектуальным содержанием, сближается с трудом умственным.

Изменение характера труда обусловлено также тем, что научно-техническая революция привела к небывалому росту технической оснащенности производства. В этих условиях растут требования к интеллектуальным функциям человека, его волевым и эмоциональным качествам. Значительно возрастает ответственность специалистов, управляющих автоматизированными системами. Их ошибки чреваты катастрофическими последствиями, связанными с нарушением технологических процессов, выходом из строя сложных технических систем, авариями и т. п.

Наконец, роль психологических (особенно социально-психологических) факторов значительно повысилась в связи с быстрым ростом образования и культуры советских людей в сочетании с достигнутым уровнем благосостояния.

Все это привело к тому, что психологические факторы становятся важнейшим резервом роста общественной производительности труда, а их научное исследование — задачей большой государственной важности.

Существенным моментом совершенствования трудовой деятельности человека является ее психологический анализ: в частности, выявление обусловленных этой деятельностью требований к восприятию и вниманию, памяти и мышлению, эмоциям и воле человека и определение наиболее эффективных путей формирования важных для той или иной конкретной деятельности психологических качеств. Сюда же относится изучение строения (структуры) трудовой деятельности, определение ее основных «составляющих», взаимоотношений между ними, динамики деятельности и механизмов ее регуляции.

Эти и ряд других вопросов, а также связанных с ними практических задач составляют предмет особой научной дисциплины — *психологии труда*. Отметим, что данная область прикладной психологии, изучающая психологические факторы эффективности и качества труда, начала формироваться одной из первых, ее возникновение связано с исследованиями рабочих движений, проведенными И. М. Сеченовым.

Поскольку деятельность человека является ведущим компонентом производственного процесса, естественно, что при любом его изменении возникает вопрос: как это изменение повлияет на деятельность, а вместе с тем и на психику человека? В одних случаях оно может повести к усложнению человеческой деятельности, а соответственно к увеличению нагрузки на «психическую сферу», в других — к упрощению, связанному с обеднением содержания деятельности. И тот и другой варианты требуют специального психологического изучения.

рабочие силы», из бесчисленного множества которых, — как отмечал К. Маркс, — состоит вся рабочая сила общества» [Там же, с. 47].

Деятельность, психологически сложная по своей структуре (включающая, например, переработку большого объема информации), требует от человека высокого нервно-психического напряжения. При ее выполнении нередко допускаются ошибки и развивается преждевременное утомление. Выполнение упрощенной, психологически обедненной деятельности вызывает у многих людей чувство однообразия (монотонности), скуку, потерю интереса и также преждевременное утомление. В конечном счете в обоих случаях производительность труда оказывается невысокой. В этой связи возникает задача определения меры психологической сложности той или иной трудовой деятельности в каждом конкретном случае и путей нейтрализации отрицательного влияния как ее усложнения, так и упрощения (см.: Венда [115]).

Важную научную задачу составляет изучение механизма влияния психологических факторов на динамику работоспособности человека — как физической, так и умственной. Эти факторы могут, как известно, либо содействовать сохранению работоспособности на высоком уровне в течение длительного времени и препятствовать развитию утомления, либо действовать противоположным образом. Целостная картина динамики работоспособности и управляющих ею механизмов вряд ли может быть получена без детального изучения ее психологических составляющих.

Серьезная роль принадлежит психологии в решении вопросов обеспечения безопасности труда и предотвращения травматизма, обусловленного психологическими факторами (нарушение внимания, неадекватное восприятие и т. п.). Использование известных в психологии законов восприятия, внимания и памяти при оформлении наглядных средств по технике безопасности может значительно повысить их эффективность. Данные психологии важны также для формирования таких черт поведения человека на производстве, которые бы обеспечивали его безопасность (определенная система привычек и навыков и т. п.).

Психология труда участвует также в решении задачи повышения уровня мотивации трудовой деятельности, от характера которой существенно зависит эффективность морального и материального стимулирования труда. Нужно отметить, что часто понятия «мотив» и «стимул» отождествляют. Между тем это не одно и то же. Мотив — это то, что побуждает человека к деятельности, является внутренней силой поведения. Стимул — это внешнее воздействие. Действие стимула опосредовано психикой человека: его чувствами, настроениями, интересами, склонностями, взглядами и т. д. Поэтому стимул лишь тогда становится реальной побудительной силой, когда он превращается в мотив. Важнейшей задачей психологии труда является изучение закономерностей такого превращения, его механизмов, факторов и условий, влияющих на него.

В решении задач повышения производительности труда участвуют, конечно, не только психология труда, но и другие психологические дисциплины. Типичным для социалистического общества является коллективный характер труда. Проблема организации и развития трудовых коллективов включает много аспектов: экономический, социальный, политический, социально-психологический. Когда говорят об этом последнем, то имеются в виду такие момен-

ты жизни коллектива, как «психологический климат», «настроение коллектива», «межличностные отношения», механизмы подражания, внушения, сопереживания (см : [80; 321, 322; 360; 403]).

Социально-психологические факторы существенно влияют на такие характеристики трудового коллектива, *шк* уровень организованности (сработанности), способы обмена информацией между его членами, уровень коллективной инициативы и «творческого потенциала», а в конечном счете — на производительность труда.

Игнорирование этих факторов в организации труда обычно приводит к возникновению «психологических барьеров», межличностным конфликтам и т. п. Так, реорганизация коллектива, диктуемая экономическими, технологическими и иными соображениями, может привести к возникновению конфликтов в сфере межличностных отношений. Реализация подобных мероприятий протекает болезненно, если не учитываются социально-психологические особенности сложившегося коллектива и не проводится специальная психологическая подготовка.

«Психологические барьеры» иногда возникают также при введении новой техники и новых методов труда. Их причиной является столкновение между новыми требованиями, определяемыми новой техникой (или методами), и сложившимися стереотипами совместной деятельности (привычные подходы к решению задач, привычные способы обмена информацией и т. п.)

В связи с развитием рационализаторства и изобретательства перед психологией ставится задача изучения законов и механизмов творчества в различных видах трудовой деятельности.

Определенное участие в решении задачи повышения производительности труда принимают (могут принять) педагогическая, возрастная, дифференциальная, медицинская и некоторые другие психологические дисциплины.

Исследуемые каждой из них закономерности и разрабатываемые на этой основе практические рекомендации могут дать (и реально дают) существенный технико-экономический эффект, помогают вскрыть неиспользованные резервы роста производительности труда.

Одновременно — и это не менее важно — использование таких научно обоснованных рекомендаций позволит совершенствовать трудовой процесс так, чтобы обеспечить развитие психологических свойств и возможностей каждого человека, чтобы труд действительно стал его жизненной потребностью.

Проектирование, разработка и эксплуатация техники. В условиях комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, использования вычислительной техники и роботов изменяется характер человеческой деятельности: повышается значение действий, связанных с приемом и переработкой информации, принятием решения; снижаются физические нагрузки, но вместе с тем возрастают требования к «интеллектуальной сфере» человека, его волевым и эмоциональным качествам.

В связи с этим возникает задача учета человеческих (в первую

очередь психологических) факторов при проектировании, разработке и эксплуатации техники. Чтобы решить эту задачу, необходимо иметь данные о возможностях человека по приему, переработке и хранению информации, о процессе принятия решения, о структуре и механизмах психической регуляции его деятельности, о причинах ошибок, допускаемых при управлении техникой, о факторах, влияющих на психические состояния человека, и т. д. Проектирование технических устройств должно предусматривать также и проектирование деятельности людей, которые будут этими устройствами пользоваться (имеются в виду требования деятельности к психическим свойствам человека, психическим процессам и состояниям).

Можно отметить несколько тенденций, определяющих изменения условий и характера деятельности человека, связанных с научно-техническим прогрессом.

Во первых, увеличивается количество объектов, процессов (и их параметров), которые человек должен контролировать или которыми он должен управлять, при этом нередко — одновременно. Это значит, что возрастает объем информации, адрес емой человеку.

Во вторых, расширяется диапазон скоростей процессов, контролируемых человеком. В этой связи ему иногда приходится работать в условиях дефицита времени, что создает высокое эмоциональное напряжение, иногда, напротив, — в условиях очень медленных изменений процесса, что приводит к рассеиванию внимания, повышению порога чувствительности, снижению готовности к действию, т. е. к психологической демобилизации.

В-третьих, человеку, управляющему современной техникой, приходится работать в весьма разнообразных (часто — необычных и непривычных) условиях повышенного или пониженного атмосферного давления, низких и высоких температур, шума, вибраций, перегрузок и невесомости, в замкнутом ограниченном пространстве и т. д. Эти условия оказывают определенное влияние на психические процессы и состояния человека.

В четвертых, человек, работающий с техникой, как правило, не имеет возможности наблюдать управляемые процессы непосредственно. Между ним и управляемым объектом как бы вклинивается целая система технических устройств, кодирующих адресуемую ему информацию. Способы ее кодирования весьма разнообразны. Человек воспринимает не самый управляемый процесс (или объект), а его информационную модель. Необходимость принимать решения и выполнять управляющие действия не по непосредственному наблюдению, а на основе информационной модели — это, пожалуй, самая характерная особенность деятельности человека, управляющего техникой. Чтобы понять реальную ситуацию и принять то или иное решение, он должен не просто воспринять сигналы, отображаемые на приборах, но и расшифровать, декодировать их. Иногда декодирование оказывается очень трудной умственной задачей, решение которой требует большого времени и нервно-психического напряжения. Если информационная модель создается без учета характеристик и закономерностей восприятия, памяти и мышления, то она не только не облегчает работу оператора, но, напротив, затрудняет ее.

В связи с перечисленными тенденциями возникает много вопросов, относящихся к психологическим и психофизиологическим характеристикам человека. Например, какое число показаний приборов он может воспринять в единицу времени? Какова скорость переклочки внимания? Насколько быстро, точно и надежно человек может расшифровать ту или иную приборную информацию? Какой способ передачи информации наиболее психологически удобен для человека? Как измерить напряженность труда? Как обеспечить адаптацию человека к новым условиям? и т. д.

Если при создании новой техники психологические характеристики человека не учитываются, то, управляя ею, он будет неизбежно допускать ошибки. Эта проблема вызвала к жизни особую психологическую дисциплину — инженерную психологию [194; 281]. В решение этой задачи включаются и некоторые другие дисциплины: дифференциальная, возрастная, медицинская, педагогическая психология. Разрабатываемые ими рекомендации служат делу повышения эффективности и надежности систем «человек—машина».

Совершенствование систем управления народным хозяйством.

Как и все другие крупные задачи, возникающие в общественной практике (включая перечисляемые здесь), эта задача также является комплексной. Ее решение требует изучения широкого круга вопросов. Одни из них относятся к разработке электронно-вычислительных машин и их использованию в управлении предприятиями, другие — к применению экономико-математических методов в разных отраслях народного хозяйства, третьи — к организации управленческого труда и т. д. Но какой бы из вопросов ни был взят, его решение связано с необходимостью изучения и учета человеческих факторов. Поскольку управление включает как важнейший компонент руководство деятельностью людей, его совершенствование предполагает использование знаний о человеке, о закономерностях деятельности и поведения, о возможностях и способностях человека, о психологических различиях между людьми, об их взаимодействиях в трудовых коллективах.

Без знания этих закономерностей трудно добиться высокой эффективности управления; они необходимы руководителю современного производства не меньше, чем, например, знания в области технологии или экономики.

Недоучет или недостаточное понимание психологических аспектов управления, как показывает опыт, приводит к возникновению конфликтов, высокой текучести кадров, нарушениям трудовой дисциплины. Нечеткая организация управления порождает и такой специфический социально-психологический феномен, как «диффузия ответственности».

Все это в конечном счете приводит к снижению производительности труда и оборачивается большими экономическими потерями.

Напротив, разумное использование психологических факторов позволяет подчас относительно «малыми» средствами получать значительный экономический эффект.

В связи с тем что в процессах управления участвуют большие взаимосвязанные коллективы людей, возникает необходимость разработки и ряда социально-психологических проблем. Для науки управления проблема коллектива выступает в двух аспектах. С одной стороны, трудовой коллектив является объектом управления. Поэтому закономерности формирования и развития коллектива, его структуру и динамику нужно знать для того, чтобы в каждом конкретном случае находить наиболее эффективные средства воздействия на него. С другой стороны, сама управленческая деятельность в условиях современного производства также является коллектив-

ной, т. е. коллектив выступает и в роли субъекта управления. Поэтому соответствующие знания о коллективе необходимы и для того, чтобы понять, как формируется коллективное решение и управляющее воздействие, от каких условий взаимодействия людей они зависят, а значит, определить и наиболее эффективные формы и способы деятельности управляющих коллективов.

Психологические исследования важны также для оценки эффективности тех или иных управляющих воздействий. Особое значение в этой связи имеет изучение структуры и механизмов поведения как коллективов, так и отдельных людей. Руководство людьми неизбежно включает педагогический момент, поэтому в разработке проблем, которые ставит перед психологией задача совершенствования управления, немаловажное место принадлежит данным педагогической психологии, изучающей психологические аспекты процессов обучения и воспитания⁸.

Ленин сравнивал руководителя с дирижером, которому должно быть точно известно, кто, где и какую скрипку ведет, где, как и какому инструменту обучался, где, кто и почему фальшивит, кого, как и куда надо поставить для исправления диссонанса, перевести и т. п. Он настаивал на необходимости «внимательно-индивидуализирующего отношения» к каждому человеку. В развитии этого ленинского принципа руководства в решении вопросов подбора, подготовки и расстановки кадров определенное значение имеют исследования индивидуально-психологических различий между людьми.

Таким образом, задача совершенствования систем управления народным хозяйством ставит ряд психологических проблем. Их разработка предполагает инженерно-психологический анализ построения и использования техники в системах управления, социально-психологическое изучение производственных и управленческих коллективов, психолого-педагогическое исследование подготовки руководящих кадров, изучение психологических аспектов управленческого труда.

Эти проблемы требуют и новых форм взаимосвязи между психологией труда, социальной, инженерной, педагогической психологией и некоторыми другими областями психологической науки.

В последние годы на базе психологии и науки управления формируется особая дисциплина — *психология управления* (или *организационная психология*).

Совершенствование сферы обслуживания. Человек включен не только в процессы производства. Он включен также в процессы распределения продуктов труда и их потребления (общественного и индивидуального).

Система процессов распределения и потребления образует особую относительно самостоятельную область общественной жизни — сферу обслуживания.

⁸ Имеются в виду в первую очередь те разделы педагогической психологии, которые связаны с обучением и воспитанием взрослых людей.

До недавнего времени научное исследование этой сферы ограничивалось рассмотрением экономических, организационных, технологических и товароведческих проблем. Между тем сфера обслуживания — это сфера работы с людьми и потому имеет сильный психологический аспект, требующий специального изучения. К сожалению, это направление психологии развивается у нас еще очень и очень слабо [250].

Не претендуя на определение этой новой, еще только зарождающейся области психологических исследований, отметим лишь некоторые проблемы, имеющие большое практическое значение.

К таким проблемам относятся проблема спроса и неразрывно связанная с ней проблема потребностей. Понятно, что их разработка предполагает совместные усилия ряда наук, прежде всего экономики, социологии и психологии. Экономика и социология исследуют развитие человеческих потребностей (и соответственно спроса), имея в виду большие группы людей и общество в целом. Они имеют дело с макромасштабным рассмотрением потребностей.

Но, как известно, потребности варьируют от одной общности людей к другой, от культуры к культуре, от индивида к индивиду, от одного дня к другому у одного и того же индивида. Это создает необходимость дополнить макромасштабный анализ общей картины развития потребностей анализом тех микропроцессов, в которых отражаются исторически обусловленные изменения потребностей и из которых эти изменения складываются. Именно эти микропроцессы (по отношению к жизни общества в целом) и находятся в центре внимания психологии. Но, исследуя их, психология стремится вскрыть те общие законы, которым подчиняется развитие потребностей индивида, и понять их обусловленность законами развития общества. Конечно, психология не ограничивается только индивидом. Она исследует также законы развития потребностей общностей разного уровня, особенно малых групп и коллективов.

Каким законам подчиняется развитие потребностей индивида (и группы людей)? Чем определяется их специфически-индивидуальное сочетание (например, сочетание материальных и духовных потребностей у разных категорий людей)? Каковы формы проявления потребностей в повседневной жизни? Какую роль играют потребности в детерминации поведения индивидов и групп людей? Эти и ряд других вопросов и составляют предмет психологического исследования.

Большое значение для решения задач, возникающих в сфере обслуживания, имеет исследование соотношений между потребностями, интересами и вкусами людей. Серьезного внимания заслуживает и такое социально-психологическое явление, как мода, связанная с действием механизмов подражания и контрподражания⁹.

Специального исследования требуют такие явления, как потребительские отклонения и извращения, неразумные потребности.

⁹ Моду невозможно объяснить действием экономических законов. Это — явление глубоко социально-психологическое.

Важным является вопрос о формировании субъективных отношений человека к общественному богатству (в особенности к фонду общественного потребления).

Массовость сферы обслуживания вовсе не исключает необходимости учета особенностей различных категорий людей. Более того, рациональное соотношение массовости и индивидуализации в работе этой сферы является важным условием ее эффективности.

Учет психологических и социально-психологических факторов в определении спроса и организации сферы обслуживания — это только одна сторона дела. Другая состоит в том, что эта сфера оказывает существенное влияние на формирование и развитие потребностей, интересов и вкусов людей. Как справедливо отмечает Н. В. Кучевская, одной из важнейших функций сферы обслуживания является воспитательная [250]. В этой связи большое значение приобретает разработка средств и способов формирования потребностей, интересов и вкусов.

Психологические исследования в сфере обслуживания, которые включают ряд дисциплин, могут оказать существенную помощь в повышении ее общей культуры.

Охрана здоровья людей. Совершенствование системы здравоохранения предполагает изучение не только собственно медицинских, но и психологических проблем. Положение о том, что врач должен лечить не болезнь, а больного, требует знания не только его соматических, физиологических и других особенностей, но и особенностей его психики. В предыдущем параграфе был дан краткий перечень тех проблем, которые в системе медицинских наук относятся к компетенции психологии, прежде всего таких ее дисциплин, как медицинская психология, патопсихология, нейропсихология и психофармакология. Здесь лишь отметим, что в организации медицинского обслуживания возникают также социально-психологические проблемы (например, общение врача и пациента), психолого-педагогические (например, пропаганда медицинских знаний), инженерно-психологические (например, согласование медицинской техники с психологическими свойствами человека) и др.

Задачу охраны здоровья было бы неверно сводить целиком к заботе о здоровье индивида. На самом деле это — более широкая задача. Она относится также и к обществу в целом. При такой постановке естественно обнаруживается целый ряд ее новых граней, разработка которых требует использования знаний, накапливаемых во многих общественных науках, а соответственно и в связанных с ними психологических дисциплинах.

Обучение и воспитание. Социализм впервые в истории человечества создал реальные возможности для всестороннего развития каждого человека. Соединение этого преимущества с достижениями научно-технической революции требует дальнейшего совершенствования организации обучения и воспитания, всех его форм, средств и методов.

В решении этой задачи психологии бесспорно принадлежит «дно из важнейших мест. В первую очередь это, конечно, относится к

педагогической психологии, проблемы которой кратко перечислены выше (с. 16—17). Здесь лишь отметим, что во всех звеньях системы народного образования (дошкольное воспитание, средняя общеобразовательная школа, среднее специальное образование, обучение взрослых, высшая школа) возникают проблемы, адресованные психологии. Исследование фактически всей системы психических явлений — от элементарных ощущений и до психических свойств личности, от индивидуально-психологических особенностей людей до массовидных социально-психологических явлений,— направленное на раскрытие объективных законов, которым они подчиняются, имеет первостепенное значение для создания научной базы решения общественной задачи совершенствования организации обучения и воспитания. А это значит, что разработка психологических аспектов данной задачи относится не только к педагогической психологии: в нее должны также включиться и многие другие психологические дисциплины. Конечно, в разных сферах педагогической практики и применительно к разным частным педагогическим задачам их соотношение складывается по-разному, но все они в конце концов сходятся в области изучения законов психического развития человека, которые охватывают всю его жизнь — от рождения до старости. Исследование этих законов в конце концов служит решению одной из основных перспективных задач психологической науки — созданию целостной системной теории психического развития человека.

Формирование нового человека. В системе решаемых социалистическим обществом задач важнейшее место принадлежит задаче формирования нового человека. Новый человек — это не только следствие тех коренных преобразований общества, которые произошли после победы революции в ходе строительства социализма, но и условие его дальнейшего развития, перерастания социализма в коммунизм.

Ее решение требует развертывания исследований в ряде наук. Большая роль среди них отводится психологии, в первую очередь тем ее отраслям, которые разрабатывают проблему личности.

Неверно было бы представлять себе дело таким образом, что новые общественные отношения «автоматически производят» нового человека. Его формирование и развитие — это сложный процесс, овладение которым предполагает понимание того, каким образом общественные отношения детерминируют человеческое поведение, отражаются в психологии человека и в силу действия каких законов на этой основе формируются устойчивые свойства его личности как коллективиста, интернационалиста и патриота; как формируются его социальные установки, ценностные ориентации, мотивационная сфера и т. д. Именно эти вопросы и должны разрабатываться психологической наукой. Научно обоснованные ответы на них безусловно могут быть полезны для дальнейшего совершенствования всех сфер работы с людьми.

Весь круг психологических проблем, о которых говорилось выше в связи с задачами повышения производительности труда, разра-

ботки техники, психологически удобной для человека, совершенствования управления, сферы обслуживания, здравоохранения, обучения и воспитания, в той или иной мере относится также и к задаче формирования нового человека. Это и понятно, поскольку новый человек формируется в самой «гуще» общественной жизни.

Психология совместно с другими науками призвана раскрыть закономерности и механизмы формирования личности в социалистическом обществе, а также разработать такие методы, которые бы обеспечили воспитание (в широком смысле) каждого советского человека как активного участника социалистического и коммунистического строительства.

Идеологическая функция психологии. Проблема человека, и прежде всего сущности его психики и механизмов поведения, является не только фундаментальной проблемой современной науки и представляет не чисто академический интерес. Она является также полем идеологической борьбы. Из того или иного решения этой проблемы (или общего подхода к ее решению) вытекают определенные идеологические и политические выводы. Так, из фрейдистской концепции человека, трактующей все формы его поведения с позиций пансексизма и утверждающей изначальный антагонизм человека и общества, вытекают вполне определенные идеологические выводы. Столь же определенные идеологические выводы вытекают из бихевиористской концепции, смазывающей качественное отличие человека от животного и проповедующей приспособительный характер его поведения.

В условиях идеологической борьбы дальнейшее развитие марксистской психологии и критический анализ тех концепций, которые создаются на Западе, приобретают исключительно важное значение.

Выше говорилось о роли психологии в решении задачи формирования нового человека. При этом акцентировалось внимание на том значении, которое имеет понимание психологических закономерностей развития личности для решения этой задачи. Сейчас хотелось бы подчеркнуть и другое — значение психологической теории (прежде всего того вклада, который она вносит в разработку проблемы человека) для идейного воспитания людей социалистического общества. Речь идет о том, что в формировании мировоззрения существенная роль принадлежит взглядам на природу и сущность человека, в том числе и на его психологию.

Важно отразить и другую сторону: идеология и политика оказывают существенное влияние на проблематику психологической науки, подходы к ее методологическим и теоретическим проблемам, а также на направления исследований.

Разрабатывая широкий круг научно-исследовательских и научно-практических задач, психология вместе с тем выполняет и идеологическую функцию. В тех ее отраслях, которые изучают личность и различные общности и группы людей, а также различные формы общественного сознания (в аспекте, определяемом предметом психологии), идеологическая функция выступает наиболее отчетливо. Это относится прежде всего к тому кругу психологических дисциплин

лин, который связан с общественными науками: социальной, педагогической, этнической, юридической психологии, психологии искусства и некоторым другим.

Вопросы о детерминантах общественных настроений, о законах развития личности, о формировании национальных чувств и характера, о сближении наций и интернациональном воспитании, о роли социальных норм в регуляции поведения и ряд других имеют самое прямое отношение к идеологии. Они в такой же мере идеологические, как и психологические.

Важно подчеркнуть, что идеология, как и все формы общественного сознания, играет в психическом развитии индивида и тем более в развитии общественной психологии формирующую роль. Каким образом конкретно реализуется эта роль? Как идеологические принципы и цели воплощаются в психологии индивида (и общности людей)? Какой механизм здесь действует? Вместе с тем, как происходит возвышение индивидуального сознания до уровня общественного? Эти вопросы требуют специального, в том числе и психологического, исследования. Специального исследования требуют и такие (негативные) социально-психологические явления, как, например, массовые психозы, фанатизм. Их научная разработка имеет исключительно большое значение для совершенствования идеологической работы, агитации, пропаганды и контрпропаганды.

Эффективность любых средств и способов идеологического воздействия на человека существенно зависит от того, насколько в них учитываются закономерности психических процессов и состояний, психологические особенности различных групп людей¹⁰.

Выше дана краткая характеристика лишь некоторых научно-практических направлений психологии и сделана попытка обрисовать круг возникающих в этой связи теоретических проблем. К ним можно было бы добавить направления, связанные с задачами охраны правопорядка, обороны страны, развития культуры и многие другие.

Однако, кажется, и сказанного достаточно, чтобы представить широту «панорамы» сфер практического применения психологии.

Важно отметить, что эта панорама включает задачи разного масштаба — от исследования восприятия человеком показаний прибора до изучения массовидных психических явлений. Психологические аспекты можно выявить в глобальных проблемах современности (борьба за сохранение мира, охрана окружающей среды, освоение космоса и др.) и в частных вопросах повседневной жизни людей (снятие эмоциональной напряженности, преодоление межличностных конфликтов и др.). И ничего неестественного в таком размахе нет, поскольку эти проблемы так или иначе касаются человека. Когда же речь идет о человеке, то неизбежно и в первую очередь нас интересует его психика.

Общая картина направлений психологических исследований,

¹⁰ Особо следует отметить значение данных психологии для использования средств массовой информации — кино, радио и телевидения.

схематично очерченная в лом и предыдущем параграфах, выглядит как многоплановая, но недостаточно хорошо организованная. Это в общем соответствует действительному положению дел в современной психологии.

Однако все же можно выявить несколько основных проблемных зон, к которым как бы стягиваются все остальные. Эти проблемы психического отражения и его механизмов, деятельности (в первую очередь субъекта деятельности), общения, личности, взаимосвязи биологического и социального в психическом развитии человека.

§ 3. Теория, эксперимент и практика в психологии

Нет необходимости доказывать, что результативное решение задач, которые перед психологией ставятся общественной практикой, возможно только на основе хорошо разработанной теории. И чем более расширяется круг практических задач, тем нужда в ней испытывается острее. Вместе с тем отчетливее становится необходимость перехода от эмпирического уровня осмысливания психической реальности к теоретическому. Но чтобы теория могла служить практике, она должна удовлетворять ряду требований, определяющих ее «конструктивность», возможность ее эффективного применения. Не претендуя на полный перечень этих требований, отметим лишь некоторые.

Одно из них относится к уровню и форме предлагаемых теорией обобщений. Вообще, чем более высок этот уровень, тем шире, казалось бы, область возможного использования теории. Однако здесь может возникнуть опасность утраты качественной специфики того класса явлений, к которым относится обобщение. Оно всегда связано с отвлечением от тех или иных характеристик изучаемых явлений, что при очень высоком уровне обобщения нередко приводит к затушевыванию их многокачественности. Здесь возможны две крайности. Одна заключается в том, что обобщение выступает как простая констатация свойства определенного класса явлений (фактов), другая — в том, что обобщение связывается с такой степенью абстракции, при которой почти исчезает возможность использования результатов теоретических разработок для решения конкретных теоретических и особенно практических задач. Короче говоря, возникает вопрос о *мере обобщения*, которая должна соответствовать качественной специфике изучаемых явлений — не только раскрывать их общие основания, но и давать возможность исследовать особенное и единичное. Если эта мера нарушена (что в психологии наблюдается нередко), то обобщение оказывается малосодержательным, «тощим», а теория, опирающаяся на такие «безмерные» обобщения, — непригодной для использования. Выбор критериев меры обобщения — дело довольно трудное. В конечном счете они определяются теми задачами, которые перед теорией ставятся практикой.

Вопрос о мере теоретических обобщений связан с вопросом о

постулатах, на основе которых строится теория. Ее добротность, компактность и действенность существенно зависят от числа и добротности исходных постулатов. В принципе, чем меньше постулатов используется при построении теории и чем более четко они формулируются, тем большей логической устойчивостью будет обладать и теория. Впрочем, требуемое число постулатов зависит от уровня сложности той системы объектов, которая отражается в теории¹¹. Если постулаты не определены достаточно точно, то теоретическая работа может пойти по замкнутому кругу: в конце получается результат, который подразумевался уже с самого начала. Действительного движения теоретического знания здесь не будет.

В качестве постулатов в психологии (как и в иных науках) используются общие философские положения и теоретические выводы, полученные как в самой психологии, так и в других областях научного знания. Если в качестве постулатов берутся сомнительные философские положения, то в разработке специальной теории это неизбежно приводит к тупиковым вариантам.

Так, Г. Фехнер, сделавший крупнейшее психологическое открытие, не сумел основательно осмыслить его теоретически. Приняв в качестве основного постулата своих теоретических построений параллелизм, он не смог раскрыть сущности выявленной им закономерной связи физических воздействий и ощущений.

К сожалению, далеко не всегда в теоретических работах по психологии исходные постулаты формулируются достаточно четко, что затрудняет проверку предлагаемых гипотез, переход от гипотез к теориям и использование их в практике.

Важнейшей характеристикой теории является ее прогностическая ценность, определяемая тем, насколько теория способна предсказывать развитие тех или иных явлений. Известно, что такое предсказание возможно лишь на основе знания законов. При этом важна не только формулировка самого закона, но также и определение условий и сферы его действия. Нужно отметить, что в теоретических разработках в области психологии нередко тот или иной закон формулируется без определения условий и сферы его действия. Понятно, что в этом случае его использование в практике становится затруднительным (вопрос о законах специально рассматривается в следующей главе).

Важным требованием к теории является ее проверяемость. Хорошо сформулированной является та теория, которую можно проверить при помощи эксперимента (и практики) или даже путем расчетов и анализа логических следствий, которые из нее вытекают.

Наконец, теория должна соответствовать фактам.

Пренебрежение требованиями, предъявляемыми к теории, сочинение «аморфных теорий» в психологии оборачивается тем, что психологические задачи берутся решать дилетанты.

Распространение дилетантизма в психологии (пусть даже и не очень значительное) сейчас — одна из самых серьезных опасностей. Как отмечал А. И. Герцен, дилетанты «до того поверхностны, что им кажется все ужасно легким, на всякий

¹¹ В этой связи возникает вопрос о достаточности постулатов.

разобраться в их существе». Когда слушаешь их, то кажется, что науке больше ничего не осталось делать. У них свой алькоран, они верят в него и цитируют места как последнее доказательство» [140, с. 8]. Они «чрезвычайно вредят ее успехам. Дилетанты-туристы в областях науки и, как вообще туристы, знают о странах, в которых они были, общие замечания да всякий вздор. Каждый дилетант занимается всем scibile, да еще сверх того тем, чего знать нельзя, т. е. мистицизмом, магнетизмом, физиогномикой, гомеопатией, гидрпатией и пр.» [140, с. 55]. К этому можно было бы добавить парапсихологией, телекинезом и пр.

Говоря о дилетантизме, мы вовсе не имеем в виду тех, кто приходит в психологию из других областей науки и практики в силу самой логики их деятельности. Речь идет о тех, кто берется за решение психологических проблем без достаточной к тому специальной подготовки. К сожалению, и среди получивших психологическое образование есть дилетанты, которые, усвоив несколько общих истин, тотчас же берутся решать любые практические задачи, не давая себе труда разобраться в их существе.

Не меньшую опасность представляет и прагматизм, который часто пытается решать практические задачи по принципу «короткою замыкания»: прямого переноса тех или иных научных результатов, например, полученных в лабораторном эксперименте (пусть даже проведенном весьма тщательно), без глубокого анализа их оснований и детерминант в практику. Между тем такой прямой перенос далеко не всегда (а точнее, редко) возможен. Попытки решать практические задачи, если они опираются на отдельные изолированно взятые экспериментальные данные без их теоретического осмысливания, могут привести к результату, прямо противоположному тому, ради которого они предпринимаются. Но даже если в решении практических задач применяется определенная сложившаяся теория, то нельзя использовать ее подобно универсальному шаблону, приложение которого к реальности будто бы может тотчас же дать ответ на вопрос о том, что надо делать. Шаблонами могут быть только бессодержательные теории. На реальную жизнедеятельность человека (и его поведение) оказывает влияние огромное количество разнообразных факторов; причинно-следственные связи (вообще детерминация) в той сфере явлений, которые относятся к психологии, столь сложны и динамичны, что проникновение в законы оказывается делом весьма нелегким. Это требует большого исследовательского труда: кропотливого анализа фактов реальной жизни, и глубокого теоретического осмысливания и тщательной экспериментальной проверки гипотез, выдвигаемых в ходе такого анализа и осмысливания.

Эксперимент уже давно считается в психологии важнейшим методом исследования. Сформировавшись первоначально в психофизике и психофизиологии, в значительной мере ориентированных на естественные науки, эксперимент постепенно стал проникать и во все ее другие области, включая те, которые связаны с науками общественными в социальную, педагогическую, юридическую психологию. Конечно, при этом происходили и определенные трансформации эксперимента (его организации и требований к нему). В разных психологических дисциплинах используются и разные типы эксперимента. Иногда даже утверждают, что психология в целом является экспериментальной наукой.

Особенно интенсивно развиваются в психологии методы лабораторного эксперимента. Это и понятно, если иметь в виду, что в лабораторном эксперименте обеспечиваются наибольшие возможности управления условиями и факторами ситуации, которые определяют характер работы испытуемого, регистрации и измерения его действий, их математической обработки. На начальных этапах развития психологии обычно стремились организовать лабораторный эксперимент таким образом, чтобы выделить и управлять некоторой единственной детерминантой и регистрировать некоторое единственное вызываемое ею явление. Работа была направлена на то, чтобы получить тот или иной психический процесс «в чистом виде» и изучить его *per se*. Однако этого не удавалось никогда сделать до конца. Почти по каждой проблеме, разрабатываемой методами лабораторного эксперимента, мы находим в литературе разноречивые, нередко противоречащие друг другу результаты. Конечно, накопление больших массивов данных и статистическая их обработка позволяют выявлять некоторые устойчивые связи. Однако далеко не всегда они позволяют определенно судить о детерминантах¹². Даже в относительно простом эксперименте, например по измерению времени реакции, сходные данные, получаемые при обследовании разных (а иногда одних и тех же) испытуемых, могут оказываться результатом влияния различных факторов: состояния испытуемого в данный момент, уровня тренированности, мотивации, отношения к задаче и т. д. и т. п. Иногда резкое отклонение тех или иных результатов от некоторого среднего значения, «выброс» является для психолога более информативным, чем самое это среднее значение. При игнорировании таких «выбросов», их «поглощении» формально-статистическими средними величинами подчас затушевываются действительные закономерности, а выводы могут не только оказаться негодными для практического применения, но и привести к серьезным ошибкам.

Большие трудности, возникающие в лабораторном, да и в любом ином психологическом эксперименте, связаны с тем, что в его результатах неизбежно проявляется действие того, что принято называть субъективными факторами. Именно они не дают возможность проводить психологический эксперимент по строгим канонам естественнонаучного эксперимента. Но именно они-то и должны интересовать психолога в первую очередь. Проникновение при помощи объективных методов в «субъективный мир» человека, выявление объективных законов развития этого мира как раз и составляют главную задачу психологического исследования¹³.

¹² Нередко трудности при сопоставлении экспериментальных данных связаны с тем, что методики, условия эксперимента, состав испытуемых, средства контроля и измерения разными исследователями описываются по-разному. Сейчас назрела настоятельная необходимость разработки строгих стандартов, относящихся к организации психологического эксперимента, описанию его результатов и приемов анализа

¹³ В этой связи вряд ли оправдано стремление некоторых исследователей, опираясь только на объективные данные эксперимента, полностью исключить из анализа получаемых результатов так называемые субъективные отчеты испы-

Не меньшие трудности связаны также с тем, что в экспериментальных исследованиях, которые проводятся с людьми, существенным фактором являются влияния на испытуемого со стороны экспериментатора и самой процедуры эксперимента. Они не всегда, правда, учитываются, но они всегда есть и нередко определяют результаты эксперимента. Психологический эксперимент часто выступает как взаимодействие, определенным образом организованное общение двух людей: испытуемого и экспериментатора. Стремление передать всю процедурную сторону эксперимента вычислительным и автоматическим устройствам не исключает влияния экспериментатора, во всяком случае целиком. Испытуемый и в ситуации автоматизированного эксперимента может вести «диалог» («игру») с экспериментатором (или уж во всяком случае с теми, кто создавал экспериментальную технику и разрабатывал программы эксперимента).

Конечно, степень влияния экспериментатора на испытуемого по-разному проявляется в разных типах эксперимента. Она различна в отношении разных психических процессов, состояний и свойств, которые изучаются в эксперименте.

Вопрос о влиянии экспериментатора и самого построения эксперимента на изучаемые психические явления особенно остро стоит в тех случаях, когда дело касается таких проблем, как мотивация, способности, эмоциональные состояния и т. д.

Понимая эту трудность, исследователи часто идут по пути поиска путей нивелирования рассматриваемого фактора. Но есть и другой путь — сознательного и целенаправленного его использования в исследовании психических явлений. Этот путь реализуется в так называемом формирующем эксперименте, который для понимания детерминаций психических явлений может дать больше, чем эксперимент, просто фиксирующий состояния, как бы протекающие вне зависимости от него.

Экспериментальная психология все определеннее приходит к выводу о необходимости последовательного применения системного подхода. Конечно, здесь предстоит еще большая работа. Конкретные пути этого подхода в экспериментальных исследованиях далеко не всегда просматриваются отчетливо. Но все же логика развития экспериментальной психологии ведет ее в этом направлении. Разрабатываются схемы экспериментов и методики, дающие возможность не просто исследовать психические явления по отдельным

тупеуго. Это стремление связано с боязнью скатиться к интроспекционализму. Конечно, интроспекция не может претендовать на роль единственного метода познания психики, как это пыталась утверждать идеалистическая психология. Она вообще вряд ли является научным методом. Строго говоря, она и невозможна (человек воспринимает не свое восприятие, а окружающую его среду, переживает не свои переживания, а события своей жизни и т. д.). Но это не значит, что в психологическом исследовании надо стараться обойтись без «субъективных отчетов» испытуемых. Напротив, их сопоставление с объективными данными эксперимента при соответствующей проверке может раскрыть для опытного экспериментатора очень многое и в конце концов служить главной научной задачей — познанию объективных закономерностей психики.

изолированно взятым показателям, но анализировать их взаимосвязи, рассматривать их в системе.

Использование современной техники позволяет не только обрабатывать данные в ходе эксперимента, но и изменять воздействия на испытуемого в зависимости от развития изучаемого психического процесса. Нередко методы лабораторного эксперимента включаются в исследования, проводимые в условиях реальной деятельности человека (см., например: Г. Т. Береговой и др. [75]).

Благодаря всему этому психология обогащается новыми ценными данными. Многие из того, что ею уже накоплено, выступает в новом свете, пересматривается и переоценивается.

Конечно, в лабораторных психологических экспериментах получены наиболее серьезные и ценные результаты. Но было бы неверно думать, что он — универсальное и единственно надежное средство познания психического. Далеко не все проблемы психологии могут исследоваться в лабораторных условиях. Многие из них требуют использования иных методов и средств. Чем сложнее изучаемое явление, тем более ограничены возможности лабораторного эксперимента. Нередко он оказывается в роли только вспомогательного средства, а иногда и вовсе не нужен.

Современная психология располагает довольно богатым ассортиментом методов исследования. К сожалению, многие из них не нашли еще того распространения, которого они заслуживают. Особенно важно отметить так называемый естественный эксперимент, идея которого принадлежит А. Ф. Лазурскому [256]. Этот метод имеет ряд достоинств эксперимента лабораторного и вместе с тем позволяет проводить исследования в реальных жизненных ситуациях, не нарушая их естественного хода¹⁴. Между тем естественный эксперимент используется в психологических исследованиях до сих пор недостаточно, хотя можно думать, что при условии серьезной теоретически обоснованной разработки принципов, схем построения и «технологии» этого метода, он обеспечил бы возможность получать данные, не уступающие по надежности и точности тем, на которые обычно рассчитывают при проведении лабораторного эксперимента. Недостаточно разработаны также приемы и способы психологического анализа продуктов деятельности и ряд других методов.

Одна из важнейших задач психологии на современном этапе развития заключается в том, чтобы рассмотреть все разнообразные используемые ею методы как единую систему, раскрыть «разрешающую способность» и ограничения каждого из них, а также условия и возможности взаимопереходов между ними в зависимости от логики проводимого исследования. Иначе говоря, возникает необходимость разработки теории психологического исследования, в частности теории психологического эксперимента. При этом важно иметь в виду, что нередко в психологии, как и в других науках, тот

¹⁴ Трудности, о которых говорилось выше, относятся к естественному эксперименту еще в большей мере, чем к лабораторному.

или иной метод (и методика), возникнув в качестве метода научного исследования, позднее может стать и методом практической работы. Понятно, что при этом он претерпевает определенные — и часто весьма существенные — трансформации, которые также должны быть детально изучены и критически оценены. Вместе с тем применение тех или иных научно-исследовательских методов в практике является важнейшим условием их совершенствования, корректировки и уточнения.

Ценность каждого исследовательского метода определяется в конце концов тем, насколько он позволяет получать добротные и надежные научные факты.

«Факты — это воздух ученого», — говорил Павлов. Пожалуй, вряд ли кто возьмется оспаривать правоту этих слов. Любая специальная наука не может жить без накопления фактов, хотя, конечно, далеко не всякий факт, пусть даже он и относится к данной области, ей нужен. Наука оперирует только теми фактами, которые позволяют ей проникать в сущность изучаемых явлений¹⁵.

Вопрос об отношении к факту в психологической науке не прост. Мы можем, например, весьма точно и надежно измерить в лабораторном эксперименте время реакции человека на те или иные сигналы, выявить и строго описать его зависимость от интенсивности или каких-то других характеристик этих сигналов. Точно так же, организовав определенным образом естественный эксперимент, можно добиться тех или иных изменений в поведении людей, тщательно зарегистрировать и строго описать эти изменения. В обоих случаях есть основание говорить о научных фактах. Но психологию интересуют эти факты не сами по себе. Ее задача, анализируя объективно наблюдаемые факты — изменения времени реакций или поведения человека в целом, — выявить те «внутренние пружины», которые приводят к этим изменениям, раскрыть динамику психических процессов в изменениях времени реакции или особенности изменения мотивационной сферы человека, отражающиеся в его целостном поведении.

Решая такую задачу, психолог нередко сталкивается с тем, что в сходных фактах проявляются различные психологические реальности, а факты, различные или даже противоречивые, свидетельствуют о действии одной и той же закономерности.

Между тем иногда экспериментальную психологию рассматривают просто как область накопления и описания объективно наблюдаемых фактов. Действительно, фактов накапливаются горы, но это мало продвигает науку по пути познания закономерностей, управляющих психическими явлениями. Более того, иногда встречаются негативистские, по существу позитивистские суждения по отношению к попыткам подняться над «песком фактов» (Герцен) и теоретически осмыслить их. Бессспорно, и накопление и системати-

¹⁵ Иногда в психологии проводятся изощреннейшие эксперименты, но приводят они к фиктивному расчленению психики, далекому от реальности. Получаемые в них «факты» не только не продвигают науку по пути познания сущности психики, а, напротив, уводят ее в сторону от этого пути.

эция фактов для развития психологической науки необходимы, но этим она не ограничивается.

Сами по себе одни «голые» факты еще не образуют научного знания. Они служат лишь материалом для его построения. Тот или иной экспериментально полученный и проверенный факт обнаруживает свою действительную научную ценность только в контексте развития психологической теории.

Как уже отмечалось выше, в психологии весьма часто встречаются разноречивые, а порой противоречивые результаты исследований. И это вряд ли можно объяснить только различиями позиций исследователей и применяемых ими методов.

Дело в том, что сами проявления психического чрезвычайно разнообразны и динамичны, управляются они сложными детерминантами. Задача психологической теории и заключается в том, чтобы, рассмотрев проявления психики в их многообразии, выявить в них существенное, раскрыть законы развития психических функций, процессов, состояний и свойств, а на этой основе показать, что то или иное явление (факт поведения, событие, результат), равно как и явление, на первый взгляд противоречащее ему, возникает в данных конкретных условиях одинаково необходимым образом в силу действия объективных законов.

Теоретические концепции и схемы, пытающиеся дать некоторые однозначные и универсальные решения, в психологии, как правило, не приживаются надолго. Как только такие схемы и концепции создаются, тотчас же обнаруживается, что есть масса фактов, которые в них не укладываются.

Психологии нужна такая теория, которая могла бы объяснить источники реальных противоречий, основания качественных преобразований в психическом развитии человека, системный характер психических явлений и их детерминант, рассмотреть психическое в его сложной динамике.

Понимание ограниченности и односторонности распространенных теоретических схем и парадигм приводит некоторых западных психологов к утверждению, что единственный выход из сложившейся ситуации — это эклектизм. Занять эклектическую позицию — это значит, как часто считается, подняться над ограниченностью тех или иных парадигм. Имеется немало попыток объединить бихевиоризм, фрейдизм, гештальтизм, когнитивную и так называемую гуманистическую психологию (humanistic psychology). Но делается это обычно механическим путем, без достаточного критического анализа объединяемых парадигм и схем.

Конечно, на пути эклектизма нельзя преодолеть кризис в психологии, о котором часто говорят на Западе. Но сама неудовлетворенность концепциями, распространенными в течение долгого времени, свидетельствует о том, что в развитии теории психологии зреет необходимость новой методологии и новых подходов, необходимость овладения материалистической диалектикой. Только она дает возможность разобраться в пестром калейдоскопе накоплен-

ных современной психологией фактов, создаваемых концепций и теоретических схем, предлагаемых гипотез и принципов.

Вопросам общей теории и методологии в марксистской психологии всегда уделялось первостепенное внимание. Именно эти вопросы дискутировались наиболее остро, были главными уже на заре ее развития. Овладевая материалистической диалектикой, советская психология критически пересмотрела распроданные в то время подходы к решению психологических проблем, методы исследования, проблематику.

В борьбе с субстанционалистскими и дуалистскими представлениями о психике она, опираясь на ленинскую теорию отражения, обосновала (и продолжает развивать) на теоретическом и экспериментальном уровнях понимание психического как субъективного отражения объективной действительности. Последовательно придерживаясь позиций материалистического монизма, советская психология исследует психические процессы как функцию особым образом организованной материи — мозга.

В борьбе с агностицизмом, интроспекционистскими и феноменологическими направлениями она отстояла психологию как объективную науку и утвердила решающую роль объективных методов в психологическом исследовании.

В исследовании психики советская психология последовательно реализует принцип детерминизма. Анализируя все психические явления — от элементарных до самых сложных — она стремится раскрыть системный характер их детерминации, понять диалектику их возникновения и развития.

Коллективными усилиями советских психологов сформирована система основополагающих принципов психологической науки, которая определяет ее предмет, методы и перспективную программу исследований.

В связи с разработкой этих принципов и на их основе сформировался ряд концепций и теорий: деятельности (Леонтьев [269; 270], Рубинштейн [419; 422]), установки (Узнадзе [480; 481]), системной организации психических процессов и функций (Ананьев [36; 40]), развития высших психических функций (Выготский [129]), отношений (Мясищев [339; 341; 342]), психофизиологических основ индивидуальных различий (Теплов [474], Небылицын [345]), уровней реакций (Корнилов [226]), коллективных реакций (Бехтерев [80]), единства обучения и психического развития ребенка (Блонский [187], Костюк [231]), развития памяти (Смирнов [444]), динамической локализации психических функций (Лурия [303]), обобщенных ассоциаций (Шеварев [521]), развития произвольных движений (Запорожец [172]), взаимодействия органов чувств в сенсорно-перцептивных процессах (Кравков [234]), системного механизма реакции (Бойко [95]) и др.

Не обсуждая перечисленные концепции и теории, их сильные и слабые стороны (это должно было бы составить специальную исследовательскую задачу), отметим только, что они сыграли боль-

Ш)ю роль в становлении советской психологии и продолжают оказывать влияние на ее развитие¹⁶.

Оригинальные теории и концепции разрабатываются также в специальных областях психологической науки.

Каждая специальная дисциплина, конечно, должна разрабатывать свою собственную теорию, которая позволила бы охватить всю систему изучаемых ею явлений. Нужно, однако, отметить, что разработка таких специальных теорий протекает неравномерно. В одних дисциплинах уже накоплен солидный «теоретический багаж», в других пока еще только делаются первые шаги в этом направлении.

Одна из особенностей специальных дисциплин состоит в том, что большинство из них занимают пограничное положение между психологией и другими науками. Понятно, что успешная разработка специальных психологических теорий невозможна без использования тех достижений, которыми располагает «соседняя» наука.

Так, развитие теории психофизиологии требует оценки, переосмысления и использования теорий, сложившихся не только в психологии, но и в физиологии. В первую очередь это относится к тем из них, которые рассматривают физиологические процессы в системе поведения живого организма. К таким теориям принадлежит учение Павлова о высшей нервной деятельности. Не случайно оно оказало большое влияние на развитие психологии, при этом не только на психофизиологию, но и на некоторые другие специальные психологические дисциплины. Павлов (вслед за Сеченовым) считал, что физиология должна проложить путь к строго научному изучению психики, что проводимые им и его сотрудниками исследования «должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания» [358, с. 1051].

К сожалению, павловское учение не было доведено до тех теоретических обобщений, которые бы обеспечили его органичную связь с психологией. Ряд перспективных высказанных Павловым идей не нашел достаточно основательного развития в конкретных исследованиях.

Напомним, что вопрос о взаимоотношениях психологии и физиологии оказался в центре дискуссии на объединенной сессии АН СССР и АМН СССР в 1956 г. При обсуждении этого вопроса некоторые ее участники отрицали возможность существования психологии как самостоятельной науки и предлагали заменить ее физиологией высшей нервной деятельности. По существу, сторонники ликвидации психологии пытались снять поставленную Павловым задачу построения фундамента психологического знания. Они шли как будто бы по пути, указанному Павловым, но в обратную сторону. В результате целый ряд психологических

¹⁶ У нас часто и много говорят о роли ведущих советских психологов в формировании общих принципов психологии и разработке ее методологических основ. Однако сопоставление предложенных каждым из них оригинальных конкретно научных концепций, их теоретический анализ почти не проводились. Чтобы представить историю советской (в целом отечественной) психологии в ее действительной полноте, необходимо в контексте исследования развития методологии (и общих принципов психологической науки) исследовать также и конкретно научные концепции, истоки их формирования, их место в системе психологического знания и их перспективы.

проблем оказался снятым, а многие из тех, которые все же сохранились как научные проблемы, стали решаться примитивным образом. Действительное исследование стало часто заменяться просто переводом сформулированных в психологии положений на физиологический язык.

И все же, несмотря на тот ущерб, который нанесли психологии апологеты павловского учения, само это учение оказало на ее развитие (особенно на развитие психофизиологии) существенное влияние. Попытки игнорировать его, выбросить из психологии, получившие некоторое распространение в последние годы, могут принести не меньший вред, чем попытки свести психологию к физиологии. Не следует забывать, что именно от павловского учения берет свое начало психологические исследования ориентировочной деятельности, механизмов некоторых элементарных форм поведения, новых подходов к изучению восприятия, проблем дифференциальной психофизиологии.

Для построения теории психофизиологии большое значение имеют также работы А. А. Ухтомского, которые пока еще не получили основательного анализа в русле тех проблем, которые связывают физиологию с психологией.

Говоря о необходимости более глубокого изучения наследия выдающихся отечественных физиологов, мы имеем в виду не столько историю, сколько перспективы развития теории психологии. Задача состоит в том, чтобы, освоив это наследие, творчески применить его к решению современных проблем психофизиологии.

Крупным достижением отечественной науки является теория функциональной системы, разработанная П. К. Анохиным и развиваемая его учениками (К. В. Судаков, В. Б. Швырков и др.). Преодолевая ряд ограничений павловского учения, она открывает новые возможности в исследовании нейрофизиологических основ психики, особенно механизмов мотивации, целеобразования, антиципации, принятия решения, эмоциональных процессов.

Не меньшее значение для развития теории психофизиологии имеют работы Н. А. Бернштейна [77], И. С. Бериташвили [78], М. Н. Ливанова [273], Н. П. Бехтерева [83], П. В. Симонова [438].

Вопрос о соотношении физиологического и психического будет специально рассмотрен позднее (см. главу седьмую). Сейчас мы лишь отметим, что в своем развитии психофизиология опирается на тот теоретический фундамент, который сложился (и развивается) в физиологии.

Точно так же социальная психология не может эффективно развиваться без опоры на теоретический фундамент, разработанный в марксистской социологии.

Вообще теория любой специальной психологической дисциплины формируется на базе теоретических представлений, сложившихся не только в психологии, но и в пограничных с нею науках. Однако включение этих представлений в психологическую теорию сопровождается их определенными трансформациями. Включаясь в новую систему, то или иное значение неизбежно преобразуется. Если этого не происходит, то возникает опасность упрощенных, «редукционистских» трактовок, замены психологии физиологией, социологией, кибернетикой и т. д., о чем уже говорилось в первом параграфе этой главы.

Важно отметить, что теоретические представления, формирую-

щиеся в пограничных с психологией науках, как и в самой психологии, имеют разные уровни общности и абстрактности. Одни из них объясняют только узкий класс специфических явлений, другие раскрывают некоторые более общие законы. Использование в психологии представлений первого вида, их непропорциональное распространение по области психических явлений могут действительно повести к искаженному отражению их сущности. Но представления второго вида могут служить серьезным основанием для объяснения сущности психических явлений. Так, только на основе знания законов эволюции можно подойти к решению проблемы возникновения и развития психики у животных. Точно так же только на основе знания законов развития общества можно понять процесс исторического развития человеческой психики.

Специальные психологические теории (психофизиологическая, социально-психологическая, инженерно-психологическая и т. д.) развиваются в неразрывной связи с общей теорией психологии. Как уже отмечалось, именно в области общей психологии, являющейся фундаментом всей системы психологического знания, смыкаются все специальные дисциплины. Каждая из них, исследуя особенное, вносит определенный (характерный только для нее) вклад в изучение общего, а вместе с тем исследование особенного опирается на знание общего.

Разработка прикладных задач и развитие специальных дисциплин обогатили психологию множеством новых данных, новых методов и новых идей. Особенно важно подчеркнуть, что включение психологии в решение практических задач дало ей новые средства исследования реальной детерминации психических явлений. Она получила возможность целенаправленно изменять эту детерминацию — реальную, а не искусственно создаваемую в лабораторных условиях.

Благодаря связи с практикой аналитическая картина в психологии существенно изменилась. Но эта картина, сейчас пока еще весьма пестрая и плохо организованная, требует и нового уровня синтеза. Возникает острая необходимость критической сортировки огромной массы накопленных фактов, концепций и т. д., их тщательной классификации и построения на этой базе системной теории психологии.

А это требует дальнейшей углубленной разработки на основе того, что уже сделано, философских, методологических и общетеоретических проблем психологии.

Без глубокого осмысливания и принципиального решения методологических проблем психологии создается опасность подмены действительной теоретической работы искусственными построениями и сочинением неприлагаемых теорий, уводящих психологию в ледяную область вербальных абстракций, из которой часто трудно найти выход в живую действительность. К сожалению, в психологии такая подмена еще иногда встречается: вместо дискуссий о существе дела ведется спор о словах, при этом такие споры становятся особенно острыми в том случае, когда одно и то же предста-

вители спорящих сторон называют разными словами или, напротив, различные «вещи» — одним и тем же словом¹⁷.

Четкость методологических позиций является важнейшим условием разработки добротных конструктивных теорий, определенности их постулатов, их доказательности и прогностической ценности.

«Теоретическое здание» психологической науки — это сложное многоэтажное сооружение. Неверно представлять себе дело таким образом, будто теория психологии является просто набором общих идей и принципов, расположенных как бы в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам психического, другие — к специальным областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы и т. д. Можно, по-видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений, а соответственно и о разных уровнях теоретических обобщений и синтеза. Связь между разными уровнями просматривается далеко не всегда легко. Иногда в психологических исследованиях встречаются попытки непропорционального расширения или, напротив, неоправданного сужения (что бывает значительно реже) сферы применения тех или иных обобщений, концепций, гипотез, неточное определение уровня описания изучаемого объекта, эклектическое объединение постулатов, «уплощение» психологического знания. Это создает теоретическую путаницу, а при использовании создаваемых таким образом теорий в практике может привести к серьезным ошибкам.

Современный этап развития психологической науки действительно требует специального изучения «архитектоники ее теоретического здания», определения места в этом здании тех «блоков», которые уже созданы, тех, которые существуют лишь в проекте, и тех, которые еще предстоит спроектировать и создать.

Задача теории состоит не только в том, чтобы путем анализа выявить в единичном, конкретном существенное и общее, но также и в том, чтобы на основе полученных на этом пути абстракций теоретически синтезировать, воссоздать конкретное, т. е. «построить» психическое как некоторую целостную систему, как идеальный объект. Это относится к теории любого из перечисленных выше уровней. Идеальный объект, являясь адекватным объекту реальному, вместе с тем оказывается «очищенным» от случайного, при входящего и неустойчивого.

Понятно, что степень адекватности идеального объекта реальному проверяется экспериментом и практикой. Вместе с тем идеализированное представление системного объекта имеет чрезвычайно большое значение для дальнейшего развития эксперимента и решения практических задач.

Рассматривая взаимосвязь теории, эксперимента и практики, коснемся еще одного вопроса. Иногда думают, что каждая практическая задача однозначно связана с определенной теоретической

¹⁷ Мы, конечно, никоим образом не хотим умалить значение работы над терминологией психологии. Такая работа безусловно и чрезвычайно важна. Каждый термин в психологии должен быть точно и строго определен.

проблемой и определенным типом эксперимента (или другого метода исследования). В действительности это не так. Нередко, казалось бы, очень разные задачи «замыкаются» на одну и ту же проблему, и, напротив, близкие задачи требуют разработки разных проблем. В предыдущей главе была дана краткая характеристика широкого круга практических задач психологии. Пытаясь выявить их психологическую сущность, мы часто должны были обращаться к одним и тем же проблемам. И вместе с тем в связи с анализом практических задач эти проблемы получали несколько разное освещение, выявлялись их разные аспекты.

Вообще говоря, почти из любой достаточно общей практической задачи можно вывести всю систему проблем психологии. Но при таком подходе вряд ли можно найти эффективный способ ее решения. По-видимому, в каждом конкретном случае в этой системе нужно выделить именно ту центральную, главную проблему (основное звено), разработка которой позволит найти наиболее адекватный для нее метод исследования и способ применения получаемых результатов в практике. А это требует разработки специальных приемов и средств, позволяющих раскрывать движение психологического знания в системе «теория—эксперимент—практика».

Связь психологии с практикой и широкое использование в ней методов эксперимента приводит к изменению самого типа психологического знания.

На основе анализа развития психологии Я. А. Пономарев [337] выделил три типа психологического знания: созерцательно-объяснительный (нам представляется, что его правильнее назвать «созерцательно-описательным»), эмпирический и действенно-преобразующий.

Созерцательно-описательное знание непосредственно формируется в житейском опыте и фиксирует лишь поверхность явлений. Теоретические представления, связанные с этим типом знания, заимствуются из других наук и в силу этого не отражают сущности психологических событий.

Эмпирический тип знания формируется в недрах созерцательно-описательного, трансформируя и включая в себя его содержание. В нем не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»). В этом типе знания фиксируется способ практического воздействия на объект исследования, приводящий к эффекту. Тем самым выявляется эмпирическая закономерность. Эмпирический тип имеет непосредственную связь с практикой, расширяющийся ряд практических задач приводит к эмпирической многоаспектности.

Действенно-преобразующий тип знания формируется в недрах эмпирического, трансформируя и включая в себя его содержание. Он связан с выработкой объективных критериев упорядочивания эмпирической многоаспектности. В процессе его формирования выделяется специфический предмет исследования и вскрываются внутрисубъектные взаимосвязи. Связь с практикой становится опосредствованной. Формируется сложная стратегия исследования, поз-

воляющая управлять изучаемыми явлениями и раскрывать законы в ходе активного воздействия на них.

Именно действенно-преобразующий тип знания и становится в современной психологии основным. Но переход к этому типу психологического знания требует и нового взгляда, нового осмысливания накопленных в психологии фактов, идей и концепций. Если на эмпирическом уровне развития психологию еще как-то могли удовлетворять фрагментарные знания, то сейчас назрела необходимость рассмотрения их в системе. Действенно-преобразующий тип знания требует системного видения изучаемой реальности.

Из всего сказанного вытекает, что взаимодействие, а точнее, диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук.

Общественная практика существенно определяет проблематику психологии, подходы к ее разработке и используемые методы. Психологическая теория развивается на базе тех данных, которые накапливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях. Являясь для теории неиссякаемым источником информации, они служат и средством проверки ее истинности. Вместе с тем развивающаяся теория направляет поиски решения задач, возникающих в эксперименте и практике. Диалектическое единство теории, эксперимента и практики — это важнейший принцип перспективного планирования развития психологической науки и профессиональной деятельности психологов.

§ 4. Психология и математика

В связи с потребностями развития как теории психологии, так и ее экспериментальных и прикладных направлений возрастает интерес к использованию математических методов для описания и анализа тех явлений, которые она изучает; наблюдается стремление выражать открываемые законы в математической форме. В современной психологии сформировалась и развивается даже особая научная дисциплина — *математическая психология*.

Проникновение математических методов в психологию, связанное прежде всего с развитием экспериментальных и прикладных исследований, конечно, оказывает определенное, и достаточно сильное влияние на ее развитие. С одной стороны, появляются новые возможности исследований психических явлений; с другой — предъявляются более высокие требования к постановке исследовательских задач и определению способов их решения.

Однако, несмотря на явные достижения, полученные в психологии благодаря применению математики, до сих пор еще ведутся споры, полезно ли и целесообразно ли использовать математику в изучении психических явлений. Эти споры иногда утихают, иногда разгораются, затем вновь утихают, чтобы позднее разгореться с новой силой.

В них сталкиваются обычно две крайние позиции. Сторонники первой видят в математике некоторое универсальное средство реше-

ния всех проблем, панацею от всех бед. Сторонники второй позиции, прямо противоположной первой, заявляют, что применение математики в психологии ничего не дает и дать не может. Оно в принципе невозможно из-за специфики самого предмета исследования; якобы оно вносит в психологию только путаницу, подменяя так называемый содержательный анализ манипулированием бессодержательными символами. Утверждается, что математическое моделирование есть перевод положений какой-либо теории на другой язык, и не более. И если в других науках такой перевод в чем-то может быть, и полезен, то в психологии он приносит только вред.

Попытка объявлять психологию какой-то особой областью знания, принципиально отличной от всех других наук, вряд ли перспективна. Психология развивается по тем же законам, что и другие науки; это, в частности, касается и ее отношения к математике.

Обе указанные выше позиции, по нашему мнению, основаны на недоразумении. Дело в том, что от математики пытаются требовать большего, чем она может дать, и вместе с тем не видят ее действительных возможностей, к тому же забывая, что сама математика не является застывшей наукой, а развивается по мере развития потребностей в ней.

Математика никогда не претендовала и не претендует на решение проблем, принадлежащих другим наукам. Известный кораблестроитель А. Н. Крылов образно сравнил математику с жерновами мельницы, которые перемалывают лишь то, что в них заложат. Если в жернова засыпать семена сорняков, то на получение пшеничной муки рассчитывать не приходится. Конечно, основным условием, при котором применение математики в психологии только и может дать полезный результат, является прежде всего разработка проблем самой психологии. Использование математических методов без выяснения качественной определенности изучаемых явлений, конечно, ничего не дает. Но если эта качественная определенность выявлена, если разрабатываемые в науке положения сформулированы четко, то математика становится мощным средством развития науки. (Примеров тому из истории наук можно было бы привести множество.) В этой связи важно подчеркнуть, что математическому моделированию должно предшествовать качественное изучение объекта моделирования.

Часто высказываются суждения о том, что в психологии математические методы выступают лишь в роли приемов обработки данных. Нам представляется, что значение математики для психологии не ограничивается только этим. Она выступает также как средство (и способ) абстракции, анализа и обобщения данных, а следовательно, и как средство построения психологической теории. В математической модели объект предстает в абстрактной и обобщенной форме (идеальный объект). Поэтому хорошая модель может позволить, исходя из малого числа оснований, объяснить многообразие явлений. Даже простой перевод данных психологии на математический язык дает возможность выразить их в компактной и удобной для теоретического осмысливания форме, вскрыть противоре-

чия, несогласованности, неясности и т. п. Нужно отметить, что сама общая теория психологии (даже на уровне лишь качественной анализа изучаемых явлений) пока еще далека от того, чтобы мы могли считать ее логически непротиворечивой, обладающей необходимым единством, гармоничностью и конструктивностью. Можно полагать, что в формировании этих черт психологической теории математика призвана сыграть большую роль.

Иногда говорится о том, что вообще-то математические методы полезны для психологии, но не те, которые существуют сейчас, а те, которые когда-то будут созданы. Конечно, применяемые сейчас методы не удовлетворяют потребности психологии, во всяком случае полностью. Кстати, и сами эти потребности еще не сформулированы четко. Но это не значит, что существующие методы не следует применять. Важно только знать их возможности и особенно их ограничения. Те новые методы, о которых часто говорят, не могут возникнуть сами собой, как *deus ex machina*. Путь их создания — постоянная совместная работа психологов и математиков. Психологам еще нужно научиться ставить задачи перед математикой, а математикам еще предстоит развернуть разработку новых методов, адекватных психологической проблематике. В ходе совместной работы неизбежно применение «старых методов», выявление их границ, неполноты, недостаточности и в то же время уточнение проблем, поиск других методов и т. д.

В том, что психология в своем развитии обращается к математике, аичего удивительного нет. Это — естественный процесс, в который включают так или иначе многие области знания. История развития специальных наук показывает, что в каждой из них на определенном этапе развития начинается (и иногда весьма бурный) процесс математизации. Особенно отчетливо это видно на примерах развития естественных и технических наук (пожалуй, наиболее яркий пример — создание новых разделов теоретической физики в начале нашего века). Но этот процесс захватывает также и науки общественные.

Математизация той или иной науки проходит ряд стадий, каждая из которых возникает лишь тогда, когда в этой области накапливается необходимая совокупность теоретических положений и эмпирических данных. Обычно для первой стадии характерно применение некоторых традиционных (созданных в интересах других областей науки) математических методов для анализа и обработки результатов наблюдений и экспериментов, благодаря чему в системе изучаемых явлений вскрываются элементарные количественные зависимости. Часто эта стадия совпадает с этапом становления самой науки как самостоятельной области знания.

Считается, что психология как наука начала формироваться во второй половине прошлого столетия¹⁸. Именно в это время выходит

¹⁸ 1863 — «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, 1874 — «Физиологическая психология» В. Вундта, 1879 — первая психологическая лаборатория в г. Лейпциге, основанная В. Вундтом, 1885 — первая отечественная психологическая лаборатория в г. Казани, основанная В. М. Бехтеревым.

и труд Г. Т. Фехнера «Элементы психофизики» (1860), в котором предпринимается попытка математического описания зависимости между величинами воздействующих на органы чувств стимулов и соответствующими им величинами ощущений¹⁹. Начиная с этого времени в психологии предпринимаются попытки использовать математику, но в основном как вспомогательное средство для обработки экспериментальных данных.

В первой половине XX в. математику пытаются применить в разных направлениях психологии. В начале века появляются работы И. Е. Спирмена «Общий интеллект» (1904), А. Бинэ и Г. Симона по вопросам измерения психического развития ребенка (тесты) (1905); в 20—30-е гг. — работы Л. Л. Тёрстона «Кривые обучения» (1919), С. Гехта «Природа процессов в фоторецепторах» (192У). В 30—40-е гг. появляются работы К. Левина «Принципы топологической психологии» (1936), К. Л. Холла «Принципы поведения» (1943), в которой, в частности, предпринимается попытка математического описания зависимости силы привычки от числа повторений, В. Дж. Крозье «О законе минимального различения интенсивности» (1940), К. Дж. В. Крейка «Теория человека-оператора в системах управления» (1947) и др. Этот период можно, по-видимому, считать второй стадией, для которой характерно расширение областей применения математики в психологии. Оно распространяется на проблемы интеллекта, обучения, деятельности человека в системах управления и др. Вместе с тем к анализу психических процессов и фактов поведения привлекается все более широкий ассортимент математических методов.

Третья стадия связана с формированием математической психологии как самостоятельной ветви психологической науки, пограничной с математикой (50—60-е гг. XX в.)²⁰. На этой стадии математика начинает использоваться не только для анализа данных (экспериментальных и иных) психологического исследования, но и как средство разработки теории. Наибольшее развитие в этот период получило моделирование процессов обучения в терминах марковских цепей. К этому периоду относятся стохастические модели обучаемости Р. Буша и Ф. Мостеллера, работы Р. Аткинсона, Г. Бауэра и Э. Кротерса по математической теории обучения, теории отбора стимула В. Эстеса, аксиома выбора Д. Люса и др. В исследовании психических процессов и функций широко используется теория информации (Миллер, Эттнев, Глезер и Цуккерман, Крылов, Забродин, Клике, Ганзен, Николаев, Бонгард и др.). Именно в

¹⁹ Правда, еще задолго до этого появлялись математические работы, имеющие некоторое отношение и к поведению: такова работа Даниила Бернулли, члена Петербургской Академии наук «Описание новой теории измерения риска» (1738). Однако подобные изыскания не могли претендовать на статус психологических исследований, да и психология в то время не была самостоятельной наукой.

²⁰ Основная задача этой дисциплины состоит в разработке математических моделей психических явлений. Уточняя эту задачу, В. Ю. Крылов считает, что речь должна идти о моделировании не психических явлений самих по себе, а объектов, обладающих психическими свойствами [239].

это время появляются работы, посвященные вопросам математического моделирования поведения человека, принимающего решения (например, в задачах выбора, детекции сигналов и др.).

Важно отметить, что работы этого периода не только способствовали проникновению новых математических теорий и методов в психологию, но и показали их ограничения.

В настоящее время, как нам представляется, психология стоит на пороге нового этапа развития — этапа создания специализированного математического аппарата для описания психических явлений и связанного с ними поведения. В психологии все чаще формулируются задачи, требующие не просто применения существующего аппарата, но и создания нового. Каким будет этот аппарат — пока еще трудно сказать. Однако важно отметить, что «дерево» психологических дисциплин столь разветвилось, а различные входящие в него дисциплины находятся на столь различных уровнях развития, что говорить о математизации психологии вообще и математическом аппарате моделирования психических явлений вообще вряд ли имеет смысл. Видимо, вопрос о разработке такого аппарата и создания математических моделей психических явлений (и поведения) должен решаться дифференцированно, применительно к каждой психологической дисциплине.

Первая и вторая стадии применения математики в психологии связаны с созерцательно-описательным и эмпирическим типами знания; третья (а тем более намечающийся новый этап) — с действенно-преобразующим. Можно ожидать, что создание специализированного математического аппарата и разработка моделей, учитывающих системное строение психики, будут способствовать выработке объективных критериев упорядочивания эмпирической многоаспектности и формированию таких стратегий исследования, которые позволят управлять изучаемыми явлениями в ходе активного воздействия на них.

В последние годы математические модели тех или иных психических явлений продуцируются десятками, если не сотнями ежегодно. Правда, далеко не каждая из них является действительно моделью некоторой психологической реальности: иногда моделирование превращается в игру математическими символами, за которыми не стоит никакой реальности. И все же, несмотря на это, в целом стремление дать математическое описание психических явлений безусловно способствует развитию общепсихологической теории.

Можно выделить несколько подходов использования математики в психологии. Наиболее простым является иллюстративный, или так называемый дискурсивный, подход, который состоит, по существу, в замене естественного языка математической символикой. Обычный язык часто оказывается недостаточно адекватным, чтобы экономно и четко выразить всю сложность тех или иных развиваемых в науке идей. В этой ситуации символика может заменить длинные рассуждения. Она может служить и своего рода мнемоническим средством — удобным для памяти кодом.

Примером дискурсивного подхода может служить известная «формула» эмоций, предложенная П. В. Симоновым ($\Theta = \hat{I} [P, (I_n - I_c) \dots]$)²¹. Она хорошо выражает основную идею автора, но совершенно непригодна для конкретных расчетов. Автор не раскрывает строго, как того требует математика, характера зависимостей, о которых идет речь, и не предлагает мер, позволяющих дать количественную оценку связываемых явлений. Конечно, дискурсивный подход — самый простейший способ применения математической символики и принципов. Если рассматривать построенные на его основе модели как обобщения эмпирического материала, то следует признать, что область обобщений недостаточно определена. И все же даже этот подход может быть полезным в построении теории, поскольку он позволяет экономным образом наметить направление поиска зависимостей между явлениями.

Широко распространенный в психологии функциональный подход состоит в описании зависимостей между теми или иными величинами, из которых один ряд принимается в качестве аргумента, другой — в качестве функции. Первые попытки аналитического описания зависимостей между интенсивностью («силой») ощущений и интенсивностью стимулов были предприняты в классической психофизике. Позднее способы аналитического описания зависимостей между теми или иными величинами получили в экспериментальной и других психологических дисциплинах весьма широкое распространение.

Столь же широкое распространение начинает в последние годы получать и структурный подход, который состоит в описании (с помощью определенной системы символов и правил их комбинаций) взаимосвязей между различными сторонами (элементами) изучаемого явления. В психологии разработано немало моделей для структурного описания восприятия, памяти, принятия решений, процессов коммуникации и т. д.

Существует довольно много разных определений понятий «модель» и «моделирование» и различных оценок роли моделирования в научном (в том числе и в психологическом) исследовании²². Не вдаваясь в обсуждение этих различий, кратко охарактеризуем общепринятую схему исследования, включающую математическое моделирование. Как и в любом исследовании, сначала на основе имеющихся в науке теоретических положений и конкретных данных формулируется гипотеза, подлежащая проверке. В соответствии с ней строится некоторая идеальная модель, которая соответствует высказанной гипотезе. Такая модель обычно выступает как нормативная, или прескриптивная. В этой модели отображается не

то, что на самом деле происходит, когда разворачивается какой-либо процесс, а то, что должно было бы происходить, если принимаются некоторые исходные (гипотетические) положения; при этом нормативная модель относится к некоторому идеализированному объекту: она «очищена» от частных особенностей. Это — модель идеального объекта.

Традиционно нормативные модели связаны с дедуктивной логикой, которая занимается вопросом о том, как мы должны были бы думать, следуя идеальным принципам логики, а не вопросом о том, как мы думаем на самом деле²³.

• При построении нормативной модели математика используется, чтобы показать наиболее эффективный путь достижения определенной цели. Этот тип математического моделирования гораздо более популярен среди, например, экономистов, которые обычно исходят из идеи «рационального человека», всегда подсчитывающего оптимальный доход и желающего максимально удовлетворить свои потребности, чем среди психологов. Как отмечал Дж. А. Миллер, «долгое время психологи смотрели на экономистов как на хороший пример плохой психологии». Но в последнее время нормативные модели находят применение и в психологии.

Однако психологию более интересует, как человек думает на самом деле, как на самом деле протекает тот или иной психический процесс. Еще Сеченов, говоря о психологических исследованиях, возражал против того, чтобы «смешивать номинальное с реальным, а логическое — с истинным». Поэтому психология не удовлетворяется нормативными моделями и обращается к экспериментальной проверке высказанной гипотезы, а значит, и построенной на ее основе нормативной модели. Кстати, модель обычно включает ряд переменных, значения которых можно определить только опытным путем. Наблюдение за функционированием модели и сравнение соответствующих данных с данными эксперимента позволяют оценить предложенную модель, при необходимости уточнить и модифицировать ее. Анализируя экспериментальные данные, мы строим дескриптивную модель, т. е. описываем, как на самом деле (в условиях данного эксперимента) протекает изучаемый процесс. Таким образом, в реальном психологическом исследовании всегда имеют место переходы от нормативных моделей к дескриптивным (и наоборот), так же как переходы от дедукции к индукции (и наоборот). При этом нужно иметь в виду, что одна и та же нормативная модель может послужить основой проведения разных экспериментов, данные которых используются при построении разных дескриптивных моделей. И вместе с тем дескриптивная модель может в процессе исследования дать толчок для построения новых нормативных моделей.

Особенно много работ ведется в области моделирования процессов принятия решений. Основными подходами к построению

²¹ В ней выражается зависимость эмоций (Θ) от потребности (P), а также разница между необходимой информацией (I_n) и существующей (I_c).

²² В последние годы популярными стали методы так называемого имитационного моделирования, на которые возлагают иногда большие надежды. Однако пока еще трудно сказать, что эти методы могут дать на самом деле. Шеннон, НПП"моо считает, что пока имитационное моделирование более является нск\сс1в\1, "ем наукой .

²³ Отметим, что долгое время и в психологии законы мышления отождествлялись с законами леники

моделей этих процессов являются: 1) теория статистических решений, 2) теория полезности и 3) теория игр. Возможности и ограничения этих подходов рассмотрены в [348]. Здесь лишь отметим, что каждый из них «схватывает» какой-то действительно существенный момент процесса принятия решения: статистическая теория решения — неопределенность среды, выбор и риск; теория игр — некоторые характеристики поведения человека в условиях взаимодействия (положительного или отрицательного) с другими людьми и со средой. Это позволяет описывать и теория стохастических автоматов. Теория полезности может быть связана с психологическими представлениями о потребностях человека и соответственно о его мотивации.

Но вместе с тем ни одна из них не описывает психологическую реальность достаточно полно и системно. Берутся лишь отдельные моменты этой реальности.

Так, все модели принятия решения относятся только к уму (если пользоваться триадой эмпирической психологии, выделявшей в психике «ум», «чувство» и «волю»). По существу, рассматриваются решения, принимаемые «рациональным человеком». Между тем в реальной жизни человек нередко принимает решения не на основе взвешивания вероятностей возможных событий, определения величины риска и полезности, а под влиянием эмоциональных состояний, импульсивно. Более того, «эмоциональная компонента» всегда присутствует в любом действии²⁴. В теории от нее, конечно, можно отвлечься. Но нельзя забывать о допускаемой абстракции. Описывая процесс принятия решения, нередко отвлекаются также и от «волевой компоненты», т. е. от того, будет ли принятое решение выполнено. Но в жизни решение так или иначе реализуется в произвольном действии (решение может быть, конечно, реализовано в бездействии), а это накладывает определенный отпечаток и на процесс принятия решения. Но дело не только в том, что в математических моделях принятия решения отвлекаются от эмоциональной и волевой компонент реальной деятельности человека. Как и в любых других математических моделях, моделируемый процесс здесь берется изолированно. Это, конечно, позволяет описать его достаточно строго, но вместе с тем сильно ограничивает возможности применения моделей к решению как теоретических, так и практических задач.

Если говорить о процессе принятия решения, то в психологическом исследовании он рассматривается в контексте реальной деятельности человека. В структуре деятельности решение выступает как конечный акт разветвленной системы других процессов и вместе с тем как начало новой системы процессов. Для того, чтобы понять, как происходит принятие решения (и каков его механизм), нужно иметь более или менее ясное представление о структуре деятельности и включенных в нее психических процессов в целом. Эта

²⁴ Как показали исследования О. К. Тихомирова и его сотрудников, «эмоциональная компонента» включается и в самый процесс решения. В этих исследованиях выявлен I¹ описан феномен «эмоционального предрешения» [401].

структура будет подробнее рассмотрена в четвертой главе. Здесь лишь отметим, что ведущую роль в организации деятельности играет отношение «мотив—цель», которое задает направление формирования решения. Оно определяет и процесс извлечения информации из памяти, и процесс сбора, обработки и синтеза информации, поступающей из окружающей среды. Принятие решения переводит одну систему процессов — синтез получаемой информации — в другую систему: в программу предстоящего действия. Таким образом, в принятии решения реализуются и когнитивная и регулятивная функция психики. Очевидно, что при построении моделей принятия решения важно знать, как разворачиваются процессы, предшествующие ему и следующие за ним. Иначе говоря, нужно исследовать не только самое решение, но и его информационную подготовку (или стадию предрешения), которая включает поиск, выделение, классификацию и обобщение информации о среде, а также формирование гипотез (альтернатив), из которых происходит выбор. Нужно исследовать также, как принятое решение переходит в процесс формирования программы действий, направленных на его реализацию. В этой связи представляет интерес теория установок.

Процесс принятия решения, таким образом, должен быть рассмотрен в системе других процессов, включенных в реальную деятельность человека. При этом важно иметь в виду, что связь между мотивом, целью и способом действия не является однозначной. Одна и та же цель может реализовываться разными способами, что так или иначе проявляется и в процессе принятия решения.

Анализируя деятельность, мы обнаруживаем процесс принятия решения и при формировании цели, и при обработке поступающей информации, и при выборе способов действия, и при формировании программы действий, т. е. принятие решения как бы пронизывает все «составляющие» деятельности.

В этой связи важно подчеркнуть, что система психических процессов является многоуровневой, о чем специально речь пойдет в следующей главе.

Соответственно можно выделить и разные уровни принятия решения. Проведенные в психологии исследования позволяют говорить о сенсомоторном, перцептивно-опознавательном, «представленном» и речемыслительном уровнях (см.: [389]). Психологические характеристики процесса принятия решения на каждом из них обладают своими специфическими особенностями. Так, на сенсомоторном уровне принятие решения связано с выбором той или иной реакции в ответ на некоторый (обычно заранее известный) сигнал. На перцептивно-опознавательном уровне принимаются решения, связанные с классификацией воспринимаемых объектов. При этом человек пользуется различными признаками. От сформированное™ перцептивного образа зависит избирательность в актуализации эталонов-признаков и построении гипотез (альтернатив). На уровне представленный человек оперирует вторичными образами объектов, трансформируя их соответственно цели деятельности. На речемыслительном уровне можно наблюдать развернутый процесс

«взвешивания» вероятностей событий (иногда в форме вычислений), оценку возможных последствий и т. д.

Таким образом, при построении математических моделей принятия решения важно учитывать тот конкретный уровень, к которому оно относится (имеется ли в виду решение, включенное в процесс восприятия и опознания, связано ли оно с оперированием образами или понятиями, формулами и т. д.).

Далее нужно иметь в виду, что разные люди (или один и тот же человек в разных ситуациях) принимают решения по-разному. Ю. Н. Кулюткину и Г. С. Сухобской удалось выявить на основе оценки соотношения процессов формирования гипотез и их контроля несколько типов принятия решения [248] (см. четвертую главу, параграф третий).

Очевидно, при построении математических моделей принятия решений важно учитывать их типологию, если мы хотим, чтобы модель соответствовала психологической реальности.

Еще один важный момент состоит в том, что психические явления характеризуются чрезвычайно высокой динамичностью. Как показывают исследования, в ходе развертывания того или иного процесса нередко происходит смена, например, критериев, которыми пользуется человек при оценке событий, значимости тех или иных характеристик этих событий, отношения к ним и т. д.

Так, в наших исследованиях процесса опознания зрительных сигналов выявилось, что этот процесс протекает по определенным фазам; при этом на разных фазах человек может пользоваться разными эталонами, с которыми сличается опознаваемый сигнал, как бы переходит от одного алфавита к другому. Например, одни сигналы опознаются по признаку сходства конфигураций, другие — по их различию, третьи — по семантической общности и т. д., т. е. используемые признаки сигналов оказываются скользящими [282]. Между тем создаваемые математические модели далеко не всегда позволяют учитывать именно динамику.

Наконец, для психологии особенно важно раскрыть закономерности развития (в онтогенезе) изучаемых ею функций, процессов, состояний и свойств. Это относится и к процессу принятия решения. Вряд ли кто-либо возьмется доказывать, что взрослый зрелый человек и ребенок в сходных условиях принимают решения совершенно одинаковым образом. Как и любой иной психический процесс, принятие решения изменяется, развивается по мере накопления того, что принято называть опытом, формирования установок, отношений, мотивов, целей и т. д. Было бы весьма полезно специально проверить, как та или иная из создаваемых моделей реализуется (и реализуется ли) на разных ступенях умственного (и вообще психического) развития человека. Вероятно, при этом легко обнаружатся различия в том, как на разных возрастных ступенях формируются, например, представления о классах возможных распределений случайного процесса, «пространство» возможных решений, функция возможной потери, связанная с принятием того или иного решения, переживание риска. Можно полагать, что разрабатываемые

модели более или менее адекватно отражают процесс принятия решения в его развитой форме. Так, например, если человек овладел аппаратом статистической теории решения, он может им пользоваться в своей практической деятельности. Здесь деятельность строится в соответствии с теорией. Поэтому естественно принятие решения оказывается близким к описываемому теорией.

Таким образом, исследование процессов принятия решения должно быть генетическим.

Все сказанное относится к математическим моделям не только процесса принятия решения, но и других процессов, изучаемых психологией. Это значит, что математическая психология может развиваться успешно лишь при условии ее тесной связи с другими психологическими дисциплинами, опираясь на накапливаемые данные и разрабатываемые теоретические принципы и концепции.

Мы рассмотрели вопрос о нормативных и дескриптивных моделях принятия решения только в качестве примера того, насколько важно при построении моделей психических явлений иметь в виду их реальные характеристики²⁵. Вместе с тем это показывает необходимость применения системного подхода в их исследовании (подробнее о системном подходе речь пойдет в следующей главе).

Нужно заметить, что иногда утверждается, будто бы математизация знания является имманентной чертой системного подхода, его основным звеном. Однако такое понимание, пожалуй, слишком категорично. Конечно, математизация научного знания и системный подход теснейшим образом взаимосвязаны. Но сущность системного подхода вряд ли можно свести к этим взаимосвязям. Его ядром (или базой) являются принципы материалистической диалектики, которые, кстати, важны и для решения вопросов о целесообразной мере (для разных уровней развития той или иной области науки, в том числе психологии) математизации научного знания.

§ 5. Особенности развития общей теории психологии в современных условиях

Как было показано в предыдущих параграфах, на современном этапе психологическая наука переживает период активного развития, что выражается в расширении ее проблематики, обогащении методов исследования и фактических данных, формировании новых направлений и усилении связей с практикой.

Это изменяет самую структуру психологического знания и создает новые условия дальнейшего развития общей теории психологии.

В значительной мере развитие психологической науки можно оценить как экстенсивное, что проявляется в ее дифференциации. Уже сейчас можно насчитать несколько десятков специальных психологических дисциплин и направлений (по справочникам американской психологической ассоциации их насчитывается около сот-

²⁵ Это, конечно, не исключает права абстрагироваться от многих из них для решения определенной научной задачи.

ни). Важнейшими среди них являются общая психология (теоретическая и экспериментальная), дифференциальная, историческая, социальная, возрастная (в том числе как особая дисциплина — детская), педагогическая, медицинская, юридическая, инженерная, авиационная, космическая, математическая, этническая психология, психология труда, управления, искусства, спорта, психофизика, психофизиология (общая и дифференциальная), психофармакология, психоллингвистика. Тенденция дифференциации, по-видимому, будет продолжаться и далее²⁶.

Иногда высказываются опасения, что в этой тенденции проявляется действие центробежных сил, которые разрывают единую науку, превращают ее во множество мелких, отдельных, не связанных между собой направлений. В дифференциации психологии усматривают угрозу отхода от ее общих проблем, от разработки ее общей теории. При недостаточной разработке методологических проблем возникает опасность соскальзывания к беспредельному релятивизму и плюралистическим концепциям, что, в свою очередь, ведет к позитивизму.

Нужно, однако, сказать, что тенденция к дифференциации характерна для развития не только психологии. По этому пути идут все фундаментальные науки, и степень их дифференциации является показателем прогресса научного знания. Конечно, каждая из специальных областей берет только какую-либо одну часть (или один аспект) изучаемой системы явлений, и в этой связи возникает опасность потери целого. Но вместе с тем дифференциация науки является непременным условием углубленного изучения выбранной части (или аспекта).

Прогрессирующая дифференциация психологической науки диктуется законами развития научного знания, она вызвана объективной необходимостью: прежде всего теми задачами, которые ставятся жизнью, общественной практикой. При этом важно подчеркнуть, что в дифференциации находит свое отражение и развитие основного объекта психологических исследований — Человека: обусловленное научно-техническим прогрессом и изменениями жизни общества, развитие его бытия, тех новых отношений, в которые он включается, новых видов его деятельности. Именно в связи с этим возникли такие области психологической науки, как *психология управления, инженерная, авиационная и космическая психология*.

Благодаря дифференциации вычлениются все новые стороны психики, раскрывается многообразие и многокачественность ее проявлений. В каждой отдельной области психологической науки накапливаются такие специфические данные, которые не могут быть получены в других ее областях.

При попытках классифицировать множество областей и направлений психологии возникают большие трудности. Прежде всего

²⁶ Какие из формирующихся направлений в психологии действительно являются специальными научными дисциплинами, а какие возникли лишь как ответ на «сиюминутный» запрос и не получают развития или включаются как составные части в другие дисциплины, покажет будущее.

оказывается очень нелегко выделить некоторое единственное основание классификации. Одни области психологии дифференцируются по видам изучаемой человеческой деятельности, другие — по решаемым практическим задачам, третьи — по методам исследования и т. д. Можно, конечно, спорить, имеет ли та или иная область психологической науки право на самостоятельность: возможно, что некоторые из них являются преходящими (их возникновение обусловлено лишь требованиями момента). Но как бы там ни было, ясно одно: классификация областей психологии должна опираться на систему оснований.

Дифференциация психологии тесно связана с тем, что в разработку ее проблем все более активно включаются другие науки. Как отмечалось в первом параграфе, в ходе развития многих областей научного знания возникают вопросы по существу своему психологические. Понятно, что ставятся они в контексте проблематики других наук и разрабатываются методами, свойственными этим наукам. Иногда даже создается впечатление, что психологическая проблематика как бы поглощается другими науками: психологию начинают рассматривать как ветвь либо физиологии, либо кибернетики, либо социологии, либо педагогики. Но когда эти науки обращаются к исследованию и описанию психических явлений, обнаруживается ограниченность их методов и понятийного аппарата.

Вместе с тем и сама психология нередко пользуется принципами, схемами анализа и методами, сформировавшимися в пограничных с ней науках.

Применение достижений пограничных наук в психологии, как уже отмечалось в первом параграфе, позволяет, с одной стороны, рассматривать психические явления в их взаимосвязях с другими явлениями (физическими, биологическими, социальными) и выявлять некоторые общие и глубокие их основания, а с другой — раскрывать их специфику.

Дифференциации психологической науки противостоит другая, также общая со всеми иными науками тенденция развития — интеграция ее областей и направлений. В каждой из специальных психологических дисциплин по мере исследования ее специфического предмета возникают проблемы, решение которых требует выхода за пределы этой области и обращения к данным, накапливаемым в других дисциплинах. Это можно показать на примере инженерной психологии.

Основным предметом ее исследования является информационное взаимодействие человека и технических устройств в системах управления и контроля. Изучая процессы приема, переработки и хранения информации человеком, инженерная психология абстрагируется от многих психологических характеристик его деятельности. Такая абстракция, конечно, позволяет получать некоторые полезные результаты. Однако исследователи непрерывно сталкиваются с «натяжениями» выявленных закономерностей: человек далеко не всегда ведет себя так, как полагалось бы ему себя вести с точки зрения представлений об информационных системах. Так, при определении скорости приема и переработки информации человеком-оператором обнаруживается, что она зависит от многих факторов, таких, как особенности воспринимаемых сигналов, степень тренированности опе-

ратора, уровень его работоспособности, характер мотивации и др. Выступая в роли звена системы управления, человек остается человеком со всем присущим ему многообразием свойств, и эти свойства так или иначе проявляются в процессе его информационного взаимодействия с техникой. Даже в самом «стерильном» лабораторном эксперименте не удается «отсеять» те свойства, которые выходят за пределы представлений о человеке как звене информационной системы, поэтому инженерная психология вынуждена обращаться к проблемам, разрабатываемым в психологии труда, психофизиологии, в психофизике и даже в такой, казалось бы, далекой от инженерной психологии области, как социальная психология. Конечно, инженерная психология берет проблемы, разрабатываемые другими науками, под определенным углом зрения. Но важно то, что она в силу логики исследования вынуждена выходить в область этих проблем.

То же самое можно сказать и о любой другой специальной области психологии. В процессе развития каждой из них формируются «цепочки» проблем, связывающие эти области между собой; в свою очередь, эти цепочки образуют сложную «сеть» проблематики, охватывающую всю систему психологических дисциплин.

Такова уж диалектика научного познания, что, **чем глубже проникает та или иная специальная дисциплина в изучаемый ею предмет и чем полнее раскрывает его, тем все более необходимыми становятся для нее контакты с другими дисциплинами.**

Конечно, связи между психологическими науками создают лишь предпосылки интеграции, в лучшем случае являются ее первой ступенью. Действительная интеграция предполагает раскрытие в массе специальных описаний, сложившихся в разных психологических дисциплинах и нередко противоречащих друг другу, того главного, общего и существенного в психических явлениях, что так или иначе проявляется при любом специальном подходе.

В конце концов все специальные области психологии смыкаются в «зонах» ее фундаментальных проблем, разрабатываемых общей психологией. Именно она выполняет цементирующую роль в системе психологических наук. Значение данных, накапливаемых в каждой специальной дисциплине, определяется в конечном итоге тем, насколько они служат задаче разработки общей теории психологии, пониманию наиболее общих и существенных связей между изучаемыми явлениями. Но общая теория не сводится, конечно, к простой сумме специальных дисциплин. Она представляет собой особую форму их интеграции. Включение достижений специальных дисциплин в общую теорию — это каждый раз и новый шаг синтеза знаний.

Вместе с тем развитие любой специальной дисциплины начинается не от нуля. Ее общей предпосылкой является тот уровень развития общей теории психологии, который достигнут к моменту начала формирования новой дисциплины. Первое, с чего начинается новая дисциплина, — это попытка применить сложившуюся теорию к новой сфере реальности. Но обычно оказывается, что этого недостаточно, и тогда появляется потребность в разработке специальной теории. Однако эта специальная теория формируется, опираясь на общую теорию, и включает ее в себя.

В противном случае действительно возникает опасность разрыва системы психологических наук на множество не связанных друг с

другом дисциплин и направлений, а в этой связи она может скатиться к плюрализму, трактуемому психику как множество отдельных существей.

Связь между общей теорией психологии и ее специальными областями, таким образом, двусторонняя: с одной стороны, общая теория «питается» данными, накапливаемыми в отдельных областях, с другой — отдельные области могут успешно развиваться лишь при условии развития общей теории психологии.

Одна из особенностей современного этапа развития психологии состоит в том, что общая теория сейчас разрабатывается на значительно более широкой базе, чем это было прежде.

Если четверть века тому назад общая психология «питалась» конкретными данными, концепциями и гипотезами, накапливаемыми в основном в детской и педагогической психологии, то сейчас круг этих данных существенно расширяется и обогащается, благодаря чему создаются новые возможности для теоретических обобщений и разработки общетеоретических фундаментальных проблем.

Благодаря дифференциации психологической науки возрастает, если можно так сказать, «мощность фундамента», на котором строится общая теория. При этом благодаря «перекрытию» проблематики специальных дисциплин в области фундаментальных проблем появляется возможность множественной проверки выдвигаемых гипотез и концепций. Это, в свою очередь, позволяет отсеять частное, случайное и эпизодическое и более четко выделить общее и существенное, необходимое, т. е. способствует формированию идеального объекта психологических исследований. Вместе с тем фундамент общей теории становится более надежным.

Каждая из перечисленных выше психологических дисциплин исследует отдельные «границы» психических явлений, дает специальные знания об их связях и отношениях, позволяет более глубоко проникнуть в их специфическую природу. Но вместе с тем каждая из них служит делу разработки общей теории психологии. В накапливаемых ими специфических данных так или иначе проявляется **общее.**

Так, социальная психология имеет свой предмет, свою проблематику, свои методы исследования, но накапливаемые в ней данные представляют исключительную ценность и для понимания общих механизмов социальной детерминации психического развития человека, общественно-исторической обусловленности его сознания, личности и индивидуальности, для дальнейшего развития общепсихологического принципа единства сознания и деятельности. Социально-психологические исследования оказывают определенное влияние на разработку и других проблем: восприятия (например, в связи с изучением восприятия человека другим человеком (см. Бодалев [90] и др.), памяти (например, в связи с исследованием роли общения в мнемических процессах [290]), мышления (например, в исследовании групповых решений [316; 389]) и т. д.

Аналогичным образом данные возрастной и педагогической психологии важны для разработки общепсихологической проблемы развития. Исследуя возрастные особенности психики и участвуя в разработке средств и способов педагогического воздействия, эти области психологии раскрывают «резервы» психической развития и механизмы управления им.

Инженерная психология и психология труда также имеют свои специфические задачи, проблемы и методы. Но вместе с тем их развитие важно для дальнейшей разработки психологической теории деятельности, для исследования пси-

хических процессов, функций и состояния в зависимости от условий, в которых эта деятельность осуществляется, для разработки принципов ее формального описания, а также для построения эксперимента. Не случайно именно в области инженерной психологии разработан ряд новых экспериментальных подходов к изучению восприятия, внимания, памяти, мышления, эмоциональных состояний и т. д.

Психофизиология, нейропсихология, медицинская психология, также являясь самостоятельными научными дисциплинами, имеют существенное значение для разработки той области фундаментальных проблем психологической науки, которые относятся к изучению материального субстрата психики и к ряду других проблем.

Специальные области психологической науки выступают также в роли каналов, через которые фундаментальные исследования внедряются в практику и проверяются ею.

Развитие специальных областей психологии создало в психологии еще в одном отношении новую ситуацию. Теоретические обобщения требуют сейчас более глубокого анализа и сопоставления данных, накапливаемых в разных областях. Но эти данные нередко оказываются противоречивыми и часто не укладываются в «прокрустово ложе» общих схем и концепций, ставших привычными. Совершенно необходима поэтому систематизация (пока еще недостаточная) данных, накапливаемых в разных областях психологической науки. Разработка общей теории, которая бы строилась на основе достижений всей системы психологических наук, настоятельно требует разработки конкретно-научных принципов и методов системного анализа, вытекающего из позиций материалистической диалектики и подтверждаемого всем ходом развития современной науки.

Дифференциация психологической науки и ее включение в практику привели к тому, что многие сложившиеся в ней понятия стали рассматриваться в новом для психологии контексте, возникли новые подходы к анализу психических явлений, синтезу и обобщению данных, получаемых в процессе исследования.

Это можно показать на примере инженерной психологии. Изучение процессов информационного взаимодействия человека с техническими устройствами потребовало обратиться прежде всего к анализу познавательных процессов.

В связи с их изучением в контексте систем «человек — машина» стали привлекаться понятия и методы, сложившиеся в кибернетике, и в особенности в теории информации. Именно через инженерную психологию понятие «информация» вошло в общую теорию психологии. Мы не будем сейчас обсуждать вопрос о соотношении понятий «отражение» и «информация», о правомерности использования информационных мер для анализа психических явлений и поведения человека в целом, об ограничениях в использовании этих мер и о специальных задачах, которые ставятся психологией, физиологией, а также рядом других наук, изучающих человека, перед теорией информации.

Нам важно подчеркнуть лишь одно: изучение познавательных (как, впрочем, и других психических) процессов в контексте проблем информационного взаимодействия человека и машины позволило по-новому взглянуть на их традиционную схему, по-новому подойти к их анализу.

Как известно, в течение многих лет в психологии дискутировался вопрос о соотношении ощущения как отражения отдельных свойств стимулов (раздражителей), воздействующих на органы чувств, и восприятия как отражения этих стимулов в целом, в совокупности их свойств. Согласно одной точке зрения,

бесприятие рассматривалось как производное от ощущений; другая утверждала прямо противоположное, рассматривая восприятие как основу всей сенсорики, а ощущение как абстракцию от реально существующего восприятия.

Изучение познавательных процессов в контексте информационного взаимодействия человека и машины перевело всю дискуссию в совершенно иную плоскость. Благодаря этому прежде всего выяснилось, что понятие «восприятие» охватывает весьма широкий круг различных явлений. Потребовалось ограничение и более строгое определение этого понятия. В работах, проведенных в интересах инженерной психологии, были разделены «восприятие» и «опознание» (или «опознавание»). (Впрочем, по сути «опознание» ближе к «узнаванию», уже давно исследуемому в психологии, но оно всегда относилось более к памяти, чем к восприятию) В рамках традиционных концепций понятие «опознание» не использовалось вообще, отображаемые в этом понятии явления затухивались, «тонули» в очень широких и недостаточно определенных понятиях «прошлый опыт», «категориальность восприятия», «апперцепция» и т. д. Сейчас восприятие рассматривается как процесс формирования субъективного образа предмета и как самый этот образ, а опознание — как отнесение перцептивного образа к хранящимся в памяти обобщенным эталонам. Это был лишь первый шаг дифференциации явлений восприятия. Дальнейшие исследования потребовали введения целого ряда новых понятий, таких, как «информационный поиск», «обнаружение сигнала», «идентификация», «сличение сигналов»; в контекст исследований явлений восприятия вводятся понятия «шум», «выбор», рассматриваются «эвристические компоненты» восприятия и т. д.

Анализ перцептивных процессов в контексте деятельности человека по приему и переработке информации привел к необходимости введения таких понятий, как «оперативный порог», «оперативное поле зрения» и т. п. Тем, самым расширились наши знания о структуре и функциях воспринимающих систем. В инженерно-психологических исследованиях получены новые данные, характеризующие взаимоотношения сенсорных и моторных компонентов восприятия, а также динамику сканирования сенсорного поля. Эти данные требуют критического пересмотра некоторых ставших традиционными положений теории восприятия. Процесс дифференциации явления восприятия развивается весьма интенсивно. В этой связи старая дискуссия о соотношении ощущения вообще и восприятия вообще потеряла смысл, поскольку относящиеся к этим понятиям явления оказались весьма разнообразными. Вместе с тем выяснилось, что целый ряд фактов, которые прежде противопоставлялись друг другу и использовались для доказательства противоречащих друг другу концепций, в действительности не исключают друг друга и могут быть рассмотрены в контексте единой концепции.

Так, выполненный Ф. Кликсом детальный анализ феноменов структурности восприятия, открытых в гештальтпсихологии и используемых ею против психофизики, показал, что в действительности все они могут быть с достаточной строгостью выведены из общих закономерностей стимуляции воспринимающей системы и трансформации возникающих в ней сигналов [209].

Под сомнение поставлена также правомерность противопоставления законов, открытых в так называемой субъективной психофизике, законам классической объективной психофизики, поскольку эти законы относятся к разным по своим характеристикам перцептивным явлениям.

Исследования, проводимые в инженерной психологии в связи с задачей построения информационных моделей, потребовали вновь обратиться к изучению таких фундаментальных свойств перцептивного образа, как целостность, структурность, константность, а так же к изучению процессов селекции сигналов, осуществляемых воспринимателями системами. Накапливаемые в этой связи данные позволяют говорить о многоуровневой иерархической структуре процессов восприятия.

Это может быть показано, в частности, на примере величин, характеризующих временной режим работы зрительной системы. При их нанесении на единую ось времени для определения оптимальных условий восприятия временной развертки информационных моделей, более или менее отчетливо обнаруживается несколько областей, что и позволяет говорить о нескольких уровнях в работе зрительной системы.

Исходный уровень относится к психофизическим и психофизиологическим процессам, протекающим в микроинтервальной временной области (единицы и десятки миллисекунд). Система процессов, развертывающихся на этом уровне, составляет основу зрительного образа. Но сама временная структура стимула в этой области субъективно не отражается, она скрыта, подобно тому как в картине скрыта структура ее основы (холста). Поскольку основной детерминантой величин этой временной области является интенсивность стимула (яркость), можно предполагать, что здесь формируется энергетический режим зрительного восприятия.

Другой уровень относится уже к самому зрительному образу. Характеризующая его временная область — десятки и сотни миллисекунд. В этой области осуществляется зрительное сканирование внешнего пространства и синтез сукцессивно данных элементов в целостный зрительный образ. Временная структура стимула в этой области субъективно отражается; вместе с тем при определенных условиях возможно возникновение иллюзий (например, кажущееся движение).

Третий уровень связан с величинами порядка сотен и тысяч миллисекунд. В этой временной области осуществляются элементарные перцептивные действия (сравнение стимулов, поиск, выбор, глазомерные операции).

Второй и третий уровни, по-видимому, характеризуют информационный режим работы зрительной системы.

Наконец, четвертый уровень, связанный с временной областью порядка сотен секунд, связан с регуляцией динамики работоспособности самой зрительной системы.

Короче говоря, благодаря исследованиям, проводимым с целью решения практических задач, сейчас вырисовывается новая — хотя, правда, еще недостаточно четкая и строгая — аналитическая картина сенсорики, а это требует серьезного пересмотра многих концепций и понятийного аппарата, сложившегося в общей теории психологии.

Новые подходы намечаются также в исследованиях явлений внимания. В сложившейся системе психологической проблематики место проблемы внимания до сих пор остается все еще не определенным. Внимание рассматривается то как весьма неопределенная «сторона всех психических процессов», то как столь же неопределенный «компонент деятельности», то как «выражение отношения сознания к предмету» и т. д. Понятно, что развиваемые в связи со столь нечеткими позициями концепции внимания не могут служить теоретической основой решения тех задач, которые поставила перед психологией практика.

В современных исследованиях, относящихся к инженерно-пси-

хологическим задачам, внимание рассматривается в связи с селективностью в работе сенсорных систем и их самонастройкой. Так давно известный в психофизиологии феномен спонтанных флуктуаций внимания рассматривается как колебательный процесс, связанный с самонастройкой сенсорных систем. Экспериментальные данные позволяют считать, что флуктуации внимания выступают как проявление регулирования сенсорных систем, обеспечивающего относительную устойчивость их характеристик. Появились реальные возможности рассматривать и многие другие феномены внимания в свете представлений о сенсорных системах, как многоуровневых, иерархически построенных и обладающих механизмами самонастройки системами приема и переработки информации.

В связи с практическими задачами согласования средств отображения с сенсорными системами человека наметились новые линии связей между психологией и физиологией анализаторов, которая, как известно, сейчас все чаще обращается к психологическим понятиям в накопленным в психологии данным (и это в значительной мере объясняется включением физиологии анализаторов в разработку задач создания технических средств отображения информации).

Вместе с тем экспериментально-психологическое изучение явлений ощущения, восприятия и внимания, рассматриваемых в контексте проблемы приема и переработки информации человеком, требует широкого привлечения методов и понятийного аппарата физиологии, что обусловлено необходимостью определения оптимальных режимов функционирования анализаторов при работе человека с техническими средствами отображения. Таким образом, практика способствует преодолению некоторых барьеров между этими науками.

Исследования, проведенные в интересах инженерной психологии, обогащают также аналитическую картину, относящуюся к проблемам памяти. Именно благодаря этим исследованиям наметились новые подходы к классификации мнемических явлений; возникли понятия: «кратковременная память», «долговременная память», «оперативная память», вводятся некоторые новые методы определения объема и других характеристик памяти.

Нужно отметить, что в традиционной экспериментальной психологии изучалась главным образом так называемая «долговременная память». Именно в этой области были выявлены закономерности, которые долгое время считались закономерностями памяти вообще. Однако, когда психология была поставлена перед необходимостью использовать эти закономерности для описания деятельности человека-оператора, они (так же как известные закономерности восприятия, внимания, мышления и других психических процессов) оказались недостаточными. Самый характер деятельности человека оператора таков, что ему требуется запоминать информацию на короткие интервалы времени и непрерывно ее обновлять. В этой связи и возникли понятия «кратковременная» и «оперативная» память. Проведенные исследования позволили выявить ряд специ-

фических закономерностей этих видов памяти, отличающихся от закономерностей памяти долговременной.

Кстати сказать, понятия «кратковременная» и «оперативная» память оказались также очень полезными для медицинской практики в связи с изучением агнозий и амнезий.

Конструктивный смысл возникающих новых понятий для общей теории памяти состоит в том, что они служат все более тонкой дифференциации мнемических процессов и выявлению их сложной многоуровневой структуры. Вместе с тем эти понятия открывают некоторые новые возможности анализа взаимоотношений мнемических функций с сенсорно-перцептивными и интеллектуальными, а также той реальной роли, которую играют эти функции в организации деятельности человека.

Применение к анализу явлений памяти некоторых новых методов, проникающих в общую психологию из инженерной, позволило также дать более строе описание ряда уже известных закономерностей (например, закон забывания, эффект начала и конца запоминаемого ряда).

Аналогичная картина наблюдается и в работах по проблеме мышления. Здесь также возник ряд новых понятий, таких, например, как «оперативное мышление», «концептуальная модель» и др.

Новые подходы наметились в изучении образного и наглядно-действенного мышления. Особенно остро была подчеркнута прогностическая роль мышления в регуляции деятельности человека.

Сейчас трудно сказать, какие из вновь вводимых понятий действительно отражают существенные признаки, стороны психических явлений, а значит, сохранятся и войдут в понятийный аппарат психологии, а какие просто навеяны модой и отомрут²⁷.

Как бы то ни было, по каким бы путям ни пошло дальнейшее развитие психологической теории, несомненно, что наметившиеся в связи с практическими задачами новые подходы к изучению познавательных процессов существенно обогатили психологию новыми фактами и — что, пожалуй, еще более важно — позволили по-новому подойти к их анализу, а также к анализу давно известных фактов. «Психологическая аналитика» бесспорно обогатилась.

И это относится не только к проблемам познавательных процессов. Практические задачи потребовали критического переосмысления многих концепций, относящихся и к другим психическим процессам, функциям и состояниям, а также к психическим свойствам личности человека.

Новые подходы наметились также в изучении структуры трудовой деятельности человека и механизмах ее психической регуляции. В частности, много интересного для общей теории психологии результатов получено в исследованиях деятельности человека-оператора в режиме слежения, требующего непрерывного согласования динамики моторики с динамикой наблюдаемого сигнала.

²⁷ Впрочем, даже и понятия, навеянные модой, иногда могут играть позитивную роль в развитии психологической теории, выступая в роли своего рода «активаторов».

Таким образом, в силу логики исследований, проводимых в интересах практики, постепенно поднимается весь комплекс психологических проблем. Практика заставляет критически переосмысливать многое из того, что накоплено психологической наукой. Она выступает в роли «движущей силы» развития научных понятий.

Для построения теории, в которой очень остро нуждается современная психология, интересно проследить историю некоторых понятий. Возьмем в качестве примера понятие «порог чувствительности анализаторов», занимающее важное место как в физиологии, так и в психологии.

Это понятие, как известно, впервые было предложено объективной психофизикой, которая рассматривала порог, как некоторую точку в одномерном континууме стимулов. Исследователи, пытающиеся определить пороги различных анализаторов с позиций психофизики, обнаружили, что пороговые значения стимула — величины весьма неустойчивые и что, следовательно, чувствительность того или иного анализатора подвержена влиянию многих факторов. Начались поиски этих факторов. И чем глубже шли исследователи, тем больше и больше обнаруживалось факторов. Потоки информации о них возрастали непрерывно. Оказалось, что порог того или иного анализатора зависит от времени года, времени дня, от состояния других анализаторов, от уровня работоспособности человека и т. д. и т. д. Исследователи попали в область «дурной бесконечности» (если пользоваться гегелевской терминологией). Понятие «порог чувствительности» начало терять свой конструктивный смысл. Между тем развитие средств отображения информации (в особенности электронных) и необходимость для человека-оператора работать с очень слабыми сигналами требовали от психологов и психофизиологов точного определения предельных возможностей анализаторов. Поскольку попытки определения порогов чувствительности не давали необходимых точных сведений, к анализу восприятия слабых сигналов подошли с иных позиций: была применена статистическая теория решений и на этой основе развита теория обнаружения сигналов. Сторонники этого подхода пришли к отрицанию концепции порога. «Дурная бесконечность» была преодолена путем перехода к иной системе понятий и принципов. Но этим дело не завершилось. В недрах самой теории обнаружения сигналов стали накапливаться сведения о все новых и новых факторах, определяющих деятельность человека в ситуации обнаружения. Предложенная идеализированная схема, характеризующая ситуацию обнаружения, оказалась не вполне удовлетворительной. В современной психофизике вновь возникло понятие «пороговая зона» (или «пороговая область»). Но это понятие раскрывается иначе, чем в классической психофизике: не точка в континууме стимулов, а именно зона в стимульном пространстве (Бардин [65]). Как видим, понятие о пороге развивается в полном соответствии с диалектикой (тезис—антитезис—синтез). Каждая ступень в развитии этого понятия связана с переходами от одних систем понятий к другим. И эти переходы диктовались теми требованиями, которые вытекают

из практических задач; в данном случае речь идет о требованиях, вытекающих из необходимости согласования средств отображения информации с сенсорными системами человека. Можно было бы рассмотреть историю и некоторых других важных для психологии понятий.

Под влиянием исследований в области социальной психологии возникли новые подходы к капитальной общепсихологической проблеме — проблеме личности.

Прежде психологи (во всяком случае те, кто был ориентирован на натуралистический подход) преимущественно обсуждали вопросы соотношения психических функций, процессов и состояний, с одной стороны, и психологических свойств личности — с другой. Часто в качестве основной выступала задача: как «собрать» из изолированно изученных функций и процессов целостную личность. Ее развитие рассматривалось преимущественно в плане изучения индивидуальной деятельности. При этом, конечно, говорилось, что развитие личности определяется социальными условиями, факторами, влияниями, в целом — социальной средой. Однако это было лишь очень общее утверждение. На психологическом уровне «социальная среда» не изучалась или изучалась лишь частично.

Социальная психология обратилась к анализу тех явлений, которые относятся к области общественной психологии, в связи с чем возник ряд новых понятий, методов и принципов исследования. Личность стала рассматриваться в контексте исследования общностей людей различного уровня (группа, коллектив, семья, класс, нация и т. д.). Возникло особое направление — социальная психология личности [451].

Подход к изучению личности со стороны социальной психологии позволил сформулировать ряд новых проблем и выявить новые аспекты тех, которые традиционно изучались общей психологией личности.

Акцент в проблематике, относящейся к психологии личности, переместился в область изучения ее места и роли в совместной деятельности, общения и взаимоотношений с другими людьми. В этой связи возникла необходимость исследовать психологические механизмы социального развития личности, процесс включения человека (индивида) в производство, в сферу распределения и потребления, приобщения его к миру культуры, различным формам общественного сознания и т. д.

Иначе говоря, если прежде личность рассматривалась как некоторая целостная система, а общество — лишь как внешняя для нее среда, и задача психологического исследования сводилась к тому, чтобы выяснить, из каких подсистем, свойств, элементов она (личность) состоит, то сейчас наметился и другой план: исследование личности в системе общественных отношений, т. е. рассмотрение ее как элемента социальной системы. Есть основания ожидать, что исследования в этом плане приведут к новому пониманию традиционных проблем психологии личности, таких, как проблемы способностей, потребностей, характера и др.

Не рассматривая подробно, что вносит в Психологическую науку каждая из ее специальных дисциплин (ограничившись только приведенными примерами), отметим, что благодаря дифференциации психологии общая панорама наших знаний о психических явлениям существенно расширилась и обогатилась.

Особенно важно то, что в этой панораме можно выявить различные типы организации (или различные классы) психического.

Подавляющее большинство исследований относится к психике человеческого индивида. Именно в этих исследованиях формировались основные знания об ощущениях, восприятии, мышлении, эмоциях, создавались методы и складывался понятийный аппарат психологической науки. Но ведь это — только один тип организации психического, один класс психических явлений. Благодаря развитию социальной психологии и других связанных с нею дисциплин сейчас начинает вырисовываться (хотя все еще не очень четко) и другой класс. К нему относится широкий круг социально-психологических явлений, таких, как общественное настроение, личностные и межличностные (субъективные) отношения, психологический климат, феномены, характеризующие массовые движения людей (энтузиазм или паника, массовые психозы и т. д.). К этому классу относятся также коллективные представления²⁸.

Когда речь идет о социально-психологических явлениях, то их неверно было бы рассматривать просто как социально обусловленные характеристики индивидуальной психики. Например, общественное настроение — это не просто состояние индивидов, принадлежащих к одной общности, или сумма индивидуальных состояний. Это — специфический психический феномен, имеющий свои источники, свой генезис и подчиняющийся своим объективным законам. Он характеризует именно общность людей, а не сумму индивидов. Социально-психологические явления включают действие таких специфических «механизмов» взаимодействия людей, как подражание (и контрподражание), внушение, заражение (и устойчивость по отношению к ним) и др. (Бехтерев [80], Парыгин [360] и др.). Социально-психологические явления могут характеризоваться различными масштабами и различной «мощностью», что выражается и в их качественной определенности. Это значит, что внутри данного класса имеется целый ряд подклассов.

Качественно особый класс явлений составляет также психика животных, уже давно ставший предметом психологической науки. Он характеризуется своими особыми (отличными от человеческой психики) свойствами и подчиняется иным объективным законам. Внутри этого класса также имеются разные подклассы.

Развитие «панорамы» знаний о психических феноменах, выявление разных типов их организации не может не оказывать влияния

²⁸ Феномен «коллективных представлений» в свое время был описан Э. Дюркгеймом [568] и его последователями. Дюркгейм не смог (в силу своей философской позиции) вскрыть объективные основания и механизмы этого феномена. Но самый феномен существует и заслуживает специального научного исследования.

на развитие общей теории психологии. С одной стороны, как отмечалось, увеличилась «мощность ее фундамента», а вместе с тем с другой — возросла сложность теоретических задач.

В связи с краткой характеристикой тех изменений, которые складываются в психологической науке благодаря ее включению в практику (и дифференциации), отметим еще один существенный момент: то или иное научное понятие (и понятийный «аппарат» науки в целом), как только оно начинает использоваться в связи с решением практических задач, приходит в движение. Оно начинает рассматриваться в различных системах других понятий (знаний): содержание его неизбежно изменяется, уточняется и обогащается.

Таким образом, обусловленная потребностями практики и логикой развития самой психологической науки ее экстенсивная дифференциация приводит к существенному изменению (точнее, развитию) психологического знания. Это проявляется в перестройке ее проблематики, понятийного аппарата, обогащении аналитической картины, формировании новых подходов и т. д.

В этих условиях важнейшая задача общей психологии — выявить в многообразии психических явлений, раскрываемом в различных дисциплинах, психическое как целое.

Решение такой задачи предполагает определенную стратегию анализа и синтеза психических явлений. Как известно, эмпирическая психология стремилась разложить целостную психику на ее элементы, «составляющие». Анализируя психику, в ней выделяли процессы или функции: ощущение, восприятие, память, мышление и т. д. Так сформировались функционалистские концепции. Уже в течение многих десятилетий с функционализмом ведется борьба, но он оказывается на удивление живучим. Даже те, кто выступает против него, в своих конкретных исследованиях вынуждены пользоваться понятиями и восприятия и памяти, сложившимися в функционалистских концепциях. Борьба с абстрактным функционализмом (а анализ всегда связан с абстракциями) — это борьба за понимание психики как целостности. Но ведь целостность не исключает структурированности, напротив, она должна быть понята как структурированная целостность, а это неизбежно требует выделения в психике ее составляющих (элементов). Считается, что представление о психических функциях связано с интроспекционалистским подходом. Однако это не совсем так. Существование функций подтверждается практикой, особенно клинической. Другое дело, как трактовать эти функции. Их иногда представляют в виде некоторых отдельных, дизъюнктивно разделенных сущностей, т. е. в духе плюрализма.

Но ведь их можно представить и как действительные разные формы (и уровни) дифференциации и интеграции процессов субъективного отражения человеком окружающего. Такое понимание не противоречит принципу материалистического монизма.

Исследования психических процессов (или функций) показывают их неразрывную связь и взаимопереходы. Когда изучается, например, восприятие, то обнаруживается, что в принципе невоз-

можно создать условия, которые позволяли бы отпрепарировать его от памяти, мышления, эмоций и т. д. В реальный процесс восприятия включается и память и мышление и т. д. К психике в полной мере применим вывод физики о том, что «все состоит из всего» (М. А. Марков [311]).

Однако это не исключает права исследователя выделять для специального рассмотрения какую-либо составляющую целого. Разложение сложного целого на составные элементы — вполне правомерный метод исследования. Нужно, конечно, при этом понимать, что в ходе анализа, расчленения целостности она разрушается и многое теряется.

Более того, в изучении психического как системы правомерен и такой путь, который направлен на выявление элементов, и их организации, лежащих в основе психических явлений (например, физиологических процессов и их организации).

Исследовательской стратегии разложения целого на составляющие в психологии часто противопоставляется другая стратегия: анализа психики путем выявления в ней исходной «единицы». Имеется в виду некоторая «клеточка» психического, содержащая хотя бы в зародыше все основные свойства целого. Мысль эта, конечно, очень привлекательна. Однако она пока еще нигде не нашла достаточно последовательной и непротиворечивой реализации.

Что только не пытались рассматривать в качестве такой «единицы»: и ассоциацию (Милль, Бэн, Спенсер [543]), и пешталть (Вертгаймер и др. [670]), и значение (Выготский [128]), и элементарный акт отражения (Рубинштейн [419]), и ощущение (Ананьев [36]), и действие (Рубинштейн [419], Леонтьев [271]) и др. (см. подробнее: [477]). Все эти единицы выбирались в зависимости от того, какую из базовых для психологии категорий исследователь брал в качестве главной или даже единственной. Каждая категория, по существу, может быть основанием для выделения соответствующей «единицы» бытия человека и его психики.

Однако еще никому пока не удалось вывести из этой исходной «клеточки» всю сложную систему психического. Точно так же не пока и доказательств того, что именно данная «единица» является исходной в реальном процессе развития психики²⁹.

Основная трудность в выделении «единиц» психики обусловлена тем, что она не существует как замкнутая в себе система, оторванная от других систем материального мира.

И все же каждая из называемых «единиц» содержит зерно истины, поскольку берет какой-то существенный момент бытия человека и его психического развития. Одни из них выступают как элемен-

²⁹ Кажется, еще никто не пытался вывести теоретически все многообразие психических свойств личности из элементарного ощущения, возникающего у новорожденного, или первичного элементарного действия и т. п. Но если бы кто-то и пытался выполнить такую работу, то каждый ее шаг требовал бы использования дополнительных постулатов, новых допущений, использования в процессе анализа новых «единиц» (по сравнению с исходной).

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ В ПСИХОЛОГИИ

тарные формы деятельности (действие), другие — общения (значение), третьи — психического отражения (ощущение) и т. д.

Естественно, может возникнуть мысль о том, что в исследовании психики нужно выделить целый ряд разнородных единиц (элементарных сущностей). Но такой плюралистский подход не решил бы проблемы. Выделяя те или иные «элементы» психики, либо ее «единицы», важно каждый раз точно определить ту область явлений, в пределах которой они действительно могут быть использованы как средство анализа.

Представляется, что наиболее надежной стратегией изучения психики является подход, позволяющий изучать ее как систему, единую и целостную, но вместе с тем и структурированную. При этом психическое должно рассматриваться в процессе его развития, т. е. предметом психологического исследования становится системогенез психики. Относительно системогенеза должны, с нашей точки зрения, оцениваться методы выделения и «элементов», и «единиц», и их связей.

Иначе говоря, ценность любой стратегии анализа и синтеза психических явлений определяется тем, в какой мере она позволяет раскрывать законы развития психики в контексте реального бытия человека.

Как было показано в предыдущей главе, для современного этапа развития психологии характерна экстенсивная дифференциация, в процессе которой существенно расширяется и обогащается аналитическая картина изучаемых ею явлений. Пожалуй, наиболее яркая особенность современной психологии — это чрезвычайная широта и многообразие подходов к исследованию психического, тех аспектов, в которых оно изучается, и связей психологии с другими науками. В этом с нею не может сравниться никакая другая область научного знания.

Общая система психологии объединяет дисциплины, пограничные с такими далекими друг от друга науками, как физика и социология, химия и лингвистика и т. д.

В связи с экстенсивной дифференциацией психологической науки возникла опасность ее расщепления на множество несвязанных между собой дисциплин, а в области ее общей теории — плюралистических и эклектических тенденций. Иногда создается впечатление невероятной раздробленности психологии, что порождает пессимистические прогнозы о возможности ее развития как внутренне связанной области научного знания. Показательно в этом отношении выступление американского профессора психологии Зигмунда Коха, редактора известного многотомного труда, посвященного основам психологии. В журнале «Psychology to-day» («Психология сегодня») он опубликовал статью, основной тезис которой четко выражен в ее названии: «Психология не может быть когерентной наукой».

Однако как бы широко ни разветвлялась психологическая наука, как бы ни расширялись ее связи с другими областями научного знания, она не теряет (во всяком случае не должна терять) своей основной задачи — **изучения природы психики, ее механизмов и управляющих ею закономерностей.**

Почему же в психологии оказалось возможным такое разнообразие дисциплин, направлений, ветвей, многие из которых как бы «направлены в разные стороны»?

Одной из причин здесь является многообразие практических задач, которые ставятся перед психологией. Вместе с тем такое разнообразие связано и с внутренними потребностями развития самой науки. Но оно было бы невозможно, если бы сам объект психологи-

ческого исследования не обладал разнообразием качеств. По-видимому, возможность многообразия проблем и задач, с которыми сталкивается психология, вытекает из самой природы психических явлений.

§ 1. Психика человека как предмет системного исследования

Основным (если не единственным) объектом психологических исследований является человек — сложнейшая из известных науке систем, обладающая уникальными характеристиками, и прежде всего способностью к саморегуляции. Как отмечал Павлов «человек есть, конечно, система (грубее говоря — машина), как и всякая другая в природе, подчиняющаяся неизбежным и единым для всех природы законам, но система, в горизонте нашего современного научного видения, единственная по высочайшему саморегулированию» [358]. Трудно назвать другую систему — объект научного исследования, — сопоставимую по уровню сложности с человеком.

Проблема Человека уже давно определилась в науке как комплексная. Как уже отмечалось, человек изучается и в качестве продукта биологической эволюции и главного элемента производительных сил общества и носителя производственных (и всех других общественных) отношений. Он включен во многие системы реальной действительности. Связи и отношения человека с окружающим миром многообразны, а потому многообразны и его качества.

Одним из труднейших является вопрос об определении в этом многообразии тех качеств, которые составляют предмет психологического исследования.

В философии выделяют три основные разновидности объективно взаимосвязанных качеств, известных науке: материально-структурные, функциональные и системные [244]. Попытка рассмотреть психологические свойства как материально-структурные, характерная для вульгарного материализма, не привела к раскрытию их сущности. Крайним ее выражением явилась френология, пытавшаяся выводить психические свойства человека непосредственно из строения мозга. Сюда же относятся попытки поиска оснований характера, вообще свойств личности, даже мировоззрения в типе телосложения, в конституции.

Более плодотворным оказался подход, рассматривающий психологические качества как функциональные. Собственно говоря, с понимания психологических качеств как функциональных и начинается развитие научной психологии. Психические явления стали исследоваться не как некоторое «застывшее» свойство мозга, а как его функция, раскрывающаяся в динамичном процессе взаимодействия организма со средой. Вместе с тем были поставлены вопросы о механизмах реализации этой функции и ее роли в жизнедеятельности. В частности, в русле этого подхода было сформулировано фундаментальное для развития психологии положение о том, что психическое выступает в роли регулятора поведения животных и человека (Сеченов [437], Северцов [431]).

Анализ реальных функций психических явлений в поведении и деятельности позволил выявить ряд существенных характеристик психики. Более того, он еще не исчерпал себя: исследование в этом направлении чрезвычайно важно для дальнейшего развития психологии, для понимания места и роли психического в системе явлений материального мира.

Вместе с тем изучение функций психики в жизни человека закономерно приводит к необходимости рассматривать его психологические качества в многообразии отношений к тем сложным системам, в которых он живет и которые образуют его мир. В исследовании психического обнаруживаются не только функциональные характеристики, но и модус системного качества.

Системные качества, заслуга открытия которых принадлежит прежде всего К. Марксу, «самые сложные среди всех качественных определенностей» [244]. Являясь интегральными качествами, они недоступны прямому наблюдению и могут быть выявлены только путем научного анализа тех систем, которым принадлежит человек и закономерностям которых подчиняется его поведение (и его жизнь в целом).

Как показал Рубинштейн, человеческому бытию присущи многоплановость, многоуровневость и многослойность [422]. Чтобы раскрыть все многообразие качеств человека и определить место, которое занимают среди них психологические качества, нужно рассмотреть совокупность систем, образующих бытие человека и являющихся основаниями его качеств. Согласно системному подходу любое явление возникает и существует в рамках некоторой (достаточно большой) системы явлений. При этом важно, что связи между явлениями, которые относятся к данной системе, выступают не как эпизодические и случайные взаимодействия, а являются существенными условиями возникновения, существования и развития каждого из них, а вместе с тем и системы в целом.

Материально-структурные, функциональные и системные качества тех или иных объектов не являются, конечно, изолированными друг от друга. Уже отмечалось, что попытки трактовать психические качества как материально-структурные оказались бесперспективными. Однако это не значит, что исследование психики может обойтись без изучения структуры ее материального субстрата. В исследованиях, например, сенсорно-перцептивных процессов психология непрерывно сталкивается с необходимостью использования знаний о строении органов чувств и мозга. Особенности этих процессов не могут быть достаточно глубоко поняты без опоры на такие знания.

Фундаментальное значение для понимания процессов ощущения и восприятия имеет асимметрия строения органов чувств. Это было убедительно показано Б. Г. Ананьевым в исследованиях ощущений разных модальностей, восприятия пространства и пространственной ориентировки. Им было введено понятие функциональной асимметрии, которая формируется на основе асимметрии структурной. В современных нейрофизиологии и психофизиологии изучению взаимо-

действия полушарий головного мозга (и парности органов чувств) уделяется очень большое внимание. При этом, что важно подчеркнуть, они проводятся в связи с проблемами образного и вербально-логического мышления, эмоциональных и рациональных компонентов человеческого поведения, сознания и подсознательного, т. е. проблемами психологическими.

Для понимания механизмов психической регуляции движений необходимо знание строения органов, осуществляющих это движение, поскольку функция регуляции реализуется относительно их материально-структурных особенностей [76; 225].

Сформированное в науке общее положение о единстве структуры и функций имеет самое непосредственное отношение и к психологическим исследованиям. Важно только иметь в виду, что связь структуры мозга (и организма в целом) и психических функций является весьма сложной (не прямой).

Будучи связанными с материально-структурными, функциональные качества неотрывны и от системных. Любую функцию трудно понять, если рассматривать ее саму по себе, в отрыве от той системы, в которой существует и развивается объект, обладающий этой функцией. Функций, «адресованных в никуда», просто не существует. Они относятся к системам, в которые объект включен. И реализуются они в этих системах.

Мы не беремся давать анализ (или хотя бы перечень) всех тех систем, в которых человек реально существует и которые так или иначе определяют его психику. Это сложная задача, требующая самостоятельного исследования. Наметим лишь главные, с нашей точки зрения, линии такого анализа.

Ведущую роль в отношении человека к миру играют те, которые определяются его принадлежностью к **социальной системе**. Именно они являются основанием социальных качеств человека.

«Основной компонент любой социальной системы — человек как социальное существо. Человек есть последний в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества». «...Только будучи включенным в определенную общественную систему, человек обретает свою социальную сущность» [62]. Общество является для индивида той системой, в рамках которой его связи и отношения с другими индивидами (и их общностями) выступают как существенные необходимые условия его существования и развития (в том числе психического). Он не может существовать и развиваться как человек вне этой системы. Общественные отношения, которые складываются между людьми (прежде всего в процессе производства), — это необходимое условие существования и развития как каждого отдельного индивида, так и общества в целом. Социальная система, служащая основанием социальных качеств индивида и общностей людей, является сложным образованием, развивающимся по объективному закону, которые были открыты Марксом. Их действие определяет формирование общностей разного масштаба: классов, наций, этнических групп, народов и т. д. Высшим уровнем больших общностей является человечес-

во'. В силу действия этих законов формируются, развиваются и разрушаются различные социальные институты. Ими же определяются и малые общности: семья, различные виды малых групп, коллективы и т. д. Соотношения общностей разного масштаба на разных исторических этапах развития складываются по-разному.

Марксизм рассматривает общество, подчеркивал Ленин, «как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [20 с. 165]. Но жизнь общества на каждой ступени развития (социально-экономическая формация) не исчерпывается экономическими отношениями. Образ жизни общества выступает как ««синтетический комплекс» экономических, политических, социально-бытовых, культурно-идеологических и особых психологических черт» [160].

Исследуя развитие общества как сложноорганизованной многоплановой системы, марксизм всегда был чужд представлений об «абстрактной истории», совершающейся якобы без участия людей. Напротив, он утверждает, что историю творят люди, действующие сообразно своим мотивам, интересам и целям.

Говоря об объективности законов развития общества, Энгельс следующим образом разъясняет позицию марксизма: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел... Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей... достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую,— из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» [13, с. 395—396]. В отличие от природы, где действуют слепые бессознательные силы, «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Но как ни важно это различие для исторического исследования,— особенно отдельных эпох и событий,— оно несколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам» [7а, с. 306].

Являясь основным компонентом социальной системы, человек активно участвует в ее развитии. Законы развития общества действуют не сами по себе, как некие абстрактные силы, а проявляются

¹ Возникнув первоначально как «мелкоячеистая сетка» [379], человечество развилось в сложнейшую систему. К сожалению, проблема развития человечества, его единства в науке разрабатывается пока еще слабо. Между тем она имеет весьма большое значение для решения задач социального прогнозирования, борьбы за мир и социализм, охраны природы и многих других.

в действиях конкретных людей (и их общностей), реализуются только через эти действия. Конечно, когда речь идет об обществе, то прежде всего имеются в виду движения масс. По ведь масса-то — это не что-то аморфное; она образуется конкретными индивидами. Действия людей (и масс, и индивидов) могут либо соответствовать главенствующей тенденции развития общества, либо временно идти вразрез с ней. Это, конечно, не отменяет объективных законов, но может как ускорить, так и замедлить общественное развитие. Влияние индивида на его собственное развитие также опосредствуется его общественными действиями.

Конкретный человек (индивид) является компонентом многих подсистем общества и включен во многие стороны их развития, при этом — различным образом. Многообразии подсистем и сторон, в которые он включен, обуславливает и многообразие его качеств. Позиция, занимаемая данным конкретным человеком в обществе (и его подсистемах), определяет направленность, содержание и способы его деятельности, а также сферу и способы общения этого человека с другими людьми, т. е. образ его жизни, как члена общества, а это, в свою очередь, детерминирует развитие психологических свойств его личности. Особенности, свойственные обществу, так или иначе отражаются в психологических особенностях конкретных личностей, а также в характере социально-психологических явлений.

Конечно, исследование социальной системы — это не задача психологии. Ее задача в другом: понять, как социальная система детерминирует психологические свойства людей, какой механизм здесь действует. Но решить эту задачу она может, только базируясь на тех достижениях, которые получены науками, изучающими общество.

Социальные качества человека как системные выражают его родовую сущность. Но проявления этой сущности многообразны. Она специфическим образом выступает в психологических особенностях индивидов, групп, социально-психологических феноменах.

Социальные качества не есть нечто внешнее по отношению к человеку. В процессе деятельности и общения они (если не все, то многие из них) становятся как бы имманентными (инцидентными) психологическими качествами человека, психологическому складу его личности. Психологические свойства личности вне системы общественных отношений, в которую эта личность включена, просто не существуют (так же как не существует, например, стоимость товара вне его отношения к другим товарам и лежащему в их основе труду). В этом плане можно, пожалуй, говорить об определенной категории психологических качеств как об индивидуализированных (т. е. выступающих как свойства индивида) социальных качествах. Уникальность социальной позиции человека, образа его жизни и жизненного пути порождает и уникальность его личности². Важно

² Проблемы личности и социальных оснований ее психологических качеств подробнее будут рассмотрены в главе пятой.

отметить, что социальная система не только формирует психологические свойства личности, но и определенным образом влияет на развитие психических процессов. Это убедительно показано в исследованиях Б. Г. Ананьева [36], Л. С. Выготского [129], А. Н. Леонтьева [271], А. Р. Лурии [301] и других советских психологов.

Но значит ли это, что все психологические качества могут быть целиком поняты через анализ социальных условий жизни человека, что социальная система является единственным основанием этих качеств? Вряд ли. Не представляется возможным, например, вывести только из этого основания все характеристики сенсорной организации человека и сенсорно-перцептивных процессов, хотя, как показал Б. Г. Ананьев, эти характеристики и зависят от трудовой деятельности человека [355]. Исследуя их, мы вынуждены обращаться к другим основаниям, к анализу других систем.

Подчеркивая ведущую роль социального способа существования человека, нельзя забывать о том, что человек выступает и как природное, прежде всего биологическое существо. Принадлежность человека к биологической системе определяется самим фактом его происхождения. Как отмечал Энгельс, «уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному...» [7, с. 102].

Но дело не только в происхождении человека. Его принадлежность к биологической системе (и к природе в целом) остается и всегда останется существенным и необходимым условием его существования и развития.

Бытие человека не исчерпывается только деятельностью и общением, в ходе которых формируются его социальные и социально-психологические качества. Необходимая «составляющая» его жизни — это биологическое развитие.

Биологические свойства человека (свойства, обусловленные его принадлежностью к биологической системе) также многообразны. Это определяется многообразием типов (или уровней) организации живого.

Так, В. И. Вернадский выделяет четыре фундаментальных типа организации живого: организменный, популяционно-видовой, биоценотический и биосферный [117]. В исследовании биологических (и связанных с ними психологических) свойств человека чаще всего обращаются к организменному уровню. Он, кстати, и изучен более полно, чем другие. Однако для понимания многообразия качеств человека весьма существенное значение имеют также популяционно-видовой, биоценотический и биосферный. Последний изучается, пожалуй, менее всего. В этой связи Вернадский отмечал: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим... Человек и человечество неразрывно связаны с биосферой» [117, с. 324].

Биологические закономерности не отменяются социальным бытием человека, однако изменяются условия их действия, а поэтому проявляются они специфическим для человека образом.

В ходе развития науки центральным в изучении биологических оснований психических явлений стал вопрос о соотношении психических и нейрофизиологических процессов; это вполне естественно, поскольку субстратом психического является нервная система.

Как известно, в истории науки не раз предпринимались попытки прямого поэлементного сопоставления указанных процессов. Они привели к формированию концепций, в которых психическое отождествлялось с нейрофизиологическим или определялось как его «субъективная сторона» или психический процесс рассматривался как прямое («линейное») продолжение нейрофизиологического (те и другие процессы как бы выстроены в линию один за другим). Эти попытки оказались тупиковыми.

Перспективным представляется подход, опирающийся на принцип системности в анализе уже самих нейрофизиологических основ психики. Он развит в теориях функциональной системы (Анохин [46]) «паттернов мультиклеточной активности» (Бехтерева [83]) пространственной синхронизации мозговых процессов (Ливанов, [273]).

С позиций этого подхода целостные психические и элементарные нейрофизиологические процессы сопоставляются не прямо, а через анализ общемозговых системных механизмов, через системные процессы, объединяющие элементы в одно целое: в функциональную систему поведенческого акта. Психическое рассматривается здесь в связи с исследованием интеграции элементарных нейрофизиологических процессов.

Таким образом, психическое в отношении к нейрофизиологическому выступает как системное качество: оно реализуется не во множестве отдельных элементов (как полагает, например, «экранная» концепция психического образа), а в динамике функционирования мозга как целостной системы.

Вместе с тем если иметь в виду дальнейшее развитие психологии в русле системного подхода, то нужно отметить, что данных, которые накапливаются в исследованиях только нервной системы, для понимания соотношений биологического и психического недостаточно. Для психологии важно исследование закономерностей функционирования также всех других систем (точнее, подсистем) человеческого организма (мышечной, сердечно-сосудистой, гуморальной и др.) в их взаимосвязях, т. е. физиологии человеческого организма как целого. Не случайно в экспериментальных исследованиях многих психических явлений (например, психических состояний) в качестве индикантов используются не только нейрофизиологические показатели, но и показатели функционирования других систем организма. Сказанное относится только к организменному уровню. Какое значение для психики имеют другие (перечисленные выше) уровни организации жизни? Этот вопрос в психологии не изучался вообще. Между тем, чтобы понять многообразие

свойств человека, определяемых биологической системой, важно располагать данными о ее сложном строении³.

Когда пытаются определить местоположение психических свойств в ряду всех других свойств человека, то нередко их относят к категории либо социальных, либо биологических или «помещают» где-то между теми и другими⁴. С такими трактовками вряд ли можно согласиться. Психические свойства не сводятся (во всяком случае полностью) ни к социальным, ни к биологическим и не находятся между ними (или над ними). Однако их нельзя оторвать ни от тех, ни от других: психические свойства как бы проникают в социальные и в биологические, связывая, «пронизывая» их определенным образом. Вместе с тем многие как социальные, так и биологические качества человека реализуются в его поведении и деятельности через качества психические [530]. Конечно, далеки не все биологические свойства человека находят свое проявление в психических. Но все психические свойства принадлежат живому человеку, они не существуют вне его организма.

Дальнейшее движение по выбранному пути анализа приводит к рассмотрению включенности человека в физическую систему. Первое, что открывается, когда речь идет об анализе среды, в которой живет человек, — это ее физические свойства. Среда выступает перед человеком как вещно-оформленная, как совокупность физических тел, предметов (возникших в процессе развития природы или созданных людьми). Орудия, которыми человек пользуется в своей деятельности, — это тоже физические тела.

Поэтому один из первых вопросов, который возникает в исследовании психического, — это вопрос о том, как механические, оптические, акустические, химические и иные свойства объективно существующих предметов отражаются в ощущениях и восприятиях. Необходимость ориентировки живого организма в окружающей среде (поскольку поведение должно строиться в этой среде) привела к тому, что в процессе биологической эволюции сформировались специализированные, анатомически дифференцированные аппараты (органы чувств), обеспечивающие отражение механических, физических и химических свойств предметов и явлений материального мира. Подобных, анатомически специализированных аппаратов для непосредственного отражения биологических, а тем более социальных явлений нет, их отражение осуществляется через те же органы чувств, т. е. не за счет формирования новых материальных (вещественных) структур, а за счет новой организации процессов, которые в них протекают.

Исследуя сенсорные и перцептивные процессы, психология вынуждена обращаться к анализу физического взаимодействия органов чувств с теми предметами, которые в этих процессах отражаются. Маркс отмечал: «...световое воздействие вещи на зрительный

³ Проблеме биологической и социального посвящена шестая глава

⁴ Как отмечает Пиаже, психология постоянно «разрывается между физиологией и социологией» [638].

нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами» [8, с. 82]. Понять закономерности формирования ощущений и восприятий, а также их свойства без анализа условий и механизмов физического (и химического) взаимодействия органов чувств и отражаемого объекта невозможно. Но невозможно также вывести их целиком из этого взаимодействия. Дело в том, что сенсорно-перцептивные образы, формируясь в процессе физического взаимодействия, обслуживают другую систему — поведение живого организма, поэтому возникает необходимость выхода за пределы физического взаимодействия и перехода к другому плану анализа — функциональных свойств в контексте поведения и деятельности.

Человек не только живет в физической среде. Он сам является физическим телом и, как таковое, обладает рядом физических качеств в их специфическом земном выражении. На первый взгляд может показаться, что физические качества человека не имеют никакого отношения к психологии. Однако, когда мы обращаемся к анализу механизмов психической регуляции предметно-практических действий (манипулирование предметами, перемещение человека в пространстве и т. п.), мы не можем не учитывать эти свойства. Особенно острой необходимостью такого учета стала в связи с развитием авиационной и космической психологии. Известно, что во время полета человека в самолете и космическом корабле возникают изменения восприятия, координации движений, ориентировки в пространстве и оценки времени. Понять эти изменения без анализа той новой системы физических взаимодействий (или отношений), в которую включается человек в условиях, например, космического полета, вряд ли возможно.

Конечно, включенность человека в физическую систему не является прямым основанием тех или иных психологических качеств. Действие физических законов проявляется в этих качествах опосредствованно (и многократно); эти законы погружены в основание жизни весьма глубоко.

Итак, человек как бы находится на пересечении многих разнопорядковых систем⁵. В этом плане о его существовании можно говорить как о полисистемном процессе. Принадлежность человека к многим системам так или иначе проявляется в его психологических качествах. Множественность оснований этих качеств порождает их многообразие и многосторонность. А вместе с тем психика представляет собой нечто **целостное, интегральное**. Целостность психических явлений, их неразложимость «на кусочки» отмечается обычно как одна из их фундаментальных характеристик. Будучи многооб-

⁵ Эти системы, конечно, не изолированы друг от друга. В своей совокупности они выступают для человека как единый мир, в котором он живет, действует, переживает и т. д., — стовом, проявляет свои человеческие свойства.

разными, психические явления выступают как явления одной природы. Поэтому они и сами могут рассматриваться как система⁶.

Единство психики как системы выражается в ее общей функции являясь субъективным отражением объективной действительности, психика осуществляет регуляцию поведения. На разных уровнях развития жизни эта функция реализуется по-разному. У животных она выступает как момент приспособления организма к окружающей среде, у человека реализуется в сознательной целенаправленной деятельности, изменяющей среду; в этих условиях она опосредствуется социальными факторами.

Сама природа психического отражения такова, что в процессе его исследования мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения ряда разнопорядковых отношений: отношение отражения к отражаемому объекту (отражение как образ объекта, понимаемый в широком смысле), отношение отражения к его носителю (отражение как функция мозга), отношение отражения к поведению (отражение как регулятор поведения). Все эти отношения реализуются в едином процессе, динамика которого зависит от конкретных условий его протекания⁷. **Таким образом, из самой сути психических явлений вытекает необходимость сочетания нескольких планов анализа.**

Эту многоплановость можно показать на примере проблемы восприятия.

Последнее изучается в плане анализа физического (и химического) взаимодействия предметов и явлений внешней среды с органами чувств (биофизический аспект), в плане отношения между субъективными величинами и отражаемыми в них физическими величинами (психофизический аспект), в плане функционирования органов чувств (психофизиологический аспект), в плане динамики становления перцептивного образа (микrogenетический аспект), в плане анализа операции приема информации, поступающей от технических устройств (инженерно-психологический аспект), в плане влияния социальных установок личности на перцептивные процессы (социально-психологический аспект), в плане развития сенсорики (психолого-генетический аспект). К этому нужно добавить, что регуляторные функции восприятия изучаются также многопланово в связи с анализом различных видов человеческой деятельности.

К сожалению, различные направления в изучении восприятия пока еще выступают изолированно друг от друга. Представляется, что дальнейший прогресс в разработке этой проблемы существенно зависит от того, насколько удастся реализовать системный подход, т. е. найти пути синтеза перечисленных аспектов. Без такого синтеза вряд ли может быть понята специфика восприятия как психического явления и раскрыты его действительные закономерности. То же самое можно сказать о многих других проблемах психологии.

Трудность исследования психических явлений состоит в том, что они не образуют некоторой замкнутой системы, изолированной от других систем материального мира. Психическое не существует вне человеческого организма и взаимодействия человека с этим миром. Попытки рассматривать психологические качества в отрыве от физической, биологической и социальной систем, которым принадлежит человек, искать их основания в них самих неизбежно заводят в тупик. Однако, являясь специфическими качествами, они

⁶ Она не имеет, конечно, самостоятельного существования вне других систем материального мира.

⁷ Категория отражения более подробно рассматривается в следующей главе.

несводимы ни к физическим, ни к биологическим, ни к социальным (и ни к каким иным) качествам человека.

Невозможно вырвать психические явления из тех множественных отношений, в которых они реально существуют, рассмотреть их сами по себе. В то же время требование изучать их как целостные, несводимые ни к одному из этих отношений создает для исследователя огромные трудности. Не случайно в психологии (пожалуй, как ни в какой другой науке) так часто возникают дискуссии о ее предмете. При этом наблюдаются две одинаково бесперспективные тенденции.

Одна из них связана с попытками поиска одного-единственного основания для всего многообразия психических явлений, для всей их системы (например, попытки вывести психику целиком из биологической или из социальной системы). Этот путь, как правило, ведет к подмене психологического биологическим, физиологическим, социологическим и т. п.

Вторая тенденция — попытки понять психическое как нечто существующее вне систем других явлений. При этом предметом психологии иногда объявляется то, что остается еще не выясненным в ходе развития других наук (своеобразный «остаток» их поступательного развития). При таком подходе предмет психологии суживается до весьма ограниченного круга явлений (например, «значащих переживаний» [67], а все остальное из того грандиозного здания, каким является система психических качеств человека, выбрасывается и «отдается на откуп» другим наукам.

По существу, в обоих случаях предмет психологии выхолащивается, а ее право на статус самостоятельной науки ставится под сомнение.

Нам представляется, что природа психического может быть понята только на основе системного подхода, т. е. **рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система.** Только на основе системного подхода могут быть объединены и многочисленные области психологической науки.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что простое рядоположение данных, накапливаемых в разных областях психологической науки, и есть реализация системного подхода (а такое понимание системного подхода иногда встречается). Действительная задача заключается в том, чтобы понять закономерные связи между этими данными.

По нашему мнению, сейчас наступает то время, когда в психологии созревают условия для действительной и последовательной реализации системного подхода. Первым шагом в этом направлении должна быть систематизация и классификация данных, накапливаемых в разных психологических дисциплинах, выявление их связей и разработка переходных концепций или «концептуальных мостов» (П. К- Анохин) между ними, а также между психологией и другими областями научного знания. Как отмечал Д. И. Менделеев, действительно научная систематизация состоит не просто в

«раскладывании по полочкам» изученных частей. Она предполагает расположение исследуемых явлений в таких связях, которые раскрывают их существенные отношения и глубокие основания.

Нужно отметить, что идеи системного подхода не новы. Хотя системный подход получил широкое признание и применение во второй половине XX в., он начал складываться значительно раньше. Системное знание есть уже в XIX в. Наиболее яркими и фундаментальными примерами реализации системного подхода являются теория общественно-исторического развития Маркса и Энгельса, эволюционное учение Дарвина, периодическая система элементов Менделеева. Системный подход вытекает из принципов диалектического материализма. По существу он является реализацией этих принципов применительно к конкретным наукам.

Что касается психологии, то о системном характере психических явлений говорилось еще на заре ее развития как самостоятельной науки (И. М. Сеченов [437], Г. Эббингауз [570]). Большой вклад в развитие системных идей внес В. М. Бехтерев своими работами в области комплексного изучения человека (см.: Е. И. Степанова [459])⁸.

Но в то время почва для последовательного рассмотрения психических явлений как системных по своему характеру еще не созрела; целостность психического представлялась как нечто глобальное и аморфное. Потребовался длительный путь развития науки, связанный с ее дифференциацией, накоплением экспериментальных данных, отработкой методов анализа, проверкой различных подходов и схем, выявлением многообразия и многокачественности психических феноменов, прежде чем такая почва сложилась.

На ранних ступенях развития психологической науки предпринимались многочисленные попытки механически разложить психику на элементы, рассмотреть каждый из них отдельно, выявить их особенности и раскрыть те связи, в которые они вступают. Однако нельзя сказать, что такой элементаристский подход оказался очень продуктивным. Предлагаемые аналитические описания в большинстве своем не были достаточно строгими. Психика «сопротивлялась» попыткам механического расчленения. Изучение каждого отдельно взятого явления или процесса обнаруживало влияние на него множества факторов и условий, невозможность его надежной изоляции от других явлений и процессов. В экспериментальных исследованиях так или иначе обнаруживался системный характер психики. Как реакция на попытки поэлементного разложения психики возникло направление исследований, которое объявило целостность и неразложимость психики основным принципом. Напомним, что после открытия Х. Эрэнфельсом так называемых «гештальт качеств» — специфических перцептивных структур — начался бурный период открытий ряда уникальных феноменов, формулировок новых для того времени принципов и постулатов. Сфор-

⁸ Отмечая большую роль отдельных ученых в формировании идей системного подхода, считаем необходимым подчеркнуть, что он возник как результат исторического развития психологической науки в целом

мировалась так называемая гештальтпсихология, в которой анти-элементаризм получил свое выражение в наиболее заостренной форме [573]. Основной тезис гештальтпсихологии состоит в том, что явления психики строятся не путем синтеза элементов, существующих до этого изолированно, а с самого начала представляют собой организованные целые «единицы» — гештальты. Ситуативность восприятия или мышления находит выражение в существовании особым образом структурированного поля; решение проблемы состоит в движении по этому полю в направлении, которое обеспечивает совпадение структуры ситуации и структуры ее видения субъектом. Основатели гештальтпсихологии Х. Эренфельс, В. Кёлер, М. Вертгаймер и К. Коффка сформировали специфический категориальный аппарат для обозначения гештальт-феноменов, таких, как «схватывание», «озарение» (инсайт) и других, открыли ряд закономерностей функционирования гештальтов. Поскольку законы гештальта — это законы организации целого, то и психика описывается здесь как функционирование, содержанием которого является переструктурирование исходного гештальта в направлении поиска «хорошего гештальта» на базе закона прегнантности. В теоретических построениях гештальтистов, несомненно, содержится рациональное зерно: благодаря их исследованиям целостность стала не просто названием. Конечно, в настоящее время нет оснований для идеализации теоретических построений гештальтистов. Принцип целостности подчеркивает лишь один момент системной организации психических явлений. Наиболее уязвимо в гештальттеории оказалось, в частности, решение психофизической проблемы: как известно, она решалась в духе параллелизма. Серьезные упреки предъявлялись гештальтпсихологии в связи с априорным подходом к трактовке «психических структур». Эта трактовка вообще снимала вопрос о формировании психики, что противоречило духу и принципам генетической психологии. Но как бы то ни было, и в самой методологии гештальтпсихологии, и в богатом арсенале эмпирических данных, и в некоторых способах ее интерпретации уже явно обозначены элементы системного подхода в отношении психических феноменов.

Очень выпукло идеи системного подхода представлены в психологической концепции выдающегося психолога современности Ж.-Пиаже. В основах его генетической психологии системный анализ во многом «цементирует» методологию его концепции. Так, весь сложный процесс психического развития трактуется им как филиация структур: уже чисто биологическое взаимодействие организма со средой выступает для него как система, описываемая в понятиях обмена, адаптации, равновесия, причем способ жизни этой системы выражается через действие, т. е. она является принципиально динамической. Развитие состоит во все большем усложнении этой исходной структуры.

Все огромное наследие теоретико-эмпирических исследований Пиаже содержит указания и доказательства существования определенной иерархии структур, надстраивающихся друг над другом,

взаимодействующих между собой и в то же время несводимых одна к другой. На вершине этой иерархии оказывается расположенный интеллект, продолжающий и завершающий совокупность адаптивных процессов, линия развития которых направлена к достижению «тотального равновесия» в форме действий-операций разного порядка: сенсомоторных, перцептивных и собственно интеллектуальных.

Из концепции иерархии структур как одно из следствий вытекает положение о том, что исследование психических функций и интеллекта требует системного подхода. Не обсуждая вопрос о том, сумел ли Пиаже построить «логику целостностей», отметим, что разработанный им подход к изучению развития интеллекта оказался весьма продуктивным.

В советской психологии, вставшей на позиции материалистической диалектики, необходимость системного подхода была очевидной уже на первых этапах ее развития. Для психолога-марксиста положение о том, что целое несводимо к простой сумме частей и что система обладает такими качествами, которых не имеют ее элементы, как и многие другие положения системного подхода, являются азбучными истинами.

«Системный подход в характерном для него отражении действительности, — пишет В. П. Кузьмин, — исходит прежде всего из качественного анализа целостных объектов и раскрытия механизмов их интеграции» [244, с. 8]. Но именно эти-то черты психики (целостность и интегральный характер) интересуют психологическую науку прежде всего; именно они в течение всей истории психологической науки были предметом наиболее острых дискуссий. Анализируя то или иное явление с позиций системного подхода, недостаточно констатировать, что оно является целостным. Далее возникает вопрос: почему нечто является целым и единым? Чтобы ответить на него, необходимо раскрыть системные основания и базовое системное качество этого явления, понять единый строй его закономерностей. Общеметодологические процедуры, разрабатываемые системным подходом, относятся к изучению

- законов образования целого,
- законов строения целого,
- законов функционирования целого,
- законов развития целого,
- отношений явления (системы) с родовой системой,
- отношений явления (системы) с другими системами,
- взаимодействия явления (системы) с внешним миром и т. п.

Эти процедуры являются существенными звеньями любого процесса научного познания (см. например: [244]).

Так или иначе все эти процедуры обнаруживаются в исследованиях психических явлений, хотя в разных психологических дисциплинах соотношения между ними и складываются по-разному.

§ 2. Некоторые принципы системного подхода в психологии

В литературе по проблемам системного подхода сформулировано немало общих принципов. Все они так или иначе могут (и должны) быть применены в психологических исследованиях. В данном параграфе дается лишь очень краткая характеристика тех из них, которые, с нашей точки зрения, являются для современного этапа развития психологической науки и построения ее общей теории наиболее важными.

Во-первых, системный подход в исследовании того или иного явления требует его рассмотрения в нескольких планах (или аспектах):

1) как некоторой качественной единицы, как системы, имеющей свои специфические закономерности; 2) как части своей видо-родовой макроструктуры, закономерностям которой оно подчиняется (здесь системой является макроструктура, в которую включено изучаемое явление); 3) в плане микросистем, закономерностям которых оно тоже подчиняется; 4) в плане его внешних взаимодействий, т. е. вместе с условиями его существования (изложено по [244]).

Все эти планы можно выявить и в исследованиях психических явлений (процессов, состояний, функций и т. д.). Каждый из них часто выступает как особое направление или даже специальная дисциплина (см. первую главу). Когда исследуемое явление рассматривается как некоторая система (качественная единица), то главная задача здесь состоит в том, чтобы выявить «составляющие» этого явления и способ их организации. Именно в этом плане проводились (и проводятся) теоретические и экспериментальные исследования, нацеленные на вычленение процессов, из которых «складывается» психика, параметров психических состояний, свойств личности и т. д.

Но это направление позволяет изучить лишь одну сторону дела, психическое как система раскрывается лишь частично, поскольку здесь еще не вскрывается то общее, что свойственно всем психическим явлениям. Поэтому возникает другой план исследования, другое направление, рассматривающее психику в отношении к видо-родовой макросистеме: она изучается в контексте всех других форм отражения. Это позволяет раскрыть ее специфику как особой формы отражения, а вместе с тем уточнить (и нередко весьма существенно) представление о ее «составляющих» и способе их организации.

Следующий план включает изучение нейрональных процессов, которые по отношению к психическому можно рассматривать как микросистему. Более глубокое движение в этом направлении приводит к необходимости исследования биофизических и биохимических процессов.

Наконец, психика исследуется в связи с условиями ее формирования и развития, т. е. в контексте жизнедеятельности человека,

его образа жизни⁹ (в отношении животных — в контексте их поведения и способа существования в целом). Здесь главная задача состоит в том, чтобы выяснить, каким образом психическое включено в реальную жизнь и какие свойства благодаря этому оно обретает. Без решения этой задачи невозможно раскрыть системную детерминацию психического развития.

Результаты, получаемые в исследованиях каждого из перечисленных планов, взаимно дополняют друг друга. Важно подчеркнуть, что только сочетание всех этих планов позволяет раскрыть объективно действительную картину психического как целостности и выявить механизмы ее интеграции. Было бы неверно, например, первый и третий планы исследования связывать только с анализом, а второй и четвертый — с синтезом. Каждый из них предполагает диалектическое сочетание анализа и синтеза. Главное здесь в том, что эти планы позволяют раскрывать разные «масштабы» организации психического, а в этой связи вычленяются и разные его свойства.

Во-вторых, когда мы рассматриваем психические явления в какой-либо одной системе координат и абстрагируемся от их других измерений, то, естественно, выявляется только какой-то один ряд свойств, получается как бы срез в какой-то одной плоскости. Такая абстракция, конечно, правомерна в целях научного познания, но нужно всегда помнить, что это — абстракция, которая позволяет охватить лишь одну сторону психических явлений. Понять по этому срезу изучаемое явление в целом так же невозможно, как невозможно восстановить сложное объемное тело по изображению одной-единственной его проекции на плоскость. Так, психофизические исследования восприятия дают нам один срез, психофизиологические — другой, исследования восприятия в контексте деятельности — третий и т. д. Ни одним из них восприятие не исчерпывается полностью. Попытки распространить выводы, полученные при его изучении в каком-либо одном аспекте, на все остальные обычно к успеху не приводят. Не удается, например, раскрыть такие характеристики человеческого восприятия, как апперцепция или осмысленность и категориальность, исходя только из классических психофизиологических закономерностей.

В исследованиях даже какого-либо одного из упомянутых выше измерений нередко обнаруживается, что в реальном процессе восприятия выбранное измерение как бы «расщепляется». Так, в психофизических исследованиях слухового восприятия уже давно обращали внимание на то, что испытуемые при различении тональных сигналов пользуются некоторыми дополнительными (по отношению к заданному в эксперименте) признаками звучаний (Штумпф, Рис, Стивене и др.). Систематически этот феномен исследовали К. В. Бардин, Т. П. Горбачева, В. А. Садов и Н. В. Цзен [66]. Они показали, что данный феномен не случаен, как думали прежде, а в

⁹ Значение категории «образ жизни», дающей интегральную характеристику способа бытия человека, для психологического исследования подчеркивается Е. В. Шороховой [532].

определенных условиях возникает необходимым образом. Даже элементарное ощущение, вызываемое простым физически одномерным стимулом (звучанием чистого тона), многомерно. Что является основанием «дополнительных измерений»? Особенности работы воспринимающей системы, как думал Р. Вудвортс, или что-либо другое? — пока сказать трудно. Но самый факт многомерности элементарного ощущения несомненен. Еще отчетливее многомерность обнаруживается в процессах опознания. Как показали наши исследования, опознавая относительно простые объекты, человек пользуется системой «скользящих» признаков [282]. О многомерности процессов опознания свидетельствуют также данные М. С. Шехтера [526]. Теоретически идея многомерности сенсорного пространства, вытекающей из его отражательной природы, была обоснована Ю. М. Забродиным [166; 167].

В каждом из направлений, изучающих сенсорно-перцептивные процессы, разработаны свои меры и свои способы измерения. Связать их в единый узел, понять взаимоотношения между разными измерениями, найти некоторую единую точку отсчета — дело чрезвычайно трудное. Не менее трудно выявить действительные основания каждого измерения. И это касается не только сенсорно-перцептивных, но и других психических процессов, а тем более психических состояний и психических свойств личности.

Современные данные позволяют утверждать, что психические явления по существу своему многомерны, и именно как к многомерным к ним и нужно подходить.

В-третьих, система психических явлений многоуровневая и, по-видимому, строится иерархически. Она включает ряд подсистем, обладающих различными функциональными качествами. Можно выделить три основные неразрывно взаимосвязанные подсистемы: когнитивную, в которой реализуется функция познания; регулятивную, обеспечивающую регуляцию деятельности и поведения; коммуникативную, формирующуюся и реализующуюся в процессе общения человека с другими людьми. В свою очередь, каждая из этих подсистем может быть расчленена далее. Так, когнитивная система, наиболее изученная в психологии, включает сенсорно-перцептивный, «представленческий» и речемыслительный уровни. К сожалению, регулятивная и особенно коммуникативная подсистемы изучены пока еще слабо.

Данный принцип справедлив в отношении не только системы психических явлений в целом, но также отдельных психических процессов и состояний.

Многоуровневость психических процессов может быть показана, в частности, на примере антиципации, т. е. психического процесса, обеспечивающего возможность принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением событий, «с забеганием вперед». Проблема антиципации привлекала особенно большое внимание исследователей в то время, когда психология еще только начинала формироваться как самостоятельная наука. Позднее она почти исчезла из психологии. Однако в последние десятилетия интерес к ней возобновился. Это связано, с одной стороны, с практическими задачами, которые ставятся перед психологией жизнью, а с другой — с потребностями развития самой

теории психологической науки.

Проведенные нами совместно с Е. Н. Сурковым экспериментальные исследования, а также систематизация литературных данных позволили выделить по крайней мере пять основных уровней антиципации: подсознательный (неосознаваемый, в частности, субсенсорный), сенсомоторный, перцептивный, «представленческий» (уровень представлений), речемыслительный.

По существу это — разные уровни интеграции процессов приема и переработки информации, разные уровни проявления когнитивной и регулятивной функций психики.

Субсенсорный уровень антиципации — это уровень неосознаваемых нервно-мышечных преднастроек и движений, обеспечивающих многообразные тонические и познотонические эффекты, с которыми связано выполнение предстоящего действия. Этот уровень проявляется в преднастройочной фазе движений, в моменты изменения позы, в идеомоторных актах, в компенсаторных реакциях (например, при внезапной потере равновесия).

Субсенсорный уровень антиципации обеспечивает стабилизацию позы, ее устойчивость перед началом действия, а также потенциальную готовность реализации моторных программ.

Ко второму уровню антиципации относятся *сенсомоторные процессы*. В экспериментальной психологии накоплена масса фактов, указывающих на эффекты антиципации в структуре простых реакций, а также реакций с выбором (так называемых дизъюнктивных). Они проявляются в «компенсации» латентных периодов и учете вероятностей появления сигналов. Антиципация здесь обеспечивает своевременность реакций, а также их упорядоченность по критерию быстроты действия.

Весьма отчетливо антиципация этого уровня проявляется в реакциях на движущийся объект. Существенное значение она имеет в действиях человека, работающего в режиме слежения [121]. Наконец, к сенсомоторному уровню относятся все те эффекты антиципации, которые включаются в сложные координации двигательных актов.

Антиципация этого уровня обеспечивает точность движений по критерию быстроты действия и их согласованность с изменениями окружающей среды в пространстве и времени.

Третий уровень — *перцептивная антиципация*. Тот факт, что в процессе восприятия так или иначе используется прошлый опыт человека, уже давно установлен в психологических исследованиях: восприятие всегда включает мнемические процессы. Но не меньшее значение в нем имеет и антиципация. Восприятие объекта в данный момент времени и в данном месте «строится» с учетом не только его прошлого, но и его будущих изменений в пространстве и времени.

Основная функция антиципации на этом уровне состоит в том, что она обеспечивает организацию и реорганизацию перцептивных данных в соответствии с задачей деятельности.

Четвертый уровень — это уровень *представлений* («представленческий»). Такие особенности представлений, как масштабные преобразования пространства и времени, комбинации и рекомбинации образов и т. д. (см. главу третью), проявляются и в специфике процессов антиципации этого уровня, увеличивая их «разрешающую способность». В деятельности человека формируются антиципационные схемы, которые обеспечивают упреждающее планирование не только реальных, но и потенциальных действий; и в этом состоит важнейшая характеристика антиципации данного уровня.

Наконец, наиболее высокий уровень антиципации — это *уровень речемыслительных процессов*. Именно на этом уровне прогнозирование событий и планирование поведения (и деятельности) выступают в своей наиболее развитой форме. Обобщения и абстракции, логические приемы и счетные операции обеспечивают качественно новую ступень в развитии процессов антиципации.

Дальность антиципации на уровне речемыслительных процессов весьма существенно увеличивается. Одной из его особенностей является то, что процессы антиципации могут «разворачиваться» в направлении как от настоящего к будущему, так и от будущего к настоящему (и прошлому); от начального момента деятельности к конечному, и наоборот.

Сопоставление характеристик перечисленных уровней антиципации (по экспе-

риментальным данным) позволяет сделать некоторые общие выводы: во-первых, каждый уровень антиципации соответствует определенному уровню сложности решаемых задач; во-вторых, на каждом уровне дальность, «разрешающая способность» антиципации различна; при переходе от субсенсорного к сенсомоторному, а от него к перцептивному и далее к «представленческому» и речемыслительному она прогрессивно возрастает; в-третьих, при переходе от уровня к уровню усложняются структура процесса антиципации, а также способ интеграции используемой информации.

В реальной деятельности человека все перечисленные уровни антиципации взаимосвязаны. Однако в зависимости от конкретной задачи и условий один из них оказывается ведущим. Он определяет специфику комбинации всех остальных уровней (подробнее уровни антиципации в структуре деятельности описаны в [300]).

Другие примеры уровней психических процессов выявлены в исследованиях принятия решений [389], мышления [337], творчества [374].

Нужно отметить, что связи между разными уровнями (и разными подсистемами) психики неоднозначны и характеризуются высокой динамичностью. Это создает один из наиболее трудных моментов их системного анализа. С этими трудностями сталкиваются, когда пытаются, например, «наложить» психические процессы на «нейрофизиологическую канву» или описать психические состояния человека при помощи корреляций между психологическими и физиологическими показателями.

Важнейшим условием выявления взаимоотношений между разными подсистемами и уровнями в каждом конкретном случае является определение «системообразующего фактора» (Анохин [47], Кузьмин [244]), который позволяет объединить в целостную функционально-динамическую систему различные механизмы.

Принцип системного подхода, требующий выделения уровней в сложных системах, имеет для психологии весьма большое значение. Непонимание (или игнорирование) уровневого «строения» психики приводит к упрощенной ее трактовке, к представлению о ней как некоторой аморфной, диффузной целостности, к смазыванию специфики различных психических явлений. При этом часто происходит неоправданное расширение сферы действия тех или иных частных законов; случайное и эпизодическое выдается за необходимое и устойчивое и т. д.

Напротив, выявление действительных уровней психики (поуровневый анализ) позволяет описать ее как организованную целостность, определить место и роль любого психического феномена в системе, вскрыть отношения между законами разного порядка, разделить существенное и устойчивое от кажущегося и случайного. В русле поуровневого анализа может быть раскрыта многомерность психического явления, основания каждого из его измерений и взаимосвязи между ними.

К сожалению, пока еще в психологии не разработаны достаточно четкие критерии выделения уровней психики. В одних случаях в качестве таких критериев берутся формы психического отражения, в других — способы организации регулятивных или коммуникативных функций, в третьих — тип взаимодействия человека с внешним

миром и т. д. Конечно, каждый из этих критериев позволяет решать определенный круг научных задач. Однако по мере того как эти задачи решаются, возникает необходимость разработки системы взаимосвязанных критериев.

Существенной характеристикой многоуровневых систем является относительная автономия каждого из входящих в нее уровней и их определенная соподчиненность. Это составляет важнейшее условие саморегуляции системы. От того, какие именно уровни формируются в системе и как они связаны друг с другом (какой из них является в данных условиях ведущим, а какие — подчиненными), зависит оперативность и эффективность регуляции.

Уровневое строение системы обеспечивает возможность образования механизма трансформации эффектов, вызываемых воздействиями на нее: в частности, усиления или ослабления (когда малые причины вызывают большой эффект, или наоборот). В определенных условиях (при нарушении согласованности уровней, требуемой данными конкретными обстоятельствами) возможно искажение эффекта: перцептивные, мнемические, мыслительные ошибки, ошибочные действия и т. п. В крайних случаях возникают извращения эффекта (например, галлюцинации).

В исследовании психического как системы наиболее распространенным является путь от ее, так сказать, нижних этажей к вышележащим (от сравнительно элементарных подсистем к более сложным). Но продуктивным может быть и другой путь — от верхних (организующих) уровней и подсистем к нижележащим (обслуживающим). Например, в изучении деятельности путь от вектора «мотив—цель» к анализу механизмов, лежащих в ее основе.

Многоуровневость психического заставляет полагать, что определяющие его закономерности имеют разный порядок. Существуют, по-видимому, закономерности общие, действующие на всех уровнях и во всех подсистемах. Их действие для разных уровней (подсистем) в силу различия условий проявления различно. Но имеются также и специфические закономерности, относящиеся только к определенному уровню (подсистеме). Однако вопрос о законах психических феноменов является особым вопросом. Он будет рассмотрен в следующем параграфе.

В-четвертых, при описании психических свойств человека важно иметь в виду множественность тех отношений, в которых он существует (что уже отмечалось неоднократно). Этим обуславливается разнопорядковость его свойств. К сожалению, вопрос об их порядке как еще не разработан. Нередко при описании свойств человека в один ряд попадают характеристики чувствительности анализаторов, свойств нервной системы и темперамента, черт характера, способностей и т. д. Конечно, во всем этом имеются некоторые общие признаки. Но, и это важно подчеркнуть, основания этих признаков различны. Поэтому возникает необходимость разработки системной многомерной классификации свойств человека, в том числе и психологических, что составляет специальную научную задачу.

Можно, по-видимому, говорить о таких свойствах, которые

являются собственными свойствами индивида (понятие «собственные свойства», конечно, относительно). Это свойства, так сказать, первого порядка. В. Д. Небылицын обозначал их как натуральные, природные. Вероятно, к ним можно отнести характеристики чувствительности анализаторов, свойства нервной системы, оцениваемые по параметрам, например силы и динамичности нервных процессов (Теплов [474], Небылицын [344] и др.). Кстати, исследования Небылицына позволили ему выделить общие и парциальные свойства нервной системы. Он отмечал также необходимость различения ее первичных и вторичных свойств. Конечно, упомянутые свойства не являются собственно психологическими. Это — психофизиологические или даже, скорее, физиологические свойства. Однако они лежат в основании свойств собственно психологических.

Вероятно, следует также выделить свойства системные, которые существуют лишь постольку, поскольку индивид принадлежит определенной системе. Так, вряд ли было бы правильно относить к категории свойств первого порядка те, по которым характеризуются способности человека. Эти свойства более высокого порядка. Их основания раскрываются только через анализ деятельности индивида (при этом, подчеркнем, общественно-исторически сложившейся деятельности, которой овладевает индивид). Вне этой системы говорить о способностях затруднительно.

В свою очередь, системные свойства могут быть разделены на моносистемные и полисистемные. Первые из них раскрываются через анализ некоторой одной определенной системы (социальной или биологической). Вторые требуют исследования многих и часто при этом различных по сути систем, в которые включен индивид.

Таким образом, выявляется как бы пирамида свойства. К сожалению, пока еще не имеется удовлетворительной концепции, раскрывающей систему психологических свойств различных порядков, основания каждого из них и их соотношения. Разработка такой концепции является, с нашей точки зрения, одной из актуальнейших задач психологической науки (более широко: всей системы наук о человеке). Она вряд ли может быть осуществлена силами только психологии. Здесь необходима ее кооперация с физиологией, генетикой, вообще с биологией человека, с одной стороны, и с общественными науками — с другой. Разработка единой концепции (научной классификации), раскрывающей соотношения свойств человека, начиная от материально-структурных и до системных включительно, с выделением разных порядков в каждой категории, пожалуй, могла бы сыграть в психологии (в науках о человеке вообще) не меньшую роль, чем, например, Периодическая система Менделеева — в химии.

В-пятых, системный подход требует иного (чем тот, с которым мы часто встречаемся) понимания детерминации психических явлений. В психологии довольно широкое распространение получило линейное представление о детерминизме («линейный детерминизм»). Имеется в виду стремление представить причины и следствия в виде одномерной цепочки. Это представление, взятое из классической

механики, наиболее отчетливо выступает в бихевиористских концепциях. Если оно и оказалось полезным, то лишь для объяснения ограниченного круга изучаемых психологией явлений.

Но принцип «линейного детерминизма» уже не может удовлетворить современную психологическую науку¹⁰. Накапливаемые в ней данные все более убедительно показывают, что в действительности дело обстоит намного сложнее, чем это кажется с позиций упомянутого принципа.

Высказанные выше суждения о разных планах психики как системы, многоуровневом ее строении, разных порядках психических свойств и многомерности психических явлений имеют самое прямое отношение и к проблеме детерминации.

Очевидно, что и детерминация реально выступает как многоплановая, многоуровневая, многомерная, включающая явления разных (многих) порядков, т. е. как системная.

В исследовании детерминации психики системный подход требует прежде всего выделения той целостной материальной системы, в «пространстве» которой она осуществляется. Но, как было показано выше, способ существования человека является полисистемным. Это, конечно, создает очень большие трудности в определении упомянутого «пространства». В связи с этим в психологических исследованиях очень часто возникает невероятная путаница: или неправомерное расширение границ какой-либо одной системы или соскальзывание от одной из них к другой и т. д. Нередко пытаются все многообразие психических явлений объяснить некоторой одной-единственной, универсальной формой детерминации.

Например, очень часто пытаются всюду (от самых простых и до самых сложных психических явлений) искать только социальную обусловленность. Конечно, человек — это социальное существо. Но значит ли это, что в его психике все без остатка может быть объяснено социальной детерминацией и только ею? Точно так же неправомерно все в психике человека пытаться объяснить биологической (или, более широко, природной) детерминацией. И в том и в другом случае действительная картина окажется искаженной.

Как именно конкретно соотносятся социальная и биологическая детерминации в психике человека? Этот вопрос сейчас является одним из основных. Вряд ли можно найти некоторый универсальный ответ на него. По-видимому, в разных условиях жизнедеятельности человека, на разных этапах его развития (и филогенетического и онтогенетического), относительно к разным уровням и к разным измерениям психических явлений соотношение социальной и биологической детерминаций складывается по-разному. Вероятно,

¹⁰ Говоря о неудовлетворительности принципа «линейного детерминизма», все же нужно отметить, что он сыграл существенную роль в становлении психологии как науки. Хотя этот принцип весьма сильно упрощает действительное положение вещей, его применение в исследовании психики означало отказ от индетерминистских позиций, долгое время господствовавших в умозрительных построениях психологических концепций, и переход на позиции детерминизма.

можно говорить о разных типах этих соотношений и о разных конкретных формах их проявления.

Нередко детерминация трактуется только в плане причинно-следственных связей. Конечно, исследование этих связей чрезвычайно важно. Но детерминизм не сводится к признанию только какого-либо одного вида связей (отношений), которые вызывают, определяют, обуславливают возникновение и существование тех или иных явлений. Это — позиция материалистической диалектики. «Каузальность есть лишь одно из определений универсальной связи», — писал Ленин [24, с. 146].

В изучении явлений каузальное объяснение раскрывает связи причин и следствий. Однако они не исчерпывают всего богатства и многообразия связей между явлениями. При этом важно подчеркнуть, что связь между причиной и следствием не является жесткой и однозначной. То, что в одних обстоятельствах выступает как следствие, в других может оказаться причиной.

В исследованиях детерминации психических явлений (как и любых других) приходится иметь дело не только с каузальными связями, но и со связями определяемыми понятиями «условие», «фактор», «основание», «предпосылка», «опосредствование» и др., соотношения между которыми также диалектичны¹¹.

Нельзя сказать, что в психологии имеется ясное понимание различных типов связей (и отношений), раскрывающих достаточно полно детерминацию психических явлений.

К проблеме детерминизма в психологии мы еще вернемся. Сейчас отметим только, что детерминистское понимание психических явлений не сводится к объяснению отдельных эффектов, возникающих в данный момент и в данных условиях, под влиянием каких-либо локальных, эпизодических взаимодействий. Оно требует исследования развития явлений (и их систем), в ходе которого возникают качественно новые свойства. При этом имеются в виду как детерминация развития, так и развитие детерминации¹².

Системный подход (и это — *в-шестых*) требует рассматривать явления в их развитии. Он необходимым образом основывается на принципе развития. С последним так или иначе связаны все перечисленные выше принципы. Многоплановость исследования психических явлений, их многомерность и многоуровневый характер, сочетание свойств различного порядка, сложное строение детерминации могут быть раскрыты только тогда, когда система рассматривается в развитии. Самое существование системы состоит в ее развитии¹³.

Ни целостность, ни дифференцированность системы не могут

¹¹ См.: [313].

¹² Ограниченность «линейного детерминизма» состоит, в частности, и в том, что он не знает развития и не может объяснить появления новых качеств. Он является лишь некоторым предельным и частным случаем детерминизма (частным случаем является и вероятностный детерминизм).

¹³ Статическая система является лишь моментом развития.

быть поняты вне анализа ее развития. Целостность (и особенности ее дифференцированности) и формируется и разрушается в ходе развития.

Для психологии принцип развития имеет особенно большое значение, поскольку изучаемые ею явления отличаются исключительно высокой динамичностью. Психическое возникает, существует и изменяется в процессе реального развития той системы, свойством которой оно является. Этот принцип давно уже утвердился в советской психологии как важнейший (см.: [384]).

Не будем здесь специально разбирать этот принцип (что потребовало бы особой книги). Отметим лишь некоторые моменты, важные для системного анализа психики.

Одна из первейших и вместе с тем труднейших задач — это определение той системы, в границах которой осуществляется развитие психики. Здесь мы сталкиваемся с теми же трудностями, о которых говорилось в связи с принципом детерминизма.

В общем можно было бы сказать, что такой системой является человек (если речь идет о психике человека). Это значит, что развитие психики может быть понято только в контексте изучения развития человека. Иначе говоря, теория развития психики должна опираться на теорию развития человека в целом, во всех его отношениях и проявлениях.

Но, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, человек выступает как компонент ряда систем, поэтому и его развитие должно рассматриваться как полисистемный процесс.

В реальном процессе развития диалектически соединяются преемственность и появление нового, тождество и различие, стабильность и изменчивость. Но как именно осуществляется преемственность в психическом развитии и почему возникает новое? Чем обеспечивается тождество и стабильность тех или иных психических свойств человека, а чем обусловлены различия и изменчивость? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть психическое развитие человека в связи с развитием системы (систем), которой (которым) он принадлежит.

Процесс развития человека и его психики детерминирует* многими причинами, факторами и условиями. Их комбинация образует весьма сложную систему. При этом обнаруживается, что одни причины (факторы и условия) действуют в одном направлении, другие — в другом, нередко прямо противоположном первому. При определенных обстоятельствах это может привести к «расшатыванию» системы, «размазыванию» процесса ее развития.

В этой связи возникает вопрос **о мере в соотношении различных причин, факторов и условий**, а также выявлении на этой основе **стабилизирующей детерминации**, т. е. такой комбинации внешних и внутренних детерминант, которая обеспечивает устойчивость и относительную автономность развивающейся системы.

В советской психологии прочно утвердились методологические положения о том, что психическое развитие не сводится только к количественным изменениям, что оно неизбежно включает также

изменения качественные, что в нем диалектически объединяются прерывное и непрерывное и др. (см.: [99; 384]).

Однако в конкретных исследованиях далеко не всегда раскрываются основания качественных изменений. Иногда процесс психического развития трактуется односторонне: дело представляется так, как будто бы он на всем протяжении определяется одной-единственной детерминантой, пытаются все многообразие психических качеств человека вывести из одного-единственного основания. Чаще всего психическое развитие рассматривается только в социальном плане. Конечно, этот план исключительно важен. Но развитие человека — это многосторонний процесс. В ходе этого процесса происходит **смена его детерминант**, а вместе с тем и смена системных оснований психических качеств. Это выражается в том, что на разных стадиях развития формируются и разные качества.

Так, на самых ранних стадиях онтогенеза развитие подчинено биологическим закономерностям, и именно они детерминируют формирование определенной системы качеств. Если социальные основания как-то и выступают здесь, то лишь опосредствованно, как факторы «внешние» по отношению к самому процессу развития. Позднее они приобретают все большее значение и, наконец, превращаются в ведущие детерминанты развития. Это не значит, однако, что биологические закономерности перестают играть в психическом развитии какую-либо роль. Линия биологического развития продолжается в течение всей жизни человека, но ее роль и место в этой жизни изменяются. По-видимому, соотношения биологического и социального оснований в психическом развитии складываются по-разному на разных его стадиях и применительно к разным уровням.

Предпосылкой возникновения новых качеств являются изменения структуры и функций развивающихся систем. Здесь возможны различные варианты. Один из них состоит в том, что две (или более) системы, возникшие относительно независимо друг от друга для выполнения разных функций, вступают между собой во взаимодействие. Они образуют новое функциональное единство, становясь его подсистемами. Это объединение порождает и новое качество. Данное общее положение было раскрыто Кликсом на примерах анализа механизма «следов» памяти во внутренних биохимических структурах, формирования предметных действий у человека, взаимосвязи мотивации и познания, решения задач и творчества (см.: [600]).[^] Новое качество возникает и при включении какой-либо частной системы в другую более общую. Примером здесь может быть концепция включения, предложенная А. А. Крыловым на основе исследования так называемых совмещенных действий [238].

Другой вариант — это дифференциация системы, например, выделение какого-либо ее компонента и превращение его в относительно самостоятельную систему. Здесь также возникает новое качество. Специфическим способом реализации этого варианта является образование систем на основе механизма компенсации.

Иначе говоря, новые качества возникают не только при интегра-

ции систем в новое функциональное единство, но и при его разделении, которое также приводит к формированию новых функциональных структур. В реальном процессе психического развития оба варианта — интеграции и дифференциации — выступают в диалектической взаимосвязи (см., например: [39]).

В целом, в ходе поступательного развития происходит закономерное расширение его общего основания, а соответственно возрастание многообразия качеств [244].

Когда речь идет о психическом развитии человека, его обычно рассматривают в макрогенетическом аспекте (в плане макросистемного анализа), выявляя при этом его качественные этапы, ступени, сопоставимые с длительностью человеческой жизни. Между тем внутри этих ступеней также происходят изменения, ведущие к накоплению нового качества (см.: [41]). Даже каждый отдельный психический акт не протекает сам по себе; он включен в общий процесс развития. В этой связи макрогенетический аспект должен быть дополнен аспектом микрогенетическим, раскрывающим процессы формирования образов, усвоения отдельных понятий, действий и т. д. Сочетание этих двух аспектов позволит раскрыть, каким образом происходит накопление изменений и создается возможность перехода к новой качественной ступени развития. Эти два плана на примере умственного развития рассмотрены в работах Д. Н. Завалишиной [168].

Таким образом, психическое развитие выступает как многосторонний процесс, протекающий на разных уровнях, включающий как макро-, так и микрогенетические изменения, интеграцию и дифференциацию системы и ее функций. В ходе этого процесса происходит смена детерминант и оснований психических качеств человека.

В заключение характеристики принципа развития несколько слов о противоречиях. В советской психологии уже давно утвердилось диалектико-материалистическое положение о том, что движущей силой развития является борьба и единство противоречий (противоположностей). Правда, конкретные исследования нередко направлены на поиски некоторого одного-единственного противоречия, которое могло бы дать универсальное объяснение всему, что происходит в процессе психического развития человека. При этом иногда получается очень бедная абстракция вроде утверждения о том, что движущей силой психического развития является противоречие между тем, чего человек достиг, и тем, что от него требуется. Конечно, это утверждение справедливо. Противоречие между требуемым и достигнутым есть, и оно является движущей силой развития. Но данное утверждение не раскрывает той сложности, многосторонности развития и многообразия его вариантов, с которыми мы сталкиваемся в реальной жизни. Оно не обеспечивает также и достаточно конструктивного подхода к решению практических задач.

Из всего сказанного выше о многомерности психических явлений, их уровнях и системной детерминации вытекает, что в процессе психического развития возникает, развивается и разрешается мно-

жество различных противоречий. Это могут быть противоречия между разными измерениями (характеристиками) психических явлений, между их разными уровнями, между разными порядками свойств. Это могут быть противоречия между причинами и условиями, внешними и внутренними факторами, между системами и подсистемами психики. Сюда относятся также противоречия между общностями, которым принадлежит индивид, между социальными и биологическими основаниями его качеств и др.

Разрешение противоречий может осуществляться также различными путями. В одних случаях это происходит путем перестройки всей системы психики в целом; в других — «по частям», последовательно.

При этом развитие включает не только линию прогресса (восходящее развитие от низшего к высшему), но и регресса (от высшего к низшему), а также тупиковые линии. Оно не сводится только к формированию новых образований, но и предполагает разрушение тех, которые сложились прежде, но на определенной стадии стали «тормозом».

В сложной «мозаике» реальных противоречий психического развития не всегда легко выявить ведущее. Но именно в том, чтобы раскрыть в сложной системе противоречий ведущее, определяющее общую картину психического развития на данной ступени и в данных конкретных условиях, и состоит главная задача системного психологического исследования.

В этом и предыдущем параграфах данной главы рассмотрены лишь некоторые вопросы, относящиеся к системному подходу в психологии, предпринята попытка показать его необходимость для современного периода ее развития и наметить некоторые общие требования. Ряд положений сформулирован в тезисной форме и нуждается в дальнейшей разработке. Многие еще остаются неясным критерии, по которым можно судить об уровнях психических явлений как системы; принципы построения их многомерной классификации; способы определения оснований психических качеств и др. Дальнейшая разработка системного подхода и конкретных методов системного анализа еще потребует немалых усилий. Но этот подход должен стать инструментом синтеза данных, накапливаемых в многочисленных специальных психологических дисциплинах, и дальнейшего развития общей теории психологии.

§ 3. Проблема закона в психологии

Основная цель любой науки состоит в том, чтобы вскрывать объективные законы, которым подчиняются изучаемые ею процессы и явления. Более того, какая-либо область знания превращается в действительную науку лишь по мере того, как она продвигается по пути к реализации этой цели. Именно этой цели в конечном счете подчинены и теоретические и экспериментальные исследования; от достижений в ее реализации зависят также успехи применения науки в практике.

Совокупность открытий и точно (не обязательно математически) сформулированных законов составляют «ядро» научной теории, хотя, конечно, теория не исчерпывается только этим¹⁴. Познанный закон позволяет предсказывать путем строгих логических рассуждений и расчетов тенденции развития тех или иных явлений, определять их взаимосвязи и на этой основе находить пути решения как теоретических, так и практических задач. Сказанное в полной мере относится и к психологической науке.

Но что такое закон?

Прежде всего, когда речь идет о законе, то имеются в виду объективно существующие связи, отношения между теми или иными явлениями: «Закон есть *отношение*» [24, с. 138].

Однако далеко не всякую связь, не любое отношение можно рассматривать как закон. К закономерным относятся только те, в которых проявляется сущность явлений. «Закон есть существенное явление», — отмечал Ленин. «...*Закон и сущность* понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.» [с. 136]. Закон есть «отношение *сущностей* или между сущностями» [с. 138]. Познать отношение сущностей — это значит раскрыть в массе единичных, кажущихся случайными явлений общее и необходимое. «Закон — идентичное в явлении» [24, с. 136], устойчивое и, следовательно, повторяющееся.

В «Конспекте «Науки логики»» Ленин выделяет положение Гегеля: «Понятие закона сближается здесь с понятиями: «порядок (Ordnung), однородность (Gleichformigkeit), «необходимость»... отмечая, что «это сближение очень важно» [24, с. 167]. В другом месте «конспекта» выделяется положение о том, что «царство законов есть *спокойное* (курсив Гегеля) отображение существующего и являющегося мира». В комментарии к этому положению Ленин пишет: «Это... замечательно меткое (словом «Ruhige») определение. Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен» [24, с. 136].

Научное познание и состоит в раскрытии существенных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связей (отношений) между явлениями.

Задача выявления законов психики, раскрытия тех связей и отношений, которые бы можно было квалифицировать как закономерные, принадлежит в науке к числу сложнейших. При изучении даже относительно простых психических явлений приходится проделывать поистине титаническую работу, связанную с преодолением массы трудностей, противоречий, отступлений, «зацикливаний» и т. п.

Трудности, возникающие в процессе познания психических явлений, раскрытия законов, которые ими управляют, обусловлены, как было показано в предыдущей главе, самой природой этих явле-

¹⁴ Этим «ядром» в значительной степени определяется мера теоретических обобщений, компактность, прогностическая ценность и действенность теории.

НИИ Их существенной характеристикой является субъективность. Психические феномены представляют собой как бы внутренние состояния субъекта, недоступные стороннему наблюдению, даже если наблюдатель вооружен самой современной техникой. В субъективном характере обычно и усматривают своеобразие психических явлений (в отличие от всех других явлений). Между тем задача науки — изучить психику, пользуясь объективными методами, и раскрыть объективные законы, которым она подчиняется.

Когда же говорят об объективном, то имеется в виду нечто, существующее вне и независимо от субъекта, от субъективного. Здесь возникает своеобразный парадокс (антиномия): с одной стороны, проблемы психологии относятся к области **субъективных** явлений, обычно противопоставляемых объективным, с другой — от нее требуется изучение **объективных** законов психики.

В значительной мере этот парадокс обязан тем трудностям, которые возникают при попытках четко разграничить онтологический и гносеологический аспекты изучения психического, обусловленным самой его природой.

Именно в этом наиболее сложном пункте возникли (да и сейчас иногда возникают) отступления от требований научного познания, попытки изобрести принципиально иные (по сравнению с другими науками) средства и способы исследования или даже высказывались утверждения о непознаваемости психического.

Не раз в истории науки мы встречаемся с заявлениями, что психическое не подвластно объективным законам, психология якобы может только описывать то, что дано непосредственно во внутреннем опыте субъекта, т. е. быть чисто описательной областью знания — феноменологией. Так, по мнению Х. Джаспера, человек в целом не может быть объективно познан; есть якобы такие существенные аспекты его внутреннего опыта, которые по своей природе не могут быть объективно «схвачены», а доступны лишь интуиции, заменяющей причинное объяснение. Непонимание того, что психическое включено во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира и подчинено объективным законам, приводит также к попыткам объявить его особым миром, существующим в своем собственном пространстве. В этой связи психология объявляется особой областью знания, принципиально отличной от всех других наук.

Иногда исследователи, стремящиеся вывести «субъективный мир человека» из нейродинамики, приходят к отрицанию реальности психики, объявляют ее лишь чем-то сопутствующим материальным процессам — эпифеноменом.

Встречаются также утверждения, что психология якобы имеет дело только с явлениями, которые в лучшем случае можно лишь классифицировать; раскрытие же их сущности, выявление законов — это дело других наук: физиологии или социологии.

Конечно, в психических феноменах так или иначе, но проявляется действие и законов физиологии, и законов социологии. Однако они не могут быть полностью сведены к этим законам. Психология изучает особый класс явлений — явлений субъективного отраже-

ния, которые, разумеется, не существуют в отрыве от других (изучаемых, например, физиологией или социологией). Однако история науки показывает, что попытки полного сведения одного к другому не раскрывают действительную сущность психики.

Таким образом, попытки разрешить указанный выше парадокс с метафизических позиций приводят либо к отрицанию реальности психики, либо к объявлению ее особым миром, неподвластным объективным законам. Но психические явления реально существуют и, подобно всем другим явлениям, подчинены объективным законам.

Еще Сеченов подчеркивал, что психические явления не могут быть поняты «вне законов земли», т. е. вне объективных законов, которым они подчиняются «роковым образом» и которые должны быть выявлены при помощи строго научных методов познания [437].

Детерминистическая позиция Сеченова была продолжена в работах его преемников — психологов и физиологов. Наиболее последовательное развитие эта линия получила в трудах советских ученых, строящих психологическую науку на философской основе диалектического материализма.

Методологические исследования советских психологов показали, что психические явления не представляют собой некоторой замкнутой в себе реальности. Они относятся к категории явлений отражения и как таковые необходимым образом включены во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира. Только понимание их отражательной сущности раскрывает путь к познанию управляющих ими объективных законов. Марксизму чуждо представление об объективном и субъективном как двух параллельных, независимо развивающихся рядах явлений. Напротив, субъективное рассматривается марксизмом в его неразрывной связи с объективным. Возникающая и развиваясь в процессе развития материи, оно становится действенным фактором этого процесса. Законы психического не в меньшей мере объективны, чем законы любых других явлений природы и общества.

Когда психика рассматривается в системе явлений материального мира, то, как уже отмечалось, обращает на себя внимание чрезвычайная множественность и многообразие тех отношений, в которых она реально формируется, развивается и проявляется. Эта проблема рассмотрена в первой главе и в предыдущих параграфах этой, поэтому сейчас останавливаться на ней не будем. Отметим только, что данное обстоятельство создает немалые трудности на пути познания законов психики. Как выявить в множестве и многообразии связей (отношений) те, которые действительно являются существенными, повторяющимися, устойчивыми, необходимыми, а следовательно, закономерными? Какими способами и средствами «отпрепарировать» их от связей случайных, неустойчивых, кажущихся? Эти вопросы являются основными и в теоретическом, и в экспериментальном, и в прикладном исследованиях.

Изучая психические явления, исследователь постоянно сталки-

вается с фактом их исключительно большой изменчивости, вариативности¹⁵.

Любой психический процесс протекает в данных конкретных условиях специфическим образом. Исследуя, казалось бы, один и тот же процесс многократно, мы обнаруживаем, что каждый раз он складывается по-новому. И дело здесь не просто в случайных отклонениях, хотя, конечно, и они имеют место. Однако более важно другое: психическое как субъективное отражение не может не быть вариативным. **Вариативность, изменчивость** — это его **существенная характеристика**, вытекающая из самой его отражательной природы.

Пожалуй, по сравнению с психологией ни в какой другой науке при исследовании какого-либо феномена так остро не стоит задача раскрыть закон как общее и вместе с тем показать имманентное происхождение разнообразия его индивидуальных проявлений.

В психологии обычно отмечается уникальность тех или иных психических процессов, состояний и свойств. Говорится об уникальности психического склада каждой личности, индивидуальном своеобразии протекания тех или иных психических процессов, об индивидуальных особенностях психических состояний и т. д. Но абсолютизация уникального и специфического, игнорирование общего, по существу, означает отрицание объективных законов.

В конкретных исследованиях психолог нередко сталкивается с таким положением, когда в сходных условиях при воздействии на человека сходных событий (которые считаются идентичными) он получает не только различные, но порой противоречащие друг другу результаты и, напротив, при воздействии неодинаковых условий и событий — сходные.

Недаром в психологии уделяется исключительно большое внимание вопросам разнообразия проявлений сущности психического. В этой связи сформировались даже особые области науки, такие, как дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология, главная задача которых — изучение того, чем каждый из нас отличается от других людей (Небылицын [345]). Однако, решая эту задачу, исследуя индивидуальные причинные зависимости (и другие виды детерминации), действительно научная психология не может ограничиваться только констатацией индивидуальных различий и разнообразия проявлений психического. Она должна при этом раскрывать общие законы.

«Закон не потусторонен явлению, но непосредственно присущ последнему», — писал Гегель, и эти слова были высоко оценены Лениным. Для психологии это положение имеет особенно большое значение. Она должна (как, впрочем, и другие науки) располагать такими методами, которые позволяли бы раскрывать законы в их непосредственной «присущности» изучаемым явлениям.

¹⁵ В исследованиях психических явлений подчас складывается впечатление «обилия случайностей». Но там, где «на поверхности происходит игра случая», — писал Энгельс, — там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти «законы» [7а, с. 306].

Использование методов материалистической диалектики в психологическом исследовании обеспечивает возможность раскрывать единство с многообразием, общее в единичном, устойчивое в изменчивом, существенное в явлении, необходимое в случайном. В том числе оно позволяет понять даже такие факты, которые кажутся противоречащими друг другу, и объяснить их как проявления действия одного и того же закона: показать, что и тот и другой факт возникают одинаково необходимым образом.

Законы, открываемые в психологии (как, впрочем, и в других науках), не выступают в виде некоторых абсолютов, жестко и однозначно определяющих связи между явлениями. Это — **законы—тенденции**¹⁶. Вариативность проявлений психологических законов не отменяет того, что в них выражается нечто общее. Но это общее выступает как тенденция¹⁷. Раскрывая закон как тенденцию, психология неизбежно обращается к категориям возможности и действительности. Недаром в ней такое большое внимание уделяется тем свойствам и характеристикам человека, которые не просто констатируют то, что есть в действительности, но и то, что существует лишь как возможность. В этом плане исследуются способности человека к различным видам деятельности, его общая одаренность (Ананьев [39], Теплов [474]); в исследованиях психического развития говорится о его резервах (Ананьев [40]), о зоне ближайшего развития (Выготский [129]) и т. д.

Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что любое (или почти любое) психическое свойство человека выступает не только как действительность в данный момент, но и как предпосылка, т. е. как возможность возникновения нового. То же можно сказать о психических процессах и состояниях.

Рассматривая психические явления в плане соотношения действительного и возможного, важно иметь в виду, что самая возможность раскрывается как многомерная и многоуровневая, т. е. системно. Например, одаренность рассматривается часто как общая предпосылка развития, а та или иная особая способность — как специальная предпосылка овладения каким-либо конкретным видом деятельности¹⁸. Первая из них характеризует базу психического развития индивида в целом, вторая — только ее определенные аспекты. То же можно сказать об общих и частных свойствах нервной системы (Небылицын [344])¹⁹.

При рассмотрении психологических законов как законов-тенденций неизбежно возникает вопрос о повторяемости психических явлений. Как уже отмечалось, повторяемость — одна из важных

¹⁶ О законах-тенденциях см. Пиллпенко [367].

¹⁷ Внешне закон выступает как равнодействующая (средняя) многих детерминант, нередко противоречащих друг другу. Через эту равнодействующую раскрывается ведущая тенденция, которая не всегда видна на поверхности.

¹⁸ Одаренность иногда рассматривается и как интегральный результат развития [41].

¹⁹ О категориях возможности и действительности см.: Ананьев [41], Анцыферова [52], Рубинштейн [422].

характеристик закона. Она может раскрываться разными путями. Один из них — это выявление того общего, что присуще каждому члену некоторого множества однородных или однопорядковых феноменов (процессов, состояний и т. д.). Но вопрос о повторяемости имеет и другой, на наш взгляд, значительно более важный аспект. Речь идет о повторяемости в процессе развития. Как отмечалось, понять психическое можно только в развитии, в ходе которого происходят качественные изменения. При этом в его прогрессивной линии с каждым новым шагом возрастает «число степеней свободы» внешних и внутренних связей (а значит, возрастают и возможности).

Развитие — это не прямолинейный, монотонный процесс. Оно сопряжено с «зигзагами» и осуществляется в многообразных вариантах. И тем не менее в нем есть моменты повторяемости, без изучения которых трудно понять преемственность развития. Но повторяемость в развитии не означает тождественности тех или иных его моментов. Системная сущность развития исключает возможность потного тождества каких-либо этапов, стадий ранее пройденным. Оно осуществляется не по кругу, а по спирали, на каждом новом «витке» которой появляются новые качества, но вместе с тем в какой-то форме воспроизводятся и старые.

Конечно, например, перцептивные, мнемические или интеллектуальные процессы у взрослого протекают иначе, чем у ребенка. Но тем не менее на разных возрастных ступенях проявляется и нечто общее, хотя и реализуется оно в разных формах. Исследование только специфического на разных возрастных ступенях без раскрытия общего приводит к ошибочным выводам и концепциям (например, концепция эгоцентризма ребенка). Сказанное относится не только к индивидуальному, но и к историческому развитию человека. В свое время широкое распространение получила трактовка мышления человека на ранних ступенях его исторического развития (а точнее, у отсталых народов) как пралогического (Леви-Брюль). Убедительная критика этой трактовки дана Кликсом, который показал, что мышление людей далекого прошлого столь же логично, как и современных, и подчиняется тем же законам. В тех специфических его характеристиках, которые отмечались как пралогические, на самом деле реализуются общие законы мышления, но реализуются они в особых условиях общественной жизни человека [600]. Конечно, у взрослого (по сравнению с ребенком) и современного человека (по сравнению с отсталым) эти законы реализуются в более развитом виде.

Специфика проявлений этих законов, которая принимается иногда за главное и заслоняет общее в них, — это прежде всего специфика субъективной формы, в которой осуществляется процесс мышления.

Поступательное развитие психологической науки шаг за шагом раскрывает объективные законы, управляющие психическими явлениями, переходя от сущностей первого порядка к сущностям второго и т. д. порядков (см.: Ленин [24]). Тем самым показывается не-

состоятельность позитивистских, феноменилистических и некоторых других направлений в психологии.

Мы не беремся здесь перечислить уже известные в психологии законы, некоторые из которых выражены в математической форме. Однако считаем принципиально важным отметить, что они относятся к **разным уровням психического**, раскрывают его **разные измерения**, как бы берут психическое в разных срезах, в разных плоскостях.

Одни из них характеризуют **относительно элементарные зависимости**: например, устойчивые связи между внешними воздействиями и определенными психическими эффектами, а также между самими этими эффектами. Эти зависимости иногда рассматриваются изолированно от системы психического в целом. На самом же деле они выступают как элементы этой системы. В эту группу можно включить основной психофизический закон²⁰, законы обнаружения, различения, идентификации и опознания сигналов, формирования ассоциаций и некоторые другие.

Отметим, что познание законов психики началось с выявления законов именно этой группы. Пожалуй, раньше других были сформулированы законы ассоциаций. В этой связи возник ассоцианизм, старавшийся все богатство человеческой психики свести к комбинации ассоциаций по смежности, сходству и контрасту. При этом сами-то ассоциации трактовались идеалистически. Ассоцианизм давно отжил свой век, а вместе с тем «растаяла» и проблема ассоциаций. Но она возродилась вновь в 50-е годы под влиянием учения И. П. Павлова, показавшего материалистический путь исследований ассоциаций. В это время были разработаны концепции уровней организации ассоциаций (Самарин [428]), обобщенных ассоциаций (Шеварев [521]). Позднее интерес к этой проблеме вновь упал.

Но ассоциации — это психическая реальность, и их исследование столь же важно, как и исследование других реальностей. Нужно только не забывать, что законы ассоциаций не охватывают систему психического в целом; они раскрывают лишь элементарные связи психических явлений. Чтобы понять сферу действия этих законов, необходимо рассмотреть их место и роль в целостной системе.

Другим примером может быть так называемый закон Хика, характеризующий зависимость временной реакции от вероятности сигнала. Согласно этому закону время сенсорной реакции монотонно увеличивается с ростом количества информации на символ. В свое время предпринималось немало попыток решать нелый ряд задач на основе этого закона. Но вскоре стало обнаруживаться, что ка его проявления влияет масса факторов: особенности ответных реакций, уровень тренированности человека, состояние работоспособности и т. д. (подробнее см.: 1281; 488).

Вокруг закона Хика возникла острая дискуссия. Одни исследователи стремились уточнить значения констант в соответствующей ему формуле. Другие доказывали, что закон справедлив только для ограниченной длины алфавита сигналов. Третьи объясняли отклонения экспериментальных данных от закона Хика перераспределением «пропускной способности» мозга между сенсорными и моторными звеньями реакции. Четвертые вообще отрицали этот закон.

Наиболее обоснованным нам представляется решение этого вопроса Г. Е. Журавлевым [162]. Опираясь на экспериментальные данные, он показал, что закон

²⁰ Здесь мы не будем обсуждать соотношение разных формулировок этого закона (Фехнера, Стивенса и др.). Отметим также, что Фехнер, впервые сформулировавший основной психофизический закон, в понимании связи физического и психического стоял на ложных философских позициях. Однако сделанное им открытие объективно явилось важным шагом на пути понимания ощущений как субъективного (психического) отражения объективных (физических) величин

Хика характеризует предельные возможности сенсомоторной системы при оптимальном ее приспособлении к вероятностным свойствам сигналов. При этом в процессе приспособления включаются разные уровни переработки информации человеком; этот процесс протекает при сознательной оценке ситуации в целом, что в определенной мере подтверждается также исследованиями О. А. Конопкина [222].

Закон Хика, как и дзюно иконы, характеризующие элементарные зависимости, может быть правильно оценен только при рассмотрении его действия в системе других законов.

Вторая группа — это **законы, раскрывающие динамику психических процессов во времени**. Психический процесс здесь рассматривается как диахроническая система. Примером этой группы может быть закономерная последовательность фаз процесса восприятия, впервые открытая Н. Н. Лаше и сформулированная в виде знаменитого «закона перцепции». Позднее фазность процесса восприятия изучалась в лабораториях Ухтомского [485], Ананьева [36], П. О. Макарова [310] и др. По существу, в пространственных порогах видения (по Теплову [472]) проявляются фазы зрительного восприятия. Перцептивный процесс (зрение) «разворачивается» по фазам: от грубого различения общих пропорций предмета и его положения до формирования дифференцированного и достаточно полного образа (подробнее об этом речь пойдет в следующей главе).

Экспериментальные исследования выявили фазность также в процессах принятия решения [389].

Исследование динамики того или иного психического процесса предполагает выявление его основных фаз, закономерной последовательности этих фаз и условий, обеспечивающих переход от одной фазы к другой.

Третью группу составляют **законы, характеризующие структуру психических явлений**. Примерами здесь могут быть современные представления о памяти. Как известно, первоначально, когда память еще только становилась предметом экспериментальных исследований, ее пытались рассматривать как простую и гомогенную функцию. Однако по мере исследований становилось ясно, что она имеет сложное строение и должна рассматриваться как система. Система эта является динамической, развивающейся, многоуровневой, «открытой» по своему характеру и неполно связанной по структуре и свойствам. По Р. Аткинсону, рассматриваемому памяти как систему, она включает определенную структуру хранилищ информации (сенсорный регистр, кратковременное хранилище и долговременное хранилище), их реорганизацию (признаки, буфер, узлы и коды, связанные подмножества и т. д.), потоки информации и процессы управления (подробнее см.: [61]). Несколько иная модель памяти как функциональной системы предложена С. П. Бочаровой [96].

К этой группе примыкают также законы, характеризующие «самый механизм» формирования психических явлений. К ним можно отнести законы формирования установки (Узнадзе), творчества (Пономарев [374]), системогенеза деятельности (Шадриков [516]).

В особую группу можно, по-видимому, выделить также **законы, раскрывающие зависимость эффективности поведения (или деятельности) от уровня его (или ее) психической регуляции, а также от значения того или иного измерения**. Примером здесь может быть закон Йеркса—Додсона, который раскрывает зависимость между уровнем мотивации и успешностью решения поведенческих задач. Утверждается, что есть некоторый оптимальный уровень мотивации при котором успешность является наиболее высокой. При этом уровень мотивации тем меньше, чем труднее задача.

Отметим, что этот закон выявлен в исследованиях поведения животных. Однако при определенных условиях (по мнению Леонтьева, исключительных, созданных специально [270]) он проявляется и в деятельности людей. По мнению Т. Б. Платоновой, закон оптимальной мотивации проявляется лишь при определенных условиях научения. Согласно полученным в ее исследованиях данным, с этим законом следует поступать очень осторожно по отношению к разным видам мотивации [371].

К этой группе относятся также законы, характеризующие уровни работоспособности (Ильин [191]), стрессовых состояний (Селье [432]).

Следующая группа законов относится к **процессу психического развития человека**, рассматриваемому в масштабах его жизни. Здесь, как и в законах второй (по нашему перечню) группы, психическое рассматривается как диахроническая система, однако в отличие от них — значительно большего масштаба. Как показал Ананьев [41], психические функции человека в течение его жизни и в ее отдельные периоды развиваются неравномерно. В исследованиях, проведенных под его руководством, было выявлено сочетание противоречивых процессов: нарастание мощности одних, снижение других, стабилизация третьих. Это дало основание сформулировать закон гетерохронного развития психических функций. К этой же группе относится закономерная последовательность стадий развития интеллекта: сенсомоторная, предоперациональная, конкретно-операциональная и формально-операциональная по Пиаже²¹.

Особую группу законов образуют те, в которых раскрываются **основания различных психических свойств человека**. Примером здесь могут быть исследования нейрофизиологических оснований темперамента (Теплов [473], Небылицын [345]) или концепции, в которых в качестве оснований психологических свойств личности выступает деятельность индивида в системе общественных отношений (Леонтьев [271]).

Нужно отметить, что связь **тех** или иных психологических свойств и их оснований далеко не всегда является прямой и однозначной (хотя и этот вариант не исключен). Она опосредствуется многими факторами и условиями.

Наконец, психология располагает некоторыми знаниями о **закономерных отношениях между разными уровнями организации психических процессов и свойств**. Примером здесь могут быть отношения между разными уровнями антиципации, перечисленными в пре-

²¹ В психологии ведутся широкие дискуссии о подходе Пиаже к изучению развития интеллекта. Не включаясь в эту дискуссию, мы использовали схему Пиаже только как пример законов данной группы.

дыдущем параграфе этой главы (подробнее см.: [300]). Другой пример — отношения между разными уровнями организации в структуре личности (Анцыферова [52]).

Конечно, этот перечень неполный и не претендует на классификацию известных в психологии законов. Он является лишь иллюстрацией того, что эти законы имеют разный порядок и раскрывают разные аспекты психического²². В законах, относящихся к каждой из перечисленных групп, выявляются существенные, устойчивые, необходимые связи в какой-то одной, определенной и ограниченной плоскости. Результаты исследований, в которых выявлены те или иные законы, получены в определенных условиях, при определенных ограничениях и допущениях, поэтому ни один не может претендовать на универсальность. Впрочем, беда в этом нет. Напомним еще раз, что «всякий закон узок, неполон, приближителен».

Беда в другом. В том, что в психологии нередко происходит универсализация открытого частного и специального закона, неоправданное расширение сферы его действия, перенос с одного круга явлений на другой, из одних условий в другие, существенно иные по сравнению с теми, в которых он выявлен.

Так, в свое время пытались объяснить развитие потребностей человека логарифмическим законом Вебера—Фехнера, полученном при изучении элементарных ощущений. Сюда же относятся попытки переноса законов, открытых в исследованиях мнемических процессов, в область групповой динамики или из области законов развития индивида — в область законов развития общества.

Такие попытки универсализации того или иного частного закона (а также того или иного принципа) создают лишь видимость объяснения, а на самом деле приводят к упрощениям и путанице.

Строго научный подход требует не только выявить объективный закон, но и очертить сферу его действия, а также условия, в которых он лишь и может действовать, его границы.

Раскрывая закономерные связи (отношения) между, например, внешними воздействиями и соответствующими психическими эффектами; между самими этими эффектами; отношения тех или иных психических свойств и их оснований; отношения, характеризующие механизм возникновения психических явлений и т. д., мы выделяем в сложной, многомерной, многоуровневой системе лишь какую-то определенную ее сторону и отвлекаемся от всех остальных. Некоторые из перечисленных выше законов относятся к психике как системе в целом, другие — к ее отдельным «составляющим». Одни из них раскрывают актуальную динамику психических процессов, т. е. функционирование системы, другие «берут» ее развитие и т. д. Разные законы относятся и к разным видам детерминации (см. предыдущий параграф этой главы). Вскрывая разные стороны сущности психического, его разные формы и уровни, зако-

²² В этом смысле перечисленные законы являются специальными и частными. С раскрытием законов более общих, при рассмотрении отношений человека с миром в более широком контексте, вероятно, изменятся наши представления и о тех законах, которые уже известны.

ны, относящиеся к разным группам, имеют и разную степень общности. Это отмечается также Ф. Геновым [139а].

Конечно, одним из наиболее сложных является вопрос о соотношении перечисленных групп законов. Как, например, связаны законы, характеризующие динамику психических процессов и их структуру? Или законы, раскрывающие определенные стороны процесса развития и соотношения между определенными психическими свойствами и их основаниями?

К сожалению, подходы к решению этих и подобных им вопросов еще не определены. Многие звенья единой цепи пока просто неизвестны. Здесь предстоит большая работа. Отметим только, что как более общие, так и более локальные и специальные законы относятся к одной и той же системе явлений и поэтому несомненно, что они должны быть внутренне связаны.

§ 4 - 0 системной детерминации поведения и психики

Выявление объективного закона, которому подчиняется психическое, всегда есть результат обобщений и абстракций. Но восхождение от конкретного к абстрактному, как отмечалось, — это лишь одно направление научного мышления. А далее, как того требует диалектика, возникает задача — на основе абстракций воссоздать конкретный объект (идеальный), т. е. пройти путь в направлении от абстрактного к конкретному.

Сочетание этих направлений научного мышления является необходимым условием построения целостной непротиворечивой психологической теории. Не менее важно оно также для решения практических задач.

-Для психолога это значит: опираясь на знание законов, полученных путем обобщения и абстракции, объяснить те или иные конкретные поведенческие акты (и действия) субъекта, выявить их тенденции и найти, если это необходимо, средства и способы воздействия на него.

Но как только психолог обращается к объяснению реального поведения конкретных людей, сразу же обнаруживается ограниченность любого из известных в психологии законов. Действуют ли, например, законы ассоциаций в реальном поведении? Конечно, действуют. Их знание, безусловно, дает возможность объяснить некоторые моменты поведения и решить некоторые практические задачи. Но позволяют ли они объяснить поведение в целом? Конечно, нет. Можно ли на основе законов ассоциаций раскрыть действительные детерминанты поведения? Тоже нет.

Рассмотрим несколько подробнее вопрос о детерминантах действий субъекта, его поступков, поведения в целом.

В психологии, как отмечалось, было (да и до сих пор есть) немало попыток исследования поведения на основе принципа линейного детерминизма.

Наиболее полное выражение этот принцип получил в крайних направлениях бихевиоризма. В формуле «стимул—реакция» стимул

(*S*) — это всегда причина, реакция (*R*) — всегда следствие. Однако описать поведение (не только человека, но даже и животного) как жесткую цепочку стимулов и реакций никогда и никому еще не удавалось. Любое исследование, проводимое в плане линейного детерминизма, сталкивалось с массой «нарушений» такой цепочки.

В этой связи пришлось в понятийный аппарат бихевиоризма ввести понятие «промежуточные переменные»; связь между стимулом и реакцией стала рассматриваться не как прямая и жесткая, а как опосредствованная состояниями реагирующего организма. Не обсуждая вопроса о том, насколько продуктивным оказалось это понятие, отметим, что самый факт его использования в схемах анализа поведения подчеркнул несостоятельность (или по крайней мере ограниченность) принципа линейного детерминизма. Вместе с тем, как справедливо отмечает Д. Ковач [216], для бихевиоризма был снят запрет на использование менталистских понятий, которые первоначально им отвергались как якобы ненаучные. Бихевиористы «благодаря этому (введению понятия «промежуточные переменные». — *Б. Л.*), — пишет он, — стали свободно пользоваться понятиями, взятыми из ментализма, такими, например, как побуждение, память, принятие решения, интеллект и др., правда, только в качестве гипотетических конструкторов промежуточных переменных» [216, с. 50].

Казалось, что включение в формулу $S-R$ «промежуточных переменных» дает возможность выхода из тупика, в который зашел бихевиоризм, следуя принципу линейного детерминизма.

Однако самое понятие «промежуточные переменные» — весьма неопределенно. Оно лишь указывает на то, что связь между *S* и *K* опосредствуется чем-то и что это «что-то» является переменным.

В конкретных исследованиях, опирающихся на принцип «промежуточных переменных», непрерывно накапливались новые и новые факты, которые не только не вносили определенности в понимание детерминации поведения, а, напротив, делали это понимание еще более расплывчатым. Складывалась картина нагромождения большого числа промежуточных переменных, связи между которыми оказывались очень запутанными.

В этой ситуации спасательным якорем показалась идея вероятностного детерминизма, согласно которой связь между причиной и следствием является не жесткой и однозначной, а вероятностной. Воздействие события *A* (причина) может вызвать ответ (следствие) либо *B*, либо *C*, либо *D* и т. д.; при этом вероятности каждого из ответов могут быть различными. Конечно, это был некоторый шаг вперед. Реализация принципа вероятностного детерминизма в исследованиях поведения позволила получить новые ценные для психологии результаты (в частности, в психофизике и исследовании реакций).

И все же определение вероятностей возможных вариантов поведенческого акта в разных ситуациях дает лишь внешнюю, формальную картину, но не раскрывает характер детерминации содержательно. Остается вопрос: почему? Почему, казалось бы, одно и

то же воздействие вызывает то один, то другой, то третий и т. д. ответ?

В общем виде, можно сказать, что это зависит от условий, в которых происходит поведенческий акт. Или иначе, связь причины и следствия опосредствуется внешними и внутренними условиями, в которых она осуществляется. Здесь мы снова возвращаемся к идее опосредствования. В самой этой идее, конечно, ничего дурного нет. Туман и неопределенность возникают тогда, когда просто утверждается факт опосредствования, но не раскрывается, что и как опосредствует связи между изучаемыми явлениями. Понятие «промежуточные переменные» в этом плане мало что объясняет. Оно, как уже отмечалось, констатирует, что есть «нечто» (гипотетический конструктор) между внешним воздействием и поведенческим актом и это «нечто» — переменное. Но что представляет собой это «нечто», как оно включено в причинно-следственные связи и насколько оно включено? Эти вопросы в концепции промежуточных переменных не раскрываются.

Чтобы понять причинно-следственные связи в сложных системных объектах, мало сказать, что они являются опосредствованными. Необходимо раскрыть реальные функции тех звеньев системы, которые выступают в роли опосредствующих. Если эти функции не раскрыты, то мы попадем в «трясину неопределенности»²³.

Именно в связи с задачей изучения реальных функций психики в поведении сформировалась и развивается та линия психологических исследований, которая заложена трудами основоположника отечественной психологии И. М. Сеченова, твердо стоявшего на позициях материалистического детерминизма. Сеченов писал, что «действия человека... безусловно подчинены закону причинности» [437, с. 439]. Вместе с тем, сравнивая человека с автоматом, он отмечал, что человек отличается от автомата чрезвычайным разнообразием действий «при одинаковых с виду условиях» [437, с. 437]. За человеком всегда остается возможность поступать «па много разных ладов при одинаковых условиях» [437, с. 431].

Анализируя поведение, Сеченов утверждал, что внешние условия действуют не иначе, как через посредство психологических характеристик и свойств человека. Именно психика является тем звеном, которое необходимым образом опосредствует связь внешних воздействий и поведенческих актов. Тем самым психическое было поставлено в единый ряд причинно-следственных связей материального мира. Из рефлекторной теории Сеченова вытекает, что мы не можем понять психическое иначе, как через изучение поведения, и что вместе с тем анализ поведения предполагает необходимым образом изучение психического.

Раскрывая основные функции психики в поведении, Сеченов

²³ Само по себе утверждение о том, что что-то чем-то опосредствует,!, еще не дает действительного детерминистского объяснения явления. Оно может привести к ситуации дурной бесконечности опосредствования, к идее всеобщего опосредствования («все всем опосредствуется»), которую в свое время критически оценил Гегель, рассматривая философскую концепцию Якоби.

показал, что она является отражением окружающих условий и поэтому — регулятором движений и действий. Учение об отражательной и регулирующих функциях психики позднее было развито в работах советских психологов (см. главу третью).

Еще раз подчеркнем, что именно благодаря этим функциям психика необходимым образом включена в деятельность и поведение, поэтому и попытки их изолированного рассмотрения не могут привести к пониманию управляющих ими законов. Как бы детально нам ни удалось описать так называемую внешнюю картину поведения, мы не поймем его детерминант, если не раскроем ту роль, которую играет психика в единстве ее отражательной и регулятивной функций в организации поведения. Точно так же попытки изучения психических процессов самих по себе, вне поведения, неизбежно приводят к отказу от научных методов познания,

Когда говорится о том, что связь внешних воздействий и ответных актов опосредствуется психикой, то естественно может возникнуть мысль о том, чтобы разложить эту сложную связь на составляющие. Можно рассуждать, например, так: если связь A и B опосредствуется C , то вполне разумно и достаточно изучить отдельные непосредственные связи A и C , C и B , чтобы понять суть опосредствованной связи A и B , т. е. представить связь A и B как простую сумму связей A и C , C и B . Однако на деле оказывается, что как только мы пытаемся вырвать отдельные «непосредственные» связи из системы, в которой они только и существуют и вне которой они существовать не могут, мы неизбежно получаем неточную, искаженную картину. Такая «вивисекция» не продвигает нас по пути понимания действительной детерминации поведения²⁴.

Если бы психика не осуществляла функций отражения окружающей среды и регуляции поведения, то она была бы просто ненужной; если бы поведение не включало необходимым образом этих функций, то оно не могло бы быть адекватным окружающей среде.

Отсюда вытекает необходимость рассмотрения поведенческого акта и включенных в него психических процессов как единой системы.

Поскольку представить человеческое поведение без желаний, намерений, мотивов и т. п. невозможно, парадокс (антиномия), о котором шла речь в предыдущем параграфе, приобретает особенно заостренную форму. Здесь он выступает как кажущееся неразрешимым противоречие между сознательными, волевыми (произвольными) действиями человека и объективными законами действительности, в которой этот человек живет (независимыми от его сознания и воли).

Одной из попыток разрешения этого парадокса, получившей довольно широкое распространение, явился фрейдизм и другие, связанные с ним направления. Основной объяснительной категорией в них стало понятие бессознательного. Казалось бы, выход из пара-

²⁴ Хотя, разумеется, при решении некоторых специальных задач вычленение таких связей и возможно и целесообразно.

Докса найден: определено нечто, существующее вне сознания и независимое от него, т. е. объективное, и вместе с тем бессознательное, конечно же, является субъективным²⁵. Однако — это только кажущееся разрешение парадокса. Дело в том, что бессознательное характеризуется через противопоставление сознательному, сознанию. В поисках же объективных законов самого бессознательного фрейдизм не выходит «за рамки субъекта», т. е. пытается вывести эти законы изнутри субъекта, взятого как таковой; психическое рассматривается вне связей с другими явлениями объективного мира, т. е. как некоторая замкнутая в себе реальность. Поэтому вместо формулировок действительных, хотя пока еще и слабо изученных законов предлагаются метафорические описания (порой весьма интересные, содержащие «зерно» объективной истины). Иногда утверждается, что самая возможность подхода к изучению объективных законов психики определяется тем или, по крайней мере, зависит от того, какую позицию занять в отношении бессознательного (см., например: [69]).

Высказываются утверждения о том, что то или иное решение этой проблемы является обязательным требованием к любому психологическому исследованию. Но с этим вряд ли можно согласиться. Исследователь, разрабатывающий какую-либо определенную проблему, имеет право абстрагироваться от других, и это не закрывает ему путь к познанию объективных законов психики.

В свое время в советской психологии проблема бессознательного (подсознательного, неосознаваемого) была фактически снята, что сказалось и на разработке проблемы сознания. Но сейчас вряд ли кто-нибудь подвергнет сомнению реальность неосознаваемых компонентов психики. Проблема соотношения неосознаваемого (подсознательного, бессознательного — между этими понятиями есть тонкие различия, которые здесь не обсуждаются) и осознаваемого является в психологии одной из важнейших. Весь вопрос в том, как подойти к ее решению. Вряд ли она может быть понята, если исходить только «изнутри субъекта». С нашей точки зрения, и неосознаваемое и осознаваемое являются разными уровнями субъективного, психического отражения и как таковые подчиняются объективным законам. Исследовательская задача состоит в том, чтобы вскрыть эти объективные законы, т. е. выявить, когда, как и при каких условиях возникает каждый из уровней и изменяются соотношения между ними.

Однако динамика сознательного и бессознательного (осознаваемого и неосознаваемого) является лишь одним из моментов в структуре поведения человека — важным, но не единственным.

Эта динамика должна рассматриваться в плане более общей, принципиальной проблемы объективной детерминации поведения.

Марксизм никогда не противопоставлял друг другу объектив-

²⁵ «Подсознательное, — писал Фрейд, — есть истинная психическая реальность. По своей глубочайшей природе оно нам так же неизвестно и неподвластно, как и реальность внешнего мира» [580, с. 17].

ные законы и сознательную деятельность человека (в каких бы формах она ни проявлялась). Напротив, из марксистской методологии вытекает требование исследовать диалектику их взаимосвязей: раскрыть самые детерминанты сознательных, волевых действий человека, рассмотреть их в контексте других объективных процессов и вместе с тем понять, как объективные законы жизни людей реализуются в этих действиях.

Одним из основных требований, вытекающих из теории отражения, является требование: рассматривать психические явления в системе других явлений материального мира. Их детерминация не может быть понята вне этой системы.

Здесь мы должны снова обратиться к тому толкованию детерминизма, который вытекает из принципов системного подхода, развивающегося на основе материалистической диалектики.

Прежде всего напомним, что системный подход требует несколько иначе (чем это иногда принято) рассматривать те события или **внешние** воздействия, которые обычно оцениваются как **причины поведенческих актов**. В лабораторных исследованиях в качестве таковых обычно берутся некоторые отдельные элементы реальной ситуации (например, оптический, акустический или какой-либо иной сигнал). Между тем даже в самом тщательном организованном эксперименте очень трудно исключить из этой ситуации все остальное, оставив только данный элемент как единственное воздействие. Более того, даже если и удается как-то элиминировать (или сбалансировать) все внешние воздействия, кроме одного — изучаемого, то и в этом случае далеко не всегда можно быть уверенным в том, что именно он-то и является причиной полученного следствия.

Когда речь идет об исследовании поведенческих актов (даже самых простых), то нужно иметь в виду, что мы всегда имеем дело не с отдельными изолированными существующими воздействиями, а с **системой воздействий**. В качестве причин того или иного поведенческого акта выступает, как правило, не отдельное событие, а система событий, или ситуация²⁶. При этом ситуация должна рассматриваться соотносительно со свойствами и особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью. Дело в том, что ситуация, в которой осуществляется поведение, не сохраняется в неизменном виде. Напротив, она изменяется под влиянием поведения (деятельности), благодаря чему возникают новые воздействия на субъекта. Здесь важно подчеркнуть, что влияние человека на свое собственное развитие и на свои состояния выступает не как непосредственное «внутреннее духовное самоусовершенствование», оно опосредствуется реальным изменением той ситуации, в которой человек живет, осуществляемым в процессе его материальной деятельности. Это хорошо отмечено И. Ф. Ивашенко: «Вовлекая в свою деятельность все новые и новые обстоятельства, усло-

²⁶ К сожалению, психология пока еще не располагает достаточно строгими способами и средствами описания ситуации (экспериментальной или жизненной) как системы. Их разработка составляет одну из важнейших задач.

вия, он (человек. — Б. Л.) тем самым создает новые связи, «взаимосцепления событий», следовательно, и новые причины своего поведения. Индивид, например, становится активнее или пассивнее, поступает более избирательно или менее избирательно под влиянием создаваемых им же самим результатов, под влиянием следствий, вытекающих из его поступков» [189, с. 17—18]. Иначе говоря, связь между причинами и следствиями в деятельности (в поведении в целом) человека (да и не только человека) является диалектической. То, что в одних условиях и при одних обстоятельствах выступает в качестве причины, в других — оказывается следствием. Раскрыть, каким образом в процессе реального поведения субъекта происходит взаимопревращение причин и следствий, и найти способы конкретно-научного анализа таких взаимопревращений — это, конечно, одна из сложнейших задач.

С не меньшими трудностями мы сталкиваемся, когда от анализа ситуации обращаемся к анализу самого поведенческого акта (или действия), либо более широко — поведения.

В современной психологии и смежных с нею науках в этой области разработано немало концепций и теоретических моделей. Не рассматривая их подробно (это могло бы составить задачу специального исследования), отметим только, что во всех концепциях и моделях **поведение (и деятельность)** рассматривается как **система, имеющая сложное строение**.

Любая деятельность (как и поведение в целом) исходит из определенных мотивов и направлена на достижение определенной цели. Ее «психологическими составляющими» являются процессы антиципации, планирования, восприятия и переработки текущей информации, принятия решения и контроля результатов (о структуре деятельности см. главу четвертую).

В любой конкретной деятельности каждая из этих составляющих, так же как и их соотношения, обладают определенной спецификой. Так, в одних видах деятельности ведущим уровнем антиципации является сенсомоторный, в других — перцептивный, в третьих — речемыслительный. Динамика процессов антиципации в разных видах деятельности также оказывается различной²⁷. Это же можно сказать и обо всех других составляющих деятельности.

Внешне деятельность выступает как реализация некоторой программы, определяемой целью. Здесь сразу возникает вопрос: не противоречит ли признание этого принципу детерминизма. Известно, что понятие «цель» очень часто связывается с телеологическими представлениями, противопоставляемыми детерминистическим. Материалистическая диалектика преодолевает это противопоставление, обеспечивая возможность рассматривать самый процесс целеобразования и целеполагания как детерминируемый. Цель и связанная с ней программа формируются на основе отражения той действительности, в которой человек живет. Вместе с тем она регулирует его деятельность. Таким образом она органически вклю-

²⁷ (36 уровнях антиципации см.: [300]).

чается в общую систему причинно-следственных связей, более широко: всех форм связей, характеризующих детерминацию²⁸.

Весьма трудным моментом в анализе детерминации деятельности (и поведении в целом) является тот факт, что она представляет собой систему саморегулирующуюся, а потому и чрезвычайно динамичную. Саморегуляция выступает не как некоторое выражение свободы человека, независимой от объективных законов. Напротив, она является формой проявления самодетерминации, возможность которой закономерно возникает на определенной ступени развития человека. Когда и как именно она возникает, это вопрос специального исследования.

В психологии уже накоплено немало данных, связанных с проблемой саморегуляции²⁹. Так, в исследованиях Ковача показано, что саморегуляция оказывает определенное влияние на результаты пространственного различения, а также заучивания чисел и конфигураций линий [216]. Г. С. Никифоров выявил аналогичное влияние в исследованиях работы человека-оператора с приборной информацией. Он показал также, что саморегуляция деятельности человека-оператора является важнейшим фактором, определяющим надежность системы «человек—машина» [346].

Наиболее полно проблема саморегуляции деятельности исследована О. А. Конопкиным [222]. Он показал, что возможность психического отражения предмета, средств и условий деятельности позволяет человеку регулировать процессы приема и переработки информации, скорость ответных действий, темп работы и более широко — расходование собственных резервов.

Как отмечает Ковач, саморегуляция личности дает возможность в некотором смысле «преодолевать» действие внешних факторов. Это, конечно, очень сильно затрудняет анализ причинно-следственных связей в поведении человека. В самом деле, допустим, проводится простейший психологический эксперимент, в котором испытуемый должен при появлении некоторого сигнала выполнить какое-то движение. Исходя из известных законов обнаружения, различения, опознания и т. п., ожидаются определенные характеристики этого движения. Но вдруг оказывается, что испытуемый действует совсем не так, как ожидалось. Нередко данные, не соответствующие общей тенденции (некоторому предполагаемому закону), рассматриваются как артефакты: их просто не принимают в расчет как случайные.

Однако далеко не всегда они являются делом случая. Очень часто (а может быть, даже в своем большинстве) подобные факты возникают как результат саморегуляции и являются вполне законо-

мерными. Значит, изучая поведение, необходимо всегда иметь в виду их сложное строение и большие возможности человека в плане саморегуляции³⁰. Это, конечно, создает значительные трудности в познании объективных законов психики.

Дело осложняется еще и тем, что в психологических исследованиях мы очень часто сталкиваемся с разделенностью причины и следствия во времени. При этом «отдаленность» причины от следствия во времени может быть весьма большой. Если не учитывать это обстоятельство, то может возникнуть (и на самом деле нередко возникает) иллюзия: за причину интересующего события принимается то, что произошло непосредственно перед ним, а на самом деле реальная причина наблюдаемого события отделена от него значительным интервалом времени. В анализе поведения и деятельности, пожалуй, как нигде, часто совершается ошибка *post hoc, ergo propter hoc*, приводящая к тому, что действительная причина замечается псевдопричиной.

В связи с вопросом об отношении причин и следствий во времени отметим еще один важный момент. Анализируя поведенческие акты, мы нередко стремимся рассматривать в качестве причины интересующего акта некоторое единственное предшествующее ему событие. Между тем действительной причиной оказывается целый ряд событий, предшествующих изучаемому поведенческому акту. Каждое из них само по себе не вызывает эффекта — эффект дает лишь их накопление (и сохранение информации об этих событиях в памяти). Как отмечал Сеченов, «всякое душевное движение, как бы просто оно ни было, представляет собой результат всего предшествующего и настоящего развития человека» [437, с. 430], т. е. в психологических исследованиях мы нередко имеем дело с причинно-следственными связями, которые можно было бы назвать кумулятивными. К этому нужно добавить, что для психического развития человека (а также процесса формирования его деятельности) характерна гетерохронность (Ананьев [37], Шадриков [516]), поэтому одна и та же причина в отношении одних «составляющих» приводит к одним результатам, в отношении других — к иным.

Вообще вопрос о соотношении причин и следствий во времени имеет для психологического исследования исключительно большое значение и требует специального методологического рассмотрения³¹. Изучая поведение, мы сталкиваемся с фактами, свидетельствующими о широком спектре этих соотношений. Можно полагать, что особенности детерминации психики во временном плане существенно связаны с ее отражательной природой.

В любом поведенческом акте (действии) настоящее связано с прошлым и будущим специфическим образом. Его цель — более или менее определенная — формируется, конечно, до того как этот акт

²⁸ В связи с анализом процессов целеобразования и целеполагания особое значение имеет концепция информационной причинности, разрабатываемая Б. С. Украинцевым [483], В. С. Тютиным [479] и др.

²⁹ Важно отметить, что необходимым условием возможности саморегуляции является субъективное (именно субъективное!) отражение человеком не только свойств окружающей среды, но и своих собственных свойств или, точнее, их взаимоотношений

³⁰ Естественно, что и процессы саморегуляции подчиняются объективным законам, составляющим особый и более высокий уровень по отношению, например, к законам различения и запоминания сигналов, процессов переработки информации и др.

³¹ К сожалению, этот вопрос почти не разрабатывается.

будет совершен. Но относится цель к будущему; это становится возможным только благодаря тому, что формируется она на основе отражения общих или частных тенденций развития событий, закономерных связей между событиями и т. д. При этом дальность прогнозирования (и соответственно отдаленность цели во времени от момента ее формирования) может быть различной.

В поведенческий акт, совершаемый в настоящем, включаются навыки, знания, умения, сформированные в прошлом, т. е. «аккумуляированное прошлое». При этом интервалы между моментами их приобретения и использования также могут быть различны. Наконец, поведенческий акт зависит от конкретных условий в данный момент времени (настоящее).

При этом, надо полагать, соотношение всех перечисленных моментов складывается в различных видах поведенческих актов (действий) по-разному.

Детерминанты поведенческого акта выступают не просто в роли некоего «первого толчка», только инициирующего его начало. Самая реализация детерминации представляет собой развернутый во времени процесс, осуществляемый в ходе выполнения этого акта; при этом может изменяться ее состав и структура. Иначе говоря, в систему детерминации так или иначе включается и самый поведенческий акт с его прошлым, настоящим и будущим.

Когда обращаются к изучению поведенческих актов, то их вариативность, определяемая их целенаправленностью, саморегуляцией, различной степенью накопления и интеграции прошлого опыта и другими факторами, обстоятельствами, условиями и т. п., создает подчас внешнее впечатление господства случайностей, якобы проявлений «абсолютной свободы» и т. д. Но на самом деле эти акты также объективно детерминированы, как и любые другие явления. Более того, их вариативность закономерна. Она вытекает из системного характера детерминации.

Мы описали те трудности (далеко не все и неполностью), с которыми сталкивается психолог, стремящийся раскрыть объективные законы поведения и психики. Все эти трудности для линейного детерминизма непреодолимы. Их можно преодолеть только на пути системного подхода, требующего рассматривать изучаемые явления как сложные, многомерные, многоуровневые, динамические. Такой подход позволяет рассматривать накапливаемые в психологии разноречивые (а часто и противоречащие друг другу) данные в единой логике, объяснить их действием одних и тех же закономерностей.

И все же остается вопрос: почему один и тот же человек в аналогичных условиях действует различным образом? Вряд ли кто-либо удовлетворит такое объяснение, которое полагает, что в одних случаях действует один закон, в других — другой. Это объяснение не снимает вопроса: почему? Почему в одних условиях действует один закон, в других — другой?

Представляется, что очень важным для раскрытия причинно-следственных связей в поведенческом акте является понятие **«системообразующий фактор»**. Именно этот фактор определяет в каждом

конкретном случае особенности психического выражения предмета, средств и условий деятельности, а также уровень и динамику ее регуляции. В зависимости от него одна и та же закономерность может проявляться и неизбежно проявляется по-разному. Системообразующий фактор как бы задает «направление действия» закона. Причины, воздействующие на систему, могут быть сходны или даже идентичны, но следствия — различны, даже противоположны, и наоборот. Но тем не менее в их связях может проявляться один и тот же закон. Какое следствие будет закономерно получено при воздействии данной причины, зависит от того, каков системообразующий фактор.

В поведении человека в качестве системообразующего фактора могут выступать мотивы, цели, задачи, установки, субъективно-личностные отношения, эмоциональные состояния и т. д.³²

Естественно возникают вопросы: а откуда берется, чем детерминируется, как формируется системообразующий фактор? Кратко можно сказать, что он формируется и развивается в процессе жизни индивида в обществе. Чтобы понять закономерности формирования системообразующего фактора, мы должны выйти за пределы анализа отдельных поведенческих актов и обратиться к другому уровню и к другому масштабу рассмотрения жизнедеятельности человека, исследовать эту жизнедеятельность в контексте развития общества, т. е. перейти к анализу макросистемы. Но здесь уже возникает новая задача, требующая специального исследования.

В исследовании детерминации поведения (и отдельных поведенческих актов) психология сталкивается с детерминантами разного порядка: единичными, особенными и общими. Иногда при этом на первый план выдвигаются единичные детерминанты, с которыми связывается уникальность индивидуальных проявлений психики. В своем предельном варианте такой подход потребовал бы исследования всей жизни одного отдельного индивида во всех деталях. Вряд ли этот подход может дать много ценного для науки, да и едва ли он осуществим. Однако это не исключает целесообразности и полезности для психологии исследовать специфические единичные случаи (например, жизнь выдающихся людей), но даже и в этих исследованиях единичное неизбежно рассматривается в связи с особенным и общим.

В марксизме уже давно дано принципиальное решение проблемы этих связей. К сожалению, однако, в конкретных психологических исследованиях оно не всегда реализуется достаточно последовательно. Иногда, как только что отмечалось, упор делается на единичные детерминанты, при этом затушевываются особенные и общие; иногда, наоборот, при изучении общих и особенных детерми-

³² Иногда, например, утверждается, что таким фактором всегда является установка [69]. Конечно, установка — это одно из наиболее конструктивных и сильных понятий психологической науки. Однако было бы слишком смело считать установку единственно возможным системообразующим фактором. Вопрос о том, что выступает в роли системообразующего фактора в различных видах поведенческих актов (и действий), требует специального анализа.

мант игнорируются единичные: характеризующие их данные просто отбрасываются. Это, конечно, сильно обедняет действительную картину.

Во втором параграфе этой главы уже говорилось, что формы детерминации не сводятся только к каузальным отношениям. Они многообразны. В реальном человеческом поведении (да и поведении животных) так или иначе проявляются все эти формы. Когда речь идет о законах поведения, то важно выявить не только его причины (единичную, особенную и общую), но также условия, в которых оно осуществляется, общие и специальные предпосылки, объективные основания свойств индивида, факторы, влияющие на него. В сложную систему детерминации включаются и сами действия индивида, и уровень саморегуляции.

Соответственно и формулировка законов поведения не может ограничиваться констатацией только какого-либо одного вида существенных связей (хотя в специальных исследованиях это и допустимо). Раскрывая причинно-следственную связь, как ведущее звено закона, она вместе с тем должна включать также условия, в которых эта связь реализуется, внешние и внутренние факторы, которые на нее влияют, общие и специальные предпосылки, основания, действия индивида и особенности саморегуляции. Понятно, что в реальном поведении между всеми этими формами детерминации соотношения складываются по-разному. Но каждый раз они являются определенными.

Что именно в данном конкретном акте поведения выступает в качестве причины, что — фактора, что — условия и т. д.? На эти вопросы, если известны законы поведения, можно ответить определенно; также определенно можно и предсказать возможное поведение человека (но при этом надо знать, как будут развиваться условия, какие факторы могут возникнуть и т. д.).

В формулировках законов поведения, таким образом, детерминация должна раскрываться как сложная система.

Мы попытались показать трудности, с которыми сталкивается психология в изучении объективных законов поведения и психики, а также наметить некоторые пути их преодоления. Вопросы, которые здесь затронуты, безусловно требуют дальнейшей разработки.

В предыдущем параграфе были перечислены некоторые группы относительно простых законов. Как показано в этом параграфе, ни один из них не может претендовать на исчерпывающее объяснение детерминации поведения. Оно оказывается значительно более сложным, чем те связи и отношения между явлениями, которые фиксируются перечисленными законами.

Но значит ли это, что эти законы не включены никаким образом в сложную структуру детерминации поведенческого акта? Большинство из них получено в лабораторных, т. е. искусственно созданных, условиях³³. Но проявляются ли они в реальной жизни?

³³ Кстати, для субъекта (испытуемого) лабораторный эксперимент — это тоже факт его реальной жизни, хотя, быть может, и незначительный.

Конечно, проявляются. Однако эти проявления осложнены действием такого множества факторов, обстоятельств, условий, что выявить их не всегда легко. Однако такая задача перед психологической наукой стоит. Для ее дальнейшего развития необходимо разобраться в том, как связаны между собой, например, законы, характеризующие «простые» механизмы и динамику восприятия, памяти, мышления и других психических процессов со «сложными» законами поведения, что важно для понимания детерминации самого этого поведения. Вряд ли без решения этих (и других подобных) вопросов можно разобраться в механизмах целеобразования, планирования деятельности, процессов корректировки действий и других ее составляющих.

С другой стороны, вопрос о соотношении «простых» законов требует рассмотрения их в структуре сложного целого. Можно надеяться, что именно это позволит решить задачу их классификации в соответствии с объективной логикой реальной жизни человека.

Проблема «элементарного» и «сложного» в психологии весьма непростая. Как и в любой другой науке, изучение сложного в ней требует выявления элементарного (но при этом, конечно, многое теряется); с другой стороны, в изучении элементарного возникает необходимость соотнесения его со сложным.

В разработке этой проблемы существуют разные точки зрения. Так, например, анализируя эволюцию представлений о законах, Ф. В. Бассин пришел к выводу, что она пошла по линии «видения...элементарного сквозь призму сложного» [69, с. 147]. Вряд ли это — единственная линия развития психологической науки. История показывает, что в нем есть и другая линия — изучение сложного сквозь «призму» простого. По мнению Бассина, репрезент простого — это преимущественно психофизиологическое, репрезент сложного — социально-психологическое. Конечно, психофизиологическое и личностное (а также социально-психологическое) — это разные уровни. Как отмечалось, первое относится к микроуровню анализа, второе — к макроуровню. Но в каждом из них есть свое «простое» и свое «сложное».

Представляется, что в психологии постановка вопроса «простое»—«сложное» не отличается ничем от постановки этого вопроса в любой другой науке. В каждой из них можно выявить диалектическое сочетание путей «от простого к сложному» и «от сложного к простому». По существу, здесь возникает общеметодологическая проблема: как происходит движение знания от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Это вместе с тем и вопрос о мере абстракции. Анализируя то или иное явление, мы выделяем в нем «простые» составляющие и изучаем их, абстрагируясь от тех или иных связей и отношений, т. е. переходим от сложного к простому. Но далее нужно рассмотреть абстрактно выделенное «простое» в системе «сложного». При этом в изучаемом явлении раскрываются такие свойства, признаки, стороны, которые не были обнаружены на первоначальной стадии исследования. В ходе дви-

жени я познания «от простого к сложному» и «от сложного к простому» формируется и развивается идеальный объект науки, теоретическая модель объектов реальных, которая выступает в качестве базы для рационального решения практических задач.

Вопрос о соотношениях законов разного уровня и разного порядка в реальной жизни человека выходит за пределы психологической науки. И это требуется самим объектом ее изучения. В исследованиях связей между психологическими законами неизбежно возникает необходимость соотнести их с законами тех систем, в которых живет человек.

Выше отмечалось, что ведущая роль в детерминации поведения принадлежит системообразующему фактору. Но какой именно фактор выступает в роли системообразующего, определяется не только (и даже, пожалуй, не столько) «внутренними» законами развития субъекта, но и законами развития систем, которым он принадлежит. Формируемые ими факторы в известном смысле выступают как «внешние» для субъекта. Вопрос «внутреннего» и «внешнего» и их соотношения в формировании системообразующего фактора поведения человека требует специального исследования. Сейчас лишь отметим, что выявление системообразующего фактора поведения человека предполагает рассмотрение его в более широком контексте. В этой связи возникает проблема соотношения психологических законов с социальными, с одной стороны, и с биологическими — с другой.

В некоторых направлениях системного подхода выдвигается положение об изоморфизме законов различных систем. Конечно, между какими-то законами разных систем можно найти взаимнооднозначное соответствие³⁴. Однако соотношение законов разных систем более сложно, чем это представляется с позиций положения об их изоморфизме. Во всяком случае, пока мы еще не располагаем правилами, позволяющими находить взаимнооднозначное соответствие между законами, например психологическими и нейрофизиологическими или социальными.

Психологические законы, как и любые другие, являются относительно самостоятельными, несводимыми к законам, раскрываемым пограничными с психологией науками, но, когда их действие рассматривается в контексте жизни человека в обществе, возникает вопрос об их соотношении с законами общества.

Как справедливо отмечал Г. В. Плеханов, действие законов психической жизни человека по-разному проявляется на разных исторических ступенях развития общества, в разных общественно-экономических формациях [372]. Трудно понять специфику действия психологических законов, не рассмотрев их связи с законами развития общества. Следовательно, законы, выявленные в психологии (прежде всего те, которые относятся к личности и социально-психологическим явлениям) должны быть сопоставлены с зако-

³⁴ Если рассматривать любую систему в масштабах материального единства мира, то, пожалуй, все ее особые законы можно более или менее однозначно соотнести с некоторыми всеобщими законами.

нами, открытыми в истории, экономике, социологии. Это, конечно, грандиозная задача.

Ограничимся здесь лишь некоторыми общими замечаниями о связи законов психического развития индивида и развития общества.

Поскольку каждый индивид включен в социальную систему, его жизнь (и развитие его психики) подчиняется объективным законам жизни общества. Однако большим упрощением была бы трактовка психологических законов просто как воспроизведения социальных. Прежде всего нужно отметить, что законы общества относятся к массам людей, законы психики — к индивиду³⁵. Законы общества, конечно, не характеризуют детали поведения индивидов, их желания, мотивы деятельности и т. п. Но именно эти «детали» интересуют психологию. Это не значит, конечно, как уже отмечалось, что психология имеет дело только с единичным, ее интересуют общие законы, но исследует она их в ином плане по сравнению с другими общественными науками.

Было бы неверно представлять себе движение индивида в ма[^], се людей подобно движению песчинки в массе песка. Каждый индивид включен в социальную систему специфическим образом, и эти накладывает отпечаток на его поведение.

Нужно также отметить, что психологические и социологические (в широком смысле) законы относятся к процессам разного масштаба.

Однако вместе с тем развитие индивида (и его психики) можно рассматривать как одну из форм проявления и реализации законов общества (хотя это не единственная и, пожалуй, не главная форма). Но это раскрывает лишь один аспект рассматриваемых соотношений законов. Другой аспект состоит в том, что социальные законы определяют содержание жизни индивида, а следовательно, и его психики.

В действии законов общества формируются условия, факторы и предпосылки психического развития индивида³⁶. Они определяют специфику соотношения разных форм детерминации поведения, о которой говорилось выше. Иначе говоря, связи законов развития индивида (и его психики) и законов развития общества многоплановы.

Необходимо отметить, что законы развития общества также многоплановы и имеют разные «радиусы действия». В исторической науке выделяются, например, законы общесоциологические, формационные и конкретно-исторические (Жуков [160], Пилипенко [367]). Дальнейшее движение от законов наиболее общих к общим и спе-

³⁵ Здесь имеется в виду только тот класс психических явлений, который характеризует индивида. Соотношение законов общества и законов социально-психологических явлений иное.

³⁶ Например, характер организации труда (индивидуальный или коллективный), образование (элитарное или всеобщее) и многое другое, определяемое законами развития общества, вместе с тем определяет условия развития (в том числе, психического) индивида.

КАТЕГОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

циальным в конце концов должно бы привести через конкретную социологию к законам повседневной жизнедеятельности людей, «обыденной жизни». Многоуровневость и разноплановость социальных законов, конечно, еще более усложняет задачу соотнесения тех, которые изучаются психологией, с теми, которые изучаются другими общественными науками.

Поскольку человек принадлежит также и к биологической системе, возникает вопрос о соотношении психологических законов с теми, которые изучаются биологией, в частности генетикой и физиологией. Это касается прежде всего базового уровня в развитии психики, а также всего комплекса проблем, связывающих психологические науки с биологическими. Здесь мы сталкиваемся с вопросами о том, как действуют законы, например, наследственности в жизни индивидов и влияют ли они на их психическое развитие, что особенное вносит в развитие индивидов гигантский генетический полиморфизм, какова специфика проявления закона единства организма и среды. Как и социальные, биологические законы многоплановы, и это необходимо иметь в виду при сопоставлении с ними законов психологических. Таким образом, законы психики находят* как бы на пересечении биологических и социальных законов.

Мы попытались наметить лишь некоторые контуры подхода к проблеме соотношения между различными психологическими законами, а также между ними и законами социальными и биологическими.

Исследование соотношений законов предполагает не только выявление их связей (например, иерархии частного и общего и т. д.), но и определение тех границ, в пределах которых они действуют.

Разработка общей схемы, которая раскрывала бы связи разноплановых, разномерных и разноуровневых законов развития индивида и его психики, — это задача будущего. Можно ожидать, что ее решение позволит по-новому оценить и те психологические законы, которые уже известны.

Изучение законов — это движение от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Сущность раскрывается как бы слой за слоем. При этом раскрытие более «глубоких» слоев вызывает потребность в переоценке наших знаний о слоях более «поверхностных». Направление этого движения определяется диалектикой самого процесса научного познания,

В системе категорий диалектического материализма, на которые опирается советская психология, основополагающее значение принадлежит категории отражения. Именно этой категорией раскрывается наиболее общая и существенная характеристика психики: психические явления рассматриваются как различные формы и уровни субъективного отражения объективной действительности.

Нужно отметить, что иногда встречается мнение, что категория отражения имеет значение только для гносеологии; в области же онтологии (если пользоваться старыми философскими терминами) ее значение утрачивается¹.

Когда в психологии рассматривается гносеологический аспект познавательных процессов, говорится, что, да, конечно, наши знания — это отражение вне нас существующей объективной действительности. Ощущения восприятия и т. д. — это образы воздействующих на органы чувств предметов и явлений объективной действительности. Когда же ощущения и восприятие берутся в онтологическом плане, исследуются как реально протекающие процессы или акты, то здесь нередко оказывается, что категория отражения свою роль теряет: перцептивный, сенсорный и другие процессы рассматриваются так, как если бы они протекали по некоторой своей собственной логике, ни в какой мере не зависящей от отражаемого объекта. Утверждается, например, что в конечном счете продукт перцептивного процесса (образ) может рассматриваться как отражение, но лишь в конечном счете. Самый же процесс — это скорее процесс творчества, нежели отражения. Он является процессом не воспроизведения того, что действует на органы чувств, а создания некоторого собственного продукта. Только на конечном этапе этот спонтанно возникший продукт как-то сопоставляется с реальным объектом, уточняется, приводится в соответствие с ним, становится адекватным его отражением.

Над сознанием некоторых психологов довлеет представление о

¹ Категория отражения сформировалась и развилась в русле материалистической линии философии. При этом ее значение никогда не ограничивалось только гносеологией. Принцип материалистического монизма необходимым образом требовал рассмотрения генезиса процессов отражения и их материальных механизмов, т. е. их онтологического плана. Уже в древнегреческой философии встречаются попытки объяснить эти механизмы (теория идолов Демокрита, эманации образов Эмпедокла); позднее, в философии нового времени, предлагается теория резонанса (Д. Гартли).

том, будто бы отражение и активность — это несоединимые, противоречащие друг другу категории. Если «отражение», то значит нечто действует на пассивного субъекта, запечатлевается в нем. Если «активность», то значит субъект сам что-то создает, и это создаваемое уже не может быть отражением в строгом смысле слова.

Эта мнимая альтернатива, являющаяся следствием метафизического понимания категории отражения, снимается материалистической диалектикой. Марксизм показал, что отражение и активность не только не противоречат друг другу, но, напротив, являются внутренне связанными. Деятельность (как форма активности) только потому и может быть адекватной объективным условиям, что эти условия так или иначе отражаются ее субъектом. Вместе с тем через анализ деятельности раскрывается субъективный характер психического отражения.

Наиболее полно диалектико-материалистическое понимание отражения разработано Лениным [21]. Ленинская теория отражения в советской психологии выступает в роли той общей методологической платформы, которая дает возможность, подобно ариадниной нити, разобраться в лабиринте фактов, понятий, концепций и направлений, определить предмет психологической науки, раскрыть логику ее проблем, разработать методы исследования.

Можно сказать, что именно с освоения категории отражения в ее диалектико-материалистической трактовке и началось развитие советской психологии.

С. Л. Рубинштейн показал значение этой категории для всей системы психологических проблем [419]. Позднее его позиции были развиты в работах К. К. Платонова [379], Е. В. Шороховой [529] и др.

В исследованиях Б. М. Теплова [472], А. А. Смирнова [445], П. А. Шеварева [522] и др. в свете теории отражения были раскрыты основные характеристики ощущений и восприятия, отражательная природа сенсорно-перцептивных процессов исследовалась Е. Н. Соколовым [448].

С. В. Кравков показал значение этой теории для понимания процесса эволюции органов чувств и их взаимодействия [235].

А. Н. Леонтьев разработал концепцию филогенетического развития психики как закономерного процесса перехода от элементарных форм психического отражения к все более сложным.

Последовательно реализуя принцип отражения, Б. Г. Ананьев провел систематические исследования ощущений различных модальностей и восприятия (в том числе восприятия пространства, времени и движения). На основе этих исследований он разработал концепцию сенсорной организации человека и выявил некоторые общие законы ее развития [36].

Принцип отражения явился основополагающим также в психофизике (Забродин [167]), общей психофизиологии (Соколов [449]), инженерной психологии (Крылов [238], Ошанин [356], Завалова, Пономаренко [171] и др.) и других областях психологической науки.

Известно, что понимание психических процессов как процессов субъективного отражения объективной действительности формировалось в условиях борьбы на два фронта: с одной стороны, с объективистскими, с другой — с субъективистскими направлениями в психологии.

В объективистских направлениях понятия «образ», «ощущение», «восприятие», «сознание», т. е. все понятия, так или иначе характеризующие «субъективный мир» человека, объявлялись ненаучными. Человек рассматривался в них как некоторое устройство, реагирующее на стохастические внешние воздействия, и только. Предметом психологии было объявлено поведение, исследуемое безотносительно к субъективному отражению (реакции, рефлексy и т. п.). При этом поведение было отпрепарировано от субъекта и исследовалось как нечто, существующее само по себе.

Субъективистские направления, напротив, считают «субъективный мир» человека реальностью. Но объявляют его замкнутым в себе и подчиняющимся СЛОМ собственным внутренним законам. Утверждается, что субъективный, или феноменальный, мир не имеет «точек связи» с миром физическим.

Однако собственная логика исследований, выполняемых в контексте как объективистских, так и субъективистских направлений, приводит с необходимостью к пересмотру первоначально сформулированных крайних позиций.

Так, экспериментальные исследования, выполняемые в русле бихевиористски-ориентированных (объективистских) направлений, приводят к отказу от первоначальных схем. В словаре бихевиористов все чаще появляются понятия «внутренняя модель», «план» и т. д. Логика исследования поведения потребовала обращения к анализу механизмов его психической регуляции, а это, в свою очередь, привело к проблеме субъекта поведения (и соответственно субъективного). Не случайно некоторые современные исследования поведения определяются как «субъективный бихевиоризм».

Аналогичная эволюция происходит и в субъективистских направлениях. Здесь (например, в когнитивной психологии) наблюдается отход от идеи феноменального мира, как замкнутого в себе: ставится вопрос об отношении его к миру физическому, к реальному. Так, восприятие начинает трактоваться не как выражение имманентных законов сознания, а как «модель» стимула, воздействующего на органы чувств. Конечно, понятие «модель» не идентично понятию «отражение», но самое включение этого понятия в контекст исследования требует соотнесения перцептивного образа с оригиналом (перцептивный образ является моделью объекта, существующего вне этого образа). Во всяком случае, здесь сделан шаг в направлении трактовки восприятия в плане его понимания как отражения².

² Правда, в определении своей философской позиции некоторые представители когнитивной психологии, отказываясь от идеалистической трактовки психики, — не хотят принять последовательного материализма — объявляют себя «нейтральными монистами», т. е. не отходят от позитивизма. Но эта философская

Таким образом, логика развития психологической науки ведет к пониманию психических процессов как процессов субъективного отражения объективной действительности, обеспечивающих регуляцию поведения соответственно условиям, в которых оно осуществляется.

§ 1. Психика как субъективное отражение объективной действительности

Познание сущности психических явлений прошло долгий и трудный путь, связанный с противоречиями, отступлениями, «защипываниями» и т. д. Психология, опирающаяся на идеалистическую философию, рассматривала психику как самостоятельную субстанцию, которая сама себя определяет или же является моментом развития высшей духовной субстанции. Но признание психики самостоятельной субстанцией закрывало путь ее научного исследования, основными средствами познания объявлялись интроспекция (в разных вариантах), интуиция и вера.

В концепциях механистического материализма психика понималась как особая материя (даже вещество) или особый вид энергии, или особая форма движения материи (нередко — механического).

Но откровенно идеалистические, так же как и механистические, трактовки психики ушли в прошлое³. Они не открывали реальных путей строго научного познания психики и оказались в противоречии с поступательным развитием науки. Пожалуй, наиболее живучими оказались дуалистические концепции, берущие свое начало от Декарта, который полагал, что душа и тело представляют две самостоятельные субстанции. Картезианская философия повлиядла на подходы к психофизической и к психофизиологической проблемам, которые решались главным образом в духе параллелизма. Это ее влияние обнаруживается уже на первых этапах развития психологии как самостоятельной науки и прослеживается до сегодняшнего дня.

Так, В. Вундт и многие его современники утверждали, что, лишь приняв параллелистическую (дуалистическую) позицию, можно согласовать данные психологии с данными естественных наук. Они полагали, что только при этом условии не нарушается принцип сохранения энергии. Если считать, что психическое формируется в процессе воздействия физических тел на организм, то из этого вытекает вывод об исчезновении энергии. С другой стороны, если признать, что психика приводит в движение тело, то непонятно, откуда же она берет энергию⁴. В духе параллелизма пытались решать психопозиция приходит в противоречие с результатами их же собственных научных исследований.

³ Если иногда и возникают попытки рассматривать психику как особый вид энергии или особый вид движения материи, то это — лишь реакции на ограниченность знаний о действительных законах психических явлений, заполнение «теоретических пустот» в системе психологического знания.

⁴ Развитие кибернетики и вычислительной техники показало ложность рассуждений Вундта. Малая энергия, передаваемая в форме тех или иных сиг-

налов, может управлять мощными потоками энергии; при этом принцип сохранения энергии не нарушается. Исследование информационных процессов в управлении потоками энергии позволяет снять многие «загадки», возникающие при разработке психофизической и психофизиологической проблем.

Чтобы изучить отношение этих двух рядов и выразить его количественно, Фехнер разработал систему экспериментальных методов и предложил математическое описание выявленных в эксперименте зависимостей. Экспериментальная процедура состояла в том, что на органы чувств испытуемого воздействовал некоторый дозированный физический стимул и регистрировался вызываемый им субъективный ответ; выяснялась зависимость второго от первого. Фехнер рассчитывал, что эти эксперименты могут послужить средством прямого подтверждения его философской концепции. Однако в действительности они решали иную задачу; экспериментально выяснялась не взаимосвязь двух позиций субъекта, а зависимость психического от физического. По существу Фехнер-естествоиспытатель выступил против Фехнера-философа.

Исследования, проведенные Фехнером, вскоре утратили то философское значение, которое он им придавал. Однако подходы к конкретно-научному анализу психических явлений, разработанные экспериментальные методы и полученные данные послужили первым шагом на пути превращения психологии, которая долгое время рассматривалась лишь как область умозрительных построений, в экспериментальную науку.

Именно психофизике мы обязаны тем, что многие понятия, считавшиеся прежде исключительно достоянием философии, превратились в конкретно-научные психологические понятия. Прежде всего к ним относится понятие «ощущение».

В исследованиях ощущения психофизику главным образом интересует его отношение к физическому стимулу: при этом ощущение рассматривается как производное от стимула. Вопреки философской позиции Фехнера такой подход соответствует духу материалистической линии в естествознании. От рассмотрения ощущение-

налов, может управлять мощными потоками энергии; при этом принцип сохранения энергии не нарушается. Исследование информационных процессов в управлении потоками энергии позволяет снять многие «загадки», возникающие при разработке психофизической и психофизиологической проблем.

ний как производных от стимула — один шаг до понимания их как отражения этого стимула. Можно, пожалуй, без натяжки сказать, что психофизика подготовила понимание ощущения как элементарной формы психического отражения — субъективного отражения отдельных свойств предметов и явлений объективной действительности, воздействующих на органы чувств.

Серьезным научным достижением психофизики явилось то, что она впервые достаточно строго определила область ощущений и выявила некоторые основные характеристики сенсорных функций. Она показала также, что между стимулом и ощущением существуют сложные отношения, т. е. (если рассматривать ее данные в свете теории отражения) стимул отражается в ощущении не зеркально, не один к одному; в процессе формирования ощущения происходит определенная трансформация внешнего воздействия. Согласно закону Фехнера, интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности стимула. Его можно интерпретировать так, что, будучи отраженным в ощущениях, ряд физических величин как бы «сжимается», становится более компактным.

Такому толкованию не противоречит и степенной закон Стивенса, обычно противопоставляемый фехнеровскому. Более того, он дает возможность определить характер трансформации рядов отражаемых физических величин более дифференцированно. По данным Стивенса, в одних модальностях (и по отношению к одним свойствам стимула) происходит «сжатие» отражаемого ряда физических величин; в других, напротив, — «расширение», в третьих — отношение ощущения к стимулу является близким к линейному. По-видимому, характер и величина трансформации, обеспечивающей повышение эффективности информации, извлекаемой органами чувств, определяется реальной ролью, которую играют ощущения, отражающие те или иные свойства стимулов, в регуляции поведения, а также их биологическим значением⁵.

Таким образом, классическая психофизика положила начало научному анализу исходной и элементарной формы психического отражения — ощущения.

Однако сложившаяся на первых этапах ее развития концепция ощущений была крайне абстрактной. Она рассматривала ряды ощущений (и вызывающих их стимулов) как одномерные величины; «субъективное пространство» было «уплощено» до предела, точнее, сведено к линии. Ощущение было вырвано из той сложной системы психических явлений, в которой оно действительно существует, и рассматривалось лишь в одном из своих качеств. Более того, ощущение было отпрепарировано и от своего носителя — субъекта. Такая абстракция возможна и оправдана для первого шага анализа, но она породила массу трудностей и противоречий, как только возникла задача приложения абстрактных схем к реальной действительности.

⁵ Трансформации отражаемых величин, конечно, не произвольны. Они определяются объективными законами процесса психического отражения

Классическая психофизика ограничивалась лишь изучением реакций субъекта на те или иные стимулы, оставляя вне рассмотрения процессы активного познания во всей их полноте и многогранности. Измерение ощущений и чувствительности осуществлялось подобно тому, как это делается в отношении измерительных приборов: на «вход» подается некоторый сигнал, регистрируется «выход», из определения отношений «выхода» ко «входу» делается заключение о возникновении (или невозникновении) ощущения и об уровне чувствительности. По существу, здесь была использована схема, получившая впоследствии название «черного ящика». Система процессов, опосредствующих связь «входа» и «выхода», ею не раскрывалась. Тот методический аппарат, которым располагал Фехнер, не обеспечивал возможности сделать это достаточно строго.

Дуализм в той или иной форме дожил и до наших дней. Так, Д. М. Маккей провозгласил концепцию неокартезианского дуализма. Психическое рассматривается в ней как функция нервной системы (мозга), но при этом утверждается, что эта функция качественно отлична от «спиритуальной жизни», которая существует «вечно и не ограничена пространственно-временной фазой организма» [615].

Но наиболее ярким выразителем дуалистического подхода к психофизической и психофизиологической проблемам является Дж. Экклз, хорошо известный своими работами в областях физиологии синапсов, электрофизиологии мозга при разных формах активности, функционирования расщепленного мозга. Используя некоторые новые результаты нейрофизиологических исследований, он стремится обосновать идею существования трех разных миров, находящихся в совершенно различных пространствах [572]: мир I — это мир физических объектов, материи и энергии биологических объектов, включающих и человеческий мозг; мир II — это мир состояний сознания, идей, субъективного знания и свободной воли. Он включает несколько уровней; уровень наших эмоций и чувств, воспоминаний, воображения и планирования будущего; наконец уровень «Я», или «селф», образующий ядро, сущность мира сознания. «Мир II, — утверждает Экклз, — выступает нашей основной реальностью. Наши сознательные переживания есть основа нашего знания мира I, который, таким образом, является миром производной реальности, миром—дериватом» [571]; миром III Экклз считает мир культуры — мир философии, истории, науки, искусства и т. д.

Согласно Экклзу, мир сознания и мир материи существуют каждый в своем пространстве. Если рассматривать сознание (и психику) как некую существующую вне и независимо от материи реальность, то вывод о том, что оно обладает своим собственным пространством, вполне логичен, как и вывод о том, что оно существует вне пространства⁶.

⁶ В истории философии и психологии не раз утверждалось, что психические явления существуют только во времени, но вне пространства.

Вопрос о пространственных свойствах процессов отражения (в том числе и психического) действительно непростой. Исследования показывают, что в процессах ощущения, восприятия, мышления происходят сложные многоуровневые трансформации той информации, которая поступает на органы чувств (Ананьев, Клик). Это и создает иллюзию, будто бы они протекают вне пространства или в своем особом пространстве. При таком подходе психика, по существу, вырывается из всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Но процессы отражения (превращения энергии внешнего мира в факт сознания) протекают во времени и в пространстве — именно в том самом времени и в том самом пространстве, в котором протекают любые другие процессы материального мира.

Концепция Экклза — пример того, что на основе только нейрофизиологического исследования работы мозга невозможно решить проблему сознания (и психики в целом). Последовательно научная разработка этой проблемы предполагает выход за пределы нейрофизиологии, объединение целого комплекса наук, не только естественных, но и общественных, на основе применения методов материалистической диалектики (подробнее анализ концепции Экклза см.: [296; 304]).

Но в истории науки сформировался и другой подход к пониманию психики. Он связан с рефлексорной теорией материалистического-монистического типа, основы которой были заложены И. М. Сеченовым.

В своей работе «Впечатление и действительность» Сеченов сформулировал принципиальный для понимания сущности психики вопрос: «Имеют ли какое-нибудь сходство, и какое именно предметы и явления внешнего мира сами по себе, с теми впечатлениями, которые получают от них человеческим сознанием» [437]. Обсуждая этот вопрос, он убедительно для своего времени показал, что «тождеству чувственных знаков от внешних предметов должно соответствовать тождество реальностей, сходству знаков — сходство реальностей и, наконец, разнице знаков — разница в действительности» [437]. «Чувствуемая нами и мыслимая нами раздельность предметов в пространстве навязаны нашему уму извне» [437, с. 469]. По существу, здесь утверждается идея адекватности впечатления действительности. Термин «чувственный знак», заимствованный Сеченовым у Г. Гельмгольца, понимается не как условный символ, иероглиф, а как «сколок с действительности», т. е. ее адекватный образ⁷.

Вместе с тем в рефлексорной теории Сеченова раскрывается и самый механизм психического отражения: психическое рассматривается как рефлекс, как функция мозга. Иначе говоря, Сеченов вплотную подходит к тому пониманию психических явлений, которое дается в ленинской теории отражения. Он рассматривает их

⁷ Когда речь идет о том, что ощущение (восприятие)—это не знак, не иероглиф, а копия объекта, имеется в виду, конечно, не их тождественность. Связь знака или иероглифа с объектом условная и произвольная. «Копия» формируется в соответствии с объективными законами отражения.

как осуществляемое мозгом (нервной системой в целом) отражение окружающей человека действительности.

Последовательно научное решение психофизической и психофизиологической проблем возможно только с позиций материалистического монизма. По существу обе они являются разными аспектами одной проблемы: отношения психики (в том числе сознания) к материи. «Материализм, — как отмечал Ленин, — в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя)» [22, с. 39—40].

Обобщая итоги развития естествознания, Ленин определил психику, как «свойство особым образом высокоорганизованной материи» [24, с. 192]. Подчеркнем: не субстанция (материальная или нематериальная), а свойство материи и не любой материи, а лишь высокоорганизованной, органической.

В чем же состоит качественная специфика психического как свойства органической материи?

Являясь свойством материи, функцией мозга, психика выступает как особая форма отражения. Отражательную сущность психического кратко и емко определил Ленин: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа» [24, с. 183].

Буржуазные критики марксизма нередко противопоставляют принцип отражения принципам диалектики. Утверждается, что понятие «отражение» подчеркивает пассивность материи и поэтому несовместимо с представлением о ее развитии. Между тем свойство отражения рассматривается в неразрывной связи с развитием материи.

Как известно, Ленин считал логичным предположение, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения. Это свойство выступает в роли предпосылки развития психики. Как специфическая форма отражения психика возникла в процессе развития материи, перехода ее от одних форм движения к другим. Возникнув закономерно в процессе биологической эволюции, психика стала важнейшим ее фактором. Благодаря отражению обеспечиваются более широкие многообразные связи организма со средой, расширяется сфера его жизненных условий и повышается эволюционная пластичность.

На уровне социальной формы движения свойство отражения получило особое развитие: здесь сформировались и развились качественно новые проявления этого свойства⁸.

⁸ Раскрывая отражение (в том числе и высшую форму — психику) как и любые другие свойства, психика существует лишь в условиях движения материи (биологического и социального). Она, как и другие формы отражения, является свойством движущейся материи. Однако это не дает оснований рассматривать психический процесс как особую форму движения наряду с физической, химической, биологической, социальной. Как отмечал Ленин, не в том состоит позиция материализма, «чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» [22, с. 41].

ческое отражение) как всеобщее свойство материи, его нередко «растворяют» во взаимодействии; всякое взаимодействие рассматривается как отражение. Бесспорно, отражение порождается в процессе взаимодействия материальных тел и включено в этот процесс. Но в чем состоит тот момент взаимодействия, который можно охарактеризовать как отражение? Удачная попытка раскрыть этот момент дается, на наш взгляд, В. С. Тютюным [478]. Он отмечает, что в результате взаимодействия, например, двух объектов в каждом из них возникает изменение — след взаимодействия. Но внутри этих следов, во-первых, нужно различать то, что зависит от объекта *A* (оригинала), от того, что зависит от объекта *B* (носителя отражения). Рассуждения Тютюна сводятся к следующему: абстракция одностороннего отношения во взаимодействии *A* (отражаемого объекта, оригинала) и *B* (носителя отражения) неизбежно приводит к разграничению содержания отражения, т. е. того, что зависит от *L* и его формы, т. е. того, что зависит от *B*. Такое разграничение требует при анализе отражения выявлять в изменениях носителя отражения, *B*; того, что характеризует оригинал *A*, сходно с ним, и элиминации того, что относится к самому носителю. Без выделения содержания и формы понятие отражения отождествляется с понятием взаимодействия вообще [479].

В связи с приведенными рассуждениями важно подчеркнуть следующее: для того чтобы *A* (оригинал) отразился в *B* (носителе), необходимо воздействие первого на второй; но чтобы возникло актуальное отражение, отражающая система (*S*-носитель) должна быть активной. Иначе говоря, актуальное отражение возникает лишь на уровне органической материи, поскольку именно для живых систем характерна активность.

К сожалению, наука пока еще не располагает более или менее точными знаниями о том, когда, как и в силу каких причин возникло активное (актуальное) отражение и как в своем развитии оно достигло высшего уровня — психического отражения. Однако подходы к решению этих проблем намечены.

Их основой является эволюционная теория.

Процесс эволюции, как отмечал Северцов, происходит под влиянием изменений внешней среды. Но темпы этих изменений различны. Чтобы приспособиться к биологически важным изменениям среды, скорость изменений организма должна быть ни в коем случае не меньше скорости изменения среды. Поэтому чем более пластичен организм, т. е. чем быстрее и сильнее он изменяется, тем больше у него шансов на выживание.

Можно выделить три основные формы или способа изменений организма в процессе его приспособления к окружающей среде: наследственное изменение органов; этот способ очень медленный, хотя и главный в образовании видов; функциональные изменения органов (например, в результате упражнения); эти изменения протекают за интервалы более короткие, чем жизнь особи; приспособление посредством изменения поведения без изменения органов [431].

Именно этот последний способ и связан с возникновением и развитием психического отражения. Поведение — это активная форма приспособления; для того чтобы оно было адекватно среде, необходимо, чтобы среда отражалась организмом, при этом в такой форме, которая позволяла бы ориентироваться в ней как в среде, внешней по отношению к организму. Без такого отражения поведение, т. е. активное приспособление к среде, просто невозможно. Одна из существенных характеристик психического отражения состоит в том, что оно позволяет за сравнительно короткий интервал времени воспроизвести длительно развертывающийся ряд событий. Оно не является зеркальным, т. е. детально и однозначно следующим за отражаемыми событиями. Процесс следования за ходом событий не может обеспечить адекватной регуляции поведения; зеркальное, мертвое отражение организму не нужно. В процессе психического отражения происходят селекция информации, ее преобразование, дифференциация и интеграция. Это обеспечивает возможность не только фиксировать прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее, т. е. психическое отражение является опережающим. «На всем длинном пути эволюции живой материи,— отмечает П. К. Анохин, — живой принцип опережающего отражения внешнего мира является неотъемлемой стороной жизни, ее приспособления к окружающим условиям. У мозга как специализированного в этом направлении органа нет границ для такого опережающего отражения действительности. Он обладает возможностью отражать в микроинтервалах времени цепь событий, которые могут длиться целые годы» [48, с. 19]. А это обеспечивает возможность формирования подготовительных изменений для будущих событий. При этом принципиально важным является то, что опережающее психическое отражение обеспечивает выделение тех факторов внешней среды, которые способствуют сохранению жизни, и тех, которые представляют угрозу. С возникновением самой примитивной формы психического отражения (ощущения) организм получил возможность «интегральной» оценки степени полезности или вредности внешних воздействий.

Большой интерес для понимания возникновения и развития психического отражения представляет гипотеза А. Н. Леонтьева о различии концепций, рассматривающих психическое развитие животных только в плане поведения (инстинкт, навык, интеллектуальное поведение), Леонтьев впервые предпринял попытку раскрыть развитие форм и уровней психического отражения.

Переход от одних форм взаимодействия, свойственных неорганическому миру, к формам взаимодействия, которые свойственны живой материи, находит свое выражение в выделении «субъекта», с одной стороны, и «объекта» — с другой. Необходимым условием обмена веществ является раздражимость. На ранних стадиях развития жизни организмы раздражимы лишь по отношению к таким воздействиям, которые непосредственно участвуют в обмене веществ. Позднее появляется новая, более сложная форма раздражимости по отношению к таким воздействиям, которые сами по себе непосредственно в обмен веществ не включают (т. е. к абиотическим воздействиям). Эта форма раздражимости и есть чувствительность, обеспечивающая ориентировку организма во внешней среде, выполняющая сигнальную функцию. Решающим условием ее возникновения явился переход организмов от жизни в гомогенной среде к жизни в более сложной среде дискретных предметов, в вещно оформленной среде. Чувствительность

и соответствующая форма психического отражения (ощущение) явились основанием первой стадии развития психики животных — элементарной сенсорной психики.

Последующие стадии и формы — перцептивная психика и интеллект. С точки зрения Леонтьева, форма отражения определяется объективным строением деятельности животного (точнее было бы, на наш взгляд, сказать: поведения). Возникающие, развивающиеся и разрешающиеся противоречия между той и другим и являются движущей силой развития психики.

Все изложенное позволяет заключить, что возникновение психического отражения, переход от материи неощущающей к материи ощущающей осуществляется в процессе эволюции живых существ необходимым образом. Даже в самом элементарном своем проявлении (в ощущении) психическое отражение связано с оперативной ориентировкой организма к окружающей среде, обеспечивая ему адекватное активное приспособление путем изменения поведения. При этом окружающая среда отражается с той позиции, которую в ней занимает организм, и относительно его «интереса» (приспособиться и выжить), т. е. «пристрастно». Это позволяет считать, что уже элементарной форме психического отражения присуща, хотя и в зачаточном виде, та особенность, которую применительно к развитым формам обозначают как «субъективность».

В противовес позиции, утверждающей, что самый термин «отражение» толкает к такому пониманию психического, при котором оно выступает в качестве пассивного отпечатка, создаваемого некоторым внешним воздействием, подчеркнем, что необходимость психического отражения возникла в ходе эволюции в связи с развитием поведения — активной формы приспособления организма к окружающей среде. Активен, конечно, субъект, а не само по себе отражение⁹. Последнее является необходимым условием активности адекватной среде. Являясь опережающим, психическое отражение обеспечивает адекватность и оперативность поведения. Оно выступает не как эпифеномен некоторых материальных процессов, взаимодействия организма со средой, а как необходимый их компонент

Содержание категории отражения, занимающей центральное место в ряду базовых категорий психологии, относится к явлениям, имеющим системную природу, поэтому и психическое отражение должно рассматриваться в разных аспектах в отношениях:

— с точки зрения возможных форм отражения (моно- и полимодальных, чувственных и рациональных, конкретных и абстрактных, дифференцированных и интегральных, развитых и неразвитых и т. п.);

— с точки зрения возможных механизмов (психологических и нейрофизиологических; переработки информации; формирования «картины мира»; целеполагания и целеобразования и т. д.);

— с точки зрения возможных результатов отражения (сенсорно перцептивный образ, образ воображения, мимический образ, поня-

тие, знак, символ, ориентир, логика отношений и т. д.). В этом плане особенно важен вопрос о степени адекватности результата отражения отражаемому объекту.

— с точки зрения функций отражения в деятельности человека и его общении с другими людьми, в поведении в целом (уровень произвольности регуляции; ее эмоциональные и волевые характеристики; сознательное и неосознаваемое в поведении; трансформации результатов отражения при их передаче от человека к человеку и т. д.).

Перечисленные аспекты и отношения, раскрывающие системную сущность психического отражения, исследуются в психологии неравномерно. Одни аспекты изучены более, другие — менее, третьи находятся лишь в стадии формулировки проблем. Представляется, что дальнейшее развитие общей теории психологии требует более интенсивной разработки всех отмеченных аспектов и (что особенно важно) раскрытия их закономерных связей.

Одной из наиболее трудных проблем в изучении различных аспектов психического отражения является его субъективный характер. Именно в области этой проблемы больше всего неясностей и отступлений от требований научного познания.

В самом общем смысле субъективность означает принадлежность субъекту. Но в психологических направлениях, имеющих разные философские ориентации, субъект также трактуется по-разному.

Когда психические процессы впервые стали предметом конкретно-научного (и в особенности экспериментального) изучения, исследователи видели свою основную задачу в том, чтобы выявить их закономерности и характеристики в «чистом виде». Разрабатываемые экспериментальные методы и приемы были нацелены на то, чтобы как можно более полно «отпрепарировать» изучаемый процесс (перцептивный, мнемический, интеллектуальный и др.) от всех других психических явлений, от тех условий и факторов, в которых и под влиянием которых он возникает и протекает. Психические процессы рассматривались как существующие сами по себе, *per se*. Более того, стремились абстрагировать их даже от того, кому эти процессы принадлежат, т. е. от субъекта¹⁰. Ощущения, восприятия, представление, мышление, эмоции и т. д. рассматривались как ничьи. Собственно говоря, в таком абстрагировании психических процессов «от всего на свете» и состоял идеалистический вариант функционалистского подхода, трактующий различные психические процессы как самостоятельные сущности.

Однако в конкретных исследованиях так или иначе обнаруживались зависимости динамики психических процессов от особенностей субъекта, от его мотивов, установок, состояний и т. д.

⁹ В проблеме активности субъекта отражения есть тонкость, в результате не понимания которой может произойти соскальзывание к представлению о юм, будто бы образы являются продуктом творчества субъекта, а не отражения реальности.

¹⁰ Стремление рассматривать те или иные явления, «препарируя» их от субъекта, касается не только психических процессов. Поведение и деятельность, как отмечалось, также нередко рассматриваются как бы сами по себе, а не как поведение и деятельность субъекта.

Получаемые данные приводили к заключению об ограниченности функционалистского подхода. В дискуссиях с функционализмом формируется представление о том, что за всеми психическими процессами стоит нечто их объединяющее. Это нечто трактовалось как сознание, как личность, как субъект, которые рассматривались в роли своего рода узла, стягивающего все психические процессы воедино. Но в идеалистически ориентированных направлениях психологии субъект трактуется как некоторый внутренний наблюдатель: бестелесное, нематериальное начало, существующее вне всеобщих взаимосвязей явлений материального мира; его активность связывается только с психическими процессами, с сознанием. Как отмечает Маркс, при таком «способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом...» [2, с. 25].

В этих направлениях психологии происходит подстановка сознания (психики в целом) на место индивида, а реальный индивид из сферы психологического исследования исключается. Субъективное — важнейшая характеристика психического — понимается как внутреннее, открывающееся лишь интроспективно, как обращенное внутрь субъекта. По существу понятие «субъект» здесь мало отличается от понятия «душа».

Марксистская психология исходит из принципиально иной трактовки субъекта. Субъект — это не бестелесное, нематериальное начало, а живой телесный индивид, включенный **во всеобщую взаимосвязь** явлений материального мира, подчиняющийся объективным законам бытия. Психика, сознание рассматриваются здесь как принадлежащие этому материальному субъекту. При таком подходе, «соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как их сознание» [2, с. 25].

Когда речь идет о субъекте, то первый вопрос, который здесь возникает, это вопрос: субъект чего? В идеалистически ориентированных направлениях психологии ответ на этот вопрос таков, субъект — «носитель» психики, сознания; более того, как отмечалось, субъект подменяется сознанием, психикой, отождествляется с ними.

В марксистской психологии речь идет о **субъекте жизнедеятельности**. Именно в жизнедеятельности человек формируется и развивается как субъект. При таком подходе психическое, субъективное раскрывается не как направленное на самого себя, не внутрь субъекта, а вовне, в действительность.

Психологию особенно интересуют такие сферы или стороны жизнедеятельности человека, как труд (вообще: предметно-практическая деятельность), познание и общение. Она исследует человека прежде всего в качестве субъекта труда, **познания и общения** (Ананьев [39]). Именно постольку, поскольку человек является субъектом жизнедеятельности, он выступает и в качестве «носителя» психики (и сознания). Поэтому и путь научного познания сущности психических процессов лежит в русле изучения жизнедеятельности человека

Основным объектом в большинстве психологических дисциплин является индивидуальный субъект и индивидуальный уровень жизнедеятельности (см. [27])¹¹.

В ленинской теории отражения формирование психического отражения рассматривается в связи с выделением субъекта из объективного мира. Анализируя «На[^]ку логики» Гегеля, Ленин отмечал: «Мысль включить *жизнь* в логику понятна — и гениальна — с точки зрения *процесса* отражения в сознании (сначала индивидуальном) человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой» [24, с. 184]. Цитируя положение Гегеля: «...первоначальное *суждение* жизни состоит в том, что она отделяет себя как индивидуальный субъект от объективности», Ленин на полях отмечает: «жизнь=индивидуальный субъект отделяет себя от объективного» [Там же]. Субъект рассматривается как целостность, отделившаяся от объективного, как «субъективная целостность» в соотношении с «равнодушной», «объективностью» [Там же]. Сущность психического отражения, его особенности (отличающие психическое от всех других форм отражения) и могут быть поняты только при исследовании его роли и места в жизнедеятельности субъекта как целостности.

Субъект и субъективное в своей развитой форме относятся к человеку. Но предпосылки их возникают в ходе биологической эволюции, в связи с развитием активной формы приспособления организма к окружающей среде — поведения. Возникнув в процессе эволюции, психическое отражение стало выполнять функции ориентировки организма в среде и регулирования его поведения, а вместе с тем выступило в роли интегратора организма как целостности. Как отмечает Анохин, «в субъективном психическом состоянии могли быть собраны все детальные процессы организма. Все компоненты таких процессов оказались в снятом виде, и только *фокус субъективного состояния, являясь теперь представителем целого организма, стал руководящим фактором*».

С дарвиновской точки зрения, с появлением первого субъективного ощущения была достигнута наилучшая форма приспособления к внешнему миру. Достаточно стало появления лишь определенно окрашенного субъективного состояния, чтобы организм получил точнейшую информацию о том, как ему поступить и строить свое поведение в данной ситуации» [48, с. 357].

В процессе биологической эволюции психическое отражение возникло и развилось как интегральное, **системное качество** организма, «отвечающее» за организм как целостность. И эта его роль не только сохранилась, но и приобрела существенно новый уровень в процессе исторического развития человека.

Поскольку психическое отражение формируется и развивается в процессе жизнедеятельности субъекта, «обслуживая» его как целостность, оно **не может не быть субъективным**. Любой другой вид

¹¹ Конечно, психология не ограничивается только этим, она изучает также и совокупность субъектов разного уровня (особенно в социально-психологических исследованиях).

отражения не обеспечил бы «представительство» субъекта как целого.

Когда речь идет о субъективном характере психических процессов, то обычно поясняется, что имеется в виду не содержание этих процессов (их содержанием является объективная действительность), а форма их протекания. Эта форма рассматривается как важнейшая, существенная, капитальная характеристика психических процессов и состояний, вообще всех психических явлений. Но в конкретных (особенно эмпирических) описаниях выделяются различные проявления их субъективного характера, так же, впрочем, как и трактовка этого характера оказывается различной.

Понятие субъективного (субъективного отражения) наиболее тесно связано с теорией познания. В гносеологическом аспекте оно рассматривается как существующее в сознании, свойственное сознанию, в противоположность объективному, существующему вне и независимо от сознания. Гносеологический аспект безразличен и для психологии. В психологических исследованиях имеется не только онтологический, но и гносеологический аспект (например, проблема адекватности образа отражаемому в нем объекту). Что касается специальных психологических дисциплин, то каждая из них берет разные проявления субъективности.

Так, в психофизике субъективное как характеристика психического отражения раскрывается через сопоставление с физическими свойствами отражаемых объектов. Исследуя, например, субъективные шкалы, она рассматривает их в плане сравнения с физическими шкалами; особенности психического (субъективного) отражения выявляются через его сопоставление с физическим (объективным) отражением, осуществляемом при помощи измерительных приборов. Важно отметить, что в принципах работы приборов реализуются те же закономерности, которым подчиняются измеряемые ими величины (хотя, правда, и здесь есть преобразование одних форм движения материи в другие). Психическое отражение существенно отличается от физического тем, что оно осуществляется человеком и, следовательно, в нем проявляются так или иначе все специфически человеческие свойства как субъекта жизнедеятельности. Конечно, можно, как это иногда делают, приравнять органы чувств человека к физическим приборам, но при этом специфика психического отражения затушевывается.

В психофизиологии и физиологии субъективное часто трактуется как «сторона» физиологических (прежде всего нервных) процессов, но, к сожалению, конкретно эта «сторона» не раскрывается. Психическое рассматривается, и как интегральная характеристика нервных процессов, представляющая организм в целом, как специфический способ организации их системы.

Иначе подходит к пониманию субъективности психического социальная психология. Здесь субъективность раскрывается через анализ личности, личностных отношений индивида к социальным системам (и подсистемам) разного уровня, в которые он включен. Субъективное изучается в плане анализа социальных отношений и

связей, роли и места личности в их развитии, т. е. специфической позиции в обществе.

Субъективное отражение трактуется как пристрастное, имманентно связанное с потребностями, интересами, установками человека. Иногда оно рассматривается как неточное или даже ошибочное отражение. (Конечно, в нем есть и этот момент, но он не является определяющим.) Широко принято рассматривать субъективное как проявление индивидуальных особенностей человека.

Нам представляется, что все эти трактовки, каждая из которых имеет некоторое рациональное зерно, «охватывают» разные моменты и разные формы проявления специфики психического отражения. Когда речь идет о субъективности перцептивного образа, о субъективности оценок человеком каких-либо событий или о субъективности отношений данного человека к другим людям, имеются в виду разные моменты психологических качеств индивида. И это не случайно. Субъективность по-разному проявляется в различных связях человека с миром и на различных уровнях психического отражения.

Однако во многообразии ее проявлений имеет некоторое общее основание. Этим основанием является то, что отражение человеком окружающего мира осуществляется с той специфической, обусловленной особенностями его жизнедеятельности (индивидуально-неповторимой) позиции, которую он в этом мире занимает¹².

Но субъективность раскрывается в каком-либо одном, отдельно взятом (психофизическом, психофизиологическом, социально-психологическом и т. д.), аспекте лишь частично. Между тем это — общая характеристика психического. Поэтому в ходе исследования любого отдельного аспекта так или иначе проявляются и другие. Так, классическая психофизика, пытавшаяся рассматривать субъективные шкалы лишь в их отношении к физическим, в ходе исследований вынуждена была обратиться к анализу зависимостей этих шкал от установок человека, характера выполняемой деятельности, уровня обученности, функционального состояния организма и т. д. Иначе говоря, ей пришлось выйти в область других отношений. Это и понятно, если иметь в виду, что, хотя психическое отражение физических свойств окружающей среды и формируется в процессе физического взаимодействия органов чувств с этой средой, «обслуживает» оно поведение и деятельность человека как социального существа (и как биологического организма).

Ключ к пониманию специфики субъективной формы психических явлений лежит, по-видимому, на пути исследования полисистемного способа существования человека. Эта форма возникает как бы на пересечении различных систем, которым принадлежит человек, обеспечивая его единство как субъекта предметно-практической деятельности, познания и общения. Можно надеяться, что возможность проникновения в тайну такой капитальной характер-

¹² Важно отметить, что эта специфическая позиция определяется объективными законами бытия.

стики психических явлений, как их субъективная форма, открывает именно системный подход.

Общим основанием различных проявлений субъективности, как уже отмечалось, является то, что они принадлежат субъекту как целостности, целостному субъекту жизнедеятельности. Но субъективность не есть нечто аморфно-глобальное. Субъект должен быть понят как организованная целостность. А это значит, что в исследовании психического отражения важно выявить различные уровни субъективности и специфику каждого из них. При этом необходимо раскрыть субъективность в развитии самой жизнедеятельности субъекта. Одна из актуальных задач психологической науки состоит как раз в том, чтобы проследить шаг за шагом, как развивается субъективная форма психического отражения от элементарной: ощущения (в онтогенезе — у младенца) до тех уровней психического, которые характеризуют личность; как с развитием содержания жизнедеятельности субъекта развиваются уровни и формы психического (субъективного) отражения.

Важнейшая особенность психического отражения состоит в том, что оно выступает прежде всего как отражение окружающей среды (шире: действительности) с позиций целостного субъекта жизнедеятельности и только поэтому может обеспечивать регуляцию его поведения. Частные, локальные непсихические формы отражения таких функций выполнить не могут. Например, сетчаточный образ, как известно, строится по законам оптики и, являясь физическим отражением, выполняет определенную функцию в формировании процессов в зрительной системе. Но этот образ сам по себе не может обеспечить регуляцию поведения целостного организма, хотя, конечно, он является необходимым моментом психического отражения. Психическое формируется на основе всех других форм отражения, свойственных организму, и как бы «вбирает» их в себя. Как свойство особым образом организованной материи оно проявляется и существует только во взаимодействии целостного субъекта с окружающей действительностью (в своих первоначальных формах — в том взаимодействии организма со средой, которое выражается в приспособительном поведении).

Естественно здесь сразу же возникает вопрос: какие же свойства внешних предметов должны отражаться в форме психического, чтобы обеспечить адекватность поведения?

Очевидно, прежде всего — это те свойства предметов и явлений, среди которых и в среде которых целостному субъекту приходится строить свое поведение. Поскольку каждая вещь (каждый предмет и явление) выступает во множестве связей и отношений с другими вещами, она обнаруживает в них (в этих связях и отношениях) разные качества. Какие же свойства вещей и в какой форме должны отражаться для регуляции поведения? Сейчас мы имеем в виду прежде всего уровень непосредственно-чувственного отражения, т. е. ощущения и восприятия. Современная наука достигла больших успехов в исследовании молекулярного строения вещества, корпускулярно-волновой природе света, в изучении звуковых волн

и т. д., т. е. тех предметов и явлений, которые, воздействуя на органы чувств, вызывают ощущение и восприятие. Но в ощущении и восприятии субъекту-то открываются не волны, не корпускулы, молекулы и атомы: не микроструктура предметов и веществ. Он воспринимает целостные объекты, их пространственные взаимоотношения, их оптические, акустические и механические свойства, но именно как свойства целостных объектов.

Иначе говоря, в ощущении и восприятии отражаются макроскопические свойства предметов и явлений, т. е. свойства, которые имеют для субъекта сигнальное значение. Они отражаются в том масштабе, который сопоставим с масштабами организма человека (и высших животных) и поведения.

Известно, что чувствительность органов чувств очень высока. Глаз обнаруживает разницу в световых потоках до одного-двух квантов. Если бы чувствительность уха была увеличена на порядок то человек мог бы слышать броуновское движение молекул. Но он не видит квантов и не слышит движения молекул. Для регуляции поведения в этом и нет необходимости. В этом смысле возможности непосредственно-чувственного познания ограничены. Если бы эти границы были перейдены, то это не только не содействовало бы улучшению ориентировки в среде, а напротив, сделало бы ее невозможной. В этой связи можно, пожалуй, сказать о «мудрости» эволюции, которая «довела» развитие сенсорно-перцептивного анализа внешних воздействий на органы чувств как раз до необходимого и допустимого предела.

Важно подчеркнуть, что форма предметов, их положение в пространстве, цвет, свет, твердость, упругость и т. д. — это не продукты спонтанной работы мозга, организующий хаос внешних воздействий, как иногда пытаются представить (см.: [591]), а реальные, действительно существующие свойства предметов. Это — те свойства, которые обнаруживаются во взаимодействии предметов с целостным организмом и отражение которых необходимо для его жизнедеятельности¹³.

Специфика проявления макросвойств предметов (объектов) в чувственном отражении уже давно привлекает внимание психофизики. Одно из ее фундаментальных открытий — это факты непрямого, незеркального соответствия субъективных и физических величин. Еще Вебер обнаружил, что давление на лоб в 4 унции ощущается приблизительно так же, как давление на губу в 1 унцию (1 унция — 28,3 г). Тон с интенсивностью 120 дБ и частотой 10 Гц субъективно оценивается как равный по громкости тону, имеющему интенсивность 100 дБ и частоту 1000 Гц. Факты подобного рода (а их перечень можно было бы умножить) заставили задуматься об условиях эквивалентности ощущений. Как отмечает С. С. Стивене, проблема эквивалентности — это «одна из тех проблем, над решением которых обычно больше всего бились психологи» [656]. При

¹³ Конечно, микроструктура предметов и явлений не скрыта для человеческого познания, и в этом убеждают успехи науки и техники. Но «микроструктурные» свойства недоступны непосредственно-чувственному познанию

выражении величин, характеризующих стимул в принятых физических единицах (а эти единицы были определены для физического отражения, осуществляемого при помощи приборов), в психофизике возникли трудности и неудобства. В этой связи начались поиски «субъективных величин ощущений». Стивенс, его сотрудники и последователи разработали новую метрику для оценки ощущений. Так, громкость было предложено оценивать в тонах, яркость — в брилях, тяжесть — в вегах и т. д. (подробнее см.: [533]). Критикуя Стивенса, А. Пьерон писал, что это — «метрика мнений», а не действительная метрика вещей. Замечание Пьерона справедливо. Однако важно иметь в виду, что ощущения и восприятие «обслуживают» субъекта, и поэтому они должны соответствовать не только отражаемому объекту, но также и свойствам субъекта. Значит, и их измерение должно учитывать этот важный момент.

Науку всегда интересовала проблема: как формируется психическое отражение, каков его материальный механизм.

Первые поиски в этом направлении были связаны с изучением работы рецепторных звеньев воспринимающих систем (анализаторов); предполагалось, что, изучив строение и функции рецепторов, можно выявить и механизм психического отражения. Эти исследования обогатили науку многими ценными данными, важными для понимания процесса психического отражения. Однако они натолкнулись и на ряд неразрешимых задач. Тогда обратились к изучению передачи возникающих в рецепторах нервных процессов в центральные звенья анализаторов и работе самих этих звеньев. В этих исследованиях используются разработанные в кибернетике (прежде всего теории информации) представления о кодировании, перекодировании и декодировании сигналов.

Кратко суть дела сводится к следующему. Первый момент и обязательное условие формирования, например, зрительного образа — это образование сетчаточного изображения по законам оптики. Такое изображение является информационным эквивалентом определенных свойств объекта. В результате фотохимического процесса возникают нервные импульсы, передаваемые по зрительному нерву в центральную нервную систему. Считается, что начало нервным импульсам дают специализированные нервные аппараты—детекторы, соответствующие определенным признакам сетчаточного изображения. Именно в этих аппаратах и происходит кодирование информации, поступающей извне. В ходе передачи по нервной системе эти импульсы многократно перекодируются. Наконец, они достигают некоторых высших отделов мозга, где происходит их декодирование и сравнение с информацией, хранящейся в памяти. В результате формируется психический образ. Передача информации в нервной системе происходит через большое количество специфических звеньев, но тем не менее по содержанию она остается одной и той же. Как отмечает Анохин, воспринимающие системы формировались и развивались в процессе эволюции, подчиняясь одному важному закону: между начальным и конечным звеньями передачи информации должна быть точная информационная эквивалентность.

Благодаря этому закону на всех стадиях переработки информации в нервной системе сохраняется адекватность сигналов параметрам отражаемого объекта. Нетрудно видеть, что здесь процесс рассматривается как протекающий в одном направлении — от периферии к центру. Многие моменты кодирования и перекодирования сигналов при их передаче по нервной системе сейчас изучены достаточно детально (см.: [586]). Однако остается неясным главный для психологии вопрос: как происходит декодирование нервных сигналов и их превращение в психический образ. При подходе к информационному процессу как однонаправленному нередко возникает идея необходимости некоторого внутреннего гомункулюса, который или сам производит или для которого происходит декодирование.

Иначе говоря, и на этом пути возникли большие трудности.

Наконец, были предприняты попытки поиска механизмов психического отражения в работе эфферентных звеньев воспринимающих систем, в частности моторных компонентов перцептивного процесса.

К таким попыткам относится гипотеза уподобления, предложенная А. Н. Леонтьевым. Эта гипотеза органически связана с материалистической линией в понимании психического. Известно, что принцип подобия воспринимающего воспринимаемому выдвигался еще античными философами. В разных вариантах он выступал в материалистической философии на всем протяжении ее развития. В гипотезе Леонтьева принцип подобия получает конкретно-научную психологическую трактовку. Речь идет не просто о подобии, а об уподоблении, не о некоем изначальном соответствии органа объекту, а о процессе уподобления состояний органа свойствам отражаемого объекта.

Анализируя результаты исследований осязательного восприятия, он приходит к выводу, что «в процессе осязательной рецепции... происходит «снятие слепка» объекта...», но «.. это осуществляется не путем изменения формы самого «снимаемого» субстрата, а путем изменения процесса; не сама осязательная рука, прикасаясь к предмету, воспроизводит ее контур, а ее движение. При этом самый простой и само собой понятный факт состоит в том, что, чем более движение изоморфно объекту, тем совершеннее отражение его формы, тем точнее может быть отличена данная форма от другой» [271, с. 23]. Анализируя осязание, которое обладает тем преимуществом, что движения руки в их отношении к осязательному объекту здесь легко наблюдаемы, Леонтьев отмечает: осязание — это такой приспособительный процесс, который не выполняет ни оборонительной, ни ассимилятивной функции, он не вносит также никакого изменения в самый объект, в отличие, скажем, от рабочих движений, изменяющих объект. Его единственная функция состоит в том, что в осязательных (осязательных) движениях, в их динамике воспроизводятся свойства объекта — его величина и форма. В ходе осязания свойство объекта преобразуется в сукцессивный рисунок (траектории движения руки), который затем вновь «развертывается» в simultанное отражение объекта.

«Таким образом,— заключает Леонтьев,— специфическая особенность механизма процесса осязания заключается в том, что это есть *механизм уподобления динамики процессов в рецептирующей системе свойствам внешнего воздействия*» [271, с. 24].

Та же идея проводится им и в связи с анализом движений глаз. Здесь он следует Сеченову, который в своих работах по проблемам осязания и зрения утверждал, что в процессах осязания и осмотра воспроизводятся очертания предмета, степень его удаленности и взаимное расположение его деталей.

Под руководством Леонтьева были проведены исследования слуха, которые также показали значение движений (голосового аппарата) в актах звуковысотного различения.

Таким образом, гипотеза уподобления выступила как гипотеза моторного уподобления¹⁴.

В своем конкретном раскрытии она относилась к двигательным эффектам. Утверждалось, что именно в движениях (руки, глаза, артикуляционного аппарата) воспроизводятся свойства воспринимаемых (осязанием, зрением и слухом) объектов.

В этом варианте гипотеза уподобления оказалась связанной с исследованиями осязательного восприятия, которые проводились в 40'–50-е годы в Ленинградском университете под руководством Ананьева и в которых принимал участие автор этой книги. Экспериментально изучались различные виды и формы осязания: активного и пассивного, мономануального и бимануального, непосредственного и инструментального (итоги этих работ см. в [355J]). В исследованиях можно было отметить моменты подобия осязающих движений рук форме осязаемого объекта, хотя здесь приходилось сталкиваться и с множеством отступлений от принципа подобия. Параллельно с изучением осязания проводились также исследования графической деятельности, позволившие выявить три ее главных «составляющих»: наблюдение, измерение и построение [280J. Сопоставление осязающих движений и графических действий наводило на мысль о том, что осязающие движения выполняют функции измерения объекта и построения его образа.

В 50-е годы интенсивно разворачиваются исследования движений глаз в процессе зрительного восприятия. В характеристиках этих движений отмечаются некоторые моменты, общие с характеристиками движений рук в процессе осязания. Сопоставление тех и других, проведенное нами совместно с В. П. Зинченко, позволило прийти к выводу о том, что макродвижения рук (в осязании) и глаз (в зрении) выполняют функции измерения воспринимаемого объекта, построения его образа и корригирования сенсорных сигналов [181].

Привлекательность гипотезы моторного уподобления для тех, кто занимался изучением активного осязания или движений глаз в процессе зрения, определялась прежде всего тем, что она, казалось, открывала путь объективного и достаточно строгого изучения процесса формирования перцептивного образа: появилась возможность, описывая и анализируя движение воспринимающих систем, вместе с тем раскрывать и самый механизм психического отражения.

В наиболее «чистом» варианте эксперимента, когда испытуемому предлагается последовательно одним пальцем (при выключении других) обвести контур плоскостного объекта, изоморфизм траектории осязающих движений и контура объекта, так сказать, самоочевиден. Поскольку образ контура объекта в этом варианте эксперимента формируется, можно утверждать, что уподобление траектории движения руки контуру осязаемого предмета является достаточным условием его формирования. Но последовательное обведение контура плоскостной фигуры одним пальцем — это искусственный вариант осязательного восприятия, создаваемый в эксперименте специально. В действительности же в реальной жизни такие случаи, когда бы человек, знакомясь с каким-либо предметом, осязая его таким образом, не встречаются. Если зарегистрировать движения рук при осязании предмета в обычных естественных условиях, то усмотреть изоморфизм траектории движения руки (пусть некоторой суммарной траектории) форме объекта не так-то легко. Многочисленные исследования, проведенные в Ленинградском университете, а также исследования А. В. Филиппова, Ю. Лапе и др. выявили разнообразие тактик осязания предметов. Различных тактик можно насчитать более десятка, но в конце концов каждая из них дает результат — обеспечивает формирование образа осязаемого предмета.

Во всех этих тактиках отмечаются весьма значительные отступления от той («идеальной») траектории движения, которая была бы изоморфной контуру осязаемого предмета. Частично, но лишь частично, некоторые из этих отступлений можно объяснить тем, что в процессе осязания человек как бы применяет приемы геометрических построений. Однако, к сожалению, до сих пор еще

¹⁴ Нужно отметить, что трактовка восприятия как процесса моторного копирования предлагалась еще Вундтом (по: [586]).

не разработаны достаточно строгие методы, позволяющие сопоставлять динамику реальных осязающих движений (и парциальных движений пальцев и суммарных движений рук) с пространственными свойствами осязаемых предметов¹⁵.

Исследования показали также, что образ контура плоскостного объекта может формироваться и тогда, когда этот объект движется по поверхности руки, а рука остается неподвижной [355]. Более того, в некоторых случаях неподвижность воспринимающей поверхности относительно движущегося объекта является необходимым условием его адекватного восприятия; движения руки (пальцев) приводят здесь к перцептивным искажениям. Это имеет место, например, при использовании оптакона (optacon), преобразующего оптические сигналы в тактильно-вибрационные.

Наконец, наблюдения за развитием осязания у детей показывают, что они овладевают способом последовательного осязания предмета достаточно поздно. В развитии осязающих движений этот способ не является исходным.

Итак, изоморфизм траектории движения руки (пальца) контуру объекта может быть достаточным условием формирования образа, но не необходимым. Образ формируется и тогда, когда такого изоморфизма нет (или он не выявлен), и даже тогда, когда рука неподвижна. Более того, вариант «чистого» моторного уподобления — это особый частный и искусственный случай.

Еще сложнее оказалась ситуация в области изучения движений глаз. Аналогии этих движений с осязающими движениями руки, представлявшиеся прежде убедительными, стали вызывать сомнения. Изоморфизм траектории движений глаз и контура рассматриваемого объекта обнаруживается с еще большим трудом, чем это имеет место в исследованиях осязания.

Н. Ю. Вергилес и Е. А. Андреева провели эксперименты, в которых глаз был поставлен в такую же ситуацию, в которую ставилась рука, когда испытуемый должен был последовательно обводить контур объекта (вариант «чистого» моторного уподобления). В каждый момент глаз мог видеть только точку контура. Предполагалось, что при перемещении глаза по контуру, при последовательном его обведении у испытуемого должен сформироваться образ этого контура. Эксперименты (в нескольких вариантах) были проведены. Траектория движения глаза точно воспроизводила контур объекта, но .. образ объекта не формировался (даже при многократном последовательном обведении контура) [43; 44].

Изоморфизм траектории движения глаза контуру объекта оказался недостаточным условием для формирования зрительного образа. В этих экспериментах выяснилось, что только в том случае, если величина видимой части контура достигает некоторого определенного значения, его образ при последовательном обведении глазом может сформироваться. Эти эксперименты показали значение сенсорной компоненты зрительного восприятия. Это было показано также и в исследованиях осязания. Вместе с тем экспериментальные исследования выявили возможность формирования зрительного образа даже в том случае, когда воспринимаемый объект неподвижен относительно сетчатки. Считается, что длительность видения здесь не превышает трех секунд. Но как бы мала она ни была, образ-то формируется. Кроме того, при определенных условиях, как показал Вергилес, эта длительность может быть значительно увеличена. Изоморфизм траектории движений глаз контуру объекта не является ни достаточным, ни необходимым условием зрительного восприятия.

Эксперименты показали, что режим работы глазодвигательной системы находится в зависимости от объема собственно визуальной стимуляции и что кинестетические сигналы не могут ни восполнить ее недостаток, ни заменить ее. Впрочем, ничего странного в полученных результатах нет. Глаз развился в процессе эволюции и работает как система, приспособленная к отражению оптических свойств вещей. А аппарат, при помощи которого осуществляются движения глаз, играет обслуживающую роль, выполняет лишь вспомогательные функции (о функциях движений глаз в процессе зрительного восприятия см. в [334]). Непременным условием нормального видения является достаточно широкое поле зрения, обеспечивающее simultaneity отображения находящихся в нем предметов. В этом

¹⁵ Представляется, что в разработке этих методов могли бы быть полезными принципы «целенаправленной механики», предложенные Г. В. Корневым [225].

отношении зрение существенно отличается от активного осязания, для которого характерна успешность

Полученные Вергилесом и Андреевой экспериментальные данные позволяют полагать, что основной детерминантой движений глаз в процессе восприятия является визуальная стимуляция, собственно визуальные сигналы. Чтобы состоялось то или иное движение глаз, необходимо восприятие той зоны, к которой оно относится (чтобы, например, выполнить зрительный поиск объекта, нужно видеть зону поиска). Не движения глаз являются условием, а тем более механизмом видения, а, напротив, видение является условием их организации.

Короче, исследования движений рук в процессе осязания и глаз в процессе зрения поставили гипотезу моторного уподобления (подчеркиваю, моторного) под сомнение.

В этой связи стали высказываться соображения о том, что в развитом зрении и осязании копирующие движения редуцированы, свернуты, что в процессе развития внешние копирующие движения замещаются некоторыми их внутренними аналогами и т. д. [182].

К сожалению, однако, до сих пор еще нет данных, доказывающих, что на начальных ступенях развития восприятия имеет место полное развернутое копирование воспринимаемых фигур траекторией движения (ощупывания и осматривания) и что позднее оно свертывается и редуцируется. Нет пока также и четких критериев, позволяющих определить тот или иной тип движения (и действий) как викарный по отношению к исходному движению уподобления.

Короче говоря, проверка и доказательство гипотезы уподобления оказались более трудным делом, чем это представлялось вначале.

Достаточно строгих ее подтверждений еще нет. Вместе с тем проводимые исследования порождают много сомнений. Однако они не дают пока оснований и отвергать эту гипотезу полностью.

На наш взгляд, в той общей форме, как она сформулирована, эта гипотеза остается и до сих пор одной из наиболее интересных в области проблемы восприятия. Напомним еще раз ее смысл: речь идет об уподоблении динамики процессов в воспринимающей системе свойствам внешнего воздействия (воспринимаемого объекта) как механизме восприятия — чувственной формы психического отражения.

Леонтьев не сомневается, что механизм воспроизведения специфического качества воздействия на орган чувств должен включать такие процессы, которые способны выразить собой природу воздействующего свойства (качества). Это и есть процессы уподобления. Предположение о том, что такими процессами являются движения воспринимающих аппаратов, — это лишь одно из возможных.

Вопросы о том, что именно (динамика каких процессов в воспринимающей системе) уподобляется? Чему именно (каким свойствам воспринимаемого объекта) она уподобляется и что значит уподобление (есть ли это изоморфизм или другие виды подобия)? — остаются открытыми.

Заканчивая рассмотрение проблемы материальных механизмов психического отражения, сделаем два важных, на наш взгляд, замечания.

Во-первых, история разработки этого вопроса показывает, что вряд ли оправдано связывать механизм психического отражения с работой какого-либо одного звена воспринимающей системы: рецепторного, центрального или эфферентного. По-видимому, исследуя механизм психического отражения, нужно брать всю систему в целом, всю совокупность развертывающихся в ней процессов¹⁶. Более того, рассматривая функционирование той или иной воспринимающей системы (зрительной, слуховой, осязательной и др.), важно исследовать ее связи с другими системами. Есть немало данных, показывающих, например, зависимость пространственных характеристик поля зрения от зрительно-вестибулярных связей, распределения тонуса мускулатуры и т. д. [209]¹⁷. В этой связи ценной и конструктивной представляется концепция сенсорной организации человека, предложенная Ананьевым.

Во-вторых, при исследовании механизмов психического отражения важно иметь в виду, что воспринимающие системы (и сенсорная организация в целом) сформировались и развились в длительном процессе эволюции. Поэтому очень многое из того, что относится к механизму отражения, «отлилось» в определенную форму и генетически закрепилось. Это касается и их структуры, и их функций. Вопрос о врожденном и приобретенном, генетическом и средовом в воспринимающих системах требует, конечно, специального исследования. Сейчас лишь подчеркнем, что процесс психического отражения строится на основе мощного фундамента, сложившегося в ходе биологической эволюции.

§ 2. Психическое отражение как процесс; его уровни и формы

Положение об отражательной сущности психических явлений имеет в марксистской психологии фундаментальное значение. Оно так или иначе реализуется в теоретических, экспериментальных и прикладных исследованиях, проводимых разными школами и направлениями. Однако в конкретной трактовке этого положения есть некоторые различия. Часто психическое отражение рассматривается лишь как результат, завершающий некоторую систему процессов, действий или операций (более широко: преобразований)¹⁸. При этом самые преобразования выступают как нечто внешнее по отношению к результату, как то, что опосредствует отражение.

Один из распространенных подходов состоит в трактовке психического как результата физиологических процессов. Эти процессы

¹⁶ Не исключена также возможность пересмотра схемы воспринимающей системы. Накапливаемые данные позволяют ставить этот вопрос.

¹⁷ Можно предполагать, что некоторые парадоксы, выявленные в исследованиях зрения, могут быть решены при изучении связей зрительной системы с другими воспринимающими системами. Возможно, на этом пути будет раскрыт и секрет объективированности перцептивного образа.

¹⁸ Изучение результата отражения, как отмечалось в предыдущем параграфе, является важным аспектом системности отражения. Но это — лишь один из аспектов

рассматриваются в качестве опосредствующего звена между отражаемым объектом и его отражением. Например, при анализе ощущений и восприятия исходят из следующей схемы: начальным звеном является внешнее воздействие на орган чувств, которое трансформируется в нервный процесс; нервный процесс завершается формированием сенсорного (перцептивного) образа. Дело представляется так, что в начале имеется объект, воздействующий на органы чувств, в конце — его образ, а между ними — нейрофизиологические процессы. При таком подходе самая динамика отражения затушевывается, а вместе с тем возникает задача поиска некоего механизма превращения физиологического в психическое.

Бесспорно, что психическое отражение (образ) существует не вне нейрофизиологических процессов. Оно формируется и развивается в ходе этих процессов, реализуется этими процессами. Но неверно представлять дело так, что сначала развертывается физиологический процесс, а потом возникает психическое отражение, что последнее есть результат первого. Психическое возникает и развивается не в конце нейрофизиологических процессов, а в ходе их развития. Каждый момент нейрофизиологического процесса есть вместе с тем и момент психического процесса. Отражение и его материальный носитель связаны друг с другом неразрывно и непрерывно. Одно не существует без другого. Поэтому вряд ли вопрос о превращении физиологического в психическое имеет конструктивный смысл. Конечно, в научном исследовании можно рассматривать нейрофизиологический процесс «сам по себе», абстрагируясь от психического. Но при этом в объяснении целого ряда его особенностей возникают трудности. Можно также и психический процесс рассматривать безотносительно к его носителю — нейрофизиологическому процессу. Но трудности возникают и здесь. Их преодоление как в первом, так и во втором случаях возможно лишь при рассмотрении психического и нейрофизиологического в контексте отражательной функции нервной системы.

Другой подход (получивший название «деятельностного») в роли звена, опосредствующего связь объекта и его отражения (образа), берет деятельность. Образ трактуется здесь как результат определенной системы гностических (например, перцептивных) действий¹⁹. В начале процессов взаимодействия объекта и субъекта имеется объект, в конце — его отражение, а между ними — система специальных действий (и операций). Подход, требующий изучать психические явления в контексте деятельности (прежде всего предметно-практической), безусловно нужно оценить как перспективный. При таком подходе подчеркивается активность субъекта и неизбежно поднимается вопрос о развитии психического отражения. В определенном отношении он позволяет преодолеть трудности, с которыми сталкивается трактовка психического как некоторого завершающего итога (результата) нейрофизиологических процессов.

¹⁹ Именно в русле этого подхода сформировалась концепция моторного уподобления, рассмотренная в предыдущем параграфе.

Особенно отчетливо продуктивность «деятельностного» подхода выявляется в исследованиях онтогенетического развития всей системы психических явлений. Исследуя онтогенез восприятия, А. В. Запорожец справедливо отмечает, что оно, «ориентируя практическую деятельность субъекта, вместе с тем в своем развитии зависит от условий и характера этой деятельности [173]. Он подчеркивает также, что «между восприятием и действием существуют сложные и изменяющиеся в ходе развития ребенка (можно уточнить: человека на всех его возрастных ступенях. — Б. Л.) взаимоотношения» (Там же, с. 12).

Что же касается исходных уровней и форм психического отражения, первичных образов, возникающих при непосредственном воздействии предметов и явлений на органы чувств (ощущения и восприятия), то их трактовка как результатов специальных действий или операций (сенсорных и перцептивных) представляется сомнительной. Дело в том, что понятийный аппарат и схемы анализа деятельности (наиболее полно они представлены в теоретической концепции А. Н. Леонтьева [270]) разработаны для изучения целенаправленной сознательной деятельности человека, прежде всего трудовой. Действия здесь рассматриваются как произвольные акты, подчиненные сознательной цели, данной в определенных условиях (задача), а способ осуществления действия — как операция. Применение этого аппарата и схем анализа к изучению высших форм и уровней психического отражения, особенно сознания, может быть полезным. Однако в отношении исходных форм оно вряд ли оправдано. Трактовка этих форм как результатов действия вносит ненужный момент произвольности: дело представляется так, будто бы субъект воспринимает не то, что есть в действительности, а то, что ему надо. В самом деле, если принять, что первичный сенсорно-перцептивный образ есть результат целенаправленной системы специальных действий, что он строится, корректируется и приводится в соответствие с отображаемым объектом при помощи перцептивных действий, то из этого нужно сделать парадоксальный вывод: чтобы возник актуальный перцептивный образ, необходимо, чтобы он заранее уже был (в форме цели). Вопрос о формировании образа как процессе отражения здесь фактически снимается.

Но сенсорный (и перцептивный) образ не является результатом нашей произвольной сознательной деятельности. Основное и главное условие его возникновения — это воздействие предметов и явлений объективной действительности на органы чувств²⁰. Как отмечал еще Сеченов, восприятие предметов и их свойств «навязано нашему уму извне» ([437, с. 469]). Если, например, на нормаль-

²⁰ Это утверждение ни в малейшей мере не отрицает значения деятельности в психическом развитии человека, так же как и факт существования перцептивных действий. Но они, эти действия, являются вторичными по отношению к сенсорно-перцептивному процессу, исходному уровню психического отражения. Там, где уровень адекватности отражения достаточен для практического действия, субъект действует. Если же этот уровень недостаточен, то он предпринимает изучение ситуации. Здесь-то и появляются перцептивные действия.

ный глаз человека в нормальных условиях воздействует световой поток с длиной волны 575—590 мкм, то он увидит желтый цвет, а не красный или фиолетовый, какие бы сенсорные действия им ни выполнялись (разумеется, если условия воздействия не вызывают постэффекта). Если в фовеальной части поля зрения при нормальных условиях видения находится предмет, имеющий форму круга, то какими бы ни были мотивы, цели и перцептивные действия воспринимающего этот предмет человека, он не сможет увидеть какую-либо другую геометрическую фигуру (например, квадрат). Мы оставляем в стороне специальный вопрос об иллюзиях и искажениях восприятия при помощи специальных оптических устройств. Когда человек с нормальным обонянием входит в комнату, имеющую резкий запах, ему не нужно совершать какие-либо перцептивные действия, чтобы возникло соответствующее ощущение; запах, как мы говорим, «ударяет в нос».

Вместе с тем человек не воспринимает ничего такого, что не воздействует на его органы чувств. Разрушить «навязанность нашему уму» отражаемого объекта можно лишь путем вмешательства в самый процесс сенсорно-перцептивного отражения, искусственно изменив либо оптическое (акустическое, химическое и другое) взаимодействие стимула и соответствующего органа чувств, либо нейрофизиологические и биохимические процессы, протекающие в нервной системе человека и являющиеся субстратом ощущений и восприятий.

Психический процесс разворачивается изначально не по логике деятельности, а по логике отражения. Будучи включенным в деятельность, он обеспечивает ее организацию. Вместе с тем деятельность оказывает влияние на течение психического процесса, накладывая определенный отпечаток на его динамику, придает ему определенные черты (например, с ней связана избирательность восприятия).

С точки зрения приведенных выше подходов психическое отражение понимается как результат либо системы нейрофизиологических процессов, объективно разворачивающихся в нервной системе и не зависящих от воли субъекта (психическое отражение здесь возникает как бы автоматически), либо целенаправленных действий субъекта, зависящих от его сознания и воли. Но и тот и другой подходы рассматривают отражение лишь как результат, а не как процесс. Между тем отражение (образ) не есть нечто завершенное и статичное. Образ формируется, развивается, существует только в процессе отражения. Образ и сам есть процесс. Рассмотрение психического отражения как процесса составляет важнейший аспект психологического исследования. Одна из главных задач психологии как раз и состоит в том, чтобы раскрыть динамику этого процесса, реализующие его нейрофизиологические механизмы и те законы, которым он подчиняется²¹. В аспекте этой задачи она ис-

²¹ Иногда высказывается суждение о том, что якобы понимание психического как отражения ставит перед психологией задачу, решение которой требует

следует реальную деятельность (более широко: жизнедеятельность) субъекта. Этот же аспект определяет ее подход к данным нейрофизиологии и других наук, изучающих развитие и функционирование нервной системы (и организма в целом).

Положение о том, что психическое может быть понято только как процесс, было четко сформулировано еще Сеченовым. «...Мысль о психическом акте, — писал он, — как процессе, движении, имеющем определенное начало, течение и конец, должна быть удержана как основная... Она обязывает психологию вывести все стороны психической деятельности из понятия о процессе, движении» [437, с. 204—205]. С его точки зрения, психология должна ответить на вопросы о том, «как происходит то или иное психическое движение, проявляющееся чувством, ощущением, представлением, невольным или произвольным движением, как происходят те процессы, результатом которых является мысль, и пр.» [Там же].

Это общетеоретическое положение Сеченова получило свое развитие в трудах Ананьева [36], Рубинштейна [419], Теплова и других советских психологов. Оно также нашло конкретизацию в исследованиях перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов. Особенно много экспериментальных исследований посвящено анализу зрительного восприятия. В общей форме процесс чувственного отражения (ощущения и восприятия), в том числе зрительного, был описан Сеченовым, который отмечал, что, начинаясь почти бессознательным проявлением, чувствование переходит в ясно осознаваемые формы: процесс зрительного восприятия развивается в направлении от глобального к расчлененному, детальному видению, «от формы менее определенной и более слитной в форму более определенную и более расчлененную» [437, с. 305].

Позднее Н. Н. Ланге на основании экспериментальных исследований показал, что восприятие развивается как процесс²², проходящий по определенным стадиям [257]. На первой из них воздействие на органы чувств отражается как «нечто неопределенное»; на следующей стадии выявляется его специфический характер (слуховое, зрительное и т. д.), на третьей — определенное качество (например, цвет) и на четвертой — форма воздействующего предмета²³. Стадиальность перцептивного процесса исследовалась также в лабораториях Бехтерева и Ухтомского. Развивая исследования, начатые Ухтомским, П. О. Макаров при помощи дозирования вре-

---

полного знания всех явлений отражаемого объективного мира. Это, конечно, непосильная задача. К счастью, она надуманная. Действительной задачей психологии является исследование законов процесса психического отражения, его динамики и его механизмов; она касается содержания отражения лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания процесса.

²² Вне зависимости от методологических позиций Ланге отметим, что результаты его исследования объективно служат пониманию восприятия именно как процесса отражения.

²³ «Процесс всякого восприятия состоит в чрезвычайно быстрой смене целого ряда моментов или ступеней, причем каждая предыдущая ступень представляет психическое состояние менее конкретного, более общего характера, а каждая следующая — более частного и дифференцированного» [257, с. 1].

мени экспозиции выделил начальную стадию сенсорно-перцептивного процесса, названную им «предощущением» (стадия аналогичная первой стадии по Ланге) [310].

Цикл специальных экспериментальных исследований, направленных на изучение стадий зрительного восприятия, был проведен в школе Ананьева [32]. Условия восприятия в различных сериях экспериментов варьировали: изменялись дистанция наблюдения, положение объекта в поле зрения, освещенность объекта восприятия и время экспозиции, вводились внешние и внутренние помехи.

Результаты исследований дали основание выделить пять основных стадий (или фаз) процесса зрительного восприятия: 1) различение положения предмета в пространстве (в поле зрения) и грубая оценка его общих пропорций; 2) мерцание формы; 3) различие резких перепадов кривизны; 4) глобально-адекватное восприятие, в котором форма представлена без различия ее деталей; 5) адекватное отражение формы в полноте ее деталей (подробнее см. в [281])²⁴.

Динамика перцептивного процесса развивается в направлении от отражения неопределенной структуры к все более полному и детализированному отражению, т. е. в направлении все более полной адекватности образа отражаемому в нем объекту. При этом важно подчеркнуть, что степень полноты и адекватности образа зависит от конкретных условий восприятия. В этой связи деятельность оказывает влияние на динамику перцептивного процесса постольку, поскольку в ходе ее выполнения изменяются условия протекания этого процесса и самый объект восприятия (если он является предметом или средством деятельности).

Стремление раскрыть динамику формирования перцептивного образа привело к возникновению особого направления исследований: изучению микрогенеза (microgenesis) или актуалгенеза (actual genesis) восприятия²⁵. Как отмечают Касман и Юнг (по: [586]), детальный контур в восприятии появляется не сразу; для этого требуется время. Вернер, характеризуя восприятие, отмечает, что оно является развернутым во времени процессом увеличения ясности образа (шкала времени в микрогенетических исследованиях — десятки и сотни миллисекунд). В традициях гештальтпсихологии и связанной с ней когнитивной психологии микрогенез (актуалгенез) восприятия трактуется как процесс постепенной организации сенсорных данных (в отличие от случаев, когда организация дана наблюдателю как неизменная). При этом многие представители этого направления считают главной задачей выявление тех внутренних операций, посредством которых осуществляется преобразование образа при переходе от одних степеней ясности к другим. В поисках ответа на этот вопрос предлагается множество различных схем, нередко противоречащих друг другу. Но четкой и доста-

²⁴ Фазность восприятия подтверждается не только в лабораторных экспериментах [32; 281], но и в прикладных исследованиях [186; 243].

²⁵ В зарубежной психологии это направление связано с исследованием Вернера (1935) Позднее оно разрабатывалось Флейвелом и Друнгунсом.

точно обоснованной концепции, раскрывающей суть этих операций, до сих пор нет. Представляется, что попытки поиска таких операций внутри субъекта (или внутри организма, рассматриваемого вне его взаимодействия со средой) вряд ли увенчаются успехом. Микрогенетическое развитие восприятия, понимаемое как процесс отражения, определяется не просто некими внутренними операциями, а прежде всего условиями взаимодействия субъекта с объектом (воспринимающей системы и отражаемого объекта).

Не рассматривая подробно методологические позиции актуалгенетического направления, отметим только, что получаемые в экспериментальных исследованиях факты объективно подтверждают положение о восприятии как процессе отражения.

В исследовании восприятия, как известно, уже давно ведется борьба между двумя подходами: элементаристским и холистским. В русле первого из них восприятие рассматривается в качестве результата интеграции ощущений посредством образов или идей, идущих от прошлого. Главную исследовательскую задачу видят в том, чтобы разложить восприятие на составные элементы и выявить механизмы их интеграции. Второй подход утверждает, что восприятие с самого начала выступает как целостность, вытекающая из уникальной способности психики к образованию целостностей; элементы же объявляются результатом мысленного разложения целого.

Принцип стадильности (или фазности) восприятия как процесса отражения снимает кажущееся формально неразрешимым противоречие между частью и целым. Он «в равной степени противостоит как различным формам элементаризма в подходе к восприятию, так и мистификации «целого», типичной для гештальтпсихологии» [329]. «Вопрос же о том, что воспринимается раньше, целое или части, поставленный в генетическом аспекте, становится, по видимому, просто некорректным и превращается в перифразу древнего афоризма о курице и яйце» [Там же, с. 252]. Восприятие, трактуемое как динамический процесс отражения, детерминируемый взаимодействием внешних и внутренних факторов, включает диалектическое единство дифференциации и интеграции. Определенная степень целостности и детализации перцептивного образа обнаруживается на всех его стадиях.

В ходе этого процесса так или иначе формируются и развиваются и все другие особенности перцептивного образа: константность, апперцепция, категориальность.

Константность, например, как известно, часто считается некоторым «абсолютным» свойством перцептивного образа. Но исследования показывают, что коэффициент константности изменяется в зависимости от многих факторов, в том числе от условий восприятия. Анализируя концепции константности, Н. Н. Волков утверждает, что самое это понятие вносит в изучение восприятия (и в самое восприятие) элемент агностицизма [123]. Он считает, что восприятие, если его рассматривать в плане отражения реальных предметов в реальных конкретных условиях, должно быть аконстантным. Вряд ли, конечно, можно согласиться с Волковым в том, что понятие константности ведет к агностицизму. Но перцептивный образ с изменением условий восприятия в самом деле изменяется — он весьма динамичен.

Нам представляется, что соотношения константности и аконстантности перцептивного образа на разных стадиях процесса восприятия складываются по-разному. В этой связи интерес представляют исследования А. И. Миракяна, раскрывающие перцептивный образ как константно-аконстантный [326; 327].

Не только восприятие, но и любое другое психическое явление выступает как процесс. Так, Бехтерев [82], а вслед за ним Блонский [85], изучая память, пришли к выводу, что следы впечатлений надо рассматривать не как застывший фотографический снимок, а как динамическое явление. Процессуальный характер мнемических явлений раскрывается также в работах П. И. Зинченко [184], А. А. Смирнова [444], Н. Н. Корж и В. А. Садова [224] и др.

То же нужно сказать и о мышлении. В исследованиях С. Л. Рубинштейна [420], Г. С. Костюка [232], А. В. Брушлинского [99], А. М. Матюшкина [315], Я. А. Пономарева [376] и других мышление раскрывается как весьма динамический многоуровневый и многомерный процесс.

Итак, восприятие, память, мышление и все другие психические явления, относящиеся к когнитивной «сфере» психики, выступают как процессы психического отражения, подчиняющиеся объективным законам.

Их общая тенденция состоит в том, что эти процессы развертываются в направлении от относительно глобального и нерасчлененного отражения действительности к все более полному и точному, от слабо детализированной, но общей картины мира к структурированному целостному ее отражению.

В исследовании любого, отдельно взятого, психического процесса обнаруживается его стадийность или фазность (что было показано выше на примере восприятия). На каждой из стадий (фаз) происходят определенные качественные изменения и самого процесса, и возникающих в нем результатов. Однако стадии не имеют четких временных или каких-либо иных границ. Они «настолько органически взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать как дизъюнктивно отделенные друг от друга элементы... они как бы проникают друг в друга, сливаются, генетически переходят одна в другую» [99]. Это означает, что психический процесс является неаддитивным. Он не представляет собой простую сумму некоторых относительно однородных и неизменных «единиц», например стадий (фаз). Каждая последующая стадия процесса в том или ином отношении качественно отличается от предыдущей. Преемственность между ними является генетической в подлинном смысле этого слова. В каждой предыдущей стадии зарождаются элементы последующей. В свою очередь, когда наступает эта последующая стадия, в ней формируются предпосылки новой и т. д.

В психическом процессе диалектически сочетаются дискретность и непрерывность. Важнейшим его моментом является дискретизация отражаемых воздействий, и вместе с тем одни стадии переходят в другие непрерывно.

В ходе психического процесса изменяются также его внешние и внутренние детерминанты. Представление о том, что он детермини-

руется только некоторой начальной причиной, выступающей в роли «толчка», а далее психический процесс развертывается по своей «собственной логике», по некоторой заранее заданной программе, является упрощенным²⁶. На каждой его стадии формируется некоторый результат, который включается в систему действующих детерминант, так или иначе изменяя ее. Иначе говоря, самая детерминация здесь оказывается динамической и системной. Диалектика причинно-следственных связей (в частности, взаимопревращение причин и следствий) проявляется в психических процессах весьма отчетливо.

В ходе развития психического процесса на каждой его стадии формируются те или иные новообразования, т. е. результаты (образы, идеи и т. д.). Рождаясь внутри процесса, они становятся условиями его дальнейшего протекания. Результат возникает в ходе трансформации стадий (или этапов) процесса в структурные уровни его организации (Пономарев). Он, собственно, и есть результат такой трансформации.

Одна из особенностей результата психического процесса состоит в его мультипликативности, проявляющейся в том, что, возникнув в ходе развития какого-либо одного процесса (например, в восприятии), он в той же самой или в какой-то иной форме включается и в другие процессы, например в мышление. На эту особенность, пожалуй, впервые обратил внимание Р. Аткинсон [61]. Исследуя человеческую память и научение, он на основании экспериментальных данных пришел к выводу о том, что передача информации из кратковременного хранилища в долговременное и обратно — это не ее «перекачка», а копирование или активное отображение. Информация, снятая в долговременном хранилище с кратковременного, сохраняется и в последнем, и наоборот. Этот вывод, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для исследования и других психических процессов. Результат, формируемый в ходе их развития (информация), как бы многократно копируется (с теми или иными трансформациями), и это является важным внутренним условием динамики психического процесса — перехода от одних уровней и форм отражения к другим.

Все перечисленные особенности психического вытекают из его сущности — из того, что оно является процессом отражения.

Перечисленные особенности²⁷ обнаруживаются в анализе отдельного (относительно изолированного рассматриваемого) психического процесса: восприятия, памяти, мышления. Но в действительной жизнедеятельности индивида эти процессы не изолированы один от другого. Они непрерывно включаются, трансформируются, переходят друг в друга, что создает, конечно, весьма большие

²⁶ Конечно, в динамике психического процесса реализуются и заранее сформированные программы (например, в восприятии — «когнитивные схемы»), но это составляет лишь один из моментов его детерминации.

²⁷ Можно полагать, что эти особенности проявляются не только в масштабе микрогена отдельных психических актов, но и в масштабе онтогенетическо-

трудности на пути их исследования. По существу, в каждый момент жизнедеятельности субъекта его психика выступает как единый процесс, в котором только при помощи абстракции можно вычлнить восприятие, мышление, эмоции и т. д.

Один из путей системного исследования психического процесса — это выделение его уровней и форм. Накопленные эмпирические данные и теоретические схемы, сложившиеся в психологии (Ананьев [36], Теплов [472], Леонтьев [271], Пиаже [365], Фехнер [577], Забродин [163; 167] и др.), позволяют говорить о трех уровнях психического отражения:

- сенсорно-перцептивные процессы,
- представления,
- речемыслительные процессы, понятийное мышление, интеллект²⁸.

Эти уровни различаются по форме психического отражения, его «глубине» и «объему», по условиям, необходимым для его формирования и развития, а также по особенностям проявления его регулирующей функции. Они выступают вместе с тем и как уровни психического развития: онто- и филогенетического.

Сенсорно-перцептивный уровень является генетически исходным. Кстати, именно его изучение сыграло решающую роль в формировании психологии как самостоятельной науки; в этой области прежде, чем в других, стали применяться строгие (в первую очередь экспериментальные) методы исследования и появились первые собственно психологические теоретические концепции. И сейчас этот уровень исследуется, пожалуй, наиболее интенсивно²⁹. В связи с его изучением ведутся наиболее острые споры по принципиальным проблемам психологической науки: о природе и сущности психического, его происхождения и развития.

Как уже говорилось, в идеалистически ориентированных направлениях психологии распространено положение о том, что ощущения и восприятия (как, впрочем, и другие психические явления) относятся к особому миру — феноменальному, который лотвинопоставляется миру физическому, т. е. материальному, объективно существующему. Феноменальный мир обладает самодвиже-

го развития (макрогенеза) психики. Однако здесь требуются специальные исследования.

²⁸ Можно, конечно, внутри каждого из них выделить и другие уровни (или подуровни), но, на наш взгляд, перечисленные являются основными.

²⁹ Вопрос о том, какой уровень и какая форма психического является исходной в его генезисе, а следовательно, и в построении логики психологической науки, дискутируется уже в течение длительного времени. В качестве исходного в различных направлениях берутся разные явления: реакция, рефлекс, действие, представление, ассоциация, установка, отношения, акты сознания и т. д. С позиций теории отражения таким генетически исходным уровнем и формой является ощущение (в психологическом плане — ощущение и восприятие), поскольку именно на этом уровне осуществляется генеральная связь субъекта и объекта. Именно в ощущении осуществляется «превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу» (Ленин, [22, с. 46]). Оно является «единственным источником наших знаний» [Там же, с. 127].

нием, развивается по своим внутренним законам и не зависит от физического мира. Иногда, впрочем, говорится, что они частично перекрещиваются [586]. При таком подходе снимается вопрос об источниках и детерминантах сенсорно-перцептивных процессов. Между тем этот «феноменальный мир» в действительности есть не что иное, как отражение мира физического. Поэтому понять его особенности, свойства и динамику можно лишь в процессе изучения материального взаимодействия физического мира с физическим же (телесным) субъектом. Сенсорно-перцептивные явления и возникают в таком взаимодействии как непосредственное отражение воздействующих на субъект объектов (их оптических, акустических, химических и иных качеств). Взаимодействие органов чувств с этими объектами является первым и непререваемым условием возникновения и развития сенсорно-перцептивных процессов. В каком бы контексте жизнедеятельности (активной деятельности или пассивного созерцания) ни возникали эти процессы, они всегда представляют собой непосредственное отражение внешних материальных воздействий. Они возникают именно в непосредственном взаимодействии субъекта с объектом и окружающей средой. В первичном сенсорно-перцептивном образе объект отражается в тех его свойствах, которые проявляются в таком взаимодействии.

Нужно отметить, что в некоторых психологических концепциях связь «объект и его первичный образ» трактуется как опосредствованная; между объектом и образом включается еще некоторый третий член³⁰. Вопрос этот уже обсуждался выше. Сейчас отметим лишь, что попытки создания трехчленных и многочленных схем сенсорно-перцептивного отражения предпринимались в истории науки мноюкрагно, но обычно не приводили к успеху. «Всякий раз мысль исследователя заходила в логический тупик, не в состоянии ответить на естественный вопрос: где же „сидит“ центральный наблюдатель, или, иными словами, сам познающий субъект» [329, с. 36—37]. Специфика сенсорно-перцептивного отражения в том и состоит, что он формируется в условиях непосредственного взаимодействия субъекта с объектом и развертывается в реальном масштабе времени. Человек воспринимает объект в том месте, в котором он находится, и в тот момент времени, в который он действует на органы чувств. В этом проявляется «непосредственность действительности» чувственного отражения, на которой основано доверие к показаниям органов чувств. Ленин писал: «Вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств» [21, с. 131].

Самый убедительный аргумент в пользу естественного доверия к

³⁰ В этой связи подвергался критике так называемый постулат непосредственности. Однако этот постулат в том виде, как он сформулирован первоначально, относится совсем к другому. С точки зрения этого постулата непосредственно данными являются наши знания о собственном внутреннем психическом мире (интроспекция — это якобы привилегия психологии), тогда как знания о физическом мире формируются не непосредственно, а через целую сеть референтов. Другой смысл постулата непосредственности состоит в утверждении прямой связи стимула и реакции.

показаниям органов чувств дает эволюция, в ходе которой по объективным законам они сформировались и развились как специализированные аппараты, обеспечивающие адекватное отражение определенных форм движения материи и вещества (см., например: [235]).

В психологии и пограничных с нею науках накоплена огромная масса данных (множественно проверенных в эксперименте и в практике), раскрывающих условия, динамику и строение сенсорно-перцептивных процессов. Здесь нет возможности рассмотреть их даже схематически. Ограничимся лишь краткой характеристикой нескольких, важных с нашей точки зрения, вопросов.

Прежде всего нужно отметить, что поскольку ощущения и восприятия, как уже отмечалось, «навязаны» органам чувств внешними воздействиями, они нередко трактуются как отпечатки этих воздействий в «пассивном субъекте». Между тем современные исследования показывают, что сенсорно-перцептивные процессы включают не только блок сенсорных данных, но и блок принятия решений, что в ходе их развития изменяются критерии селекции информации [165].

В предметно-практической деятельности формируются и развиваются специальные сенсорные и перцептивные действия (например, глазомерные, поисковые и др.) [174; 281]. Благодаря этим действиям возможности чувственного познания обогащаются.

Выше отмечалось, что сенсорно-перцептивные образы являются отражением объекта в том месте, где он находится, и в тот момент, когда он действует на органы чувств. Но из этого не следует, что данный уровень отражения есть нечто вроде «моментальной фотографии». В восприятии отражаются не только отдельные объекты и их взаимное расположение в данный момент, но и те изменения, которые происходили в предшествующий интервал времени, а также тенденции дальнейших изменений, что позволяет предвидеть будущее. Иначе говоря, сенсорно-перцептивный процесс включает момент антиципации, выступает как опережающее отражение (подробнее см.: [300]). Благодаря антиципации создается возможность своевременности выполнения актуальных действий, их упорядоченности и оптимизации по критерию быстродействия.

В целом сенсорно-перцептивный уровень отражения обеспечивает адекватность актуальных действий, их соответствие текущей ситуации.

Как отмечает Ананьев, «представление о том, что сенсорно-перцептивные процессы относятся к низшим психическим функциям и, составляя как бы периферию субъекта, не входят в его основную структуру и индифферентны к личности, надо признать безнадежно устаревшим» [36]. Развивая это положение, он показал, что в процессе развития субъекта в его структуре формируется сенсорно-перцептивная организация, которая представляет собой сложную систему постоянных и переменных связей между всеми модальностями. В большинстве случаев ведущую роль в этой системе играет зрительная модальность, которая как бы вбирает в себя и транс-

формирует весь сенсорно-перцептивный опыт субъекта. Развиши этой организации является важнейшей стороной общего психического развития человека и необходимым условием овладения различными видами деятельности.

Следующий уровень психического процесса — это **уровень представлений**, к которому относится широкий круг психических явлений: воображение, образная память, последовательные, эйдетические, гипногические образы и т. д. Все эти образы вторичны по сравнению с теми, которые возникают при непосредственном воздействии внешних предметов и событий на органы чувств³¹.

По ряду причин, в первую очередь методического порядка, представления изучены значительно меньше, чем ощущения и восприятия.

В эмпирической интроспекционалистской психологии представления трактовались как «тень ощущения и восприятия». В качестве его основных особенностей утверждались бледность, неустойчивость, непостоянство и фрагментарность. Получается, что при переходе от ощущения и восприятия к представлению происходит только потеря знания. Интроспекционалистская психология, берущая образ представления вне реальной деятельности субъекта, вне его материального взаимодействия с окружающим миром, и не могла раскрыть никаких иных характеристик, кроме перечисленных.

С точки зрения теории отражения представление — это не тень ощущений и восприятий, не их ослабленный дубликат, а обобщенный образ предметов и явлений объективной действительности. Формируется и развивается оно, так же как и все другие психические явления, в условиях материального взаимодействия субъекта с объектами.

Наиболее характерная особенность представления состоит в том, что в нем соединяется образность (наглядность) и в то же время обобщенность. Как правило, представление о том или ином объекте формируется в процессе его многократного восприятия. Благодаря этому происходит селекция признаков объекта, их интеграция и трансформация; случайные признаки, проявляющиеся только в некоторых единичных ситуациях, отсеиваются, а фиксируются лишь наиболее характерные и потому наиболее информативные³². На уровне представления возникает возможность взаимообособления объекта и его фона. При переходе от ощущений и восприятий к представлению происходит как бы «сжатие» информации. В представлении отражаются не только отдельные предметы, но и

³¹ В идеалистически ориентированных направлениях психологии часто утверждается, что психическое начинается не с ощущений и восприятий, а с представлений, поскольку последние якобы свободны от внешних влияний и подчиняются только законам феноменального мира. Это утверждение восходит к философской системе Лейбница, наиболее четко оно сформулировано Гербартом

³² Представление — это не статичный «снимок», хранящийся в мозге, а процесс, включающий определенные стадии

типичные свойства более или менее значительных по объему групп предметов. В этом смысле оно является собирательным образом.

При переходе от восприятия к представлению структура образа изменяется: одни признаки объекта как бы подчеркиваются, усиливаются, другие — затушевываются и редуцируются. Иначе говоря, происходит схематизация образа. То, что и как схематизируется, зависит от выполняемой субъектом деятельности. По данным Шороховой, в представлении в первую очередь фиксируются предмет, средства и продукт этой деятельности [35]. Характер деятельности определяет также свойства представления по параметрам «яркость—четкость» [147а].

Формируясь в процессе восприятия, представление вместе с тем включается в этот процесс в виде когнитивных схем [628], влияя на его организацию.

Однако в формировании и развитии представлений необходим не только опыт непосредственного восприятия, накапливаемый индивидом в процессе жизнедеятельности. Не менее важно овладение знаками и знаковыми системами (прежде всего языком), в которых фиксируются результаты познавательной деятельности человека.

Существенной особенностью представления является его панорамность, дающая как бы возможность субъекту выхода за пределы актуальной (наличной) ситуации. Эта особенность была выявлена в исследованиях С. М. Василейского [109; 110], подтверждена работами Суркова [464], М. В. Гамезо [133], В. Ф. Рубахина [418] и др.

На уровне представлений формируются новые виды и способы гностических действий: масштабное преобразование, мысленное расчленение объекта и объединение объектов в одно целое, агглютинация, комбинация и рекомбинация, умственное вращение.

Перечисленные выше особенности представления как образа, а также умственные действия с отражаемыми в них объектами создают новые по сравнению с сенсорно-перцептивным уровнем возможности антиципации. Так, масштабные преобразования относятся не только к пространству, но и ко времени. То, что последовательно наблюдалось в течение длительных интервалов, может быть воспроизведено в представлении в течение сравнительно короткого времени. При этом, конечно, многие детали развития событий редуцируются, т. е. время как бы сжимается. Возможен и другой вариант трансформации времени — его «растягивание». Процессы, реально протекающие в короткие промежутки времени, могут мысленно «развертываться» и как бы «просматриваться» в деталях. Конечно, такая возможность требует специального (и часто — многократного) восприятия этих процессов.

В отличие от сенсорно-перцептивной антиципации, связанной с актуальным действием и ограниченной пространством и временем, в которых оно осуществляется, антиципация на уровне представлений «обслуживает» также и потенциальные действия, включаясь в процесс их планирования. На разных этапах овладения деятельно-

стью функции представления различны. На одних оно обеспечивает антиципирующее планирование, на других — формирование эталонов (образцов), на третьих — контроль и коррекцию действий. Панорамность и симультанная целостность образа-представления дает возможность реализовать различные стратегии деятельности, выбрать оптимальную, с точки зрения субъекта, для данных условий. Этим обеспечивается также возможность варьирования приемов выполнения действий и их переноса из одних условий в другие.

Таким образом, по сравнению с восприятием представление является новым, качественно своеобразным уровнем психического отражения объективной действительности и выступает в роли своеобразного связующего звена восприятия и мышления.

Третий уровень психического процесса — **вербально-логическое, понятийное мышление** (речемыслительный уровень)³³. На этом уровне отражаются существенные связи и отношения между явлениями объективной действительности. В отличие от ощущений и восприятий мышление — процесс социально опосредствованного отражения. Это выражается прежде всего в том, что, решая ту или иную задачу, субъект оперирует понятиями и методами мышления, сложившимися в ходе исторического развития общества, в которых зафиксирована общественно-историческая практика. На уровне речемыслительных процессов как бы разрываются рамки индивидуального опыта, а точнее, в индивидуальный опыт включается огромный багаж знаний, накопленных человечеством³⁴. В интеллекте, как подчеркивает Пиаже [637], ассимилируется «вся совокупность действительности», благодаря чему действия человека освобождаются от «рабского подчинения изначальным „здесь" и „теперь"». И этот момент определяет принципиальное отличие данного уровня от всех других.

В некоторых направлениях психологии речемыслительные процессы и интеллект индивида в целом выводятся только из его собственной предметно-практической деятельности; предполагается, что умственные действия «вырастают» из предметно-практических (или сенсомоторных). Нам представляется эта позиция ограниченной. Умственные действия, операции, приемы и т. д. формируются в историческом развитии общества, в общественно-исторической практике. «Практическая деятельность человека, — писал Ленин, — миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом» [24, с. 172]. Речь идет, конечно, о практической деятельности не индивида, а общества. В процессе своего развития (организованного и стихийного) этими логическими фигурами, аксиомами индивид овладевает так же, как он овладевает приемами предметно-практической деятельности.

Положение о практике как основе познания и критерии его

³³ Формы процесса мышления разнообразны: наряду с речемыслительной они включают также наглядно-действенную и образную.

³⁴ Эти знания специфическим образом могут включаться также в развитые формы восприятия и представления

истинности относится к обществу в целом, а не к отдельно взятому индивиду. Путь психического (умственного) развития индивида не является прямым повторением развития общества.

В процессе понятийного мышления, человек оперирует абстракциями, также сформировавшимися в истории. Но «абстракция должна быть, — отмечал Маркс, — в свою очередь, овеществлена, символизирована, реализована посредством (какого-либо) знака» [18, с. 61]. Использование знаков как средств фиксации результатов обобщения и абстракции отмечал также Сеченов [437], Выготский [128] и др. Наиболее развитой знаковой системой является язык, выступающий в роли не только средства фиксации знаний, но вместе с тем и их передачи от человека к человеку, т. е. общения. Важнейшим условием развития мышления у индивида является его собственная предметно-практическая деятельность и общение с другими людьми, а точнее, общение в совместной деятельности.

В процессе мышления наряду с языком используются и другие исторически сложившиеся знаковые системы: система математических, графических и других знаков, а также правил их применения, символика и т. д. В этот процесс включаются также образы признаков предметов, которые могут использоваться в роли знаков (подробнее см.: [400]). Как показали исследования А. Н. Соколова, мышление включает не только речевые, но и неречевые акты [447].

Понятийное мышление реализуется и как процесс отражения, и как определенная деятельность, поскольку оно всегда связано с теми или иными задачами, решение которых требует целенаправленных преобразований предметов (материальных или идеальных). Опережающий характер психического отражения достигает на уровне понятийного мышления своего наиболее полного проявления. Мышление всегда есть прогнозирование [99]. «Разрешающая способность», дальность антиципации здесь наиболее высока. Важнейшей ее особенностью на этом уровне является то, что речемыслительный процесс может развертываться в направлении как от настоящего к будущему, так и от будущего к настоящему (и прошлому); от начального момента деятельности к конечному, и от конечного к начальному. Такой «свободой в обращении» со временем (и пространством) обусловлена «мощность» и высокая эффективность этих процессов.

Если уровень сенсорно-перцептивных процессов обеспечивает регуляцию активных действий, а уровень представлений — также и ближайших потенциальных, то речемыслительный уровень создает возможность планирования деятельности (и жизнедеятельности) в масштабах жизни субъекта.

В реальной жизнедеятельности индивида все перечисленные уровни психического отражения взаимосвязаны. Исследуя тот или иной психический процесс или конкретный вид деятельности, можно, по-видимому, говорить не более чем о ведущем уровне, который никогда не выступает сам по себе, но лишь определяет специфиче-

скую структуру всей системы психического. То, какой именно уровень окажется актуально ведущим, зависит от цели деятельности и решаемых задач.

На разных уровнях психическое отражение осуществляется в различных формах, а также в их сочетаниях. Основными формами являются образная и понятийная.

Различие этих форм отмечалось уже в античные времена. В философии оно послужило основанием разделения чувственного и рационального познания. Это различие обнаруживается в конкретно-психологических исследованиях когнитивных процессов (общая психология) индивидуально-различий между людьми (дифференциальная психология), психического развития ребенка (детская психология), а также некоторых других направлениях психологической науки (медицинской, педагогической, инженерной психологии и др.). Понятиям «образное» и «словесно-логическое» (образная и вербально-логическая память, образное и вербально-логическое мышление и т. д.) принадлежит в понятийном аппарате психологической науки немаловажная роль. Как известно, Павлов, обратившись к исследованию высшей нервной деятельности человека, сформулировал концепцию первой и второй сигнальных систем, в которой, по существу, отмечается то же самое различие между основными формами психического отражения.

Проблема образа и знака исследуется рядом наук, в той или иной связи изучающих человека, познание и деятельность.

Когда речь идет об образе и знаке, всегда возникают вопросы: образ — чего? знак — чего? Из этих вопросов следует, что раскрыть суть как образа, так и знака, выявить общее и специфическое в каждом из них можно, только анализируя их отношения к чему-то третьему, а именно к некоторому оригиналу. Эти отношения есть отношения отражения. Оригинал — тот предмет (процесс, явление и т. п.), которое отражается, т. е. объект отражения, отражаемое. Образ (и знак) — это само отражение, осуществляющееся как своеобразная организация материальных процессов, которые являются его носителем. Оригинал и носитель отражения могут не иметь (и обычно не имеют) ничего общего по физическим, химическим и иным свойствам. Но способ организации носителя отражения должен находиться в определенной связи со свойствами отражаемого объекта.

Основное различие между образом и знаком состоит в следующем: в образе так или иначе воспроизводится оригинал (в этом смысле он является «копией», «слепком»); знак же выступает в качестве заместителя оригинала (связь между ними является условной). Они различаются также по тому, что каждый из них отражает в объекте — оригинале. В образе отражается прежде всего явление, единичное, конкретное, при этом окрашенное субъективно; общее и особенное выражается в нем через единичное.

В знаке фиксируется познанная сущность, общее, абстрактное, «очищенное» от субъективности; единичное и особенное раскры-

ваются при помощи знаков через общее, конкретное — через абстрактное³⁵.

Как отмечает В. В. Давыдов, «подлинные функции знаковой формы могут быть поняты только при ее соотношении с определенным типом объективного содержания, замещаемого этой формой» [151].

Главной формой психического отражения на сенсорно-перцептивном уровне является образная; на речемыслительном — понятийная (знаковая). Что касается уровня представления, то он, конечно, реализуется в образной форме. Однако, как отмечалось, в представлении есть моменты обобщения и схематизации. Поэтому образная форма здесь выступает специфически. Нужно отметить, что этот уровень не ограничен только репродуктивными представлениями, воспроизведением образов воспринятых в прошлом объектов, их «следов». На этом уровне разворачиваются сложные процессы, имеющие продуктивный, творческий характер. Особенности представлений, описанные (далеко не полностью) выше, обеспечивают большие возможности создания новых образов. В исторически развившихся специальных видах деятельности (особенно в художественной) разработана богатая система способов, приемов, методов, средств «конструирования» образов³⁶.

Овладение ими (индивидом) является существенным условием развития представлений.

Связи между уровнями и формами неоднозначны и нежесткие. В реальном процессе психического отражения соотношения между ними и характер их взаимодействия изменяются.

Обсуждая проблему отражения в психологии, мы рассматривали прежде всего познавательные, когнитивные процессы, стараясь показать их отражательную природу. Естественно возникает вопрос о том, справедливо ли положение об отражательной природе психики в отношении других психических процессов и явлений. Прежде всего он касается эмоций. Как известно, в науке уже давно ведется дискуссия о природе и сущности эмоций. Не вдаваясь в нее, отметим, что в психологии накоплено немало данных, раскрывающих неразрывную связь эмоций с познавательными процессами. Показано, например, что сенсорно-перцептивные процессы всегда обладают более или менее выраженной эмоциональной окраской; с другой стороны, в таком эмоциональном состоянии,

³⁵ Смещение знака и образа в исследовании психического отражения создает опасность агностицизма. Критикуя знаковую концепцию ощущений Гельмгольца, Ленин писал, что она «вносит некое недоверие к чувственности, недоверие к показаниям наших органов чувств» и далее: «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравниться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что „отображается“. „Условный знак“, символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [22, с. 248].

³⁶ При этом в качестве средств создания образов часто используются знаки и знаковые системы

как боль, отражаются (хотя и очень глобально) некоторые свойства ее источника (см.: Ананьев [35]).

В теоретической концепции П. В. Симонова эмоция трактуется как производное от потребностей и разности между необходимой и существенной информацией (т. е. знаниями) [438]. Отражательная характеристика эмоций подчеркивается Платоновым [369].

Во всяком случае можно утверждать, что эмоции возникают и развиваются не вне процесса психического отражения. Неясно, конечно, являются ли они специфической формой отражения (наряду, например, с образной и знаковой) или их компонентом. Однако, несомненно, что эмоции характеризуют состояния субъекта отражения и поэтому не могут не влиять на процесс отражения. Здесь важно подчеркнуть, что субъект отражает действительность с той специфической позиции, которую он в этой действительности занимает, и что психика является необходимой «составляющей» его жизнедеятельности.

Поэтому, как нам представляется, эмоции необходимым образом включены в процесс психического отражения. Это относится также к мотивам, волевым процессам и всем другим психическим явлениям. На различных уровнях и в различных формах психического отражения по-разному складываются процессы дифференциации и интеграции информации. Это значит, что каждый и (каждая) из них подчиняется специфическим законам. Вместе с тем есть также и общие законы, проявляющиеся на всех уровнях и во всех формах психического отражения. Исследование связи между специфическими и общими (которым в равной мере подчиняется и восприятие, и мышление, и эмоции и т. д.) законами психического отражения составляет важнейшую задачу психологической науки.

Раскрывая общее и специфическое в любом психическом явлении, мы сталкиваемся с необходимостью исследовать его связи и отношения с другими (психическими и непсихическими) явлениями, а следовательно, и категорию отражения следует рассматривать в контексте системы категорий.

§ 3. Сознание как идеальное отражение

Проблема сознания несомненно принадлежит в психологии к числу важнейших, если не является самой важной. Понять, как, каким образом, в силу каких законов беспомощное новорожденное человеческое существо, «комочек живой материи» превращается в сознательно действующего субъекта общественной жизни — это, пожалуй, самая главная и в то же время наиболее трудная задача психологической науки, так или иначе объединяющая всю ее проблематику. Как справедливо отмечал А. Н. Леонтьев, «связная система психологической науки не может быть построена вне контекстно-научной теории сознания» [270, с. 24].

Общую психологию интересуют прежде всего законы развития сознания индивида, индивидуального сознания. Вместе с тем целый ряд других психологических дисциплин в той или иной связи изу-

чает также определенные аспекты различных видов (форм) общественного сознания.

В истории психологических идей отношение к проблеме сознания менялось, и при этом довольно круто — от утверждения ее в качестве чуть ли не единственной проблемы до объявления сознания фикцией. Интроспекционалистская психология, как известно, считала сознание самостоятельной сущностью и рассматривала все психические процессы как его функции. В борьбе за научные объективные методы в изучении психического предпринимались попытки выбросить проблему сознания вообще. Оно объявлялось «эхом, слабым отзвуком, забытым, исчезающей «душой» в атмосфере философии» «a mere echo, the faint rumor left behind by the disappearing „sole“ upon air of philosophy» [593, p. 477]; утверждалось, что самое понятие сознания, «неизбежно ведет в метафизику», поэтому предлагалось исключить всякие упоминания о нем (Уотсон [666, p. 163]); говорилось, что «„сознание“ есть термин очень сбивчивый», а потому «нельзя определить психологию как науку о сознании» [87, с. 40].

Несмотря на напор объективистских направлений, особенно широко распространяемых в первой половине XX в., и в борьбе с ними марксистская психология отстояла проблему сознания и определила пути ее научного изучения (Ананьев [39], Выготский [129], Леонтьев [270], Рубинштейн [419] и др.).

Нужно отметить, что и в западной психологии, долгое время находившейся под сильным влиянием бихевиористских и прагматических парадигм, сейчас наблюдается восстановление проблемы сознания [551, 616, 641]. Однако здесь оно понимается главным образом как феномен сугубо индивидуальный, связанный с накоплением, трансформацией и организацией опыта индивида, или как проявление духовной связи между людьми

В одной из распространенных трактовок сознания оно определяется как совместное знание (Joint or Mutual Knowledge). При этом представители, например, психоаналитического направления толкуют сознательное как результат превращения бессознательного в процедурах психотерапии (когда «анализанд» приходит к такому же пониманию своего состояния, которое раскрывается «аналитом»). В других концепциях сознание рассматривается как соотнесение индивидом своего субъективного опыта с социально-выработанными образцами.

Современный радикальный бихевиоризм трактует сознание как «оперантное обусловливание вербального поведения». Скиннер считает, что сознание возникает тогда, когда индивид овладевает языком, свойственным какой-либо вербальной общине (общности людей), и начинает выражать свои личностные состояния на уровне знаний, которыми владеет данная община (тогда-то он и становится сознательным членом этой общины) [649].

Другая трактовка состоит в том, что сознание объявляется внутренним знанием или убеждением, которое выражается прежде всего в понимании и оценке своих собственных состояний. Человек

рассматривается как «рефлексивное животное», способное как бы создавать самое себя за счет интериоризации наблюдений и действий, осуществляемых по отношению к нему другими людьми [569, 609].

По существу, здесь сознание подменяется самосознанием.

Сознание рассматривается так же, как тотальность впечатлений, мыслей и чувств, которые создают личность. Это — некоторая целостная установка, объединяющая эпизоды умственной жизни индивида (Фингаретт, Ландис, Рид). Единство сознания определяет степень «чувствительности» личности по отношению к ее собственным достижениям. Все эпизоды умственной жизни индивида объединяются потому, что они, протекая в одном и том же организме, составляют часть сознания личности, которая воспроизводит их как бы изнутри (from the inside). В связи с проблемой целостности личности исследуются вопросы раздвоения сознания (Сперри, Пучетти и др.) в состоянии гипнотической диссоциации, «самообмана», при комиссуротомии.

В перечисленных подходах сознание трактуется как нечто, вытекающее из опыта индивида, как интегратор его внутренней жизни — впечатлений, переживаний, мыслей и т. д.

Марксистская психология рассматривает сознание как функцию мозга, представляющую собой специфически человеческое отражение бытия. Специфика его состоит в том, что это — **идеальное отражение, формирующееся и развивающееся в процессе исторического развития человека**. Отметим, что иногда, раскрывая смысл понятия идеального отражения, отмечают его «невидимость, неощутимость, внепространственность, недоступность чувственному восприятию» (Спиркин [456]) и в этой связи отождествляют идеальное с психическим и субъективным. Верно, конечно, что в образе нет ни грана вещества отражаемого объекта; верно, что психическое как таковое недоступно непосредственному восприятию.

Но перечисленные характеристики являются негативными и не раскрывают сути ни идеального, ни психического, ни субъективного.

Анализ психического (субъективного) отражения, как мы пытались показать в предыдущих параграфах, предполагает исследование свойств субъекта, осуществляющего это отражение, и способа его бытия. Психическое отражение в его субъективной форме возникает уже в животном мире. Сознание, идеальное отражение, является исключительным достоянием общественного человека. Раскрыть источники, основания и движущие силы развития сознания в рамках изучения индивида (взятого сам по себе, т. е. натуралистически) в принципе невозможно. Как отмечает Э. В. Ильенков, «идеальное есть не индивидуально-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного производства» [190, с. 213].

Чтобы понять природу и сущность сознания как идеального отражения бытия, нужно обратиться к анализу общества, объективных законов его развития «Сознание,— писал Маркс,— с са-

мого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» [2, с. 29].

Социальная обусловленность сознания отмечается многими (например, французской социологической школой). Но только марксизм, разработав материалистическое, последовательно научное понимание общества, показал генетическую связь сознания с материальным производством, с общественной практикой.

У животных психика формируется и развивается в процессе их приспособительной жизнедеятельности, как момент и фактор адаптации к окружающей среде. Принципиальное отличие способа существования человека от способа существования животных заключается в том, что человек, преобразуя окружающую природу в процессе труда, «создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы» [7, с. 622]. В этом процессе преобразования природы и осуществляется воспроизводство и развитие человеческой жизни.

«Труд,— писал Маркс,— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того, чтобы присвоить веществу природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти». И далее: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [8, с. 188—189].

Мы привели эту хорошо известную психологам цитату из «Капитала», потому что в ней четко сформулированы положения, раскрывающие основания специфически человеческой формы отражения, идеального отражения.

Новый (по сравнению с животными) способ обмена веществ, новый способ воспроизводства жизни естественно потребовал и новой формы отражения объективной действительности: такой формы, которая соответствовала бы преобразующей деятельности человека, обеспечивала организацию совместных действий людей и согласованную регуляцию их поведения. Именно в процессе труда сформировались и развились логическое мышление, творческое воображение, волевые акты, моральные чувства, самосознание и т. д. — все то, что характерно для человеческой психики и что принципиально отличает ее от психики животных.

Для идеалистически (и механистически) ориентированных направлений психологии задача выявить основание специфики идеаль-

ного отражения была неразрешимой. Марксизм впервые открыл путь для ее последовательно-научного решения. Многие теоретические трудности, возникающие в русле натуралистического подхода к человеку и его психике, преодолеваются, как только мы обращаемся к изучению его общественного бытия.

Как уже отмечалось, идеальное является не индивидуально-психологическим, а общественно-историческим фактом. Оно возникает и развивается в процессе предметно-преобразующей деятельности общества³⁷. Более того, самая необходимость в нем создается этим процессом. «Без идеального образа человек вообще не может осуществлять обмен веществ между собой и природой, а индивид не может выступать действительным посредником между вещами природы, поскольку эти вещи вовлечены в процесс общественного производства. Идеальное как таковое рождается только процессом предметно-практической деятельности общественного человека, изменяющего природу. Оно вообще только и существует в ходе этого процесса и до тех пор, пока этот процесс длится, продолжается, воспроизводится в расширенных масштабах» [190, с. 225]. Преобразующая деятельность общества потребовала особой формы отражения, обеспечивающего предвосхищение будущего ее результата, и эта форма возникла и развилась именно как идеальное отражение.

Однако, как показывают исследования Анохина [46] и его школы, в поведении животных также действует предвосхищающий механизм (акцептор результатов действия). В предыдущих параграфах отмечалось, что антиципация так или иначе обнаруживается на всех уровнях психического отражения. И если бы идеальное отражение исчерпывалось только этим моментом (предвосхищение результата), то его специфика была бы «растворена» в свойствах психического отражения вообще. Главное в идеальном определяется тем, что оно является общественно-историческим продуктом; в развитом обществе формируются и развиваются особые виды «духовной» деятельности (научной, художественной, идеологической и т. д.), специальным предметом которых является идеальное. Когда человек что-то «строит в своей голове», то он так или иначе пользуется теми приемами, способами и средствами работы с идеальными объектами (отражающими реальные объекты), которые сложились в ходе исторического развития человечества³⁸. Осознаваемые образы, которыми он оперирует, выступают в функции идеальной меры, овеществляемой впоследствии в предметно-практической деятельности. При этом далеко не всегда (более того, редко)

³⁷ Когда речь идет о преобразующей деятельности человека, то имеется в виду общество, общественная практика, а не действия отдельного индивида. Идеальное отражение становится достоянием индивида лишь постольку, поскольку он включен в жизнь общества.

³⁸ В формировании цели даже индивидуальной деятельности, так же как и в ее осуществлении, используется опыт человечества, общественная практика, отраженная в идеальном. Акцептор результата действия у животного есть момент его приспособительной жизнедеятельности. Цель деятельности человека связана с общественной практикой, преобразующей мир.

идеальный образ, созданный каким-либо конкретным индивидом, овеществляется им же самим. Он может овеществляться (обычно это и бывает) в деятельности других людей. Иначе говоря, идеальное отражение как бы получает самостоятельное существование: человек может «отделить от себя» идеальный образ, овеществить его (например, в чертеже) и действовать с ним, не трогая до поры до времени самый объект, отраженный в этом образе. Эта относительная самостоятельность идеального отражения, различных видов общественного сознания³⁹ имеет для понимания законов развития человеческой психики исключительное значение. Каждое новое поколение (и каждый принадлежащий ему индивид) застаёт не только сложившийся до него способ производства, но и определенную — сложившуюся также до него — систему общественных взглядов, идей, норм и т. д. Включаясь в жизнь общества, оно (и он) вместе с тем овладевает продуктами не только материального, но и духовного производства, материальной и духовной культурой общества.

Овладение идеальным планом жизни общества протекает, конечно, не как процесс непосредственного «духовного контакта». Идеальное становится доступным индивиду только потому, что оно овеществляется в чувственно-воспринимаемых формах. Решающая роль в этом принадлежит сложившемуся в общественно-трудовой деятельности людей языку. «На „духе“, — писали Маркс и Энгельс, — с самого начала лежит проклятие — быть „отягощенным“ материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка» [2, с. 29]. «Идеи не существуют оторванно от языка» [18, с. 99].

На основе языка и в связи с ним в истории человечества развились и другие способы овеществления идеального — знаковые системы.

Язык, как и другие знаковые системы, — это не просто замещение реальных вещей. За ними стоит общественная практика, откристиализованная в значениях.

Идеальное овеществляется не только в языке и знаковых системах. Оно материализуется вообще в любых продуктах человеческого труда: в созданных людьми предметах, в покоящихся свойствах которых зафиксирована сознательная деятельность. Именно как продукты труда они обладают «идеальной стороной», которая раскрывается в актах их осознанного восприятия, понимания, действия с ними и т. д. «История промышленности, — как отмечал Маркс, — и возникшее предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией» [14, с. 123]

³⁹ Исследуя один из видов общественного сознания — идеологию, Энгельс писал «Раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями как самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам» [17, с. 378].

С развитием общественного сознания, его дифференциацией общество создает специальные органы, институты, формирует традиции, обычаи и т. д., реализующие политические, правовые, нравственные, художественные взгляды, научные теории и другие идеальные процессы, а также выступающие в роли регуляторов поведения индивидов и общностей людей⁴⁰.

Законы развития сознания как общественного, так и индивидуального, не могут быть выявлены без изучения развития промышленности (в широком смысле слова), языка (знаковых систем вообще) и социальных институтов. Сознание как идеальная форма отражения бытия имеет реальный смысл только в обществе и для общества; результаты идеального отражения, возникая в процессе общественной жизни, диктуемые ее потребностями, рано или поздно в ней же и воплощаются, реализуются, овеществляются в продуктах человеческой деятельности⁴¹. Сознание существует только в обществе и в этом плане выступает как системное качество.

Будучи общественным по своей сути феноменом, сознание существует не над индивидами, и не между ними, и не помимо них, а в их головах⁴². Общественные идеи, взгляды, настроения и т. п. — это не нечто «витающее» над людьми, а формирующиеся в процессе развития общества идеи, взгляды, настроения конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях.

Здесь возникает принципиально важная проблема соотношения общественного и индивидуального сознания. К сожалению, она пока еще разрабатывается недостаточно, не исследовано соотношение между различными видами общественного сознания и обществен-

⁴⁰ В буржуазной психологии имеется тенденция психологизации социальных институтов. Так, у Фрейда общественные институты, цивилизация, культура рассматриваются как результат столкновения индивидуальных влечений человека, главными из которых являются инстинкты жизни и смерти. В «культурной школе» психоанализа (Э. Фромм, К. Хорни) подчеркивается значение культуры в возникновении нормальных и патологических психических явлений, но культура сама выводится из этих состояний, выступая как «инобытие того же психического» [529]. Той же позиции придерживаются психосоциологи. «Так как, — пишет, например, Аш, — единственные действующие силы в обществе — индивиды, то все явления групповой жизни, все учреждения, верования и обычаи .. обусловлены принципами индивидуальной психологии. Экономические институты есть выражение стремления индивидов к обладанию, семейные институты есть следствие стремления индивидуумов к удовлетворению половых потребностей, а политические институты есть проявление стремления индивидуумов к власти» (цит по: [29, с. 54]). В действительности не общественное есть следствие индивидуального, а наоборот, индивидуальное регулируется общественным, которое развивается по своим объективным законам

⁴¹ Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отмечал. «Мысль о превращении идеального в реальное *глубоко* — очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды» [24, с. 104].

⁴² В психологии имеются попытки трактовать индивидуальное сознание (и психику человека в целом) как экстрацеребральную функцию. Конечно, «вывести» сознание прямым образом из особенностей работы человеческого мозга невозможно. Но из этого не следует, что оно существует вне мозга. Сознание — это социально опосредствованное отражение действительности, осуществляемое человеческим мозгом,

ной психологией, так же как и соотношение между общественным, обыденным и индивидуальным сознанием. Между тем отсутствие четкого понимания всех этих соотношений затрудняет разработку строго научной психологической теории сознания.

Не вдаваясь в рассмотрение этой проблемы (она должна была бы составить предмет специального исследования), отметим только, что индивидуальное сознание, которое интересует психологию прежде всего, формируется и развивается в неразрывной связи с сознанием общественным.

Нужно отметить, что в психологии, исследуя процесс развития сознания индивида (и его психики в целом), иногда ограничиваются рассмотрением этого процесса лишь в связи с узко понимаемой (часто — только как предметно-практической) деятельностью индивида. Вопрос же о роли общественного сознания при этом остается в тени. Однако жизнь показывает, что общественное сознание является мощным фактором онтогенетического развития психики. Различные виды (формы) общественного сознания так или иначе включаются в систему детерминации психического развития индивида, существенно влияя на формирование его мировоззрения, социальных установок, субъективно-личностных отношений, его сознания в целом, регулируя поведение индивида в обществе. Развитое общество создает специальные органы, основной задачей которых является целенаправленное формирование сознания индивидов как сознания общественного. Это — прежде всего система образования, литература, искусство, идеологические организации и т. д. В современных условиях все большее значение для решения этой задачи приобретают средства массовой информации. К сожалению, с точки зрения их роли в психическом развитии человека эти средства исследуются недостаточно. Нам представляется, что сейчас назрела настоятельная необходимость разработки и реализации такой программы психологических исследований, которая позволила бы выявить реальное значение всей системы средств и способов общественного воздействия на индивидов в формировании и развитии их сознания (и психики в целом). Без таких исследований невозможно понять, как индивид овладевает идеальной формой отражения, каким образом формируется и развивается его духовная жизнь.

Подчеркивая роль общественного сознания в психическом развитии индивида, необходимо при этом иметь в виду, что она может быть раскрыта только в контексте изучения его жизнедеятельности, индивидуального бытия в целом. Индивид овладевает идеальной формой отражения в процессе реального включения в жизнь общества; как человек, он не может существовать вне этой жизни, вне системы общественных отношений.

Проблема индивидуального уровня общественного бытия человека продуктивно исследуется Абульхановой-Славской, которая показала, что сознание порождается и формируется как «психологический механизм» включения индивидуального бытия в жизнь общества и вместе с тем общественного бытия в жизнь индивида. Развитие индивида как члена общества необходимым образом предполагает и развитие его сознания, т. е. идеальной формы отражения бытия. Не овладев этой формой, он не может развиваться как человек, как член общества, как личность [27]

Конкретно-научное изучение путей и способов развития индивида в обществе является одной из наиболее трудных задач. В психологии намечены разные подходы к ее решению. Каждый из них

«схватывает» какой-либо важный момент, но до сих пор еще не создана теория, которая раскрывала бы этот процесс системно.

Довольно широкое распространение получил подход, утверждающий в качестве основных способов (или механизмов) социального развития индивида подражание, заражение, внушение и убеждение. В отечественной психологии первыми, кто начал исследовать эти способы, были Бехтерев [80], Плеханов [372] и др.

Как известно, идея о том, что в усвоении индивидом общественного опыта важная роль принадлежит подражанию, высказывалась еще в античной философии. Позднее к ней возвращались в философии (особенно материалистической) многократно. Пожалуй, наиболее развитый вид она получила в работах Г. Тарда, который абсолютизировал эту идею, придал подражанию значение универсального механизма общественной жизни. Восприняв эту идею, Бехтерев вместе с тем расширил представление об «орудиях общественности», к которым наряду с подражанием он относит также взаимную индукцию, внушение и убеждение (По Бехтереву, убеждение является процессом, приводящим к усвоению [80]). Кстати, он предпринял и очень интересные попытки исследовать эти «орудия» экспериментально. Однако Бехтерев (вслед за Тардом) понимал перечисленные механизмы как натуральные. С критикой их натуралистического толкования по работам Тарда выступил Плеханов. Считая, что подражание действительно является некоторым общим механизмом психического развития, он подчеркивал, что действие этого механизма (как и других) определяется конкретными историческими условиями жизни общества. Чему и как будет подражать тот или иной индивид, зависит от его положения в системе общественных отношений. Плеханов утверждал также, что наряду с подражанием существует и другой, противоположный ему механизм: противоречие (или контрподражание), названный им «соотносительным изменением». Представляется, что идея Плеханова о диалектически связанных противоположных механизмах в детерминации психического развития имеет для психологии существенное значение. Есть основания (в том числе результаты эмпирических исследований) полагать, что в детерминации психического развития участвуют своего рода пары диалектически связанных механизмов: подражание и контрподражание, суггестия (внушение) и контрсуггестия, заражение и противоположный ему механизм. Конкретное сочетание разных механизмов определяется общественными условиями жизни индивида.

Подражание, внушение, убеждение — это, конечно, действительно существующие способы социальной детерминации психического развития индивида и усвоения им социального опыта (в широком смысле этого слова). Но психология не может ограничиться только их констатацией. Ее задача состоит в том, чтобы раскрыть самый процесс реализации этих способов, сферу и условия действия каждого из них, те законы, которым подчиняется их развитие и их реальные функции в формировании индивидуального сознания (и психики в целом).

Другой подход к анализу механизмов формирования индивидуального сознания был предложен Л. С. Выготским в его концепции высших психических функций. Опираясь на работы французской социологической школы, школы «психологии образа действия» и школы Пиаже, критически переосмыслив накопленные ими данные, Выготский выдвинул тезис, согласно которому «все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка» [129, с. 198].

В этой связи, анализируя развитие ребенка, он формулирует общий генетический закон культурного развития индивида (ребенка): «Всякая функция в культурном

развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» (Там же, с. 197—198)

Положение об определяющей роли общественных отношений в развитии индивидуального сознания (а высшие психические функции относятся к сознанию) бесспорно является принципиально важным для марксистской психологии. К сожалению, Выготский уделит главное внимание только тем отношениям, которые складываются между взрослым и ребенком. Хотя Выготский и делает экскурсы в историческую психологию, он ограничивается лишь замечаниями об отдельных формах проявления этой системы (главным образом отношений регулирования — исполнения).

Конкретизируя общее положение об определяющей роли общественных отношений в психологическом плане, Выготский утверждает, что основным механизмом, реализующим эту роль в психическом развитии индивида, является их превращение в психические функции, т. е. интериоризация. Именно в этой связи вводятся понятия интерпсихических и интрапсихических функций. К сожалению, эти понятия не были строго раскрыты.

Когда в концепции Выготского речь идет об общественных отношениях, то остается неясным, какие общественные отношения имеются в виду, а следовательно, и в какой мере общим является выдвинутый тезис о превращении их в психические функции. Недостаточно раскрыта также суть превращения отношений в психические функции, т. е. интериоризации. Наконец, вызывает сомнение общий, с точки зрения Выготского, генетический закон двукратного появления психической функции. Все это требует дальнейших исследований.

Наиболее продуктивным в советской психологии оказался тот подход к изучению общественной детерминации индивидуального сознания, который в качестве основной положил категорию деятельности. Согласно этому подходу сознание формируется, развивается и проявляется в социальной по своему существу деятельности. Был сформулирован принцип единства сознания и деятельности, который в течение многих лет направлял (и продолжает направлять) как теоретические, так экспериментальные и прикладные исследования. Разными исследователями этот принцип раскрывается по-разному⁴³. Но общая позиция состоит в утверждении: индивид овладевает тем, что создано обществом, через деятельность и в процессе деятельности.

Проблема деятельности будет специально рассмотрена в следующей главе. Сейчас лишь отметим, что, подобно любому другому научному принципу, принцип единства сознания и деятельности раскрывает лишь определенную сторону общественной детерминации психического развития индивида. В этой связи возникает задача определения сферы, границ и условий действия этого принципа, а также его соотношений с другими принципами, сложившимися в марксистской психологии.

Каждый из перечисленных подходов к проблеме социальной детерминации индивидуального сознания (а они перечислены далеко не все) позволяет раскрыть разные ее измерения и разные уровни. Дальнейшая разработка этой проблемы требует синтеза всего того ценного, что содержится в разных подходах, и создания на этой

⁴³ Иногда, например, сознание трактуется не как отражение бытия, а только как отражение деятельности

основе системной теории, которая смогла бы раскрыть законы формирования и развития индивидуального сознания как идеальной (социально опосредствованной) формы отражения бытия.

В предыдущей главе было высказано положение о трех основных функциях психики: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Эти функции в том или ином виде проявляются на всех ступенях психического развития, но с возникновением и развитием сознания (имеется в виду прежде всего индивидуальное сознание) они приобретают новые качественные особенности.

Когнитивная функция только на уровне сознания выступает как познание в полном смысле этого слова, т. е. как активное целенаправленное приобретение знаний. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, — писал Маркс, — это знание» [14, с. 165].

При этом прежде всего имеются в виду знания как идеальные результаты отражения, созданные в процессе общественно-исторической практики и «отлитые в форму» научных, идеологических, этических и других идей, принципов, норм и т. д. Овладевая ими, индивид вместе с тем усваивает и сложившиеся виды общественного сознания.

Знания фиксируются и передаются от человека к человеку в основном при помощи языка, хотя используются и другие средства. В связи с особой ролью языка (и других знаковых систем) в развитии сознания в некоторых направлениях психологии утверждается, что знаковость является основной особенностью сознания, сознание трактуется как произвольно построенная индивидом знаковая (условная) картина мира. Между тем сознание, конечно, является отражением бытия. Язык — лишь материальный носитель знания, форма его существования. При помощи языка человек (индивид) овладевает теми смыслами и значениями, идеями и образами, нормами и принципами, которые в нем зафиксированы и которые составляют содержание сознания.

Иногда сознание рассматривается как интеллектуализированная психика; в этой связи оно отождествляется с мышлением; ощущения, восприятие, чувства рассматриваются как досознательные уровни психического отражения или даже как не психические, а как физиологические явления. Конечно, в системе психических процессов, протекающих на уровне сознания, мышлению принадлежит важнейшая, быть может, ведущая роль. Но ограничивать когнитивную функцию сознания только мышлением было бы неверно. Она реализуется также в процессах чувственного познания: ощущения, восприятия, представления, которые составляют, говоря словами Леонтьева, «чувственную ткань сознания»⁴⁴. На уровне сознания эти процессы приобретают такие характеристики, как категориальность и осмысленность.

⁴⁴ Термин «чувственная ткань сознания» недостаточно строг. Но он указывает на то, что в анализе сознания невозможно ограничиться только смыслами и значениями, а необходимо также рассмотреть исходную основу отражения.

Передача знаний от общества к индивиду, конечно, не представляет собой простого их «перекачивания в его голову». Овладевая знаниями, индивид вместе с тем усваивает и общественно-выработанные способы действия с ними, т. е. познавательные действия. Когнитивная функция психики на уровне сознания может выступать как особая относительно самостоятельная целенаправленная деятельность. В процессе познавательной деятельности индивид не только овладевает имеющимися знаниями, но и получает возможность создавать новые знания.

Основная характеристика **регулятивной функции** на уровне сознания — ее произвольность. Поведение индивида реализуется как проявление его воли.

Проблема воли и произвольной регуляции была поставлена в психологии как важнейшая еще на первых этапах ее развития. Сеченову принадлежит одна из первых попыток объяснить механизм произвольных движений с позиций рефлекторной теории. Позднее идеи Сеченова получили развитие в работах Бехтерева (в плане исследования проприоцепции как важнейшего компонента механизма регуляции движений), Павлова (в связи с изучением второй сигнальной системы), Корнилова (в связи с изучением психических реакций).

Пожалуй, наиболее обстоятельно в психологическом плане проблема произвольных движений исследована Запорожцем [172]. В последние десятилетия появилось много теоретических схем, раскрывающих механизм произвольных движений (см., например: Анохин [49], Бойко [95], Бернштейн [76], Крейк [564] и др.). Не рассматривая их специально, отметим только, что в большинстве из них в качестве важнейших звеньев этого механизма указываются заранее представляемый результат движения и сигналы обратной связи; при этом подчеркивается, что движение только тогда становится произвольным, когда сигналы обратной связи (так же как и условия, в которых совершается движение) осознаются. Осознание теснейшим образом связано со словом, с речью и формируется в общении индивида с другими людьми⁴⁵.

Произвольная регуляция относится не только к моторным компонентам поведения — к движениям. При определенных условиях индивид получает возможность целенаправленно регулировать и самые психические процессы (перцептивные, мнемические и иные). Это показано многими исследованиями, особенно в школе культурно-исторического развития. Согласно позиции этой школы непосредственные, натуральные процессы (перцептивные, мнемические, мыслительные) превращаются в высшие произвольно регулируемые благодаря включению в поведение специальных социально созданных стимулов (орудий, средств); в результате в мозгу человека происходит объединение простых элементов (типа условных реф-

⁴⁵ Это не значит, конечно, что слово — единственная форма осознания. Наблюдения и эксперименты показывают, что осознание может осуществляться также в форме наглядных образов, представлений, мысленных **схем и т. п.**

лексов) в новую «единицу». Знаковые системы, в том числе и язык, по Выготскому, и являются теми «стимулами-средствами», «орудиями», при помощи которых человек овладевает своим поведением и своими психическими процессами⁴⁶. Именно благодаря им создается возможность саморегуляции. Основным условием овладения своим поведением является общение индивида с другими людьми.

Концепция, предложенная Выготским, выявляет некоторые действительно существенные моменты психического развития индивида. Однако деление психических процессов на «высшие» и «низшие» вызывает сомнение. Вряд ли психические процессы у человека имеют два «этажа»: натуральный (биологический) и социально-формируемый. Скорее факты, приводимые Выготским, говорят о разных уровнях регуляции и соответственно о разных способах организации одних и тех же процессов. Было бы очень большим упрощением представлять себе дело так, что психические процессы у взрослого человека всегда и везде опосредствуются специальными стимулами-средствами, т. е. протекают как «высшие». Человек может, например, запоминать что-либо не только опосредствованно (пользуясь мнемическими средствами), но и непосредственно, не только произвольно, но и непроизвольно (см.: Зинченко [184], Смирнов [444]). Конечно, мнемический процесс протекает в том и в другом случае по-разному. Однако это не значит, что в одном случае имеет место социально-формируемый, а в другом — натуральный процесс. В обоих случаях мнемический процесс подчиняется определенным общим законам, но его регуляция, способы организации различны⁴⁷.

Знаковые системы формировались в историческом процессе не только как средства фиксации накапливаемых знаний, но и (и, пожалуй, в первую очередь) как средства регуляции поведения людей и организаций их совместной деятельности. Овладение ими (прежде всего — языком) является важнейшим условием формирования механизма произвольной регуляции психических процессов. Но дело, конечно, не просто в том, что знак сам по себе используется в качестве вспомогательного стимула-средства.

При помощи знаковых систем индивид овладевает общественным опытом, человеческой культурой (которая, конечно, не сводится к знакам). Знак может стать средством саморегуляции лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку индивид овладевает его значением. Чтобы раскрыть «орудийную функцию» знака в произвольной регуляции движений и психических явлений, нужно исследовать процесс усвоения индивидом достижений культуры во всей его полноте⁴⁸. Овладение знаковыми системами — лишь момент (важ-

⁴⁶ См. также: К. Бюлер [557].

⁴⁷ Отметим, что в современных теориях человеческой памяти механизмы регуляции мнемических процессов рассматриваются как их необходимая «составляющая» (см., например: [61]).

⁴⁸ В этом процессе индивид, в частности, овладевает и исторически выработанными способами саморегуляции

ный, но не единственный) этого процесса. Это становится очевидным при переходе от изучения отдельных психических процессов и двигательных актов к изучению поведения индивида. В качестве регуляторов здесь выступают осваиваемые им нормы, правила, принципы общественной жизни. Формирование на их основе «внутренних механизмов» поведения и определенных свойств личности предполагает практическое участие индивида в социальных процессах, овладение не только «знаковыми», но и материальными орудиями и средствами деятельности, освоение не только духовной, но и материальной культуры.

Необходимость произвольной регуляции собственного поведения обусловлена социальным бытием индивида. Включаясь в общественные отношения, он должен регулировать свое поведение, иначе его жизнь в обществе будет невозможной (или весьма затрудненной). Уровень развития саморегуляции в конечном счете определяется общественно организованным образом жизни индивида.

Коммуникативная функция психики получает на уровне сознания свое наиболее полное развитие. Более того, сознание без этой функции вообще не могло бы существовать как идеальная форма отражения бытия. Именно идеальное отражение создает возможность качественно своеобразных форм человеческого общения и вместе с тем в процессе общения развивается само идеальное отражение.

Коммуникативная функция сознания формируется и развивается в процессе общения между людьми, которое является необходимой «составляющей» жизни общества.

Разрабатывая теорию трудового генезиса человека и общества. Маркс и Энгельс подчеркивали, что в процессе труда люди необходимым образом вступают в общение друг с другом. «...Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена [7, с. 489]. Общественная сущность человека раскрывается в материальном и духовном, непосредственном и опосредствованном, прямом и косвенном общении, в которое, как отмечал Маркс, «вплетено» производство сознания. Оно и возникает, подобно языку, из «потребности, из настоятельной необходимости общения» [2, с. 24].

Идеи марксизма о роли общения в развитии человека и общества имеют для психологии принципиальное значение. Однако, к сожалению, проблема общения исследуется в психологии явно недостаточно (специально проблема общения будет рассмотрена в пятой главе), а поэтому слабо изучается также и коммуникативная функция сознания, вообще психики.

Пока лишь в очень общем виде можно сказать, что именно эта функция обеспечивает обмен идеями, замыслами, деятельностями и т. д. Благодаря ей в опыт индивида включается (конечно, трансформируясь) опыт других людей, происходит как бы воспроизводство, отражение свойств одного человека в другом.

Коммуникативная функция реализуется в процессах не только обмена знаниями, но также и взаимной регуляции поведения людей. Именно в общении формируется идеальный план деятельности (и поведения в целом) как индивидуальной, так и совместной. Общение существенно повышает «мощность» и адекватность опережающего отражения.

Благодаря коммуникативной функции сознания индивид как бы освобождается от необходимости повторять в своем развитии тот путь, который прошло общество.

Конечно, общение не есть некоторый самостоятельный духовный процесс, независимый от жизни общества. Наоборот, оно необходимым образом детерминируется общественным развитием, прежде всего материальными условиями жизни общества (а значит, и отдельных индивидов). Этим определяется в конечном счете и развитие коммуникативной функции сознания.

Коммуникативная функция реализуется разными способами. Ведущим среди них является речь, в которой в качестве основного средства используется исторически развивающийся язык.

В психологических исследованиях речи (и языка) большое внимание уделяется ее роли в процессах познания, в регуляции движений и действий; изучаются нейрофизиологические механизмы речи. Однако речевое общение как обмен знаниями, идеями и т. п. остается в стороне. Между тем без исследований процессов общения механизмы и законы развития речи вряд ли могут быть раскрыты.

Даже такой миллионы раз повторяющийся в повседневной жизни факт, как «передача» при помощи речи образа от одного человека к другому, до сих пор остается «таинственным». Самый факт, казалось бы, прост: в процессе восприятия в голове одного человека формируется некоторый образ, он кодируется в речевом сообщении; это сообщение принимается другим человеком, в голове этого другого человека принятое сообщение как-то декодируется и воспроизводится «чужой» образ. Но как это происходит? Какие механизмы здесь действуют? В чем состоит кодирование и декодирование? Какие трансформации здесь осуществляются? От чего зависит точность воспроизведения? На все эти вопросы пока еще строго научных ответов нет.

Индивид усваивает опыт других людей, конечно, не только в речевом общении (хотя оно и является основным). Процесс реального взаимодействия людей развивается как сложнейшая система, включающая совместную деятельность, подражание, научение по наблюдению⁴⁹ и многое другое.

Общение является также важнейшим условием развития самосознания. В его исследовании советская психология исходит из положения, сформулированного Марксом: «...Человек сначала смот-

⁴⁹ У нас научение по наблюдению впервые экспериментально начал исследовать Н. А. Рыков [427]. В зарубежной психологии подобные исследования образовали специальное направление (Бандура [550]).

рится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [8, с. 62]

Психологический аспект проблемы самосознания обстоятельно рассмотрен И. И. Чесыковой [513]. На основе обобщения многих исследований, она показала, что развитие самосознания проходит те же стадии, которые проходит и познание человеком объективного мира, — от элементарных самоощущений к самовосприятиям, самопредставлениям, мнениям и понятиям о себе.

Самосознание не является некоторым самостоятельным процессом, существующим наряду или параллельно с сознанием. Можно сказать, что одна из важнейших характеристик (свойств) сознания — рефлексивность. Самая возможность ее возникновения у индивида складывается в процессе познания окружающего мира (особенно общества), овладения исторически-сложившимися деятельностями и способами общения с другими людьми, а соответственно и идеальной формой отражения. Рефлексивность сознания возникает только на уровне идеальной формы отражения действительности.

Рассматривая проблему сознания, мы говорили о нем как об особом уровне отражения. Однако не следует представлять дело так, что сознание — это некоторый добавочный этаж, надстраивающийся над сенсорно-перцептивным, «представленческим» и словесно-логическим уровнями психического отражения⁵⁰. «Сознание — это не нечто над ощущением и мышлением стоящее, а через них осуществляемое, осмысленное отражение внешнего мира» [529, с. 249]. Оно характеризует качество различных уровней психического отражения, их идеальную форму, усваиваемую индивидом в процессе его развития в обществе.

Будучи отражением бытия, сознание (и общественное и индивидуальное) не является его прямым «сколком». Нельзя представлять себе дело так, что в каждый текущий момент сознание точно ему и соответствует. Это — не тень, прямым образом, однозначно повторяющая бытие. Сознание «совпадает» с бытием лишь в глобальном масштабе.

В процессе развития индивида формируется внутренняя связность его сознания, своеобразная, «собственная логика»⁵¹. Идеальная форма отражения дает субъекту относительную независимость от непосредственного момента. Его поведение в каждый данный момент

определяется не только этим моментом, но также предшествующей историей и представлениями о будущем, замыслами, целями, помыслами, воспоминаниями, представлениями о принципах поведения, мировоззрением и т. д. Все это в целом образует то, что принято называть «внутренним миром» личности. Нужно отметить, что понятие «внутренний мир» иногда считается якобы несовместимым с понятием отражения. Однако в действительности он выступает именно как отражение, но сложно организованное, «накопленное» в течение жизни, включающее многие уровни глубины и полноты осознаваемого и неосознаваемого, эмпирических и теоретических обобщений и т. д. Именно внутренний мир характеризует уникальность каждой личности, ее своеобразие. Это своеобразие проявляется в более простых феноменах отражения лишь в той мере, в которой они связаны с внутренним миром личности.

Все основные характеристики индивидуального сознания: активность, идеальная форма отражения, рефлексивность и внутренняя связность — формируются и развиваются в процессе жизни индивида в обществе. Раскрыть объективные законы, которым подчиняется индивидуальное сознание (и внутренний мир личности) можно только на пути изучения развития индивида в обществе, как действительного субъекта деятельности, общения и познания.

³⁰ Любой психический процесс может протекать и в неосознаваемой **форме**. В этой связи возникает одна из сложнейших проблем психологии — проблема соотношения сознательного и бессознательного (подсознательного, неосознаваемого) в психике человека. Эта проблема обычно связывается с именем Фрейда, позиции которого многократно и справедливо критиковались и критикуются в работах как советских, так и зарубежных психологов. Но эта критика, конечно, не снимает самой проблемы. Нужно отметить, что Фрейд и его последователи собрали огромный и чрезвычайно интересный эмпирический материал, который еще должен получить объяснение.

⁵¹ В изучении сознания, пожалуй, как нигде, нужно иметь в виду системный характер детерминации психического.

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

В предыдущей главе психическое рассматривалось как отражение, т. е. в отношении к родовой для него категории. Исследуя его специфику (отличающую психическое от всех других видов отражения), а в этой связи его реальное место в системе явлений материального мира, мы были вынуждены постоянно обращаться к категориям, характеризующим бытие человека. Важнейшей среди них является категория деятельности.

Она относится к специфической форме активности, свойственной человеку и обществу. Бытие человека раскрывается этой категорией как активность, преобразующая действительность.

В наиболее абстрактном и общем определении категория деятельности раскрывает отношение «субъект—объект». В широком смысле речь идет о человеке (и обществе) как субъекте деятельности и о природе как ее объекте. Именно в процессе деятельности осуществляется субъективное отражение объекта (предмета деятельности), а вместе с тем превращение этого объекта в ее продукт соответственно субъективной цели.

«Взятая с этой стороны,— пишет Леонтьев,— деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами: „субъект—объект“» [269, с. 81]. То, что деятельность раскрывается через анализ отношений «субъект—объект» и их взаимопереходов, верно. Но это — очень общий подход. Конкретизируя его применительно к проблемам психологии, нужно прежде всего определить, о каком субъекте идет речь: имеется в виду общество, какая-либо общность людей или индивид. То же относится и к объекту.

Отношение «субъект—объект» не является, конечно, неизменным. Оно развивается с развитием общества. Поэтому и исследоваться оно должно в контексте исторического развития общества, что является важнейшим условием эффективного использования категории деятельности в психологии (как, впрочем, и в других науках).

Общепризнанно, что применение марксистского учения о деятельности к анализу психики человека сыграло в становлении советской психологии важнейшую роль. Общеизвестно также, что формирование марксистской психологии протекало в условиях острой борьбы с парадигмами (как модно стало сейчас говорить) бихевиоризма, пытающегося свести все богатство человеческой жизни к

элементарной схеме «стимул—реакция»; фрейдизма, утверждающего в качестве основы всех форм поведения человека обусловленные инстинктами (главным образом секса и агрессии) неосознаваемые процессы, рассматривающего жизнь человека как непрерывную борьбу с обществом, которое подавляет и контролирует его инстинкты; когнитивизма, изучающего психические процессы безотносительно к реальной жизни человека в их внутренней, взятой сама по себе логике.

В марксистской психологии сформировался подход, согласно которому объективное изучение психики человека требует анализа его реальной деятельности. Только на этом пути можно понять качественное отличие человеческой психики от психики животных, раскрыть сущность сознания, изучить действительные взаимоотношения сознательного и бессознательного, выявить объективные закономерности, управляющие развитием психических процессов, свойств и состояний.

Применение принципа единства сознания и деятельности к изучению психических процессов, свойств и состояний позволило дать объяснение многим явлениям, которые прежде казались непонятными, получить ряд новых научных фактов, выявить некоторые важные закономерности психического развития человека. В свете этого принципа разрабатываются понятийный аппарат психологии и методы конкретно-научных исследований.

Исследование психических явлений в контексте реальной деятельности человека составляет важнейшее условие дальнейшего поступательного развития марксистской психологии. Однако было бы очень наивно думать, что просто «приклеивание» термина «деятельность» к изучаемым психическим явлениям или просто манипулирование этим термином при их объяснении продвигает психологию вперед. Напротив, использование категории «деятельность», обладающей большей объяснительной силой, без понимания ее сути ничего иного, кроме путаницы и схоластики, дать не может.

Между тем сейчас иногда этой категорией в психологических исследованиях пользуются столь широко, вкладывают в нее столь различное содержание, что возникает опасность ее размывания, «размазывания» и в конце концов отхода от завоеванных позиций.

Говорится и пишется о «деятельности человека» и «деятельности животных», «деятельности внешней» и «деятельности внутренней», «деятельности сенсорных систем», «деятельности нервной системы», «деятельности сознания», «деятельности перцептивной», «деятельности мнемической» и т. д. и т. п.; даже способности объявляются «деятельностями»¹. Если попробовать классифицировать те виды деятельности, о которых пишут в психологии, то обнаружится картина, исключительная по пестроту, несогласованности и противоречиям.

¹ Нечеткость и неоднозначность в толковании основных понятий, относящихся к деятельности, показаны в статье Г. В. Суходольского [465]

Понятие «деятельность» начинает поглощать все другие понятия, относящиеся к психике не только человека, но и животных. Беда, конечно, не в том, что один и тот же термин применяется к разным «вещам» (хотя бы и следовало разграничить эти разные вещи терминологически). Гораздо хуже то, что, опираясь на многозначность этого термина, его используют как основание концепций, в которых содержание понятия «деятельность», определенное для одного круга явлений, переносят (иногда без всяких изменений, иногда слегка трансформировав его) на другой, качественно иной круг явлений.

§ 1. Деятельность — общественно-историческая категория

Не рассматривая всех используемых (и возможных) значений слова «деятельность», отметим, что в самом широком значении оно относится к любым активным системам. В этом значении оно эквивалентно термину «активность» и безусловно может применяться при описании и анализе очень широкого класса явлений, в том числе и психических. Однако каждый раз это должно быть точно оговорено. Иногда думают, что использование термина «деятельность» при анализе психических явлений само по себе предохраняет психологию от редукционизма в разработке ее проблем. Отметим, что термин «activity», «action» («деятельность», «действие» в широком значении) нетрудно найти в работах и бихевиористского, и фрейдистского, и когнитивистского толка. Как известно, в идеалистически ориентированных концепциях психологии «деятельность», понимаемая как проявление активности, имманентно присущей сознанию, является основной категорией. Механистические, физикалистские, биологизаторские и прочие концепции также не избегают термина «деятельность».

Если речь идет только о том, чтобы подчеркнуть активность субъекта психики (в противоположность пассивности, которую вряд ли кто-нибудь сейчас отстаивает), то нужно признать, что включение термина «деятельность» в психологические концепции дает не слишком уж много. Однако дело-то ведь не в этом — не просто в подчеркивании активного характера тех явлений, которые изучаются психологией. Действительный смысл перестройки советской психологии на основе марксизма состоит в том, что она использует для анализа и объяснения психических явлений учение о деятельности как общественно-исторической категории (или, точнее, того класса реальностей, которые отражаются в этой категории).

Марксистское учение о деятельности сложилось в процессе формирования материалистического подхода к объяснению жизни общества, к пониманию объективных законов его развития. Деятельность — это категория исторического материализма. В этом ее значении категория деятельности и была первоначально использована в советской психологии (Ананьев, Леонтьев, Рубинштейн, Смирнов, Теплов и др.). Однако позднее в некоторых направлениях исследо-

ваний понятие «деятельность» стало отождествляться с понятием «активность», а принцип единства сознания и деятельности был заменен принципом их тождества.

Если рассматривать деятельность как общественно-историческую категорию, то необходимо сказать (и подчеркнуть), что она изучается многими общественными, а частично естественными и техническими науками: философией, социологией, историей, экономикой, наукой управления, физиологией человека, системотехникой и др. Поэтому вряд ли у психологии есть основание претендовать на монополию в отношении этой категории. Хотя психология в значительной мере стимулировала разработку этой категории в других науках, тем не менее она является лишь одной из фундаментальных областей научного знания, изучающих деятельность. Собственное продвижение психологии в изучении деятельности неизбежно и существенно зависит от успехов, достигаемых другими науками. Общие подходы, схемы и концепции, разработанные в психологии для описания и изучения деятельности, должны быть соотнесены с теми, которые сложились в других пограничных с ней науках. Это соотнесение необходимо прежде всего для того, чтобы выявить тот специфический аспект (или сторону, или систему характеристик) в изучении деятельности, который составляет предмет именно психологического исследования. Понятно, что такая задача весьма трудна, особенно если иметь в виду сказанное выше о многозначности самого термина «деятельность». Ее решение, конечно, требует специального теоретического исследования. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми общими соображениями о подходе к решению этой задачи.

Когда речь идет о психологическом изучении деятельности, то обычно имеется в виду деятельность индивида, или индивидуальная деятельность. Во всяком случае большинство теоретических концепций и схем, а также эмпирических (включая экспериментальные) описаний относятся именно к этому объекту исследования. Лишь в последние годы под влиянием прежде всего запросов практики объектом психологического исследования становится также совместная групповая (в том числе коллективная) деятельность.

К сожалению, в психологических исследованиях индивидуальной деятельности нередко пытаются наложить на нее прямым образом ту систему теоретических положений, которая разработана марксизмом применительно к деятельности совокупного человека и общества. При этом неизбежно происходит подмена психологических аспектов анализа деятельности философскими, социологическими, экономическими и т. д., и наоборот. В результате иногда возникают странные концепции, трактующие, например, рабочее движение рук, включенное в трудовой акт, выполняемый индивидом, как «практику», а возникающие при выполнении этого движения сигналы обратной связи (например, кинестетические) как «проверку практикой»; в элементарных действиях пытаются усмотреть аналогию с производством и т. д. Однако прямое наложение теории деятельности, разработанной применительно к совокупному

человеку и обществу, на деятельность индивида, хотя бы здесь и обнаруживались некоторые аналогии, неправомерно. Когда речь идет о практике, то имеется в виду деятельность общества, прежде всего производство, а не деятельность отдельно взятого индивида, даже если он и участвует в производственном процессе непосредственно.

В результате неправомерного отождествления деятельности индивида и деятельности общества в психологическом анализе совершенно упускается из виду взаимодействие индивида с другими людьми. Нередко он рассматривается как стоящий один на один с предметом деятельности. Индивидуальная деятельность иногда трактуется как замкнутая система, обладающая самодвижением, которое порождает перцептивные, мнемические и иные процессы, формирует сознание индивида и его личность. Жизнь индивида описывается в виде непрерывной смены деятельностей, подчиняющейся своей внутренней логике и не зависящей от деятельностей других людей. Общество рассматривается лишь как некоторая среда, в которой живет индивид, и не более. И в этой социальной среде каждый человек (индивид) как бы «прорывает свой собственный туннель».

Между тем в действительности любая индивидуальная деятельность неразрывно связана с деятельностью общества, любой индивид — с другими людьми. Она представляет собой лишь момент, составную часть деятельности общества. Вне общественных связей и отношений индивидуальная деятельность просто не может существовать. Даже Робинзон, оказавшись на необитаемом острове, организовал свою жизнь в соответствии с теми нормами, правилами, принципами, которые сформировались у него в процессе жизни в обществе. Находясь один на один с природой, он как бы утверждал общественную сущность человека.

Поскольку индивидуальная деятельность есть лишь составная часть деятельности общества, ясно, что и анализ ее должен начинаться не с абстрактно взятого отношения «субъект—объект», а с изучения функций этой индивидуальной деятельности в системе общественной жизни, в системе взаимодействий данного индивида с другими людьми, в том социальном контексте, в который эта деятельность включена.

Психологическое исследование индивидуальной деятельности только тогда может быть наиболее эффективным (в плане разработки теории и решения практических задач), когда рассматривает эту деятельность в реальном социальном контексте². Без такого анализа ее структура и механизмы (центральные вопросы для психологической теории деятельности) вряд ли могут быть раскрыты.

² Это, конечно, не означает, что вообще никогда нельзя абстрагироваться от социального контекста. Такая абстракция возможна, но лишь для решения специальных вопросов. При разработке же общей психологической теории деятельности она может привести к искажению действительного положения вещей.

В самом деле, все существующие общие психологические концепции деятельности утверждают, что ее основными «образующими» являются мотивы и цели (как бы ни рассматривались взаимоотношения между ними). Но откуда берутся мотивы и цели? Каков механизм их формирования? На эти вопросы трудно ответить, если исследовать индивидуальную деятельность только в плане отношения «субъект—объект». Часто мотив какой-либо деятельности индивида пытаются вывести из его предшествующей деятельности. (Возможно, такой вариант и существует, но лишь как частный, специфический случай некоторой более общей закономерности.) Иногда в очень глобальной форме говорят о социальных влияниях на формирование мотивов и целей. Однако нередко этот вопрос обходят, просто постулируя, что деятельность направляется мотивами и является целенаправленной.

Подход к решению этих коренных для психологической теории вопросов возможен лишь на пути исследования индивидуальной деятельности в социальном контексте. Но что значит «социальный контекст индивидуальной деятельности», когда речь идет о конкретно-психологическом исследовании? Можно подойти к его рассмотрению с разных точек зрения. Иногда говорят о том, что, анализируя индивидуальную деятельность, нужно исследовать ту среду, в которой она протекает; при этом в понятие «среда» включается не только физическое окружение, но и социальные условия. Однако подход к анализу социального контекста в плане отношений «индивид—среда» (пусть среда называется социальной) слишком глобальный: социальная среда выступает как нечто весьма аморфное.

Требование рассматривать индивидуальную деятельность в социальном контексте можно реализовать, например, определяя ее место в производственном процессе (если речь идет о производственной деятельности), а соответственно и ее связи с деятельностью других людей. Можно изучать ее в плане отношения к сложившимся системам норм (и нормативов) или в плане зависимости от технологии, которая определяется, как известно, уровнем технического и экономического развития общества. Можно рассмотреть ее и в плане межличностных отношений, психологического климата и т. д. и т. д.

Любой из перечисленных и других возможных аспектов раскрывает ту или *иную* сторону социального контекста. Вместе с тем многоаспектность означает, что этот контекст характеризуется многокачественностью, многообразием проявлений и имеет системное строение. Но что же является общим основанием всех возможных частичных описаний? Что же в конце концов должно быть вскрыто при изучении роли и места данной индивидуальной деятельности в производственном процессе, организующей роли норм (и нормативов), межличностных отношений и всех других частичных описаний социального контекста?

С нашей точки зрения, главное здесь — это изучение индивидуальной деятельности в системе общественных отношений, складывающихся в данном обществе на данной ступени его исторического

развития. Что, как и почему будет делать Данный конкретный индивид, определяется в конце концов системой развивающихся общественных отношений, в которые он включен.

Конечно, проблема общественных отношений выходит за пределы психологии, но в исследованиях (в частности, индивидуальной, а тем более совместной деятельности) она опирается на марксистскую теорию общества. Нужно отметить, что в некоторых направлениях психологии деятельность индивида рассматривается как проявление его свободной активности, диктуемое некоторыми внутренними законами индивидуального развития. Конечно, при этом иногда говорится о его связях с другими людьми. Однако не всегда учитывается то, что эти связи определяются социальными законами, развиваются исторически. Пытаются, например, найти некоторые «чисто психологические» отношения между индивидами (симпатии, эмпатии, антипатии и т. п.), которые во все времена не изменяются, а если и изменяются, то по своим — независимым от развития общества — законам. Общество в лучшем случае представляется как некоторое множество индивидов, каждый из которых действует соответственно его собственному «потенциалу». В западной психологии и социологии распространены концепции, в которых общество рассматривается как некая результирующая свободных индивидуальных активностей; здесь пытаются самое общество вывести из психологических характеристик индивида, социальное рассматривается как производное от психологического. Между тем требуется как раз противоположный подход; психологическое должно быть раскрыто на основе и в связи с анализом социального, характеризующего способ бытия человека (индивида в том числе).

Как отмечал Маркс, «общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых индивиды находят друг к другу» [15, с. 214]. Он раскрыл объективные законы, которым подчиняется историческое развитие этих связей и отношений.

Анализируя анатомию общества, Маркс дал следующую краткую, но весьма емкую его характеристику. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов,— словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества [10, с. 402]... люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и идеи и категории, т. е. отвлеченные идеальные выражения этих самых общественных отношений» [Там же, с. 409].

Вся эта сложнейшая система общественных отношений, развивающаяся по объективным законам, и образует тот социальный контекст, в котором живет и действует индивид. Именно она-то в конечном счете определяет мотивы и цели индивидуальной деятельности.

Было бы, однако, неверно представлять себе систему общественных отношений как нечто внешнее для индивида и его деятельности, как некоторые внешние координаты, относительно которых развертывается индивидуальная деятельность, или как некоторую внешнюю для конкретных индивидов силу, которой они вынуждены подчиняться. Общественные отношения существуют не вне деятельности конкретных людей. Напротив, деятельность (в том числе индивидуальная) является одной из основных форм реализации общественных отношений. Для индивида общество — это не просто некоторая социальная среда. Он член общества. Он включен в систему общественных отношений непосредственно своей деятельностью.

Таким образом, аморфное понятие «социальная среда», или «социальный контекст», деятельности индивида раскрывается, определяется и предстает перед нами как система исторически развивающихся общественных отношений — экономических, гражданских, политических, идеологических, в которые он непосредственно включен и функцией которых является его индивидуальная деятельность (практическая или теоретическая, производственная или производственная, материальная или идеальная и т. д.). Поэтому, чтобы подойти к психологическому пониманию любой индивидуальной деятельности, нужно рассмотреть ее в системе общественных отношений, понять, какие именно отношения и как реализуются в данной деятельности.

В русле этого подхода должен решаться и вопрос о классификации видов человеческой деятельности. При их рассмотрении только в плане схемы «субъект—объект» предлагаются классификации, в которых, например, выделяются такие деятельности, как преобразующая, познавательная, коммуникативная и т. п.

В психологии, если она ограничивается указанной схемой, создаются классификации, выделяющие, например, ориентировочную и исполнительскую деятельность. Виды деятельности классифицируют также по относительной роли в ней тех или иных процессов (например, сенсорная, интеллектуальная, моторная) и т. п.

Деятельность является многомерной, и любое из ее измерений может быть использовано как основание классификации. Поэтому в принципе возможно создать очень много разных классификаций, каждая из которых будет отражать какую-то определенную сторону деятельности. Конечно, для решения некоторых специальных задач упомянутые выше (и другие возможные) классификации удобны и могут быть полезны. Нужно, однако, отметить, что классификации, основания которых выводятся из абстрактного, рассматриваемого внеисторически отношения «субъект—объект», не раскрывают и не дают возможности раскрыть процесс дифференциации дея-

тельности. В лучшем случае они берут лишь некую застывшую картину. Между тем основой действительной реальной классификации деятельности, их дифференциации в историческом процессе является развитие производительных сил общества, производственных и всех других общественных отношений. Именно этим определяется предмет, средства и содержание деятельности. В процессе развития системы общественных отношений развивается субъект деятельности и ее объект. Очевидно, и в основу теоретической классификации должны быть положены виды, типы и формы общественных отношений.

Вопрос о классификации деятельности требует, конечно, специального историко-генетического исследования. Важнейшим звеном такого исследования является анализ развития всей системы общественных отношений, которая, конечно, не сводится только к экономическим отношениям (производства, обмена, потребления, собственности), но включает также гражданские (иногда их называют социальными), политические, правовые и т. п.

Сейчас все отчетливее становится необходимость разработки своего рода «исторического дерева» деятельности, в котором бы раскрывался процесс их развития и взаимосвязи между ними, подобного, например, «эволюционному дереву видов», созданному в биологии. Конечно, эта задача не является психологической. Но ее решение важно для психологии, поскольку такая классификация поможет яснее увидеть те реальные проблемы, которые ставятся перед ней жизнью, и определить подходы к их разработке. Понимание того, как формируется тот или иной вид деятельности, из какого другого вида он «вырастает», важно и для того, чтобы рационально использовать уже имеющиеся знания в исследовании любого нового вида деятельности. Изучение генетических связей между деятельностью и тенденций их развития необходимо для психологического проектирования вновь возникающих видов деятельности, разработки методов профессиональной ориентации, профессионального обучения и решения многих других практических вопросов.

Чем же диктуется развитие и дифференциация деятельности?

Рассматривая этот вопрос, Маркс отмечал, что развитие видов деятельности осуществляется в неразрывном единстве с развитием потребностей. Умножение и развитие потребностей людей связано с умножением и развитием видов деятельности, при помощи которых эти потребности удовлетворяются.

Нужно отметить, что связи потребностей и деятельности нередко трактуются очень абстрактно, опять-таки только в плане отношений «субъект—объект». Часто противопоставляются две схемы: «потребность—деятельность—потребность» и «деятельность—потребность—деятельность». Это — метафизическое противопоставление, напоминающее пресловутый «спор о курице и яйце». Чтобы понять действительные взаимоотношения потребностей и деятельности, нужно исследовать динамику их развития, противоречия и переходы, т. е. исследовать их диалектически. При этом необходимо

выйти за пределы индивида: рассмотреть взаимоотношения деятельности и потребностей в контексте развития общества. В этом плане должны изучаться и индивидуальные потребности.

Любая деятельность в конце концов направлена на удовлетворение тех или иных потребностей общества и индивидов как членов общества.

Характеризуя труд, исходный и основной вид деятельности, Маркс писал: «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей, присвоение данной природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой...» [8, с. 195]. Люди «начинают с того, чтобы есть, пить и т. д., т. е. ...овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности (начинают они, таким образом, с производства)» [6, с. 377].

Раскрывая диалектику производства и потребления, он показал, что человеческие потребности формируются и развиваются в процессе общественного труда.

В предмете потребностей как продукте труда так или иначе запечатлевается и система общественных отношений. Так, в обществе, для которого характерно товарное хозяйство, предметы потребностей, создаваемые трудом, выступают перед человеком как товары, в товарной форме. Чтобы удовлетворить ту или иную потребность, индивид должен включиться в процессы общественного производства и обмена. В товаре для него важна, конечно, потребительная стоимость. Но он не может быть безразличен и к стоимости. В двойственности предмета человеческих потребностей — товара — выражается зависимость удовлетворения потребностей от той позиции, которую данный человек занимает в данном обществе.

Способы удовлетворения потребностей также имеют общественно-историческую обусловленность. Наконец, и самый процесс удовлетворения человеческих потребностей — потребление — выступает как процесс общественный.

Итак, даже в том случае, когда речь идет о потребностях индивида и индивидуальном потреблении, обнаруживается, что предмет, способ и процесс их удовлетворения определяются обществом, к которому принадлежит данный индивид. А следовательно, и в мотивах, формирующихся на основе потребностей, так или иначе отражаются общественные отношения и история развития данного общества. Поэтому, исследуя развитие индивидуальных потребностей и мотивов поведения, нужно брать их не абстрактно, а рассматривать в связи с развитием общества.

Когда утверждается, что развитие и дифференциация деятельности определяются потребностями, то имеются в виду не только потребности индивидов, но (и в первую очередь!) потребности общества.

Для психологического исследования одним из наиболее трудных является вопрос о взаимоотношениях потребностей индивида и потребностей общества. Пока он исследован еще недостаточно.

Вряд ли будет правильным рассматривать потребности общества как простую сумму потребностей индивидов, хотя этот момент и имеет место, но лишь как момент. Например, в материальные потребности общества, конечно, включается сумма потребностей индивидов (в продуктах питания, одежде, жилище и т. д.), но, кроме этого, в них включаются потребности, диктуемые развитием производства и всех других сфер жизни общества³.

Потребности общества закрепляются в определенных социальных институтах (в широком смысле), являющихся его органами, и в соответствующих видах деятельности, которые обеспечивают их реализацию (удовлетворение).

Когда речь идет о потребностях общества, то их неверно было бы сводить только к потребностям производства. Они охватывают все виды общественных отношений. В каждом обществе в силу объективных законов его развития формируются определенные потребности, связанные с его гражданским строем, культурой, наукой, идеологией и т. д. Вся совокупность общественных потребностей выражает закономерные тенденции развития данного общества. Но эту совокупность опять-таки нельзя сводить к простой сумме потребностей индивидов.

Конечно, в потребностях индивида так или иначе выражаются потребности общества, как общее — в единичном. Однако сфера его потребностей гораздо уже, чем сфера потребностей общества, а их структуры далеко не всегда совпадают, точнее, никогда не совпадают, как не совпадает структура элемента системы со структурой самой этой системы в целом.

Общий подход к решению вопроса о соотношении потребностей индивида и общества должен состоять, по-видимому, в том, чтобы рассмотреть потребности индивида как члена общества, т. е. элемента социальной системы.

Чтобы понять, как возникла та или иная общественная (а также и индивидуальная) потребность, нужно исследовать процесс развития общественных отношений: экономических, гражданских, политических и т. д., т. е. всю совокупность общественной жизни. Когда говорится, что та или иная деятельность порождается потребностью, то имеются в виду прежде всего потребности общества, а не отдельно взятого индивида.

Маркс подчеркивал развивающееся многообразие человеческих потребностей. В основе всего этого многообразия лежат, конечно, так называемые материальные потребности. Они являются базовыми в развитии и общества и индивида. На этой основе в процессе исторического развития развиваются и потребности духовные (в широком смысле слова). Материальные потребности общества составляет вся совокупность материальных условий, необходимых для его существования и развития (природа, средства производства

³ Потребности производства—это, конечно, не потребности машин и используемых в нем материалов. В конечном счете они выступают как потребности людей, находящихся в определенных производственных отношениях.

и т. д.); они связаны с базисом общества. Духовные потребности относятся к его надстройке (и различным формам общественного сознания).

С развитием общества развиваются потребности как индивидуальные, так и общественные. «Размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории». При этом они определяются не только экономикой, но и «зависят в большой мере от культурного уровня страны» [8, с. 182]. В историческом процессе развиваются не только физические (естественные) потребности, но и этические, эстетические, интеллектуальные и т. д.; потребности порождаются не только желудком, но и фантазией. Более того, человек производит не только для удовлетворения своих физических потребностей. Он «производит, даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее» [14, с. 93].

В этой связи для психологии особое значение имеет положение марксизма о том, что в процессе производства создаются не только средства существования, но также и средства развития человека. Чем более высокого уровня достигает общество, тем большей становится относительная доля средств развития человека в общем объеме производства [12, с. 137]. Психологический анализ деятельности (в особенности ее мотивов и целей) предполагает понимание того, как складываются в данном обществе соотношения в средствах существования и в средствах развития.

Рассматривая производство и потребление исторически, Маркс, Энгельс, Ленин показали особенности потребностей и способов их удовлетворения в условиях натурального и товарного хозяйства: в первобытно-общинном, рабовладельческом, феодальном и капиталистическом обществе. Проведенный ими анализ представляет для психологии (особенно исторической) исключительный интерес.

Разрабатывая проблему человеческих потребностей и потребления, Маркс и Ленин исследовали ее в связи с классовой структурой общества.

В частности, в «Капитале» даны блестящие психологические портреты капиталиста, мотивом деятельности которого является прибавочная стоимость, собирателя сокровищ, присваивающего себе овеществленный труд других людей, и т. п.

В абстрактных схемах деятельности, берущих ее лишь в отношении «субъект—объект», классовый аспект потребностей исчезает, так же как исчезает из рассмотрения и процесс потребления. Говорится лишь о том, что в деятельности потребность находит свой предмет. Но дело-то в том, что отношение «субъект—объект» опосредствовано системой общественных отношений. Понять, как именно потребность «найдет» себя в предмете деятельности без рассмотрения места индивида (если, например, речь идет об индивидуальной деятельности), в этой системе вряд ли возможно.

Будет ли удовлетворена потребность индивида — и если будет, то как именно, — зависит от того, к какому классу он принадлежит.

Должен ли он для удовлетворения своих потребностей продавать свою рабочую силу или, владея средствами производства, может получить предмет потребностей, присвоив чужой труд.

Нет необходимости доказывать, что та доля общественного продукта, которую получит данный индивид, и тот способ, которым он может удовлетворить свою потребность, накладывают сильный отпечаток на его мотивационную сферу. Иерархия мотивов, о которой часто говорится в психологии, складывается в определенных общественных условиях. То, какие мотивы в этой иерархии займут ведущее, а какие подчиненное место, определяется вовсе не спонтанным развитием индивида, как иногда пытаются представить (об этом подробнее речь пойдет в шестой главе), а его положением в обществе.

Итак, деятельность есть категория общественно-историческая. Ее психологическое исследование предполагает понимание того, как в той или иной деятельности реализуется система исторически сложившихся общественных отношений. Анализируя деятельность, необходимо рассматривать ее в связи с процессами производства, обмена, потребления, с отношением собственности на средства производства, с гражданским и политическим строем, с развитием культуры, идеологии, науки и т. д., т. е. в контексте всей совокупности общественной жизни. А это значит, что исследование деятельности требует тесного контакта психологии с общественными науками. Трудно, например, понять динамику развития потребностей индивида, его интересов, мотивов, целей, не опираясь на результаты исследований развития потребностей общества на данной исторической ступени, полученные в экономике, социологии, истории и в других общественных науках. Вообще психологические исследования деятельности должны проводиться в широком контексте исследований общества.

§ 2. Психологические аспекты изучения индивидуальной деятельности

Виды деятельности, существующие в данном обществе, определяются уровнем развития его производительных сил и системой сложившихся общественных отношений (прежде всего их основы — производственных отношений). Но эти деятельности не есть функционирование некоего абстрактного «социума»; они выполняются живыми конкретными людьми, индивидами, членами данного общества.

Психологию, как уже отмечалось, интересует прежде всего деятельность индивидов, индивидуальная деятельность, деятельность, рассматриваемая на уровне индивидуального бытия⁴.

⁴ Этим она, конечно, не ограничивается и не может ограничиться. Психологию интересует и совместная деятельность — деятельность общности людей. Однако круг психологических проблем, возникающих при изучении деятельности общностей разного уровня, различных по объему и формирующихся на разных основаниях, определяемых объективными законами развития общества, различен. Классификация психологических проблем, которые относятся к дея-

Как следует из всего сказанного выше, индивидуальная деятельность не есть просто некоторое проявление собственной активности; или энергии индивида, подчиненное внутренним законам его развития. В деятельности индивид выступает как общественное существо. Будет ли он иметь возможность выбирать деятельность соответственно своему призванию, или эта деятельность будет ему навязана (он займется ею по принуждению), будет ли он иметь доступ к средствам развития и в какой мере, — зависит в конце концов от типа общественных отношений, сложившихся в данном обществе. От этого зависит также и то, к каким общественным отношениям он окажется причастным; будет ли он ограничен только деятельностью производственной или сможет участвовать также в деятельности в области культуры, политики, идеологии и т. д. Но в любом случае, выполняя ту или иную деятельность, индивид реализует в ней определенную общественную функцию.

Жизнь индивида часто описывается как «поток» деятельностей, в котором одни ее виды превращаются в другие, одни деятельности сменяются другими. При этом нередко смену деятельностей пытаются объяснить, исходя из некоторых общих законов его спонтанного развития. Однако «поток» деятельностей детерминирован законами развития не индивида, а общества. Та или иная деятельность, которой он начинает заниматься, определяется не потребностью индивида самой по себе, а общественной потребностью, или, может быть, точнее, общественной потребностью, трансформированной в потребность индивида. Самые законы развития индивида могут быть поняты только в контексте законов развития общества.

Что же в индивидуальной деятельности интересует психологию?

Исследуя деятельность, естественно, прежде всего определяют ее предмет, средства и условия, в которых она протекает. Но когда индивид приступает к выполнению той или иной деятельности, для него и предмет, и средства, и условия выступают как заданные⁵. Предмет, средства и условия психология рассматривает лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы понять процессы, состояния и свойства субъекта.

Нередко психические явления, возникающие и развивающиеся в процессе выполнения индивидом деятельности, рассматриваются как ее продукты. Однако это определение не более чем метафора. Действительным продуктом любой, в том числе и индивидуальной, деятельности является преобразованный (хотя бы опосредствованно — через деятельность других людей) в ходе ее выполнения предмет, материальный или идеальный. При этом важно подчеркнуть, что в оценке продукта деятельности главное — его общественная значимость (какую общественную потребность данная деятельность удовлетворяет). Это становится наиболее очевидным, когда обращаются к производственной деятельности, продуктом которой

тестностям как отдельных индивидов, так и различных общностей людей, составляет специальную научную задачу, которая здесь не обсуждается.

⁵ Это, конечно, не значит, что он вообще не принимает участия в их создании.

является потребительная стоимость, т. е. предмет, удовлетворяющий некоторую общественную потребность Маркс писал: «Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы» [8, с. 191—192]. Труднее это показать для некоторых других видов деятельности. Но анализ продукта деятельности не является прямой задачей психологии. Она рассматривает его **лишь** в одном определенном аспекте — в связи с изучением субъекта деятельности.

Что же все-таки исследуется психологией в индивидуальной деятельности? Не предмет, не средства, не условия, не продукт. Тогда что же? Говоря очень широко, объектом ее анализа является индивид как субъект деятельности. Но субъект деятельности (в том числе и индивидуальный) изучается не только психологией. А что же интересует психологию? Что изучает она, и только она, и что не изучается никакой другой наукой, кроме психологии?

Деятельность, как справедливо подчеркивал Леонтьев, — это реальная связь субъекта с объектом, в которую необходимым образом включена психика [270].

Выполняя ту или иную деятельность, индивид должен воспринимать, запоминать, думать, быть внимательным; в процессе деятельности у него возникают те или иные эмоции, проявляются волевые качества, формируются установки, отношения и т. д. Такая деятельность, при выполнении которой человек не воспринимает, не мыслит, не переживает, — такая деятельность просто не может существовать. Если у индивида нет побуждающих к деятельности мотивов, если он не имеет цели, если он не воспринимает тех предметов (или их моделей), с которыми и при помощи которых он действует, если он не помнит, что и как надо делать, то деятельность не состоится, хотя бы налицо были и предмет, и средства, и все необходимые условия. Короче говоря, в деятельности формируется, развивается, проявляется так или иначе вся система процессов, состояний и свойств индивида, которые принято обозначать как психические⁶.

Энгельс писал: «.Никак не избежать того обстоятельства, что все, что побуждает человека к деятельности, должно **проходить через его голову**; даже за еду и питье человек принимается вследствие того, что в его голове **отражаются** (подчеркнуто нами. — Б. Л.) ощущения голода и жажды, а перестает есть и пить вследствие того, что в его голове отражается ощущение сытости. Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отра-

⁶ Отметим, что системный характер психики наиболее полно раскрывается именно в реальной деятельности субъекта. В лабораторном эксперименте можно изучить тот или иной изолированно (конечно, относительно) взятый психический процесс (состояние или свойство). Но только в исследовании деятельности можно раскрыть психическое как систему. При этом важно иметь в виду, что в разных деятельности эта система складывается по-разному, так же как различной оказывается и ее динамика

жаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде „идеальных стремлений"» [7а, с. 290].

Психология как раз и берет в деятельности тот аспект, который связан с изучением различных форм, видов и уровней субъективного отражения объективной действительности действующим человеком, т. е. прежде всего субъективный план деятельности. В исследовании деятельности ее прежде всего интересуют мотивы, целеобразование, воля, эмоции и т. д., которые представляют собой специфические формы субъективного отражения общественных отношений. Она изучает также роль, функции и динамику сенсорных, перцептивных, мнемических и иных психических процессов, включенных в реальную деятельность человека.

В анализе деятельности задачей психологии является изучение закономерностей формирования и развития системы психического отражения как «внутреннего условия» (в том смысле, в котором употреблял этот термин Рубинштейн), как одной из важнейших характеристик субъекта деятельности и в этом плане как необходимой «составляющей» деятельности. Деятельность, рассматриваемая безотносительно к ее субъекту (например, при ее алгоритмическом описании), никакими психологическими характеристиками, конечно, не обладает. Ими обладает только субъект деятельности

Психологию интересует в первую очередь, каковы роль и место системы процессов субъективного отражения действительности в деятельности индивида (или группы людей), будь то деятельность производственная, политическая, научная и любая другая. С одной стороны, она рассматривает деятельность, как **детерминанту системы психических процессов, состояний и свойств субъекта**. С другой стороны, она изучает влияние этой системы на эффективность и качество деятельности, т. е. рассматривает психическое как **фактор деятельности**.

Что касается так называемых познавательных процессов, то их роль и место в индивидуальной деятельности, а также детерминирующее влияние деятельности на их развитие изучаются в психологии интенсивно, и в этой области имеются бесспорные достижения. Частично исследуются психические состояния и свойства. Гораздо труднее дело обстоит с изучением мотивации и целеобразования. Между тем в психологическом исследовании деятельности этим проблемам принадлежит первостепенная роль. Трудность здесь состоит в том, что в мотивах и целях наиболее отчетливо проявляется системный характер психического, они выступают как интегральные формы психического отражения. Откуда берутся и как возникают мотивы и цели индивидуальной деятельности? Что они собой представляют? Разработка этих вопросов имеет огромное значение не только для развития теории психологии, но и для решения многих практических задач.

Понятиям мотива и цели принадлежит в психологическом анализе деятельности важнейшее место. Немотивированной, так же как и нецеленаправленной, деятельности просто не может быть. Мотив и цель образуют своего рода «вектор» деятельности, опреде-

ляющий ее направление, а также величину усилий, развиваемых субъектом при ее выполнении. Этот вектор выступает в роли системообразующего фактора, который организует всю систему психических процессов и состояний, формирующихся и развертывающихся в ходе деятельности⁷.

Когда речь идет о мотивах деятельности человека (и его поведения в целом), то имеются в виду некоторые субъективно-переживаемые побуждения к деятельности. Для субъекта его мотив выступает как непосредственная побудительная сила, как непосредственная причина его поведения.

В рационалистических, по существу идеалистических, концепциях источники мотива усматривают в мышлении, выводят мотивы из сознания. В этой связи напомним высказывание Энгельса: «Люди привыкли объяснять свои действия, — писал он, — из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются...» [7, с. 493].

Первый шаг на пути материалистического объяснения мотивов был сделан в связи с изучением так называемых биологических потребностей или потребностей, необходимых с физиологической точки зрения. Сейчас уже многое известно о физиологических и биохимических основах формирования, например, чувства голода, жажды и т. п. Однако, к сожалению, результаты этих исследований нередко используются для обоснования биологизаторских концепций мотивации, в которых мотив отождествляется с потребностью, а все многообразие человеческих потребностей сводится к биологическим; качественные различия между человеком и животным при этом игнорируются.

В современной психологии существует не один десяток психологических концепций мотивации. Однако многие из них пытаются вывести мотивы из спонтанного развития индивида, рассматриваемого с натуралистической позиции.

Но в анализе мотивов человеческой деятельности надо исходить не из абстрактно взятого индивида, а из того, как он включен в систему общественных отношений и каким образом эта система отражается в его (индивидуальной) голове. Чтобы раскрыть мотивационную сферу индивида, выполняющего ту или иную деятельность, надо исследовать его связи и отношения с другими людьми.

В общем виде мотив есть отражение потребности, которая действует как объективная закономерность, выступает как объективная необходимость. Потребности людей диктуют их поведение с такой же властью, как сила тяготения — движения физических тел. Определенная сложившаяся в данном обществе система общественных отношений объективно определяет, детерминирует развитие, а также строение, динамику мотивов тех или иных групп людей и мотивационную сферу каждого индивида, каждой личности. При этом

⁷ Конечно, этот «вектор» должен рассматриваться в связи с результатом деятельности, а также ее предметом и условиями.

нужно иметь в виду, что в мотивах деятельности индивида отражаются не только его собственные потребности, но и потребности общества, общественные потребности (проблема мотивационной сферы личности будет рассмотрена в главе шестой).

Будучи внутренним побуждением к деятельности, мотив, однако, не определяет ее конкретных характеристик. Один и тот же мотив может реализоваться в разных деятельности.

Неверно представлять себе дело таким образом, что потребность (даже отраженная в голове индивида, т. е. ставшая мотивом), может быть удовлетворена одним, и только одним способом. Однозначной жесткой связи между потребностью и способом ее удовлетворения нет.

То, какой именно будет деятельность, исходящая из какого-либо конкретного мотива, определяется целью. Важно подчеркнуть, что на почве одного и того же мотива могут формироваться (и реально формируются) разные цели. В этой связи можно говорить о «поле целей», связанных с тем или иным мотивом. Мотив как бы «поливал», «лентен». Если мотив лишь побуждает к деятельности⁸, то цель «конструирует» конкретную деятельность, определяя ее характеристики и динамику.

Мотив относится к потребности, побуждающей к деятельности, цель — к предмету, на который деятельность направлена и который должен быть в ходе ее выполнения преобразован в продукт. Нужно отметить, что в психологическом анализе деятельности мотив и цель часто не расчленяются, а иногда и просто отождествляются. Между тем «спектр» их взаимоотношений весьма широк — от более или менее полного соответствия (в том случае, когда результатом деятельности индивида является предмет, который может непосредственно удовлетворить его потребность) — до их значительного расхождения и даже противоречия. При этом случаи полного соответствия цели мотиву довольно редки и скорее составляют исключение, чем правило. В реальной жизни предмет, могущий удовлетворить ту или иную потребность индивида, обычно не совпадает с продуктом его деятельности.

Разделение мотива и цели в индивидуальной деятельности обусловлено ее общественным характером, прежде всего общественным разделением труда. Маркс отмечал как одну из важных характеристик производственной деятельности то, что продукт труда конкретного работника выступает как потребительная стоимость не для него самого, а для других людей, т. е. он является предметом потребности других людей. И, напротив, продукты труда других людей служат удовлетворению потребностей данного конкретного работника. Таким образом, цель его деятельности (например, производство некоторой потребительной стоимости) не определяется непосредственно его индивидуальным мотивом (и стоящей за этим мотивом индивидуальной потребностью). Связь мотива и цели опо-

⁸ Конечно, мотив в определенных отношениях также направляет и регулирует деятельность.

средствуется сложившейся в данном обществе системой производства, обмена и потребления и их соотношениями. Если речь идет об индивидуальной деятельности, то для того чтобы разобраться в том, как связаны между собой ее мотивы и цели, нас, конечно, должно в первую очередь интересовать положение данного конкретного индивида, выполняющего данную деятельность, в этой системе.

Цель деятельности выступает как идеальное представление ее будущего результата, которое как закон определяет характер и способы действий человека. Цель является, таким образом, феноменом опережающего отражения. Одна из важнейших задач психологии состоит в том, чтобы исследовать особенности опережающего отражения в разных видах деятельности и вскрыть его динамику в процессе целеполагания и целеобразования. При этом важно подчеркнуть, что цель не привносится в индивидуальную деятельность извне (во всяком случае, когда речь идет о развитых формах деятельности)⁸ а формируется самим индивидом. И вместе с тем она не является результатом спонтанного развития этого индивида. Процесс целеобразования в индивидуальной деятельности определяется уровнем развития общества⁹. В этот процесс неизбежно включается (хотя индивид этого может и не осознавать, да и обычно не осознает) тот опыт, который накоплен человечеством и который данный индивид ассимилирует в процессе обучения и воспитания (в широком смысле).

Говоря об уровне развития общества, мы имеем в виду не только научно-технический прогресс (который, конечно, значительно повлиял на выбор людьми целей), но — и прежде всего — развитие общественных отношений. То, какие именно цели ставит перед собой тот или иной конкретный индивид, зависит от того, живет ли он в обществе социального равенства и имеет те же права, что и другие люди, или его положение в обществе ограничено классовыми, расовыми, национальными и другими перегородками. Цель, конечно, формируется под необходимым влиянием общественных требований, норм, законов и т. д., но не сводится к ним полностью. Маркс специально подчеркивал: «Только тогда, когда внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой индивид, возникает „действительная свобода“» [16, с. 109--110].

Все сказанное означает, что процесс целеобразования глубоко личностный¹⁰. Чтобы понять, какие цели и как формируются у того или иного индивида, нужно изучить историю развития этого индивида в обществе, т. е. историю его развития как личности. Поэтому кратковременные лабораторные исследования для понимания проблемы целеобразования мало что дают.

⁸ Извне может быть задано требование к индивиду, но не цель.

⁹ «Идеальная подготовка» трудового процесса с развитием общества становится все более сложной и превращается в специальную деятельность больших групп людей (например, проектирование техники).

¹⁰ Мы подчеркиваем это потому, что нередко он рассматривается только в плане исследования мышления.

Сформировавшаяся цель реализуется в актуальной деятельности. При этом сложность деятельности будет зависеть от того, насколько цель отделена от предмета, т. е. от «расстояния» между наличным предметом и предполагаемым результатом, а также от тех средств (и уровня владения ими), которыми человек располагает. В очень простых случаях достижение цели требует выполнения сравнительно небольшого числа действий. Но обычно деятельность реализуется как система последовательно развертывающихся действий, каждое из которых решает частную задачу и может быть рассмотрено как некоторый «шаг» по направлению к цели. Являясь высшим регулятором деятельности и оставаясь устойчивой (иначе деятельность прервется), цель с каждым таким «шагом» трансформируется, выступая каждый раз как конкретная задача. Анализ механизмов сохранения цели и ее непрерывных трансформаций по ходу деятельности в задачи требует специального психологического исследования.

Обсуждаемые выше проблемы относятся главным образом к личностному аспекту деятельности. Исследования формирования и развития мотивов (мотивационной сферы) человека и процессы целеобразования раскрывают прежде всего психологические характеристики личности. Это безусловно важнейший аспект проблемы деятельности, но не единственный.

Другой аспект — это изучение динамики сенсомоторных, перцептивных, мнемических, интеллектуальных и других психических процессов (в особенности их взаимоотношений) в реальной деятельности ее индивидуального субъекта, а также его психических состояний. Современная психология располагает богатейшими данными, показывающими особенности протекания психических процессов в условиях реальной деятельности человека (ее различных видов). Нет нужды излагать эти данные, так как они хорошо известны. Отметим лишь один момент. Вектор «мотив—цель», являясь высшим регулятором деятельности, определенным образом организует и включенные в нее психические процессы. Именно этот «вектор» выступает в роли детерминанты избирательности восприятия, особенностей внимания, оперативного извлечения информации из памяти и способов ее преобразования в мышлении. Он определяет п. конце концов и динамику психических состояний (правда, она изучена еще недостаточно: значительно менее, чем динамика психических процессов).

Исследование динамики взаимосвязей мотива и цели, трансформации цели в задачу имеет исключительно большое значение для разработки проблемы «сознательное—бессознательное (неосознаваемое)». Что именно будет осознаваться субъектом деятельности (более широко: поведением), а что нет, в конце концов определяется этой динамикой, подчиняющейся объективным законам.

Но проблема соотношения вектора «мотив—цель» и психических процессов имеет также и другую сторону, которая, к сожалению, в психологии не изучается вообще. Дело в том, что мотив и цель не представляют собой нечто, стоящее вне (или над) психическими

процессами. Они формируются в процессах восприятия, представления, мышления; существенное значение в их формировании имеют мнемические процессы (как известно, при нарушениях памяти может нарушиться и целесообразная деятельность)¹¹.

Как отмечалось в предыдущих главах, любой психический процесс включает момент антиципации, т. е. опережения текущих событий; в нем отражаются не только состояние объекта в данный момент времени, но и тенденции его изменения.

Именно этот момент и используется в целеобразовании: ее эффекты являются как бы материалом для построения цели. Особенно большая роль в формировании цели принадлежит мышлению, обладающему наибольшими (по сравнению с другими процессами: сенсомоторным, перцептивным и т. д.) прогностическими возможностями, дальностью и глубиной опережения¹².

Исследование целеобразования в плане психических процессов ставит вопрос о том, в какой форме выступает цель в голове субъекта. Цель может выступать и как перцептивный образ, и как образ-представление и как определенная «логическая конструкция» (система суждений и умозаключений). В какой именно форме выступит цель, зависит от конкретных условий, в которых предстоит действовать субъекту, а также от его индивидуально-психологических особенностей. Конечно, было бы неверно полагать, что сенсомоторный, перцептивный, мнемический и интеллектуальный процессы каждый сам по себе определяет форму цели. Когда говорится, что цель выступает как перцептивный образ (например, в деятельности слежения), то это вовсе не значит, что она связана только с восприятием. Конечно, ее формирование было бы невозможно без участия мышления, представления и памяти. В формировании цели участвуют так или иначе все уровни психического отражения. Но при этом какой-либо из них (в зависимости от условий) оказывается ведущим. И в этом плане цель является системно-интегральным образованием, специфической формой опережающего отражения.

Еще большее значение имеет изучение динамики психических процессов (их взаимоотношений и взаимопереходов) в исследовании структуры и динамики индивидуальной деятельности: прогнозирования хода событий, связанных с ее мотивами и целями, формирования концептуальных моделей и оперативных образов, принятия решений, трансформаций цели в систему задач, переработки текущей информации, планирования деятельности, оценки результа-

¹¹ То же нужно сказать и о психических состояниях. Мотив может переживаться как эмоция (положительная или отрицательная). Экспериментально показано, что стресс может «выбить» цель деятельности. [463]. Но вопрос о взаимосвязях цели, мотива и психических состояний требует специального изучения.

¹² Не случайно попытки раскрыть механизм целеобразования стали предприниматься прежде всего в психологии мышления, хотя, как отмечалось выше, эта проблема относится главным образом к психологии личности.

тов и коррекции действий (о строении деятельности см. следующий параграф).

Все вышеизложенное подводит вплотную к наиболее сложному и вместе с тем наиболее принципиальному для психологии вопросу — вопросу о соотношении деятельности и психики.

Одна из распространенных в советской психологии точек зрения состоит в утверждении, что психика есть деятельность: внутренняя деятельность, которая является производной от деятельности внешней (прежде всего предметно-практической). Она, эта внутренняя психическая деятельность, имеет то же строение, что и деятельность внешняя. Утверждается, например, что психические процессы организуются в соответствии с теми же принципами, по которым строится трудовое действие; психическое, таким образом, выступает как своеобразная модель материального действия. В этой связи в качестве основного механизма формирования психического (психических действий и деятельности) объявляется интериоризация (понятие, введенное в психологию П. Жанэ, но позднее существенно измененное). Если суммировать работы, выполненные на основе этой позиции, то можно грубо дать такую схему: сначала человек (индивид) выполняет некоторое действие с предметом¹³; это действие является внешним (например, манипулирование с вещью), затем оно интериоризуется, как бы «вращивается» в субъекта и становится внутренним, т. е. подлинно психическим действием. При этом происходит свертывание действия, его редукция и видоизменение. Именно такими внутренними интериоризованными и являются перцептивные, мнемические, умственные и другие психические деятельности (и действия).

Прежде всего отметим, что понятия «внешнее» и «внутреннее» относительно и многозначны. Когда используются эти понятия, естественно, возникают вопросы: «внешнее» — по отношению к чему? «внутреннее» — по отношению к чему?

Часто «внутренние процессы (или действия)» трактуются как процессы, протекающие внутри субъекта и недоступные непосредственному стороннему наблюдению, а «внешние» — как доступные такому наблюдению. Внешнее, таким образом, — это объективно наблюдаемое, а внутреннее — субъективное, объективно не наблюдаемое.

Конечно, можно описать некоторую внешнюю (наблюдаемую извне) картину некоторой деятельности человека (куда-то пошел, что-то взял, что-то положил и т. д.). Но за внешним всегда скрывается, всегда есть внутреннее. В этих «пошел», «взял», «положил» и т. д. так или иначе проявляются побуждающие человека мотивы, цели, которые он перед собой ставит, задачи, которые он решает. Человек не выполнит перечисленных актов, если он не воспринимает, не запоминает, не представляет, не мыслит. Любая деятель-

¹³ Понятно, что предметом деятельности может быть не только вещь, но и отношения вещей, более того: отношения людей и их деятельность. Но здесь берется относительно простой уровень индивидуальной деятельности.

ность, любое действие (если это действительно акция, а не реакция) всегда имеет внутреннюю сторону, момент, «составляющую».

С другой стороны, любая деятельность, которую можно было бы назвать внутренней, так или иначе проявляется вовне, в актуальных наблюдаемых действиях и поступках человека, как бы далеко во времени ни отстояли это действие или поступок от замысла. Нет деятельности «чисто внешней», как нет и деятельности «чисто внутренней». Любая реальная актуальная деятельность имеет и внешнее и внутреннее (внешний и внутренний планы или стороны), и они связаны между собой неразрывно. Любое внешнее действие опосредствуется процессами, протекающими внутри субъекта, а внутренний процесс так или иначе проявляется вовне. Вместе с тем под влиянием внешнего изменяется и внутреннее. Задача психологии заключается не в том, чтобы их сначала разделить, а затем искать, как они связаны, а в том, чтобы, изучая «внешнюю сторону» деятельности, раскрыть «внутреннюю сторону», а точнее, понять реальную роль психики в деятельности.

Утверждается, что внешняя и внутренняя деятельности имеют одинаковое строение. Но тогда невольно возникает вопрос: каков жизненный смысл такого дублирования? Структура деятельности, любой деятельности едина: она включает и внешнее и внутреннее. При этом в разных видах деятельности внешнее и внутреннее сочетаются специфическим образом. Важнейшей задачей психологии в их изучении является разработка такой теории, которая раскрывала бы эти «внешнее» и «внутреннее» в единой структуре, а также изучение тех специфических способов интеграции психических процессов, которые свойственны разным видам человеческой деятельности. Но тогда, если в структуре любой деятельности есть и внешнее и внутреннее, возникает сомнение в правомерности идеи интериоризации как основного механизма формирования внутренних (например, умственных) действий. Признание единства структуры деятельности, по крайней мере, требует рассматривать интериоризацию в единстве с экстериоризацией.

В качестве примера интериоризации часто приводят процесс овладения счетом (у детей). Схематически картина описывается так: сначала ребенок считает палочки (или пуговицы, или бусинки и т. п.), перекладывая их внешним практическим образом, затем это действие интериоризируется (мы опускаем описание этапов интериоризации), как бы «вращивается» внутрь, и ребенок начинает считать в уме; таким образом, внешнее действие превращается во внутреннее (умственное).

Но, строго говоря, когда ребенок перекладывает палочки, то это — действие перекладывания, а не счета, и из перекладывания самого по себе никакого действия счета НР возникает. Если это перекладывание и имеет какое-то отношение к оперированию величинами, то в лучшем случае — в плане расчленения целого (кучки) на отдельные. Внешнее практическое действие есть лишь способ счета, но не сам счет. Чтобы ребенок действительно овладел счетными операциями, они должны быть включены в действие перекладывания палочек извне (педагогом, родителями — вообще тем, кто владеет действием счета), т. е. при исполнении одного действия должно быть сформировано другое, новое действие. Это — именно новое действие, а не просто интериоризация того, в ходе выполнения которого оно может быть сформировано.

В процессе образования этого нового действия ребенок усваивает принципы и правила оперирования знаками и знаковыми системами, созданными в истори-

ческом развитии человечества, фиксирующими «спрессованную» общественную практику. Таким образом, основание этого нового действия иное по сравнению с действием манипулирования предметами (вещами).

«Внешнее» действие (в данном примере — перекладывание палочек) служит лишь вспомогательным средством в овладении умственным действием, но не его основанием¹⁴. Здесь не внешнее действие «вращивается» внутрь, а, напротив, во «внешнее» действие включается извне (с помощью другого человека) новое действие. А точнее, одна деятельность (которая сама имеет и внешнюю и внутреннюю стороны) используется как средство формирования другой деятельности (имеющей иное соотношение внешнего и внутреннего). Но, когда этим новым действием ребенок овладел, вспомогательное средство, «подпорка» становится ненужной.

Человек, овладевший принципами и правилами счета (и соответствующими знаковыми системами), может считать любые величины. Овладев правилами и принципами счета на примере «десятков», человек может работать с такими величинами, которые никогда не встречались в его индивидуальном опыте, но которые сформировались исторически в общественной практике и нашли выражение в теоретических обобщениях.

Как справедливо отмечает Давыдов, теория поэтапного формирования умственных действий (важнейшая роль в которой придается процессу интериоризации) недооценивает значение логико-психологического изучения самой природы понятий, их разных видов и уровней. Основное внимание в ней уделяется вопросам овладения операциями. «При этом снимается проблема зависимости строения и уровня этих операций от реального, конкретного содержания усваиваемых детьми знаний, от видов и типов этого содержания. Не изучается детерминирующее значение содержания в возникновении и развитии мыслительных операций, их строения» [151, с. 103—104].

Представление о формировании и развитии умственных действий (вообще мышления) как об интериоризации внешних предметно-практических действий и не может раскрыть этих зависимостей. Здесь требуется более широкий подход, включающий, в частности, изучение системы специальных педагогических воздействий, теоретической работы, направленной на овладение содержанием исторически сложившихся понятий, совместной деятельности (например, педагога и учащихся) и т. д.

Иногда говорится о том, что интериоризация не сводится просто к превращению внешнего действия во внутреннее, что здесь имеется в виду превращение социальных отношений в психические функции. Но это утверждение представляется также сомнительным (см главу третью, параграф третий). Процесс овладения индивидом знаниями, накопленными человечеством, вряд ли может быть раскрыт концепцией интериоризации.

С нашей точки зрения, многие факты, используемые для доказательства интериоризации, можно интерпретировать иначе: в плане изменения форм и уровней психического отражения, осуществляемого в процессе деятельности. Их можно рассматривать как пере-

¹⁴ В качестве вспомогательного средства могут быть в принципе использованы и другие виды физических действий: например, ходьба, хлопки в ладоши и т. п. Но какие бы виды действий ни использовались как средства при обучении, их «интериоризация» к умению считать не приводит.

ходы от сенсорно-перцептивного отражения к понятийному, в ходе которого изменяются соотношения дифференциации и интеграции информации, получаемой в непосредственно-чувственной и языковой (вообще знаковой) формах. При этом информация относится не только к объектам, но и к способам действия с ними.

В связи со сказанным возникает общий вопрос: есть ли основные рассматривать психику как особую деятельность, как внутреннюю, интериоризованную деятельность? Или иначе: есть ли основания распространять на психические явления (например, на психические процессы) схемы, разработанные при изучении различных видов исторически сложившихся деятельностей? Действительно ли такое распространение открывает пути анализа соотношения психики и деятельности? К сожалению, четкие критерии, позволяющие дифференцировать различные виды человеческой деятельности, еще не разработаны. Однако совершенно ясно, что понятие «психическая деятельность» не вписывается, например, в такой ряд понятий, как «деятельность производственная», «деятельность политическая», «деятельность научная» и т. д. Но вместе с тем психика, психическое, имеет отношение к любой из них, включена в любую из них.

Чтобы, например, рассматривать перцептивные, мнемические, интеллектуальные и иные психические процессы как особые виды деятельности, нужно прежде всего доказать, что каждый из них имеет специфический мотив, специфическую цель, специфический предмет и средства. В самом деле, имеет ли восприятие или мышление свой собственный мотив, отличающийся от того, который побуждает человека заниматься, например, наблюдательской или исследовательской деятельностью? Вряд ли такой мотив можно найти. Восприятие и мышление выступают не как самостоятельные виды деятельности, а как моменты реальной деятельности человека, как ее «составляющие». Они включены в деятельность и наблюдателя и исследователя (и любую другую), обеспечивая отражение условий, предмета и средств этой деятельности, формирование мотивов и целей, выявление проблем и решение задач и т. д.

Деятельность наблюдателя нельзя сводить к восприятию, хотя восприятие в этой деятельности и играет особую роль; точно так же нельзя сводить деятельность исследователя к мышлению. Задача психологии — разобраться в той специфической структуре психических процессов, которая характеризует некоторую определенную деятельность, а не сводить одно к другому.

По существу термины «перцептивная деятельность», «мнемическая деятельность» и т. д. имеют то же основание, по которому разделяются психические процессы¹⁵.

¹⁵ Конечно, термин «деятельность» может использоваться и в применении к психическим процессам, но не в том значении, которое вкладывается в него, когда речь идет об общественно-исторической категории. Здесь значение этого термина близко к тому, которое относится, например, к высшей нервной деятельности, вообще к функционированию какой-либо системы или органа, т. е. к понятию «активность».

Если говорить, например, о перцептивной деятельности, то Это понятие как будто бы близко к понятию «деятельности наблюдения». Но наблюдение как деятельность имеет смысл только в контексте других деятельностей. Человек ведет наблюдение не для того чтобы строить образы в своей голове (эти образы строятся не потому, что ставится такая цель; их формирование подчинено определенным объективным законам, некоторые из которых уже известны), а для того чтобы получаемую информацию использовать в другой деятельности (или передать эту информацию тому, кто ее использует).

Роль психических процессов в деятельности в том и состоит, что они, являясь процессами отражения действительности, обеспечивают ее **регуляцию**: ее адекватность предмету, средствам и условиям. Иначе говоря, основные функции психики в деятельности — когнитивная и регулятивная.

Задача психологического анализа деятельности заключается в изучении того, как ее предмет, условия и средства отражаются в голове человека и каким образом это отражение осуществляет регулируемую функцию по отношению к тем движениям органов человеческого тела, посредством которых данная деятельность выполняется.

Изучая деятельность, психология раскрывает (во всяком случае, должна раскрывать) формы, уровни и динамику субъективного отражения действительности и механизм психической регуляции этой деятельности. Ее задачей является также изучение влияния деятельности на развитие психических процессов, состояний и свойств человека, на развитие психического склада личности в целом.

§ 3. Строение индивидуальной деятельности

Проблема строения деятельности имеет первостепенное значение как для развития теории психологии, так и для определения наиболее эффективных путей решения многих практических задач.

Первые попытки анализа строения деятельности были связаны с представлениями об ее элементах. В качестве таковых принимались простейшие движения типа «взять», «поднять», «положить» и т. п. (Тейлор [661], Джилльбрет [584], и др.) В частности, Джилльбрет предложил описывать любую деятельность как некоторую последовательность элементов (терблигов). Он насчитал 17 таких элементов, различные комбинации которых и образуют ту или иную деятельность. Позднее количество элементов было сведено до 9.

В связи с развитием инженерной психологии (а также некоторых других областей психологической науки) широкое распространение получило описание деятельности в виде алгоритма. При этом несколько изменилось представление как об элементах, так и о способах их связей в деятельности. Появились представления об алгоритмах «жестких» и «гибких», «детализированных» и «обобщенных», «линейных» и «разветвленных» и т. д.

Конечно, алгоритмическое описание деятельности удобно и логично, оно позволяет решать некоторые практические задачи. Но при таком описании раскрывается лишь внешне наблюдаемая формальная картина развертывающейся деятельности, деятельность отрывается от выполняющего ее субъекта. Собственно психологическая, субъективная ее сторона остается здесь в тени. Вопрос о том, каким образом осуществляется психическая регуляция деятельности, как формируются и развиваются механизмы этой регуляции, при таком подходе не рассматривается; в лучшем случае овладение деятельностью представляется как усвоение системы более или менее строгих предписаний, ведущих к достижению поставленной цели.

Алгоритмическое описание может быть, конечно, полезным при анализе «исполнительной части» деятельности, но оно не раскрывает того, что интересует психологию прежде всего: ее субъективный план.

Психологический анализ деятельности предполагает рассмотрение ее как сложного, многомерного и многоуровневого, динамически развивающегося явления. В различных подходах и базирующихся на них концепциях, как правило, берутся отдельные аспекты (стороны) деятельности при абстрагировании от других. В одних концепциях на первый план выступают **операционные** аспекты, т. е. **деятельность** описывается как последовательность сменяющих друг друга операций (или действий). В других во главу угла ставится изучение **мотивационного** аспекта деятельности, т. е. она рассматривается в плане анализа динамики направляющих ее мотивов. В-третьих главным является анализ **регулирующих механизмов деятельности**. Имеются также концепции, описывающие деятельность в плане анализа реализующих ее **физиологических процессов**. Каждый из перечисленных подходов имеет, конечно, право на существование; каждый дает ценные научные результаты. Более того, перечисленные подходы не противоречат друг другу и не исключают друг друга. Однако нужно всегда иметь в виду, что ни один из них не может считаться универсальным.

На современном этапе развития психологической науки важнейшей задачей становится разработка принципов и методов системного анализа, которые позволили бы раскрыть деятельность в ее основных чертах, связях и отношениях, выявить ее структуру и механизмы регуляции.

Не претендуя на формулировку этих принципов и методов, отметим лишь, что субъективный план деятельности раскрывается в современных психологических концепциях по-разному, но вместе с тем в них есть и общие для всех положения. На основании анализа существующих концепций можно в качестве основных «образующих» деятельности выделить следующие: **мотив, цель, планирование деятельности, переработка текущей информации, оперативный образ** (и концептуальная модель), **принятие решения, действия, проверка результатов и коррекция действий**. Перечисленные «составляющие» не являются, конечно, некоторыми изолированными

ми друг от друга «блоками» деятельности, «включающимися» последовательно в ходе ее выполнения. Они раскрывают различные аспекты (и уровни) регулирующей функции психического в подготовке, организации и выполнении деятельности, в ходе которой осуществляется преобразование ее предмета в продукт.

Как отмечалось в предыдущем параграфе, направление деятельности и величина развиваемых ее субъектом усилий определяется **вектором «мотив—цель»**. Проблема мотивов и целей, их развития и взаимоотношений между ними в значительной мере относится к той области психологических исследований, предметом которых является личность, и мы вернемся к этой проблеме позднее (в главе шестой).

Сейчас отметим лишь, что вектор «мотив—цель» является ведущим регулятором деятельности, определяющим строение и динамику всех других ее составляющих. В процессе развития личности каждая новая цель, которую она ставит и реализует, приводит к изменению и ее мотивационной сферы, что, в свою очередь, создает возможность постановки новой цели.

Процесс овладения деятельностью и ее совершенствования развивается как бы по спирали. Сформированный вектор «мотив—цель» реализуется в деятельности; осуществленная деятельность (достигнутая цель) создает возможность «перевода» этого вектора на новый уровень, который также реализуется в деятельности, что создает новую возможность и т. д. В этом движении развиваются способности человека, его интересы, склонности, морально-волевые качества, профессиональное мастерство, короче — личность в целом.

Конечно, сказанное — это только идеальная схема. В действительности возможны и «зацикливания» (движения по кругу) и даже отступления с более высоких уровней на более низкие. По какому именно пути пойдет развитие того или иного человека, зависит от конкретных условий его жизни.

Цель деятельности, как отмечает В. Д. Шадриков, выступает в двух аспектах: идеальное или мысленное представление будущего результата и уровень достижений, на который претендует личность [516].

Сейчас нас интересует первый из указанных аспектов.

Являясь идеальным представлением конечного результата деятельности, цель как образ (в широком смысле) выступает в качестве предпосылки, определяющей ее начало. Сложная деятельность не может быть ни спланирована, ни тем более осуществлена, если такая предпосылка не сформирована.

Закономерности и механизмы формирования **образа-цели** пока еще изучены недостаточно¹⁰. Можно лишь сказать, что это — специфическое явление опережающего отражения.

¹⁰ Перспективное направление их исследования заложено, на наш взгляд, в работах Тихомирова [394] и Шадрикова [516].

Опережающее отражение выступает в различных формах. Важнейшие среди них — предвидение (прогнозирование, антиципация, экстраполяция) и целеполагание. Эти формы близки друг другу и могут превращаться одна в другую. Но все же первая более относится к опережающему отражению объективного хода некоторых событий, взятых как бы безотносительно к субъекту (субъект выступает в роли наблюдателя). Вторая характеризует опережающее отражение, включенное в деятельность субъекта: цель выступает как опережающее отражение будущего результата этой деятельности.

В образе-цели, формирующемся в процессе целеполагания, объект отражается как изменяющийся не просто сам по себе (по своим законам), а в результате деятельности. Например, заданное состояние объекта управления представляется как такое состояние, которое должно возникнуть в результате управляющего воздействия, осуществляемого оператором.

Образ-цель как бы впитывает весь профессиональный опыт человека, а также включает и представление о средствах деятельности, т. е. опосредствуется используемой в процессе этой деятельности техникой.

Наблюдения и экспериментальные данные позволяют предполагать, что образ-цель определяет критерии селекции информации о текущем состоянии объекта управления, а также ее интеграции. Какие сигналы из общего потока будет выбирать человек в первую очередь и как он будет объединять их, зависит от характера образа будущего состояния предмета деятельности. Этот образ определяет также способы перекодирования поступающей информации, ее оценки, формирование гипотез и принятие решения.

Образ-цель не остается неизменным на всем протяжении деятельности. По ходу ее выполнения он может трансформироваться, уточняться, становиться более детализированным и т. д.

При управлении машинами по приборам иногда возникает смещение (или соскальзывание) цели. Имеются в виду такие случаи, когда оператор от управления машиной (объектом) переходит к управлению приборами, т. е. начинает управлять не машиной по приборам, а приборами через машину. Здесь образ будущего состояния объекта замещается образом будущего состояния прибора. В сложных ситуациях это может привести к серьезным ошибкам (например, к потере пространственной ориентировки во время авиационного или космического полета). Возможность смещения цели особенно велика в том случае, когда оператор выполняет функцию «резервного звена» автоматики и в течение длительного времени занимает позицию пассивного наблюдателя (75, 169). Экспериментально показано, что если во время обучения человек (оператор) в качестве цели принимает управление показаниями приборов, а не объекта по показаниям приборов, то сформированные навыки оказываются неустойчивыми: перерыв в обучении приводит к довольно быстрому их разрушению¹⁷ [502].

¹⁷ В этой связи, по видимому, необходимо при разработке технических устройств системы «человек—машина» и определении режима труда оператора использовать специальные средства, позволяющие сохранять образ цели. Какими именно могут быть эти средства,— зависит от особенностей конкретной деятельности оператора. Одним из вариантов может быть отображение целей на индикаторных устройствах (либо специальных, либо тех, которые передают

Достижение поставленной цели — это не одномоментный акт, а более или менее длительный процесс, развертывающийся во времени. Цель развертывается в систему частных задач, каждая из которых реализуется путем выполнения отдельного действия. Действие, обеспечивающее выполнение одной простой текущей задачи, в психологии принято считать единицей или элементом деятельности. В принципе деятельность может быть описана как система сменяющихся друг друга действий.

Сформированный в начале деятельности образ-цель должен сохраняться в памяти человека до ее окончания, выступая в роли ведущего регулятора всей системы действий. Но эта система может иметь разное строение. В одних случаях она представляет собой последовательность действий, в которой каждое последующее подготавливается предыдущим и является его логическим продолжением (завершение одного действия дает не только частный результат, но и определяет задачу следующего). В других — человеку приходится одновременно решать несколько задач, отнесенных к одной и той же цели, и соответственно выполнять несколько действий, которые иногда могут и не быть логически связанными.

Возможны и такие случаи, когда человек имеет не одну, а несколько целей, а следовательно, выполняет несколько деятельностей. При этом действия, относящиеся к разным деятельностям, чередуются во времени либо в строго установленном, либо в случайном порядке. Необходимость совмещать действия и переключаться от одной задачи к другой создает трудности и требует большого нервно-психического напряжения. Как показал А. А. Крылов, предложивший концепцию включения, эти трудности преодолеваются путем формирования специфического синтеза действий [238].

Отдельное действие, обеспечивающее решение частной задачи, подчинено общей цели и связано со всеми другими действиями, с теми, которые уже выполнены, и с теми, которые еще предстоит выполнить.

Эта связь между действиями, подчиненными единой цели, возможна только в том случае, если человек имеет план деятельности, организующий ее во времени и пространстве. Этот план, так же как цель, формируется в сознании человека еще до начала деятельности, т. е. в процессе антиципации. Но в отличие от цели, отражающей будущий продукт деятельности, в плане отражается стратегия и тактика ее реализации на основе объективных и субъективных условий выполняемой деятельности [75; 300]. —4

Как показывают наблюдения и психологические исследования, деятельность организуется по-разному, в зависимости от того, как она планируется.

Элементарный способ планирования — работа «по ориентирам». В этом случае действия строятся по принципу ответов на возникающие сигналы (Деятельность — осведомительную информацию); цель может отображаться как в наглядной, так и в знаковой (например, словесной) форме. Другой вариант — речевые команды, передаваемые оператору в сложных условиях, напоминающие ему об основной цели деятельности. Возможны, конечно, и другие варианты.

НОсЮ здесь как бы полностью подчинена ходу внешних событий. Если человек действует по ориентирам, то это значит, что он фактически не имеет заранее обдуманного и четкого плана. В условиях, когда сигналы, требующие ответных действий, имеют случайный характер и возникают часто, деятельность становится весьма напряженной, иногда хаотической. Такой уровень организации характерен для начинающих неопытных работников.

Способ более высокого уровня — работа по образцу, некоторому шаблону. При такой организации человек имеет достаточно четкий, но стандартный (жесткий) план и стремится выполнять действия всегда в одном и том же порядке. Стандартный план, конечно, обеспечивает более высокие эффективность и качество деятельности, чем работа по ориентирам. Но трудные условия, возникновение неожиданных событий, могут дезорганизовать деятельность, протекающую по такому плану.

Наиболее эффективный способ — это планирование деятельности с учетом предполагаемого изменения условий, в том числе вероятностей возникновения тех или иных событий. В этом случае человек намечает общую стратегию деятельности но без детализации, что дает возможность в зависимости от конкретных условий изменять характер и последовательность действий.¹⁸

Неотъемлемым компонентом развитого способа планирования деятельности является предвидение хода управляемого процесса и возможных изменений среды, в которой этот процесс протекает. В зависимости от профессионального опыта уровни предвидения также могут быть различны. Элементарный уровень — это определение последовательности основных фаз процесса в связи с предполагаемыми действиями (в момент времени t возникает событие a нужно выполнить действие x , в результате которого возникает событие a'). На более высоком уровне предусматривается несколько различных возможных вариантов процесса и приблизительно (на основе прошлого опыта) оцениваются их вероятности (в момент времени t возможны события или a , или B , если появится событие a , нужно выполнить действие x , в результате которого возникает событие a' ; если появится событие B , нужно выполнить действие y , в результате которого возникнет событие B' и т. д.).

Умение предвидеть не является, конечно, некоторым натуральным качеством человека. Оно формируется в процессе накопления профессионального опыта. Этому умению можно и нужно обучать. Рациональное планирование деятельности предполагает не только анализ условий, в которых она протекает, и предвидение хода управляемого процесса, но также и оценку человеком его собственных возможностей, т. е. самооценку, и определение оптимальных путей использования своих резервов.

Важно отметить, что у человека, управляющего техникой (оператора), план деятельности (программа действий) строится с учетом тех технических устройств, при помощи которых он только и может быть реализован. Его элементами являются не просто образы действий, которые берутся сами по себе, а образы «действие + функция органов управления». Это значит, что программа действий оператора опосредствуется техникой. Собственная деятельность выступает в ней в неразрывном единстве с функционированием техники.

¹⁸ Перечисленные уровни планирования были выявлены при изучении деятельности рабочих многостаночников [57]. Но они наблюдаются также и в других видах деятельности.

План деятельности, сформированный до начала ее выполнения, определяет лишь общую «канву». В процессе деятельности он развивается и уточняется. При этом изменяется и «масштаб» плана (переход от общих принципов к деталям). Если в начале определяется план деятельности и хода процесса управления в целом, то при ее выполнении формируются планы отдельных фаз процесса, операций и переходов от одной операции к другой.¹⁹

При этом в условиях длительной деятельности возможно изменение «точек отсчета», относительно которых формируются планы. В какие то моменты текущей деятельности планирование ее отдельных этапов ведется относительно начала (выполнены действия a , B , c , следующим должно быть действие d), в какие-то — относительно конца (завершающее действие y , чтобы подготовить его, нужно выполнить действие x).

Вопрос об индивидуальном планировании деятельности имеет большое значение для решения задач профессионального обучения, а также психологически обоснованной разработки техники и технологического процесса (инженерно-психологический аспект проблемы).

В связи с этой, последней, задачей важно отметить два момента. Во первых при разработке технологического процесса (в том числе и процесса управления) иногда исходят из того, чтобы навязать человеку жесткие и однозначные предписания. Создаются такие условия, при которых он должен работать подобно автомату, по жесткому алгоритму. В этих условиях фактически исключается даже самая возможность самостоятельного планирования. Человека вынуждают работать «по ориентирам». Между тем психологические и физиологические исследования показывают, что при выполнении «запрограммированной» деятельности очень быстро развивается утомление, теряется интерес к работе, надежность си «смы человек—машина» невысока. Кстати сказать, по данным западногерманских психологов, одной из причин летных происшествий является «стереотипизация мышления летчика» [75].

Очевидно, разрабатывая технологический процесс, определяя состав и последовательность операций, важно предусматривать то, как будет организована деятельность человека и обеспечены его возможности самостоятельно, индивидуально планировать свою деятельность.

Во вторых, как показывают исследования, если информация об управляемом процессе передается в такой форме, которая не дает возможности предвидеть ее развитие (или тем более затрудняет предвидение), а следовательно, и планирование деятельности, то это часто приводит к сбоям, ошибкам и отказам в работе оператора.

Чтобы обеспечить высокий уровень эффективности и надежности в работе оператора, информация должна передаваться ему таким способом, который бы позволял не только оценивать текущее состояние объекта управления и среды, но и предвидеть их возможные изменения. В некоторых случаях (например, в длительном космическом полете) также целесообразно информировать человека о функциональном состоянии его организма (например, по физиологическим показателям).

Для того чтобы преобразовать предмет деятельности в продукт, человек должен не только обладать образом-целью и планом, но и

¹⁹ Операция — это элемент технологического процесса. Ее следует отличать от действия, являющегося элементом человеческой деятельности. В системах «человек—машина» операция может выполняться иногда при помощи одного действия, иногда — нескольких. В автоматизированных системах многие операции выполняются без участия человека.

воспринимать (точнее, извлекать) **информацию о текущем состоянии предмета** в процессе его преобразования. В каждый момент деятельности на анализаторы (органы чувств) поступает множество сигналов: зрительных, слуховых, тактильных и т. д. Из этой массы человек выбирает сигналы, релевантные задаче, объединяет их в определенные структуры, позволяющие оценивать состояния предмета деятельности относительно образа-цели. Идеальное специализированное отражение преобразуемого в деятельности предмета, складывающееся по ходу выполнения конкретного действия и подчиненное задаче этого действия, выступает как оперативный образ [357]. Именно благодаря оперативному образу движения органов человеческого тела организуются в единую систему — действие — и обеспечивается адекватность действия цели, предмету, средствам и условиям деятельности.

Как уже отмечалось в первой главе, в условиях современного производства человек, как правило, не имеет возможности непосредственно воспринимать изменяемый им объект, а получает текущую информацию от систем отображения в закодированном виде.

В этих условиях прием информации осуществляется как процесс, имеющий по крайней мере два уровня. Первый — это восприятие физических явлений, выступающих в роли носителей информации (положение стрелки на шкале контрольно-измерительного прибора, комбинация световых пятен на экране электронно-лучевой трубки, вспышка света, звук и т. п.). Второй — декодирование воспринятых сигналов и формирование на этой основе некоторой «умственной картины» управляемого процесса и условий, в которых данный процесс протекает. Такую умственную картину в инженерной психологии принято называть «концептуальной моделью». Как отмечает А. Т. Велфорд, предложивший это понятие, концептуальная модель «часто груба и неточна, но она дает оператору возможность соотнести разные части процесса в целом и действовать эффективно» [668, с. 186]. Концептуальная модель — это оперативный образ, формирование которого опосредствовано техникой.

Что касается первого уровня, то он изучен в психологии и психофизиологии достаточно подробно. Обратим лишь внимание на то, что органы чувств человека, посредством которых воспринимаются поступающие сигналы, функционируют как единая система. Человеческий мозг осуществляет синтез всех поступающих сигналов. Между тем в инженерно-психологических исследованиях сигналы, несущие информацию о том или ином параметре управляемого объекта, рассматриваются нередко изолированно, вне связи с другими воздействиями на органы чувств человека. Дело выглядит так, будто бы оператор обладает только световой, только цветовой, только звуковой и т. п. чувствительностью. В действительности же любой сигнал воспринимается в общем потоке всех других. Целостное чувственное отражение предметов и явлений, окружающих человека, формируется в результате взаимодействия анализаторов. В основе целостного чувственного отражения лежит нейрофизиологический механизм афферентного синтеза.

Важно отметить, что в процессе управления оператор воспринимает не только сигналы, генерируемые системами отображения информации (сигналы от приборов), т. е. приборные инструментальные сигналы, но и сигналы, возникающие при непосредственном воздействии (помимо приборов) тех иных параметров управляемого процесса, т. е. неинструментальные.

Между инструментальными и неинструментальными сигналами иногда возникают противоречия, которые могут привести к неверному декодированию и интерпретации инструментальных сигналов, к иллюзиям и т. п. [75].

Поэтому особенно важно при проектировании системы «человек — машина» заранее определять характер неинструментальных сигналов, которые будут возникать в реальных условиях управления, и учитывать это при разработке устройств, передающих оператору инструментальные сигналы.

Второй уровень процесса приема и переработки текущей информации — концептуальная модель — изучен значительно меньше, чем первый. Основные трудности здесь связаны с тем, что эта модель включает в себя не только трансформированные сигналы, воспринимаемые в данный момент, но и прошлый опыт человека. Она выступает как некоторый динамический синтез наличной информации (воспринимаемой в данный момент) и информации, извлекаемой из памяти²⁰.

Поскольку концептуальная модель выступает в форме представления, то для раскрытия ее характеристик ценными являются те данные, которые накоплены психологией в связи с изучением этого уровня психического отражения.

В формировании концептуальной модели большую роль играют не только непосредственные восприятия объектов, ситуаций и т. д., но и знаковые системы (язык, карты, чертежи и т. д.). Человек, владеющий методами работы со знаками и знаковыми системами, может сформировать концептуальную модель той или иной ситуации даже в том случае, если он ее никогда не воспринимал (по словесному описанию, чертежам, схемам и т. п.). Вместе с тем знаковые системы, используемые в процессе управления, являются эффективным средством сохранения и уточнения (при необходимости) концептуальной модели.

Субъективно задача, определяющая действие человека (например, перевести объект управления из одного состояния в другое), выступает как своего рода «рассогласование» между оперативным образом (концептуальной моделью) и образом-целью²¹. Это рассогласование определяет направление поиска решения, в процессе которого происходит выдвижение гипотез, их проверка и оценка, т. е. **принятие решения**.

Проблемы принятия решения мы частично уже касались (см. вторую главу). Здесь лишь отметим, что принятие решения включено в любую деятельность, является важнейшей их составляющей. Оно может относиться и ко всей деятельности в целом, выступая как относительно самостоятельное действие, и к отдельным действиям или даже его компонентам. Человек должен принимать решение и при определении цели деятельности, а также подцелей (конкретных задач), и при планировании, и при построении оперативного образа, и при выполнении действий. Принятие решения относительно каждой основной составляющей деятельности определяется специфическим сочетанием детерминант. Так, ведущими детерми-

^{20*} При разработке систем отображения информации необходимо учитывать оба описанных уровня приема и переработки информации. Это значит, что алфавит инструментальных (приборных) сигналов и характеристики отображения в целом должны оцениваться не только по их соответствию анализаторам человека (видимость, различимость и т. п.), но и по тому, насколько они обеспечивают полноту и своевременность актуализации концептуальной модели и как влияют на ее динамику.

Иногда на практике встречаются такие случаи, когда отображение соответствует всем особенностям процессов обнаружения, различения и опознавания сигналов, т. е. первому уровню приема информации, но затрудняет интерпретацию сигналов и актуализацию концептуальной модели. Это закономерно приводит к возникновению ошибок в деятельности оператора.

Как показали исследования А. И. Галактионова, Н. А. Бахарева и др., концептуальные модели являются многоструктурными. Авторы выделили четыре типа этих моделей: технологическую, функциональную, алгоритмическую и образную [130].

²¹ По-видимому, степень трудности задачи определяется величиной такого рассогласования. Чем эта величина больше, тем задача субъективно оценивается как более трудная. Понятно, что степень трудности зависит от сформированное™ как оперативного образа, так и образа-цели.

нантами решений, связанных с мотивами, являются социальные факторы (уровень притязаний, оценка со стороны референтной группы, престижность профессии); ведущими детерминантами при планировании являются факторы когнитивные и операциональные.

Необходимость в решении возникает во всех тех случаях, когда человек сталкивается с ситуацией, которая имеет несколько возможных исходов или, по крайней мере, так представляется дело человеку. Появление непредвиденных обстоятельств также требует принятия решения. Ситуацию, включающую неопределенность, а следовательно, требующую принятия решения, принято называть проблемой.

Подобные ситуации могут возникать на всех уровнях психического отражения окружающей действительности и регуляции деятельности: сенсорно-перцептивном, «представленном» и вербально-логическом.

Даже сравнительно элементарный сенсорный процесс — обнаружение сигнала — включает принятие решения. Это особенно отчетливо наблюдается в том случае, когда слабый сигнал, близкий к пороговому, появляется на фоне шума. Современные психофизические исследования показывают, что обнаружение сигнала определяется не самой по себе чувствительностью анализаторов, но и некоторыми другими факторами, прежде всего тем критерием, который выбирает человек и пользуется при определении своих ответов (подробнее см. [65; 163; 165 и др.]) Выбор критерия зависит от цели (и задачи) деятельности, уровня тренировки человека, той априорной информации, которой он располагает, установки, отношения к задаче и т. п. Иначе говоря, порог обнаружения не является просто некоторой нестационарной величиной, изменяющейся под влиянием физиологических факторов. Эта величина может изменяться произвольно и направленно под влиянием психологических факторов, которые прямо не связаны с физиологическими состояниями анализатора.

В экспериментальных исследованиях Забродина [165] выявлено, что критерии, которыми пользуется человек при обнаружении сигналов, могут быть двух родов. Критерий первого рода — критерий минимальной субъективной неопределенности (человек стремится работать таким образом, чтобы уменьшить субъективную неопределенность ситуации). Критерий второго рода — критерий максимальной устойчивости (человек стремится работать, строго следуя поставленной задаче). На первых этапах обучения в поведении человека обычно преобладает критерий первого рода, но по мере овладения деятельностью он переходит к критерию второго рода. Аналогичная картина наблюдается в процессах различения, опознавания и интерпретации сигналов, поступающих к анализаторам человека.

Еще более сложна структура принятия решения в процессах мысленного манипулирования представлениями и определения способа выполнения того или иного действия.

Процесс принятия решения включает: выявление проблемной

ситуации; мысленное выдвижение различных вариантов решения (гипотез); оценка (контроль) выдвинутых вариантов; выбор того варианта решения, который обеспечивает достижение требуемого результата. Как показали исследования Сухобской и Кулюткина [248], в зависимости от соотношения процессов выдвижения гипотез и их контроля можно выделить пять типов принятия решения: импульсивное решение (выдвинутая гипотеза принимается без контроля); решение с риском (выдвинутая гипотеза контролируется лишь частично); уравновешенное решение (процессы выдвижения гипотез и их контроля сбалансированы); осторожное решение (контроль как бы начинает подавлять выдвижение гипотез); инертное решение (процессы контроля подавляют процессы выдвижения гипотез, а последние протекают очень медленно и неуверенно). Крайние типы принятия решения (импульсивное и инертное) являются наименее эффективными. У лиц с высокоразвитым интеллектом эти типы решения встречаются редко. Наиболее эффективны решения, сочетающие риск с осмотрительностью.

Предложенная типология ставит проблему принятия решения в прямую связь с проблемой личности. Возникает необходимость рассмотрения проблемы принятия решения не в плане деятельности, взятой сама по себе (как это делается иногда), а в плане анализа субъекта деятельности — личности. По мнению Шадрикова [516], только этот план позволяет раскрыть реальную связь процесса принятия решения с основными образующими деятельности. Вектор «мотив—цель», формируясь на базе потребностей личности, обеспечивает уровень ее активности в процессе принятия решения. Включенность личности в многообразные общественные отношения, налагающие на нее определенные обязанности, обуславливает ответственность за принимаемые решения. Индивидуальный опыт (в том числе уровень развития оперативных образов, планов деятельности и т. п.) определяет возможности формирования гипотез и эффективного выбора. Сознательность, целенаправленность и предметность деятельности с необходимостью преломляются в каждом акте решения.

Как уже отмечалось, деятельность реализуется в конкретных действиях, посредством которых осуществляется преобразование ее предмета в продукт. Не претендуя на классификацию всего многообразия исторически развивающихся видов действий, отметим только, что в их изучении важно различать **действия с реальными** (материальными) предметами и **действия с предметами идеальными**, зафиксированными в знаковых системах.

В психологии (особенно в психологии труда) проводится немало исследований действий с реальными предметами. На основе полученных данных выявлены некоторые существенные характеристики механизма их психической регуляции.

Важнейшая роль в этом механизме принадлежит сигналам обратной связи, несущим **информацию о результатах действия**. Эти сигналы включаются в оперативный образ, корректируют и уточняют его. Выполнив то или иное действие (или систему действий),

человек изменяет состояние предмета деятельности. Возникающий при этом сигнал не только несет информацию о новом (изменившемся) состоянии предмета, но — и это главное — является для человека сигналом о результате его действия. Он несет информацию о том, решена ли задача (достигнута ли цель). Образ этого сигнала сливается с образом-целью.

Подобно сигналам о текущем состоянии предмета деятельности, сигналы обратной связи выступают как в инструментальной, так и в неинструментальной форме. При этом они могут вступать в конфликтные отношения, что создает подчас большие трудности в оценке результата действия. Анализ и синтез сигналов обратной связи, их сличение с образом-целью является основанием либо коррекции, либо перехода к новому действию.

В отличие от действий с реальными предметами действия с идеальными предметами изучаются значительно менее. В основном их исследование связано с анализом переходов предметно-практических действий в умственные, и здесь имеются определенные достижения (см. [131; 466] и др.). Однако в стороне остается проблема перехода от умственных действий к предметнопрактическим.

Между тем любая развитая деятельность включает действия как с реальными, так и с идеальными предметами²²; в ходе ее выполнения совершаются переходы одних в другие. Бели пользоваться терминологией «деятельностного» подхода, то можно сказать, что в деятельности процесс интериоризации неразрывно связан с процессом экстериоризации. Как происходят взаимопереходы действий с реальными и с идеальными объектами? Каким закономерностям они подчиняются? Эти вопросы, на наш взгляд, являются важнейшими для дальнейшей разработки психологической теории деятельности.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что механизм психической регуляции деятельности представляет собой многоуровневую и чрезвычайно динамическую систему. За внешне наблюдаемыми двигательными актами, в которых в конце концов выражается любая деятельность, скрывается огромная и весьма сложная система процессов, связанных с формированием мотивов, целей, планов, оперативных образов (и концептуальных моделей), принятием решения, анализом и синтезом текущей информации и сигналов обратной связи. Именно она и составляет предмет психологического исследования деятельности.

Одним из важнейших в анализе структуры деятельности является вопрос о том, что объединяет перечисленные составляющие

На наш взгляд, конструктивной для решения этого вопроса представляется концепция установки, предложенная Узнадзе и про-

²² Неверно было бы представлять дело так, что физический труд — это действие только с реальными объектами, а умственный — с идеальными. И тот и другой включают оба вида действий, но их соотношение специфично в каждой деятельности.

дуктивно разрабатываемая его школой. Именно установка, представляющая собой целостное состояние мобилизованности индивида на определенное действие, обеспечивает объединение всей системы включающихся в него психических процессов. «Установка, — как пишет Р. Г. Натадзе, — обуславливает единство действия, соответствующее данной ситуации и потребностям субъекта» [343, с. 81].

Важнейшим требованием психологического исследования является изучение системы деятельности в развитии, в плане ее генезиса.

Перспективным, на наш взгляд, направлением, реализующим данное требование, является концепция системогенеза деятельности, предложенная Шадриковым на основе изучения профессиональной деятельности. Он показал, что процесс овладения профессиональной деятельностью не является аддитивным в том смысле, что сначала формируются одни ее составляющие, затем — другие. Деятельность как бы «закладывается вся целиком», но в неразвитой форме. В дальнейшем ее «составляющие» развиваются неравномерно, гетерохронно. При этом развитие любой из составляющих на каком-либо определенном этапе овладения деятельностью достигает лишь того уровня, который является для данного этапа достаточным (а не максимальным, как иногда полагают). Иначе говоря, развитие каждой из составляющих подчиняется развитию системы в целом.

Неравномерность в развитии деятельности отмечалась многими авторами [516]. В последние годы этим вопросом специально занялся В. Ф. Венда [116]. Анализируя процесс обучения операторов, он показал, что в так называемые «кривые обучения» необходимым образом включены периоды подъема и спада достигаемых результатов. Неравномерность процесса формирования навыков отмечает также Б. Н. Митрофановым. За внешней картиной неравномерности достижений скрываются процессы изменения стратегии деятельности человека, перестройки описанного выше механизма ее психической регуляции.

Важнейшим звеном системогенеза деятельности является формирование навыков. По существу, понятием навык характеризуется сложившаяся система деятельности. Нужно отметить, что в последнее время интерес к проблеме навыков в психологии заметно снизился. Между тем практика (в развитии которой возникают все новые и новые виды деятельности) непрерывно ставит задачи, требующие дальнейшей разработки этой проблемы.

Наиболее изучены в психологии так называемые двигательные навыки, формирующиеся в контексте предметно-практической деятельности.

Обобщая накопленные данные на основе современных психологических представлений, можно выделить несколько основных черт процесса формирования двигательного навыка.

Первая из них — это образование двигательных структур, объединяющих отдельные рабочие движения в единое целое.

Как показали наши исследования [281], любое, даже сравнительно простое двигательное действие включает массу движений, имеющих разные функции.

Их можно разделить на три группы. Первую составляют собственно рабочие (или исполнительские) движения, посредством которых осуществляется воздействие на предмет. В структуре действия они занимают центральное место.

Ко второй относятся гностические движения (осозательные, измерительные, пробующие и контрольные). Их функция — не изменение предмета, а познание предмета (и орудия) и ориентировка в возможных способах действия.

Третья группа — приспособительные движения (установочные, корректировочные, уравнивающие, компенсаторные). Они обеспечивают устойчивость двигательного действия. Между перечисленными группами движений нет резких границ. В реальных трудовых действиях наблюдаются взаимные переходы между ними.

Именно движения, относящиеся ко второй и третьей группам, на начальных этапах овладения действием кажутся «лишними», на самом же деле на этих этапах они необходимы, поскольку обеспечивают ориентировку человека. Они выполняют функцию своего рода «строительных лесов» в формировании действия.

По мере обучения движения двух последних групп сокращаются, благодаря чему собственно рабочие, исполнительские движения как бы начинают выступать в чистом виде. Однако при перестройке способа действия гностические (особенно пробующие) и приспособительные движения вновь появляются, подготавливая формирование нового навыка, новой двигательной структуры. Аналогичные результаты получены в исследовании И. Д. Гордеевой, В. М. Девишвили и В. П. Зинченко [1, 147].

Процесс формирования двигательной структуры обычно протекает не гладко. Между отдельными движениями часто возникают противоречия: одни могут мешать выполнению других, что обуславливает низкий темп деятельности, сбой и ошибки.

Формирование двигательных структур сопровождается постепенным устранением «лишних» движений и уменьшением мышечной напряженности.

Другая черта процесса овладения навыком — это формирование сенсорно-перцептивных структур, объединяющих образы сигналов, релевантных двигательной задаче. При формировании таких структур образуются определенные системы связей между разными анализаторами.

На первых этапах овладения навыком главную роль в регуляции и контроле совершаемых движений играют дистантные анализаторы, в основном зрительный. Именно зрительные сигналы образуют сенсорную структуру действия, они же выполняют и функцию обратной связи.

Позднее по мере тренировки сенсорная структура перестраивается: возрастает роль контактных (осозательных) и проприоцептивных сигналов (при определенных условиях они становятся ведущими). Так, известно, что опытные профессионалы могут выполнять довольно сложно координированные движения без зрительного контроля.

Перераспределение роли разных анализаторов при формировании навыка связано с переходом от внешнего контура регулирования (например, глаз — рука) к внутреннему (двигательный аппарат руки — кинестетический анализатор). Это позволяет значительно сократить время цикла регулирования.

Вместе с тем переход от внешнего контура регулирования к внутреннему освобождает зрительный анализатор от необходимости детального контроля за совершаемыми движениями. В связи с этим появляется возможность изменения направленности внимания. Человек, овладевший навыком, начинает контролировать зрительно не столько собственные движения, сколько результат действия в целом. Появляется также возможность параллельно с выполнением двигательного действия решать некоторые дополнительные зрительные задачи.

Третья черта процесса формирования навыка — это изменение соотношений уровней регуляции. На первых этапах обучения и тренировки даже сравнительно простые элементы двигательного действия регулируются речемыслительными процессами. Позднее их регуляция передается сенсорно-перцептивному уровню, а речемыслительный начинает регулировать более крупные единицы деятельности. «Автоматизация» действий и состоит прежде всего в перераспределении роли различных уровней регуляции. У человека, владеющего навыком, мышление направ-

лено уже не на координацию Движений (это осуществляется сенсирно-перцептивным уровнем), а на решение других задач.

Проблема навыка имеет прямое отношение к проблеме осознаваемого и неосознаваемого в деятельности. По существу, при овладении навыком происходит изменение в соотношении ролей разных уровней регуляции: того, который осуществляется сознанием, и неосознаваемых форм психического отражения.

Можно полагать, что формирование структур и изменение соотношений уровней психической регуляции характеризуют процесс овладения не только двигательными, но также перцептивными, интеллектуальными и иными навыками.

Все перечисленные черты овладения навыком, по существу, характеризуют процесс **формирования деятельности как системы** в единстве ее моторных, когнитивных и регулятивных звеньев. Навык не является некоторым самостоятельным элементом деятельности. Он скорее показывает **уровень ее сформированности**.

Часто понятие «навык*» не отличают от понятия «умение» (иногда умение рассматривается как начальный этап формирования навыка). Между тем эти понятия не тождественны.

Умение представляет собой сложное психическое образование. Оно формируется на основе системы навыков, относящихся к одному и тому же виду деятельности. Однако сама по себе система навыков еще не обеспечивает возможности самостоятельно выполнять ту или иную работу. Для того чтобы достичь этого, человек должен владеть не только соответствующей системой навыков, но и системой знаний. «Умелое действие» — это всегда действие со знанием дела. При этом имеются в виду не только знания о том, как выполнить то или иное действие, но и знание главных особенностей своего дела в целом: особенностей технологического процесса, физических (или иных) законов, определяющих этот процесс, машины, которой человек управляет и т. д., т. е. умение формируется на основе широкого круга знаний о трудовом процессе, орудиях и условиях труда. В оперативной форме знания включаются в структуру деятельности.

Система знаний плюс система навыков и создают готовность человека к самостоятельному решению поставленных перед ним задач.

Умение включает не только двигательные, но и умственные действия. Действовать умело — значит действовать «с умом», самостоятельно планировать процесс работы, находить в каждом конкретном случае наиболее рациональные способы действия.

При сравнении умения и навыка обнаруживаются существенные различия. Для навыка как автоматизированного действия характерна стереотипность. Умение, напротив, проявляется в решении новых задач. Оно предполагает хорошую ориентировку в новых условиях и выступает не как простое повторение того, что было усвоено в прошлом опыте, а включает в себя момент творчества.

Умение и навыки развиваются в неразрывной связи. С одной стороны, овладение определенным кругом навыков необходимо для

формирования умения. С другой — человек, обладающий умением, может более легко овладеть и новыми навыками. Навыки, включенные в умение, имеют большие возможности переноса из одних видов деятельности в другие.

Уровнем развития знаний, умений и навыков определяется общая культура труда человека и его профессиональное мастерство. Но этим профессиональное мастерство не исчерпывается. Необходимая его составляющая — творчество, которое проявляется в практическом мышлении. Нужно сказать, что творчество — это не исключительное состояние художественной, научной и изобретательной деятельности. Любая деятельность включает момент **творчества**.

Проблема творчества в практической деятельности исследовалась Тепловым [474]. Он показал, что для развитого практического мышления характерна способность «быстро разбираться в сложной ситуации и почти мгновенно находить правильное решение», т. е. то, что обычно называется интуицией. Интуиция развивается в процессе деятельности человека, выступая как некоторый «спрессованный опыт». В ней своеобразно соединяются образное и понятийное мышление. Отражение общих и существенных взаимосвязей между явлениями сочетается с относительным преобладанием наглядности. Наглядный образ как бы вбирает в себя всю ту сумму знаний, которая получена путем дискурсивного понятийного мышления. Логика и оперирование образами выступают в неразрывном единстве.

Перспективной для исследования творческих компонентов деятельности, по нашему мнению, является концепция, предложенная Я. А. Пономаревым [374]. Так называемое интуитивное решение, согласно этой концепции, основывается на двойственности результата деятельности. Эта двойственность состоит в том, что, помимо прямого продукта (соответствующего сознательно поставленной цели), в результате действий содержится также побочный продукт, возникающий помимо сознательного намерения; он складывается под влиянием тех свойств предмета деятельности, которые включены в действие, но иррелевантны по отношению к цели. Обычно (но не обязательно) побочный продукт не осознается тем, кто его производит, так как его внимание занято целью. Однако при определенных (весьма многозначных) условиях неосознаваемое (или не полностью осознаваемое) отражение побочного продукта может стать регулятором действия. В этом случае побочный продукт, если он содержит «ключ к задаче», приводит к ее интуитивному решению. Способ решения при этом не осознается; оно субъективно переживается как неожиданное, как инсайт.

В этом параграфе дано лишь очень общее эскизное описание психологического строения деятельности. Дальнейшее исследование в намеченном направлении требует выявления взаимоотношений между составляющими деятельности, их динамики и взаимопереходов в процессе ее формирования и развития, т. е. ее системогенеза.

Особого внимания заслуживает проблема осознаваемого и неосознаваемого в деятельности. В этой связи отметим, что в психологических концепциях деятельность обычно связывается с высшей специфически человеческой формой отражения — с сознанием. И это справедливо. Человеческая деятельность в целом, на макроуровне анализа, целенаправленна и сознательна. Но более детальный анализ (на микроуровне) обнаруживает в ней массу компонентов, которые являются необходимыми для ее осуществления, но не осознаются.

На уровне сознания отражаются цель деятельности, ее общий план, предмет, прямой продукт. Но часто за пределами сознания остаются отдельные движения, включенные в структуру навыка, побочные продукты и многое другое. Представляется, что проблема соотношения осознаваемого и неосознаваемого в деятельности должна составить предмет специальных теоретических и экспериментальных исследований.

Исследование деятельности не должно, конечно, ограничиваться анализом только ее социальной обусловленности и «психологическими составляющими». Следующий шаг — это изучение физиологического (более широко: природного) обеспечения деятельности. Базой для перехода к этому шагу могут быть концепции, в которых раскрывается системная организация физиологических процессов, в частности теория функциональной системы (Анохин [45]), концепции функционального органа (Ухтомский [485]), физиологии активности (Бернштейн [77]) и др. Важно отметить, что физиологическое обеспечение деятельности не исчерпывается только нервными процессами, в него включается вся система физиологических процессов, протекающих в действующем организме. Существенно также изучение биомеханических характеристик деятельности. В этом плане большой интерес представляют работы Г. В. Коренева по проблемам целенаправленной механики [225].

§ 4. Проблема совместной деятельности

Общепсихологическая теория деятельности вряд ли может быть построена на основе изучения только той ее формы, которая определяется как индивидуальная. Психологические исследования должны быть распространены и на совместную деятельность. Более того, в индивидуальной деятельности многое остается непонятным, если она рассматривается сама по себе, безотносительно к деятельности совместной.

Общественная природа деятельности проявляется, конечно, и в том случае, когда она протекает как индивидуальная, и в том, когда она протекает как совместная. Но во втором случае это обнаруживается более явно и полно. То, как именно будут складываться совместная деятельность и взаимоотношения людей в процессе ее выполнения, в конце концов определяется системой общественных, и прежде всего производственных, отношений, которые сформировались в данном обществе.

К сожалению, в психологии совместная деятельность почти не изучается, на что мы обращали внимание [234—290]. Лишь в последние годы она стала объектом исследований в социальной психологии. Нужно отменить, что ее изучение важно для развития многих областей психологической науки²³. Принципиальное значение оно имеет также для общей теории психологии.

Понятие «совместная деятельность» весьма широкое. Вообще говоря, любое проявление жизни общества может быть рассмотрено как совместная деятельность людей. Строго говоря, любая индивидуальная деятельность является составной частью деятельности совместной. Поэтому в принципе исходный пункт анализа индивидуальной деятельности состоит в том, чтобы определить ее место в деятельности совместной, а соответственно и функцию данного индивида в группе. Это является обязательным условием исследования мотивов, целеобразования и структуры деятельности (в том числе особенностей взаимоотношений и динамики психических процессов). Конечно, с целью научного исследования можно индивидуальную деятельность «вырезать» из общего контекста и рассматривать ее изолированно. Но при этом неизбежно картина становится неполной. Когда мы пытаемся описать индивидуальную деятельность в ее «собственной логике», т. е. рассмотреть ее как «замкнутую систему», неизбежно обнаруживаются «провалы», «нарушения», «белые пятна», «разрывы» в общей линии и т. п.

Вообще, вряд ли возможно (и особенно в условиях современного общества) найти такую деятельность, в которой бы индивид, подобно Робинзону, все от начала и до конца делал сам²⁴. Это относится не только к производственной деятельности, но и к любым другим ее видам (исследовательской, политической, организационной и т. д.).

Совместная деятельность — это огромная область проблем, пока еще слабо разработанных. В данном параграфе мы коснемся лишь небольшого круга вопросов, относящихся к деятельности малых (контактных) групп²⁵. Фактором, объединяющим людей в совместной деятельности и направляющим ее, является **общая цель**. Эта цель может быть связана с перспективами жизни реализующей ее группы людей, но она может иметь и эпизодический характер, т. е. определяться только обстоятельствами некоторого момента. Однако в любом случае она должна сохраняться в течение всего времени выполнения совместной деятельности. В предыдущем параграфе цель индивидуальной деятельности рассматривалась главным образом как феномен опережающего отражения; вместе с тем был

²³ Значение изучения совместной деятельности взрослого и ребенка в развитии предметных действий в раннем детстве справедливо отмечает Д. Б. Эльконин [534].

²⁴ Впрочем, этого не было даже на самых ранних ступенях развития человека.

²⁵ Это, конечно, не значит, что психологию не интересует деятельность больших групп. Однако проблемы, возникающие при изучении больших групп, выйдут за пределы тех, которые обсуждаются в данной главе.

отмечен" и другой аспект ее психологического анализа — ЛИЧНОСТНЫЙ. Оба эти аспекта можно выделить также в изучении совместной деятельности. Что касается первого из них (цель как образ будущего продукта деятельности), то для психологии прежде всего важно исследовать, как общая цель становится достоянием каждого индивида, входящего в группу, и в какой форме она отражается в его голове. Будет ли она выступать в форме наглядного представления или «логической конструкции», зависит от индивидуально-психологических особенностей каждого участника совместной деятельности. Не менее важно изучить также влияние этих особенностей на процесс формирования общей цели и способов ее достижения.

Сформированная общая цель определяет **спецификацию задач** каждого из участников совместной деятельности, а следовательно, и те конкретные действия, которые должен выполнить каждый из них. При этом каждое отдельное действие каждого из участников выступает именно как составная часть совместной деятельности и может быть понято только в ее логике. При рассмотрении действия самого по себе процесс трансформации цели в систему задач (о чем говорилось в предыдущем параграфе) вообще не может быть раскрыт.

В изучении общей цели совместной деятельности особое значение приобретает второй, личностный, аспект. Включаясь в совместную деятельность, люди могут иметь (и обычно имеют) разные цели; случаи их полного совпадения — скорее исключение, чем правило.

Вопрос о том, как на этой основе формируется общая цель и как с ней соотносятся цели индивидуальные, является, пожалуй, ключевым для психологического изучения совместной деятельности.

Подход к его решению еще не разработан; не созданы и эффективные методы исследования.

Отметим лишь некоторые моменты, важные, с нашей точки зрения, для поиска такого подхода.

Во-первых, было бы большим упрощением представлять дело так, что каждая личность, включаясь в совместную деятельность, имеет только одну-единственную цель. В процессе жизни у личности формируется определенная система целей, в которой одни занимают ведущее, другие — подчиненное положение. При этом их соотношение динамично. Иначе говоря, каждая личность характеризуется сложно-структурированным и динамичным «полем целей». Благодаря этому создается возможность согласования индивидуальных целей и формирования той общей, которая требуется для организации конкретной совместной деятельности.

Во-вторых, когда речь идет об общей цели, то имеется в виду не только совпадение целей, которые ставятся отдельными лицами, участвующими в совместной деятельности. Более важно, что она связана с потребностями группы как целостного образования. В этом смысле общая цель как бы стоит над целями отдель-

Ных Личностей, являющихся членами этой группы; личные цели выступают как производные от общей. Здесь возникает вопрос о том, как тот или иной участник совместной деятельности трансформирует общую цель в собственную, понимает свою роль в ее реализации, а также как он понимает цели и роли других участников.

Процесс целеобразования в совместной деятельности с позиций психологии пока еще не изучен. Можно лишь в очень общей форме сказать, что он существенно зависит от социальных условий, в которых протекает совместная деятельность.

Формирование общей цели является первым и неперенным условием совместной деятельности. Если такая цель (по каким-либо причинам) не сформирована, то совместная деятельность просто не состоится.

Соотношение цели и мотивов в совместной деятельности еще более сложно, чем в индивидуальной. Объединенные в ней индивиды имеют общую цель, но мотивы их могут быть и обычно бывают различными. Здесь возможны многообразные варианты — от относительного совпадения мотивов участников совместной деятельности до их антагонизма.

«Переплетение» индивидуальных мотивов в совместной деятельности создает подчас весьма сложную картину, порождая множество разнообразных эффектов, например изменение индивидуальных мотивов и целей в условиях совместной деятельности, «обогащение» мотивационной сферы каждого из ее участников или распад совместной деятельности в результате столкновения мотивов (впрочем, даже при столкновении индивидуальных мотивов общая цель может быть сохранена). Межличностные отношения и раскрываются прежде всего именно в соотношении мотивов людей, объединенных совместной деятельностью.

В условиях совместной деятельности мотив индивида, включенного в нее, так или иначе соотносится с мотивами других ее участников, и в силу этого он может измениться. В этих условиях раскрываются некоторые новые стороны в динамике индивидуальных мотивов. Сложность «переплетений» мотивов в совместной деятельности создает, пожалуй, наибольшие трудности в руководстве этой деятельностью.

Чем перспективнее общая цель, направляющая совместную деятельность, тем больше возможность интеграции индивидуальных мотивов и превращения малой группы в подлинный коллектив. Это блестяще показано и в теории и на практике А. С. Макаренко [309].

Совместная деятельность (как и индивидуальная) предполагает планирование. Спецификация задач может разрабатываться группой в целом или даже одним из ее участников. Она выступает в роли основы общего плана совместной деятельности.

Процесс **планирования** протекает по-разному в зависимости от функциональной организации группы, которая определяет меру участия в нем каждого члена группы. Было бы интересно специально исследовать, как в этом процессе проявляются индивидуальные способы планирования (см. предыдущий параграф). Специфи-

кация задач в общем плане предусматривает не только состав и взаимосвязи технологических операций (и соответствующих действий), как это имеет место при планировании индивидуальной деятельности, но также распределение операций между участниками совместной деятельности и их координацию. Это, в свою очередь, предполагает учет уровня подготовки каждого участника и его индивидуальную-психологических особенностей. В ходе реализации совместной деятельности общий план выполняет прежде всего координирующую роль, определяя функциональные взаимосвязи между участниками этой деятельности.

На основе общего плана каждый из них формирует свой индивидуальный план (хотя бы и очень простой). При этом любой индивидуальный план строится не только как план собственных действий, но с учетом предполагаемых действий других участников совместной деятельности, их содействия или противодействия (например, «я должен выполнить действие *в*, после того как второй участник группы выполнит действие *а*; от того, как я выполню действие *в*, зависит действие *с* третьего участника и т. д.». Иначе говоря, формирование индивидуального плана в совместной деятельности включает момент рефлексии.

Совместная деятельность обеспечивает большие (по сравнению с индивидуальной) возможности **анализа и синтеза текущей информации**: использование способов взаимной проверки и оценки воспринимаемых сигналов, их селекция и преобразование.

То же можно сказать о **принятии решений**, а также о формировании оперативных образов и концептуальных моделей²⁶.

Совместная деятельность, подобно индивидуальной, складывается из действий **как** с материальными, **так и с идеальными** предметами. Психологический анализ предполагает определение состава этих действий и их взаимосвязей. Но здесь возникает и новая проблема. Это — проблема согласования действий, выполняемых разными участниками, от уровня которого существенно зависит ее эффективность.

Существенным для организации совместной деятельности является согласование действий во времени²⁷.

В принципе здесь возможны три основных варианта:

— отдельные действия или ряды последовательных действий выполняются разными участниками совместной деятельности параллельно во времени. Согласование здесь осуществляется в основном в начале деятельности и ее конце; оно может производиться также и по определенным этапам;

²⁶ Перечисленные составляющие совместной деятельности требуют, конечно, специального анализа. Определенный интерес для их изучения могут представить экспериментальные данные об особенностях когнитивных процессов в условиях общения (глава пятая, параграф третий).

²⁷ Это, конечно, не единственный показатель. К числу существенных нужно отнести также согласования способов и средств выполнения действий.

— последовательное выполнение действий, при котором результат действия, завершено одним участником, становится предметом действия другого. Здесь согласование требуется при каждом переходе;

— выполнение одной операции одновременно несколькими людьми. Согласование их действий в этом варианте должно осуществляться непрерывно в течение всего времени выполнения операции.

Перечисленные варианты совместной деятельности исследовались в разных аспектах В. Г. Асеевым [59], Ф. Д. Горбовым [145], Дж. И. Киддом и Р. Г. Кинкейдом [599], Н. Н. Обозовым [352], Д. А. Ошаниным [357], Л. И. Уманским [484], А. С. Чернышевым [512] и др. К сожалению, в их работах процесс согласования действия во времени и его психологический механизм исследовались лишь частично.

Пожалуй, наибольший интерес для психологии представляет третий вариант, поскольку здесь взаимодействие партнеров по совместной деятельности является непрерывным. Именно при его изучении Ф. Д. Горбов выявил такую важную психологическую характеристику, как совместимость [145].

В ходе реализации совместной деятельности действия ее отдельных участников регулируются отражением не только того предмета, на который оно направлено, но также и действий, выполняемых другими участниками, и тех преобразований предмета, которые ими осуществляются. Действие индивида строится, таким образом, не только соответственно предмету и задаче. Индивид «подстраивает» выполняемое им действие к действиям других людей.

Регуляция индивидуального действия включает момент «подстройки», что повышает уровень ее динамичности. В частности, подстройка проявляется в таком феномене, как синхронизация индивидуальных действий, т. е. формировании общего темпа (и ритма) совместной деятельности. По-видимому, в разных вариантах совместной деятельности этот феномен проявляется по-разному. Каков механизм синхронизации и какие факторы на нее влияют — этот вопрос требует специального экспериментального исследования.

Отмеченная роль антиципации в регуляции действия здесь (в условиях совместной деятельности) обнаруживается особенно отчетливо, поскольку без нее подстройка действия индивида к действиям других людей невозможна. При этом индивид должен предвидеть (антиципировать) тенденцию изменения не только предмета, с которым он действует, но также и действий других людей.

Наконец, оценка результата выполненных индивидуальных действий также подчиняется тем требованиям, которые определяются «совместностью» выполняемой деятельности. В психологии достаточно подробно изучается вопрос о роли сигналов обратной связи, несущих информацию о результатах выполненного действия, в его оценке и коррекции; в основном эти исследования относятся к изолированно взятым действиям индивида. Но как только мы рассмат-

риваем эти действия в контексте совместной деятельности, сразу же обнаруживаются два важных момента: во-первых, оценка осуществляется по критериям (и нормам), принятым в группе, во-вторых, сигнал обратной связи здесь относится не только к изменению предмета, но и к оценке результата действия индивида (и самого действия) со стороны других людей²⁸. Благодаря этому сигнал обратной связи «обогащается» дополнительной — и часто весьма существенной для индивида — информацией. В некоторых видах деятельности человек не имеет возможности оценивать результат своего действия сам. Он получает необходимую информацию только от другого человека (в вербальной или невербальной форме). Эти моменты, конечно, есть (или могут быть) и в изолированно взятом, индивидуальном действии, но там они часто выступают в скрытой форме. Как показывают исследования, человек по-разному оценивает успешность своего действия в зависимости от того, работает ли он в одиночку или в группе [632].

Вообще психологическое содержание совместной деятельности (особенно если она является подлинно коллективной) значительно богаче индивидуальной. Каждый участник этой деятельности вносит в нее свой уникальный опыт. Благодаря общению как бы образуется общий фонд информации, которым пользуется каждый, коллективные представления, аккумулирующие опыт ее участников²⁹. Формируются своеобразные — и наиболее экономные — способы обмена информацией (хорошо сработавшиеся люди понимают друг друга «с полуслова»), приемы и способы координации действий. Уровень их регуляции становится более высоким. Вместе с тем возрастают и возможности творческого решения задач.

Как видно из изложенного, структура совместной деятельности рассмотрена здесь в том же аспекте, что и индивидуальной: выделены аналогичные составляющие. Соотношения между ними в разных видах совместной деятельности складываются по-разному. В ее развитых формах они обычно распределяются между членами группы, становятся их специальными функциями. Для каждой конкретной совместной деятельности можно в принципе найти наилучшее распределение функций, обеспечивающее достижение наиболее высоких результатов. При этом часто необходима такая организация группы, которая бы допускала взаимную передачу функций.

Сопоставление совместной деятельности с индивидуальной позволило выявить специфику ее основных составляющих. Но это не единственный аспект анализа. Совместная деятельность имеет и другие измерения.

Прежде всего отметим, что она включает ряд специфических процессов и факторов.

²⁸ Этот момент совместной деятельности продуктивно изучается А. А. Бодальвым [90–92].

²⁹ Конечно, коллективные представления понимаются здесь не как продукт духовного контакта индивидуальных сознаний (по Дюркгейму), а как результат и вместе с тем важнейший фактор совместной деятельности людей.

Неотъемлемым компонентом совместной деятельности, существенно влияющим на ее организацию, является подражание. О значении исследования этого феномена для развития теории психологии говорилось в предыдущей главе (третий параграф). Сейчас лишь отметим, что формы и способы подражания многообразны. В разных видах человеческого поведения они проявляются по-разному. Для понимания закономерностей совместной деятельности особенно важно исследовать те формы, которые обеспечивают развитие коллективного потенциала, их роль во взаимном стимулировании и обучении, а также динамику осознаваемых и неосознаваемых способов подражания.

Специального исследования требуют также такие феномены, как внушение и эмоциональное взаимозаражение, возникающие в совместной деятельности и влияющие на ее структуру и динамику.

Важнейшими внутренними факторами совместной деятельности являются сотрудничество (взаимное содействие) и соперничество (соревнование). Они в значительной степени определяют ее эффективность. Напомним в этой связи высказывание Маркса, который писал, что общественный контакт, возникающий в совместной деятельности, «вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц» [8, с. 337]. Одной из задач психологии (прежде всего — социальной) является изучение механизмов отмеченного Марксом «возбуждения жизненной энергии».

Особенности сочетания сотрудничества и соперничества в той или иной конкретной совместной деятельности, а также динамика подражания, внушения и эмоционального взаимозаражения существенно определяются характером межличностных отношений, складывающихся в группе. Даже простые житейские наблюдения показывают, что они влияют на цели, мотивы, особенности планирования и другие составляющие совместной деятельности. Межличностные отношения не являются чем-то внешним для нее. Они включены в структуру совместной деятельности органически, являются ее особым измерением.

Проблема межличностных отношений продуктивно исследуется в социальной психологии (Андреева [42], Кузьмин [246], Обозов [351], Петровский [364] и др.), но она имеет и общепсихологическое значение. Уровень развития межличностных отношений является существенной (но, конечно, не единственной) характеристикой коллектива как субъекта совместной деятельности. А. В. Петровский показал, что формирование и развитие коллектива опосредствуется деятельностью. Вместе с тем складывающиеся в коллективе межличностные отношения оказывают значительное влияние на организацию и продуктивность совместной деятельности, т. е. опосредствуют ее. Они являются существенной детерминантой целеобразования и динамики мотивов; их влияние проявляется в приемах и способах планирования, принятия решений, взаимном контроле и оценке действий и т. д., т. е. охватывает весь процесс совместной

деятельности. В свою очередь, в ходе этой деятельности межличностные отношения развиваются.

Мы отметили лишь некоторые из вопросов, возникающих при изучении совместной деятельности, а также деятельности индивидуальной в контексте с совместной. Дальнейшие исследования несомненно приведут к постановке новых вопросов.

Заканчивая очень краткую характеристику совместной деятельности необходимо отметить, что ее исследование невозможно без анализа общения, которое органически в нее «вплетено» и без которого она вообще не может существовать. Общение как бы пронизывает весь процесс совместной деятельности от начала до конца, играя организующую роль. Оно включено (во всяком случае имплицитно) и в индивидуальную деятельность, но наиболее полно коммуникативная функция психики раскрывается в деятельности совместной. К сожалению, проблема общения разрабатывается в психологии пока еще слабо. Между тем экспериментальные исследования показывают, что перцептивные, мнемические и интеллектуальные процессы в условиях общения протекают иначе по сравнению с условиями изолированно организованной индивидуальной деятельности. Специально проблема общения будет рассмотрена в следующей главе. Здесь лишь отметим, что в процессе совместной деятельности на разных ее этапах интенсивность, формы и способы общения изменяются. Как показывают исследования А. В. Никонова, Н. В. Крыловой, Н. Н. Обозова, Н. Б. Шкопорова, на одних этапах общение весьма интенсивно, на других и вовсе отсутствует или, точнее, не проявляется внешне [392]. Это отмечается также в исследованиях А. М. Матюшкина и его сотрудников [315]. Динамика общения прежде всего определяется, конечно, содержанием деятельности. Но существенное значение в ее детерминации имеет также способ организации совместной деятельности. Общение связано в основном с теми ее моментами, которые требуют согласования действий, выполняемых разными членами группы. При выполнении ими действий параллельно во времени наиболее высока интенсивность общения в начале и в конце: при совместном планировании деятельности и оценке ее результатов. Как правило, здесь оно осуществляется в речевой форме. В деятельности, организованной последовательно, наиболее высока интенсивность общения в моменты «передачи» действий от одного участника другому. В том же случае, когда члены группы выполняют совместно и одновременно одну операцию, общение необходимо в течение всего времени выполнения этой операции; обычно в этом варианте согласования действий широко используются невербальные средства общения.

Наконец, динамика общения существенно определяется межличностными отношениями, сложившимися в группе (их характером и уровнем развития) и индивидуально-психологическими особенностями совместно действующих людей.

Когда речь идет о деятельности, то вне зависимости от того, имеем ли мы в виду деятельность индивида или группы людей, по-

нятие деятельности прежде всего раскрывает отношение «субъект-объект». Только в одном случае в качестве субъекта рассматривается индивид, в другом — группа или совокупный субъект.

Процесс формирования и развития совокупного субъекта совместной деятельности, его основания и механизмы в психологии почти не изучены. Пока можно лишь сказать, что совокупный субъект не представляет собой что-то аморфное. Это — организованное и дифференцированное целое. Его изучение предполагает анализ тех реальных процессов, которые обеспечивают интеграцию индивидов на выполнение совместной деятельности, а также дифференциацию их функций. В этой связи важными являются такие факторы, как психологическая совместимость людей, уровень взаимопонимания, общность (и различия) субъективных отношений, установок и др. Системообразующим фактором совместной деятельности является общая цель, именно она цементирует эту деятельность, превращая совокупность субъектов (группу индивидов) в совокупного субъекта. Его глубоким объективным основанием является система общественных отношений. Это значит, что в изучении процесса формирования совокупного субъекта психология должна опираться на законы развития общества.

Исследование совместной деятельности имеет принципиальное значение для дальнейшей разработки общей теории психологии. Можно ожидать, что такое исследование позволит более глубоко и полно раскрыть детерминанты основных форм и уровней психического отражения, особенно интегральных процессов (таких, например, как антиципация), закономерности творчества, динамики соотношений сознания и неосознаваемых компонентов деятельности. Появятся новые подходы к изучению многих проблем психологической науки.

Работа в этом направлении обогатит знания об основных функциях психики: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. В индивидуальной и совместной деятельности эти функции имеют различную специфику. Так, в деятельности совместной (по сравнению с индивидуальной) не только более отчетливо проявляется коммуникативная функция, но иначе раскрываются и другие. Когнитивная функция осуществляется здесь в условиях обмена знаниями между участниками совместной деятельности, а регулятивная относится индивидом не только к себе, но и к другим людям; появляется возможность регулировать деятельность других людей и точно так же испытывать их регулирующие воздействия на себе. В конкретных условиях уровни проявления функций психики могут быть различны.

Как отмечалось в начале главы, теоретические концепции деятельности формировались и развивались преимущественно на основе данных, получаемых в исследованиях деятельности индивида. Сложившиеся в этой области методы и принципы анализа, а также понятийный аппарат, конечно, сыграли большую роль в развитии психологической науки. Но дальнейшая разработка психологической теории деятельности настоятельно требует более активного

изучения совместной деятельности, которая обладает специфическими характеристиками и особыми измерениями.

Можно полагать, что это позволит по-новому подойти к анализу единиц и элементов деятельности, обогатит теоретические представления о ее строении и системогенезе, вместе с тем изменится представление и об индивидуальной деятельности. Такие исследования откроют новые возможности психологического анализа субъекта деятельности. В целом возрастет «объяснительный потенциал» категории деятельности. Но это требует рассматривать данную категорию во взаимосвязи с другими базовыми категориями психологической науки, прежде всего такими, как общение и личность, о которых речь пойдет в следующих главах.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

При рассмотрении деятельности было показано, что в ее организации и развитии важная роль принадлежит общению, особенно когда речь идет о совместной деятельности. В этой связи возникает необходимость специально рассмотреть общение как категорию (или во всяком случае как понятие, по уровню обобщенности близкое к категории). Подобно отражению и деятельности, **общение** принадлежит к **базовым категориям** психологической науки. Соответствующая ей проблема (точнее, класс проблем) занимает в общей проблематике психологии весьма существенное место.

По своему значению для теоретических, экспериментальных и прикладных исследований она, пожалуй, не уступает проблемам деятельности, личности, сознания и ряду других фундаментальных проблем психологии.

Проблема общения не нова для психологической науки. На ее значение для изучения моральных чувств обращал внимание еще И. М. Сеченов. Одним из первых в отечественной и мировой психологии, кто основательно начал разработку этой проблемы, был В. М. Бехтерев, создатель так называемой коллективной рефлексологии. Несмотря на ряд спорных положений, методологическую слабость этой концепции, она все же представляет собой первую серьезную попытку систематического экспериментального исследования психических процессов (а также поведения индивидов в целом) в условиях общения. Не обсуждая сильных и слабых сторон коллективной рефлексологии, отметим, что Бехтерев разработал принцип сравнительного изучения познавательных процессов в условиях изолированной деятельности индивида и в условиях его взаимодействия (общения) с другими людьми [80]. Этот принцип был реализован в целой системе экспериментальных методик, в частности в парном эксперименте, который, по мнению Г. Паска, является «парадигмой русской психологии» [634]. Исследования общения были продолжены А. Ф. Лазурским. В. Н. Мясищев, создавший на основе идей Бехтерева и Лазурского оригинальную психологическую концепцию отношений, выделял в общении три главных компонента: социальное отражение, эмоциональное отношение и способ поведения [339].

Большая роль отводится общению в концепции высших психических функций Л. С. Выготского [129]. Обсуждая вопрос об объекте исследования и предмете психологии, Ананьев подчеркивал, что

человек является субъектом труда, познания и общения. Он считал общение важнейшим условием и фактором психического развития на протяжении всего жизненного пути индивида.

Проблема общения интенсивно разрабатывалась в 20—30-е годы. Затем интерес к ней снизился. Однако в последнее время она вновь стала привлекать внимание. Сейчас эта проблема превращается в некоторый «логический центр» общей системы психологической проблематики.

Это связано, конечно, прежде всего с развитием социальной психологии и усилением ее влияния на другие психологические дисциплины. Проблема общения так или иначе ставится в исследованиях межличностных отношений, восприятия и понимания человека человеком (интерперсонального восприятия), структуры и динамики так называемых малых групп (групповой динамики), формирования трудовых и иных коллективов, механизмов социальной регуляции поведения людей, процессов массовой коммуникации и многих других явлений, включая те, которые принято называть «массовидными». Ее возрастающее значение, по-видимому, связано с переходом от эмпирического описания социально-психологических явлений к анализу механизмов и закономерностей, которым они подчиняются.

Однако было бы неверно думать, что проблема общения принадлежит исключительно социальной психологии. Интерес к ней, хотя быть может и менее отчетливо, проявляется и в других психологических дисциплинах: в психологии труда, которая все чаще обращается к изучению совместной трудовой деятельности людей, а в связи с этим к анализу форм и способов их общения, формирования навыков общения, стиля совместной деятельности и т. д.; в инженерной психологии — в плане изучения процессов информационного взаимодействия людей при управлении сложными техническими комплексами, в медицинской психологии, которая наряду с другими проблемами изучает общение врача с пациентом, например в процедурах психотерапии. Мы уже не говорим о педагогической, организационной, юридической психологии, о психолингвистике, в которых проблеме общения принадлежит важнейшее место.

В широком обращении различных психологических дисциплин к проблеме общения находит свое выражение потребность психологической науки в целом.

Можно, по-видимому, говорить о возрастающем значении этой проблемы как о некоторой общей тенденции развития всей системы психологических наук (во всяком случае тех ее областей, основным объектом исследования в которых является человек). Конечно, разные психологические дисциплины исследуют ее в разных аспектах.

Но проблема общения имеет значение для развития не только специальных психологических дисциплин, но и общей психологии.

Как уже отмечалось, исторически сложилось так, что в общей психологии изучается преимущественно индивидуальная деятельность, а проблемами общения людей и их совместной деятельности

интересуются главным образом социальная психология и связанные с нею дисциплины¹. При этом, естественно, рассматриваются лишь те аспекты проблемы общения, которые определяются предметами этих специальных дисциплин, сложившимися в них подходами и методами. Конечно, данные, накапливаемые в социальной, организационной, педагогической, юридической и других областях психологии, необходимы для построения общепсихологической теории общения. Однако база такой теории этими данными не исчерпывается; она является более широкой.

Дальнейшее развитие общей психологии требует рассмотрения многих ее проблем в связи с исследованием общения. Без такого исследования вряд ли можно раскрыть законы и механизмы превращения одних форм и уровней психического отражения в другие, понять соотношение осознаваемого и неосознаваемого в психике человека, выявить специфику человеческих эмоций, раскрыть законы развития личности и т. д.

Изучение психических явлений не только в индивидуальной деятельности, но и в общении — необходимое условие раскрытия системного строения психики. Возникает необходимость рассмотреть проблему общения как **методологическую** и **общетеоретическую**.

§ 1. Общение как базовая категория в психологии

Общение, так же как деятельность, сознание, личность и ряд других категорий, не является предметом исключительно психологического исследования. Оно изучается многими общественными науками. Поэтому возникает задача выявления того аспекта этой категории (точнее, отражаемой в ней реальности), который является специфически психологическим. При этом важно рассмотреть ее в соотношении с другими базовыми для психологической науки категориями. Проблема взаимосвязи общения с сознанием (вообще с психическим отражением) была частично рассмотрена в третьей главе. Это позволило выявить важнейшую функцию психики — коммуникативную². Вопрос о связи общения и личности будет затронут в следующей главе.

В данном параграфе речь пойдет о взаимоотношениях общения и деятельности, существенных характеристиках социального бытия человека. Важно выяснить, какие стороны человеческого бытия раскрывает каждая из этих категорий и как они связаны друг с другом. Отметим также, что именно по вопросу о соотношении общения и деятельности в психологии ведутся наиболее острые дискуссии.

¹ В общей психологии общение затрагивалось преимущественно в связи с изучением речи. Но и здесь исследовались обычно отдельные стороны речевого процесса: восприятие речи, говорение, речепорождение; в изучении этих сторон накоплено немало ценных данных. Но целостный контур речевого общения до сих пор еще изучен недостаточно.

² Об этой функции говорилось также в связи с анализом совместной деятельности.

Широкое распространение получила трактовка общения как деятельности. Оно рассматривается как один из «видов деятельности», как «деятельность общения», «коммуникативная деятельность» и т. п. Впрочем, иногда его определяют не как деятельность, а как «условие деятельности» или как ее «сторону». В этой связи на процессы общения пытаются распространить теоретические схемы, сформировавшиеся при изучении предметно-практической деятельности либо некоторых других ее форм. Однако возникает вопрос: правомерно ли рассматривать общение лишь как частный случай деятельности, «растворять» его в деятельности³.

К сожалению, ни деятельность, ни общение не имеют в психологии общепринятых определений, что, конечно, создает большие трудности, как только мы пытаемся выяснить их соотношения. Конечно, общение является активным процессом, и если понимать деятельность как активность вообще, то можно (и нужно) отнести общение к категории деятельности.

Однако, как уже отмечалось, сложившиеся концепции деятельности (во всяком случае в том виде как они раскрываются в конкретных психологических исследованиях и как развивается их понятийный аппарат) схватывают лишь одну сторону социального бытия человека, а именно отношения «субъект—объект».

Именно это отношение составляет основу определений деятельности в подавляющем большинстве психологических исследований. При этом, правда, иногда отмечается, что деятельность включает также и отношение человека к другим людям. Однако в конкретных исследованиях (особенно лабораторных) это отношение обычно не раскрывается; в лучшем случае оно лишь предполагается как имплицитно присущее изучаемой деятельности. Но задача науки состоит в том, чтобы эксплицировать его и сделать предметом специального изучения. Схемы психологического анализа деятельности и используемый в нем понятийный аппарат разрабатываются преимущественно именно в том направлении, которое позволяет вскрыть связь «субъект—объект», «субъект—предмет», исследовать специфику этой связи и ее динамику.

Такой подход, конечно, правомерен и продуктивен. Однако он раскрывает лишь одну (безусловно весьма существенную, но все же одну) сторону человеческого бытия. Поэтому вряд ли правильно в его исследовании ограничиваться только этой стороной и рассматривать человеческую жизнь как «поток сменяющих друг друга деятельностей», понимаемых только в плане «субъект—объектных» отношений. Человеческое бытие представляет собой многокачественную и многоуровневую систему отношений человека к миру.

В этой связи, на наш взгляд, — возникает необходимость усилить разработку также категории общения, раскрывающей другую и не менее существенную сторону человеческого бытия: **отношение**

³ При расширительной трактовке деятельности (о чем говорилось в предыдущей главе) общение, конечно, может рассматриваться как ее частный случай. Однако отношения между ними в действительности сложнее.

«**субъект—субъект(ы)**». Постановка вопроса о значении категорий общения в общей психологии (и в ее специальных дисциплинах), о том, что общение является важнейшей стороной индивидуальной формы бытия человека как общественного существа, представляется принципиально важной (на что мы уже неоднократно обращали внимание) для дальнейшего развития методологии и теории психологической науки, а также решения практических задач.

Такая постановка проблемы, возводящая общение в ранг важнейших для психологии категорий, исходит из анализа взаимосвязи общения, деятельности и общественных отношений в трудах Маркса, Энгельса и Ленина.

В этих трудах общение рассматривается в качестве одной из важнейших категорий исторического материализма. Впервые она появляется в философских и экономических рукописях Маркса, датируемых 1844 г., и в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Общение понимается здесь как процесс объединения, сотрудничества, взаимодействия людей друг с другом [14, с. 136].

В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выступили против М. Штирнера, трактовавшего общение как взаимодействие «чистых Я», «салонное общество», «общение только посредством фраз» [2, с. 265]. В этой связи они подчеркивали, что производство «предполагает общение индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством» [2, с. 19].

Потребность в общении с себе подобными (которая есть даже у дикаря), в «том величайшем богатстве, каким является другой человек», играет, по Марксу, исключительно большую роль в жизни индивида [14, с. 125].

«Деятельность в непосредственном общении с другими, — писал он, — ...стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни» [14, с. 121]. Общественная сущность человека раскрывается, по Марксу, не только в деятельности, но и в общении — материальном и духовном, непосредственном, личном, прямом и косвенном. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышления, духовное общение людей является здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [2, с. 24]. Заметим, что говорится не только о деятельности, но о деятельности **и общении**. Деятельность, подчеркивает Маркс, проявляется и утверждает себя непосредственно в действительном общении с другими людьми.

В «Экономических рукописях 1857—58 гг.» Маркс отмечал, что человеку как общественному существу «свойственно общение». В связи с общением классики марксизма рассматривали и индивидуальную деятельность.

Иногда высказывается мнение, что термины «общение», «отношения общения», «формы общения» использовались ими первоначально для обозначения производственных отношений, а затем был найден более точный термин. Нужно, однако, отметить, что понятие

«формы общения» у основоположников марксизма шире понятия «производственные отношения»; оно охватывает всю совокупность общественных отношений⁴. Это позволяет высказать и другое предположение. В «Немецкой идеологии» дается общий эскиз материалистического подхода к анализу общества. Многие вопросы рассматриваются здесь на уровне индивидуального бытия человека. Поэтому речь идет о свойственной данному уровню форме существования общественных отношений — общении. Позднее Маркс вскрывает более глубокие уровни общественных отношений и их основу — производственные отношения. При этом и понятие «общение» становится более четким; оно, как отмечает Л. П. Буева, используется для характеристики главным образом межличностных и личных отношений [103].

Разные авторы рассматривают взаимосвязь категорий «общественные отношения» и «общение» в разных аспектах. Одни трактуют ее в плане взаимосвязи сущности и явления [185], другие — содержания и формы [360], третьи — всеобщего, особенного и единичного. Утверждается, что категория общения раскрывает сущность отношений личности и общества [185] и т. д. Каждый из этих аспектов, конечно, правомерен, так как он действительно выявляет определенное «измерение» сложной системы взаимосвязей общественных отношений и общения. Но эта система требует дальнейшего теоретического исследования.

В общепhilosophическом плане понятие «общение» охватывает очень широкий класс различных форм и уровней социального взаимодействия людей, и поэтому оно может рассматриваться как категория.

Для нас сейчас важно прежде всего выявить тот план этой категории, который позволяет раскрыть социальную обусловленность человеческой психики⁵.

При переходе от социального аспекта изучения общественных отношений к собственно психологическому мы переходим вместе с тем к индивидуальному уровню общественного бытия человека, поэтому принцип общественных отношений не только не исключает необходимость специального анализа общения, но и различным образом проявляется и в общении и в деятельности [28].

⁴ В «Экономических рукописях...» есть план особого раздела: «Производство. Средства производства и производственные отношения. Производственные отношения и *отношения общения*. Формы государства и формы сознания в их отношении к отношениям производства и *общения*». [15]. (Подчеркнуто нами — Б. Л.) Вероятно, Маркс предполагал специально рассмотреть взаимосвязи производственных отношений и общения

⁵ Взаимодействие индивидов является составной частью жизнедеятельности не только человека, но и многих видов животных. В этом смысле говорят об их социальном поведении и общении. Хотя в процессе эволюции и сложились определенные формы взаимодействия особей в поведении (более того, они сыграли важную роль в формировании человеческого общества), термины «социальный», «общество» здесь могут иметь только условное значение. В строгом смысле они относятся только к человеческому обществу, качественно отличному от любых видов совместного поведения, взаимодействия у животных

Социальное бытие человека включает не только отношение к предметному миру (природному и созданному человечеством), но и к людям, с которыми этот человек вступает в прямые или опосредованные контакты. В своем индивидуальном развитии человек овладевает тем, что создано человечеством, посредством не только деятельности, но и общения с другими людьми. «Развитие индивида,— писал Маркс,— обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении» [2, с. 440]. Он отмечал, что именно в общении индивиды физически и духовно творят друг друга, происходит «обработка людей людьми» [2, с. 36], формирование ими друг друга как общественных субъектов.

В процессе общения, этой специфической формы взаимодействия человека с другими людьми (еще раз подчеркнем, что речь идет об индивидуальном уровне бытия), осуществляется взаимный обмен деятельностью, их способами и результатами, представлениями, идеями, установками, интересами, чувствами и т. д.⁶

Общение выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта. Ее результат — это не преобразованный предмет (материальный или идеальный), а отношения с другим человеком, с другими людьми.

Сфера, способы и динамика общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных (прежде всего производственных) отношений, принадлежностью к той или иной общности; они регулируются факторами, связанными с производством, обменом и потреблением, с отношением к собственности, а также сложившимися в обществе писаными и неписаными правилами, нравственными и правовыми нормами, социальными институтами, службами и т. д.

Являясь, подобно деятельности, общественно-исторической категорией, общение, как отмечалось, исследуется многими науками. К их числу относятся и психология. Разные ее области рассматривают разные аспекты этой категории. Для общей психологии первостепенное значение имеет изучение роли общения в формировании и развитии различных форм и уровней психического отражения, в психическом развитии индивида, в формировании индивидуального сознания, психологического склада личности, особенно анализ того, как индивид (ы) овладевает исторически сложившимися средствами и способами общения и какое влияние оно оказывает на психические процессы, состояния и свойства. Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития. Но эта детерминанта не есть нечто внешнее по отношению к психическому. Общение и психика внутренне связаны. В актах общения осуществляется

⁶ Понятно, что общение не есть некоторый «непосредственный духовный контакт сознания». Это — живой реальный многогранный процесс взаимодействия людей, материальных субъектов общественной жизни.

как бы презентация «внутреннего мира» субъекта другим субъектам и вместе с тем самый этот акт предполагает наличие такого «внутреннего мира». Разговор об общении с «неодушевленными» предметами имеет только метафорический смысл⁷.

Общение выступает как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, как взаимодействие субъектов. Подчеркнем, что речь идет не просто о действии, не просто о воздействии одного субъекта на другого (хотя этот момент и не исключается), а именно о взаимодействии. Для общения необходимы по крайней мере два человека, каждый из которых выступает именно как субъект.

Непосредственное живое общение предполагает, пользуясь словами К. С. Станиславского, «встречный ток». В каждом его акте действия общающихся людей объединены в нечто целое, обладающее некоторыми новыми (по сравнению с действиями каждого отдельного участника) качествами. «Единицами» общения являются своего рода циклы, в которых выражаются взаимоотношения позиций, установок, точек зрения каждого из партнеров, весьма своеобразно переплетаются прямые и обратные связи в потоке циркулирующей информации. Так, «единицей» диалога, по мнению М. М. Бахтина, является «двухголосое слово». В диалоге сходятся два понимания, две точки зрения, два равноценных голоса; в двухголосом слове, в реплике диалога чужое слово так или иначе учитывается, на него реагируют или его предвосхищают, оно переосмысливается или переоценивается и т. д. «...Реальной единицей языка — речи ...является не изолированное единичное монологическое высказывание, а взаимодействие по крайней мере двух высказываний, т. е. диалог» [124].

При этом важно подчеркнуть, что неверно понимать общение как процесс, в котором происходит своего рода осреднение (унификация) вступающих в него личностей, а такая точка зрения высказывается рядом психологов [545]. Напротив, оно детерминирует каждого из его участников по-разному, и поэтому является важным условием проявления и развития интериндивидуальных различий, развития каждого как личности в ее индивидуальном своеобразии.

Таким образом, категория общения охватывает особый класс отношений, а именно отношения «субъект—субъект (ы)»⁸. В анализе этих отношений раскрываются не просто действия того или иного субъекта или воздействия одного субъекта на другого, но процесс их взаимодействия, в котором обнаруживаются содействие (или противодействие), согласие (или противоречие), сопереживание и т. п.

⁷ Когда речь идет об общении, например, с ЭВМ, то в лучшем случае ее можно рассматривать как средство общения оператора с теми, кто создал и запрограммировал работу ЭВМ [115].

⁸ Конечно, в реальной жизни эти отношения не выступают как замкнутая сама в себе система. Они опосредствуются отношением субъектов к объектам. В общение вступают познающие и преобразующие окружающий мир личности. Оно как бы «размыкается» на познаваемый и преобразуемый объект, который обычно и составляет содержание общения.

И хотя несомненно, что деятельность и общение, определенным образом связанные через субъекта, имеют многие общие черты, этого еще недостаточно для их отождествления (либо представления одного как разновидности другой) При рассмотрении отношения «субъект—субъект(ы)» только как сопутствующего отношению «субъект—предмет» (или «субъект—объект») многие существенные характеристики общения затушевываются, а вместе с тем обедняется анализ и самой деятельности

Тот факт, что проблема общения наиболее остро была поставлена социальной психологией, не случаен. Поскольку объектом ее исследования является не индивид, не отдельно взятый человек, а общности людей, в социальной психологии не могла не возникнуть потребность рассмотрения отношений «субъект—субъект(ы)».

К сожалению, в общей психологии проблеме общения уделяется еще мало внимания, хотя при изучении тех или иных видов деятельности, конечно, учитывается их социальная природа, зависимость деятельности каждого отдельного человека от его места в обществе, от условий, выпадающих на его долю, от его неповторимых индивидуальных обстоятельств.

Процесс общения, его структура, формы, средства, способы, функции и роль в психическом развитии человека изучены в психологии намного менее, чем аналогичные характеристики деятельности

Как уже говорилось, общение часто отождествляется с деятельностью, либо понимается как ее специфический вид.

Если принять такой подход к трактовке общения, то следует рассмотреть процесс общения с тех позиций, которые разработаны в психологии для анализа деятельности. Но как раз здесь-то мы сталкиваемся с трудностями.

Прежде всего возникает вопрос о том, какое место занимает общение в психологической классификации деятельностей. Исследуя деятельность и ее развитие, обычно указывают игру, учение и труд. Вместе с тем, исследуя и игру, и учение, и труд, мы всюду обнаруживаем общение. Столь же трудно определить местоположение общения и в той классификации, которая разделяет виды деятельности на предметно-практическую и умственную, или на продуктивную и репродуктивную, или на практическую и теоретическую и т.д. Можно разделить виды деятельности по их объекту, тогда общение может рассматриваться как деятельность, объектом которой является человек. Но этот объект столь специфичен, что поставить деятельность по отношению к нему в один ряд с деятельностями по отношению к другим, «бездушным», объектам (вещам) также представляется затруднительным.

Можно в качестве критерия разделения видов человеческой деятельности взять, как это делают некоторые психологи и философы, различные виды «субъектно-объектных отношений». Пользуясь этим критерием, выделяют преобразующую, познавательную и ценностно-ориентационную деятельности. Когда же речь заходит о коммуникативной деятельности, авторам приходится отказаться от

принятого критерия и перейти к рассмотрению отношения «субъект—субъект», т. е. обратиться к другому критерию [199].

Короче говоря, при современном состоянии исследований пока еще очень трудно найти местоположение общения, рассматриваемого как деятельность, в системе других видов человеческой деятельности.

Но это, конечно, не самый главный вопрос. Попробуем рассмотреть общение с позиции той схемы, которая описывает деятельность.

Как уже отмечалось, важнейшим понятием, используемым при описании индивидуальной деятельности, является мотив (или вектор «мотив—цель»). Когда мы рассматриваем даже самый простейший, но конкретный, реальный вариант общения, например, между двумя индивидами, неизбежно обнаруживается, что каждый из них, вступающая в общение, имеет свой мотив. Как правило, мотивы общающихся людей не совпадают, точно так же могут не совпадать и их цели. Чей же мотив следует принимать в качестве мотива общения? При этом надо иметь в виду, что в процессе общения мотивы и цели его участников могут как сблизиться, так и стать менее похожими. Мотивационная сфера общения вряд ли может быть понята без исследования взаимного влияния участников общения друг на друга По-видимому, в анализе мотивации общения нужен несколько иной подход, чем тот, который принят в изучении индивидуальной деятельности Здесь должен быть учтен некоторый дополнительный (по сравнению с анализом индивидуальной деятельности) момент — взаимоотношения мотивов общающихся индивидов.

Не меньшие трудности возникают также при определении субъекта и объекта коммуникативной деятельности⁹. Можно, конечно, сказать, что в простейшем варианте объектом деятельности одного из участников общения является другой человек. Однако, если иметь в виду конкретно-психологическое исследование, нужно определить, кто именно рассматривается как субъект общения, а кто — как объект, и на основании каких критериев производится такое разделение Эти вопросы часто оказываются неразрешимыми.

Можно найти выход в том, чтобы исследовать поочередно сначала одного как субъект, а другого как объект, а затем — наоборот. Например, в исследовании некоторой коммуникативной деятельности двух индивидов Л и В в качестве субъекта мог бы быть взят индивид А. Можно было бы рассматривать его мотивы и цели, расчленить его коммуникативную деятельность на составные действия, выявить систему задач, операций, используемых средств и т. д. Но объект В — это не пассивный предмет, на который направлена

⁹ При философском рассмотрении общения в связи с деятельностью широко используется понятие «субъект деятельности» В определенном отношении для такого рассмотрения не столь важно идет ли речь о деятельности индивида, группы или общества в целом Для психологии же это далеко не безразлично, поскольку ее интересуют «микромеханизмы» формирования и развития субъекта При исследовании субъектов разных уровней (индивид или общность людей) возникают и разные психологические проблемы.

Деятельность А. Это — тоже субъект. Вступая в общение с Л, он имеет свои мотивы, цели и т. д. Объектам его коммуникативной деятельности является субъект А. Таким образом, описывая акт общения, мы вынуждены будем провести двойной анализ — относительно каждого из участников общения. Общение тогда выступит как бы суммой двух разнонаправленных деятельностей, «зеркально» накладывающихся друг на друга. Конечно, такой анализ возможен; правда, мы столкнемся с тем, что роли его участников изменятся в ходе самого общения. Но это лишь частично выводит исследователя из затруднения. Кроме того, нужно иметь в виду, что участники общения далеко не всегда направляют свои деятельности друг на друга. Объектом их совместной деятельности, включающей общение, в принципе могут быть любые предметы и явления: более того, предметами совместной деятельности обычно и являются не сами общающиеся в ходе ее выполнения люди, а другие объекты, внешние по отношению к ним.

Однако в действительности общение выступает не как система перемежающихся действий каждого из его участников, а как их взаимодействие. «Разрезать» его, отделив деятельность одного участника от деятельности другого, — значит отойти от анализа взаимного общения. Общение — это не сложение, не накладывание одна на другую параллельно развивающихся («симметричных») деятельностей, а именно взаимодействие субъектов, вступающих в него как партнеры.

Каждый из его участников относится к своему партнеру как субъекту, обладающему, как и он, психикой, сознанием. «Люди, вступающие в общение, — писал Ленин, — вступают в него, как созданные существа» [22, с. 343]. Конечно, сфера и динамика общения определяется социальными позициями вступающих в него людей, их положением в системе общественных отношений. Но этот вопрос мы сейчас рассматривать не будем. Для нас важно подчеркнуть, что процесс общения — взаимный¹⁰ и каждый из его участников является сознательным существом¹⁰.

Иногда в качестве субъекта общения, рассматриваемого как деятельность, принимается либо общность людей (группа), либо коммуникатор как ее представитель. Но общность не есть просто множество людей. Когда речь идет об общности как субъекте (совокупном субъекте) какой-либо деятельности, то прежде всего имеются в виду взаимосвязи между включенными в нее людьми. Предметом и мотивом общения также является не отдельный конкретный индивид, а либо взаимодействие, либо психологические

взаимоотношения людей. И самый процесс общения состоит в изменении взаимосвязей людей. При таком подходе получается, что общность людей — сама себе субъект, сама для себя объект и сама в себе (или сама с собой) общается. При таком подходе к анализу общения происходит отождествление понятий «субъект», «объект», «предмет» и «деятельность», что, конечно, создает немалую «концептуальную энтропию». Но даже если и допустить, что в процессах общения субъект, объект и самая деятельность совпадают, то нужно также признать, что оно представляет собой весьма специфический вид деятельности, принципиально отличный от всех других, и уже хотя бы поэтому нужно рассматривать общение как особую категорию.

Не меньшие трудности возникают также при исследовании планирования и планов (программ) общения.

Каждый из его участников, вступая в общение, возможно, имеет некоторый план, но реальный процесс развертывается обычно иначе, чем этого требовал бы любой индивидуальный план. В ходе самого общения индивидуальные планы как-то видоизменяются и может сформироваться некоторый совместный общий план, оказывающийся весьма динамичным.

Отмеченные трудности проявляются и тогда, когда мы пытаемся в коммуникативной деятельности вычленить ее «составляющие» — действия. Процесс общения приближенно (но весьма приближенно) можно было бы описать как последовательность действий, осуществляемых его участниками попеременно (например, по схеме: вопрос—ответ). Однако при анализе отдельного действия кого-либо из участников процесса общения обнаруживается его неразрывная связь с действиями партнера. Эти действия выступают как **сопряженные** и обладающие специфическим качеством, которое можно было бы назвать обратимостью. Речь идет о том, что действие должно быть рассмотрено и реально выступает «со стороны» и этого индивида и его партнеров. В обоих планах в нем можно вычленить ориентировочные, исполнительские и корректирующие компоненты, прямую и обратную связи. Но эти компоненты, рассматриваемые со стороны одного партнера общения, имеют одни функции, а рассматриваемые со стороны другого — другие. Так, исполнительский компонент действий, выполняемый одним из партнеров, может выступить в качестве сигнала обратной связи для другого, и наоборот. В условиях общения формируется некоторый общий механизм, объединяющий действия партнеров общения¹¹.

¹⁰ « При общении,— отмечал Станиславский [457, с. 271],— вы прежде всего ищите в человеке душу, его внутренний мир». «Для того, чтобы общаться, надо иметь то, чем можно общаться, т. е. прежде всего свои собственные переживания, чувства и мысли» [457, с. 277]. Как известно, Станиславский не был профессиональным психологом, но в своей актерской и режиссерской практике он верно подметил некоторые существенные характеристики общения. Правда суждения его по этому вопросу не были достаточно последовательны (он говорил, например, об «общении» не только с людьми, но и с вещами).

¹¹ Еще несколько десятилетий тому назад, пытаясь рассмотреть механизм общения, известный русский физиолог А. Ф. Самойлов писал: «Когда кто-нибудь смотрит на живого человека и разговаривает с ним, то оба эти человека образуют вместе систему колец, по которым возбуждение бежит, переправляясь с одной клетки на другую, причем перерывы в кольце заполняются физиологическими процессами, обеспечивающими непрерывный ход возбуждения по возбудимым частям кольца» [429, с. 146]. Сейчас вряд ли кого удовлетворит трактовка общения как непрерывного движения возбуждения, переправляющегося с одной клетки на другую, и заполнения перерывов в кольце физиоло-

Наконец, результат общения (продукт деятельности) также трудно отнести только к какому-либо одному из общающихся индивидов; он является совместным. Важно отметить также, что, если, например, в предметно-практической деятельности результат является материальным (преобразованный предмет), то в общении результат относится прежде всего к тем или иным изменениям в сознании, поведении и свойствах общающихся людей; в этом отношении оно близко к умственной деятельности. Однако в отличие от последней результатом общения является не только (и не столько) изменение образа или идеи, т. е. идеального предмета деятельности, но и психических функций, состояний и свойств общающихся людей. Эти изменения так или иначе касаются всех участников общения, при этом у разных людей они могут быть качественно и количественно различными.

Таким образом, даже самый приблизительный психологический анализ процесса общения в соответствии со схемой, разработанной для изучения деятельности, показывает ее ограниченность. Общение не укладывается в эту схему. Чтобы преодолеть отмеченные выше трудности, нужно либо пересмотреть схему деятельности, либо разработать иной подход к анализу общения. Во всяком случае общение не раскрывается ни схемой «субъект—мотив—предмет (объект) деятельности», ни той схемой, которая описана в предыдущей главе. Его исследование требует разработки нового понятийного аппарата по сравнению с тем, который сложился в существующих психологических концепциях деятельности.

Отметим, что в предлагаемых схемах общения используются иные по сравнению со схемами деятельности ее составляющие. Если при анализе деятельности обычно говорится о деятельности, действии и операции или об образе-цели, мотиве, планировании, принятии решения, сигналах обратной связи (см. главу четвертую), то обращаясь к исследованию общения, рассматривают другой круг образующих. Так, исследуя общение как процесс передачи—приема информации, в описании его схемы пользуются понятиями: **отправитель сообщения, его получатель, форма сообщения, код, тема, ситуация**. Иначе говоря, в исследованиях общения берется другая плоскость рассмотрения поведения людей. Общение, даже в простом варианте передачи сообщения, всегда предполагает другого человека. В какой-то мере при помощи существующих схем деятельности можно описать процесс формирования сообщения (например, речевого высказывания), но не его передачи. Однако речевое высказывание не имеет никакого смысла, если оно не предполагает адресата.

Подчеркивая качественные различия между общением и деятельностью, нужно вместе с тем отметить, что эти категории неразрывно связаны.

гическими процессами, но подход к анализу механизмов общения как к механизмам системы, объединяющей партнеров общения, представляется правильным

Важнейшей задачей психологического исследования является поиск реальной роли общения в формировании и развитии совокупного субъекта совместной деятельности. Необходимо изучить также процессы обмена между людьми информацией разного рода (не только деловой, профессиональной, но и бытовой, этической, эстетической и т. д.), воспитание людьми друг друга и множество других форм общения.

В ряде работ [284, 285] мы пытались показать, что при исследовании деятельности индивидов в условиях «открытой коллективности» (термин А. Н. Леонтьева) возникает необходимость специально исследовать и отношение «субъект—субъект(ы)». При этом имеются в виду конкретные индивиды, т. е. понятие субъекта рассматривается на том уровне, который изучается общей психологией. Это, конечно, не означает, что субъект деятельности — всегда индивид: им может быть и общность людей. Но только в этом случае нужно перейти к другому уровню анализа (например, социально-психологическому или социологическому)¹². Однако, если речь идет об индивидуальной деятельности и об ее общепсихологическом анализе, то, говоря «субъект деятельности», имеют в виду индивида, хотя каждый психолог понимает, что индивид — общественное существо и его статус субъекта деятельности определяется социально.

Когда мы говорим о совокупном субъекте деятельности, то сразу же возникает вопрос: что представляет собой этот совокупный субъект? По-видимому, трудно разобраться в этом, не разложив этого совокупного субъекта на «составляющие», не выделив тех связей и отношений, которые складываются между участниками совместной деятельности — членами группы или коллектива. А понять эти связи и отношения, не изучая процесса общения, — трудно. Психологический анализ группы и коллектива вынуждает обратиться к изучению отношений «субъект (индивид)—субъект (другой, третий и т. д. индивид)»¹³. Более того, общение между индивидами является необходимым условием формирования совокупного субъекта коллективной (вообще совместной) деятельности. Специальной задачей для психологии является изучение того, на какой основе и как формируется и развивается этот субъект.

Только раскрыв специфичность системы отношений «субъект—субъект(ы)», можно проследить диалектику связи общения и деятельности .. через совокупного субъекта в совместной деятельности. Неверно представлять совместную деятельность просто как сумму параллельно развивающихся индивидуальных. Группа (коллектив) выполняющих ее людей выступает действительно как совокупный

¹² Вопрос об уровнях субъекта деятельности, а соответственно и о специфике его изучения разными науками имеет существенное значение для понимания строения и развития форм деятельности

¹³ Совместная (например, групповая и тем более коллективная) деятельность включает не только отношение «субъект — объект», но и отношения «субъект — субъект» т. е. может быть представлена как «субъект — субъект — объект» или «с>бъект — объект — субъект» или «индивидуальный и совокупный субъект», т. е. «индивид — группа» и «группа — индивид» и т. п.

субъект. Это не совокупность субъектов, а именно совокупный субъект, обладающий новой системой качеств по сравнению с качествами входящих в него индивидов. Как отмечалось в предыдущей главе, процессам общения принадлежит в формировании совокупного субъекта решающая роль. Именно в этих процессах осуществляется взаимный обмен информацией между индивидами, образующими рабочую группу (или трудовой коллектив), планирование совместной деятельности, разделение функций, их координация, взаимное стимулирование, взаимный контроль и т. д. Иными словами, совместная деятельность обладает особыми качествами, которые определяются качествами (и уровнем) ее субъектов; общение же выступает как условие и способ формирования этого субъекта.

Основанием для дифференциации категорий деятельности и общения в психологии является различие тех отношений, которые проявляются в той и другой, а не мера совпадения общения с деятельностью или мера отличия общения от деятельности. Что касается связи общения и деятельности, то она также не может быть определена раз и навсегда, сама по себе, а выступает по-разному, в зависимости от уровня (и качества) субъекта и определяющей его системы отношений.

Это, в свою очередь, означает, что отношения «субъект—субъект (ы)» не только отличны от отношений «субъект—объект». Они могут дифференцироваться и дальше. Эти отношения по-разному выступают в общностях разных уровней. Они могут выступать не только как отношения «индивид—индивид», но и как отношения «индивид—группа, коллектив», и как отношения между собой малых групп внутри коллектива, не говоря уже об отношении «индивид—общество». Уже из этого перечня видно, что отношения «субъект—субъект (ы)» весьма разнообразны¹⁴. Поэтому явно недостаточно просто подразумевать, что отношение «субъект—субъект(ы)» включено в отношение «субъект—объект»; его нужно раскрыть.

Дифференцировать богатство отношений «субъект—субъект (ы)» возможно только на основе системного подхода. Он позволяет также различить те отношения и взаимосвязи, которые являются предметом, например, общей психологии в отличие от социальной, инженерной — в отличие от педагогической и т. д.

Общение — это одна из сторон образа жизни человека, не менее существенная, чем деятельность.

Когда говорится об образе жизни определенного человека, то имеется в виду не только то, что и как он делает (т. е. его деятельность, например, профессиональная и любая другая), но и то, с кем и как он общается, к кому и как он относится.

Можно было бы привести немало примеров того, как иногда даже сравнительно кратковременное общение с тем или иным че-

¹⁴ Одна из задач, имеющих для психологии принципиальное значение,—разработка типологии этих отношений.

ловеком (или группой людей) оказывает на психическое развитие индивида (например, на мотивацию) гораздо большее влияние, чем длительное выполнение им некоторой предметной деятельности. Образ жизни включает также и другие характеристики, в том числе связанные не только с социальными, но также и с биологическими (которые, конечно, социально опосредствованы) условиями существования человека. Образ жизни не есть нечто застывшее, неизменное. Он развивается, и в процессе этого развития происходит смена его детерминант, а соответственно и системообразующих характеристик.

Отстаивая право категории общения на относительную самостоятельность (подчеркнем: относительную), мы вовсе не хотим противопоставлять ее какой-либо другой базовой для психологии категории, например, категории деятельности. Каждая из них имеет в психологии свой конструктивный смысл. Пока категория общения по охвату изучаемого в психологии круга явлений уступает категории деятельности. Но этот круг с развитием исследований все более расширяется. Использование ее в психологии позволяет находить в уже давно изучаемых явлениях новые грани, обнаруживать новые факты и новые закономерности. Можно надеяться, что дальнейшие исследования позволят раскрыть конструктивный смысл категории общения в психологии более полно, а это, кстати, может привести и к выявлению новых измерений деятельности. В частности, на наш взгляд, изучение общения очень важно для понимания механизмов целеобразования и мотивации.

Конечно, неверно было бы представлять общение и деятельность как некоторые независимые и параллельно развивающиеся стороны процесса жизни. Напротив, эти две стороны неразрывно связаны в этом процессе, хотя образ жизни характеризуется ими и по-разному. Более того, между этими сторонами существует масса переходов и превращений одной в другую. В некоторых видах деятельности в качестве ее средств и способов используются средства и способы, характерные для общения, а сама деятельность строится по законам общения (например, деятельность педагога, лектора). В других случаях те или иные действия (в том числе и предметно-практические) используются в качестве средств и способов общения, и здесь общение строится по законам деятельности (например, демонстрационное поведение, театральное представление). В самой деятельности (профессиональной, любительской и др.) огромный «слой» времени, затрачиваемый на ее психологическую подготовку, составляет общение, которое не есть деятельность в строгом смысле слова, а именно общение, так или иначе связанное с производственными (и иными) отношениями, по поводу них, в связи с ними. Здесь переплетаются деловые, личные, межличностные и другие отношения людей. Общение может выступить в роли предпосылки, условия, внешнего или внутреннего фактора деятельности, и наоборот. Взаимосвязи между ними в каждом конкретном случае могут быть поняты только в контексте системной детерминации развития человека.

Уже самый тот факт, что общение изучается многими науками, позволяет считать, что оно является многоуровневым, многомерным, обладающим разнопорядковыми свойствами, т. е. системным процессом. Об этом же говорит и разнообразие характеристик, которые используются при его описании: прямое, косвенное, непосредственное, опосредствованное, деловое, личное, межличностное, резонансное, рапортное и т. д. и т. п. Классификация его форм — это задача, которую психологии еще предстоит решить.

Заканчивая анализ соотношений категорий общения и деятельности, отметим, что ни одна из них не является для психологии исключительной, определяющей сущность ее предмета. Эта сущность может быть раскрыта только системой категорий, включающей также категории отражения, сознания, личности, общественных отношений и др.

Категория общения позволяет раскрыть определенную сторону (или аспект) человеческого бытия, а именно взаимодействие между людьми. А это, в свою очередь, дает возможность исследовать те качества психических явлений и закономерности их развития, которые определяются таким взаимодействием.

Она имеет особенно большое значение для исследования класса социально-психологических явлений: подражания, внушения, заражения (и противоположных им процессов), коллективных представлений, психологического климата, общественного настроения и др.

§ 2. Функции и структура общения

В литературе иногда отмечается, что общение — это не межличностное, не интериндивидуальное, а социальное явление [285].

По нашему мнению, противопоставление социального и интериндивидуального неправомерно. Социальная сущность общения как всеобщей формы взаимосвязей между людьми проявляется наряду с другими формами в отдельных единичных межличностных взаимодействиях. Более того, психологию в отличие, например, от социологии именно эта форма проявления общения интересует прежде всего. Как уже отмечалось, она рассматривает общение в первую очередь на уровне индивидуального бытия человека.

Разработка принципов, методов и средств конкретного психологического изучения процесса общения — это дело будущего. Сейчас остановимся лишь на некоторых общих вопросах, относящихся к детерминантам, функциям и структуре общения.

Общим основанием конкретных процессов общения, которые исследуются психологией, является система развивающихся общественных отношений, детерминирующая образ жизни индивида. При этом социальная обусловленность образа жизни индивида раскрывается через анализ общения часто более непосредственно и полно, чем через анализ его деятельности.

Как справедливо отмечает Я. Яноушек, «категория общения в ее широком понимании включает в себя... внутреннюю связь сов-

местной деятельности, взаимодействия и взаимных отношений, и выражает таким образом процессуальный аспект общественных отношений» [541, с. 59—60].

Сфера, способы и динамика общения определяются социальными функциями вступающих в него людей, их положением в системе общественных отношений, в социальной структуре общества, принадлежностью к той или иной общности и регулируются факторами, связанными с процессами производства и потребления, а также сложившимися в обществе писаными и неписаными законами, нравственными и правовыми нормами, социальными институтами и службами и т. д.

«Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, — писал К. Маркс, — которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде „субстанции“ и в виде „сущности человека...“» [2, с. 37]. В классовом обществе «личные отношения индивидов подчинены общим классовым отношениям...» [Там же]. В обществе, разделенном на антагонистические классы, общение между людьми ограничено классовыми перегородками. Подлинно человеческое общение между господином и рабом в условиях рабовладельческого строя было исключено: раб рассматривался только как «говорящее орудие», беспрекословно выполняющее любую волю господина. В феодальном обществе сфера и способы общения определялись отношением крепостной зависимости, выступали как личная зависимость. В капиталистическом обществе общение между людьми пронизано отношением «купля—продажа», деньги выступают здесь как «общий масштаб всех, даже самых разнородных вещей» [2, с. 443].

Рассматривая взгляды буржуазных идеологов на этот вопрос, Маркс и Энгельс отмечают, что «вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например, речь, любовь и т. д., изображается в виде отношений полезности и использования. Нелепое сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к единственному отношению полезности... проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению» [2, с. 409].

Только с ликвидацией частной собственности появляются условия для развития действительной коллективности и подлинно человеческих форм общения.

«В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил» [2, с. 441].

Таким образом, общественные отношения определяют содержание общения и направленность его развития.

Историческое развитие форм общения людей в их зависимости от общественных отношений требует, конечно, специального исследования.

Формируясь на основе общественных отношений, выступая как их конкретизация, персонификация, личная форма, общение не является некоторым дубликатом этих отношений, процессом, протекающим параллельно их развитию. Общение включено в это развитие необходимым образом. Как справедливо подчеркивает Буева, невозможно представить себе реальные экономические отношения и законы их развития без их своеобразного проявления в различных формах общения. Это относится и ко всем друпш видам общественных отношений [104].

Именно в общении индивидов друг с другом и их деятельности повседневно воссоздаются и развиваются общественные отношения. Но это не значит, что общение конституирует общественные отношения, как полагал, например, Г. Мид. Наоборот, самое общение определяется в конце концов системой общественных отношений, в которую объективно включен индивид.

Психологический анализ образа жизни индивида и его психического развития требует исследования общения этого индивида с другими людьми. Психологические качества людей — то, что принято называть их субъективным миром, — раскрываются прежде всего через описание процессов общения между ними: в том, кто с кем, по какому поводу и как общается, обнаруживаются мотивы и цели людей, их интересы и склонности, образ мышления, эмоциональная сфера, их характеры, т. е. психологический склад личностей в целом¹⁵.

Психология исследует прежде всего непосредственное общение. Именно эта его форма является генетически исходной и наиболее полной; все другие не могут быть поняты без детального анализа.

Непосредственное общение исследуется психологией как реальный процесс взаимодействия конкретных индивидов; при этом они рассматриваются как сходные, подобные существа.

Подобие участников общения является необходимым его условием. Но что значит «сходство»? По каким признакам оно оценивается?

Когда речь идет об общении человека с себе подобными, то имеется в виду прежде всего сходство по таким признакам, которые относятся к психике человека, к его сознанию. Это правильно отмечено В. М. Соковниным [446].

Подобие людей, проявляющееся в общении, относится к различным формам субъективного отражения объективной действительности: к ощущениям, восприятию, памяти, мышлению, к эмоциональным состояниям и т. д., т. е. по тем качествам, которые ква-

¹⁵ В произведениях классиков реалистической литературы можно найти очень точные образцы описания процессов общения между людьми. Научный анализ этих описаний представляет для психологии исключительный интерес.

лифицируются как психические¹⁶. Общение и возможно только между теми существами, которые обладают этими качествами.

Подобие людей не означает, конечно, их тождественности. Условия, необходимые для того, чтобы возникла потребность в общении, и самое общение, предполагают не только определенное сходство людей в отношении психических качеств, но и их определенное различие (по той же категории качеств). Если бы люди были абсолютно тождественны в этом отношении, общение было бы ненужным; если бы они были абсолютно различными, оно било бы невозможным.

Процесс общения — это не акт зеркального отражения общающихся субъектов друг в друге. Например, в диаде субъект *A*, усваивая информацию, передаваемую ему субъектом *B*, так или иначе трансформирует ее в соответствии со своими установками, взглядами, субъективными отношениями и т. д., более широко: в соответствии со своим индивидуальным опытом. То же относится и к его партнеру, субъекту *B*.

Таким образом, процесс общения в принципе асимметричен. Асимметричность выступает как источник противоречий, как движущая сила развития общения.

В процессе общения возникает, проявляется и разрешается противоречие между общим и особенным, между родовыми и индивидуальными качествами людей. В этом смысле можно говорить о том, что в процессах общения индивид присваивает свою родовую сущность. Понятно, что эта роль общения в полной мере проявляется только в условиях социального равенства.

Выше отмечалось, что общение следует рассматривать как взаимодействие людей. Как известно, специфика тех или иных видов взаимодействия определяется по тем свойствам участвующих в нем предметов, явлений и т. д., которые в этом взаимодействии проявляются (может быть, точнее, существуют). В общении людей проявляются те свойства, которые характеризуют их как субъектов.

Конечно, эти свойства проявляются также и в предметной деятельности. Но формы их проявления в деятельности и в общении существенно различны, что определяется прежде всего различием социального смысла той и другого.

Любая деятельность направлена на преобразование объекта, предмета (материального или идеального) сообразно заранее поставленной цели. Замыслы, идеи, образы и т. п. (вообще результаты психического отражения) в их интегральном выражении запечатлеваются в ее продуктах. Поэтому по продуктам деятельности можно в какой-то мере судить и о ее субъекте. Психология изучает, конечно, не только продукт, но и самый процесс деятельности, что позволяет выявлять динамику психических функций, состояний и свойств.

¹⁶ Конспектируя книгу Л. Фейербаха о Г. Лейбнице, Ленин отметил его мысль о том, что «всякое человеческое общение основывается на предпосылке одинаковости ощущения у людей» [24, с. 76].

Социальный смысл общения в другом. То, что оно обеспечивает в первую очередь, так это организацию людей для совместной деятельности, их взаимосвязи и взаимоотношения. Существенная характеристика состоит в том, что самый процесс общения выступает как обмен замыслами, идеями, образами и т. д. Именно в общении происходит взаимная презентация субъектами результатов (и в какой-то мере самого процесса) психического отражения.

В общении раскрывается субъективный мир одного человека для другого. Говоря о субъективной форме протекания психических процессов, обычно имеют в виду их недоступность для стороннего наблюдателя. Конечно, нет возможности непосредственно наблюдать, например, чужое ощущение или восприятие (как, впрочем, и свое собственное). Но в общении эта недоступность как бы преодолевается. Различие социальных функций предметной деятельности и общения обусловило и различие их средств: одни из них исторически сложились как средства преобразования объектов (прежде всего орудия труда), другие — как средства обмена в широком смысле информацией между людьми (прежде всего язык). Динамика «развертывания» психического отражения в деятельности и в общении так же различна, как различна и их детерминация¹⁸.

Исследование субъективного характера психического отражения требует его рассмотрения в контексте реального общения индивидов. Как бы детально ни регистрировал исследователь внешнюю картину поведения человека, он всегда остается в затруднении ответить на вопрос о том, какие внутренние характеристики диктуют именно такую, а не другую картину поведения. Чтобы раскрыть их, ему необходимо вступить в общение с исследуемым¹⁸.

Специфика общения в отличие от любых других видов взаимодействия как раз и состоит в том, что в нем прежде всего проявляются **психические качества людей**. О психических явлениях мы судим на основании анализа не только деятельности и ее продуктов, но и общения.

Конечно, это не значит, что общение представляет собой некоторый чисто «духовный контакт», «сферу взаимодействия сознаний», независимую от практического отношения индивида к окружающему миру, как считал, например, Дюркгейм. Оно вплетено в практическую деятельность людей (более широко: в жизнедеятельность) и только в этих условиях могут реализоваться его функции.

В общении люди пользуются средствами, доступными органам чувств (будь то устная или письменная речь, знаковые системы

¹⁷ Конечно, отмеченные различия деятельности и общения не абсолютны. В деятельности и способах использования ее средств есть «момент» приема — передачи информации, но он подчинен главному — преобразованию объекта. Точно так же «момент» преобразования объекта (в первую очередь идеального) обнаруживается в общении, но не он определяет его сущность.

¹⁸ Не случайно в экспериментально-психологических исследованиях, например восприятия, психолог не ограничивается измерением реакций (или иных, так называемых объективных показателей), но вступает в общение с испытуемым, чтобы выяснить, возник ли у него субъективный образ стимула и каковы особенности этого образа.

разных порядков и др.). Система средств, а также способов и форм общения, выработанная человечеством, богата. Ее Изучение составляет специальную и весьма сложную задачу, решение которой предполагает анализ данных многих наук (не только общественных, но также естественных и технических).

Самое общение — это объективный материальный процесс. Но в ходе этого процесса люди обмениваются представлениями, идеями, образами и т. д., т. е. общение выступает в роли своего рода «обмена» идеальными отражениями. Как отмечалось в главе третьей, для идеального отражения характерна относительная самостоятельность его существования, возможность его «отделения» от того, в чьей голове оно сформировалось. Именно этим и обеспечивается такого рода обмен. При этом отражение, «переданное» данным человеком другому, остается и у того, кто его передал (что связано с мультипликативностью психического отражения, см. третью главу).

Общение имеет исключительно большое значение в формировании и развитии идеальной формы отражения, т. е. сознания. Как отмечалось, проблеме индивидуального сознания принадлежит в психологии центральное место. Она является своего рода стержнем, объединяющим все другие проблемы; в связи с ней должны изучаться психические функции, процессы, состояния и свойства человека. Но основные свойства индивидуального сознания (его опосредствованность общественным сознанием, внутренняя свобода, относительная самостоятельность, рефлексивность и др.) не могут быть поняты без анализа процессов общения. Сознание имманентно связано с общением.

Неразрывная связь сознания с общением и языком как основным средством общения отмечалась Марксом. «Язык, — писал он, — так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [2, с. 29]. Заметим, что Маркс подчеркивает единство языка, сознания и **общения**: сознание, как и язык, возникает из необходимости общения; вместе с тем именно в общении сознание существует как для самого человека, так и для других людей.

Таким образом, нельзя понять развитие сознания индивида, не изучая сферу, формы, средства и способы общения этого индивида с другими людьми. Есть все основания дополнить принцип единства сознания и деятельности, согласно которому сознание формируется, развивается и проявляется в деятельности, аналогичным принципом, относящимся к проблеме сознания и общения, — сознание формируется, развивается и проявляется в общении людей.

Потребность в общении относится к числу основных (базовых) потребностей человека. Она диктует поведение людей с наименьшей властью, чем, например, так называемые витальные потребности. Это и естественно, так как общение является необходимым

условием нормального развития человека как члена общества, как личности. Так, Б. Ф. Пгрыгин относит коммуникативные потребности к числу трех основных классов социогенных потребностей человека, ставит их в один ряд с познавательными и конструктивными.

Особенно остро потребность в общении проявляется, когда человек попадает в изоляцию. Как показывают наблюдения и специальные исследования, длительная изоляция может привести к нарушениям восприятия, внимания, эмоциональной сферы человека, к извращенному представлению о самом себе и явлениях окружающего мира. Роль общения в динамике психического здесь проявляется как бы со своей негативной стороны: что происходит с психикой человека, если он на более или менее длительный срок вырван из непосредственного общения с другими людьми?

Но для построения психологической теории важно прежде всего выявить позитивную сторону этой роли: общение должно быть рассмотрено как фактор психического развития человека. Интересная попытка проследить эволюцию потребности в общении в онтогенезе была предпринята М. И. Лисиной. Она выделила следующие стадии развития этой потребности: во внимании и доброжелательности взрослого (первое полугодие жизни); в сотрудничестве (ранний дошкольный возраст); в доверительном отношении взрослого к запросам ребенка (младший и средний дошкольный возраст); во взаимопонимании и сопереживании (старший дошкольный возраст). Выявлены также основные мотивы общения у дошкольников: познавательные, деловые и личностные [276].

В целом исследование Лисиной показало, что потребность в общении развивается от простых форм (потребность в эмоциональном контакте) к все более сложным (в сотрудничестве, интимно-личностном общении и т. д.). При этом в процессе индивидуального развития происходит смена мотивов общения.

Являясь основанием одной из главных человеческих потребностей, общение вместе с тем определяет развитие многих других потребностей, например, эстетической, которая, по мнению И. А. Джидарья, по своей природе является коммуникативной [154].

Общение существенно влияет на развитие и всех других потребностей человека. В любой (или почти в любой) из них обнаруживается коммуникативный компонент.

Коммуникативная потребность может детерминировать не только общение, но и многие другие формы и виды человеческого поведения, в том числе деятельность.

Вместе с тем и общение детерминируется не только этой, но и иными потребностями. Человек вступает в общение с другими людьми часто, а может быть, и в большинстве случаев, не только для того, чтобы удовлетворить возникшую коммуникативную, но и многие другие потребности. Более того, удовлетворение любой человеческой потребности так или иначе включает момент общения.

Обсуждая проблему общения, мы в основном имеем в виду его исходную форму — непосредственное (лицом к лицу) общение, поскольку именно в этой форме его психологические характеристики

проявляются наиболее полно. Именно в ней общение выступает как система сопряженных актов.

Основная «образующая» этой формы (в ее развитом виде) — речевое общение. Однако непосредственное общение к этой образующей не сводится. В процессе непосредственного общения используются также мимика и пантомимика (жесты указательные, изобразительные и другие, так называемые выразительные движения и т. п.). Весь организм становится как бы средством, «орудием» общения. Отметим, что в онтогенезе этой формы общения развитие мимических и пантомимических средств предшествует развитию речи.

Соотношение вербальных и невербальных средств общения может складываться по-разному. В одних случаях они совпадают и усиливают друг друга; в других они могут не совпадать или даже противоречить друг другу. То, как именно складываются соотношения разных средств общения, определяется правилами и нормами, характерными для данного общества (или общности людей) на данном этапе его развития.

На основе исходной формы непосредственного общения в процессе исторического развития человечества возникли и развились формы опосредствованного общения. Решающую роль в их формировании сыграло возникновение письменности, благодаря которой появилась возможность преодоления «единства места и времени действия», необходимого для непосредственного общения. Для человека, овладевшего письменной речью, сфера общения, а следовательно, источники, из которых он может «черпать опыт», значительно расширяются. Но вместе с тем в общении, опосредствованном письменностью, утратили свое значение мимические и пантомимические средства. Да и сама письменная речь лишена многих особенностей, которые свойственны речи устной (например, тесно связанных с выражением эмоциональных состояний интонационных характеристик).

С развитием техники связи сфера общения человека расширяется еще более, обогащаются и его способы; коммуникации действительно становятся массовыми. Вместе с тем как бы вновь восстанавливается значение утраченных средств общения (например, мимических, пантомимических и паралингвистических в видеосвязи)¹⁹.

Вся система непосредственных и опосредствованных форм общения, в которые прямо или косвенно включается индивид, оказывает воздействие на его психическое развитие.

По существу, трудно найти такие психические явления, свойственные человеку, которые так или иначе не были включены в процесс общения. Именно в общении, неразрывно связанном с деятельностью, индивид овладевает опытом, выработанным человечеством. В процессе общения, прямого или косвенного, непосредственного

¹⁴ Психологические аспекты общения, опосредствованного техникой, продуктивно исследуются А. \ Степановым [458]

или опосредствованного, индивид «присваивает» те духовные богатства, которые созданы другими людьми (или, точнее было бы сказать, общается к ним) и вместе с тем привносит в них то, что накопил в своем индивидуальном опыте.

С точки зрения развития личности (в том числе ее психических свойств) в этом процессе диалектически сочетаются две противоречивые тенденции: с одной стороны, личность **приобщается** к жизни общества, усваивает опыт, накопленный человечеством; с другой — происходит ее **обособление**, формируется ее своеобразие.

Все вышесказанное подводит к вопросу о функциях общения в жизни индивида, на индивидуальном уровне общественного бытия человека.

Функции эти многообразны. Не претендуя на их полную и четкую классификацию, перечислим лишь некоторые из основных функций общения.

Используя одну из возможных систем оснований, допустимо выделить три класса этих функций: **информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную и аффективно-коммуникативную**. В них специфическим образом проявляются внутренние связи коммуникативной функции психики с когнитивной и регулятивной.

Первый класс охватывает все те процессы, которые могут быть описаны как **передача-прием информации**. Мы подчеркиваем неразрывность этих двух моментов информационного взаимодействия между людьми: любая передача информации предполагает, что ее кто-то получит. Нужно отметить, что исследование информационных процессов было вызвано прежде всего потребностями развития техники связи. Именно в этой области сформировалась теория информации, получившая позднее распространение в ряде наук. Оценка информационных характеристик технических устройств важна не сама по себе, а лишь постольку, поскольку они являются средствами общения между людьми. Ведь в конце концов определение потоков информации, передаваемых по техническим каналам связи, их скорости, точности и т. д. нужны для того, чтобы обеспечить своевременную и точную передачу информации от человека к человеку.

Сложившиеся схемы анализа информационных процессов первоначально относились к опосредствованному (техническими устройствами) общению, позднее ими стали пользоваться и при изучении непосредственного общения людей. Описание общения как процесса передачи-приема сообщений является, конечно, правомерным, но позволяет рассмотреть только одну из его функций. Да и эта функция раскрывается лишь частично, поскольку информация берется как уже готовая. Между тем в реальных процессах общения между людьми информация не только передается—принимается, но и формируется. Исследуя эту функцию общения, Яноушек показал [541], что ее реализация включает несколько уровней. На первом из них осуществляется выравнивание различий в исходной информированности, имеющейся у индивидов, которые вступают в контакт. Второй связан с передачей и принятием значений. В этом

случае общение выступает как информирование, обучение, инструктаж и т. д. Наконец, третий уровень связан со стремлением индивидов понять взгляды и установки друг друга. Общение здесь направлено на формирование оценок достигаемых результатов (согласие, несогласие, сопоставление взглядов и т. д.). В реализации информационно-коммуникативной функции общения возможно возникновение «когнитивных конфликтов» [220; 284].

Одна из интереснейших, но слабо разработанных проблем — это проблема психологических механизмов трансформации информации в процессах ее передачи-приема. В реальном поведении часто возникают ситуации, в которых один человек, ведущий, например, непосредственное наблюдение за каким-либо объектом, передает в форме речевого сообщения извлекаемую при этом информацию другому. Тот, другой, не имея возможности непосредственно наблюдать объект, должен воссоздать его образ только на основе воспринятого сообщения. Практически подобные задачи люди решают повседневно. Однако механизм этого процесса еще не ясен. Как происходит «перекачивание» образа из одной головы в другую? Как перцептивный образ, сформировавшийся у первого человека, трансформируется в речевое сообщение? Как при этом изменяется информация (что теряется, искажается, добавляется и т. д.) и почему? Наконец, как потом другим человеком принятое речевое сообщение трансформируется в образ объекта, которого он не воспринял?

Этот круг проблем экспериментально исследуется А. В. Беляевой и В. Н. Носуленко [73; 74; 350]. Как и нужно было ожидать, главным, что определяет эффективность этого процесса, являются содержание и структура речевого сообщения, его лингвистические характеристики. Но эксперименты показали, что в этом процессе испытуемые широко пользуются паралингвистическими, в том числе мимическими и пантомимическими средствами. Большое значение для воссоздания образа относительно простого сигнала имеют словесные определения (часто условные, метафорические) его дополнительных признаков, о которых говорилось во второй главе.

Необходимым компонентом процесса передачи-приема информации является вербализация сенсорно-перцептивных образов.

Исследования, проведенные Беляевой, позволили выявить разные виды стратегий вербализации²⁰. Авторы выделили три типа стратегий, каждый из которых, в свою очередь, включает два полярных и один нейтральный варианты.

Первый тип характеризуется способом осуществления операций сравнения и категоризации значимых признаков вербально описываемого изображения.

Его крайними вариантами являются координатно-геометричес-

²⁰ В экспериментах одному испытуемому предлагалось дать возможно более точное речевое описание визуально наблюдаемого изображения; его партнер, воспринимающий это описание, должен был на его основе воссоздать изображение, воспринятое первым испытуемым,

кая стратегия с сильным дейктическим компонентом (используются конкретные непосредственно воспринимаемые и однозначно вербально выражаемые признаки изображения) и компаративно-образная с существенным ассоциативным компонентом (используются не прямые обозначения конкретных признаков, а обобщенно-метаморфические представления, с которыми сравнивается описываемое изображение).

Второй тип стратегии характеризуется способом установления структурных отношений при «построении вербализованного образа» через описание состояния или процесса. Его крайними вариантами являются номинативно-констатирующая стратегия (изображение описывается безотносительно к возможным действиям с ним) и операционно-процессуальная (изображение описывается как объект целесообразной деятельности).

Третий тип выделен авторами по направленности процесса построения вербализованного образа: от целого к деталям или наоборот. Крайними вариантами здесь являются глобальная и поэлементная стратегии. В реальных актах общения соотношение разных вариантов стратегий весьма динамично.

Одна из актуальных проблем, возникающих в исследовании информационно-коммуникативных функций,—это проблема влияния общения на динамику когнитивных процессов, которая специально будет рассмотрена в третьем параграфе данной главы.

Другой класс функций общения относится к **регуляции поведения**. Как отмечалось в предыдущей главе, психическое отражение обеспечивает не только познание человеком окружающей действительности и самого себя, но и регуляцию его поведения, в том числе деятельности. Экспериментальные данные, накопленные в исследовании психической регуляции, и теоретические представления о ее структуре, динамике и механизмах (в частности, идея уровней регуляции) относятся к индивидуальной деятельности человека.

В условиях общения регулятивная функция психики проявляется специфическим образом. Благодаря общению индивид получает возможность регулировать не только свое собственное поведение, но и поведение других людей, а вместе с тем испытывать регуляционные воздействия с их стороны. Во взаимной «подстройке» действий, о которой говорилось в связи с анализом совместной деятельности, реализуется именно регуляционно-коммуникативная функция общения.

В процессе общения индивид может воздействовать на мотив, цель, программу, принятие решения, на выполнение отдельных действий и их контроль, т. е. на все «составляющие» деятельности своего партнера. В этом процессе осуществляется также взаимная стимуляция и взаимная коррекция поведения. Эти воздействия могут быть весьма глубокими, оказать влияние на личность в целом, а их эффекты — сохраняться в течение длительного времени.

В процессах взаимной регуляции используются многообразные средства: не только вербальные, но и невербальные. Более того, в исторически сложившейся системе средств есть такие, специальным

назначением которых является взаимная регуляция поведения (особые обороты речи, жесты, стереотипы поведения и др.).

Именно в процессе взаимной регуляции формируются и проявляются феномены, характерные для совместной деятельности: совместимость людей, которая может относиться к разным психологическим свойствам и иметь разные уровни, общий стиль деятельности, синхронизация действий и т. п. В этом процессе осуществляются взаимное стимулирование и взаимная коррекция поведения.

С регуляционно-коммуникативной функцией связаны такие явления, как подражание, внушение, убеждение. Особенности ее определяются характером функциональных связей между людьми, которые складываются в совместной деятельности, и межличностными отношениями.

Взаимная регуляция поведения людей в группе есть существенный фактор превращения ее в совокупного субъекта деятельности.

Можно ожидать, что экспериментальные и теоретические исследования данного класса функций общения позволят наметить новые подходы к разработке проблемы психической регуляции в целом.

Функции общения, названные выше «аффективно-коммуникативными», относятся к **эмоциональной сфере** человека. В процессах общения люди не только передают информацию друг другу или оказывают друг на друга те или иные регуляционные воздействия. Общение — важнейшая детерминанта эмоциональных состояний человека. Весь спектр специфически человеческих эмоций возникает и развивается в условиях общения людей. Этими условиями определяется уровень эмоциональной напряженности, в этих условиях осуществляется и эмоциональная разрядка. Из жизни хорошо известно, что потребность в общении у человека очень часто возникает именно в связи с необходимостью изменить свое эмоциональное состояние.

В процессе общения людей могут изменяться как модальность, так и интенсивность их эмоциональных состояний: происходит либо сближение этих состояний, либо их поляризация, взаимное усиление или ослабление

Специфическим феноменом общения является групповое эмоциональное состояние (Парыгин [359; 361]). Важнейшая роль в формировании и развитии эмоциональных состояний (особенно групповых) принадлежит паралингвистическим и невербальным средствам общения.

Поскольку общение является многомерным процессом, его функции можно классифицировать и по другой системе оснований. Можно, например, выделить такие функции, как **организация совместной деятельности; познание людьми друг друга; формирование и развитие межличностных отношений.**

Как справедливо отмечает А. А. Леонтьев, «общение не просто опосредует совместную деятельность людей, деятельность социальной группы и, в частности, производственного коллектива: оно позволяет презентировать каждому из участников этой деятельности

некоторые ее элементы, начиная с цели и задачи деятельности и включая ее структуру (вплоть до операционной), цели (точнее было бы сказать, «задачи» — *Б. Л.*) отдельных действий, входящих в ее состав, объекты деятельности, используемые в ней орудия (поскольку речь идет об орудийной деятельности), сведения о ситуации, необходимые для обстановочной афферентации, обобщенные сведения о вероятностном опыте отдельных участников деятельности и вообще о психологических особенностях их личностей, необходимые для принятия решения коллективом в целом и т. д.» [268]. Именно в процессе общения формируется план совместной деятельности и распределяются ее элементы между участниками. В ходе совместной деятельности осуществляются взаимный обмен информацией, взаимная стимуляция, контроль и коррекция действий.

Как показывают исследования, общение (и отношения, складывающиеся в группе) влияет на выбор цели. Характер и интенсивность общения зависят от сложности задач, решаемых в совместной деятельности. Взаимосвязи деятельности и общения проявляются двояко. С одной стороны, динамика общения определяется особенностями совместной деятельности (ее целями, соотношением мотивов ее участников, планами и т. д.). С другой — общение выступает как фактор организации совместной деятельности.

По существу, общение выполняет функцию организации и индивидуальной деятельности²¹. Исследование структуры, динамики и механизмов психической регуляции индивидуальной деятельности требует обращения к анализу процессов общения данного индивида с другими людьми.

Следующая не менее важная функция общения связана с познанием людьми друг друга, или интерперсональным познанием. Она весьма продуктивно изучается Бодалевым и его школой [90; 91].

Наконец, несколько слов о функции формирования и развития межличностных отношений. Это, пожалуй, наиболее важная и сложная, но менее всего изученная функция общения. Ее анализ предполагает изучение большого комплекса не только психологических, но и социологических, этических и даже экономических вопросов. Как формируются отношения товарищества, дружбы или, напротив, вражды, ненависти и т. д.? Каков психологический механизм этих явлений? Какова их роль в развитии индивида?

То, как именно будут реализоваться перечисленные функции, в конечном счете зависит от тех отношений, которые складываются между общающимися людьми.

В реальном акте непосредственного общения все перечисленные функции (в обоих вариантах классификации) выступают в единстве. При этом проявляются они так или иначе по отношению к каждому участнику общения, но различным образом. Например, акт об-

щения, выступающий для одного как передача информации, для другого может выступать в функции эмоциональной разрядки. Для участников общения неодинаковы также функции организации совместной деятельности, интерперсонального восприятия и межличностных отношений.

Обе рассмотренные классификации функций общения, конечно, не исключают ни друг друга, ни возможности предложить иные варианты. Вместе с тем они показывают, что общение должно изучаться как многомерный процесс, характеризующийся высокой динамичностью и полифункциональностью, т. е. изучение общения предполагает применение методов системного анализа

Конкретно-психологическое исследование общения требует разработки представлений о его структуре и динамике. Исследуя структуру общения, можно говорить по крайней мере о трех уровнях анализа.

На **первом уровне** (его можно было бы назвать макроуровнем) анализа общения индивида с другими людьми рассматривается как важнейшая сторона его образа жизни. Этот уровень предполагает изучение развития общения в интервалах времени, сопоставимых с длительностью жизни человека, в плане анализа психического развития индивида. Здесь важно определить те социальные группы (трудовой или учебный коллектив, семья и т. д.), в которые он включается, и тот круг лиц, с которыми он общается, непосредственно и опосредствованно.

В целом общение индивида с другими людьми на этом уровне анализа можно рассматривать как сложную развивающуюся сеть взаимосвязей. В этой сложной сети можно выделить отдельные линии общения данного конкретного индивида с другими конкретными индивидами и социальными группами. Если рассматривать любую из таких линий изолированно (это допустимо в целях научного анализа), то первое, что обнаруживается, это прерывность общения. В развитии общения отдельных людей возможно изменение его интенсивности, о которой свидетельствует частота общений.

Чтобы выявить факторы, влияющие на содержание и динамику общения, необходимо обратиться к анализу общества, в котором живет данный индивид. Общественные институты, классовые, семейные, национально-этнические традиции, нормы и т. д. определяют, кто с кем, по какому поводу вступает в общение. На этом уровне анализа психология смыкается с социологией. Круг психологических проблем, возникающих здесь, весьма широк. К нему относятся проблемы развития форм общения, их зависимости от существующих в данном обществе (и социальных группах) норм, традиций и правил поведения, взаимоотношения общественного и индивидуального сознания, возрастных особенностей психики, развития способностей, характера, потребностей и мотивов, формирования жизненных планов индивидов и т. д.

Этот уровень является основным в исследованиях личности, направленности ее деятельности, мотивационной сферы и межличностных отношений.

²¹ Даже в индивидуальной деятельности с увеличением сложности задачи наблюдается тенденция диалогизации речевой формы мыслительного процесса

Второй уровень анализа (бьезауровень) относится к изучению отдельных контактов, в которые вступают люди. Речь идет о тех моментах их жизни, когда они решают ту или иную задачу совместно (совместная деятельность, беседа, игра и т. д.). Если проанализировать некоторый временной отрезок жизни индивида (год, месяц, даже день), обнаруживается, что в какие-то интервалы времени он вступает в общение с одним человеком, в какие-то — с другим, в какие-то интервалы времени общение является опосредствованным (или косвенным) и т. д. Общение чередуется с индивидуальной деятельностью, меняются партнеры общения.

В этом сложном процессе можно выделить те моменты, которые выступают действительно как общение, как взаимодействие индивидов. Каждый такой отдельный момент можно назвать **периодом общения**. Он может длиться часы или минуты. Но дело, конечно, не просто в длительности. Главное — это содержание общения. Будет ли это обмен мнениями, планирование совместной деятельности, общение ради эмоциональной разрядки или что-то другое — зависит от конкретных условий жизни вступающих в общение людей. Пожалуй, содержание каждого конкретного периода общения можно обозначить термином «тема», принятым в лингвистике и связанных с нею науках. Этот термин обозначает содержание общения с той же мерой точности, что и термин «предмет» — содержание деятельности.

На этом уровне анализа важно раскрыть динамику общения, развитие его темы, выявить используемые средства (вербальные и невербальные), т. е. рассмотреть общение как процесс, в ходе которого и осуществляется обмен представлениями, идеями, переживаниями и т. д. При этом нужно иметь в виду, что каждый отдельный период общения может быть завершенным (если тема исчерпана, общение либо прекращается, либо возникает другая тема) и незавершенным (если тема не исчерпана, сохраняется потребность в возобновлении общения)²².

Как правило, потребность индивида в общении с другим (или другими) возникает тогда, когда он сталкивается с проблемной ситуацией и при этом оказывается, что для решения возникшей задачи его собственного опыта недостаточно. Такая ситуация может возникнуть не только в ходе выполнения индивидом той или иной деятельности, но и в развитии его взаимоотношений с другими людьми.

Исследования на этом уровне позволяют выявить в периоде общения несколько основных фаз.

Начальная фаза состоит в формировании некоторых **«общих координат»** (опорных образов, точек отсчета и т. п.), определяющих развитие всего дальнейшего процесса: относительно этих координат строится поведение каждого из участников общения. Здесь происходит «выравнивание информированности». Длительность

²² Интересно было бы проверить некоторые эффекты, полученные при изучении индивидуальной деятельности (например, эффект Б. В. Зейгарник), также и в условиях общения.

данной фазы зависит от многих факторов — от соотношения социальных функций вступающих в общение людей, их индивидуальных особенностей, знаний, умений и навыков, которыми владеет каждый из них, прошлых контактов между ними и т. д.

На второй фазе формируется **совместная программа** процесса общения, включающая распределение функций между его участниками и их сопряжения. Нужно отметить, что эта программа обычно не является жесткой, однозначно определяющей поведение каждого из участников общения. Она задает лишь общую стратегию их поведения.

Следующая фаза состоит в **согласовании временных характеристик** психических процессов и состояний (например, их синхронизация), а также в формировании «общего фона» знаний, умений и навыков. Решая ту или иную задачу, каждый из участников общения использует не только свой собственный опыт, но и опыт, которым располагают его партнеры. Процесс общения включает взаимное управление, контроль и коррекцию, развиваясь как бы по спирали²³.

В результате общения либо вырабатываются общие позиции его участников и создается некоторая общность («совокупный субъект»), либо, напротив, обнаруживаются их противоречия и несовместимость по тем или иным свойствам (возможен конфликт). Соотношение перечисленных фаз зависит от темы общения и психологических особенностей участвующих в нем людей. В реальном процессе общения эти фазы могут как бы перекрывать друг друга.

Основной круг психологических проблем, возникающих на данном уровне анализа, относится к исследованию особенностей динамики психических процессов и состояний человека.

Наконец, **третий уровень** анализа (микроуровень) предполагает изучение отдельных сопряженных актов общения, выступающих в роли своеобразных элементарных его единиц. Подчеркнем, что элементарная единица общения это — именно сопряженный акт. Он включает не только действие одного из индивидов, но и связанное с ним содействие (или противодействие) партнера. Анализ речевого общения (диалога) позволяет выделить три основных простых вида циклов: сообщение — отношение к нему; вопрос — ответ; побуждение к действию — выполнение. Эти циклы могут образовывать сложные формы взаимодействия, чередуясь во времени, включаясь друг в друга, «пересекаясь» [251]. Как показала Т. Н. Ушакова, несмотря на последовательность высказываний участников речевого общения, его контур остается неразрывным; в процессе общения

²³ Общение часто описывается в виде замкнутого контура, кольцевого процесса [605]. Однако эта модель, фиксируя факт неразрывности прямых и обратных связей между партнерами общения, не позволяет описать его реальную динамику. Как уже отмечалось, общение является асимметричным процессом. Каждый акт (такт или цикл) общения приводит к тем или иным изменениям каждого из участников (при этом изменения для каждого различны). Поэтому каждый последующий акт протекает иначе, чем предшествующий, и является по отношению к нему кумулятивным. Эти моменты нельзя не учитывать при разработке моделей общения.

происходит как бы перенос внутриречевого (смыслопродуцирующего) звена, являющегося инвариантным в любой форме общения, одного партнера во внутриречевое звено другого [489]. Но общение не исчерпывается только речевыми циклами. В него включаются также сопряженные эмоциональные реакции, взаимосвязанные мимические и пантомимические движения [284; 285].

Еще более глубокий уровень изучения процессов общения относится к их физиологическому обеспечению. При этом, так же как и в исследовании деятельности, дело не может ограничиваться анализом только нейрофизиологического обеспечения (хотя, как и в деятельности, здесь ему принадлежит ведущая роль); важно изучить всю систему физиологических процессов. Этот уровень частично будет затронут в седьмой главе.

Каждый из перечисленных уровней анализа требует специальной системы методов исследования (как теоретических, так экспериментальных и научно-практических) и своего особого понятийного аппарата. Вместе с тем при изучении многих проблем психологии необходимо их сочетание, при этом для разных классов проблем — специфическое. В этой связи возникает задача разработки принципов и способов выявления взаимосвязей между разными уровнями и особенно взаимных переходов от одного из них к другому: например, от анализа периодов общения к рассмотрению их в системе развивающейся сети взаимодействий данного индивида с другими людьми, с одной стороны, и к изучению циклов общения (сопряженных актов) — с другой.

В психологической науке общение изучалось и изучается в связи с разными проблемами. Одни исследования нацелены на проблемы личности и межличностных отношений [92; 351], другие — совместной деятельности [42], третьи — структуры диалога [251], четвертые — вербальных и невербальных средств общения [612] и т. д.

Сейчас все более актуальной становится необходимость синтеза достижений, накапливаемых в разных направлениях исследований. Представляется, что предложенная схема уровней может способствовать решению этой задачи. На наш взгляд, она позволит систематизировать накапливаемые данные и наметить конструктивный подход к созданию общепсихологической теории общения.

Один из наиболее сложных пунктов, возникающих на пути создания такой теории, — это выявление закономерных связей общения с психическим отражением. С нашей точки зрения, ключевое значение здесь принадлежит проблеме психических процессов, которая занимает центральное положение в общей психологии и разрабатывается наиболее интенсивно. Имеющиеся в этой области данные являются хорошей базой для экспериментального изучения общения и его влияния на психическое отражение.

Вопросу об особенностях психических процессов, обусловленных общением, и посвящен следующий параграф. Сразу же отметим, что в нем будут рассмотрены главным образом познавательные процессы и в этой связи информационно-коммуникативная функция общения. Экспериментальные исследования, о которых пойдет речь,

относятся в основном к тому уровню психологического анализа общения, который выше обозначен как второй. Они не претендуют на то, чтобы дать исчерпывающее представление о структуре и динамике общения на этом уровне, а являются скорее иллюстрацией применения принципа общения в психологическом исследовании.

§ 3. Особенности психических процессов в условиях общения

На начальных этапах развития психологической науки, когда психические процессы впервые стали предметом экспериментального исследования, они изучались в плане «объект—субъект», а точнее: «воздействующий объект — испытывающий это воздействие субъект». Эксперимент строился таким образом, чтобы испытуемый находился один на один с объектом: сигналом, воздействие которого должно было вызвать ощущение; предметом, который нужно было воспринять или запомнить, задачей, которую нужно решить и т. д.

В связи с разработкой проблемы деятельности подход к изучению психических процессов существенно изменился. Они стали исследоваться в контексте деятельности субъекта в связи с ее целями, мотивами, операциональным составом и т. д. Деятельность стала рассматриваться как важнейшая детерминанта психических процессов.

Однако в экспериментальных схемах, основанных на концепции деятельности, анализ познавательных процессов не выходит за рамки отношения «объект—субъект». Правда, здесь это отношение оборачивается таким образом, что процессы рассматриваются не просто как результат воздействия объекта на субъект (своего рода реакция на это воздействие), а в плане воздействия субъекта на познаваемый объект, т. е. в связи с активностью субъекта, в контексте его акций как отношение «субъект—объект». Но при этом исследуется преимущественно деятельность индивида. Его общение с другими людьми, в частности с экспериментатором, остается вне сферы рассмотрения. Дальнейшее изучение психических процессов предполагает рассмотрение их в контексте общения, т. е. в плане не только отношения «субъект—объект», но и отношения «субъект—субъект (ы)».

Ниже приводятся результаты экспериментального исследования различных форм и уровней психического отражения: сенсорно-перцептивных процессов, представлений, мнемических и мыслительных процессов.

Общий принцип всех экспериментов состоял в том, чтобы сравнивать психические (в основном когнитивные) процессы в условиях индивидуальной и совместной, т. е. включающей общение, деятельности испытуемых. В первом случае использовались обычные (хорошо отработанные) экспериментальные процедуры. Во втором испытуемым предлагалось совместно решить те или иные задачи, что неизбежно требовало общения между ними, иначе говоря, в исследованиях использовался принцип парного эксперимента. В на

чале исследования мы, естественно, стремились упростить задачу. Поэтому в большинстве экспериментов участвовали наименьшие по численности группы испытуемых — диады. Подбор испытуемых в диады для каждой серии экспериментов требовал специальной (и достаточно большой) работы. В группы включались лица, более или менее сходные по особенностям, релевантным для конкретной задачи исследования (например, возрасту, образованию, мотивации и т. д.). На основе использования социометрических методик для большинства экспериментов в диады подбирались только лица, относящиеся друг к другу либо положительно, либо нейтрально. Это делалось для того, чтобы по возможности нивелировать влияние фактора различий межличностных отношений на результаты эксперимента.

Во всех экспериментах при помощи скрытого магнитофона регистрировалась речь испытуемых, фиксировались также жесты и мимика.

Как отмечалось, перцепция — это активный процесс, в ходе которого осуществляется селекция информации, поступающей на сенсорный вход, ее более или менее сложное преобразование, сравнение с эталонами, извлекаемыми из памяти. В развернутой форме перцептивный процесс включает оценку сенсорной информации, коррекцию сенсорных сигналов, выдвижение и проверку гипотез, принятие решения. Он выступает как процесс регулируемый. Особенно отчетливо это обнаруживается, когда восприятие исследуется в контексте деятельности наблюдения.

Перечисленные характеристики перцептивного процесса выявлены в традиционных лабораторных экспериментах, в которых испытуемый находится один на один с объектом. Резонно предположить, что в условиях взаимодействия с другим человеком (в условиях общения) эти характеристики могут проявиться еще отчетливее и, более того, общение окажет влияние на сам процесс восприятия. Конечно, трудно ожидать, что общение повлияет на физико-химические процессы, развертывающиеся в рецепторе при воздействии на него раздражителя, или на работу анализаторных механизмов в целом, но есть все основания полагать, что общение должно влиять на селекцию сенсорной информации, ее коррекцию, выдвижение и проверку гипотез, на принятие решения.

Бехтерев экспериментально показал влияние непосредственного общения на точность и детализацию восприятия. В одном из его исследований испытуемым, имеющим возможность общаться, тахистоскопически предъявлялись картинки, а затем предлагалось (каждому испытуемому индивидуально) перечислить детали, которые они заметили. Оказалось, что при общении испытуемых между собой число отмеченных деталей возросло, а ошибки сократились вдвое по сравнению с тем случаем, когда общения не было. В другом исследовании Бехтерев предлагал испытуемым выделить различия в сходных картинках и сходство — в различных. Сравнение индивидуального (без общения) и группового (с общением) экспериментов показало, что во втором случае результаты более высоки,

чем в первом. Особенно отчетливо это проявилось при решении задачи: найти сходное в различных картинках. Аналогичные результаты были получены им в исследовании непосредственной оценки времени [31].

Повышение точности восприятия в условиях общения испытуемых отмечено также в исследованиях Г. Мюнстерберга, В. Мёде, Ф. Олпорта, М. Шерифа, Н. Н. Обозова с сотр. и др.

В наших экспериментах исследовался зрительный поиск объекта, выполняемый испытуемыми, объединенными в диады и имеющими возможность непосредственного общения [290].

Испытуемым, наблюдающим городской пейзаж в натуральных условиях, предлагалось найти малозаметный объект. Иногда им давалось только словесное описание объекта (а точнее, указание на какие-либо характерные его особенности), иногда показывался рисунок-эталон отдельных особенностей объекта (цвет или элемент формы). Эксперимент проводился в виде игры.

В исследовании обнаружилось несколько вариантов совместного зрительного поиска.

В одних случаях испытуемые независимо друг от друга и почти одновременно находили заданный объект. Они вступали в общение только с целью взаимной проверки результатов поиска — «согласования образов». Но такие случаи были редки и возникали только тогда, когда задача оказывалась достаточно простой для обоих испытуемых.

В других случаях, если задача была трудной для обоих испытуемых, общение как бы пронизывало весь процесс поиска. Испытуемые определяли общие точки отсчета, иногда договаривались о разделении зон поиска, намечали общую стратегию. В процессе совместного наблюдения выдвигались гипотезы, осуществлялись их взаимная коррекция и проверка, уточнялся эталон. Но такие случаи также были редки.

Наиболее типичным вариантом совместного поиска (при решении задач средней трудности) был такой, при котором один из испытуемых (назовем его *A*) находил заданный объект раньше другого (назовем его *B*) и, вступая в общение со своим партнером, стремился ему содействовать. При помощи речи и жестов он начинал управлять вниманием партнера, сужая зону обзора и сокращая маршрут поиска.

Первая фаза общения состояла, как правило, в совместном определении общих ориентиров (точек отсчета). При этом далеко не всегда ориентиры задавал тот, кто уже обнаружил объект. Нередко их предлагали те, кто еще не решил задачу. В качестве ориентиров обычно выбирались объекты, выделяющиеся цветом, формой или положением в зоне совместного поиска. Иногда испытуемые в качестве ориентиров принимали сходные (но не одни и те же) объекты, что приводило к рассогласованию совместного поиска и затруднениям в «обмене образами». Как только определялись общие ориентиры, испытуемый *A* начинал «строить» (диктовать) маршрут поиска испытуемому *B*. При этом он никогда не пытался передать испытуемому *B* тот маршрут, по которому шел сам. (Как показывает анализ отчетов испытуемых, они обычно не могут полностью воспроизвести маршрут индивидуального поиска, но достаточно точно воспроизводят маршрут, формирующийся в совместном поиске.) Уже зная, где расположен искомый объект, *A* строил новый (наиболее экономный, по его мнению) маршрут, который и «передавал» своему партнеру. Регулируя поисковые действия испытуемого *B*, он не только указывал положение искомого объекта относительно общих ориентиров (направление маршрута поиска), но иногда формировал и некоторые приемы этих действий.

Если один из испытуемых решал задачу ошибочно, то его партнер, как правило, обнаруживал это. Тогда оба испытуемых возвращались к эталону, уточняли его и начинали новый цикл совместного поиска, т. е. совместный поиск включал взаимную коррекцию эталонов заданного объекта. Завершался поиск согласованием перцептивных образов и принятием общего решения.

В задачах совместного зрительного поиска речевое общение имеет вспомогательное и подчиненное значение. Речь в этом случае является ситуативной, ее словарный состав беден и структура элементарна. Основным средством общения в этих условиях служат жесты. Можно выделить три типа жестов: указательные, изобразительные и имитационные (или имитирующие). При помощи указательного жеста задается направление взгляда партнера и сужается зона его поиска, т. е. указательный жест используется как средство регуляции селективности восприятия (выделения фигуры из фона).

Изобразительный жест используется как средство воспроизведения формы тех или иных объектов (ориентиров) и в то же время содействует селективности восприятия (помогает партнеру выделить указываемый объект).

При помощи имитационных жестов регулируется маршрут зрительного поиска, осуществляемого партнером. Этот жест воспроизводит отдельные элементы маршрута и некоторые приемы выполнения того или иного глазомерного действия. Развернутость процесса общения в условиях совместного зрительного поиска зависит от сложности решаемой задачи и уровня согласованности действий партнеров во времени и пространстве. Чем сложнее задача и менее согласованы их действия, тем более развернут процесс общения, и наоборот.

Приведенные результаты экспериментальных исследований дают лишь очень общую картину особенностей перцептивного процесса (и деятельности наблюдения) в условиях общения.

Поэтому, естественно, возникла необходимость более детального изучения этих особенностей в более строгом эксперименте. Нам представляется, что решению этой задачи может содействовать применение методов и экспериментальных процедур, разработанных в психофизике. Одним из подходов здесь может быть сравнительный анализ субъективных шкал, формирующихся у человека в условиях индивидуального и парного эксперимента. Этот подход разрабатывается В. Н. Носуленко [349; 350]. Основываясь на предложенной Забродиным модели сенсорно-перцептивных процессов, Носуленко провел несколько серий психофизических экспериментов, направленных на изучение особенностей субъективного шкалирования в условиях общения.

Диадам предлагались модифицированные задачи шкалирования громкости: а) оценка громкости со свободным выбором эталона; б) оценка громкости по отношению к заданному эталону. Сравнивались результаты, полученные в индивидуальной и совместной деятельности. В последнем случае испытуемые могли давать две оценки, т. е. корректировать свои первые ответы после общения с партнером.

Анализ материалов исследования показал существенное отличие шкал оценок, получаемых в условиях общения, от шкал, полученных при индивидуальной оценке громкости. Влияние общения выражается, в частности, в том, что у членов диад шкалы в конце эксперимента оказываются весьма сходными. В процессе общения формируется также некоторый общий модуль, по отношению к которому испытуемые оценивают громкости других сигналов. Это приводит к повышению точности оценочных шкал. Сдвиг оценок по шкале у каждого испытуемого в диаде, возникающий под влиянием оценок партнера, происходит даже в том случае, когда испытуемый отказывается корректировать свои оценки, т. е. помимо его воли. В условиях общения возможно изменение типа субъективных шкал. Переход к шкалам более высокого уровня, например от шкал «категорий» к шкалам «отношений», что требует смены стратегии оценивания.

В экспериментах Носуленко выявлено несколько типов поведения испытуемых в задаче шкалирования в условиях общения: а) один из партнеров решает задачу раньше и точнее, а второй стремится следовать в своих оценках за первым; б) партнеры работают как бы по соглашению; в) партнеры стремятся к сотрудничеству; г) между партнерами возникает соперничество.

В случае стремления испытуемого к сотрудничеству наблюдается существенное различие шкал, построенных по первым оценкам, и шкал — по скорректированным оценкам. В экспериментах с заданным эталоном уменьшается якорный эффект, т. е. искажение формы шкалы вблизи эталона.

Стратегия оценивания, выработанная испытуемыми совместно, сохраняется у них и в последующих индивидуальных экспериментах. При этом совместная стратегия вырабатывается достаточно быстро: во время первых серий эксперимента; в этот период отмечается и наиболее интенсивное общение.

Эксперименты, выполненные Носуленко, позволяют считать, что в условиях общения происходят качественные изменения в работе сенсорной системы (по сравнению с условиями индивидуального эксперимента). Эти изменения, по-видимому, касаются, во-первых, блока принятия решений, во-вторых, смещения сенсорных эталонов (или модулей) оценочной шкалы. Иначе говоря, под влиянием общения происходит перестройка прежде всего тех звеньев системы, которые ответственны за процесс упорядочивания и оценивания сенсорных данных.

Аналогичная картина проявляется также на уровне **представлений и памяти**. Еще Е. Мейман отмечал различие процессов запоминания и воспроизведения вербального материала детьми 3—9 лет, работающими в условиях изоляции и в присутствии других людей [623]. Подобные различия наблюдались также В. Мёде [622], В. М. Бехтеревым [81] и Д. Г. Элькиным [534]. Однако особенности динамики мнемических процессов в условиях непосредственного общения (не просто в присутствии других людей, а во взаимодействии с ними) систематически никем (по известной нам литературе) не изучались. Между тем в реальной жизни процессы запоминания, сохранения и воспроизведения той или иной информации человеком протекают в условиях общения.

В нескольких сериях экспериментов мы попытались исследовать особенности процессов воспроизведения невербального (образная память) и вербального (словесная память) материала в условиях общения [290].

В одной серии диадам предлагалось сначала индивидуально, а затем совместно изобразить план знакомой им местности (задание не требовало высокого уровня развития графических умений).

На начальной фазе общения было направлено на определение общих точек отсчета (общих координат). Так, испытуемый *A* выбрал в качестве начальной точки отсчета один элемент местности; испытуемый *B* — другой; определение взаимоотношений между этими элементами и составляло содержание общения. В процессе общения обоими испытуемыми выдвигались гипотезы, которые подвергались взаимной проверке.

В тех случаях, когда оба испытуемых представляли план местности в целом одинаково, общение было направлено на уточнение масштаба, расположения деталей и на заполнение пропусков в схеме. При этом детали рассматривались относительно общей (принятой обоими испытуемыми) системы точек отсчета.

На этой фазе общения также выдвигались и проверялись гипотезы, которые либо отвергались, либо принимались обоими испытуемыми.

Поскольку испытуемые воспроизводили (с теми или иными ошибками) план заданной местности в целом, можно охарактеризовать топографические представления, которыми они владели, как «карты-обозрения». Но в процессе общения наблюдалось как бы развертывание отдельных элементов **топографического пред-**

сглавления и переход t ; оперированию «картой путем». При этом развертка осуществлялась каждым испытуемым относительно общего и системы точек отсчета (О «карте-пути» и «карте-обзрении» см.: [523; 524]).

При решении задач, требующих актуализации топографических представлений, речевое общение играет большую роль, чем при совместном зрительном поиске. Однако и в этом случае испытуемые широко пользуются жестами (особенно имитационными и изобразительными), которые служат своего рода средствами «экстериоризации» представлений.

В процессе общения у каждого испытуемого представление трансформируется, уточняется и обогащается. Итогом общения является сближение представлений у обоих испытуемых: они становятся в основных моментах сходными.

Как показали результаты этой серии экспериментов, точность и полнота воспроизведения топографических представлений в условиях общения выше, чем в условиях индивидуальной деятельности.

В другой серии экспериментов испытуемым сначала раздельно, а затем совместно предлагалось воспроизвести ранее заученный стихотворный текст.

При раздельном (индивидуальном) воспроизведении обнаружилась классическая картина, достаточно хорошо описанная в литературе,— точное воспроизведение начала (и часто конца) тех или иных строк и строф, замена дословного воспроизведения текста изложением его смысла и т. д.

При совместном воспроизведении этого же текста в условиях общения картина иная. Здесь наблюдается взаимная коррекция, совместный поиск забытых слов и фраз, связанный с выдвижением гипотез и их проверкой. Объем дословного (точную) воспроизведения в условиях общения оказывается большим, чем соединение объемов, воспроизведенных каждым из его участников порознь.

Результаты воспроизведения в условиях общения упрощенно было бы представлять как наложение того, что хранит память одного испытуемого, на то, что хранит память другого. В процессе совместного припоминания воспроизводятся прежде всего то, что хранят в памяти оба испытуемых достаточно прочно и точно. Эти части материала выступают в роли своего рода общих координат, «строительных лесов», образуют систему опорных образов (в данном случае последовательность изложения текста), относительно которых осуществляются взаимное подкрепление и взаимная коррекция воспроизводимого материала. База коррекции при совместном воспроизведении более широкая, чем при индивидуальном: в условиях общения образуется как бы «совместный фонд памяти», используемый обоими испытуемыми. В процесс воспроизведения включаются и моменты узнавания, которые способствуют увеличению его объема и точности (А узнает то, что воспроизвел В, и это узнавание как бы «вытягивает» из его памяти новые части материала.)

В условиях общения у каждого из его участников активнее протекают процессы самоконтроля, отчетливее осознаются «провалы» и «сомнительные места», т. е. те части материала, которые ни один из испытуемых не может воспроизвести точно. Более определенно отделяется то, что испытуемые помнят хорошо, от того, что они не помнят или помнят плохо. Именно в зоне этих частей воспроизводимого материала и ведется совместный поиск забытого. Конечно, такой поиск есть и в индивидуальном воспроизведении, но при совместном он протекает более интенсивно.

Отметим также, что и сама стратегия поиска в условиях общения оказывается иной. При индивидуальном воспроизведении испытуемые, обнаружив «провал», обычно действуют по принципу многократных возвратов к началу текста, каждый раз «пробега» его заново. Такую стратегию можно было бы называть сканирующей. Нередко, обнаружив «провал», испытуемые не могут его преодолеть и отказываются от попыток дальнейшего воспроизведения.

В условиях общения такие «провалы» (блокировка процесса воспроизведения) становятся как бы фокусом совместных усилий. Именно в районе этого фокуса и организуется совместный поиск. Такую стратегию можно было бы назвать фокусирующей. Выявив «провалы», испытуемые начинают активно выдвигать гипотезы, обсуждают их и корректируют. В процессе совместного воспроизведения более часто, чем в индивидуальном, наблюдаются явления, подобные реминисценции.

Аналогичные данные получены Ы. Н. Обозовым и В. З. Стагатаевым [352], которые исследовали мнемические процессы на примере обучения иностранному

языку. В их эксперименте, построенном по схеме естественного, учащимся старших классов средней школы предлагалось перевести тексты-диалоги с иностранного языка на родной (с немецкого на русский) и заучить на иностранном языке свои роли. Так же как и в наших экспериментах, при индивидуальном воспроизведении наблюдалась известная в психологии картина. В условиях совместной деятельности она существенно изменилась. Наблюдалась взаимная коррекция допущенных при воспроизведении неточностей, взаимное стимулирование, совместный поиск забытых слов, выдвижение и обсуждение гипотез и т. п.

Анализ результатов этого эксперимента показал, что влияние общения особенно четко проявляется при отсроченном воспроизведении материала (через два дня после заучивания).

Вопрос о влиянии общения на мнемические процессы исследовался также В. Ф. Ведерниковым [352]. Для изучения процессов запоминания и узнавания использовались метод тождественных рядов и метод удержания членов ряда. Испытуемым предъявлялись слова и числа. Сравнилось произвольное и непроизвольное их запоминание в условиях индивидуальной и совместной деятельности.

Эти эксперименты показали, что коэффициент узнавания, определяемый как отношение правильно опознанных слов и цифр к их общему числу, в парном эксперименте больше, чем в индивидуальном. По данным Ведерникова, общение особенно сильно влияет на процессы произвольного запоминания (и воспроизведения). Его продуктивность в условиях общения по сравнению с запоминанием в условиях индивидуальной деятельности увеличивается более значительно, чем продуктивность непроизвольного запоминания.

Вопрос о влиянии общения на произвольное и непроизвольное запоминание (и воспроизведение) требует, конечно, дальнейших исследований. Однако наши наблюдения за усвоением иностранного языка позволяют предполагать, что общение активизирует процессы непроизвольного запоминания и воспроизведения, пожалуй, не в меньшей, если не в большей, степени, чем произвольного. Можно думать, что в условиях общения между этими двумя уровнями мнемических процессов складываются иные отношения по сравнению с теми, которые характеризуют индивидуальную деятельность.

Специального исследования заслуживает также вопрос о роли общения в процессах взаимодействия кратковременного и долговременного хранилищ.

По данным И. М. Мельник [317], объем кратковременной памяти в условиях общения изменяется незначительно, по существу увеличивается уверенность испытуемых при воспроизведении материала.

Как уже отмечалось в третьей главе, общение является важнейшим условием развития мыслительных процессов (речемыслительный уровень психического отражения).

Идея о том, что процессы мышления генетически связаны с общением, высказывалась в психологии неоднократно [128; 636; 637]. Своеобразным ее выражением является принцип единства мышления и речи, разработанный в советской психологии. В условиях общения людей друг с другом осуществляются процессы абстракции и обобщения информации, анализа и синтеза знаний. Даже в индивидуальном мышлении (когда человек решает ту или иную задачу, находясь в условиях изоляции от непосредственных контактов с другими людьми) можно легко обнаружить внутренний диалог. Есть много общего в структурах процесса общения и мыслительно-

го процесса. Кучинский рассматривает мышление как своеобразный синтез общения и деятельности [251].

* Вместе с тем вопрос о роли общения в мыслительных процессах разработан в психологии недостаточно. Имеющиеся экспериментальные данные разрозненны и противоречивы. Так, по данным Бехтерева, при решении арифметических задач изолированная работа количественно интенсивнее, а качественно выше совместной. К аналогичному заключению пришел В. Шмидт, изучая качество домашних и классных работ, выполняемых школьниками. По данным Х. Ламма и Г. Трамдорфа, групповое решение задач менее эффективно, чем индивидуальное. Часто высказывается мнение о том, что для эффективного развертывания мыслительного процесса необходима «отстройка» от внешних воздействий, в том числе и тех, которые возникают в процессах общения. Вместе с тем есть данные, показывающие, что в условиях совместной деятельности вероятность решения задач выше по сравнению с индивидуальной, т. е. совместная мыслительная деятельность более эффективна [375; 546; 549].

Таким образом, складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, есть факты, приводимые в пользу утверждения о положительном влиянии общения на процесс мышления, с другой — убедительными кажутся экспериментальные данные, свидетельствующие о преимуществах индивидуальной мыслительной деятельности.

По-видимому, характер влияния общения на мыслительный процесс зависит от системы различных факторов; сложности решаемой задачи, уровня знаний и интеллектуальных способностей лиц, решающих задачу совместно, соотношения их мотиваций, личностных особенностей и т. д. В исследовании этого вопроса особенно важно понимание системности детерминации психических процессов.

Не претендуя на раскрытие этой детерминации, ограничимся лишь изложением результатов некоторых исследований.

Как известно, одной из важнейших в психологии мышления является проблема усвоения понятий. Эта проблема (в связи с изучением общения) разрабатывалась Кольцовой [220]. Она сравнивала два варианта работы учащихся дневных и вечерних школ. Изучался процесс овладения понятиями индивидуально и совместно, включая обсуждения и дискуссии в малых группах. Используя разработанную ею шкалу уровней усвоения понятия, Кольцова показала, что общение оказывает существенное влияние на процесс этого усвоения.

В тех классах, в которых задания выполнялись учащимися в условиях непосредственного общения, были получены более высокие результаты. Этому не приходится удивляться, так как процесс усвоения понятий в условиях общения протекает как совместная мыслительная деятельность, в ходе которой имели место взаимная коррекция знаний, дополнения, уточнения, выявлялись неточности и т. д. В такой совместной и весьма динамичной деятельности знания, которыми владел каждый из учащихся, как бы создавали общий фонд, что позволяло осуществлять более полный анализ признаков понятий, отделение существенного от несущественного, а также более эффективное сочетание процессов обобщения и абстракции. В совместной деятельности общение выполняет своего рода компенсаторную функцию по отношению к каждому из ее участников.

По данным Кольцовой, общение оказывает различное влияние на сильных, средних и слабых учащихся. Наиболее высоко оно по отношению к средним,

многие из которых благодаря совместной деятельности поднимаются до уровня сильных, что подтверждается также данными Обозова и Стагатаева [352].

По данным Г. С. Костюка и др., от совместной деятельности более всего выигрывают слабые школьники, показавшие в индивидуальной деятельности низкие результаты; что же касается сильных, то в совместной деятельности их результаты могут стать даже хуже, чем были в индивидуальной деятельности (по-видимому, в связи со снижением самоконтроля [233]).

Все сказанное ставит под сомнение утверждение о том, что в условиях совместной деятельности происходит осреднение результатов ее участников. Напротив, при правильно организованном общении можно добиться повышения результатов каждого из них. Кольцова показала, что влияние общения на каждого из его участников зависит от их индивидуальных особенностей: степени подготовленности к усвоению нового понятия; отношения к заданию, уровня интеллектуальной активности.

Е. В. Цуканова [507] сравнивала индивидуальное и совместное решение задач лабиринтного типа и показала, что характер влияния общения зависит от межличностных отношений в диадах. Если члены диады связаны взаимоположительными (++) или взаимонейтральными (00) отношениями, то общение повышает эффективность решения задач примерно в 1,5 раза. Если же эти отношения взаимонегативны (---), то при общении эффективность работы снижается. Часто такие диады вообще не решают задачу. Тема общения из области деловой (поиск выхода из лабиринта) переключается в область выяснения межличностных отношений.

Зависимость совместного решения задач от межличностных отношений особенно отчетливо обнаруживается в тех случаях, когда один и тот же испытуемый включен в диады разного типа.

Наблюдая за динамикой общения, Цуканова обнаружила, что его интенсивность (которая определялась по количеству взаимных речевых обращений в единицу времени) на определенных стадиях решения задачи различна для диад разного типа. При этом каждая диада находит некоторое оптимальное для нее соотношение вербальных и невербальных средств общения, легко переходя от одних к другим по ходу решения. В процессе совместной работы в каждой диаде формируется свой собственный стиль общения. Это, конечно, относится прежде всего к тем диадам, в которых межличностные отношения не препятствуют совместной деятельности.

В одной из серий экспериментов диадам предлагалось решать задачи в условиях ограничения времени, которое выступало в роли стресс-фактора. В этих условиях наблюдалось свертывание процесса общения: его интенсивность сокращалась более чем в 2 раза. При этом испытуемые начинали активнее использовать паралингвистические и невербальные средства, в частности жесты и мимику. Если в обычных условиях жесты относились главным образом к решаемой задаче (указательные, изобразительные и имитационные), то в условиях ограничения времени «спектр» используемых жестов расширялся — выявлялись жесты поощрения, запрета, нетерпения, досады. Часто вербальные и невербальные средства начинали использоваться параллельно, что позволяло дублировать передачу информации и тем самым повышать надежность ее приема.

Свертывание процесса общения, наблюдавшееся при совместном решении задач в ситуации временного дефицита, выступало как фактор, положительно влияющий на результат лишь в диадах типа (++) и (00).

Совместное решение задач лабиринтного типа изучалось также Обозовым, Т. П. Блохиной и Н. А. Логиновой. Подтвердив факт позитивного влияния общения на эффективность решения (по показателям количества «ходов» и общего времени решения) в диадах типа (++) и (00), они показали также, что степень этого влияния существенно зависит от того, как соотносятся между собой индивидуальные стратегии партнеров. Пользуясь классификацией, предложенной Кулуткиным [247], авторы показали влияние сочетания видов стратегии в совместной деятельности на ее эффективность.

ii \\ Русалов показал, что в ситуации совместной деятельности существенно возрастает эффективность вероятностного прогнозирования (по сравнению с индивидуальной). При этом выявлена зависимость эффективности совместного прогнозирования от соотношения индивидуально-психологических характеристик партнеров общения [425]. Особенности протекания мыслительного процесса в условиях общения изучались также Матюшкиным с сотр. [316]. Была показана их зависимость от типа задач и организации совместной деятельности.

В экспериментах Пономарева в условиях индивидуальной и совместной деятельности исследовалось решение задач, требующих творческого подхода. В качестве экспериментальной использовалась задача, описанная автором под условным названием «монотипная модель» [374]

В предварительных опытах с привлечением большого числа испытуемых было установлено, что в течение 30 мин, отводимых на поиск решения, ни один из них, работая индивидуально, не СМОГ самостоятельно решить эту задачу. Затем она была предложена *irunridM* тех же испытуемых, объединенных по 2, 3 и 4 человека каждая. Полученные результаты весьма показательны: 70% (!) групп нашло решение, не выходя за пределы тех же 30 мин.

Пономарев объясняет полученные результаты в свете своей концепции о прямых и побочных продуктах деятельности. С точки зрения этой концепции члены группы при совместном решении задачи находятся в различных отношениях к побочному продукту, к его созданию и использованию. Тот член группы, в действиях которого возникает «ключевой» побочный продукт, обычно находится в условиях, наименее способствующих его использованию. Другой член группы, активно заинтересованный в решении задачи, но занимающий в данный момент положение наблюдателя, оказывается в условиях, более благоприятных для использования побочного продукта, который появляется в результате действий его партнера.

Сочетание манипулирования с предметом одними членами группы и активного наблюдения другими является важным условием решения творческой задачи. Уровень осознанности решения у разных членов группы зависит от их активности, степени включенности в совместную деятельность, развитости и богатства общения. Определяющее значение в этом отношении принадлежит его содержанию, направленности и организующей роли в совместной деятельности. Именно благодаря общению осуществляется перевод побочного продукта из плана неосознаваемого в план осознаваемого. Как отмечалось, это же наблюдается в процессах воспроизведения.

Таким образом, экспериментальные исследования позволяют сделать заключение о существенном влиянии общения на мыслительные процессы разного уровня: от усвоения понятий до решения творческих задач. Вместе с тем они показывают, что это влияние зависит от многих факторов, таких, как индивидуальные особенности участвующих в совместной деятельности людей, соотношения принимаемых ими стратегий, способов и средств общения, межличностных отношений.

Иначе говоря, вопрос о том, какое влияние окажет общение на мыслительные процессы участвующих в нем партнеров (положительное, нейтральное или отрицательное), не может решаться абстрактно, характер влияния определяется конкретными условиями общения.

Вся совокупность результатов описанных выше экспериментальных исследований позволяет заключить, что общение является важнейшей **детерминантой познавательных процессов на всех их уровнях.**

В условиях общения их эффективность и динамика существенно отличаются от тех, которые характеризуют эти процессы в условиях изолированной деятельности индивида.

Влияние общения на сенсорно-перцептивные процессы проявляется прежде всего в организации и селекции воспринимаемой информации, ее оценки и коррекции, а также в формировании «маршрутов» наблюдения и стратегии построения субъективных шкал.

При воспроизведении пространственных (топографических) представлений общение влияет на выбор точек отсчета, огноситель по которым оценивается расположение тех или иных объектов, а также па процессы пространственно-временных трансформаций (перевод «карты-обозрения» в «карту-путь» и обратно); оно обеспечивает также коррекцию воспроизводимых образов.

При воспроизведении вербального материала общение выступает в роли важнейшего условия его проверки и коррекции, а также выявления забытого (провалы памяти); в процессе общения формируется стратегия воспроизведения, выдвигаются и проверяются гипотезы относительно воспроизводимых частей материала и осуществляется его упорядочивание.

В процессе усвоения понятий благодаря общению расширяется (по сравнению с индивидуальной деятельностью) база обобщения и абстрагирования; оно содействует также отбору и упорядочению усваиваемых знаний.

Общение создает благоприятные условия для рассмотрения тех или иных задач в разных аспектах и смены стратегий поиска их решения.

Таким образом, общение оказывает влияние прежде всего на организацию и регуляцию познавательных процессов.

Описанные в данном параграфе результаты экспериментов позволяют предполагать, что общение так или иначе оказывает влияние на все «измерения» психического отражения (см. третью главу).

Прежде всего отметим, что происходят изменения в самом процессе — сенсорно-перцептивном, мнемическом, мыслительном. Некоторые его стадии сокращаются, сжимаются. Возможно, отдельные из них выпадают; процесс разворачивается, минуя эти стадии. Более гибкими становятся переходы от стадии к стадии, а также от одних уровней психического отражения к другим.

Что касается форм отражения, то нужно отметить, что общение обеспечивает их большую развитость. Представление, так же как и перцептивный образ, становится более дифференцированным и вместе с тем повышается уровень его интегративности. Это относится также и к понятию, вообще к знаковым формам отражения. Переходы от образа к понятию, от чувственного и конкретного к рациональному и абстрактному, от дифференцированного к интегральному, точно так же как и переходы в обратном направлении, в условиях общения более динамичны по сравнению с тем, как это наблюдается при индивидуальном решении задач.

В условиях общения (если отношения между партнерами положительны или нейтральны) в целом повышается адекватность результатов отражения. Это относится и к психофизическим шкалам, и к перцептивным образам, и к топографическим представлениям,

и к понятиям. Более эффективно осуществляется превращение перцептивного образа в мнемический, а также извлечение информации из памяти.

Можно предположить, что общение существенно детерминирует динамику взаимоотношений между осознаваемым и неосознаваемым, произвольным и произвольным, в целом процесс трансформации информации (ее сжатие и развертывание, перевод из долговременного хранилища в кратковременное и наоборот). Иными словами, общение оказывает влияние на самый механизм психического отражения²⁴.

Можно высказать предположение о том, что общение выступает в качестве своего рода «оператора» отмеченных переходов и трансформаций, но каким образом они осуществляются? Как работает этот оператор? Для ответа на эти вопросы требуются дальнейшие исследования.

Особый круг вопросов относится к изучению способов и средств общения, их взаимоотношений и динамики в процессе взаимодействия субъектов при решении различных типов задач (здесь они были затронуты лишь частично). Иначе говоря, полученные результаты приводят к постановке новых проблем, разработка которых требует специального анализа «единиц общения» — циклов.

Описанные эксперименты дали возможность наблюдать конкретные проявления динамики общения, о которой говорилось в предыдущем параграфе. Определение общих координат на начальной фазе общения при выполнении каждого типа заданий имеет свою специфику. При зрительном поиске в качестве общих координат выступают общие ориентиры, при построении субъективных шкал — общие модули, при воспроизведении топографических представлений — опорные образы, при решении творческих задач — побочные продукты деятельности и т. д. Относительно начальных координат разворачивается весь дальнейший процесс общения.

Этот процесс выступает как последовательность циклов, каждый из которых представляет собой сопряженный акт. Цикл начинается с выявления задачи (или подзадачи), возникающей в ходе совместной деятельности, и завершается согласованием принимаемых каждым из участников общения решений.

Взаимосвязанность действий людей в ходе общения не дает, однако, никаких оснований утверждать, что познавательные процессы являются в этих условиях интериндивидуальными, интерпсихическими (Выготский [129]) или что эти условия характеризуются интересубъективностью (Рамметвейт [643]). Перцептивный,

²⁴ Здесь отмечались преимущественно позитивные влияния общения на процессы психического отражения, что характерно для ситуации сотрудничества (при взаимно-нейтральных или взаимно-положительных отношениях между испытуемыми). Можно ожидать, что в других ситуациях (при отрицательных взаимоотношениях испытуемых) изменится и направление влияния общения, вероятно, также на все основные измерения психического отражения: появятся затруднения переходов от одних форм и уровней отражения к другим, трансформации информации и т. д.

мнемический или мыслительный (любой психический) процесс протекает, конечно, как процесс индивидуальный. Но общение накладывает определенный и весьма значительный отпечаток на эти своеобразно протекающие у каждого индивида процессы. Общение детерминирует каждого из его участников по-разному.

В любом познавательном процессе при переходе от стадии к стадии осуществляется трансформация и интеграция информации. При этом в условиях изолированной индивидуальной деятельности интегрируется и трансформируется только та информация, которой располагает данный индивид. В условиях общения в индивидуально протекающий познавательный процесс вовлекается также и та информация, которую индивид получает от партнера по общению, используется «общий фонд» информации. Этим прежде всего и определяется более высокая эффективность и своеобразие динамики познавательных процессов в условиях общения.

Последовательность циклов не предопределяется какой-либо заранее сформированной программой, предначертанным планом: она весьма лабильна и направляется самим ходом выполняемой совместной деятельности.

Общение представляет собой открытую и весьма подвижную систему, обеспечивающую возможность распределения (и перераспределения) функций между его участниками, смены ролей по ходу решения задачи, взаимного содействия (или противодействия), контроля, взаимной коррекции и компенсации. Оно всегда имеет конкретно-ситуативный характер и протекает так, как складываются отношения между его участниками, несет на себе отпечаток всей системы этих отношений.

Соотношение между вербальными и невербальными средствами в процессе общения определяется характером совместно решаемой задачи, а также условиями совместной деятельности и является весьма динамичным.

Согласование действий участников общения наблюдается не только на начальной фазе общения, оно пронизывает весь процесс. На его завершающей стадии происходит согласование результатов совместной деятельности, их контроль и коррекция: вырабатываются общие позиции его участников. Это, в частности, выражается в согласовании сформированных в процессе общения представлений, понятий, решений, принципов и стратегий совместной деятельности.

Конкретная динамика процесса общения (длительность фаз, переходы между ними, состав циклов и их последовательность) зависит от темы общения и особенностей участвующих в нем людей.

Влияние общения на психические процессы опосредствуется такими внешними и внутренними факторами, как 1) характер совместной деятельности (степень сложности, развернутость и др.); 2) особенности ситуации, в которой протекает общение (особенности эксперимента и экспериментатора, условия деятельности и т. д.); 3) индивидуально-психологические особенности субъектов общения (уровень подготовленности к совместной деятельности, навыки

общения, особенности темперамента и т. д.)²⁵; 4) социально-психологические факторы (межличностные и функциональные отношения).

Для психологического изучения общения наибольший интерес представляют те факторы, которые связаны с личностными особенностями общающихся людей и межличностными отношениями. Как отмечалось в большинстве описанных выше экспериментов, подбирались группы испытуемых, взаимоотношения между которыми были либо положительными, либо нейтральными. Именно в этих (и только в этих) группах эффективность совместной деятельности была выше, чем индивидуальной; общение давало позитивный результат. В группах испытуемых, связанных отрицательными отношениями, общение не только не способствовало решению задач, но, напротив, оказалось фактором, снижающим его эффективность. Это значит, что межличностные отношения являются существенным измерением общения.

Изучение этого измерения требует перехода к другому уровню анализа. Дальнейшие исследования общения во взаимосвязях разных уровней анализа позволяют, на наш взгляд, наметить подход к выявлению закономерных отношений между психическими процессами и психическими свойствами личности.

Представляется, что последовательная реализация принципа общения необходима при изучении не только познавательных, но также эмоциональных, волевых и других психических процессов, а также психических состояний: при разработке всех основных проблем общей психологии.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

В предыдущих главах рассматривались категории отражения, деятельности и общения, являющиеся для психологической науки базовыми, в том смысле, что на их основе строится ее понятийный аппарат. При этом отмечалось, что в исследовании психического отражения ее интересует не только самый этот процесс, но и его «носитель» — субъект. Подчеркивалось также, что анализ деятельности и общения необходим в психологии прежде всего для того, чтобы понять законы развития их субъекта. Этим субъектом — субъектом познания, деятельности и общения — является общественный индивид — личность.

Категория личности также относится в психологической науке к числу базовых. Подобно всем рассмотренным в предыдущих главах, она не является сугубо психологической и в различных планах исследуется многими, а по существу, всеми общественными науками, поэтому и здесь возникает вопрос о том специальном аспекте, в котором личность исследуется психологией. Как было показано, психические явления формируются, развиваются и проявляются в процессах деятельности и общения. Но принадлежат они не деятельности или общению, а их субъекту — общественному индивиду — личности. Ни деятельность, ни общение сами по себе никакими психическими качествами не обладают, да они сами по себе и не существуют. Но этими качествами обладает личность. Таким образом, и проблема деятельности и проблема общения «замыкаются» на проблему личности. В конце концов через анализ деятельности и общения (более широко всей жизнедеятельности человека) психология раскрывает — во всяком случае должна раскрыть — психологический склад личности, ее внутренний, духовный мир.

Наряду с принципами единства сознания (человеческой психики в целом) и деятельности, сознания и общения в советской психологии сформулирован личностный принцип, который требует исследовать психические процессы и состояния как процессы и состояния личности (Ананьев [39; 40], Рубинштейн [421], Платонов [368; 369]).

Вместе с тем проблема личности в психологии выступает и как самостоятельная. В разных планах она изучается в общей, диффе-

²⁵ Преимущества совместной деятельности и наиболее отчетливо проявляются в том случае, если роли между партнерами распределены (сознательно или стихийно) в соответствии с их индивидуально-психологическими особенностями [351].

¹ Все равно: будем ли понимать их как самостоятельные принципы или второй как развитие первого.

рениальной, социальной, педагогической и других специальных отраслях психологической науки.

В известном смысле эта проблема является заключительной главой общей психологии, поскольку ее разработка необходима для интеграции данных о сенсорно-перцептивных, мнемических, мыслительных, эмоциональных и всех других психических процессах. В связи с такой интеграцией формируются представления о сенсорной организации человека, интеллекте, эмоциональных качествах личности. Разрабатываются также проблемы способностей, темперамента, характера, мотивации и т. д.

Дифференциальная психология также изучает личность, но в отличие от общей — в плане ее индивидуально-психологических особенностей и различий между людьми. Однако получаемые ею данные имеют большое значение и для разработки общей психологической теории личности, поскольку они позволяют раскрыть диалектику общего, особенного и единичного в ее психологическом складе.

Ценные данные для разработки психологической общей теории личности накапливаются также в педагогической [364; 511; 512 и др.], возрастной [37; 93; 94; 535], этнической [159], организационной [161; 207; 494] психологии, в психологии труда [57; 368; 467 и др.] и ряде других как психологических, так и пограничных с ними дисциплин: педагогике [277 и др.], социологии [176; 221; 539 и др.].

Особенно большое значение для разработки психологической теории личности имеет социальная психология, которая изучает статус и роли личности в различных общностях, межличностные отношения, интерперсональное восприятие, связи личностей в совместной деятельности и т. д. (Андреева [42], Бодалев [92], Ковалев [212; 213], Кузьмин [246], Парыгин [360—362], Петровский [364], Чернышев [511; 512], Шорохова [531; 532] и др.).

Это значение определяется тем, что личность здесь рассматривается в контексте явлений общественной психологии, что позволяет раскрывать целый ряд таких ее характеристик и таких феноменов, которые другими психологическими дисциплинами не обнаруживаются (в силу специфики их предмета, методов и задач)².

Как особое направление исследований формируется социальная психология личности [451].

Накапливаемые в разных психологических дисциплинах данные (порой весьма противоречивые) остро ставят задачу их теоретического синтеза, раскрытия интегральных качеств человека, понимания его как организованной целостности.

При этом намечаются различные планы исследования. В одних случаях предпринимаются попытки рассмотреть психические свойства и процессы, которые прежде изучались изолированно, в их взаимосвязях, т. е. представить их как некоторую единую систему. В ро-

² Например, феномены эмпатии, самоопределения личности в коллективе (Петровский [364]), лидерства, и таких свойств личности, которые проявляются в ситуации общения (Журавлев [161]), сотрудничества, соревнования (Касюлис [454], Зотова [453] и др.).

ли целого здесь выступает индивид; его психологические качества рассматриваются в единстве с биологическими и социальными.

В других акцент делается на сравнительном изучении психологических характеристик разных типов людей, выявлении различий между ними и определении специфических психологических особенностей каждого. Главной здесь по преимуществу является проблема психологии индивидуальности³.

Наконец, в-третьих, подход к выявлению интегральных качеств человека нацелен на изучение личности.

Важнейшая теоретическая задача состоит в том, чтобы вскрыть объективные основания тех интегральных психологических свойств, которые характеризуют человека как индивида, как индивидуальность и как личность⁴.

Понятие «личность» относится к определенным свойствам, принадлежащим индивиду (неверно было бы относить это понятие, например, к группе людей⁵). При этом имеется в виду и своеобразие, уникальность индивида, т. е. индивидуальность. Однако понятия «индивид», «индивидуальность» и «личность» не тождественны по содержанию. Каждое из них раскрывает специфический аспект индивидуального бытия человека⁶. В данной главе рассматривается проблема личности и частично — индивидуальности.

³ Проблема индивидуальности является основной для дифференциальной психологии и психофизиологии. Дифференциальная психофизиология благодаря работам Теплова [473; 474], Небылицына [344; 345], Русалова [424], Мерлина (319) и их учеников развивается в нашей стране активно, чего нельзя, к сожалению, пока сказать о дифференциальной психологии (Белоус [71]).

⁴ Отметим, что иногда в психологических исследованиях эти понятия отождествляются, что, естественно, приводит к путанице. Проблема их взаимоотношений рассматривается в работах Абульхановой-Славской [27], Ананьева [141], Русалова [424].

⁵ Впрочем, Бехтерев для обозначения группы людей пользовался понятием «собирательная личность» [219]. Он хотел этим подчеркнуть, что группа обладает некоторыми новыми качествами, несводимыми к сумме качеств индивидов, входящих в нее. Точнее здесь было бы применить понятие «совокупный субъект».

⁶ В связи с различием понятий «индивид» и «личность» по содержанию иногда возникают дискуссии: всякий ли индивид является личностью. Например, иногда утверждается, что личностями являются только творческие люди; из числа личностей пытаются выбросить лиц, ведущих себя антиобщественно (например, преступников), психически больных и т. д. Заявляется, что некоторые люди — это просто индивиды, но не личности. В таких утверждениях проявляются отголоски элитаристских концепций, несовместимых с принципом социального равенства. Конечно, личность может быть творческой, а может быть серой (впрочем, каждый человек обладает в той или иной мере «творческим потенциалом», поскольку без творчества, хотя бы и элементарного, человек не может решать жизненные задачи, т. е. попросту прожить), может быть активно-преобразующей или пассивно-приспосабливающейся и т. д. Но, каждый общественный индивид, человек является личностью, спорным может быть только вопрос о том, когда в процессе индивидуального развития начинает формироваться личность. «Личность» и «человеческий индивид» — формально-логически равнозначные понятия, так как относятся к одному и тому же классу объектов, но в каждом из них раскрываются разные его признаки. Индивид — единичный представитель вида «Homo sapiens»; в понятии «личность» фиксируются те признаки, которые определяются принадлежностью индивида к обществу (социальное качество).

§ 1. Общественные отношения
как общее основание свойств личности

В исследованиях сенсорно-перцептивных, мнемических, интеллектуальных, эмоциональных и других психических процессов и состояний накоплено немало данных, раскрывающих их индивидуальное своеобразие. Однако попытки построить психологическую теорию личности на базе только таких данных оказываются малорезультативными. «Сложить» из них (как бы детально они ни были изучены) целостную личность не удается. И хотя безусловно, что психические процессы и состояния принадлежат личности (не безличны), та или иная их индивидуально-своеобразная комбинация еще не дает достаточно полного представления о ее психологическом складе.

Важное значение для понимания психологического склада личности имеют исследования потребностей и способностей, темперамента и характера как образований более высокого уровня интеграции по сравнению с процессами и состояниями⁷. Однако, взятые сами по себе, они также еще не раскрывают этого склада. Естественно здесь возникает вопрос о том, как организуются многообразные психологические свойства личности в целостную систему.

К сожалению, общепринятое представление о такой системе еще не сформировалось. Но исследования в этом направлении ведутся. Так, в предложенной К. К. Платоновым [368; 369] концепции динамической функциональной структуры личности эта система включает социально и биологически обусловленные подсистемы, а также опыт и индивидуально-психологические особенности. А. Г. Ковалев [214] включает в нее темперамент (природные свойства); направленность (потребности, интересы, идеалы); способности; интеллектуальные, волевые, эмоциональные свойства. В. Н. Мясищев выделяет в качестве главных характеристик личности, определяющих ее психологический склад, направленность, уровень развития и структуру.

Интересную концепцию личности предложил в свое время А. Ф. Лазурский. Главными образующими системы он считает богатство личности (разнообразие и сложность психических проявлений); сознательность и идейность (на высших ступенях развития — мирозерцание); координацию психических элементов (их гармоничность или дисгармония). Он разработал также представление об уровнях развития психических свойств личности и предложил весьма дифференцированную классификацию типов личности.

В советской психологии сложились и другие концепции личности (их обзор дается Шороховой [531])⁸. Мы не ставим сейчас за-

⁷ Для дальнейшей разработки теории личности, на наш взгляд, было бы очень важно исследовать систему уровней интеграции психических явлений, «пирамиду свойств», о которой говорилось во второй главе. Это позволило бы наряду с решением ряда других проблем выявить более четко взаимоотношения понятий — «индивид», «индивидуальность» и «личность».

⁸ Анализ основных зарубежных концепций личности см. в работах Л. И. Андыферовой [52], Б. В. Зейгарник [178].

дачу сопоставления и анализа существующих концепций; это потребовало бы специальной книги. Отметим только, что в них отмечается большое многообразие психических свойств личности, относящихся к разным уровням дифференциации и интеграции, и сложность их структурной организации. Фактически во всех существующих концепциях теоретические модели личности являются многомерными.

В любой из психологических дисциплин, как только она касается проблемы личности, раскрываются те или иные ее свойства; при этом по мере развития каждой дисциплины перечень свойств личности непрестанно возрастает. Если собрать воедино все перечни личностных свойств, сформировавшиеся во всех психологические дисциплинах, то получится весьма длинный список.

Конечно, при более детальном анализе выяснится, что некоторые свойства, упоминаемые в нем как различные, на самом деле представляют лишь вариации одного и того же; некоторые окажутся только названными еще не изученных особенностей личности, а другие и вовсе надуманными и т. д.

Но в любом случае личность характеризуется многообразием свойств, и это многообразие закономерно. Понятно, что в связи с этим особо значимой становится задача исследования организации свойств личности в единую структуру и прежде всего выявления тех из них, которые выступают в роли системообразующих.

Но чтобы подойти к решению этой задачи, необходимо в первую очередь рассмотреть вопрос о происхождении свойств личности. Откуда они берутся? Что является их объективным основанием? Какие детерминанты определяют их формирование и развитие? В силу каких причин (и при каких обстоятельствах) у того или иного индивида складывается определенная структура личностных свойств и в силу каких причин она изменяется?

Как известно, многочисленные попытки ответить на эти вопросы на основе изучения индивида, рассматриваемого *per se*, вывести психические свойства личности человека из его природы не увенчиваются успехом. Как бы детально ни изучались человеческий организм, функции человеческого мозга, динамика психических процессов и состояний, их индивидуальное своеобразие и т. д., понятия основания и другие детерминанты свойств личности на базе только этого не удаются.

Психические свойства личности не могут быть раскрыты ни как функциональные, ни тем более как материально-структурные. Они принадлежат к той категории свойств, которые определяются как системные (см. вторую главу). А это значит, что для раскрытия их объективного основания, нужно выйти в исследовании за пределы индивида и рассмотреть его как элемент системы. Этой системой является общество. Личностные свойства как проявления социального качества индивида можно понять лишь при изучении его жизни в обществе. Только анализ отношения «индивид—общество» позволяет раскрыть основания свойств человека как личности.

Подход к изучению этого отношения в тех направлениях психологии, которые развиваются вне марксизма, можно оценить как натуралистический. Основания личности, а также и социально-психологических явлений здесь пытаются искать в некоторых собственных свойствах индивида, присущих ему естественным образом, вытекающих из его биологической структуры или обусловленных его принадлежностью к биологической системе.

Так, в пятитомном «Руководстве по социальной психологии», изданном в США под редакцией Г. Линдслея и Е. Аронсона, утверждается, что основная задача социальной психологии состоит в том, чтобы «понять и объяснить как актуальное, воображаемое или предполагаемое присутствие других людей влияет на мысли, чувства и поведение индивида... как совокупность социальных стимулов, окружающих любого индивида, воздействует на него» [587, с. 3—4]⁹.

Но что значит «социальные стимулы, окружающие индивида»? Что значит «влияния» и «воздействия»? Каждый из этих терминов имеет в американской психологии определенное исторически сложившееся значение, определенное понимание связи «индивид—общество», определенный подход к ее анализу, а соответственно и психологических аспектов проблемы личности.

Общая схема этого подхода (сложившегося под значительным влиянием бихевиористской парадигмы) примерно такова: любой данный индивид развивается в некоторой среде путем приспособления к ней. Эта среда представляет собой для индивида совокупность стимулов: физических, технических, социальных (кстати, именно так, через запятую, и перечисляются эти стимулы). Другие люди в отношении к данному индивиду также рассматриваются лишь как элементы среды (aspects of environment). Связь «индивид—общество», по существу, ничем не отличается от связи «организм—среда». Здесь действуют те же законы и те же принципы: адаптации, уравнивания, подкрепления и т. д. Наиболее широко в американской психологии распространено представление о личности как совокупности устойчивых форм (patterns) поведения и способов (modes) мышления, которые определяют приспособление индивида к среде. Правда, утверждается, что воздействия социальной среды более сложны (чем физической), так же как и более сложны ответы индивида. Однако уровень сложности не меняет сути дела. При таком подходе отношение «индивид—общество» трактуется как отношение «система—среда», а не «элемент—система, которой он принадлежит». Специфика социальной жизни индивида как члена общества смазывается, социальные детерминанты сводятся к стимулам, вызывающим те или иные его реакции, проблема его общественной активности снимается. Более того, этот

подход утверждает противопоставление (а в своих крайних выражениях — антагонизм) индивида и общества.

Аналогичным образом рассматривается также классический объект социальной психологии — так называемая малая группа.

Таким образом, в исследованиях и социального поведения индивида и малой группы просматривается схема «организм—среда». По существу мало что изменяется, если слово «организм» заменяется словом «личность» или «группа», а к слову «среда» прибавляется определение «социальная». При этом нужно отметить, что «социальная среда» часто отождествляется с культурой; экономические отношения, т. е. базис общества, остаются обычно за пределами исследования.

Хотя во многих западных социально-психологических работах описаны интересные, тонкие наблюдения и разработан ряд достаточно строгих методов, теоретические концепции, базирующиеся на схеме «организм—среда», не раскрывают действительных объективных оснований изучаемых феноменов.

Натуралистический, по существу позитивистский подход к личности и группе находит свое выражение в концепциях общества как стохастического результата поведений (или интеракций) индивидов; оно рассматривается как результат прихотливого сочетания психологических «факторов» и «единиц»; т. е. по существу отрицаются объективные законы развития общества. Социальное выводится здесь из психологического; особенности общества выводятся из особенностей малых групп, а особенности групп — из особенностей индивидов. Анализ направлен от индивида к малой группе, а от нее к обществу.

Между тем последовательно-научный, материалистический, анализ требует движения в прямо противоположном направлении; от объективных законов развития общества к раскрытию социально-психологических характеристик групп, социального поведения индивидов и свойств личности.

Изучение личности (в том числе и психологическое) требует понимания того, что такое общество. То, на какое понимание общества опирается психология, и определяет ее подход к анализу личности.

Если она рассматривает общество как простую сумму индивидов, как стохастический результат их интеракций, то ей ничего другого не остается кроме того, чтобы искать основания свойств личности и социально-психологических явлений в вечной и неизменной (пусть даже и изменяющейся, но лишь в плане биологическом) натуре человека.

Если же она исходит из последовательно-материалистического понимания общества, опирается на знание объективных законов его исторического развития, то тем самым она становится на принципиально иной путь анализа и объяснения процессов формирования и развития личности.

Исследуя строение и развитие общества, Маркс показал определяющую роль способа производства, которая относится и к об-

⁹ <To understand and explain how the thought, feeling and behavior of individuals are influence by the actual imagined of implied presence of others... how any given member of society is affected by all the social stimuli that surround him» ([587] p. 3—4)

шеству в целом, и к индивидам. Он писал, что «способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [2, с. 19]. Способ производства определяет общественный строй, организацию семьи, сословий, классов, политический строй и различные формы общественного сознания, т. е. структуру общества в целом, а в конечном счете и жизнедеятельность его членов.

Марксизм разработал научную теорию общественных отношений, которая и должна быть положена в основу изучения личности. Маркс подчеркивал, что общественные отношения — это не просто отношения «одного индивида к другому индивиду, а отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику» (в классовом обществе.— Б. Л.) [3, с. 125]. «Индивиды, хотя их отношения и кажутся более личными, вступают друг с другом в общение только как индивиды в той или иной социальной определенности, как феодал и вассал, помещик и крепостной и т. д.» [15, с. 106—107]. Иначе говоря, за личными и межличностными отношениями марксизм вскрыл их основание — общественные отношения, которые подчиняются объективному закону истории. Эти отношения формируются и развиваются вне и независимо от сознания отдельных личностей, их желаний и воли, т. е. объективно.

Направленность личности в общественной жизни, а также такие ее свойства, как альтруизм или эгоизм, миролюбие или агрессивность, стремление к лидерству или согласие на подчинение и т. п., натуралистически ориентированная психология пытается вывести из самой биологической природы человека Споры разгораются преимущественно по вопросу о том, что этой природе более свойственно эгоизм, агрессивность и другие подобные качества или, напротив, альтруизм, миролюбие и т. п. Но такой спор бесперспективен, так как эти свойства детерминируются не природой. Они имеют социальное происхождение.

Не рассматривая вопрос об объективных законах развития общества, отметим только те моменты, которые важны для понимания общественных отношений как объективного основания свойств личности. Прежде всего эти законы реализуются в действиях масс людей, и уже поэтому они не могут зависеть от сознания и воли отдельной личности. Это — законы общества. Но и общество, а тем более личность «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [8, с. 10]; они действуют и осуществляются «с железной необходимостью» [8, с. 6].

Более того, «вступая в общение, — писал Ленин, — люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — не осознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.» [22, с. 343].

Деятельность и общение индивидов (личностей) протекает в системе общественных отношений, которые определяют права и обя-

занности каждого из них, дают возможность развиваться их свойствам во всем богатстве или же, напротив, формируют одиозных, ущербных, уродливых личностей.

Вся сложнейшая система общественных отношений как базисных, так и надстроечных, детерминирует формирование тех или иных общностей и поведение индивидов — членов общества, а вместе с тем их потребности, мотивы, стремления, ценностные ориентации, чувства, способности и т. д.

Вместо бесплодных поисков оснований личностных свойств в натуре человека и оперирования с аморфными понятиями вроде «социальной среды», «социальных стимулов», «социальных влияний» как внешних для этой природы марксистская психология имеет дело со строго научно разработанной категорией «общественные отношения», имеющей исключительно большое значение для разработки проблем личности и группы (в том числе коллектива).

В своем стремлении получить как можно более точные и контролируемые данные психологи нередко стараются исследовать свойства личности и социальные психологические характеристики малой группы в искусственных условиях лабораторного (или построенного по типу лабораторного) эксперимента. Конечно, в такой искусственно созданной группе можно наблюдать некоторые социально-психологические феномены. Но при этом нельзя забывать, что каждый ее участник является членом реальных групп, в которые он включен не искусственным, а необходимым, обусловленным его жизнью образом. Сложившиеся в его действительной жизни психологические свойства так или иначе проявляются и в его поведении в той группе, которая создается искусственно с целью исследования.

Думается, что социальная психология только тогда может рассчитывать на серьезные и теоретически и практически значимые результаты, когда она разработает строгие методы изучения (в определенном аспекте — том, который определяется ее предметом) реальных формирующихся в обществе групп, и малых и больших. Эта задача, конечно, чрезвычайно трудна. Ее решение потребует серьезных усилий и изобретательности. По именно на этом пути лежит магистральная линия развития социальной психологии¹⁰.

Обращаясь к анализу реальных групп, социальная психология неизбежно должна опираться на четкое понимание той системы общественных отношений, которые сложились в данном обществе на данной ступени его исторического развития.

В условиях частной собственности на средства производства, эксплуатации человека человеком, конкуренции, разделения людей на антагонистические классы (со всеми вытекающими отсюда последствиями) формируются малые группы одного типа, в условиях общественной собственности на средства производства, кооперации, социального равенства людей — другие. Поэтому внешне сходные группы в этих случаях на самом деле оказываются по многим характеристикам, в том числе и психологическим, существенно различными.

Конечно, различные реальные группы, возникающие в обществе, могут формироваться на основе различных общественных отношений: не только экономических, но также политических, этических, эстетических и пр. Но все же самым

¹⁰ Сказанное, конечно, ни в малейшей степени не умаляет значения экспериментальных социально-психологических исследований, проводимых с искусственными группами (кстати, и в искусственной группе так или иначе проявляются те отношения, которые сложились в данном обществе). Важно только каждый раз точно знать, к каким реальным группам принадлежат люди, объединяемые в искусственные экспериментальные группы, и учитывать «печатать», накладываемую этим обстоятельством на их поведение. Тем более это важно при анализе полученных данных, их интерпретации и разработке практических рекомендаций.

глубоким их основанием являются отношения экономические, хотя эта связь и не всегда просматривается легко. Сказанное не в меньшей степени относится и к изучению личности.

Чтобы понять основания, на которых формируются те или иные свойства личности, нужно рассмотреть ее жизнь в обществе, ее движение в системе общественных отношений. Эти отношения выражаются прежде всего в том, в какие общности, в силу каких объективных причин включается в процессе жизни тот или иной конкретный индивид. В конечном счете его личностные свойства формируются и развиваются в зависимости от его принадлежности к определенному классу, нации, этнической группе, профессиональной категории, семье определенного (исторически сложившегося) типа, от образования (если он его получает) в школе (и средней и высшей) определенного типа; членства в общественных или политических организациях и т. д.

Включенность индивида в те или иные общности определяет содержание и характер выполняемых им деятельностей, круг и способы общения с другими людьми, т. е. особенности его социального бытия, его образ жизни. Это либо содействует его развитию (как, например, в подлинном коллективе), либо сдерживает развитие и уродует личность (как, например, в группах корпоративного типа).

Но образ жизни отдельных индивидов, тех или иных общностей людей, а также общества в целом определяется исторически развивающейся системой общественных отношений. Поэтому в ходе его изучения должна быть в первую очередь раскрыта специфика проявлений этой системы. Понятно, что такую задачу психология может решить только в контакте с другими общественными науками.

Однако неверно представлять себе дело так, что образ жизни индивида точно и однозначно копирует образ жизни общества или определенных общностей людей. Общий, характерный для данного общества образ жизни, выражается в огромной массе индивидуальных вариантов. Эти варианты существенно зависят от того, в какие общности и каким образом включается тот или иной конкретный индивид, мерой его участия в разных видах общественных отношений, совокупностью выполняемых деятельностей и кругом общения.

Изучение объективных закономерностей развития общественных отношений — это, конечно, задача общественных наук. Чтобы понять основания тех или иных психических свойств личности, психология, конечно, не обязана исследовать их специально, но она должна опираться на результаты их исследования, получаемые другими общественными науками; без такой опоры психология вряд ли может получить достаточно объективные данные. Вместе с тем психологические исследования могут дополнить (и иногда существенно) раскрываемую другими науками картину жизни общества. В этом плане психология выступает как продолжение социологии.

Здесь уместно вспомнить Г. В. Плеханова, который писал: «..Дело всякого исторического исследования (более широко¹ любого исследования социальных процессов.— *Б. Л.*) приходится на

чинать с изучения состояния производительных сил и экономических отношений данной страны. Но на этом, разумеется, исследование не должно останавливаться: оно должно показать, как сухой остов экономики покрывается живой плотью социально-политических форм, а затем — и это самая интересная, самая увлекательная сторона задачи, — человеческих идей, чувств, стремлений и идеалов» [372, с. 221—222], т. е. как структура общества «отразится вообще на всей психологии людей» [372, с. 178].

Именно эта-то — самая увлекательная, по мнению Плеханова — сторона задачи научного анализа социальных процессов и является делом психологической науки.

Важно отметить, что для психологии особенно важно знание того, как общественные отношения проявляются на уровне повседневной жизни. Между тем, к сожалению, очень редко в исторических, социологических, экономических и других исследованиях общественных отношений этот уровень теоретически не раскрывается, в лучшем случае дело ограничивается его эмпирическим описанием в виде примеров. Изучение законов развития общественных отношений обычно идет от конкретного к абстрактному. Но чтобы теоретически воссоздать эти отношения и раскрыть действие управляющих ими законов на уровне повседневной жизни, линия движения знания от конкретного к абстрактному должна быть дополнена линией восхождения от абстрактного к конкретному. В этой связи кооперация общественных наук с психологией является особенно актуальной.

Исторические закономерности, конечно, не характеризуют (да и не должны характеризовать) все детали поведения индивидов, их желания, идеи, мотивы деятельности. Они «отражают движение массы людей, социальных групп, совокупность их интересов» [367, с. 190]. Ленин видел заслугу Маркса прежде всего в том, что тот сумел в бесконечном разнообразии действий живых личностей, которые, казалось бы, не поддаются никакой систематизации, выявить объективные законы развития общества. Это разнообразие было обобщено и сведено «к действиям групп личностей, различавшихся между собой по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой — одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества» [20, с. 430].

Но можно ли прямым образом, непосредственно вывести психологические характеристики той или иной личности из общественно-исторических законов? Думается, что сделать это очень трудно, поскольку законы развития общества относятся к большим группам людей, к массам. Было бы упрощенным рассматривать жизнь личности просто как движение «единицы» в сумме других «единиц», увлекаемых их общим потоком. Наивно также считать, что в каждой личности, как в капле воды, отражается все общество, и поэтому законы ее развития трактовать как те же законы развития общества, но только применительно к единичному явлению. Конечно, раз-

витие личности (индивида) как члена общества подчиняется законам общества. Она живет и действует в сфере этих законов. Однако из этого не следует, что ее развитие есть, как полагал, например, Плеханов, своего рода «конспект» истории общества¹¹ (подробнее о взаимоотношениях законов развития общества и индивида см. в главе седьмой).

Итак, общим объективным основанием свойств личности является система общественных отношений. В этом смысле общество порождает личность. Личность и общество не противостоят друг другу как две разных взаимодействующих силы. Личность — это член общества и его продукт. Отношение «индивид—общество» есть отношение порождения, формирования личности обществом. И вместе с тем порождение, формирование и развитие личностей (их исторически определенных типов) является необходимой «составляющей» самого процесса развития общества, поскольку без личностей ни этот процесс, ни самое общество не могут существовать.

Для личности общество — это не просто некоторая внешняя среда. Как член общества, она объективно необходимым образом включена (осознает она это или нет) в систему общественных отношений. Ее мотивы, стремления, установки, привычки, симпатии и антипатии зависят от того, каково ее объективное отношение к производству, обмену и потреблению, какими гражданскими правами она обладает, как включена в политическую и идеологическую жизнь общества и т. д. Конечно, связь общественных отношений и психологических свойств личности не прямая. Она опосредствуется множеством факторов и условий, которые требуют специального исследования.

При рассмотрении социальной детерминации личности (особенно, если эта детерминация понимается как линейная) обнаруживается противоречие: с одной стороны, свойства личности, прежде всего ее сознание и воля, определяются общественными отношениями, которые не зависят от сознания и воли; с другой — личность (во всяком случае развитая личность) в своей общественной жизни, конечно, ведет себя как сознательное существо, обладающее мотивами, целями, волей и т. п.; она активно — в большей или меньшей степени — строит свои отношения с другими людьми.

Это противоречие разрешается практически — в *действиях личности* по отношению к другим личностям и в их действиях по отношению к ней. Социальная детерминация личностей осуществляется именно в их действиях и взаимодействиях. Напомним еще раз, что общественные отношения складываются из действий конкретных личностей.

Но они выступают как равнодействующая бесконечного количества «параллелограммов сил» (отдельных действий многих индивидов, в каждом из которых реализуются сознание и воля). Отдель-

ная личность может и не достигнуть желаемой цели, но ее действие включается в эту равнодействующую [13, с. 395—396].

Иначе говоря, отдельное сознательное действие конкретной личности детерминируется общественными отношениями потому, что она выступает как член общества, и потому же это ее сознательное действие включается в развитие общественных отношений¹². Представить себе личность, живущую в обществе и в то же время никак практически не включенную в эти отношения, невозможно.

Если рассматривать жизнь личности в обществе в глобальном плане, то нужно сказать, что вся совокупность общественных отношений, вся их система в целом, так или иначе определяет социальный статус каждой конкретной личности и ее развитие. Но при более детальном анализе выявляется, что способы включения конкретных личностей в разные виды общественных отношений различны; различна также степень их реализации в жизни каждой личности.

В антагонистическом обществе классовые, национальные, религиозные и иные «перегородки» ставят ограничения участию определенных групп людей (общностей и отдельных личностей) в тех или иных общественных отношениях. Здесь самая организация общества направляет их жизнь в ограниченное русло.

В обществе социального равенства каждая личность имеет доступ ко всем видам общественных отношений. Однако это не означает унификации образа жизни всех людей и однообразия их личностей. Каждая конкретная личность включена в жизнь общества специфическим образом; разные виды общественных отношений реализуются в ее жизнедеятельности по-разному. Эти различия отчетливо проявляются, например, в профессиональной деятельности людей. Так, врач или ученый включены в производственные отношения иначе, чем рабочий; политический деятель включен в политические отношения иначе, чем другие люди (хотя, конечно, и другие люди — прямо или опосредствованно — включены в эти отношения, даже если они и не осознают этого). Но и деятельности непрофессиональные протекают не вне системы общественных отношений. Чтобы понять действительное положение в ней той или иной конкретной личности, способ включения в экономические, гражданские, политические, идеологические и иные отношения, нужно рассмотреть всю жизнедеятельность этой личности, определить меру ее участия в каждом их виде.

Позицию личности в обществе (ее индивидуальное бытие) было бы неверно изображать как некую точку в сложной сети связей менаду людьми. Скорее ее можно представить как «многомерное

¹² В психологическом исследовании деятельности (и общения) важно выявить не только ее структуру, но и уровень и полноту осознания личностью общественного эффекта ее действий, а также связи этих действий с действиями других людей. По существу — это проблема сознательности личности и ее ответственности перед обществом. Личность, не осознающая, хотя бы в некоторой степени, общественного эффекта своих действий, инфантильна,

динамическое пространство», каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений.

В жизни каждой личности эти виды имеют различные «веса». В одни она включена непосредственно, в другие — опосредствованно (при этом опосредствование может быть весьма сложным). Одни виды объективно оказываются доминирующими, другие — подчиненными. Некоторые «проходят» через всю ее жизнь (или значительный отрезок жизни), в другие она включается эпизодически и т. д. Способы включения и мера участия личности в разных видах общественных отношений так же различны; в них, в частности, по-разному складываются взаимосвязи разных форм деятельности и общения.

Иначе говоря, «пространство отношений» каждой личности специфично и весьма динамично.

Одна из нерешенных (и трудных) научных задач — это разработка такой теории, которая раскрывала бы переход от наиболее общих законов развития всей системы общественных отношений к общим, от них к частным и специальным, а далее к их проявлениям на уровне повседневной жизни. Как уже отмечалось, путь восхождения от абстрактного к конкретному в этой области пока еще не проработан настолько полно и четко, как это нужно было бы для конкретных психологических исследований. Здесь предстоит большая теоретическая работа, объединяющая психологию со всеми общественными науками.

Для психологического исследования личности особенно важно понять, как выступают общественные отношения на уровне жизнедеятельности личности.

В общем можно сказать, что формы их проявления на этом уровне чрезвычайно многообразны. Это — личные и межличностные отношения, взаимовлияния и взаимные действия, содействия и противодействия, поступки, участие в социальных событиях, профессиональная и непрофессиональная деятельность, прямое и косвенное общение и т. д. и т. п.

В психологии, особенно детской и педагогической, большое внимание уделяется таким отношениям, как отношения «ребенок — родители», «ребенок — взрослые», «ребенок — сверстники», «ребенок — школа», «ребенок — учитель» и т. д. Но иногда их рассматривают вне связи с общественными отношениями как «отношения вообще». Между тем это — общественные отношения, изменяющиеся исторически (как и само детство). Без понимания этого многие их существенные характеристики ускользают от исследователя.

Понимание общественной сути отношений между людьми, конечно, важно для исследования развития личности на всех возрастных этапах и в любых видах ее деятельности.

Мы не беремся сейчас перечислять все формы проявлений общественных отношений на уровне жизнедеятельности личности и малых групп, а тем более систематизировать их; такая задача требует специального теоретического исследования. Отметим только, что многообразные моменты повседневного поведения людей не представляют собой нечто, находящееся «вне», «над», «под» или

«внутри» общественных отношений. Это — сами общественные отношения в действии, их конкретная реализация, формы их проявления.

Конечно, эти отношения реализуются не только в перечисленных (и других подобных) формах. Они существуют и фиксируются в организации производства (в частности, в структурах производственных предприятий, нормировании труда, его режиме и т. д.), а также процессов распределения и потребления (в частности, в формах оплаты труда, методов стимулирования, в структуре сферы обслуживания и т. д.). Они закрепляются в определенной системе социальных институтов, являющихся органами общества, в юридических законах, правилах и способах поведения, в средствах воздействия на людей, писанных и неписанных нормах и т. д.¹³

Все это в той или иной мере органически включается в жизнь каждого индивида, составляет ее неотъемлемую часть, детерминируя развитие его личностных свойств.

К сожалению, пока еще мы не располагаем достаточно строгими научными методами, которые позволяли бы выявлять специфику форм реализации общественных отношений в различных моментах повседневного поведения людей, проследить шаг за шагом уровни этой реализации в психическом развитии людей, а значит и раскрыть механизмы формирования личности обществом. Разработка таких методов и соответствующей теории, которые удовлетворяли бы потребности психологической науки — это задача перспективы. Сейчас лишь отметим, что для конкретной личности организация процессов производства, распределения, потребления, социальные институты, нормы, правила, формы общественного сознания и т. д. существуют в действиях других людей по отношению к ней и в ее собственных действиях по отношению к другим людям.

Прежде всего именно в этих действиях и взаимодействиях формируются, закрепляются и изменяются социальные свойства индивидов, т. е. они развиваются как личности.

Детерминированность личности общественными отношениями вовсе не означает, что она является их пассивным слепком. Более того, самая сущность социальной детерминации исключает это. Включение личности в систему общественных отношений и ее движение в этой системе может осуществляться только как активный процесс.

¹³ В психологии существуют концепции, рассматривающие социальные институты как производные от индивидуального развития личности и ее структуры. Так, Э. Эриксон разработал схему стадий развития личности, которые в зрелой личности выступают как элементы ее структуры. Каждой выделенной им стадии (и элементу) соответствует определенный социальный институт: стадии доверия — религия, стадии автономии — закон, стадии идентичности — идеология и т. д. В концепции Эриксона социальные институты выступают, как отмечает Л. И. Анцыферова, «в виде экстерниризованных форм организации зрелой личности, спроецированной на экране общества» [52, с. 242]. В действительности дело обстоит скорее наоборот: социальные институты как органы общества «проецируются» на личность, а точнее, выступают в роли важнейших детерминант ее развития.

Как уже отмечалось, марксизм показал, что социальные события (и историю общества, которая складывается из этих событий, в целом) творят не отдельные, —• пусть даже выдающиеся, — личности, а народные массы. Но это не значит, что роль личности, — в том числе и невыдающейся, — сводится на нет, и что она управляется общественными отношениями, как марионетка. Социальные законы, являясь законами—тенденциями, реализуются деятельностью людей: как их общностей, так и отдельных личностей. Поэтому и действие каждой личности не равно нулю, хотя ее вклад в социальное событие может быть и незначительным. Если, как учит марксизм, при определенных условиях необходимым образом, т. е. закономерно, должно возникнуть то или иное социальное событие, то это не значит, что оно совершится само собой, без активных действий конкретных личностей. Утверждая решающую роль народных масс в социально-исторических процессах, марксизм не только не нивелирует личность, а, напротив, показывает, что каждая личность (каждая!) играет в этих процессах определенную — в одних случаях более, в других менее значительную — роль¹⁴.

Было бы, конечно, неверно рассматривать развитие личности в обществе как ее движение в некоторой покоящейся, застывшей системе, так же неверно движение общества представлять в виде некоторого однообразного потока серой массы пассивных индивидов. Действия личностей и развитие общественных отношений связаны неразрывно. Это значит, что личность развивается вместе с развитием общества¹⁵. Поэтому и действительные противоречия, возникающие и разрешающиеся в ее развитии, нельзя выявить, рассматривая ее саму по себе. Их можно понять, только изучая личность в контексте развития общества, как противоречия, порож-

¹⁴ Это наглядно объясняет Плеханов: «... положим, что явление *A* необходимо должно наступить, если окажется налицо данная сумма условий *S*. Вы доказали мне, что эта сумма частью уже есть в наличности, а частью будет в данное время *T*. Убедившись в этом, я, человек, страстно сочувствующий явлению *A*, восклицаю: «Как это хорошо!» — и заваливаюсь спать вплоть до радостного дня предсказанного Вами события. Что же выйдет из этого? Вот что. В нашем расчете в сумму *S*, необходимую для того, чтобы совершилось явление *A*, входит также и моя деятельность, равная, положим, *a*. Так как я погрузился в спячку, то в момент *T* сумма условий, благоприятных наступлению данного явления, будет уже не *S*, но *S* — *a*, что изменяет состояние дела. Может быть, мое место займет другой человек, который тоже был близок к бездействию, но на которого спасительно повлиял пример моей апатии, показавшей ему крайне возмутительной. В таком случае сила *a* будет замещена силой *b*; и если *a* равно *b* (*a*=*b*), то сумма условий, способствующих наступлению *A*, останется равной *S*, и явление *A* все-таки совершится в тот же самый момент *T*.

Но если мою силу нельзя признать равной нулю, если я ловкий и способный работник и если меня никто не заменил, то у нас уже не будет полной суммы *S*, и явление *A* совершится позже, чем мы предполагаем, или не в той полноте, какой мы ожидали, или даже совсем не совершится» [373, с. 309].

¹⁵ Одним из принципиально важных для психологического исследования личности является вопрос о том, как и насколько адекватно в развитии личности выражаются тенденции развития общества и, с другой стороны, как личность, сознательно отражая эти тенденции, организует свою жизнедеятельность.

даемые объективными законами социальных процессов¹⁶. В отношении к активности личности противоречия, с которыми она сталкивается, различны. Одни из них не могут быть разрешены ею при любой степени активности, они разрешаются только общностью людей (больших и малых групп) или даже обществом в целом. Другие могут быть разрешены любой личностью, третьи — только данной (Абульханова-Славская [29]).

То, какую роль может сыграть конкретная личность в разрешении противоречий, возникающих в социальных процессах, зависит прежде всего от их масштаба, соотношения в них необходимого и случайного, от особенностей общества. Но и особенностям личности здесь принадлежит не последнее место. Для нас важно подчеркнуть значение психологических ее особенностей. Порой они оказывают весьма существенное влияние на социальные процессы¹⁷.

Так, при возникновении какого-либо события, личность, обладающая необходимой социальной функцией, могла бы повлиять на его исход. Но этого не происходит, так как данная личность проявляет нерешительность, слабость характера или непонимание происходящего.

Возможно и другое. Личность в силу ее высокой эмоциональности вмешивается в ход события импульсивно, не разобравшись в его тенденциях и действительном значении для общества; или у нее не хватает выдержки, и она пытается ускорить процесс, который объективно еще не подготовлен.

В результате в обоих случаях событие обходится обществу дороже (или эффект оказывается меньшим), чем могло бы быть, если бы данная личность обладала иными эмоциональными, интеллектуальными, волевыми свойствами: другим характером в целом.

Включаясь в социальные процессы, личность тем самым изменяет и обстоятельства своей собственной жизни. Участвуя в них, она вместе с тем активно определяет и развивает «линию» своей собственной жизни. Иначе говоря, основным условием самоопределения личности и сознательного регулирования своей жизнедеятельности является ее общественная активность.

Вопрос о проявлении психологических особенностей человека в тех социальных функциях, которые он выполняет, о «психологическом обеспечении» этих функций является одним из сложнейших теоретически и важнейших практически. Он имеет прямое отношение к задаче подбора, подготовки и расстановки кадров, особенно для различных видов профессиональной деятельности.

Психология давно уже отказалась от представления о неизменности психических свойств человека, так же как и неизменности требований профессии. Попытки «подгонять» человека к профессии, как «болт к гайке» (Липпман), ушли в прошлое. Но практическая задача осталась. Люди различаются по своим психическим качествам, и это надо учитывать в работе с ними¹⁸.

¹⁶ Так называемые внутренние противоречия личности (ее «разлад» с самой собой) являются в конечном счете производными от общественных.

¹⁷ Маркс отмечал, что специфика того или иного социального движения зависит от многих обстоятельств, в том числе от характера лиц, которые с самого начала становятся во главе этого движения [11, с. 175].

¹⁸ Ленин писал: «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, то под равенством разумеют равенство способностей или одинако-

Определяя принципы кадровой политики партии и государства, Ленин настаивал на необходимости внимательного-индивидуализирующего отношения к каждому человеку. Реализация этого принципа требует — наряду со многими другими задачами — разработки надежных методов оценки и развития тех психических качеств человека, которые необходимы для эффективного выполнения им профессиональной деятельности и любых других социальных функций. Личность есть социальное качество индивида, определяемое его включенностью в общественные отношения и движением в них. Но это качество не является некоторым ярлыком, наклеенным обществом на индивида. Оно проявляется (более того, существует) в его действиях и поступках, в эмоциональных, интеллектуальных, волевых и других психологических свойствах. Эти свойства, таким образом, неразрывно связаны с личностью, выступают как проявления социального качества. Поэтому и их психологическое исследование должно проводиться относительно той позиции, которую изучаемая личность занимает в системе общественных отношений и ее движения в этой системе.

Образ жизни индивида, выполняемые им социальные функции обеспечивают формирование, трансформацию и закрепление свойств, которые образуют его психологический склад. Именно в процессе движения индивида в системе общественных отношений происходит превращение психических процессов в психические свойства его личности (об этом превращении говорили Рубинштейн [149] и Ананьев [39])¹⁹.

Возьмем, к примеру, такие психологические характеристики (состояния) человека, как переживания, чувства и эмоции (не будем обсуждать сейчас вопрос о соотношении между ними). В психологии накоплено немало данных, позволяющих теми или иными способами оценивать модальность, глубину, устойчивость, динамику эмоциональных состояний; изучаются также интериндивидуальные различия людей по этим показателям. Но они описывают эмоцию абстрактно, как таковую, а не в ее личностном аспекте. Переход к этому аспекту требует выяснения того, какие события являются значимыми для данного индивида и вызывают у него те или иные эмоциональные состояния. Связаны ли эти состояния только с событиями его собственной жизни или той группы людей, которой он принадлежит (например, семьи), или же в них находят проявления гражданские чувства, содержанием которых является жизнь общества. Понять же, чем обуславливается личностная значимость воспринимаемых событий невозможно без анализа развития данной личности в обществе.

¹⁹ вость физических и душевных способностей людей. Само собою разумеется, что в этом смысле люди не равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого» [23, с. 361—362]. И далее: «Когда социалисты говорят о равенстве, они понимают под ним всегда общественное равенство равенство общественного положения, а никоим образом не равенство физических и душевных способности отдельных личностей» [23, с. 364]

¹⁹ Изучение «механизма» такого превращения требует, конечно, специального исследования.

То же можно сказать и об интеллекте. Как и эмоции, его можно описать целым рядом показателей. Но когда интеллект рассматривается как свойство личности, то неизбежно возникают вопросы о том, какие жизненные задачи выбирает эта личность, с каких позиций она их решает, использует ли она свои интеллектуальные возможности только в своих личных интересах или в интересах общества или против общества. Иначе говоря, изучение интеллекта в личностном плане предполагает выявление его социальной направленности.

То же можно сказать и о волевых свойствах личности. Оценка этих свойств «вообще» мало что дает. Они должны быть взяты относительно функций, которые личность выполняет в обществе, ее позиции, ее общественной направленности.

Конечно, эта старая триада — эмоции, интеллект и воля — позволяет описывать лишь очень общие, глобальные черты психологического портрета личности. Его детализация предполагает изучение и многих других — на первый взгляд, быть может, и не очень важных — психологических (и даже непсихологических) особенностей. При определенных условиях существенными свойствами личности могут оказаться, например, специфически развитая чувствительность того или иного анализатора, скорость реакции, умение распределять внимание или объем кратковременной памяти и т. д. Как справедливо отмечал А. Н. Леонтьев, «одни и те же способности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одних случаях они выступают как безразличные, в другом — те же особенности существенно входят в ее характеристику» [270, с. 165]. Какие именно особенности индивида и как включаются в структуру его личности в конце определяется его развитием в системе общественных отношений. Это, в частности, показано Шадриковым на примере анализа формирования профессионально важных качеств личности (См. также: С. В. Бубнова [102]).

Формируясь и развиваясь в процессе жизнедеятельности индивида в обществе, психологические свойства его личности в свою очередь накладывают определенный отпечаток на его поведение. Это проявляется прежде всего в стиле деятельности и общения с другими людьми. Специфический для данной личности стиль оказывает определенное влияние на эффективность выполняемых ею общественных функций (см., например, Журавлев [161]).

Из всего сказанного выше следует, что развитие индивида как личности в обществе обеспечивается сложной, системной детерминацией

В этом развитии диалектически сочетаются два процесса. С одной стороны, личность все более полно включается в систему общественных отношений; ее связи с людьми и разными сферами жизни общества расширяются и углубляются; и только благодаря этому она овладевает общественным опытом, присваивает его, делает своим достоянием. Эта сторона развития личности часто определяется как ее социализация. С другой стороны, приобщаясь к различным сферам жизни общества, личность вместе с тем приоб-

ретает и все большую самостоятельность, относительную автономность, т. е. ее развитие в обществе включает процесс индивидуализации. Индивидуализация — это фундаментальный феномен общественного развития человека²⁰. Один из его признаков (и показателей) состоит в том, что у каждой личности формируется ее собственный (и уникальный) образ жизни и собственный внутренний мир.

Конечно, одна из наиболее трудных для психологии проблем — это проблема законов и механизма процессов социализации (и индивидуализации). В поисках таких механизмов в психологии и других связанных с нею науках предпринималось немало теоретических и эмпирических исследований. Были попытки трактовать эти механизмы как подражание, «заражение», подкрепление. Пытались объяснить их принципами стремления к равновесию или напряжению и т. д.

Ценные данные для понимания законов и механизмов развития личности накоплены в исследованиях обучения и воспитания — специально организованных обществом процессов, направленных именно на социализацию подрастающих поколений. Более детальный, чем это было до сих пор, психологический анализ методов педагогического воздействия может приблизить нас к пониманию законов и механизмов, о которых идет речь. Примером такого анализа (правда, по частной, хотя и важной проблеме) может быть исследование психологии педагогической оценки, проведенное Ананьевым [41], и некоторые другие комплексные психолого-педагогические исследования [307].

Интересна идея о механизме «социализации — индивидуализации» как превращении социальных отношений в психические функции, а интериндивидуальных психических процессов — в интраиндивидуальные (Л. С. Выготский [129], П. Жанэ [545] и др.). Ценно здесь то, что психические функции личности, ее психическое развитие в целом ставится в связь с социальными отношениями, с взаимодействием людей. Однако, социальные отношения понимаются очень общо и аморфно. Между тем общество представляет собой дифференцированную систему отношений: экономических, гражданских, политических и т. д., проявляющихся так или иначе в жизни общностей разных масштабов, включая малые группы и отдельные личности. Это обстоятельство вряд ли можно не учитывать, особенно если речь идет об историческом развитии психических функций. Био и элементарные акты взаимодействия между людьми, как было отмечено в предыдущей главе, принципиально асимметричны, что

---

²⁰ Трактовки социализации как и индивидуализации (и их соотношений), сложившиеся в психологии, различны (см. Андреева [42] и др.). Иногда развитие личности рассматривается как процесс перехода от коллективной деятельности к индивидуальной, от «мы» к «я» и т. п. (Асмолов [60]). Но в действительности дело, по-видимому, сложнее, есть переходы и противоположные отмеченным. Реальное соотношение социализации и индивидуализации в процессе развития конкретной личности зависит от многих обстоятельств.

не может не проявиться в их влиянии на психические функции, которое должно неизбежно быть дифференцированным.

В рассматриваемой идее недостаточно четко так же понимание психических функций. Судя по примерам, имеются в виду в основном функции планирования, регулирования, контроля и исполнения деятельности. Хотя это лишь одна из возможных трактовок психических функций, даже приняв ее, нельзя не отметить, что эффект общения по отношению каждой из них должен быть различен.

Наконец, термин «превращение» в контексте изучения развития связей индивида с обществом не вполне точен. Пользуясь этим термином, обычно подразумевают смену чего-то одного чем-то другим (то, что превращается, перестает существовать; то, во что оно превращается, другое, начинает). Нам представляется, что процесс овладения индивидом общественным опытом более точно характеризуется термином «присвоение» (А. Н. Леонтьев), а включение его в систему социальных связей с другими людьми — «приобщение».

В исследовании процессов социализации — индивидуализации важно раскрыть, как общественные отношения отражаются в психике индивида и как благодаря этому отражению он организует свою жизнедеятельность в обществе. К сожалению, исследования отражательной природы психики ограничиваются в основном процессами познания, при этом — преимущественно познания физических объектов и их отношений. Частично в этом плане изучается восприятие и понимание людьми друг друга [90]. Нам представляется принципиально важным исследование всего многообразия психических явлений в плане отражения, включая и самые сложные новообразования личности, формирующиеся и развивающиеся в процессе ее общественной жизни. Такое исследование позволило бы полнее раскрыть специфику психического отражения, многообразие его форм и уровней, его субъективный характер, а вместе с тем выявить сферу действия категории отражения и, следовательно, ее границы.

Мы не склонны думать, что эта категория одна, сама по себе, обеспечивает возможность проникновения в сущность механизмов социализации — индивидуализации. В этой области, пожалуй как нигде, отчетливо обнаруживается необходимость применения системы категорий.

Изучение процесса развития личности предполагает анализ не только того, как она присваивает социальный опыт и приобщается к жизни общества, но и ее оригинального вклада, обогащающего эту жизнь.

Рассматривая детерминацию развития личности, мы подчеркивали значение ее активности, а также отмечали, что социализация неразрывно связана с индивидуализацией. В этой связи возникает проблема самодетерминации развития личности. Смысл проблемы заключается не только в том, что личность научается произвольно регулировать свое поведение. Более важно то, что в процессе раз-

вития на определенной его стадии она начинает сама сознательно организовывать свою собственную жизнь, а значит и определять в той или иной мере свое собственное развитие, в том числе психическое. Общие предпосылки самодетерминации складываются, по-видимому, на той стадии развития, на которой «происходит переход ребенка от существа, уже ставшего субъектом (т. е. сделавшего первый шаг на пути формирования личности), к существу, осознающему себя как субъект» [94, с. 31]. Первые моменты самодетерминации проявляются в знаменитом требовании ребенка «Я сам». На базе этой общей предпосылки в процессе обучения и воспитания (в широком смысле) формируются специальные. Но в полную меру самодетерминация начинает действовать тогда, когда человек вступает в самостоятельную жизнь. Именно на этой стадии у него возникает необходимость перспективного планирования и организации своей деятельности и общения, жизнедеятельности в целом. При этом учитываются не только собственные действия, но также взаимодействия и взаимоотношения с другими людьми. Иначе говоря, самодетерминация не приводит к тому, что личность как бы отгораживается от общества, хотя она и становится более автономной. Самодетерминация не отменяет и не заменяет социальной детерминации, а скорее дополняет ее. Общая система детерминант развития личности становится более сложной: увеличивается число ее уровней и измерений, возрастает многообразие связей между причинами, условиями, факторами, предпосылками и т. д. На разных стадиях развития, в зависимости от массы обстоятельств, специфическим образом у каждой личности складывается определенная мера соотношения социальной детерминации и самодетерминации.

§ 2. Направленность личности

В советской психологии сложился целый ряд школ и направлений, в которых на базе единой марксистской методологии психические свойства индивида как личности (личностные свойства) исследуются в разных аспектах. В одних школах личность рассматривается в связи с анализом ее деятельности (Леонтьев [270]; отчасти Рубинштейн [419]); в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (Мясищев [339]); в-третьих — установок (Узнадзе, Прангишвили [380]); наметился также подход, в русле которого личность исследуется в связи с анализом общения и г. д. На современном этапе развития советской психологии особенно важно найти средства и способы синтеза всего того ценного, что накоплено в русле каждого из перечисленных подходов, рассмотреть личность во множестве тех связей и отношений, в которых она реально формируется и развивается. Конечно, задача эта чрезвычайно трудная. Но тем не менее от ее решения существенно зависит дальнейшая судьба проблемы личности в психологии.

Несмотря на различие трактовок личности, во всех перечисленных выше подходах в качестве ее ведущей характеристики выделяется направленность. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному: как «динамическая тенденция» (Рубинштейн [419]), «смыслообразующий мотив» (Леонтьев [271]), «доминирующее отношение» (Мясищев [340]), «основная жизненная направленность» (Ананьев [39]), «динамическая организация существенных сил человека» (Прангишвили [380]). Она так или иначе выявляется в изучении всей системы психических свойств и состояний личности: потребностей, интересов, склонностей, мотивационной сферы, идеалов, ценностных ориентации, убеждений, способностей, одаренности, характера, волевых, эмоциональных, интеллектуальных особенностей и т. д.

Действительно, направленность выступает как *системообразующее свойство* личности, определяющее ее психологический склад. Именно в этом свойстве выражаются цели, во имя которых действует личность, ее мотивы, ее субъективные отношения к различным сторонам действительности: вся система ее характеристик. В глобальном плане направленность можно оценить как отношение того, что личность получает и берет от общества (имеются в виду и материальные, и духовные ценности), к тому, что она ему дает, вносит в его развитие.

То, как именно конкретная личность участвует в тех или иных социальных процессах (содействует их развитию, противодействует, тормозит или уклоняется от участия в них), зависит от ее направленности, которая формируется в процессе развития личности в системе общественных отношений.

В данном параграфе речь пойдет о таких «составляющих» направленности, как мотивационная сфера личности, ее потребности, жизненные цели, способности. «Проблема направленности, — отмечал Рубинштейн, — это прежде всего вопрос о динамических тенденциях, которые в качестве мотивов определяют деятельность, сами в свою очередь определяясь ее целями и задачами» [419, с. 623].

В четвертой главе при рассмотрении деятельности была выделена ее системообразующая: вектор «мотив—цель». Характеризуя деятельность, этот вектор вместе с тем раскрывает и то свойство субъекта деятельности — личности, о котором сейчас идет речь: в нем выражается ее направленность. Однако анализ какой-либо отдельно взятой конкретной деятельности (например, профессиональной) позволяет раскрыть мотивационную сферу личности и ее психологические свойства лишь в каком-то одном аспекте; он дает «срез» личности лишь в одной плоскости. Правда, даже и в этом случае, если исследование ведется достаточно тщательно, выявляются не только мотивы и цели, которыми личность руководствуется в данной деятельности, характерные для нее особенности планирования, прогнозирования, способы действия, но и ряд других ее свойств. В любой деятельности так или иначе проявляются темперамент и характер личности, уровень развития ее интеллекта,

критичность, инициативность, ответственность, способности, \$моциональные, волевые и многие другие характеристики.

Но чтобы раскрыть систему свойств личности и ее психологическую структуру, нужно исследовать всю совокупность выполняемых ею деятельностью. Методически такая задача, конечно, является чрезвычайно трудной, но при ее решении допустима схематизация, которая обычно применяется при разработке любого научного метода. Конструктивной идеей в этой связи, является идея разных типов деятельности ведущих и подчиненных (Ананьев [40], Давыдов [151], Леонтьев [272], Эльконин [535] и др.).

Не менее важным для решения этой задачи является исследование личности в процессах общения (Абулханова-Славская [29], Бобнева [89], Русалов [425] и др.). К сожалению, как это ни кажется странным, проблема (а точнее, область проблем), которую можно было бы определить как «общение и личность», разработана в психологии явно недостаточно. Между тем понять процесс формирования и развития личности и выявить его закономерности без анализа тех реальных связей, которые раскрываются в ее общении с другими людьми, невозможно. Личность реализует общественные отношения и строит на этой основе личные не только в деятельности (прежде всего совместной), но и в общении [128]. Без исследования общения наши знания о личности и ее свойствах остаются неполными и односторонними.

Деятельность и общение формируются на основе многомерной системы свойств их субъекта — личности путем их построения, перестроения, изменения и т.д. (Шадриков [516])²¹. Личность, таким образом, выступает в роли базиса, и деятельности, и общения. Личность — это не «момент деятельности и ее продукт», как считал, например Леонтьев [270, с 159], а, напротив, деятельность есть «момент» и «продукт» личности, «момент» ее жизни²².

Мотивы и цели деятельности принадлежат личности, которая их выполняет. Соотношение деятельности и мотива как личностного образования не простое и не однозначное. Тот или иной мотив, возникший у личности и побуждающий ее к определенной деятельности, может этой деятельностью и не исчерпаться; тогда, завершив данную деятельность, личность начинает другую (или же реализует этот мотив в общении). В процессе деятельности мотив может измениться и точно так же при сохранности мотива может измениться выполняемая деятельность (ее программа, структура, состав действий и т. д.).

Иногда целью деятельности для личности является не изменение предмета, а изменение ее мотива.

²¹ В свою очередь деятельность и общение оказывают формирующее и развивающее влияние на эти свойства.

²² Это утверждение, конечно, не подвергает сомнению справедливость положения о том, что личность формируется в деятельности. Нужно также иметь в виду, что и «деятельность» и «личность» — это понятия примерно одинакового уровня обобщенности

К той или иной деятельности личность далеко не всегда побуждается определенным единственным мотивом; мотивов может быть и несколько: тогда деятельность выступает как полимотивированная [215]. Вместе с тем возможны случаи, когда в мотивах личности отражается более узкая область действительности по сравнению с той, в которой развертывается ее реальная деятельность [58].

Между развитием мотива и овладением деятельностью могут возникать и обычно возникают рассогласования. Иногда формирование мотива опережает формирование деятельности, а иногда, напротив, отстает; и то и другое, естественно, сказывается на ее результате. Это является одним из выражений гетерохронности процесса овладения деятельностью [516]

Исследуя мотивацию поведения в связи с проблемой формирования личности, В. Г. Асеев выделил в ней активно-действенную и потенциальную области [58]. Соотношения между ними по ходу развития личности изменяются²³.

Все сказанное позволяет заключить, что мотив является не просто одной из «составляющих» деятельности. Он выступает в качестве компонента сложной системы — **мотивационной сферы личности**. Мы понимаем под мотивационной сферой личности всю совокупность ее мотивов, которые формируются и развиваются в течение ее жизни. В целом эта сфера динамична и изменяется в зависимости от многих обстоятельств. Однако, некоторые мотивы являются относительно устойчивыми и доминирующими, образующими как бы «стержень» всей сферы (именно в них-то в первую очередь проявляется направленность личности). Смена этих мотивов происходит только при существенных изменениях условий жизни личности и ее жизнедеятельности в обществе (и более того: самого общества). Нередко они оказываются настолько устойчивыми, прочными, что сохраняются в течение весьма длительного времени или даже всей жизни взрослого человека. Другие мотивы вариативны и эпизодичны: они связаны с конкретными ситуациями и зависят от них. Конечно, у разных людей соотношение устойчивых и изменчивых мотивов складывается по-разному.

Каждый период жизни человека, каждый его более или менее значительный «шаг» в системе общественных отношений приводит и к изменению его мотивационной сферы. Однако развитие мотивационной сферы протекает не по принципу «напластования» одних мотивов на другие. В процессе развития личности происходит их дифференциация и интеграция, превращение одних в другие или подавление одних другими; на базе одних мотивов формируются другие, возникают противоречия между разными мотивами (борьба мотивов), взаимное усиление или ослабление; изменяется соотношение доминирующих и подчиненных мотивов и т. д. Динамичным является также уровень осознания разных потребностей, лежащих в основе мотивов.

²³ Об актуальном и потенциальном развитии личности см также Т. И. Артемьев [55]

В психологии принято различать так называемую «короткую» и «дальнюю» мотивацию (это различие введено Тепловым [474]). Короткие мотивы связаны только с ближайшим будущим личности, дальние — с более или менее пролонгированной перспективой ее развития. Дальность мотивации существенно влияет на отношение человека к тем деятельности, которыми он занимается (ведущим и неведущим); к людям, с которыми он общается; к действительности, в которой он живет, в целом. Одним из главных условий воспитательной работы с людьми является такая ее организация, которая раскрывала бы перспективы развития каждого * !

Законы развития мотивационной сферы личности и динамики образующих ее мотивов требуют, конечно, специальных исследований. Представляется, что важнейшими характеристиками этой сферы, которые следует изучать в первую очередь, являются ее структура, величина пролонгированности различных мотивов и длительность их сохранения, их действенность, уровни осознанности и, конечно, детерминанты, условия и факторы развития мотивационной сферы в целом.

Вопрос о том, откуда берутся мотивы, как они возникают, является в психологии личности одним из основных.

Для натуралистического подхода этот вопрос оказывается тупиковым: мотивы либо объявляют естественными атрибутами индивида (что означает отказ от объяснения), либо их источники пытаются найти в его спонтанном развитии. Во всяком случае при таком подходе в поисках оснований мотивов не выходят за пределы индивида, который рассматривается как существующий сам по себе. Самое большее — высказываются аморфные суждения о «социальных влияниях». Все те мотивы, которые не связаны непосредственно с биологией человеческого организма, являются для такого подхода неразрешимой загадкой.

Не меняет существенно дела и такой вариант натуралистического подхода, который не ограничивается только биологическими основаниями мотивов, а берет также и мотивы социальные, но при этом рассматривает их в контексте спонтанного развития индивида.

В качестве примера приведем ставшую модной концепцию А. Маслоу [617]. Он утверждает (и в этом с ним можно согласиться), что основой мотивов являются потребности, которые в процессе развития индивида образуют своего рода пирамиду, иерархию. Однако толкование причин развития мотивов и выделенные уровни иерархии, предлагаемые им, весьма сомнительны. По мнению Маслоу, в основании пирамиды лежат физиологические потребности (голод, жажда, секс и т. д.), многие из которых, хотя и не все, подчиняются принципу гомеоста-

²⁴ Формирование пролонгированной мотивации, «дальних мотивов», особенно важно в воспитании молодежи. Поступая на то или иное предприятие, молодые люди часто руководствуются «короткой» мотивацией. Это может привести к нарушениям трудовой дисциплины, низкой производительности труда, текучести кадров. Там, где ведется специальная работа с молодежью, направленная на формирование у нее «дальней» мотивации, эти негативные явления возникают значительно реже. Примером здесь может быть опыт коврово-ткацкого объединения им. 50-летия Октября, на котором на основе психологических исследований введены так называемые «Карты личной перспективы», раскрывающие каждому молодому рабочему его перспективы на данном предприятии (Гуревич [150]). Интересный опыт формирования пролонгированной мотивации накоплен также в объединении «Курганприбор» (Таранов [467]).

та Следующий уровень — это потребность в безопасности (safety), которая понимается Маслоу в отличие от биологизаторов не как проявление инстинкта самосохранения, а как нужда в порядке, устойчивости. Третий уровень — аффилиативные потребности (affiliation): потребности в принадлежности к какой-либо группе людей, в общении и т. д. Четвертый уровень — потребность в уважении, престиже (esteem). Наконец, потребность в самовыражении, проявлении своих возможностей, творчестве, в самоактуализации (selfactualization).

Как видим, в «пирамиде Маслоу» объединяются и биогенные и социогенные потребности. Однако характеристика перечисленных уровней весьма аморфна. Это возникает потому, что Маслоу берет потребности абстрактного индивида, вырывая его из системы общественных отношений, рассматривает потребности индивида вне связи с обществом. Дело представляется так: удовлетворил индивид потребность одного уровня — появляется потребность следующей о уровня, удовлетворил он и ее — возникает потребность еще более высокого уровня и т. д. Но в каких общественных условиях эти потребности удовлетворяются и каковы причины перехода от уровня к уровню? — эти вопросы остаются у Маслоу без ответа. Он делает лишь очень общее замечание о том, что общество может либо затормозить, либо ускорить переход потребностей индивида от уровня к уровню; т. е. общество рассматривается лишь как среда, в которой развивается индивид. Он не преодолел распространенного в западной психологии противопоставления индивида и общества.

Но поскольку индивид является членом общества, в анализе потребностей как основы мотивов надо исходить не из абстрактного представления о нем (индивид вообще), а из того, как конкретный действительный индивид включен в систему общественных отношений и каким образом эта система отражается в его индивидуальном сознании.

Чтобы понять мотивационную сферу (ее состав, строение, динамику) и развитие этой сферы, необходимо рассмотреть **связи и отношения личности с другими людьми**. В изучении зависимости мотивационной сферы личности от этих отношений важно иметь в виду, что они имеют многомерный и многоуровневый характер. Поэтому вряд ли правильно рассматривать формирование мотивационной сферы той или иной личности на основе анализа только тех ее отношений с людьми, в которые она вступает непосредственно. Они — эти непосредственные отношения — играют решающую роль только на сравнительно ранних ступенях развития индивида. На мотивационную же сферу взрослого человека начинают оказывать влияние не только его непосредственные контакты с людьми, но и опосредствованные, а также те сферы жизни общества, которые относятся к общественному сознанию. В процессе развития в обществе индивид как бы выходит за пределы непосредственных связей с другими людьми, а его мотивационная сфера начинает формироваться под существенным влиянием идейной жизни общества: идеологии, политики, этики, права, эстетики и т. д.

Огромную роль в формировании мотивационной сферы и ее развитии играют общественные институты: система образования, про-

паганды различные формы организации творческой самодеятельности и т. д. Было бы неверно, односторонне, рассматривать мотивационную сферу личности только как отражение совокупности ее ла связаны с потребностями общества, они формируются и развиваются в контексте развития последних. Их нельзя понять, не исследуя историческое развитие общества. Некоторые потребности индивида можно, вероятно, рассматривать как индивидуализированные общественные потребности. В мотивационной сфере личности отражаются так или иначе и ее индивидуальные и общественные потребности. При этом то, в какой форме они отражаются, зависит от положения этого конкретного индивида в системе общественных отношений. На эмпирическом уровне психологического анализа речь должна идти прежде всего о тех общностях людей, которым принадлежит данный конкретный индивид (семья трудовой коллектив, спортивная команда, школьный класс и т. д.). Принадлежность к общности является одной из важнейших детерминант мотивационной сферы личности. Поскольку любой индивид принадлежит ряду общностей людей, а в процессе его развития число общностей; в которые он включается, изменяется, естественно изменяется и его мотивационная сфера. Следовательно, развитие мотивационной сферы надо рассматривать не как процесс, развертывающийся «изнутри индивида», а в плане развития его связей с различными общностями людей. Включаясь в каждую новую общность личность усваивает ее потребности и интересы, что порождает новые мотивы и так или иначе трансформирует всю мотива-

ци. И Ю ГЗом, переход от одного уровня мотивации к другому определяется не законами спонтанного развития индивида (как думал Маслоу), а развитием его отношений и связей с другими людьми с обществом в целом. Возникнет ли, например, у данного конкретного индивида «потребность в самоактуализации» определяется *Илсе* не тем, удовлетворена ли его «аффилиативная потребность» и «потребность в поестиже», а тем, как развиваются его взаимоотношения с другими людьми (в частности, в какие общности он включается в процессе своего развития в обществе).

Во множестве мотивов, которые формируются у индивида, отражаются потребности, свойственные различным общностям, в которые он включается. Источники борьбы мотивов, о которой так часто говорят и пишут в психологии, вряд ли могут быть раскрыты без анализа того в какие именно общности людей и каким образом включается данная конкретная личность. За борьбой мотивов стоит различие Пересов тех общностей, которым она принадлежит. В конечном счете объективным основанием испытываемой личностью борьбы мотивов являются реальные противоречия, возникающие в обществе. В ней отражается в той или иной форме общественная борьба. Поэтому не случайно, что именно в наиболее критические периоды жизни общества тема борьбы мотивов личности становится центральной в искусстве, художественной литературе и этике.

В личности, в ее мотивационной сфере, как бы пересекаются потребности и интересы тех общностей, которым она принадлежит. Этим определяется сложнейшая картина динамической системы мотивов; их согласованность или противоречия, дифференциация и интеграция, взаимопревращения и т. д.

Исследуя мотивационную сферу личности в системе ее социальных связей, В. И. Ковалев выделил мотивы *ситуационные*, обусловленные конкретной обстановкой, в которой находится личность; мотивы, связанные с той или иной ее *деятельностью*; мотивы, связанные с жизнью в *коллективе*, членом которого она является; мотивы, относящиеся к *обществу* в целом [215]. Хотя предложенная Ковалевым концепция иерархии мотивов, конечно, нуждается в дальнейшей разработке, в ней подмечен важный момент: зависимость иерархии мотивов от характера связей личности с другими людьми и ее включенности в различные общности и в общество в целом.

Являясь опосредствованным системой общественных отношений отражением потребности (индивидуальной или общественной), мотив не есть ее простая «калька». Связь между потребностью как объективной необходимостью и мотивом как ее субъективным отражением неоднозначна. Сходные потребности могут реализовываться в различных мотивах и, наоборот, за сходными мотивами могут стоять разные потребности; на базе какой-либо одной определенной потребности может формироваться целая констелляция мотивов, и, напротив, какой-либо один мотив может «вобрать» в себя несколько потребностей.

Формы отражения потребностей также чрезвычайно разнообразны. Например, общественная потребность может отразиться в голове индивида как желание, как чувство долга, как интерес, как стимул, как протест (например, против несправедливости) и т. д.²⁵. К сожалению, в психологии методы описания мотивационной сферы человека пока еще разработаны слабо. И еще менее разработана теория, которая раскрывала бы, как в мотивационной сфере личности отражаются общественные потребности.

В самом общем виде можно только сказать, что, включаясь в ту или иную общность людей, личность тем самым приобретает и к определенным видам общественных отношений, определенным сферам жизни общества. Потребности, возникающие в этих сферах, отражаются в ее голове и при каких-то условиях становятся мотивами ее поведения. Но как происходит это отражение? Какие именно условия обеспечивают формирование соответствующих мотивов? Какие законы здесь действуют? На эти вопросы пока еще ответов

²⁵ Анализируя мотивацию, В. Г. Асеев [58] отмечает, что в ней сочетаются два противоречивых, но диалектически взаимосвязанных момента: влечение, непосредственно связанное с реализацией потребности, и необходимость (требование, долг и т. д.). Нам представляется, что эта «двойственность» мотивации определяется ее общественной обусловленностью: в ней находит свое выражение положение личности в системе ее связей с другими людьми, усвоенные ею общественные нормы, правила, принципы и т. д.

нет. Не разработана также классификация мотивов, отражающих общественные потребности (да и индивидуальные также). Вероятно, в качестве оснований такой классификации могут быть взяты виды общественных отношений в их взаимосвязях; типы формируемых в их развитии общностей людей, а также виды соответствующих деятельностей и форм общения.

Разработка этих проблем имеет исключительно большое значение для педагогической практики, вообще воспитательной работы с людьми. Будут ли в мотивационной сфере личности доминирующие мотивы отражать действительные приоритеты общественных потребностей, или это отражение окажется искаженным; что в системе мотивов личности более важно, что менее важно и для кого (только ли для нее или для конкретной общности людей, которой она принадлежит, или для общества в целом). Эти вопросы в воспитательной работе занимают, пожалуй, центральное место. Понять структуру мотивационной сферы, ее предпосылки, основания, обстоятельства, в которых она формируется, действующие на нее факторы, т. е. системность ее детерминации — необходимое условие достижения эффективности в этой работе.

Особого внимания психологов заслуживают те случаи, когда мотивационная сфера личности в силу тех или иных обстоятельств деформирована. Например, когда эта сфера целиком замкнута только на собственные потребности индивида, а общественные потребности не находят в ней отражения (эгоистически направленная личность) или когда эта сфера ограничена только материальными потребностями и т. п. Чтобы исправить такие деформации, нужно знать законы развития мотивационной сферы.

Исследование этих законов является важнейшим условием эффективного решения одной из главных задач коммунистического воспитания: сформировать у каждого человека такую мотивационную сферу, которая была бы адекватной социалистическим общественным отношениям, в которой бы иерархия мотивов соответствовала действительной структуре общественных потребностей и общественных ценностей.

Это, конечно, ни в малейшей степени не означает унификации личностей. Да, такая унификация и в принципе невозможна, поскольку каждая личность проходит свой уникальный путь развития. Разные личности занимаются разными видами деятельности, включаются в разные общности и различными способами, имеют разный круг общения и т. д. и т. п. Когда говорится об адекватности мотивационной сферы личности социалистическим общественным отношениям, то имеются в виду общие принципы жизни социалистического общества, общие права и обязанности каждого ее члена.

Как уже отмечалось, мотивационная сфера личности в целом неразрывно связана с потребностями, которые объективно закономерным образом детерминируют поведение человека. Мотив является субъективным отражением потребностей, опосредствованным положением личности в обществе. Было бы однако неверно в психоло-

гическом исследовании личности ограничиваться анализом только того, как потребности отражаются в мотивах, оставляя самые эти потребности в стороне. Ведь потребности существуют не вне человека; они принадлежат «телесному», «обладающему природными силами», «живому», «действительному», «чувственному предметному» существу. [14, с. 161—163].

Проблема человеческих потребностей, конечно, не является только психологической. Она, как уже отмечалось в четвертой главе, изучается экономикой, социологией, историей и другими общественными науками; здесь она выступает прежде всего как проблема потребностей общества. В той или иной связи потребности изучаются также в общей биологии, экологии, генетике и физиологии (в том числе и человека); здесь речь идет о потребностях биологических. Специфически психологический аспект этой проблемы состоит в изучении в первую очередь потребностей индивида как члена общества, а также потребностей малых групп, законов их развития, механизмов формирования на их основе мотивов деятельности и общения личности, а также ее мотивационной сферы в целом.

Исследуя потребности индивида, психология должна опираться на всю ту сумму данных о человеческих потребностях, которые накапливаются в перечисленных выше областях науки.

В общем виде потребности индивида есть некоторая его нужда в определенных условиях (и средствах) существования и развития. Она необходимым образом вытекает из объективных процессов, в которые этот индивид включается в ходе своей жизни. Потребность является, конечно, состоянием индивида, но это потребность в чем-то находящемся вне индивида.

Общеизвестно, что в основе всего многообразия потребностей индивида лежат те, которые относятся к материальным условиям его жизни. Как и другие живые существа, он нуждается в воздухе, воде, пище, свете и т. д. Сюда включается также целый ряд других условий и средств: прежде всего — одежда и жилище.

Своими глубокими корнями потребности, например в пище и воде, уходят в процессы обмена веществ; потребность в одежде связана с процессами теплообмена и терморегуляции организма. Но предметы многих потребностей и способы их удовлетворения создаются обществом; в их историческом развитии у людей — индивидов и общностей — формируются и развиваются определенные вкусы, предпочтения и т. п. (в частности, национальные кухня и одежда). Психология преимущественно изучает эту сторону материальных потребностей: каким способом личность удовлетворяет свои материальные потребности и какое место они занимают в ее жизни. Ограничивается ли она некоторым минимумом (при данном уровне развития общества и возможностей личности) в их удовлетворении, или эти потребности приобретают доминирующую роль, подчиняют себе все остальные и удовлетворяются по возможности максимально, либо они находятся где-то между минимумом и максимумом?

Но потребности в материальных условиях и средствах жизни — это для человека еще далеко не все. Он может существовать и развиваться только как член общества. Особенно большую роль в развитии личности играет «потребление» духовных ценностей, создаваемых обществом: именно в процессе такого потребления индивид «возвращается опять к самому себе» [4, с. 720], но возвращается обогащенным в своем духовном содержании.

К сожалению, вопрос о видах человеческих потребностей индивида в психологии разработан недостаточно. Здесь предстоит еще сделать многое.

Имея в виду связь потребностей индивида с потребностями общества, можно было бы рассматривать их как своего рода «микрোকопии» последних, т. е. попытаться раскрыть их через аналогию с общественными: сопоставить, например, потребность индивида в познании с потребностями общества в науке, эстетическую потребность индивида — с потребностью общества в художественной культуре и т. д. Конечно, связи между теми и другими есть, но они, безусловно, более сложны, чем представляется с позиций такой трактовки. Подобный подход обнаруживает лишь внешние аналогии. Потребности общества и индивида различны не только по масштабу, но и качественно, как различны свойства системы и ее элемента.

Значит, при определении видов индивидуальных потребностей нужно воспользоваться другим принципом: рассмотреть их с точки зрения того, что индивиду нужно, чтобы нормально развиваться как члену общества. Конечно, круг потребностей разных индивидов различен. Но это не избавляет от необходимости выявить их основные виды. В этой области существуют разные точки зрения. Одни утверждают, что основными для человека являются потребности в труде и общении; другие добавляют к названным потребностям этические и эстетические; третьи — потребность в творчестве; четвертые считают основными потребности в познании, общении и деятельности (И. А. Джидарьян [154], Парыгин [361], Шаров [518] и др.). Конечно, все перечисленные потребности в той или иной форме, хотя бы в зачаточном виде, можно обнаружить у каждой личности. Однако, по-видимому, они имеют разный порядок.

К первому, **базовому**, порядку относятся потребности в материальных **условиях** и средствах жизни (о них говорилось выше), а также, как нам представляется, в **общении, познании, деятельности** и отдыхе (об этой последней потребности в теоретических концепциях часто забывают)²⁶. Они диктуются объективными законами жизни индивида в обществе и его развития как личности.

Каждая из базовых потребностей имеет, по-видимому, градации. Так, потребность в деятельности: от потребности в «разрядке энер-

²⁶ Недостаточно разделять потребности по принципу «материальные — духовные», например, вторую и третью из перечисленных считать «чисто» духовными; они включают как важный момент потребность в материальных средствах их реализации. Точно так же другие потребности не являются «чисто» материальными, а включают и «духовный момент».

гии» до потребности в труде; в общении: от аморфной нужды в другом человеке до высших форм привязанности к определенной личности (или общности); потребность в познании: от элементарного любопытства до страстного искания истины; в отдыхе: от нужды в релаксации и сне до временной изоляции от привычных форм общественной жизни.

Можно предполагать, что эти градации связаны с определенными этапами развития личности. Конечно, уровни развития потребностей и их соотношения у каждой личности складываются специфическим образом.

На основе базовых формируются потребности производные (второго порядка). К ним относятся, например, эстетическая потребность, потребность в обучении.

Можно, по-видимому, выделить и другие порядки. Высшим из них является потребность в творческом труде.

В психологии часто говорится о динамике потребностей. Однако, к сожалению, она изучена слабо. Обычно в этой динамике отмечается периодичность, цикличность: говорится о том, что цикл включает фазу наращения потребности (напряжение) и ее удовлетворения (насыщение). Однако, какова периодичность разных потребностей, все ли потребности имеют циклический характер, как циклы одних потребностей соотносятся с циклами других, какие есть индивидуально-личностные вариации периодичности в их динамике, от каких факторов и условий зависят эти вариации — на все эти вопросы четких ответов в психологии пока еще нет. Особенно трудно выявить периодичность в динамике так называемых духовных потребностей, так как в них наиболее отчетливо проявляются изменения духовной жизни общества. В этой области вопрос о взаимоотношениях законов развития потребностей общества и потребностей индивида имеет особенно большое значение.

На основе всего сказанного можно выделить несколько — на наш взгляд, важнейших — «измерений» мотивационной (пожалуй, точнее: потребностно-мотивационной²⁷) сферы личности:

- измерение, определяемое соотношениями между собственными (индивидуальными) потребностями личности, потребностями тех общностей людей, которым она принадлежит, и потребностями общества в целом;
- измерение, определяемое соотношением потребностей в средствах существования и средствах развития;
- измерение, определяемое соотношением потребностей разных порядков (базовых и производных);
- измерение, определяемое соотношениями мотивов, ориентированных на производство и на потребление.

²⁷ До сих пор мы разделяли потребность и мотив как объективную нужду человека и ее отражение (осознаваемое или неосознаваемое); в этом смысле потребность рассматривалась как основание мотива. Однако в реальной жизни личности мотивы и потребности столь тесно слиты, что часто расчленив их просто невозможно.

Психологическое исследование перечисленных измерений потребности-мотивационной сферы личности имеет исключительно большое значение для решения задач формирования разумных потребностей и воспитания человека в целом²⁸.

Но потребностно-мотивационная сфера характеризует направленность личности все же частично; является как бы исходным ее звеном, фундаментом. На этом фундаменте формируются **жизненные цели личности**. Следует различать цель деятельности и жизненную цель. Человеку приходится выполнять в течение жизни множество разнообразных деятельности, в каждой из которых реализуется определенная цель. Но цель любой отдельной деятельности раскрывает лишь какую-то одну сторону направленности личности, проявляющуюся в данной деятельности. Жизненная цель выступает в роли общего интегратора всех частных целей, связанных с отдельными деятельностями. Реализация каждой из них есть вместе с тем частичная реализация (и в то же время развитие) общей жизненной цели личности.

При рассмотрении деятельности отмечалось, что цель имеет два аспекта: один из них — это идеальное представление будущего продукта деятельности, другой относится к намеченному личностью уровню достижения (например, в своем мастерстве). С жизненными целями прежде всего, конечно, связан именно этот второй аспект. Когда деятельность завершена, ее цель (в первом аспекте) достигнута, деятельность превращается в покоящееся свойство ее продука; — та. Но личность-то остается. Более того, в результате деятельности, в зависимости от уровня достижения (второй аспект цели), ее статус в обществе или группе (например, в коллективе) либо упрочивается, либо становится неустойчивым, либо качественно изменяется. При этом в ней или иной мере могут изменяться как отношение личности к самой себе и своей деятельности, так и отношения к *ми* со стороны других людей, а значит и взаимоотношения в коллективе²⁹. Если изменение статуса личности, возникшее в результате деятельности, существенно (благодаря крупному успеху или большой неудаче), то это может изменить и саму ее направленность, в том числе мотивационную сферу и жизненные цели.

В субъективных целях личности отражается объективное содержание социальных процессов, участником и «носителем» которых она является, при этом с той позиции, которую она, эта личность, в них занимает³⁰.

²⁸ Одной из важнейших задач, ни наш взгляд, является разработка объективных методов психологического исследования перечисленных измерений.

²⁹ В этом случае взаимоотношения могут стать более прочными, но может возникнуть и конфликт. Отметим, что успешная деятельность отдельной личности далеко не всегда ведет к упрочению взаимоотношений в коллективе, а неуспешная — к конфликту; может быть и наоборот.

³⁰ Анализируя деятельность капиталиста, Маркс писал: «Как сознательный носитель этого движения, (движения капитала.— *Б. Л.*) владелец денег становится кашпа шетом. Ею личность или, точнее, его карман — вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги. Объективное содержание этого обращения — возрастание стоимости — есть его субъективная цель и поскольку

Из всей той сложной системы общественных отношений, в которой находится личность, она выбирает определенные их формы (или стороны), становящиеся по тем или иным причинам личностно значимыми (приобретающие «личностный смысл» по Леонтьеву). Именно в сфере этих отношений и формируются жизненные цели личности.

Субъективные цели, которые ставит перед собой личность, могут по-разному соотноситься с объективным развитием социального процесса. В одних случаях они соответствуют объективной тенденции этого развития, и тогда цели личности находят поддержку в обществе. В других между субъективными целями личности и объективными тенденциями социального процесса могут возникнуть более или менее значительные расхождения и даже противоречия. В такой ситуации личность может либо противопоставить себя обществу (или конкретному коллективу, членом которого она является); либо пойти по пути замены реальной жизни фантазиями и иллюзиями, в которых она замыкается, либо встать на путь антиобщественного поведения; возможны и другие формы изменения ее поведения.

Жизненные цели личности, как, впрочем, и все другие ее цели, имеют моральный аспект: они всегда оцениваются обществом с точки зрения принятых в нем этических норм; моральную оценку своим целям дает также и сама личность.

Цели личности могут быть сосредоточены только или преимущественно на ее собственных потребностях и интересах. Они могут быть связаны с потребностями и интересами определенных общностей людей — трудового коллектива, профессионального и иных объединений, семьи и т. д. — или общества в целом.

В жизненных целях личности находит свое выражение создаваемая ею «концепция собственного будущего» (Обуховский [353, с. 66]). Конечно, эта концепция относится личностью к собственному будущему, но в его отношении к будущему общества. С изменением общества так или иначе изменяется и она. Важнейшей «составной частью» концепции собственного будущего являются идеалы, в которых воплощаются человеческие ценности³¹.

ку растущее присвоение абстрактного богатства является единственным движущим мотивом его операций, постольку — и лишь постольку — он функционирует как капиталист, т. е. как олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал» [8, с. 163—164].

³¹ Проблема идеала и его значения в развитии личности была поставлена в отечественной психологии А. Ф. Лазурским [253]. Он связывал идеал с «абсолютными ценностями» человечества, с наиболее общими принципиальными сторонами жизни. Чем выше духовный уровень человека, тем большей широтой, интенсивностью и идейностью отличается его психическая жизнь, тем больше он ценит принципиальные стороны общественной жизни. Лазурский подчеркивал «наглядность и образность идеала». Позднее проблема идеала разрабатывалась С. Л. Рубинштейном [422], Б. Г. Ананьевым [39] и др. К сожалению, в последние годы интерес психологов к ней почти угас. Между тем формирование идеалов составляет важнейшую задачу воспитания нового человека.

Таковы вкратце основные моменты, определяющие направленность личности.

Но проблема направленности (потребностей, мотивов и целей) личности неразрывно связана с проблемой ее **способностей** (более широко: потенциала личности).

Личность характеризуется не только тем, чего она хочет, к чему стремится, но и тем, что она может. Способность характеризует не только возможности личности. Они неразрывно связаны со склонностями, т. е. включают и момент направленности³². Не вдаваясь в проблему способностей детально, отметим только, что закономерно их развития, так же как и развития потребностей, мотивов, целей, не могут быть поняты без анализа жизнедеятельности личности в обществе. В психологических исследованиях способности, как известно, рассматриваются не сами по себе, а относительно определенных видов деятельности. Существуют разные точки зрения на способности, их строение и развитие. Но большинство из них сходятся в одном: когда речь идет о **способностях**, подразумеваются некоторые психологические свойства индивида, имеющие отношение к успешности выполнения определенных видов деятельности. **Одаренность** рассматривается и как предпосылка специальных способностей и как качественно-своеобразное их сочетание, а **талант** — как высший уровень развития одаренности [571, 572]. Специальные способности, общая одаренность и талант развиваются в деятельности (Б. М. Теплов [474], Н. С. Лейтес [262], В. А. Крутецкий [236], В. Н. Киреенко [206], М. Кодым [602] и др.).

На основе исследования художественного таланта Б. Г. Ананьев пришел к выводу, что важнейшим условием его развития является многообразие способностей и выполняемых видов деятельности. Он обратил внимание на факты частого сочетания различных способностей у талантливых людей, что позднее было подтверждено В. Л. Дранковым [155]. Так, литературные способности сочетаются с изобразительными (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Т. Г. Шевченко, В. В. Маяковский), изобразительные — с литературными и музыкальными (А. Н. Скрябин, М. К. Чюрленис), певческие и актерские — с изобразительными (Ф. И. Шаляпин), литературные — с актерскими и режиссерскими (В. М. Шукшин) и т. д. Как показали С. М. Василейский, а позднее В. А. Моляко [310а], А. Ф. Эсаулов [537], качественно-своеобразное сочетание способностей характерно для талантливых ученых, инженеров и изобретателей³³.

Но талант характеризуется не только качественно-своеобразным сочетанием способностей. Он имманентно связан с высоким уровнем направленности личности; в ее развитии склонность превращается в страстное служение избранным видам деятельности, в жизненную цель.

³² Например, Лазурский иногда даже отождествлял способности и склонности

³³ В зависимости от конкретных условий развития личности одни способности могут стать доминирующими и «вобрать» в себя другие или подавить их; в особых случаях возможна дивергенция способностей. Иначе говоря, способности развиваются как система, для которой характерна гетерогенность.

Общий принцип — рассматривать развитие личности в системе общественных отношений, которые реализуются в ее деятельности и в ее взаимодействии с другими людьми, — с нашей точки зрения, должен быть последовательно применен также и в исследованиях способностей.

В этой связи необходимо заметить, что развитие способностей, одаренности и таланта обычно изучается в условиях индивидуальной деятельности; момент взаимодействия индивида с другими людьми, как правило, остается в стороне. Поэтому неисследованной; оказалась, например, роль **подражания** в этом развитии. Между тем она является весьма существенной, особенно на начальных ступенях овладения любой деятельностью, даже у весьма одаренных и талантливых людей.

В совместной деятельности вступают в силу такие факторы, как **соперничество** и **сотрудничество**. Есть основание полагать, что соперничество (соревнование) выполняет роль своего рода «катализатора» развития способностей, а сотрудничество (поскольку оно предполагает разделение функций) оказывает существенное влияние на специализацию способностей разных участников совместной деятельности. По-видимому, в совместной деятельности такая специализация происходит в соответствии с принципом взаимной дополнительности, т. е. способности каждого отдельного индивида развиваются как часть общей, кумулятивной, способности коллектива³⁴.

Любая личность обладает достаточно большим потенциалом, который реализуется в отдельной деятельности лишь частично. Поэтому его объективная и более или менее полная оценка возможна лишь при условии рассмотрения всей совокупности способностей, которые выполняются личностью. При этом важно иметь в виду, что реализация и развитие ее потенциала существенно зависит от того, в какие связи с другими людьми и каким образом эта личность включается.

Думается, что дальнейшая разработка психологической теории личности настоятельно требует исследования всей системы ее свойств в процессе не только индивидуальной деятельности, но и ее взаимодействия с другими людьми: в контексте совместной деятельности и общения.

§ 3. Субъективные отношения личности

До сих пор речь шла о направленности как системообразующем свойстве личности в связи с анализом ее целей, мотивационной сферы и потребностей. Но это свойство имеет также и другие формы проявления. Анализируя психологический склад личности, вряд ли

³⁴ Потенциал личности не исчерпывается способностями. В него включаются также система знаний, умений, навыков; в целом — то, что принято называть жизненным опытом. Обычно понятия «опыт», «жизненный опыт» употребляются как глобальная характеристика личности. Важно было бы дать его дифференцированный анализ.

можно обойтись без рассмотрения ее ценностных ориентации, привязанностей, симпатий, антипатий, интересов и ряда других характеристик, которые хотя и связаны с потребностями, мотивами и целями, но не сводятся к ним³⁵.

На наш взгляд, наиболее общим понятием, обозначающим перечисленные выше характеристики личности (и ряд других, не перечисленных здесь), является понятие «**субъективные отношения личности**». Речь идет о том, как личность относится к тем или иным событиям и явлениям мира, в котором она живет. В данном случае термин «отношение» подразумевает не только и не столько объективную связь личности с ее окружением, но прежде всего ее субъективную позицию в этом окружении. «Отношение» здесь включает момент оценки, выражает пристрастность личности.

Понятие «субъективные отношения личности» близко по содержанию к понятиям «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Но, с нашей точки зрения, оно является по отношению к ним родовым. Понятие «установка», раскрываемое как центральная модификация личности (Узнадзе), подчеркивает интегральный характер субъективно-личностных отношений; «личностный смысл» — их связь с общественно-выработанными значениями; «аттитюд» — их субъективность.

Проблема субъективных отношений личности впервые была поставлена в отечественной психологии Лазурским в связи с изучением характера. В статьях 1909—1910 гг. по проблеме способностей, затем в «Программе исследования личности в ее отношениях к среде» (совместно с С. С. Франком, 1912 г), позднее в «Очерке науки о характерах» (1916) и в книге «Классификация личностей» (1917, 1924) он разработал представление о психологических (субъективных) отношениях человека к среде. Лазурский настаивал на том, что анализ личности должен быть не только психологическим и психофизиологическим, но и психосоциальным; в ходе анализа должны раскрываться не только ее психофизиологические и собственно психологические особенности, но также мировоззрение (Лазурский говорил о «миросозерцании») и «социальная физиономия». Существенной стороной личности он считал ее отношение к среде в широком смысле слова, куда включаются и природа, и материальные продукты труда, и другие личности, и социальные группы, и духовные блага — наука, искусство. Особо Лазурский выделял отношение личности к профессии, вообще к труду (привычка трудиться или ее отсутствие), к собственности, к другим людям и обществу³⁶. Именно эти отношения рассматривались им как ведущие при определении характера и классификации личностей. Позднее, развивая идеи Лазурского, переосмыслив их с марксистских позиций, В. Н. Мясищев разработал психологическую концепцию субъективных отношений личности (правда, он употреблял термины «отношения личности», «психологические отношения» или просто «отношения»), дающую теоретическую трактовку их форм и видов. Эти отношения «в развернутом виде, — писал Мясищев, — представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания» [341, с. 111].

³⁵ Круг понятий, относящихся к различным свойствам и состояниям личности, как уже отмечалось, весьма широк; при этом далеко не всегда возможно найти точное разграничение между ними.

³⁶ Отметим, что проблеме отношения человека к труду и обществу в отечественной науке всегда придавалось большое значение (А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. Л. Добролюбов, И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев и др.).

Отметим, что направление Лазурского—Мясищева в психологическом исследовании личности начало формироваться раньше, чем аналогичное — в некоторых аспектах — направление западной психологии, поставившего проблему аттитюдов (attitude) — понятия, как отмечалось, близкого к понятию «объективные отношения личности».

Проблема аттитюдов была поставлена в западной психологии В. И. Томасом и Ф. Знанецким (1918); наиболее интенсивно она разрабатывалась в 30-е, а затем в 50-е годы (Ликерт [610J, Шанк [645], Ла Пире [639], Олпорт [545], Креч и Кречфилд [606] и др.).

Есть, однако, существенная разница между советской и западной психологией в подходе к анализу субъективных отношений личности — аттитюдов. В западной психологии они трактуются как некоторый «теоретический конструкт», значение которого заключается только в том, чтобы помочь систематизировать эмпирические данные. Констатируются явления, которые могут быть отнесены к аттитюдам, но не раскрываются их объективные основания. Утверждается, что возникновение и изменение этих явлений — дело случая; их динамика рассматривается как стохастический процесс. Когда же речь заходит об объективном основании аттитюдов (о детерминантах вообще), то его иногда пытаются искать в генетических и физиологических свойствах индивида.

В советской психологии в роли основания субъективно-личностных отношений рассматриваются общественные отношения. Вся система этих отношений (экономических, гражданских, политических и т. д.), развивающаяся по объективным законам истории, детерминирует тем или иным путем субъективные отношения конкретных личностей, проявляющиеся в их действиях, переживаниях, стремлениях, в понимании и оценке процессов, происходящих в обществе.

Характер и динамика субъективных отношений, формирующихся у той или иной личности, в конечном счете зависят от позиции, которую она занимает в системе общественных отношений, и ее развития в этой системе. Общественные отношения проявляются на индивидуальном уровне бытия человека не как некоторые абстрактные силы, стоящие над людьми, а как действия носителей этих отношений — живых конкретных личностей. Для конкретной личности другие люди выступают как олицетворение общественных отношений (термин Маркса)³⁷. Так, личность *A* не может относиться к личности *B* как носителю определенных общественных отношений без того, чтобы для *A* некоторая (любая) социальная функция не приняла телесного вида *B*, ее действий, способов ее общения, поступков; поведения в целом. С другой стороны, в поведении личности *B* раскрывается ее положение, ее роль и место в системе общественных отношений, ее социальная функция, а также субъективное отношение к личности *A*. Действия и поступки личности *B* выступают как обстоятельства жт и личности *Л* и — наоборот (Ананьев 140J). Вместе с тем они изменяют обстоятельства жизни и самой личности *B*. Точно так же в поведении личности *A* выражаются ее социальная позиция, вместе с тем и ее личное (личностное) отношение к *B*.

Конечно, решающее значение в формировании субъективно-личностных и межличностных отношений имеют экономические отно-

³⁷ В социальных процессах конкретная личность выступает как «олицетворение» [8, с. 10], «персонификация» [8, с. 605] общественных отношений.

шения: отношения к собственности на средства производства, те отношения, которые объективно складываются в процессах производства, обмена и потребления.

Так, в обществе, где господствует принцип частной собственности на средства производства, формируется и определенный тип субъективно-личностных отношений к ней. Классик американской психологии В. Джемс утверждал, что «физическая личность»³⁸ включает не только тело индивида, но и его собственность (завод, дом, жену и т. д.). Иначе говоря, индивид в капиталистическом обществе не представляет себе самую себя как личность без частной собственности. Она, так сказать, включается в структуру его субъективно-личностных отношений; вообще все его отношения (в том числе отношения к другим людям) как бы преломляются через призму отношений к собственности. Напротив, пролетарий относится и объективно и субъективно к этой собственности как чужой и давящей на него силе.

В условиях общественной собственности на средства производства складывается иной тип субъективно-личностных отношений к ней. Личность, живущая в социалистическом обществе, относится к средствам производства как к народному достоянию, к тому, что принадлежит всему обществу. Нужно, однако, отметить, что объективно существующее отношение личности к собственности на средства производства и субъективное отношение конкретных личностей к ней могут не совпадать. Так, в нашем обществе встречаются люди, которые относятся к общественной собственности как к «ничьей», что проявляется в их повседневном бытовом поведении.

Субъективные отношения конкретной личности, конечно, не исчерпываются только теми, основанием которых являются отношения экономические. В процессе жизни у личности формируются также определенные субъективные отношения к научным открытиям, явлениям культуры и искусства, политическим событиям, идеологической жизни общества и т. д.

Как уже не раз отмечалось, личность в своем развитии включает во многие как большие, так и малые общности людей. Участие в жизни каждой из них формирует у нее и определенные субъективные отношения как к той, в которую она включена, так и к другим общностям. При этом иногда возникают те или иные «перекося» в развитии личности, которые выражаются в том, что некоторые из ее частных отношений начинают доминировать над общими, интересы какой-либо группы она ставит выше интересов общества. К таким перекосям относятся национализм, шовинизм, групповщина, корпоративность, протекционизм и др.

В процессе жизни в обществе у каждого индивида формируется сложнейшая — многомерная, многоуровневая и динамическая — система субъективно-личностных отношений. Ее можно было бы описать как многомерное «субъективное пространство», каждое из измерений которого соответствует определенному субъективно-личностному отношению (к труду, собственности, другим людям, политическим событиям и т. д.). Эти измерения и представляют собой то, что Э. Эриксон называл «радиусами значимых отношений» [384]. «Субъективное пространство» далеко не всегда совпадает с «пространством» общественных отношений, в которые личность включена объективно. Нередко можно встретить факты «смещения»

³⁸ В. Джемс разделял физическую, социальную и духовную личность.

субъективных отношений личности относительно тех общественных отношений, в которые она включена объективно.

Вопрос о взаимоотношениях объективного и субъективного «пространств» личности, так же как и вопрос о перекосях в ее развитии, требует специального психологического исследования. Их конструктивное решение имеет исключительно большое значение для воспитательной работы.

Изменение объективного положения личности в обществе необходимо требует перестройки и ее субъективных отношений. Если этого не происходит, то могут возникнуть трудности в овладении новой социальной функцией, конфликты с окружающими людьми или «внутренний разлад».

По существу проблема так называемых возрастных кризисов (а эти кризисы могут возникать в развитии не только ребенка, подростка и юноши, но также взрослого и пожилого человека) — это психологическая проблема перестройки субъективных отношений личности соответственно ее новому социальному статусу. Сюда же относятся проблемы адаптации выпускников средней школы к новым условиям, возникающим для них при переходе от учебы к самостоятельной трудовой деятельности; образования молодой семьи; смены места работы; ухода на пенсию и т. д.

Противоречие между объективной общественной позицией личности и ее субъективными отношениями, если оно возникло, требует перестройки деятельности и общения (их форм, способов, уровня активности). Иначе говоря, субъективные отношения личности изменяются не просто в результате ее «внутреннего желания или решения». Чтобы такое изменение произошло, она должна активно включиться в объективные социальные процессы. Только это обеспечивает действительное (а не фиктивное) развитие субъективных отношений личности, а вместе с тем и их адекватность тенденциям развития общества, определяемым объективными законами его развития.

Являясь общим основанием всей свойств личности, общественные отношения детерминируют их по-разному. Как было показано в предыдущем параграфе, они опосредствуют формирование и развитие мотивационной сферы личности, отражающей потребности (индивидуальные и общественные), и вместе с тем определяют возможности и способы их удовлетворения. Общественные отношения опосредствуют такие жизненные цели личности, отражающие перспективы ее возможного развития в обществе.

В субъективных отношениях личности отражаются сами общественные отношения! их динамике, их процессуальный аспект, раскрывающийся в совместной деятельности и общении, в которых эта личность участвует. Конечно, мотивы, цели и отношения личности внутренне связаны. Их разделение в известном смысле условно. Но дело не только в отражательной сущности субъективных отношений. Гораздо важнее то, что они выступают как способ включения личности в объективно развивающиеся общественные отношения. Они представляют собой своеобразный психологический механизм такого включения.

без личных отношений и не может быть отношений общественных.

«Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу — писали Маркс и Энгельс, — их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения» [2, с. 440].

Общественные отношения, поскольку это — отношения между людьми, — не безличны и бесстрастны. Конкретные индивиды являются не только объектами, но и (прежде всего) субъектами этих отношений. Поэтому они не безразличны для людей; каждая личность выступает в качестве члена (или одной стороны) общественного отношения. Оно переживается как ее отношение и как отношение к ней; включаясь в общественные отношения, люди ведут себя не беспристрастно. В этом убеждает нас вся история, насыщенная человеческими страстями. Субъективные отношения личностей, конечно, не определяют процесс развития общественных отношений, но они являются его необходимым моментом. При этом при определенных условиях они могут весьма существенно повлиять на этот процесс: ускорить его или затормозить, либо изменить его содержание.

В западной психологии обычно утверждается, что основные функции аттитюдов (субъективных отношений) это приспособление (*adjustment*) личности к социальной среде по принципу гомеостата; схематизация и симплификация знаний о сложном мире; самосохранение и самореализация. Возможно, в какой-то мере субъективные отношения выполняют эти функции. Но главное все же в другом: в том, что они обеспечивают включение личности в жизнь общества, определяя способы ее деятельности и взаимодействия с другими людьми, а следовательно, характер и меру ее участия в развитии общественных отношений.

В самом широком смысле слова субъективность отношений означает их принадлежность личности как общественному субъекту. Они формируются и развиваются в процессе накопления и интеграции всего жизненного опыта личности. Ими характеризуется жизненная позиция личности в обществе. Их детерминация общественными отношениями иногда создает у личности впечатление, что ее субъективные отношения сильнее ее самой (переживание их навязанности). Пожалуй, нигде, как в этих отношениях, не проявляется так отчетливо кумулятивный характер детерминации (см. четвертый параграф второй главы). Было бы неверно субъективность, пристрастность, связывать обязательно с искажениями или иллюзорностью этих отношений. Субъективность и субъективизм — это не одно и то же. Если отношения личности адекватны прогрессивным тенденциям развития общества, то их субъективность не только не является препятствием во взаимоотношениях с другими людьми, но, напротив, способствует развитию этих взаимоотношений. Однако при определенных условиях пристрастность может выступить и в форме субъективизма (предрассудков, предвзятости, ригидности в поведении и мнениях и т. п.), препятствующего нор-

мальных взаимных отношениях личности с другими людьми, а значит и ее собственному развитию.

Являясь интегральными свойствами личности, субъективные отношения накладывают определенный отпечаток на все психические процессы (более широко: на все психические явления). Особенно отчетливо это выражается в их эмоциональном тоне, а также в тех звеньях процессов, которые связаны с выбором и принятием решений³⁹.

В ходе развития субъективных отношений формируются специфические «образования»: система предпочтений, мнений, вкусов, интересов. Складывается также определенная система образов, в которых с позиций данной личности, т. е. субъективно и пристрастно, репрезентируются различные стороны и компоненты действительности, в которой она живет (образ других личностей, общностей, общества в целом и т. д.).

Субъективные отношения выступают в роли своего рода «костяка» субъективного мира личности.

В процессе их развития формируются также определенные привычки, стереотипы поведения, способы взаимодействия с другими людьми (например, то, что принято называть чувством такта) — короче, стиль поведения личности в целом.

Конечно, субъективные отношения личности так или иначе проявляются в любом ее действии. Но наиболее полное выражение они находят в поступках, которые, как отмечал Рубинштейн, являются «единицами» ее поведения. «Поступком, в подлинном смысле слова, — писал он, — является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к обществу, к нормам общественной морали» [419, с. 537]. Поступок — это общественный акт, демонстрация личностью ее субъективных отношений⁴⁰. В своих поступках личность либо утверждает существующую форму общественных отношений и свою позицию в их системе, развивает их, либо стремится их изменить (или изменить свое положение в этой системе).

В анализе поступка важно иметь в виду не только его значение для самой личности, но и его *общественный эффект*, а в этой связи — определить ту конкретную сферу общественных отношений, на развитие которой он оказывает (или может оказать) влияние, длительность и глубину этого влияния, а также его общественный «резонанс».

Любой поступок личности, если это действительно общественно-значимый акт, естественно вызывает поступки и других людей;

³⁹ Сила влияния субъективных отношений на мыслительный процесс проявляется, например, в особой «логике» суждений, так называемой психологике [587]. Так, в умозаключении «Л — враг В, С — враг Л значит С — друг В» не выдержаны элементарные требования формальной логики. Но в реальной жизни люди рассуждают так нередко. И если они оказываются правыми, то только потому, что сама «логика развития взаимоотношений» А, В и С может привести к дружбе В и С.

⁴⁰ Поступком может быть и бездействие, отказ от участия в тех или иных социальных процессах.

либо их содействие, либо противодействие. Поэтому конечный результат поступка оказывается далеко не всегда тем, на который рассчитывала личность. В этой связи возникают проблемы предвидения личностью последствий своих поступков и понимания ответственности, которые в психологии до сих пор, к сожалению, не разрабатывались, как, впрочем, не разрабатываются и методы психологического анализа поступков.

Психологию прежде всего интересуют «параметры» (или измерения) субъективных отношений личности.

Мясищев выделяет 9 таких параметров [340]. В исследованиях аттитудов перечисляются 11 [587]. В ряде пунктов эти перечни совпадают. Приняв за основу схему, предложенную Мясищевым, рассмотрим кратко главные **измерения** субъективных отношений⁴¹.

Прежде всего в исследовании субъективных отношений выявляется их **модальность**. Любое отношение может быть положительным, отрицательным, нейтральным или амбивалентным⁴².

Правда, некоторое сомнение вызывает определение того или иного отношения, как нейтрального: нейтральное равнозначна безразличию, т. е. отсутствию какого бы то ни было субъективного отношения. Но все же теоретически ее можно допустить. Проявления модальности многообразны. Это может быть элементарная эмоциональная реакция или оценка «нравится—не нравится». Ее проявлением может быть также поддержка какого-либо человека (общности людей) или события, выступление «за» либо «против». Наконец, модальность субъективного отношения проявляется в активных действиях личности, нередко связанных с преодолением внешних или внутренних трудностей.

Отношение, как положительное, так и отрицательное и амбивалентное, характеризуется определенной **интенсивностью**. Важно отметить, что она не является некоторой постоянной для данной личности величиной. В ходе развития субъективных отношений (а эти отношения существуют только в развитии) их интенсивность изменяется. При этом изменения не выступают, конечно, как некоторая монотонная функция времени. В них можно выделить периоды нарастания (иногда очень резкого), интенсивности и падения. При определенных условиях «перенасыщения» отношений иногда даже, казалось бы, незначительное событие может привести к изменению его моральности: от положительной к отрицательной, или амбивалентной, и наоборот.

Следующее измерение субъективных отношений — это их **широта** (богатство или узость). Имеется в виду та совокупность объектов или сторон деятельности, к которым личность относится субъективно. Заметим, что далеко не все отношения, в которые

⁴¹ Схема Мясищева нуждается, конечно, в дальнейшем развитии и уточнении, но нам представляется, что в ней выделяется ряд действительно существенных характеристик субъективно-личностных отношений, она может послужить основой для разработки строгих методов описания и анализа личности.

⁴² В. А. Скотт рассматривает амбивалентность как особое, самостоятельное измерение аттитудов [646].

включена личность объективно, приобретают «субъективную окраску» [83; 84].

Это измерение выражается, в частности, в широте интересов. Как отмечал Маркс, «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» [2, с. 36]. Конечно, в основном система субъективных отношений личности связана с обществом, с людьми. Но немаловажное место в ней принадлежит и отношениям к природе, что настойчиво подчеркивалось Лазурским⁴³.

Особым измерением является **степень устойчивости** субъективных отношений личности. Как и другие измерения, устойчивость формируется и изменяется в процессе ее развития. Примитивные отношения ребенка изменчивы, неустойчивы. И только по мере его все более полного включения в социальные связи они приобретают черты устойчивости. Нужно отметить, что устойчивость может проявляться по-разному. В одних случаях она выступает как ригидность, как консервативно-привычное отношение; в других она выражает принципиальную позицию личности (о принципиальности отношений будет сказано несколько позднее).

Перечисленные измерения субъективных отношений (модальность, интенсивность, широта и устойчивость) являются **базовыми** и представляют собой как бы первый их уровень, первый порядок.

Следующий уровень, **производный** от первого, дает еще целый ряд качественных характеристик субъективно-личностных отношений, их новых измерений.

Здесь в первую очередь нужно отметить **доминантность**. В системе всех отношений личности выделяются доминирующие; таковыми становятся отношения, связанные с жизненными целями личности и ее ведущими мотивами. Именно в доминирующих отношениях, которые являются наиболее интенсивными и устойчивыми, проявляется направленность личности. Это может быть отношение к труду, к общности людей, которой принадлежит личность, определенным сферам жизни общества и т. д. Какое именно из всей системы отношений окажется доминирующим, зависит от конкретных условий развития личности.

Важным свойством второго уровня (или порядка) является **когерентность**, внутренняя связанность всей системы субъективных отношений, определяющая гармоничность, цельность личности (или ее раздвоенность). Структура всей системы отношений существенно зависит от тех, которые становятся доминирующими.

Следующее измерение — **эмоциональность** отношений. Как показывают исследования [307], а также обычные житейские наблюдения, на ранних стадиях психического развития человека формируются отношения прежде всего выражаются в эмоциональных **реакциях**. По мере развития они осмысливаются, осознаются, становятся все более интеллектуализированными, не теряя при этом

⁴³ Отношение индивида к природе (например, эстетическое, прагматическое, этические или безнравственное) в конце концов определяется отношением «общество — природа».

своей эмоциональной насыщенности; впрочем, при определенных условиях эмоциональность отношений может значительно уменьшиться. Возможен и такой вариант, при котором эмоциональность берется вверх над интеллектом (в этом случае говорят, что эмоции «захватывают» личность).

Интеллектуализация отношений проявляется в таком измерении, как **степень их обобщенности**. На ранних стадиях развития личности те или иные ее субъективные отношения часто возникают под влиянием случайных событий, они связаны с конкретными единичными объектами и выступают как ситуативные. Но по мере обобщения обобщенными знаниями об этих объектах изменяются и его субъективные отношения. Они становятся все более обобщенными, т. е. связываются не только с конкретными объектами, но и с их категориями, с определенными сферами бытия. В процессе формирования и развития обобщенных субъективных отношений личности и осуществляется превращение знаний в убеждения.

Отметим, что иногда развитие отношений идет по линии не повышения степени их действительной обобщенности, а «иррадиации»; отношения как бы диффузно распространяются с одного объекта на другие. Этот феномен скорее свидетельствует о неустойчивости отношений, чем об их обобщенности.

С обобщенностью тесно связана **принципиальность** отношений. Речь идет о том, как эти отношения формируются и развиваются: возникают ли они под поверхностным эмоциональным влиянием, и в иных случайных событиях, или же их развитие опирается на систему моральных, этических, эстетических, идейных и иных принципов, принятых личностью.

Важнейшее место в системе измерений второго уровня занимает **степень активности** отношений⁴⁴. Уже отмечалось, что субъективное отношение может проявиться как простая эмоциональная реакция, но оно может выразиться и в активном действии, направленном на изменение окружения личности. Наиболее высокая степень активности — общественно значимый поступок.

Основным измерением **высшего уровня** интеграции субъективных отношений является степень их **сознательности**. Нужно отметить, что в западной психологии отношения личности (агитивы) нередко рассматриваются как феномены иррациональные, детерминируемые в основном «подсознательной сферой» личности. Это в какой-то мере может быть справедливым, когда речь идет о зарождении элементарных отношений в раннем детстве. Однако в развитой форме отношения личности выступают как отношения сознательные. Сознательность — это вместе с тем и интегральная характеристика личности. Имеется в виду не только (и не столько) уровень осознания отношений; в этом плане в любом из них можно выявить определенную меру взаимосвязи осознаваемого и неосознаваемого. Степень сознательности характеризует гражданскую, моральную,

⁴⁴: Точнее, степень влияния отношений на активность личности и проявления их в этой активности

идейную зрелость личности; она теснейшим образом связана с чувством ответственности перед обществом. Вовлекается ли личность в те или иные социальные процессы естественным, или же она включается в них сознательно — в этом в конце концов выражается ее позиция как общественной субъекта.

К сожалению, проблема сознательности не заняла еще того места в психологии, которого она заслуживает⁴⁵.

Специфическое сочетание перечисленных измерений определяет особенности психологического склада конкретной личности и меру ее общественной активности.

Вопрос, на котором нужно остановиться специально, — это вопрос о **детерминации развития** субъективных отношений личности. Как уже отмечалось, их объективным основанием являются развивающиеся общественные отношения. Обсуждалось также и о том, что общественные отношения — это не внешние для личности силы или координаты. Они существуют и развиваются в конкретных действиях конкретной личности и в процессах их общения.

В советской психологии прочно утвердилось положение о том, что личность (в том числе и ее субъективные отношения) формируется и развивается в деятельности.

Успехи воспитательной работы, направленность на формирование определенных свойств личности зависят от того, как организуется ее деятельность. Но что значит организовать деятельность? В каком плане? Наверное, нет нужды доказывать, что как бы рационально ни была организована операциональная структура деятельности, основной воспитательный эффект этим не определяется. Главное — с точки зрения задач формирования личности — состоит в другом. **Деятельность** должна быть организована таким образом, чтобы ее выполнение личностью раскрывало для нее те или иные стороны общественных отношений, включало ее в эти отношения, обеспечивало бы развитие жизни личности в системе общественных отношений и их отражение в ее сознании. Если деятельность индивиду организована так, что, осуществляя ее, он получает возможность более полно включиться в систему общественных отношений, сделать «новый шаг» по пути своего движения в этой системе, можно рассчитывать на формирование у него и определенных общественно-значимых свойств. Если же деятельность «отгораживает» индивиду от тех или иных отношений (например, не дает ему возможности пользоваться средствами развития), то это поведет к ограничению в развитии его личности. Иначе говоря, деятельность должна быть организована так, чтобы ее выполнение раскрывало перед каждым человеком перспективу его развития в системе общественных отношений. Это подтверждается блестящим педагогическим опытом А. С. Макаренко [309].

⁴⁵ Задача разработки методов анализа измерений субъективно-личностных отношений является в психологии одной из труднейших. Но для дальнейшего ее развития и для более эффективного включения в практику решения этой задачи имеют исключительное значение. Здесь могут быть полезными некоторые методы изучения агитивов [b46]

Как известно, Выготский [129], исследуя развитие ребенка, ввел в психологию понятие «зона ближайшего развития». Он показал значение этой зоны в формировании и развитии психики ребенка. Однако зона развития (не только ближайшего, но и более отдаленного) имеет существенное значение не только для детского возраста, но и на всех ступенях жизни человека, поскольку она выступает как его перспектива. Можно полагать, что с развитием личности эта зона, дальность перспективы увеличивается. В том случае, когда деятельность не раскрывает перспектив человека в обществе, то как бы хорошо она не выполнялась, его развитие как личности будет ограниченным. Более того, это может привести к сужению мотивационной сферы личности, уплощению ее мотивов, обеднению ее «внутреннего мира».

Поэтому, когда речь идет, например, об обучении профессиональной деятельности, то мало сформировать у учащегося необходимую систему знаний, навыков и умений. Необходимо раскрыть перед ним не на словах, а на деле значение его будущей профессии для общества и показать перспективы его развития в обществе, обеспечиваемые этой профессией.

В процессе деятельности, приобщающей человека к системе общественных отношений, раскрывающей перспективы его движения в этой системе, формируются и соответствующие субъективные отношения личности. Только при этом условии деятельность действительно становится эффективным средством воспитания. В конце концов, ее эффективность определяется тем, в какой мере она обеспечивает формирование и развитие субъективных отношений личности, а также ее мотивационной сферы, потребностей и жизненных целей, т. е. направленности.

В советской психологии общепринятым считается положение о том, что каждый период развития личности (вообще психического развития индивида) характеризуется определенным типом ведущей деятельности. Именно в этой деятельности наиболее полно реализуются возможности личности и происходит формирование ее новообразований.

Исходя из данного положения, Эльконин разработал весьма детализованную концепцию психологического развития человека от рождения до совершеннолетия. Он вычленяет в этом развитии определенные эпохи, которые в свою очередь делятся на периоды и фазы (последние являются более мелкими «единицами» процесса жизни)⁴⁶. Каждая эпоха включает два периода: 1) усвоение задач и развитие мотивационно-потребностной сферы личности; 2) усвоение способов действия с предметами, т. е. формирование ее операционно-технических возможностей. Для каждого периода характерна определенная ведущая деятельность, которая обеспечивает форми-

⁴⁶ Аналогичный подход намечен Ананьевым который выделяет в развитии личности циклы, периоды и микропериоды. Он настойчиво подчеркивал необходимость разработки общей концепции развития личности, охватывающей всю ее жизнь.

рование то мотивационно-потребностной, то операционно-технической сторон развития. Противоречия между этими сторонами и выступают как движущие силы развития. Принципы, на которых основывается концепция Эльконина, могут быть использованы при изучении развития личности и в более поздние эпохи жизни: от совершеннолетия до старости.

Конечно, изменяющиеся связи между мотивационно-потребностной и операционно-технической сторонами деятельности являются существенными для развития личности. Однако они не раскрывают развития ее взаимоотношений с другими людьми⁴⁷. Но именно эти взаимоотношения имеют в системной детерминации развития личности решающее значение. Ее развитие — это прежде всего развитие взаимосвязей с другими людьми, в ходе которого складываются личностные и межличностные отношения. Субъективные отношения личности в первую очередь формируются как отношения к людям: отношения ко всем другим сферам действительности опосредствуются ими.

В этой связи вновь возникает проблема общения, которая в целом рассмотрена в предыдущей главе. Здесь мы коснемся личностного аспекта. Когда речь идет о роли общения в развитии личности, то прежде всего имеется в виду развитие значимых для нее отношений: начиная от отношения ребенка к матери (или лицу, которое ее заменяет) и до отношения к малым и большим общностям людей (включая высшую общность — человечество). Как развивается «сеть» общений личности и как в процессе ее развития формируются, упрочиваются и изменяются ее субъективные отношения? Эти вопросы имеют для выявления законов развития личности первостепенное значение. В процессах общения — непосредственно и опосредствованного, прямого и косвенного и т. д. — развивающейся личности складываются те или иные ее взаимоотношения с другими людьми (ребенка — с родителями, взрослыми, сверстниками, взрослого — с детьми, коллегами на работе и т. д.). Именно в этом процессе формируются те свойства личности, которые обычно характеризуются по признакам «экстраверсия—интроверсия», «общительность—замкнутость», «коллективизм—эгоизм» и т. д. Вступая в разные виды совместных деятельностей и в разные взаимоотношения с другими людьми, личность то оказывается в положении «лидера», то «ведомого», то действует на паритетных с ними началах и т. д. Здесь развертывается сложнейшая система взаимодействий и взаимосвязей, которая играет детерминирующую роль в формировании мотивационной сферы личности, ее жизненных целей и субъективных отношений. В этом процессе действуют такие важные для развития личности факторы, как подражание, сотрудничество, соперничество и другие⁴⁸.

⁴⁷ В концепции Эльконина этот момент отмечается, но в известной мере как внешний по отношению к психическому развитию индивида (личности).

⁴⁸ Личностный аспект проблемы общения связан преимущественно с тем уровнем его исследования, который в предыдущей главе был определен как макроуровень.

Процессы общения пожалуй, в значительно большей мере, чем любая предметная деятельность) детерминируют развитие и изменение модальности, интенсивности, широты, устойчивости и всех других измерений субъективных отношений личности.

В общении возникают разные типы противоречий между субъективными отношениями общающихся людей, между их мотивами (и целями), между требованиями к личности со стороны других людей и ее возможностями выполнить эти требования, между оценкой личности другими людьми и ее самооценкой, между содержанием общения и его формой и т. д. Могут образоваться также противоречия между общением и деятельностью. Противоречия, возникающие в процессе развития личности, таким образом, не исчерпываются только теми, которые относятся к мотивационно-потребностной и операционно-технической сторонам деятельности. Они гораздо более богаты и многообразны. Однако в разные эпохи, периоды и фазы развития (если принять терминологию Эльконина) то или иное из них оказывается главным, ведущим⁴⁹. Именно его разрешение и обеспечивает переход личности от фазы к фазе, от периода к периоду, от эпохи к эпохе. Способы разрешения противоречий также различны: возникнув в предметной деятельности, они могут разрешиться не только в ней же, но и в общении или наоборот. У каждой личности эти переходы осуществляются специфическим для нее образом. Мастерство воспитателя в том прежде всего и состоит, чтобы выявить в каждом конкретном случае основное противоречие и найти такой способ его разрешения, который бы способствовал формированию и развитию отношений личности, соответствующих требованиям общества.

При этом важно отметить, что взаимоотношения личности с другими людьми и ее субъективные отношения при переходе к каждому новому этапу развития формируются на базе уже сложившихся; здесь происходит сложный синтез (механизмы которого еще не исследованы) того, что личность уже имеет, с тем, что она приобретает на новом этапе развития. Иногда это сопряжено с возникновением «внутренних разладов». Формируя новые отношения личности, опытный воспитатель всегда опирается на те, которые уже сложились, по возможности учитывая всю их систему.

Сказанное позволяет заключить, что, исследуя процесс развития личности, нужно раскрыть особенности не только ведущей предметной деятельности (в связи с другими деятельностями), но и **ведущей сферы и формы общения** (также в связи с другими его сферами и формами).

Представляется справедливым требование, которое сформулировал Ф. Гонсалес Рей: «Каждый момент развития должен быть раскрыт через призму отношений: „субъект — система предметных деятельностей — система общения"». Только при этом условии можно

⁴⁹ Важно отметить, что для каждой личности в каждый момент ее развития ведущим оказывается противоречие, специфическое для нее, поэтому вопрос о ведущей деятельности как и о ведущем способе общения также должен рассматриваться относительно конкретной личности

понять процесс формирования личности, всей системы ее психологических особенностей» [144, с. 45].

Исследование предметной деятельности в ее взаимосвязях с общением как относительно самостоятельной стороной человеческого бытия позволит раскрыть не только мотивационно-потребностный и операционно-технический аспекты деятельности, но и «отношенческий» аспект развития личности, который является не менее, а, пожалуй, более важным в ее психологической характеристике по сравнению с первыми двумя.

Формирование и развитие субъективно-личностных отношений протекает, конечно, не вне и не помимо психических процессов. Эти отношения складываются именно в процессе отражения социальной действительности. Можно полагать, что перечисленные выше их измерения зависят от того, как складываются в этом процессе соотношения между различными уровнями и формами психического отражения. В свою очередь, как отмечалось, субъективные отношения личности оказывают существенное влияние на психические процессы, главным образом на те их характеристики, которые связаны с избирательностью.

Формирование и развитие жизненных целей, мотивационной сферы, субъективно-личностных отношений есть вместе с тем формирование и развитие индивидуального сознания.

Нужно сказать, что в западной психологии в поисках «единиц» поведения личности называют и инстинкты, и привычки, и стереотипы, и чувства, но часто в стороне остается сознание. Между тем вряд ли можно рассчитывать на серьезные результаты в исследовании личности без изучения и развития индивидуального сознания.

Имманентная связь сознания и личности убедительно показана в ряде работ [40; 369; 422]. Но, к сожалению, как уже говорилось в третьей главе, строгой психологической теории, которая раскрывала бы законы развития индивидуального сознания, еще не создано, хотя значение этой проблемы подчеркивается непрерывно.

Данная проблема рассматривалась в связи с категориями отражения (третья глава), деятельности (четвертая глава) и общения (пятая глава). Каждая из этих категорий позволила выявить определенные аспекты сознания. Было отмечено, что сознание является идеальной, общественно опосредствованной формой отражения, что оно формируется и развивается в деятельности и общении, как основных сторонах человеческого бытия. Но сознание не существует вне конкретных личностей. В исследовании развития личности проблема сознания должна занять первостепенное место. В конце концов, когда говорится о личности, то подразумевается сознательное существо.

В личностном аспекте проблема сознания — это прежде всего проблема субъективных отношений личности. «Мое отношение к моей среде и есть мое сознание», — писал Маркс [2, с. 29].

Конечно, индивидуальное сознание субъективно в том смысле, что оно принадлежит данной конкретной личности (субъекту) и в нем отражается мир с той позиции, которую она в этом мире зани-

мает. В нем, как и в психике индивида в целом, выражаются ее субъективно-личностные отношения к реальности. При определенных условиях это может привести к искаженному, в том числе и иллюзорному, отражению; тогда личность будет вести себя неадекватно действительным условиям и обстоятельствам жизни.

Однако неверно было бы представлять субъекта как некоторую замкнутую в себе «точку» (или «монаду»), а субъективность — как одномерную глобальную характеристику психики. Как отмечалось в предыдущих главах (и это вытекает из принципов системного подхода), есть основания говорить о разных уровнях и разных измерениях субъективности.

Понять развитие индивидуального сознания можно, только рассматривая движение личности в системе развивающихся общественных отношений. Приобщение личности к все новым общественным отношениям и все более полное практическое овладение ими приводит к тому, что ее сознание становится все более дифференцированным. В этом процессе движения формируются и развиваются ее моральные, гражданские, эстетические, политические, идеологические и т. д. принципы, ее идейная позиция. Иначе говоря, личность; приобщается к различным формам общественного сознания, присваивает (термин А. Н. Леонтьева) их.

Включаясь в процессах деятельности и общения в человеческие общности разного масштаба, личность тем самым приобщается к совокупным субъектам разного уровня.

Благодаря всему этому, ее индивидуальное сознание возвышается до уровня общественного. С каждым действительным шагом личности в системе общественных отношений развиваются содержание ее сознания и его основные характеристики: внутренняя связанность, рефлексивность и другие (см. третий параграф третьей главы)⁵⁰. В этом процессе развертывается и сложная динамика взаимоотношений сознания и того, что относится в психике к сфере неосознаваемого.

Каждая личность проходит свой уникальный путь развития, что, естественно, определяет и уникальность ее психического склада — ее индивидуальность. В начале главы понятие «индивидуальность» в основном использовалось для характеристики различий между людьми по тем или иным признакам. Конечно, это важная характеристика индивидуальности, но неисчерпывающая. Индивидуальность означает и нечто большее, чем только положение индивида на шкале вариативности тех или иных признаков и их сочетаний, а именно — **уникальность** личности, которой определяется ее ценность для общества. Индивидуальность, таким образом, — это характеристика не только своеобразия, но и **высшего уровня развития** индивида как личности (Ананьев).

⁵⁰ Все сказанное не означает, что сознание личности всегда только-следует за развитием общественных отношений. При определенных условиях оно может опережать это развитие. Отметим также, что разные стороны и уровни индивидуального сознания развиваются неравномерно; поэтому в личности могут сочетаться зрелость в одних отношениях и инфантилизм — в других.

Когда говорится о всестороннем и гармоничном развитии человека, имеется в виду развитие всех сторон каждой конкретной личности как индивидуальности в богатстве ее проявлений и во взаимосвязи с развитием всех других личностей.

Проблема личности приобретает сейчас в психологии (да и в других науках) исключительно большое значение. Дальнейшая ее разработка важна не только для интеграции психологического знания и развития общей теории психологии (а также теорий ее специальных дисциплин), но и решения тех задач, которые ставятся общественной практикой, прежде всего — задачи формирования нового человека.

СОЦИАЛЬНОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Изучение психических явлений не может ограничиваться только анализом их зависимости от социального способа существования человека. Последовательно материалистический подход к психике требует также исследования ее природных основ.

«Первая предпосылка всякой человеческой истории, — писал Маркс, — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение к остальной природе⁴» [2, с. 19]. Своей плотью, кровью и мозгом человек принадлежит природе, находится внутри нее [7, с. 496].

Психические процессы, состояния и свойства существуют не вне живого человеческого организма, не как экстрацеребральные функции. Они являются функцией мозга, сформировавшегося и развившегося в процессе биологической эволюции и исторического развития человека. Поэтому выявление законов психики требует исследования работы мозга и нервной системы, более того, всего человеческого организма в целом.

С самого начала развития психологии как самостоятельной области научного знания в ней возникли две главные линии: одна — ориентированная на естественные науки, другая — на **общественные**. Такая двойственность нашла выражение уже в трудах одного из ее основоположников Вундта: «Физиологическая психология» и «Психология народов». Ее можно проследить и в более поздние периоды.

Стремление соединить эти две линии, преодолеть отмеченную двойственность психологической науки, разработать цельную теорию, которая позволила бы раскрыть взаимосвязи данных, которыми располагает каждая из них, неизбежно ведет к постановке проблемы **соотношения биологического и социального в человеке**. Эта проблема, пожалуй, ни в какой другой науке не стоит так остро, как в психологии.

Метафизический подход к ее решению приводит, с одной стороны, к биологизаторским, с другой — к социологизаторским концепциям в объяснении психических явлений.

Варианты **биологизаторских трактовок** человека и его психики разнообразны. Одни утверждают, что поведение человека может быть полностью объяснено наследственными генетическими механизмами, детерминирующими его до деталей.

Другие не видят различий в нервной организации человека и животного, утверждают, что можно управлять социальным поведением индивида путем электрофизиологической манипуляции функциями нервной системы. Третьи усматривают возможность управления «наследственным дьяволом в человеке» при помощи биохимических средств, генетической инженерии или евгеники. Четвертые рассматривают генетический фонд популяции как фактор, лимитирующий возможности изменения поведения; в этой связи предлагается использовать разработанные в психологии методы диагноза индивидуального поведения и управления им для того, чтобы укрепить существующие классовые и национально-этнические отношения, рассматриваемые вне связи с историческим временем как неизменные в отношении к основным человеческим характеристикам (хотя при этом и признается, что формы поведения могут изменяться) [665].

Все эти концепции так или иначе ведут к реакционным идеологическим и политическим выводам. Они используются для обоснования незыблемости классового общества, неизбежности расовых, национальных и этнических антагонизмов, разделения людей на суперценных, полноценных и неполноценных, оправдания претензий некоторых государств на мировое господство.

Бноло] та юрский подход, по существу, снимает проблему биологического и социального в человеке, утверждая, что в нем есть только биологическое. Поэтому естественно, что этот подход вызывает резкую критику [см.- 491; 499 и др.]. Несостоятельность биологизаторского подхода к изучению человека и его психики раскрывается не только теми научными данными, которые показывают социальную сущность человека, но и всей историей человечества. Особо наглядно это демонстрируется событиями, происходящими в современном мире: революционным и национально-освободительным движением, ломающим представления о якобы природной неполноценности определенных классов, этнических групп, наций и рас.

Несостоятельным является также и **социологизаторский подход**, т. е. трактовка человека как некоторого ступка экономики, культуры или «социума», начисто лишеного всего биологического, органического, вообще природного. В психологии такой подход ведет к идеалистическому пониманию психических явлений, к утверждению их существования вне материального субстрата, к попыткам рассматривать индивидуальное сознание как некоторую производную от взаимодействия сознаний, от абстрактно понимаемой культуры.

В социологизаторских концепциях, хотя и того их авторы или нет, психика человека представляется в виде самостоятельной обособленной реальности, существующей вне материи. Этот подход также снимает проблему соотношения биологического и социального.

Попытки преодоления двойственности психологии породили дуалистические концепции, трактующие биологическое и социальное как **две самостоятельные параллельно развивающиеся сущности. К**

ним относятся представления о двух факторах, двух параллельных рядах развития психики человека, двух независимых детерминантах, двух подсистемах, двух этажах в психике и т. д. При таком подходе проблема биологического и социального в человеке становится в принципе неразрешимой.

В этой связи все чаще говорят об их взаимодействии. Сама по себе постановка проблемы в таком общем плане вряд ли может вызвать возражение. Но все дело в том, как понимается это взаимодействие

В рамках метафизического подхода оно раскрывается как взаимодействие двух сущностей; на этом пути дуализм, конечно, не преодолевается.

Диалектико-материалистический подход требует рассмотрения биологического и социального как звеньев системной детерминации единого процесса развития человека; на этом пути взаимодействие раскрывается как многосторонний и многокачественный процесс, обеспечивающий целостность развивающейся системы.

Нужно отметить, что в психологии возникают также направления, претендующие на роль «третьей силы», якобы стоящей выше и метафизического и диалектико-материалистического подходов к изучению человека и его психики. К ним, в частности, относятся крайние направления так называемой гуманистской психологии (humanistic psychology) [617]. Эти направления, возникшие как реакция на биологизаторские концепции, отвергают представление о человеке как биологическом механизме, управляемом внешними стимулами и неосознаваемыми инстинктами. Утверждается, что «единицами» поведения человека являются не реакции, а действия (actions). Однако в толковании источников активности человека они исходят из идеалистического представления о свободе воли и потребности в самоактуализации. Основным предметом психологии объявляется субъективный опыт человека, который включает сенсорное сознание, интерперсональную коммуникацию и любовь (как высшее проявление человеческой сущности); при этом опыт рассматривается вне всякой связи с материальной жизнью субъекта. Объявляется, что сознание само по себе обладает тенденцией к распространению; в этой связи предполагаются концепции различных типов распространяющегося сознания (consciousness expanding) и мистического опыта.

«Гуманистская» психология пытается понять человеческую психику как существующую вне системы общественных отношений и телесной организации человека. Сущность человека рассматривается как некоторый абстракт, присущий отдельному индивиду. Наиболее крайние представители этого направления вообще отвергают правомочность применения научных методов в изучении человека. «Гуманистская» психология, таким образом, уходит не только от решения, но даже от постановки проблемы соотношения биологического и социального в человеке

Ключ к решению этой проблемы дает материалистическая диалектика Марксизм, разработавший монистическое понимание че-

ловека, показал несостоятельность как биологизаторских, так и социологизаторских и дуалистических концепций. В полном соответствии с естественностью человек рассматривается им как высший продукт биологической эволюции. Становление вида «homo sapiens» протекло в условиях формирования общественного способа существования. Но биологическое в человеке не исчезло, оно не было просто заменено социальным. Возникнув, социальная форма движения подчинила себе биологическую и преобразовала ее. Конечно, это был сложный и противоречивый процесс. Маркс и Энгельс обосновали положения о том, что сама природа человека есть продукт истории, что, изменяя внешнюю природу, человек в то же время изменяет и свою собственную. Эти идеи подтверждаются всем ходом развития науки, в том числе и психологии. Накоплено немало данных, показывающих, что развитие человеческого организма опосредствуется социальными условиями. Вместе с тем формирование тех качеств человека, которые определяются как социальные, протекает не помимо его психологического развития, а именно в ходе этого процесса. На пути изучения взаимного опосредствования биологического и социального в развитии человека преодолевается дуалистический подход к изучению человека, складывается понимание его развития как единого процесса, в рамках которого формируется и развивается все многообразие человеческих качеств

Конкретно-научная разработка проблемы биологического и социального относится, конечно, к числу наиболее сложных научных задач. Иногда ее пытаются объявить мнимой проблемой, проблемой-кентавром; стараются заменить эту проблему ее частными вариантами, например «организмическое и психическое», «природное и надприродное» и т. д.

Но как бы ни пытались снять или переформулировать эту проблему, она остается реальной проблемой, требующей для своего решения комплексного исследования, объединяющего общественные и естественные науки.

Понятия «биологическое» и «социальное» по уровню абстрактности и обобщенности близки к философским категориям. Каждое из них охватывает огромный комплекс разнообразных, но вместе с тем обладающих некоторыми общими качествами явлений. Поэтому по существу за проблемой «биологическое и социальное» стоит целая система проблем, относящихся к различным аспектам жизни человека и общества. Она включает такие аспекты, как связь природы и общества, общества и индивида, человека и биосферы, биологического и социального в психике и др. Но даже и каждый из этих аспектов не сводится к какой-нибудь одной проблеме.

Формулировки «биологическое и социальное в человеке», «соотношение биологического и социального» скорее указывают область исследований, нежели определяют проблему. При этом данная область включает проблематику различных наук. Одна из важнейших для дальнейшего развития наук о человеке и обществе задач состоит в том, чтобы разработать классификацию проблем, от-

носящихся к этой области, выявить их соотношения, т. е. представить всю проблематику в некоторой единой системе как «дерево проблем». При этом несомненно выяснится, что проблемы, изучаемые психологией (как ведущей наукой в системе наук о человеке), включены и в «корневую систему», и в «ствол», и во многие «ветви» такого «дерева». Она выступает в роли своеобразного «узла», стягивающего другие науки (естественные и общественные) в области проблематики «биологическое и социальное».

Разработка проблем, относящихся к этой области, имеет кардинальное значение и для самой психологии: в нее так или иначе включаются почти все специальные психологические дисциплины. Такая разработка является необходимым условием построения целостной, логически связанной и непротиворечивой общей теории. Огромное значение она имеет также для решения практических задач.

Из самой сути психических явлений как явлений отражения вытекает необходимость в ходе их исследования обращаться, с одной стороны, к рассмотрению их социальной обусловленности, а с другой — к анализу нейрофизиологических (более широко: физиологических) процессов, реализующих психические явления.

Конечно, изучая определенный круг явлений, психолог может абстрагироваться от их биологических или социальных детерминант. Это и допустимый, и необходимый момент научного исследования. Но всегда нужно четко определять, какой именно аспект изучаемого явления раскрывается при такой абстракции, какова ее мера и сфера действия. Искажения действительности в научном познании начинаются тогда, когда используемая абстракция не правомерно распространяется на те свойства, стороны, уровни и измерения изучаемого объекта, которые находятся за пределами сферы ее действия.

Не претендуя на освещение всей психологической проблематики, относящейся к области «биологическое и социальное в человеке», ограничимся в данной главе рассмотрением лишь трех комплексов вопросов, имеющих для психологии фундаментальное значение.

Первый из них относится к взаимосвязи психического и физиологического (психофизиологическая проблема); **второй** включает некоторые вопросы соотношения социального и биологического в детерминации психического развития индивида; **третий** относится к психологическим аспектам антропогенеза.

§ 1. Психофизиологическая проблема

Первый комплекс вопросов связан с изучением материального субстрата психических процессов и состояний — активного мозга. Здесь проблема, обозначенная в заголовке данной главы, выступает как проблема соотношений физиологического (точнее, нейрофизиологического) и психического, или психофизиологическая

проблема¹. Она частично затрагивалась во второй и третьей главах, но лишь частично; сейчас рассмотрим ее специально.

Психофизиологическая проблема возникла в психологии в то время, когда произошел переход от феноменологических описаний психических явлений к изучению их материального субстрата — мозга и протекающих в нем нервных процессов. Именно в это время начала формироваться **физиологическая психология**. Вместе с тем эта проблема была поднята и в физиологии, когда та в ходе своего развития обратилась к исследованию наиболее сложного возникшего в эволюции живых существ органа — мозга и его функций, когда начали формироваться **физиология высшей нервной деятельности и нейрофизиологии**.

Таким образом, психофизиологическая проблема явилась пограничной для двух фундаментальных областей знания.

В истории науки сложились разные подходы к ее решению. Длительное время в психологии было распространено представление о психических и нейрофизиологических процессах как двух принципиально разных процессах, развертывающихся либо параллельно (**психофизиологический параллелизм**), либо взаимодействующих друг с другом (**психофизиологическое взаимодействие**). Оба эти подхода по существу являются **дуалистическими**. И хотя современная наука отказывается от дуалистических позиций, все же они нередко проявляются в конкретно-научных исследованиях иногда в скрытой, а иногда и в открытой форме, как, например, у Экклза (см. третью главу, а также [296, 304]).

В борьбе против дуализма, в стремлении понять психику материалистически сложилась концепция так называемой психофизиологической (или психонейрональной, или психофизической) идентичности. Наиболее ярким ее представителем является Д. Д. К- Сمارт [651]. Решительно отвергая дуализм, он утверждает, что ощущения суть мозговые процессы. При этом Смарт подчеркивает: «Когда я говорю, что ощущение есть мозговой процесс, я использую слово „есть“ в смысле строгой тождественности» [652, с. 145]. Признавая, что далеко не все в мире может быть объяснено законами физики, он, однако, считает возможным такое объяснение по отношению к ощущениям. Согласно Смарту, ощущение есть мозговой процесс, а последний может быть описан в терминах физики. При таком подходе теряется качественная специфика ощущений, их отражательная природа затушевывается. По существу, концепция психофизиологической идентичности, как и концепции психофизиологического параллелизма (или взаимодействия), имеет общий корень: непонимание того, что в объяснении ощущений (и других психических явлений) исследований только нейрофизиологических процессов самих по себе недостаточно, что изучение их только в плане отношения «психическое—нервное» без анализа от-

¹ Понятно, что область психофизиологической проблемы более широка, поскольку она относится не только к человеку, но и к животным. Но здесь речь пойдет главным образом о человеческой психике.

ношения ощущений к отражаемым в них явлениям внешнего мира не может раскрыть их действительную природу.

Впрочем, и сам Смарт понимает ограниченность своей позиции. Он признается, что не знает, в чем состоят различия между теми мозговыми процессами, которые «выступают как переживания, и теми, которые не являются переживаниями».

Из концепции психофизиологической идентичности вытекает и понимание положения психологии в системе научного знания. Согласно Смарту, «психология занимается объяснением поведения человека и животных и постольку, несомненно, должна рассматриваться как ветвь биологии» [652, с. 112]. Он глубоко верит, что «с научной точки зрения **полное** объяснение поведения человека или животного должно зависеть от **полного** понимания нейрофизиологической структуры мозга человека или животного* (Там же, подчеркнуто мной. — Б. Л.).

Это утверждение близко к той концепции, которую В. Джемс назвал концепцией автоматизма. «Согласно теории автоматизма, — пишет он, — если бы мы знали в совершенстве нервную систему Шекспира и абсолютно все условия окружающей его среды, то мы могли бы показать, почему в известный период его жизни его рука исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными значками известное число листов, которое мы для краткости называем рукописью «Гамлета». Мы могли бы объяснить причину каждой помарки и переделки мы все бы это поняли, не предполагая притом в голове Шекспира решительно никакого сознания. Слова и фразы мы будем при этом рассматривать не как знаки известных идей, а просто как чисто внешние факты. Подобным же образом теория автоматизма утверждает, что мы могли бы написать подробнейшую биографию тех 200 фунтов, или около того, теплотой массы организованного вещества, которая называлась Мартин Лютер, не предполагая, что она когда-нибудь что-либо ощущала» [цит. по: 419, с. 18].

А так ли? Действительно ли полное понимание нейрофизиологической структуры мозга дает нам полное объяснение поведения¹? Несомненно, что с все более глубоким проникновением в законы работы мозга открываются новые возможности для изучения психических явлений. Но этот путь вряд ли может претендовать на то, чтобы быть единственным и исчерпывающим. Исследования нейрофизиологических механизмов выявляют лишь одно измерение психических процессов, но это измерение, как бы важно оно ни было, не раскрывает и не может раскрыть их полностью. Его изучение не раскрывает сущности психики как субъективного отражения объективной реальности.

Своеобразным вариантом концепции психофизиологической идентичности является предложенная М. Бунге «гипотико-дедуктивная система эмерджентного материализма, или **эмерджентного психонейронального монизма**», как ее определяет автор. По сравнению со Смартом Бунге делает значительный шаг вперед. Для него психическое не тождественно физиологическому. Оно рассматривается как специфическое явление, порожаемое физиологическим, но несводимое к нему. Концепция Бунге включает следующие гипотезы: 1) все психические состояния, события и процессы есть состояния, события и процессы центральной нервной системы раз

личных животных, 2) эти состояния, события и процессы являются эмерджентными² по отношению к свойствам клеточных компонентов центральной нервной системы; иначе говоря, они скорее характеризуют системы клеток, нежели индивидуальные клетки; 3) так называемые психосоматические отношения представляют собой взаимодействия между разными подсистемами и центральной нервной системой или между нею и другими подсистемами организма. Одно из итоговых положений Бунге гласит: если рассматривать мозг как сложную биосистему, имеющую эмерджентные свойства, тогда психическое состояние представляет собой «одно из функциональных состояний, в которых мозг способен пребывать» [556, с. 132]. Взгляды Бунге также не выходят за пределы естественнонаучного подхода к человеку. Как и Смарт, он считает, что психология должна стать ветвью биологии, «главой нейронауки».

Методологический недостаток концепций психофизиологической идентичности состоит прежде всего в том, что они рассматривают вопрос об отношении психических и физиологических процессов безотносительно к связи психики с предметным (внешним) миром, без анализа основной характеристики психики как субъективной формы отражения действительности. Кроме того, как отмечает И. Сентаготаи [659], отнюдь не всякие соединения нервных клеток обладают эмерджентными свойствами психического типа. Без выявления отражательной функции психики невозможно сформулировать критерии, которые позволили бы различить физиологические свойства деятельности мозга и психические свойства и состояния человека.

Все варианты решения психофизиологической проблемы нередко сводят только к двум: либо психофизиологического взаимодействия, либо психофизиологической идентичности (включая концепцию эмерджентного психонейронального монизма)³.

Основной недостаток перечисленных подходов к решению рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, состоит в том, что в них отношение «психическое — нейрофизиологическое» вырывается из сложной системы взаимосвязей субъекта, которому принадлежит психика, с окружающим миром, берется изолированно; но дело представляется так, будто бы это отношение, рассматриваемое само по себе, позволяет объяснить все формы поведения (включая сложнейшие формы поведения человека в обществе) и раскрыть сущность психики.

Но психофизиологическая проблема должна решаться на более широкой философской основе. Такой основой является ленинская теория отражения. Изучение психических явлений (включая явления сознания) с позиций этой теории, как уже отмечалось во вто-

¹ От английского слова «emergent», означающего «возникающее как естественное или логическое следствие», «нечто новое, закономерно возникающее в развитии, как бы изнутри процесса» (по Webster's third new international dictionary, Mass., USA, 1967)

³ Как отмечалось, концепция психофизиологического параллелизма по существу уходит от этой проблемы.

рой и третьей главах, предполагает рассмотрение по крайней мере трех взаимосвязанных отношений:

— отношение отражения к отражаемому (например, перцептивного образа к его оригиналу) — действующему на органы чувств объекту внешнего мира). Здесь имеется в виду не только мера адекватности образа объекту, но и те процессы, которые обеспечивают превращение энергии внешнего воздействия в факт сознания;

— отношение отражения к его носителю — мозгу (например, отношение динамики формирования перцептивного образа к тем процессам, которые протекают в нервной системе), или отношение психических процессов к нейрофизиологическим;

— отношение отражения к поведению и деятельности (например, отношение перцептивного образа к тем движениям, при помощи которых человек воздействует на отражаемый предмет), иначе говоря, регулирующая функция психического.

Эти отношения вытекают из самой сути психического отражения. Поэтому они реально выделены в ходе развития наук. Так, психофизика рассматривает преимущественно первое из указанных отношений, психофизиология — второе, целый ряд других психологических дисциплин — третье.

Конечно, каждое из перечисленных отношений можно исследовать, абстрагируя его от остальных; более того, абстракция — необходимый момент научного познания. Но при этом важно иметь в виду, что такое исследование допустимо лишь в определенных пределах и раскрывает лишь одно из измерений психики (или групп однопорядковых измерений).

В психофизиологической проблеме находит свое выражение прежде всего, конечно, второе из указанных отношений. Его исследование позволяет раскрыть определенные закономерности динамики отражательной функции мозга. Когда же ставится вопрос, чем детерминирована эта динамика (почему она такова, какая есть), то необходимо обратиться к изучению и других отношений, характеризующих психическое отражение: рассматривать отношение «психическое—нейрофизиологическое» в контексте поведения; здесь возникают проблемы адекватности отражения и его регулирующей роли в поведении.

Одна из наиболее трудных задач современной науки — попытка действительно связать между перечисленными выше отношениями (измерениями психического отражения), что является важнейшим условием синтеза данных, накапливаемых в разных науках; общей психологии, психофизике, психофизиологии, нейропсихологии, психологии, физиологии высшей нервной деятельности и др.

Теория отражения открывает реальную возможность такого синтеза и вместе с тем последовательную реализацию принципов системного подхода к решению психофизиологической проблемы.

В исследованиях отношения психики к мозгу основное место заняла проблема локализации психических явлений.

Как известно, в свое время широкое распространение имела идея **узкого локализационизма**. Исследователи пытались найти

жесткую и однозначную связь определенных психических процессов, состояний и свойств с функционированием определенных участков мозга. «При развитии этого направления,— отмечает Н. П. Бехтерева, — все, однако, дошло до логического абсурда, когда мозг, и прежде всего кора, попытались превратить в лоскутовое государство карликовых суверенных княжеств, каждое из которых „решало“ свои, более или менее сложные вопросы — от контроля движений до религиозного чувства, от контроля речи до социального „я“ и т. д.» [83, с. 4].

Позднее предпринимались попытки поэлементного сопоставления отдельных психических явлений с отдельными нейрофизиологическими процессами. Так, ощущение и восприятие связывались с афферентными, мышление — с центральными, произвольные движения — с эфферентными процессами, а эмоции — с процессами в подкорковых образованиях. Эти попытки, предпринимаемые, по существу, в том же русле, в котором развивался узкий локализационизм, оказались нерезультативными.

На смену локализационизму пришли представления *эквипотенциализма*, согласно которому психический процесс представлен полностью в каждом микрообъеме мозга, а в его реализацию вовлечен весь макрообъем мозга. Но и эквипотенциализм тоже еще не дает подхода к решению психофизиологической проблемы, не раскрывает способы физиологического обеспечения (термин П. П. Бехтерева) психических процессов.

Нужно отметить, что для отечественной науки связь психологии с физиологией является традиционной. Физиология всегда (со времен Сеченова) видела свою конечную задачу в том, чтобы раскрыть мозговые механизмы психических явлений⁴. Психология, изучающая различные формы и уровни психического отражения, в свою очередь, стремится выявить их нейрофизиологическое (в целом — физиологическое) обеспечение.

Отметим, что эти две фундаментальные науки все более и более как бы вторгаются в проблематику друг друга. С одной стороны, физиологи стали разрабатывать такие проблемы, которые еще недавно считались областью «чистой» психологии: например, восприятия, памяти, принятия решения и др. Психологи, в свою очередь, внесли значительный вклад в развитие ряда физиологических проблем, например, в такую, как исследование свойств нервной системы (Теплов [473], Певылицып [344]).

Когда-то Павлов поставил задачу сопоставления психического и физиологического как «наложения психологического узора на физиологическую канву». Речь здесь, конечно, идет не о накладывании друг на друга независимо существующих реальных процессов; Павлов был далек от психофизиологического параллелизма

⁴ Так, Павлов писал «В сущности интересует нас в жизни только одно — :аше ИМ\нческоЕ содержание» [358, с. 551] Апомш важнейшей считал проблему: « какими материальными средствами организм, и особенно его мозг, достоверно отражает . внешний объективный мир» [48, с. 337].

Он ставил задачу сопоставления данных, накапливаемых в психологии и физиологии, соотнесения различных научных описаний, интеграции знаний, накапливаемых этими двумя науками.

К решению этой-то задачи и движутся как физиология, так и психология, но с разных сторон. Для физиологии это — задача наложения психологического узора на физиологическую канву, для психологии — выявления за «психологическим узором» его «физиологической канвы». По существу это — разные стороны одной и той же задачи, решение которой требует совместных исследований. Некоторый опыт в таком направлении накапливается; правда, он в основном касается частных вопросов.

В качестве примера можно было бы привести исследование, выполненное нами совместно с А. М. Иваницким (при участии Л. В. Матвеевой и В. Б. Стрелец) [298]. Были сопоставлены две концепции, сходные по своим теоретическим установкам, но сложившиеся независимо друг от друга. Одна из них возникла в психофизике; это теория обнаружения сигнала, описывающая сенсорно-перцептивный процесс как результат взаимодействия двух переменных: сенсорного фактора, определяемого соотношением интенсивности стимула и чувствительности сенсорной системы, и критерия принятия решения, связанного с мотивацией и установками субъекта.

Методически принципиально важным и новым в этой теории является учет не только правильных обнаружений, но и ложных тревог, т. е. положительных ответов при отсутствии сигнала, что указывает на критерий принятия решения и, таким образом, косвенно связано с мотивацией личности.

Вторая сложившаяся в физиологии концепция, которая сопоставлялась с теорией обнаружения сигнала, это — концепция информационного синтеза физических и биологических параметров сигнала в структурах мозга [187]. Она использует представления об информационной гетерогенности вызванного потенциала: ранняя часть ответа (вызванного потенциала) имеет преимущественно сенсорное происхождение и связана с оценкой сигнала по физическим характеристикам; поздние волны ответа, связанные в значительной мере с функцией вышних подкорковых центров, отражают биологическую значимость сигнала. Метод вызванных потенциалов позволяет, таким образом, подойти к анализу составляющих афферентного синтеза (Анохин). Проведенное совместное исследование позволило выявить в сенсорно-перцептивном процессе три основных этапа. Первый связан с функцией сенсорной системы и отражением физических характеристик сигнала; на втором происходит сличение сенсорной информации с информацией, хранящейся в памяти; третий связан с реализацией перцептивного решения и подготовкой к действию. Он характеризуется перемещением фокуса нервной интеграции в передние отделы полушарий и неспецифической активацией (подробнее см в [298]).

Другим примером может быть исследование Н. А. Аладжаловой и О. Р. Арнольд [31], в котором сопоставлялись «эффект пульсара», описанный Ю. М. Забродиным (квазиритмические колебания эффективности обнаружения сигнала) и изменения сверхмедленной биоэлектрической активности мозга. Было показано, что момент пропуска сигнала происходит на фоне высокоамплитудного толчка в ходе изменения потенциала в той или иной области мозга. Вслед за пропуском появляется новый компонент колебаний — регулярный замедленный высокоамплитудный секундный ритм, который рассматривается авторами как выражение определенной формы взаимодействия нейронных структур мозга, обеспечивающих функциональный режим, необходимый для данной деятельности. Авторы предполагают, что в этот момент происходит неосознаваемое переключение на «автоматический план регуляции действия» (подробнее см.: [31]).

Приведенные примеры показывают некоторые возможные подходы к сопоставлению данных, полученных в психологии и физиологии **в связи с разработкой частных вопросов.**

Однако сопоставление теорий, концепций и данных по частным вопросам еще не обеспечивает решения психофизиологической проблемы в целом. Здесь требуется более общий и более широкий подход.

Наиболее перспективным в разработке психофизиологической проблемы представляется подход, нацеленный на изучение не изолированно взятых нейрофизиологических процессов, а на их организацию, их системное строение. При этом важно подчеркнуть, что из такого подхода вытекает задача — исследовать физиологическое обеспечение психических процессов в контексте поведения (более широко: жизнедеятельности) их субъекта. Он предполагает опору на теорию отражения и требует разработки некоторой общей концепции поведения, которая могла бы служить «концептуальным мостом» (Анохин) между психологией и физиологией.

Концепция такого рода была предложена Анохиным; это — концепция функциональной системы. В качестве «единицы» континуума поведения он взял поведенческий акт. Основными составляющими (и вместе с тем стадиями) поведенческого акта являются афферентный синтез, принятие решения, акцептор результата действия, программа действия, эфферентный синтез, обратная афферентация (подробнее см. в [47]). Конечно, концепцию функциональной системы нельзя считать универсальной, исчерпывающе раскрывающей строение поведения. С дальнейшим развитием психологических и физиологических исследований, по-видимому, представления об архитектонике поведенческого акта изменяется. Но важно, что она во многих отношениях близка к тем представлениям о структуре деятельности, которые сложились в психологии. И это дает возможность, с одной стороны, использовать ее в систематизации и обобщении психологических данных, а с другой — от этой системы переходить к анализу нервных процессов, обеспечивающих тот или иной поведенческий акт. Иначе говоря, концепция функциональной системы действительно может выступить в роли концептуального моста между психологией и физиологией.

Эта концепция, созданная на основе анализа физиологических (более широко: биологических) фактов, позволила вскрыть специфику интеграции различных нервных процессов в поведенческом акте. Психические явления стали сопоставляться не с частными нейрофизиологическими процессами, а их организацией. Иначе говоря, психическое связывается с нейрофизиологическим не прямо, а через так называемые системные процессы, т. е. через способ **организации нейродинамики.** При этом — что важно подчеркнуть — этот способ рассматривается как детерминируемый не внутримозговыми отношениями, а взаимодействием организма со средой, прежде всего поведением. При таком подходе психическое в отношении к нейрофизиологическому выступает как системное качество. «Поскольку существуют специфические системные процессы организации, качественно отличные от элементарных, и целостные поведенческие акты связаны именно с системными процессами, постольку и в основе психических процессов оказываются не элементарные

физиологические процессы возбуждения или торможения, а системные процессы организации отдельных процессов в одно целое. Сопоставление нейрофизиологических и психических процессов оказывается возможным только через процессы системного уровня», — подчеркивает Швырков [519, с. 214].

Исследования элементарных актов поведения животных, проведенные учениками Анохина (Судаков [462], Швырков [520] и др.), позволили получить экспериментальные результаты, имеющие, на наш взгляд, принципиальное значение для решения психофизиологической проблемы. В частности, показано, что в процессе реального поведения активность любого нейрона (в анатомически различных областях мозга) связана с его вовлечением в функциональную систему (тех или иных ее стадий). Эта активность в любой структуре не является афферентной или эфферентной, а одновременно соответствует как определенным условиям среды, так и определенной форме двигательного поведения.

Представление о разных уровнях организации нервных процессов, на наш взгляд, может быть весьма полезным в исследовании нейрофизиологического обеспечения психических процессов. В частности, возможно, что их фазный характер, о котором говорилось в третьей главе, связан с переходами этой организации от одного уровня к другому⁵.

В другом аспекте системная организация нервных процессов исследуется Бехтеревой и ее школой [83]. В этих исследованиях в условиях клиники больным людям вводятся электроды в структуры мозга, что позволяет наблюдать результаты электростимуляции мозга и регистрировать нейронную активность при выполнении психологических тестов. Последнее обстоятельство представляет для решения психофизиологической проблемы исключительный интерес, поскольку регистрация нейронной активности производится непосредственно во время течения психического процесса.

В исследованиях Бехтеревой получены новые факты, имеющие прямое отношение к ряду важнейших проблем психологии. Например, при электрическом воздействии на мозг обнаружен факт изменения и нарушения «шкалы времени» [84]. Более детальное изучение этого факта могло бы помочь выявлению нейрофизиологического основания такой важной характеристики психического отражения на уровне представлений, как масштабные преобразования пространства и времени (см. третью главу).

Не меньшее значение для психологии представляют также результаты исследований, которые показывают, что в мнемические процессы наряду с механизмами полной записи поступающей информации (и ее отдельных элементов) включаются также механизмы забывания, затормаживания, т. е. мнемический процесс обеспечивается работой двух противоположных механизмов. К интерес-

⁵ Отметим, однако, что представление об уровнях организации нервных процессов требует дальнейшей разработки

ным для психологии результатам относится также выявление «аппарата детекции ошибок» и др.

На основании всей совокупности проведенных Бехтеревой и ее сотрудниками исследований она приходит к выводу, что нейрофизиологическое обеспечение психических процессов имеет системное строение. Это — корково-подкорковая структурно-функциональная система, включающая звенья разной степени жесткости. Одни из них — это жесткие звенья, работающие независимо от внешней среды (в пределах данного психического процесса); другие — гибкие, напротив, необходимые лишь в каких-то определенных условиях среды. В системе мозгового обеспечения психических процессов преобладают гибкие звенья. Благодаря сочетанию жестких и гибких звеньев достигается высокая экономичность и исключительная пластичность, адекватность системы мозговых процессов, обеспечивающей психический процесс, конкретным условиям его протекания (подробнее см. в [83; 84]). Эта идея важна для понимания диалектики устойчивого и изменчивого в психических явлениях.

Крупным событием в развитии системных представлений о работе мозга явилось открытие М. Н. Ливановым **пространственной синхронизации колебаний биопотенциалов мозга** [273]. Одновременное возникновение нервных процессов в разных участках мозга создает новое качество его функционирования, которое, по мнению Ливанова, и лежит в основе психических явлений. В связи с исследованием этой основы он разработал представление о системном характере нейрональных сдвигов и межнейронных перестройках. Ливанов считает в принципе возможным оценивать сложность решаемых человеком задач и интенсивность мозговых процессов у разных людей при одинаковой (психологической) нагрузке по измерениям показателей пространственной синхронизации биопотенциалов, связанных с изменением возбудимости коры.

Л. А. Шустова (под руководством Т. Н. Ушаковой) применила метод исследования дистальной синхронизации биопотенциалов, разработанный Ливановым, для изучения речевого процесса. Ею была выявлена динамическая картина активации корковых областей, развивающейся в ходе этого процесса. Показано **разнообразие паттернов активации** в нейрофизиологическом обеспечении разных видов психических процессов.

Исходя из исследований Ливанова, А. Н. Лебедев предположил, что воспринимаемая и извлекаемая из памяти информация кодируется системами пространственно-организованных периодических процессов, регистрируемых электроэнцефалограммой. Ступенчатые различия между периодами и фазами колебаний определяют разнообразие волновых комбинаций и скорость их чередования. Используя математические методы, Лебедев (при участии В. А. Луцкого) показал количественную зависимость между волновыми нейронными процессами и характеристиками ряда психических явлений. Выявленные в психологических исследованиях свойства восприятия и памяти (объем и скорость восприятия, скорость мнемического погика, время выбора реакции, точность субъективной оценки длитель-

ности и интенсивности сигналов) представлены как функции интегральных параметров работы мозга: средняя частота доминирующего ритма электроэнцефалограммы человека и ступенчатая разность периодов в диапазоне этих ритмов [подробнее см.: 258; 259]

Не рассматривая других направлений исследования нейрофизиологического обеспечения психических процессов, отметим их общую тенденцию. Она состоит в том, что для них всех характерно стремление понять организацию нервных процессов, т. е. рассмотреть эти процессы в системе.

Эта тенденция наблюдается и в **психологических** исследованиях, нацеленных на решение той же задачи (но как бы с другой стороны). Хорошо известны работы в области нейропсихологии, выполненные А. Р. Лурией [302] и его учениками (Е. Д. Хомской [504], Л. С. Цветковой [506], В. И. Корчажинской, Т. В. Кузьминой [229]). Основной материал нейропсихологии—это случаи изменения психики, возникающие при нарушениях мозга (травмах, опухолях, кровоизлияниях). Изучая эти случаи, нейропсихологи, пользуясь психологическими методами, выясняют изменение восприятия, памяти, мышления, речи, произвольных действий и т. д. Многочисленные данные показывают, что при нарушении какого-либо звена функциональной системы, обеспечивающей данный психический процесс, обычно он нарушается в целом, но в зависимости от нарушенного звена дефекты имеют качественные различия. Анализируя нейропсихологические данные, Лурия разработал концепцию трехблочного строения функциональной системы, обеспечивающей психические процессы. Соотношения между основными блоками динамичны⁶.

Разрабатывая концепцию сенсорной организации человека, Б. Г. Ананьев считал, что ее основой является сложная динамическая система прямых и обратных временных нервных связей, включающая постоянные и переменные компоненты.

Анализируя строение и динамику человеческой деятельности, А. Н. Леонтьев отмечал, что нейрофизиологически она обеспечивается формирующимися в процессе этой деятельности функциональными органами⁷.

В работах Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына, посвященных проблеме интериндивидуальных различий, также высказываются идеи о системном строении их нейрофизиологических оснований.

Е. И. Бойко, изучая произвольные реакции человека и продуктивные умственные акты, разработал представление о функциональных новообразованиях и динамических временных связях.

Таким образом, в разработке психофизиологической проблемы физиология и психология сходятся в понимании того, что нейрофизиологическое обеспечение психических процессов имеет системный характер. Положение о психическом как системном качестве физио-

⁶ Понятие «функциональная система» трактуется в работах Лурии иначе, чем у Анохина

⁷ Понятие «функциональный орган» у А. Н. Леонтьева близко к тому, которое было в свое время предложено А. А. Ухтомским.

логического намечает, как нам представляется, конструктивный путь решения психофизиологической проблемы. Но сейчас наука находится лишь в начале этого пути. Важным и крайне необходимым шагом в дальнейшем ее продвижении по этому пути является систематизация, упорядочение того множества представлений и концепций, которые сформировались в физиологии и психологии. В самом деле, как соотносятся между собой понятия «функциональная система» (Анохин), «функциональный орган» (Ухтомский), «паттерн мультиклеточной активности» (Бехтерева), «динамический паттерн» (Сентаготаи), «системные нейрональные сдвиги и межнейронные перестройки» (Ливанов), «динамическая локализация функций» (Лурия) и другие близкие к ним понятия? Ясно, что каждое из них выявляет какую-то определенную сторону системной организации нервных процессов, лежащих в основе психических. Ни какую именно? И как она связана с другими сторонами этой организации? Понятия, представления и концепции, складывающиеся в русле системного подхода, сами должны быть рассмотрены системно, что, конечно, потребует большой теоретической работы.

С позиций системного подхода психику уже невозможно рассматривать, как некий случайный, необязательный добавок к физиологическим процессам или как их эпифеномен. Психическое и нейрофизиологическое в детерминации поведения (и деятельности) оказываются неразрывно связанными и не могут существовать друг без друга (Швырков). Описание психического процесса становится невозможным без привлечения физиологических понятий и, наоборот, описание высших функций мозга — без психологических.

Нужно, однако, отметить, что, исследуя нейрофизиологическое обеспечение психического процесса, нередко берут самый этот процесс абстрактно, просто как некую целостность. Конечно, целостность является важнейшей характеристикой психического. Но это не значит, что психический процесс представляет собой нечто глобальное, недифференцированное, гомогенное. В современной психологии накапливаются данные, показывающие его сложное строение. Аналитическая картина психического, как было показано в первой и второй главах, изменяется. При этом изменения включают как все большую дифференциацию психических процессов (например, в восприятии выделяют процессы обнаружения, различения, опознания, идентификации), так и выявление интегральных процессов (например, антиципации).

С другой стороны, не меньшие изменения претерпевают и представления о нервном процессе⁸.

⁸ Нужно отметить, что современная нейрофизиология широко использует в качестве основных показателей нервных процессов электрическую активность различных структур мозга и отдельных нейронов. Но исчерпывается ли их характеристика этими показателями? Раскрывают ли электрические процессы сущность нервных? На эти вопросы пока четких ответов нет. Кроме того, не ясна связь между разными электрическими явлениями в мозге. Как связаны между собой, какие стороны, особенности нервных процессов раскрывают вызванный потенциал, волна ожидания (Е-волна), сверхмедленная биоэлектрическая активность мозга, электроэнцефалограмма (в которой выделяют

Понятно, что дальнейшая разработка психофизиологической проблемы требует более дифференцированного сопоставления психологических и физиологических данных. При этом необходимо иметь в виду, что психическое отражение обладает многими изменениями (см. третью главу). Важно также исследовать специфику нейрофизиологического обеспечения когнитивной, регулятивной и коммуникативной функций психики⁹.

Наконец, последняя группа вопросов, относящихся к рассматриваемой проблеме, касается **специфики физиологического обеспечения психических процессов** у человека. Именно (и только) на уровне человека психофизиологическая проблема включается в ту область, которая обозначается как «социальное и биологическое». Нужно сказать, что физиологические и психологические данные, полученные при изучении животных, далеко не всегда могут применяться к человеку. Здесь возникает вопрос о допустимых пределах использования этих знаний, который мы сейчас обсуждать не будем. Отметим только, что психика (надо полагать, и нейрофизиология) человека качественно отлична от психики животных. Это, конечно, не исключает действия некоторых общих законов, а значит, и возможности использования знаний, полученных при изучении животных, в исследованиях человеческой психики и нейрофизиологии, и наоборот. Но такое использование требует осторожности.

Как уже отмечалось в предшествующих главах, сенсорно-перцептивные, мнемические, интеллектуальные и иные психические процессы изучаются в современной психологии не как некоторая реализация абстрактно понимаемых функций мозга (и нервной системы в целом), а в контексте реальных—'Социальных по своему существу — предметной деятельности человека и его общения с другими людьми, которые выступают в роли объективных факторов, организующих психические процессы.

На этом пути разработана концепция исторического формирования психических функций (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.). В психологии накоплено немало экспериментальных данных, показывающих, что психические процессы и свойства человека — от элементарных и до наиболее сложных—развиваются под мощным влиянием его трудовой деятельности (Б. Г. Ананьев, К. К. Платонов, Б. М. Теплов, Л. А. Шварц и др.).

В психологии накапливаются также данные, раскрывающие особенности перцептивных, мнемических и интеллектуальных процессов, рЧ, А, б-волны, и с которой связаны х-волны) и т. д.? Цельной когерентной картиной, раскрывающей взаимосвязи разных проявлений электрической активности мозга, мы пока еще не располагаем.

⁹ Представляется конструктивной стратегия исследования, позволяющая делать переходы от психологии к нейрофизиологии, которую предложил Е. Н. Соколов. Кратко он сформулировал ее так «человек — модель — нейрон». Имеется в виду изучение психических процессов у человека, на основе полученных данных — формирование теоретической модели, следствия из которой проверяются в исследовании физиологических процессов; такая стратегия допускает движение и в обратном направлении [449].

цессов, протекающих в условиях общения человека с другими людьми (см. пятую главу).

К пониманию социальной обусловленности высшей нервной деятельности человека идет и физиология. Как известно, еще Павлов высказал идею о «чрезвычайной прибавке» в высшей нервной деятельности человека — второй сигнальной системе, социальной по своему генезису. К сожалению, эта весьма перспективная идея еще не получила в науке того развития, которого она безусловно заслуживает. Это в значительной мере объясняется тем, что в исследовании второй сигнальной системы обычно ограничивались теоретическими схемами и экспериментальными процедурами, разрабатываемыми для изучения высшей нервной деятельности животных¹⁰. Между тем здесь требовался выход за пределы «чисто» физиологических схем, одинаковых для человека и животного, переход к изучению работы мозга человека, действующего и мыслящего в условиях общества.

Имеются данные о том, что нейродинамика зависит от тех конкретных функций, которые человек выполняет в совместной с другими людьми групповой деятельности. Так, Ф. Д. Горбов и М. А. Новиков обнаружили в своих исследованиях различия характеристик нейродинамики у лиц, выполняющих разные функции в групповой деятельности. Если один и тот же человек в разные периоды времени выполняет разные задачи (выступает то ведущим, то ведомым), то и характеристики нейродинамики у него оказываются различными: они изменяются вместе с изменением его задач в групповой деятельности.

Как известно, в исследованиях динамики эмоциональных состояний в качестве одного из показателей состояния используется пульс. Новиков экспериментально показал, что в совместной деятельности при сотрудничестве возникает синхронизация «пульсовых кривых»; при соперничестве этого не наблюдается [347].

Исследования динамики физиологических процессов в условиях реальной деятельности и общения людей еще только начинаются; они пока не представляют собой систематически разрабатываемого направления. Большую роль в его создании может сыграть теория функциональной системы Анохина. Ее ценность определяется в первую очередь тем, что она дает представление об архитектонике процессов. Правда, нужно ожидать, что применение этой теории к изучению деятельности и тем более общения потребует дальнейшего развития представлений об архитектонике: уточнения ее отдельных звеньев и связей между ними, более дифференцированного их анализа и т. д. Существенное значение в этом плане имеют также работы по физиологии активности Н. А. Бернштейна, особенно идея о разных уровнях построения движений [76; 77].

Говоря о социальной обусловленности нейрофизиологии человека, важно отметить, что здесь вряд ли имеет место прямое, непо-

¹⁰ Например, по такой схеме построена методика А. Г. Иванова Смоленского L188J, по существу в ней не нашел отражения специфический человеческий способ поведения и действий

средственное влияние социального на физиологическое. Оно — это влияние — **опосредствуется психикой** человека¹¹. Например, совершенствование чувствительности того или иного анализатора в отношении тех или иных свойств предметов и объектов, обусловленное трудовой деятельностью, вряд ли можно понять как прямую «автоматический» эффект повторения и упражнения. По-видимому, объяснить его можно, только рассмотрев чувствительность в системе перцептивных, мнемических и иных психических процессов, включенных в акт труда и регулирующих трудовую деятельность человека. Еще более отчетливо опосредствующая роль психического выступает в исследованиях групповой деятельности, о которых только что было упомянуто. Влияние социального на нейрофизиологическое осуществляется через психическое

Исследования, показывающие влияние деятельности и общения на нейродинамику, формирование нейродинамики «по заказу» более высокого уровня — психического, раскрывают лишь одну сторону, один аспект психофизиологической проблемы. Но она имеет и другую, так сказать, оборотную сторону: какими нейрофизиологическими процессами обеспечивается реализация того или иного психического явления? К сожалению, в исследованиях психических процессов и состояний анализу нейрофизиологических условий, обеспечивающих их возникновение и протекание, далеко не всегда уделяется необходимое внимание. Эта сторона психофизиологической проблемы часто остается в тени.

Наиболее трудной для психологии и физиологии и наименее разработанной является проблема сознания: высшей, специфически человеческой формы психического отражения, неразрывно связанной с языком и речью, формирующейся в условиях жизни человека в обществе. Как отмечалось в третьей главе, сознание — это идеальное отражение. Однако нет никаких оснований считать его экстростеребральным процессом; как и все другие формы психического отражения, оно является функцией мозга, но мозга человеческого, развившегося в ходе общественно-исторического процесса.

Каково же нейрофизиологическое обеспечение процессов сознания? Ответ на этот вопрос пока остается делом будущего. Однако некоторые подходы намечаются уже сейчас.

Поскольку сознание неразрывно связано с языком и речью, естественно ожидать, что психологическое и нейрофизиологическое исследования речевых процессов составляют одну из главных линий в изучении его нейрофизиологических основ. К сожалению, пока еще целостной картиной, раскрывающей организацию речевых процессов, наука не располагает, хотя в этой области уже и накоп-

¹¹ В плане изучения перестройки физиологических процессов под влиянием психического большой интерес представляют данные, раскрывающие возможность произвольного контроля и управления физиологическими функциями (так называемая биологическая обратная связь). Исследования показывают, что человек при определенной тренировке может научиться произвольно управлять частотой сердцебиения, пульса, кровяным давлением и даже биоэлектрическими процессами [626]

лено немало конкретных научных результатов. На основании обобщения многих экспериментальных данных, Т. Н. Ушакова пришла к выводу, что речевые процессы обеспечиваются тремя взаимосвязанными частными механизмами фиксации следов словесных воздействий нервной системой; связывания этих следов и образования «вербальной сети»; динамических изменений состояний отдельных элементов этой сети [487]. К сожалению, пока еще неясно, какие мозговые процессы и как обеспечивают работу указанных механизмов.

Разрабатывая проблему сознания, Н. И. Чуприкова выделяет некоторые важные для изучения его мозговых механизмов направления исследований: изучение расчленения целостных чувственных впечатлений, ведущим фактором которого является язык; вербализация впечатлений; особенности обработки информации в правом и левом полушариях мозга человека; локальное избирательное повышение возбудимости в отдельных участках коры больших полушарий; расчленение целостных паттернов возбуждений и особенностей синтетической деятельности коры человеческого мозга [514].

Намеченные Чуприковой направления исследования мозговых механизмов сознания представляются перспективными. Однако пока еще остается недостаточно ясным вопрос о том, в какой мере они могут раскрыть системное строение мозгового механизма сознания. Важно было бы определить, какие измерения и уровни этого механизма позволяют раскрыть намеченные направления (они нерядоположены).

Думается, что в разработке программы психофизиологических исследований сознания важно учитывать специфику основных психических функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной, о которых говорилось в третьей главе. Вряд ли можно раскрыть особенности организации физиологического обеспечения сознания без специального изучения того, как формируются и развиваются функциональные системы¹² у человека, связанные с целенаправленным приобретением знаний, произвольной регуляцией действий и общением. Важным является также исследование физиологического обеспечения такой характеристики сознания, как его внутренняя связность и рефлексивность. Не менее значим вопрос о мозговых механизмах переходов как от осознаваемых форм психического отражения к неосознаваемым, так и в обратном направлении.

§ 2. Проблема социального и биологического в психическом развитии индивида

Проблема психического развития индивида занимает в психологической науке центральное место. Она относится не только к возрастной и педагогической психологии (хотя здесь она выступает в роли организующей всю их проблематику), но в том или ином плане включается в проблематику также других психологических

¹² Понятие «функциональная система» употребляется сейчас в широком смысле

дисциплин. Эта проблема имеет фундаментальное значение и для общей теории психологии; без ее основательной разработки полноценное развитие этой теории немыслимо.

Пожалуй, нигде, как в области этой проблемы, так отчетливо не обнаруживается ограниченность и бесперспективность односторонних концепций и столь остро не возникает необходимость системного подхода к ее решению.

Первое, с чем приходится столкнуться при обращении к изучению психического развития индивида, — это вопрос о соотношении в нем биологического и социального. В истории науки были перебраны практически все возможные формально-логические связи между понятиями «психическое», «социальное» и «биологическое». Психическое развитие трактовалось и как полностью спонтанный процесс, независимый ни от биологического, ни от социального; и как производный только от биологического или только от социального развития, либо как результат их параллельного действия на индивида или взаимодействия и т. п.

В концепциях спонтанного психического развития оно рассматривается как полностью детерминируемое своими внутренними законами. Вопрос о биологическом и социальном для этих концепций просто не существует. Человеческому организму здесь в лучшем случае отводится роль некоего «вместилища» психической деятельности, внешнего по отношению к ней. Что касается социального (в частности, культуры), то самое большее — признается его модулирующая и канализирующая функция, но не более, т. е. оно также выступает в роли только внешнего фактора по отношению к психическому развитию индивида.

В биологизаторских концепциях психическое развитие рассматривается как линейная функция развития организма, как нечто, однозначно следующее за этим развитием, как один из его атрибутов; все особенности психических процессов, состояний и свойств человека здесь пытаются вывести из биологических законов. При этом нередко используются законы, открытые при изучении животных, без каких-либо коррективов, которые позволили бы учитывать специфику развития человеческого организма.

Часто в этих концепциях для объяснения психического развития привлекается **основной биогенетический закон** (рекапитуляции), согласно которому **в развитии индивида воспроизводится в главных чертах эволюция** вида, к которому этот индивид принадлежит¹³; пытаются найти в психическом развитии индивида повторение ступеней эволюционного процесса в целом или хотя бы основных этапов развития вида.

Конечно, при желании можно усмотреть здесь некоторые внешние аналогии, однако они не дают еще основания для вывода о справедливости принципа рекапитуляции в отношении психического

¹³ Как известно, в биологии биогенетический закон вызывает широкие дискуссии. Иногда его даже объявляют «биологической мифологией» (Эрлих и Холм). Однако все же большинством биологов этот закон признается или по крайней мере считается в определенных границах правдоподобным.

развития человека. Подобные концепции — типичный случай неправомерного расширения сферы действия биогенетического закона.

Идея рекапитуляции не чужда и для социологизаторских концепций психического развития индивида. Только здесь она представляется несколько иначе: утверждается, что **психическое развитие индивида в конспективной форме повторяет, воспроизводит основные ступени процесса исторического развития общества**, прежде всего, его духовной жизни, культуры.

Пожалуй, наиболее ярко суть подобных концепций выразил В. Штерн; при этом в предложенной им трактовке принцип рекапитуляции охватывает и эволюцию психики животных, и историю духовного развития общества в их реализации в развитии индивида.

«Человеческий индивид,— пишет он,— в первые месяцы младенческого периода, с преобладанием низших чувств, с неосмысленным рефлексорным и импульсивным существованием, находится в стадии млекопитающего; во второе полугодие, развив деятельность хватания и разностороннего подражания, он достигает развития высшего млекопитающего — обезьяны, и на втором году, овладев вертикальной походкой и речью,— элементарного человеческого состояния. В первые 5 лет игры и сказок он стоит на ступени первобытных народов. Затем следует поступление в школу, более напряженное внедрение в социальное целое, с определенными обязанностями,— онтогенетическая параллель вступления человека в культуру, с ее государственными и экономическими организациями. В первые школьные годы простое содержание античного и ветхозаветного мира наиболее адекватно детскому духу, средние годы носят черты фанатизма христианской культуры, и только в периоде зрелости достигается духовная дифференциация, соответствующая состоянию культуры нового времени» [цит. по: 419, с. 160].

Согласно приведенной схеме до овладения вертикальной походкой в психическом развитии человеческого индивида воспроизводится эволюция животных, а с этого момента — история духовной культуры, т. е. выделяются как бы две стадии: биологическая и историческая. При этом вторая стадия относится лишь к истории духовной культуры (заметим, что в основном европейской), а не к истории общества в целом. Конечно, и здесь можно усмотреть некоторые аналогии развития индивида и истории общества. Но вряд ли они помогают раскрыть суть психического развития индивида. Проводя подобные аналогии, нельзя не учитывать системы обучения и воспитания, которая исторически развивается в каждом обществе и имеет свою специфику в каждой общественно-исторической формации. В логике обучения в той или иной форме находит свое выражение история человеческого познания, а это, конечно, может создать впечатление, что в своем умственном развитии индивид повторяет историю. Но это — иллюзорное впечатление. Если же попытаться применить принцип рекапитуляции, имея в виду действительную историю общества (закономерную смену общественно-экономических формаций), то можно прийти (да, пожалуй, неизбежно придется) к полной нелепице. Законы развития общества и законы развития индивида в обществе — это разные законы. Связь между ними гораздо более

сложна, чем это представляется с позиций принципа рекапитуляции.

Нужно сказать, что самая идея воспроизведения в единичном явлении закономерной последовательности развития общего довольно стара. В наиболее развернутом виде она представлена в философской системе Гегеля, согласно которой ступени духовного развития человека всегда в основных чертах, хотя и сокращенно, воспроизводят ступени духовного развития человеческого рода. Из принципов диалектико-идеалистического монизма эта идея вытекает необходимым образом: иначе теряется связь индивидуального духа с абсолютным.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Принцип единства законов природы, общества и мышления органически присущ диалектико-материалистическому монизму. Самые общие законы проявляются так или иначе в любой области бытия. На этом уровне и в развитии индивида, и в развитии общества действуют законы единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, отрицания отрицания и т. д. Но из этого еще вовсе не вытекает, что в развитии индивида хотя бы в сжатом виде повторяется история общества.

Когда говорится о таком повторении (или воспроизведении), то имеются в виду довольно неопределенные ступени развития как общества, так и индивида. Что именно и в чем воспроизводится — остается неясным. Вряд ли можно получить подтверждение идеи рекапитуляции при сопоставлении, например, способа производства на разных последовательных ступенях истории общества и основных видов деятельности и общения на разных ступенях развития индивида. Говорят, что здесь имеется в виду прежде всего духовная культура. А в этом случае — что и в чем воспроизводится? Культура первобытных народов в детских играх или черты фанатизма христианской культуры в субъективных отношениях подростка, как думал Штерн?

Подобные вопросы не снимаются и концепцией, утверждающей, что история культуры воспроизводится в логике ее усвоения индивидом. В целом подход к психическому развитию индивида с позиции идеи рекапитуляции вряд ли открывает перспективу для понимания его законов.

Когда исследуются история общества (или ее определенные стороны) и психическое развитие индивида, то в периодизации того или другого реализуются разные принципы. И это соответствует действительности, поскольку и в этом и в другом случаях действуют разные, хотя, несомненно, и взаимосвязанные системы детерминации. Здесь возникает общий вопрос: в какой мере развитие элемента воспроизводит развитие системы, которой он принадлежит, в целом. Можно думать, что по отношению к разным системам и разным их элементам различны будут и ответы на этот вопрос.

Что касается возможностей применения принципа рекапитуляции к изучению взаимосвязей общества и индивида, то здесь воз-

никают очень большие сомнения. Неясно главное: чем диктуется необходимость того, чтобы индивид повторял (в сколь угодно сжатом виде) историю общества. То, что вновь родившийся индивид не сразу достигает уровня культуры, на котором в данный период развития находится общество, — это несомненно. Но почему достижение этого уровня требует прохождения через все предшествующие?

Каждое поколение людей застаёт общество на определенной ступени его развития и включается в ту систему общественных отношений, которая на этой ступени уже сложилась¹⁴. Ему не нужно повторять хотя бы и в редуцированном, свернутом виде всю предшествующую историю¹⁵. Кроме того, включаясь в систему сложившихся (и развивающихся) общественных отношений, каждый индивид приобретает и усваивает в этой системе определенные функции, определенную общественную позицию (конечно, изменяющуюся в течение его жизни), которые не идентичны функциям и позициям других индивидов, хотя и могут быть в каких-то отношениях сходными. В своем культурном развитии он начинает с овладения культурой своего времени (культуры той общности, которой он принадлежит). Все предшествующие ее ступени индивид осваивает (если имеет для этого возможность) с позиции современной ему культуры. Из этого вытекает, что законы развития общества и законы развития личности (индивида) в этом обществе не могут и не должны повторять друг друга. Развитие индивида подчиняется особому порядку законов. И тем не менее законы развития общества опосредствованно так или иначе проявляются и на индивидуальном уровне общественного бытия человека. По-видимому, связи индивида и общества в развитии по-разному складываются на разных исторических ступенях.

Принцип рекапитуляции вряд ли может помочь решить одну из наиболее сложных научных задач — **периодизацию психического развития человеческого индивида**.

В психологии ведется немало дискуссий о детерминации этого развития, но, пожалуй, все сходятся в одном: психическое развитие не является монотонным процессом, оно складывается из целого ряда более или менее длительных периодов, или стадий, или сту-

¹⁴ Напомним в этой связи «Немецкую идеологию» Маркса и Энгельса. Они писали, что каждое поколение «застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в которой люди творят обстоятельства» [2, с. 37].

¹⁵ Хотя, естественно, знание каждой личностью истории своего народа, истории общества, в котором она живет, и в целом человечества является необходимым условием ее гражданской зрелости.

пеней (Ананьев [41], Анцыферова [384], Божович [94], Запорожец [173], Люблинская [307], Эльконин [535] и др.).

Эти периоды, конечно определяются характером жизнедеятельности индивида. Переходы между ними не имеют жестких границ¹⁶. Они весьма многообразны и по-разному происходят у разных индивидов. Но тем не менее выделение в психологическом развитии индивида определенных периодов имеет объективное основание. Для каждого из них характерна некоторая ведущая устойчивая тенденция, обуславливающая его качественное своеобразие.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в роли основания периодизации часто берется ведущий тип деятельности. Мы пытались показать, что не меньшее значение имеет также ведущая система общения. Но и то и другое раскрывают лишь одну сторону детерминации — социальную. Природные (прежде всего биологические) свойства индивида при этом остаются в тени.

Между тем первый очевидный факт, с которого начинается жизнь человека, состоит в том, что он рождается как биологическое существо и вполне биологическим способом. Но это — человеческое биологическое существо. Его организм — это человеческий организм, а его мозг — человеческий мозг. При этом индивид рождается биологически, а тем более социально незрелым; созревание и развитие его организма с самого начала протекает в социальных условиях, что неизбежно накладывает сильный отпечаток на этот процесс. Законы созревания и развития человеческого организма проявляются специфическим образом — иным по сравнению с животными. Это обнаруживается даже при поверхностном сравнении, например, пищевого поведения у новорожденного человека и у новорожденного животного. Человеческое дитя рождается с такими механизмами поведения, направленного на удовлетворение витальных потребностей, которые «рассчитаны» на человеческий способ ухода за ним¹⁷. Если проследить пищевое поведение у него и у животного в развитии от рождения до зрелости и далее, то вряд ли возникнут хоть какие-либо сомнения в том, что это развитие у человека опосредствуется социально.

Но дело здесь не просто в сравнении и отдельных примерах. Задача состоит в том, чтобы вскрыть законы биологического развития человеческого индивида и специфику их действия в условиях его жизни в обществе. Для психологии особенно важно выявить взаимоотношения этих законов с законами психического развития индивида¹⁸.

¹⁶ В этой связи уместно напомнить замечание Ленина, который писал, что «все вообще грани в природе и в обществе условны и подвижны, относительны, а не абсолютны» [23а, с 143].

¹⁷ В отличие от новорожденного животного, которое находит свою среду «готовой», для человеческого дитя создается взрослыми специальная, искусственная, среда. В обществе сформировалась особая система способов и средств создания такой среды для ребенка, которая была бы адекватна возрасту и обеспечивала его биологическое и психическое развитие.

¹⁸ Биологическое развитие индивида является исходной предпосылкой его психического развития. Если, например, не образуются определенные физиоло-

гические механизмы, необходимые для определенного психического процесса, то и сам этот процесс не возникает, либо протекает в аномальной форме. Но эти предпосылки реализуются в социальных действиях индивида. Вместе с тем важно исследовать, как в ходе развития психики (овладение социальными способами удовлетворения биологических потребностей, произвольное управление своим поведением и т. д.) изменяются условия развития и биологических свойств индивида как биологические механизмы становятся механизмами, «отрегулированными» социальными способами.

Человеческий организм появляется на свет, обладая уже довольно богатой системой свойств и механизмов, дающей ему позднее возможность овладеть прямохождением, координированными движениями рук и ног, членораздельной речью и т. п. В пренатальной стадии развития, а также в первые дни и недели постнатальной у него созревают генетически закрепленные механизмы адаптации сенсорных систем к внешним воздействиям и выполнения ими своих функций. Есть основания считать, что, например, в зрительной системе генетически закреплены механизмы различения контрастов и движущихся объектов, аккомодации, основных типов движения глаз, а также вестибуло-окулодвигательных реакций и многое другое, сложившееся в процессе биологической эволюции (Митькин с сотр. [330])¹⁹.

Вся генетически закрепленная система свойств и механизмов является общей исходной предпосылкой дальнейшего развития индивида, обеспечивает универсальную его готовность к развитию, в том числе и к психическому.

Было бы, однако, наивно представлять себе дело так, что биологические свойства и механизмы имеют какое-то значение только в начальный период психического развития, а затем оно утрачивается. Развитие организма происходит на протяжении всей жизни индивида, т. е. всегда эти свойства и механизмы выполняют роль общей предпосылки психического развития: биологическая детерминанта действует в течение всей жизни индивида, конечно, в разные периоды эта роль различна. Однако, какой бы период психического развития ни изучался, нельзя забывать о его подготовке в плане физиологического (биологического в целом) обеспечения: общих и специальных предпосылок, определенного уровня развития организма — его зрелости, необходимой для данного периода.

гические механизмы, необходимые для определенного психического процесса, то и сам этот процесс не возникает, либо протекает в аномальной форме. Но эти предпосылки реализуются в социальных действиях индивида. Вместе с тем важно исследовать, как в ходе развития психики (овладение социальными способами удовлетворения биологических потребностей, произвольное управление своим поведением и т. д.) изменяются условия развития и биологических свойств индивида как биологические механизмы становятся механизмами, «отрегулированными» социальными способами.

¹⁹ Конечно, этими механизмами не исчерпывается физиологическое обеспечение сенсорно-перцептивного процесса как начального уровня психического отражения. Но без них он был бы просто невозможен.

плаче говоря, анализ процесса развития психики предпологает и изучение развития ее материального субстрата.

В процессе индивидуального развития происходит перестройка физиологических механизмов. Так, изменение рефлекторной деятельности в первые месяцы жизни связаны с созреванием коры, которая начинает все более контролировать реакции ребенка; в этой связи ряд рефлексов подавляется, «перекрывается» (рефлексы Моро, Бабинского, которые вновь могут появиться при некоторых нарушениях мозга).

В психологии сейчас накоплено немало данных, раскрывающих особенности ощущений, восприятия, памяти, мышления и т. д. в разные периоды развития индивида. Показано, что эти психические процессы развиваются в его деятельности и его общении с другими людьми. Однако их связи с развитием нервной системы человека и его организма в целом исследованы пока еще недостаточно. Между тем без изучения того, как изменяется биологическое обеспечение развивающихся психических процессов трудно выявить законы, управляющие психическим развитием человека²⁰. Не изучая биологическое развитие организма (в первую очередь мозга), трудно понять и действительные законы психических процессов. Речь здесь идет о развитии той самой высокоорганизованной материи, свойством которой является психика. Понятно, конечно, что субстрат психики развивается не сам по себе, а в процессе реальной жизнедеятельности индивида, важнейшей составляющей которой является овладение исторически сложившимися способами деятельности и общения, знаниями, навыками и т. д.

Нужно отметить, что связи психических процессов и их биологического обеспечения неоднозначны. Обнаруживаемые в разные периоды развития индивида различия в психических процессах далеко не всегда позволяют делать вывод о том, что и их биологическое обеспечение различно. На самом деле может оказаться, что они обусловлены какими-то другими обстоятельствами, а механизм обеспечения остался тем же самым. С другой стороны, из выявленного их сходства вовсе не следует тождество их биологического обеспечения²¹. Неоднозначность связей психического и биологиче-

²⁰ В связи с проблемой развития психики и ее биологического обеспечения представляется важным сделать несколько общих замечаний. Во-первых, когда речь заходит об этой проблеме, то часто ее сводят только к проблеме «мозга и психики». И хотя безусловно, что именно мозг является органом психики, биологическое обеспечение не сводится только к мозговым процессам; оно включает так или иначе всю систему процессов в организме. Значит, и речь должна идти о развитии организма в целом, всех его подсистем. Во-вторых, разработка этой проблемы предполагает исследование не только физиологических процессов, которые часто характеризуются показателями их электрических проявлений, но и процессов биохимических. В третьих, для понимания законов развития психики индивида и его биологического обеспечения недостаточно исследовать только ранние стадии (детский, подростковый и юношеский возрасты). Необходимо иметь картину развития индивида от рождения до старости [39].

²¹ Знакомясь с русским переводом «Капитала», Маркс особо отметил в предис-

ского, на чем особенно настаивал Мерлин [319], создает, конечно, очень большие трудности для их исследования. Здесь требуется не только раскрыть общую тенденцию, но и выявить возможные вариации, показав при этом их закономерный характер.

Задача периодизации психического развития индивида неизбежно приводит к проблеме возраста. Нередко эту проблему относят только к биологическим характеристикам развития. Между тем она имеет более широкое значение, охватывая также и другие. Как справедливо отмечает Т. В. Карсаевская, возраст — временной аспект индивидуального развития человека — может быть понят только как «системный феномен, корни которого уходят в биологию, а его сущность определяется уровнем социального развития» [201, с. 750].

Временные отрезки человеческой жизни характеризуются широким спектром понятий: «возраст», «эпоха», «период», «ступень», «стадия», «фаза» и т. д. Каждое из них, конечно, раскрывает некое особое измерение диахронической структуры процесса развития человека. Однако необходимой научной строгости в использовании этих понятий нет. Они не упорядочены и употребляются достаточно произвольно (в том числе и в данной книге)²². Сейчас настало время специальной проработки понятийного аппарата, относящегося к временным отрезкам жизни человека. Здесь особенно важно четко специфицировать понятия, связанные с разной степенью (или относящиеся к разным уровням) дробности анализа. Необходимость детализации временных отрезков жизни индивида, выделения макро-, мезо- и микроинтервалов отмечается многими исследователями (Ананьев [41], Эльконин [535] и др.). Но дело, конечно, не только в длительности выделяемых временных отрезков. Для психологического исследования важно содержание жизнедеятельности индивида в каждом временном интервале.

Не обсуждая далее проблему психического развития индивида и его периодизации (это потребовало бы специальной книги), отметим только его наиболее общие закономерности.

Во-первых, этот процесс характеризуется неравномерностью и гетерохронностью; различные психические функции, свойства и образования развиваются не синхронно. С этим связаны сенситивные периоды, отмечаемые во многих исследованиях (Ананьев [39], Валлон [108], Выготский [129], Лейтес [384], Ушинский [490] и др.).

Во-вторых, процесс психического развития является процессом кумулятивным; в его ходе результат развития каждой предшествующей стадии включается в последующую, трансформируясь при этом определенным образом. Именно такое накопление изменений,

словами переводчика и редактора И. И. Кауфмана мысль о том, что одно и то же явление подчиняется совершенно различным законам [8, с. 21].

²² Отметим, что и процесс развития индивида в целом характеризуется различными понятиями, соотношения которых не всегда определяются точно. В психологии часто используется понятие «онтогенез». Нужно иметь в виду, что это понятие сложилось в биологии и имеет вполне определенное значение; когда оно применяется в психологии, то это значение несколько изменяется.

осуществляемое как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях, и подготавливает качественные изменения в психическом развитии.

В-третьих, психическое развитие включает две противоречивые и вместе с тем взаимосвязанные, несуществующие друг без друга тенденции: **дифференциацию и интеграцию** психических процессов, состояний и свойств.

В-четвертых, в процессе развития происходит **смена его детерминант**, связанная, в частности, с изменением взаимосвязей социальных и биологических детерминант.

Исследуя развитие индивида, психология, конечно, не ограничивается анализом только отдельных психических функций и состояний. Ее прежде всего интересует формирование и развитие личности человека. В этой связи проблема соотношений биологического и социального выступает преимущественно как проблема «организм и личность». Одно из этих понятий сформировалось в контексте биологических, другое — социальных наук, но и то и другое относится к индивиду как представителю вида «человек разумный» и как члену общества. Вместе с тем в каждом из этих понятий фиксируются разные системы свойств человека: в понятии «организм» — структура человеческого индивида как биологической системы, в понятии «личность» — его включенность в жизнь общества.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, раскрывая процесс формирования и развития личности, советская психология исходит из марксистского положения о личности как социальном качестве индивида. Вне общества это качество индивида не существует, а потому вне анализа отношений «индивид — общество» не может быть и понято²³.

Как отмечалось в предшествующей главе, объективным основанием личностных свойств индивида является система общественных отношений, в которой он живет и развивается.

Вряд ли есть какие-либо эмпирические точно установленные данные, которые давали бы повод искать базис системообразующего свойства личности — ее направленности — в биологических качествах индивида. Однако можно достаточно определенно (и для

---

²³ Сколь детально ни изучались бы биологические свойства человека — его анатомия, физиология, процесс развития человеческого организма — из всей совокупности накапливаемых в этих областях знаний свойства личности вывести не удастся. Здесь можно было бы воспользоваться некоторой аналогией с понятием стоимости товара «В стоимость,— писал Маркс,— не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость остается неуловимым. Если мы припомним, что товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, что их стоимость имеет поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении товара к другому» [8, с. 56]

Подобно этому, как бы детально мы ни анализировали организм человека, его свойства как личности остаются неуловимыми. Они могут быть раскрыты только тогда, когда человек рассматривается в системе общественных отношений.

этого есть аргументы) полагать, что биологические качества проявляются в энергетических и динамических характеристиках поведения личности, вернее, они обеспечивают данные характеристики. В частности, это находит свое выражение в некоторых измерениях ее субъективных отношений. Конечно, к кому (или к чему) и как будет субъективно относиться личность, определяется ее социальным бытием. В модальности, широте, доминантности, обобщенности, принципиальности и тем более степени сознательности субъективно-личностных отношений вряд ли можно найти какие бы то ни было признаки проявления (во всяком случае непосредственного) биологических качеств индивида. Но эти качества накладывают значительный отпечаток на интенсивность и эмоциональность отношений личности, а возможно также на их устойчивость.

Весьма сомнительно предполагать влияние биологических качеств индивида на его жизненные цели и структуру мотивационной сферы, особенно на те мотивы, в которых отражаются общественные потребности²⁴. Вместе с тем изучение этих качеств имеет существенное значение для разработки проблемы индивидуальных потребностей.

Эта проблема уже не раз затрагивалась в данной книге. При рассмотрении психического отражения отмечалось значение потребностей в определении его специфики (субъективного характера). В связи с анализом деятельности речь шла главным образом об общественных потребностях и их детерминирующей роли в историческом развитии деятельности.

Рассматривая структуру индивидуальной деятельности, общение и личность, мы также касались этой проблемы, но уже более в плане потребностей индивида. Была предпринята попытка выделить основные виды индивидуальных потребностей.

Сейчас приходится снова вернуться к этой проблеме, но в новом аспекте: соотношения биологического и социального в детерминации поведения и психического развития индивида²⁵.

Отметим, что иногда материальные потребности отождествляются с биологическими, а духовные — с социальными. Здесь смешиваются два разных плана их рассмотрения. Конечно, биологические потребности материальны, но у человека они вместе с тем и социально опосредствованы: в то же время социальные потребности не исчерпываются духовными, они включают также потребности материальные.

Изучая индивидуальные потребности, психология сталкивается с двуединой задачей. Она должна, с одной стороны, выявить социальную обусловленность индивидуальной потребности; с дру-

---

²⁴ Конечно, при определенных обстоятельствах возможно такое ненормальное развитие личности, при котором ее доминирующим мотивом и даже жизненной целью становится удовлетворение биологических потребностей. Но изучение подобных случаев требует анализа социальных условий развития личности.

²⁵ Тот факт, что проблема потребностей возникла в связи с рассмотрением разных базовых категорий психологической науки, лишней раз подчеркивает ее многоаспектность, а соответственно многомерность и многоуровневый характер самих потребностей.

той, — понять, с какими свойствами организма и протекающими в нем процессами и как эта потребность связана (каков ее «материальный механизм»).

Проблема человеческих потребностей имеет самое прямое отношение к изучению детерминации поведения человека. Объяснить, почему тот или иной индивид ведет себя так, а не иначе, раскрыть «пружины» его поведения, выявить закономерности развития потребностей в процессе жизни индивида (от элементарных, биологических в своей основе потребностей новорожденного до сложнейшей системы материальных и духовных потребностей зрелого человека) — ключевая задача психологической науки как в плане теоретическом, так и тем более в практическом.

Подчеркивая значение потребностей в развитии человека, Маркс писал: «С первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время как он производит» [8, с. 179].

Потребности человека в веществе, энергии и информации выступают как объективная необходимость: без их удовлетворения невозможно развитие человека и сама его жизнь.

В психологии довольно много велось (и до сих пор ведется) дискуссий по вопросу о том, определяется ли поведение человека внешними воздействиями или некоторыми «внутренними силами». Первая точка зрения (т. е. объяснение поведения как определенной системы ответов на внешние воздействия) характерна для бихевиористских, реактологических и других подобных направлений, вторая — для фрейдизма, гуманистской психологии и некоторых других. По существу обе точки зрения являются выражением метафизического подхода.

Согласно принципам материалистической диалектики в детерминации поведения человека внешние воздействия опосредствуются внутренними условиями. Конечный эффект можно понять, только рассмотрев внешние воздействия в их связи с внутренними условиями. В потребностях это единство внешнего и внутреннего проявляется весьма отчетливо. Потребность характеризуется как некоторое внутреннее состояние: состояние того, кто эту потребность испытывает; но она всегда есть потребность в чем-то: объект потребности находится вовне.

В толковании мотивов и потребностей в западной психологии длительное время превалировал биологизаторский подход. Так, известный психолог Мак-Дауголл в своей книге «Социальная психология», вышедшей еще в 1908 г., утверждал, что мышление и поведение человека определяется инстинктами, инстинктивными диспозициями. Он выделяет следующие инстинкты: удивления, драчливости, самоунижения (self-abasement), самоутверждения, воспроизводства, стадности, приобретения, конструирования. С его точки зрения, комбинация перечисленных инстинктов и определяет социальное поведение человека. Последователи Мак-Дауголла дополнили этот список такими человеческими инстинктами, как соперничество (конкуренция), скрытность, сдержанность, имитация, ревность и т. д. Каждая форма поведения объяснялась особым инстинктом (или естественной потребностью), якобы лежащим в ее основе. Однако объяснить какую-либо форму поведения тем, что у человека имеется соответствующий инстинкт, — значит ничего не объяснить. Биологизаторская линия в толковании челове-

ских потребностей и мотивации поведения в целом оказалась несостоятельной.

В последнее время, как отмечалось в предшествующей главе, на объяснение специфики человеческих потребностей претендует гуманистская психология. Выступая против биологизаторства, она пытается выявить иерархию человеческих потребностей — от физиологических до высших, духовных. Однако законы развития этой иерархии гуманистская психология ищет в спонтанном развитии индивида.

Между тем это, конечно, не спонтанный процесс. Он определяется сложной системой как внутренних, так и внешних детерминант.

Являясь интегральным свойством человека, потребности охватывают и биологические, и психические, и социальные его характеристики. Как справедливо отмечает В. Ф. Сержантов, разработка проблемы потребностей позволит «перекинуть „концептуальный мост“ от естественнонаучного знания к социологическим и психологическим концепциям» [436, с. 35]. В потребностях выражается и связь человеческого организма со средой, и связь человеческой личности с обществом.

Подчеркивание социальной детерминации потребностей индивида и их развития вовсе, конечно, не означает, что они не имеют своего физиологического (биологического) обеспечения, что они развиваются в отрыве от природных свойств человека.

Биологические качества индивида находят прямое выражение в биологических его потребностях — в «естественных», «жизненных», «физиологических потребностях», «потребностях необходимых с физиологической точки зрения» и т. п., как их называл Маркс.

Эти потребности проявляются с первого дня рождения индивида и властным образом определяют его (пока еще элементарное) поведение. Их объективным основанием является метаболизм органов и тканей организма, а их удовлетворение — необходимое условие его существования и развития. Так как метаболические процессы связаны с потреблением и выделением определенных продуктов, в организме всегда имеется тенденция к физиологическим сдвигам определенных гомеостатических показателей. Эти сдвиги отдельных показателей внутренней среды организма от уровня, обеспечивающего его нормальный метаболизм, и выступают в каждый данный момент как многомерная потребность организма (Судаков [462]).

Исследуя потребности, К. В. Судаков показал, что в каждый данный момент времени в этой многомерной потребности ведущим оказывается какое-либо одно измерение, наиболее важное для выживания именно в данный момент времени. Трансформация внутренней потребности в соответствующее системное возбуждение мозга является весьма ответственным звеном формирования целенаправленного поведения.

Потребность, связанная с процессами метаболизма, у каждого организма (и особенно у человеческого) имеет свою специфику, в чем находят свое выражение, в частности, его генотипные особенности. Так, Р. Уильямс отмечал, что «каждый индивидуальный организм со свойственной ему наследственной структурой имеет отличительные потребности в пищевых веществах, которые должны быть удовлетворены для обеспечения оптимального состояния данного организма. Реальность этого положения в указанной форме практически не может оспариваться» [482, с. 232].

Конечно, в процессе развития человека эти его потребности, имеющие циклический характер, не просто повторяются. Они развиваются и естественно преобразуются. Их характер у младенца, подростка, юноши, взрослого и старика различен.

При этом каждый вид потребности с развитием индивидуализируется все более и более, что находит свое выражение в особенностях вкусов и предпочтений индивида в отношении к тем веществам, которые он потребляет.

Детерминация, определяющая развитие биологических потребностей, имеет сложный характер. Она включает не только природные составляющие — биологические, климатические и географические факторы и условия. Существенное значение в их развитии имеют осваиваемые индивидом социальные, в том числе этические и эстетические нормы, культурные традиции, выполняемые им виды деятельности, особенности его воспитания и обучения и многое другое.

При определенных условиях возможны извращения в развитии биологических (или биогенных) потребностей, которые нередко приводят к заболеваниям (наркомания, алкоголизм, патологическое ожирение и др.). К этим заболеваниям, если они не наследственны, приводят обстоятельства социальной жизни индивида. Но далеко не всегда их лечение социальными методами (изменение условий жизни, психотерапия и др.) оказывается результативным. Часто наиболее эффективны другие (и радикальные) методы — изменение биохимических процессов организма, т. е. его природных механизмов. Иначе говоря, социогенная болезнь лечится путем вмешательства в природные механизмы потребностей.

Связь биологических (и вообще материальных) потребностей с природными свойствами человека не вызывает сомнения. Что же касается потребностей духовных, то эта связь здесь не столь очевидна. Данные потребности имеют выраженный классовый, национальный, профессиональный, т. е. социально обусловленный характер. Однако отсюда не следует, что они существуют вне человеческого организма. Монистический принцип в понимании человека должен быть последовательно реализован в изучении всей системы человеческих потребностей: и материальных и духовных. Конечно, вряд ли можно сейчас предложить для проблем, возникающих в этой области, некоторую универсальную формулировку, которая была бы одинаково справедливой для любого уровня и любого компонента системы потребностей.

В изучении человеческих потребностей психологию, естественно, прежде всего интересуют вопросы о том, на какой базе они формируются и развиваются; каким закономерностям подчиняется их развитие; каков их материальный субстрат, их физиологическое (биологическое) обеспечение; как эти потребности отражаются в сознании и как развивающееся сознание становится фактором развития потребностей; как на основе потребностей формируются мотивы, интересы, склонности, влечения человека и каким образом они осуществляют свою регулирующую функцию в поведении людей; наконец, каков механизм превращения потребностей, формирующихся в той или иной социальной общности, в мотивы поведения входящих в нее индивидов.

Исследование соотношений социального и биологического в психическом развитии индивида требует методов системного анализа.

Все сказанное как в этой, так и в предшествующих главах позволяет говорить о разных уровнях изучения потребностей. В. А. Ганзен и Л. А. Головей выделяют семь таких уровней: **генетический, морфологический, физиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический и социальный [135]**. В начало этого ряда следовало бы добавить: **биохимический**. Эти уровни не просто указывают порядок разных типов научного знания. В каждом из них отражаются определенные измерения (объективные характеристики) объекта исследований — человеческих потребностей.

При изучении индивидуальных потребностей в перечисленной системе уровней ведущим является психологический (вместе с примыкающими к нему психофизиологическим и социально-психологическим). Именно этот уровень может обеспечить синтез данных о потребностях индивида. Его разработка является необходимым условием создания целостной теории потребностей, органически связывающих биологическое (вообще природное) и социальное в их развитии.

Еще более остро проблема биологического и социального в связи с личностью возникает в исследовании человеческих **способностей**. В течение многих десятилетий ведутся очень острые дискуссии по вопросу о взаимоотношениях наследственности и среды в их развитии²⁶. Это и понятно, поскольку данный вопрос имеет не только академическое, но и политическое, идеологическое, этическое и вообще большое практическое значение. Он так или иначе затрагивает каждого человека.

Упрощенная механическая трактовка данных, получаемых в исследованиях способностей, линейное сопоставление фактов неизбежно приводят не только к неверным научным выводам, но и к сомнительным социальным рекомендациям. Недостаток знаний здесь нередко заполняется поверхностными спекуляциями, а зачастую политически реакционными, антигуманными и аморальными «концепциями».

В качестве примера можно привести так называемый дженсенизм (от имени его основателя — американского профессора А. Дженсена), который получил распространение в ряде западных стран. В своих работах «Наследственность и интеллект» [598], «Насколько мы можем поднять IQ и школьную успеваемость?» [597], «Генетика и воспитание» [596] Дженсен на основе некорректно проведенного исследования утверждает, что умственное развитие человека имеет границы, обусловленные его наследственной конституцией (генотипом). Внутри этих границ интеллект человека развивается, но выход за них невозможен. Эта концепция сразу же была взята на вооружение теми, кто заинтересован в расовой и национальной дискриминации, в ограничении уровня образования для

²⁶ Проблема способностей уже была затронута в предыдущей главе, но там она рассматривалась только в социальном и социально-психологическом планах. Сейчас речь о ней пойдет в аспекте соотношений социального и биологического. Отметим, что биологическое не сводится к генетическому, а социальное — к средовому. Отношения здесь более сложны; социальное, конечно, всегда только средовое (хотя эта характеристика, как отмечалось в предыдущих главах, не раскрывает его суть); биологическое включает не только генетическое, но и средовое.

определенных групп людей, т. е. использована в интересах утверждения господства одних классов, рас и наций над другими. Дженсен перевернул действительное отношение вещей: социальные ограничения, существующие в классовом обществе, он выдал за ограничения, накладываемые на умственное развитие человека якобы самой природой. Следует отметить, что в своих исследованиях он использовал тесты на интеллект, информативность которых в плане раскрытия действительного интеллектуального потенциала человека уже давно подвергается сомнению²⁷.

К сожалению, Дженсен не одинок в своих попытках использовать генетику в идеологических и политических целях. Крупный в своей специальной области английский генетик К. Дарлингтон в китах «Генетика и человек» [567], «Эволюция человека и общества» [566] пытается доказать, что биологические факторы определяют поведение как отдельных индивидов, так и больших групп людей: классов и рас. С его точки зрения, генетически детерминированы даже моральные качества людей.

В психологии сложились две диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о сущности и происхождении способностей человека.

Одна из них, берущая свое начало от Ч. Гальтона, утверждает, что **способности полностью определяются «генным снаряжением» индивида**. Процесс их развития рассматривается лишь как развертывание генетической программы. Такой точки зрения придерживается известный психолог Г. Айзенк.

Сравнивая показатели индекса интеллекта (знаменитый IQ) и индекса наследственности, он утверждает, что если, например, индекс наследственности равен 0,8, то это значит, что и интеллект человека на 80% определяется наследственностью [576]. Вообще надо сказать, что в западных странах довольно широко распространены исследования, в которых пытаются прямым образом сопоставлять показатели разного рода психологических тестов и показатели наследственности.

Но, к сожалению, исследователи очень часто неясно представляют себе ту систему психологических признаков, которая сопоставляется с генетическими признаками; поэтому их изыскания часто оказываются просто методически некорректными. В подобного рода работах чрезвычайно важны четкое определение изучаемых психологических свойств человека, выбор методов, позволяющих разделять эти свойства, и, наконец, ясное представление о генетических показателях. Если этого нет, получаемые результаты не позволяют делать какие-либо определенные выводы.

Как это ни странно (с точки зрения требований научного анализа), но в генетических исследованиях человека, связанных с психологией, преобладают такие, в которых пытаются выявить гене-

²⁷ Дженсен прямым образом переносит на интеллект человека положение о «норме реакции», характеризующей границы фенотипической изменчивости в рамках данного генотипа, представление о котором сформировалось при изучении животных. Но «норма реакции» даже животного определяет границы изменчивости не абсолютно, а в определенных условиях среды и в определенный момент времени [492, с. 219].

Так, Х. фон Браккен пишет: «Ни в коем случае нельзя при помощи тестов выявить весь интеллектуальный потенциал человека... если проблематично само суждение о качестве интеллектуального багажа человека на основании тестов, то не сомнительны ли тем более выводы о генетическом наследовании» [413, с. 33].

тическую обусловленность наиболее сложных и поэтому пока менее всего понятых форм психического интеллекта, свойств личности, познавательных способностей. Значительно менее исследуются относительно элементарные функции [Равич-Щербо [414]]. При этом, естественно, не раскрывается сложная система опосредствования между изучаемыми явлениями. Поверхностное сопоставление явлений выдается за раскрытие их сущности.

Позиция, объясняющая природу и развитие способностей человека полностью его генотипическими особенностями, не находит научного подтверждения и вызывает резкую критику со стороны не только психологов-марксистов, но и других прогрессивных психологов (см., например: [590]).

Еще более важно то, что специалисты в области генетики показывают несостоятельность биологизаторского подхода к проблеме способностей и других свойств человека. Так, Д. К.-Беляев подчеркивает: «Громадная пластичность мозга, тренируемость и обучаемость людей **исключают** (выделено мной. — Б. Л.) фатальное значение генетической программы» [72, с. 15].

Этот подход опровергается и самой жизнью: формирование все новых видов деятельности в наше время идет столь бурно, что если бы их выполнение требовало генетически закрепленных способностей, то вряд ли бы люди успевали ими овладеть; между тем люди этими новыми видами деятельности вполне успешно овладевают и творчески их развивают.

Но несостоятельна также и другая крайняя точка зрения, утверждающая, что **способности полностью определяются социальными условиями жизни** индивида и что генетическая программа не оказывает на их развитие никакого влияния. Путем целенаправленного воспитания и обучения у любого человека можно якобы сформировать любой комплекс способностей. По существу это — социологизаторская концепция.

Представления о природе способностей в марксистской психологии складывались в условиях борьбы с этими крайними (биологизаторской и социологизаторской) концепциями. Выработанная в этой борьбе позиция заключается в утверждении о том, что способности индивида формируются и развиваются в процессе его жизни в условиях общества (Теплов [474], Леонтьев [271], Лейтес [262], Кодым [602]). Однако предпосылки способностей, или задатки, являются генетически (более широко — биологически) обусловленными. Важно отметить при этом, что связи между задатками и способностями неоднозначны. На базе различных по структуре задатков могут сформироваться сходные способности, и, наоборот, на базе сходных задатков — различные способности. Таким образом, «генетическое снаряжение» индивида, являясь предпосылкой способностей, не определяет однозначно их развитие.

Важным для понимания связи задатков и способностей является вопрос о реализации генотипа в ходе индивидуального развития в определенной среде. Но для человека эта среда — прежде всего социальная, а способом его развития является деятельность и об-

шение (также по существу социальные). В них и реализуются задатки (как общие предпосылки), превращаясь в способности.

К сожалению, эта сформулированная в общем виде концепция не получила еще своей достаточно основательной разработки в конкретных психологических исследованиях.

Что такое задатки как предпосылка развития способностей? Какова их структура? Каковы механизмы реализации задатков в способностях? При каких условиях осуществляется эта реализация? Развиваются ли сами задатки в процессе жизни индивида? Все эти вопросы сейчас остро стоят перед психологической наукой. Их разработка требует контакта психологии с генетикой, прежде всего генетикой человека и генетикой поведения. Но эти области, к сожалению, не получили пока еще достаточного развития.

С другой стороны, возникает множество вопросов, относящихся к структуре способностей и закономерностям их развития в деятельности. Здесь также остается еще много неясного.

Говоря о предпосылках в развитии способностей человека, необходимо отметить, что генетическая организация каждого индивида в высшей степени специфична, уникальна. Если к этому добавить, что и его жизненный путь, а значит, процесс развития способностей также уникален, то становится ясным, насколько многообразны способности людей и пути их развития. Важно также иметь в виду, что конкретное выражение любой психологической (или психофизиологической) характеристики, даже если допустить, что она наследственна, всегда является результатом развития, которое подчиняется не только закономерностям генно-средового взаимодействия, но и собственно закономерностям психического и психофизиологического [413; 414]. Поэтому на разных этапах онтогенеза одна и та же функция может иметь неодинаковое отношение к генотипу [305; 332]. Из сказанного следуют, по крайней мере, два важных вывода. Во-первых, каждый человек обладает такой специфической системой качеств, которая позволяет ему овладеть многими видами деятельности; возможности любого человека всегда богаче, чем этого требует какой-либо определенный вид деятельности. Трудно (пожалуй, невозможно) найти такую деятельность, которая могла бы полностью «исчерпать» способности любого конкретного индивида. Полиморфизм задатков и формирующихся на их основе способностей создает большие возможности развития и компенсации тех или иных свойств. Во-вторых, из положения о том, что у разных людей те или иные способности формируются на разной генетической основе, а путь их развития у каждого человека специфичен, вытекает необходимость тщательного учета индивидуально-психологических свойств в работе с людьми, в их обучении и воспитании.

Уже отмечалось, что влияние генотипических особенностей человека на его психическое развитие опосредствуется сложнейшей системой связей и отношений. В реальной жизни индивида оно настолько перекрывается влиянием социальных условий жизни и его собственной деятельностью, что роль генотипических особеннос-

тей на поверхности почти не обнаруживается, оказываясь очень глубоко спрятанной. Это делает задачу исследования чрезвычайно трудной.

Не рассматривая всей системы связей, опосредствующих это влияние (поскольку пока она изучена еще слабо), отметим только одну из главных, на наш взгляд, линий этих связей, имеющих принципиальное значение для подхода к рассматриваемой проблеме.

Посредствующим звеном между генотипом и психологическими особенностями индивида являются его физиологические особенности, в частности, свойства нервной системы, которые, кстати, также существуют не сами по себе, а связаны с другими природными свойствами человека. Генотипические особенности могут влиять на поведение человека и на его психику лишь постольку, поскольку они влияют на нейрофизиологические процессы.

Реализуя эту идею, Равич-Щербо с сотрудниками провела несколько серий исследований, в которых был использован близнецовый метод. В результате, в частности, выявлена довольно жесткая генотипическая детерминированность индивидуальных особенностей основного ритма электроэнцефалограммы покоя — α -ритма; β -ритм является более пластичным; меньшим оказалось также влияние на левое полушарие (у правой) по сравнению с правым [325]. Амплитудные и временные параметры зрительных вызванных потенциалов находятся в разной зависимости от генотипных влияний [312]. Получен также целый ряд других данных, характеризующих нейрофизиологические особенности человека, а через них в какой-то мере и особенности психические [см подробнее: 424].

Интересны также данные, показавшие, что в произвольном внимании генетические влияния проявляются меньше, чем в произвольном [332], что индивидуальные особенности кратковременной образной памяти (зрительной, слуховой и тактильной) в большей степени генотипически обусловлены, чем словесно-логической [331].

В целом, по-видимому, можно предполагать, что чем более социально обусловлен тот или иной психический процесс (или свойство) и чем выше уровень его физиологического обеспечения, тем меньше проявляется его зависимость от генотипических особенностей индивида.

К рассматриваемому комплексу проблем примыкает также **проблема индивидуальности**. Нужно отметить, что в психологии довольно широко исследуются понятия «личность», «психологический склад личности», но гораздо меньшее внимание уделяется проблеме индивидуальности²⁸. Между тем, если личность — это преимущественно проблема общественных наук, имеющая, конечно, и психологические аспекты, то проблема индивидуальности, в первую очередь проблема психологии; имеются в виду дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология, основным вопросом которых, как отмечал Небылицын, является вопрос о том, чем каждый из нас отличается от других людей. Конечно, индивидуальность характеризуется не только ее психофизиологи-

²⁸ Эта проблема частично рассматривалась в предыдущей главе. Отмечалось, что индивидуальность характеризуется своеобразием свойств индивида и уникальностью его личности. Здесь речь пойдет о том аспекте проблемы, который связан с биологическими особенностями человека.

ческими свойствами, но также особенностями мотивационной сферы (и связанных с нею потребностей) и субъективно-личностными отношениями. В индивидуальности выражается своеобразие всего комплекса свойств конкретного человека: и индивидуальных (термин Ананьева [39]) и личностных.

Как отмечают генетики, для человека характерен «гигантский генетический полиморфизм». Развитие интеллектуальных, эмоциональных и других особенностей индивидуальности в своей биологической основе связано с полигенной наследственностью. Подчеркивается уникальность генотипических особенностей каждого человека [156]. Если к этому добавить, что и жизненный путь каждого человека в обществе специфичен, то значение проблемы индивидуальности становится особенно рельефным.

Социальное равенство, как неоднократно подчеркивал Ленин, не означает одинаковости людей по их физическим и духовным свойствам. Напротив, только при социальном равенстве создаются реальные условия всестороннего развития каждого человека и становления его уникальной личности, т. е. развития каждого человека как индивидуальности, и в этом состоит одно из существенных преимуществ социализма. Это — огромный резерв развития социалистического общества. Разработка проблемы индивидуальности могла бы многое дать для его реализации.

В психологии вопрос об индивидуальности изучался и изучается, пожалуй, более всего в связи с проблемой темперамента. Исходя из павловского учения, Теплов, а затем Небылицын и их сотрудники развили представления об основных свойствах нервной системы как природной основе темперамента.

Павлов, как известно, говорил о трех основных свойствах: силе, подвижности и уравновешенности. Работами школы Теплова — Небылицына выявлены такие свойства, как лабильность и динамичность, показано, что свойства нервной системы должны рассматриваться не вообще, а относительно процессов возбуждения и торможения. В этой связи сформировано представление о первичных и вторичных свойствах. К первичным относятся сила, лабильность, динамичность и подвижность по возбуждению и по торможению, а ко вторичным — уравновешенность по этим же показателям. Таким образом, можно говорить, по крайней мере, о двух порядках свойств нервной системы. Можно ожидать, что в дальнейшем будут выявлены свойства третьего и более высоких порядков и построена «пирамида свойств» человека. Что касается личностных свойств индивиду, то и здесь, видимо, можно говорить об их разных порядках.

Одна из задач психологии — разработать системное представление о свойствах индивидуальности, выявить их иерархию. В этой связи проблема взаимоотношения биологического и социального становится особенно острой и сложной, поскольку возникает необходимость рассмотреть их в многомерных координатах.

В последнее время все чаще в психике человека выделяют **содержательную и динамическую**, формальную стороны или измерения (Равич-Щербо [414], Русалов [424]). Хотя это деление и считают условным, как, впрочем, и любое дихотомическое деление, оно все же позволяет выявить некоторые важные аспекты психической реальности. Когда речь идет о содержательной стороне (мировоззрении, нравственных и этических ценностях, целях и идеалах, стремлениях и т. д.), то нет никаких оснований искать ее обуслов-

ленность природными свойствами человека. Напротив, есть все основания считать, что она определяется жизнью индивида в обществе, его движением в системе общественных отношений (см. шестую главу).

Вместе с тем можно предполагать, что динамические характеристики, проявляющиеся прежде всего во временных особенностях поведения (в темпе, ритме, скорости выполнения тех или иных операций), существенно связаны с биологическими свойствами человека. Проблема динамических (или психодинамических) характеристик индивидуальности систематически разрабатывается Русаловым. Опираясь на работы Ананьева, Анохина, Небылицына, Платонова, Теплова и других, он предложил концепцию типов организации природных свойств человека, составляющей природную основу индивидуальности²⁹.

На основе обобщения большого массива собственных и литературных данных Русалов показал, что динамические свойства индивидуальности, проявляющиеся в общих способностях³⁰, темпераменте и сенситивности, определяются устойчивой организацией природных свойств человека, в которой основное место принадлежит наследственному аппарату. Им предложена также гипотеза о структуре свойств нервной системы человека, включающей свойства — обще мозговые (системные), комплексные (свойства полушарий, речевых и двигательных систем и т. д.), и, наконец, элементарные (нейронные). Эта структура связана с общей организацией природных свойств человека. Влияние их организации сказывается на динамике психических процессов: на их скорости, темпе, длительности, интенсивности, активности и т. д. Но оно, конечно, не определяет содержания этих процессов.

В исследовании психофизиологического аспекта индивидуальности перспективна также идея Е. А. Климова об индивидуальном стиле деятельности, трактуемом как «индивидуально своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравновешивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» [211, с. 49]. Развивая эту идею, Е. П. Ильин показал, что взаимоотношения стиля деятельности и ее эффективности складываются по-разному. Он выделил три варианта таких взаимоотношений; в одном случае стиль выбирается, исходя из типологических особенностей нервной системы человека, вопреки требованиям деятельности; в другом — исходя из складывающейся ситуации и требований деятельности; в третьем — в стиле деятельности более или менее гармонично сочетая и типологические особенности и требования деятельности [192].

Как показали исследования Гуревича, психодинамические качества (свойства нервной системы) человека могут иметь отношение к профессиональной пригодности и овладению мастерством, особенно в тех случаях, когда профессия связана с воздействием стресс-факторов ([150], см. также: В. К. Сафонов, Г. Б. Суворов [430]).

²⁹ Поскольку такая организация характеризуется системой устойчивых свойств, Русалов называет ее общей конституцией человека, выделяя частные конституции: нейродинамическую, физиологическую, биохимическую, телесную, хромосомную

³⁰ Имеется в виду динамическая сторона способностей.

Проблема типологии в дифференциальной психофизиологии разрабатывается преимущественно в плане изучения так называемых общих свойств нервной системы. Почти не исследуются специально человеческие свойства — по показателям соотношения первой и второй сигнальных систем, хотя некоторое время назад в этой области проводилось немало исследований. Новый подход к специально человеческим свойствам нервной системы наметила Э. А. Голубева [143]. Применяв электрофизиологические методы, она нашла связь между общими свойствами и психологическими проявлениями специально человеческих свойств. При этом выяснилось, что такая связь обнаруживается по-разному, в зависимости от специализации полушарий по отношению к перво- и второсигнальным функциям.

В глобальном плане формирование и развитие личности можно рассматривать как процесс усвоения ею социальных программ наследования [157], сложившихся в данном обществе на данной исторической ступени. При этом нужно иметь в виду, что этот процесс направляется обществом и осуществляется при помощи специальных социальных институтов, в первую очередь системы образования и воспитания. Общество, по выражению Макаренко, проектирует личность.

Социальная программа, преломляясь в голове индивида, выступает как своеобразный план его жизнедеятельности. При развитии на основе только генетической программы этот план попросту не нужен. Напротив, в условиях общества он является жизненно необходимым, реально действующим фактором развития индивида.

Психологию интересует прежде всего то, каким образом социальная программа отражается и трансформируется в сознании конкретного индивида (точнее, формирует индивидуальное сознание); как она становится внутренним фактором развития личности. Иначе говоря, основной для психологии является проблема механизма «ассимиляции» индивидом социальных программ. Эта проблема достаточно сложна и многопланова. Один из ее аспектов — далеко не самый последний по значимости — относится к изучению психофизиологических основ усвоения индивидом социальной программы и ее трансформации в индивидуальную программу. Как отметил Дубинин, восприятие социальной программы происходит не независимо, а на основе ее воздействия на процессы развития особи с генетической программой. При этом важно иметь в виду, что каждый человек, имея уникальную генетическую организацию, обладает единственным в своем роде способом реагирования на социальные и физические влияния среды. «Разнообразие людей, уникальность каждого человека, по его генетической конституции, создают подчас сложные проблемы при его воспитании» [156, с. 28].

К сожалению, эти аспекты проблем воспитания, а следовательно, и проблем формирования личности, пока еще не стали предметом систематического исследования.

Формирование личности является по существу «стержнем» процесса психического развития индивида. В изучении этого процесса

психология достигла определенных успехов (как в общей теории, так и в решении прикладных задач). Но все же целостной картины развития индивида во всем многообразии его свойств пока еще нет. В этой области нередко распространяются дуалистические и плюралистические представления о человеке. Между тем процесс развития индивида — это единый процесс. Понятия «развитие личности», «развитие организма», «развитие психики» — это лишь научные абстракции, схватывающие разные стороны единого, но вместе с тем многокачественного в своих проявлениях процесса. Взаимное опосредствование биологического и социального выступает в этом процессе, пожалуй, в наиболее развернутой и полной форме. Оно осуществляется через систему психологических свойств человека³¹.

В изучении человеческого индивида совершенно непригодны схемы линейного детерминизма. Здесь, пожалуй, более чем где-либо требуется системный анализ детерминации, раскрывающий многообразные, многомерные и многоуровневые связи, охватывающие всю совокупность существенных условий и факторов этого развития. В конце концов задача психологии и состоит прежде всего в том, чтобы выявить закономерный порядок, «определяющий возникновение в процессе социального развития личности сложных образований индивидуальности и природных свойств индивида» [40, с. 109—110].

Детерминация развития индивида имеет системный характер и отличается высокой динамичностью. Она необходимо включает как социальные, так и биологические (вообще природные) детерминанты. Попытки представить ее как сумму двух параллельных или взаимосвязанных рядов — это очень грубое упрощение, искажающее суть дела. Неперспективны также попытки выяснения их относительных долей (например, в процентах, как это пытался делать Айзенк при определении вклада наследственного и средового в интеллект человека).

Биологизаторские концепции появляются не просто как следствие переоценки значения биологических детерминант, объявления их ведущими³². Они возникают тогда, когда все другие детерминанты не принимаются в расчет, либо сводятся к биологическим, т. е. при одностороннем подходе.

Относительно связей биологического и психического вряд ли целесообразно пытаться сформулировать некоторый универсальный принцип, справедливый для всех случаев. Эти связи многоплановы и многогранны. В одних измерениях и при одних определенных обстоятельствах биологическое выступает по отношению к психическому как его механизм (физиологическое обеспечение психических процессов), в других — как предпосылка, в третьих — как содержание психического отражения (например, ощущения

³¹ Конечно, это положение не является универсальным. Здесь оно относится к тому кругу проблем, которые касаются развития индивида (возможно, и некоторых социально-психологических процессов).

³² В некоторых особых обстоятельствах биологические детерминанты могут действительно стать ведущими в общей системной детерминации.

состояний организма), в четвертых — как **фактор**, влияющий на психические явления; в пятых — как **причина** отдельных актов поведения, в шестых — как **условие** возникновения психических явлений и т. д.

Еще более многообразны и многоплановы отношения психического к социальному (см. главы четвертую, пятую и шестую). Это создает, конечно, очень большие трудности в изучении триады «биологическое — психическое — социальное».

Соотношение социального и биологического в психике человека **многомерно, многоуровнево и динамично**. Оно определяется конкретными обстоятельствами психического развития индивида и по-разному складывается на разных ступенях этого развития и на разных его уровнях.

§ 3. Психологические аспекты проблемы антропогенеза

Проблема антропогенеза несомненно относится к числу наиболее сложных и многоплановых. Ее разработка требует объединенных усилий многих общественных и естественных наук.

Не обсуждая эту проблему в целом, хотелось бы обратить внимание на ее психологические аспекты. Они касаются в первую очередь возникновения и развития человеческой психики, и особенно сознания, в процессе эволюции человека и становления истории общества. Разработка проблемы антропогенеза так или иначе требует исследования взаимоотношений биологического (вообще природного) и социального, которые рассматриваются советской наукой в свете марксистского учения о различных формах движения материи. Согласно этому учению более высокие формы движения формируются на основе более низких, включая их в себя и определенным образом преобразуя. Социальная как более высокая форма складывается на основе биологической и включает последнюю, преобразуя ее соответственно своим законам. В ходе развития материи биологическое снимается (в диалектико-материалистическом понимании) социальным, но не заменяется и не устраняется. Оно начинает развиваться в новых условиях³³. Биологическое (вообще природное) развитие человека осуществляется общественным образом, что необходимо приводит к изменению его биологических качеств и формированию новых, социальных качеств.

Каким образом происходило снятие биологической формы движения материи вновь возникшей социальной? Как эта последняя подчинила себе биологическую и как стали действовать биологические законы в новых условиях? В силу каких причин на определенной ступени эволюции живых существ стал формироваться особый биологический вид *Homo sapiens* и возникло общество?

³³ Положение о снятии одних форм движения другими правомерно также и в отношении развития индивида. Хотя, разумеется, формирование одних форм движения на основе других и снятие последних первыми при рассмотрении в глобальном масштабе и в масштабе жизни индивида — это далеко не одно и то же

Все эти проблемы, являющиеся, конечно, фундаментальными для системы научного знания в целом, имеют и психологические аспекты.

В исследовании происхождения человеческой психики советская психологическая наука исходит из марксистской теории антропогенеза, основные положения которой состоят в следующем:

- 1) возникновение человека является закономерным результатом биологической эволюции;
- 2) процесс антропогенеза неразрывно связан — протекает в единстве — с процессом социогенеза;
- 3) решающая роль в процессе антропо- и социогенеза принадлежит труду.

Современная наука располагает немалым количеством данных, подтверждающих справедливость этих положений. Однако четкая конкретно-научная картина процесса антропогенеза пока еще не создана. Сейчас уже многое известно об отдельных сторонах и моментах этого процесса. Имеются представления о физических характеристиках австралопитека, питекантропа, неандертальца, кроманьонца³⁴ и некоторые предположения об их образе жизни. Благодаря блестящим работам М. Н. Герасимова удалось восстановить их внешний облик. Есть вполне обоснованные суждения об объемах их мозга. Анализ следов материальной культуры позволяет в какой-то мере теоретически восстановить те виды деятельности, которыми они занимались.

Данные, которыми располагает современная наука о предках человека и ранних ступенях его развития имеют, конечно, существенное значение для решения проблемы соотношения биологического и социального в антропогенезе.

Однако представляется, что воссоздать более или менее адекватную картину процесса антропогенеза невозможно без специального исследования того, как в этом процессе должны были изменяться и развиваться формы и уровни психического отражения, т. е. без разработки вопроса о психологических предпосылках антропогенеза.

Если человек — закономерный результат биологической эволюции, значит, важно рассмотреть ее в том плане, который раскрыл бы развитие этих предпосылок. В современной науке многое делается по линии изучения биологического, морфологического и физиологического аспектов эволюционного процесса. Однако в стороне остаются аспекты психологические — развитие в ходе биологической эволюции психологических предпосылок антропогенеза. Между тем без их изучения вряд ли можно раскрыть процесс антропогенеза достаточно полно. Чтобы раскрыть этот процесс, важно понять, как при переходе от биологической формы движения к социальной изменялись свойства организма и особенно мозга,

³⁴ Вопрос о том, представляют ли австралопитек, питекантроп и неандерталец последовательные ступени эволюции человека или ее тупиковые ответвления, до сих пор является дискуссионным.

в первую очередь свойство психического отражения. Значение психологических предпосылок и факторов процесса антропогенеза отмечается в антропологии. Так, Штейц подчеркивает, что в этом процессе психологические особенности стали играть значительно большую роль, чем физические признаки [655].

Как уже отмечалось, психическое отражение, возникнув в процессе эволюции, стало его важнейшим фактором. Нужно полагать, что этот фактор сыграл весьма существенную роль и в становлении человека. Его предок должен был обладать такими психологическими свойствами, которые могли бы выступить в роли исходных предпосылок (точнее, их компонента) формирования специфических особенностей вида «*Homo sapiens*».

Анализируя предпосылки антропогенеза, важно раскрыть процесс эволюционного развития не только биологических, но также и пожалуй, в первую очередь и психологических свойств.

Можно предполагать, что предки человека обладали особой организацией сенсорно-перцептивных процессов и представлений, а также памяти, элементами рассудочной деятельности, специфическими эмоциями, более высоким (по сравнению с другими животными) уровнем психической регуляции поведения. Вероятно, они владели и более богатой системой средств и способов взаимодействия друг с другом.

Вопрос о том, каков был уровень психического развития далеких предков человека, конечно, очень труден. Но он является одним из важнейших при изучении антропогенеза. К сожалению, наука еще не располагает достаточно строгими методами его решения. В какой-то мере недостаток наших знаний о поведении и уровне психического развития предков человека восполняется исследованиями современных человекообразных обезьян. Однако прямая проекция получаемых в этих исследованиях данных на давно закончившийся этап биологической эволюции вряд ли дает ключ к решению этого вопроса.

Считается, что общий предок человека и человекообразных обезьян жил около 12—14 млн. лет тому назад. Ясно, что из сопоставления поведения и психологии человека с поведением и психологией шимпанзе, гориллы, гиббона или орангутанга вряд ли можно прямым образом вывести представление о психическом развитии гоминид в процессе формирования человека. Здесь, по-видимому, требуются более сложные логические ходы.

Точно так же ограниченное значение имеет прямая проекция данных о жизни некоторых племен, живущих в наше время, но сильно отставших в своем историческом развитии, на начальные этапы развития человечества.

В решении вопроса о возникновении и развитии человеческой психики требуется разработка таких приемов и методов, которые позволили бы теоретически воссоздать поведение предков человека и первобытных людей.

Перспективными в этой связи представляются работы по реконструкции элементарных трудовых актов первобытного человека

на основе анализа сохранившихся орудий и продуктов его труда. В этом плане чрезвычайно интересны методы, разработанные крупным советским археологом С. А. Семеновым. Исследуя орудия палеолитического времени, он нашел способ, позволяющий восстанавливать последовательность двигательных актов при их изготовлении. Было показано, что с развитием орудий увеличиваются количество таких актов, а также требования к их точности, координации движений и соотношению выполняемых действий с конечной целью. Анализ воспроизведения этих действий, проведенный с участием психологов, позволил высказать ряд достаточно обоснованных предположений о развитии разделения и взаимодействия рук в процессе труда, дифференциации функций пальцев, зрительно-двигательных координации, о начальных моментах формирования осязания как специфически человеческого вида восприятия [435]. Данные Семенова позволяют косвенно также судить о развитии процессов антиципации. Для психологии представляется особенно интересным принцип самого метода, предложенного Семеновым. Суть его состоит в следующем: на основе анализа строения первобытных орудий труда воссоздается технология их изготовления, которая используется в роли основания модели самой трудовой деятельности; далее эта модель реализуется, имитируется в деятельности (современного человека), и наблюдения за ходом ее выполнения используются с целью ее психологического анализа.

Общая схема движения исследования здесь состоит в том, что сначала анализируются продукты человеческого труда, в покое свойства которых запечатлена деятельность, выполненная много веков тому назад; на основе такого анализа теоретически воссоздается (и практически проверяется) технология изготовления продукта и вместе с тем строение деятельности; наконец, по модели деятельности делаются суждения о тех психических процессах, которые должны были бы обеспечить ее организацию и выполнение. Таким образом, направление пути анализа может быть определено формулой: «продукт деятельности — реконструкция деятельности — реконструкция психики». Предложенный Семеновым метод, на наш взгляд, обладает большими эвристическими возможностями.

В плане использования моделирования в исследовании явлений давно прошедшего времени весьма интересна также работа американских ученых: лингвиста Ф. Либермана и специалиста по сравнительной анатомии Э. Крелина, восстановивших строение вокального тракта неандертальца по его анатомической модели и создавших при помощи ЭВМ модель речеподобных звуков, которые он мог произносить. На основании этого исследования они пришли к выводу, что неандерталец является тупиковым вариантом развития, так как, в частности, он не был способен производить определенные звуки, необходимые, как полагают исследователи, для развития речи.

Дальнейшее развитие методов реконструкции поведения первобытного человека и его предков требует, конечно, еще больших

усилий и может быть обеспечено только на пути комплексных исследований, объединяющих многие науки. Важная роль в таких исследованиях принадлежит психологии, которая должна прежде всего разработать методы оценки и критерии уровней психического развития, принципы анализа структуры поведения, особенно деятельности, и механизмов ее психической регуляции. Конечно, это может быть сделано только на основе добротной общей теории, раскрывающей суть функций психического отражения в поведении.

Исследование психологических аспектов антропогенеза играет важную роль также в конкретно-научной реализации положения о его единстве с процессами социогенеза. Особое значение в этой связи приобретает знание законов социально-психологических явлений.

Существенная функция в развитии общностей людей несомненно принадлежала общению, связанному с их совместной деятельностью. Это подчеркивается, в частности, Кликсом, предпринявшим весьма интересную попытку воссоздать процесс зарождения человеческого мышления [600]. Именно в совместной деятельности и общении складывались производственные, семейные, этические и все другие виды общественных отношений. В этом процессе формировались нормы и правила поведения, субъективные отношения между людьми, способы передачи накапливаемого опыта от поколения к поколению, коллективные представления, исходные человеческие формы подражания и внушения и т. д. Социальные институты — органы общества: первоначальная система обучения и воспитания, культовые действия, обряды и т. д. также рождались в этом процессе. В процессе общения формировались социальные программы наследования и способы их реализации в жизни людей.

Конечно, сейчас очень трудно представить образ жизни и особенности психики людей на начальных ступенях формирования человечества. Здесь часто приходится довольствоваться более или менее правдоподобными догадками. Но есть надежда, что по мере раскрытия общих объективных законов человеческой психики будет формироваться все более строгая база для теоретической реконструкции исходного этапа развития человека.

Биологизаторские направления при изучении психологических аспектов антропогенеза придерживаются подхода, в основе которого лежит тезис о том, что никаких качественных различий в поведении и психике животных и человека нет: различия между ними чисто количественные. Жизнь общества детерминируется точно теми же законами, что и жизнь в животном мире. Выводы, полученные при анализе эволюционного процесса этого мира, применяются без каких-либо трансформаций не только к человеческому организму, но и к его поведению и психике, а также к обществу в целом, включая социальные институты.

Этот подход особенно характерен для тех направлений в психологии, которые связаны с так называемым социал-дарвинизмом, утверждающим, что развитие общества так же управляется законом борьбы за существование и естественного отбора, как и разви-

тие животного мира, что поведение человека в обществе полностью детерминируется генетическими программами, что любые сообщества живых существ, в том числе и человеческое общество, стратифицированы по генетической силе и доминантности и являются следствием борьбы за существование. По мнению Дженсена, деятельность человека, как и поведение животных, имеет приспособительный характер: интеллектуальное, социальное и моральное приспособление человеческого существа в принципе ничем не отличается от приспособительного поведения животных. Основным положением в концепции поведения человека, предлагаемой Б. Скиннером, является тезис о случайном подкреплении, которое модифицирует поведение, но лишь в пределах «генного снаряжения» индивидов [650].

Применение биологических законов для объяснения процесса антропо- и социогенеза создает видимость объективности. На самом деле исследование здесь просто заменяется фразой³⁵. Прямой перенос законов, управляющих миром животных, на человеческое общество, не раскрывает, а затушевывает его действительные законы.

Основу жизни общества составляет не естественный отбор, не биологически определяемая борьба за существование и не генетические программы, а способ производства. Именно им в конечном счете детерминируется структура общества. В свою очередь, структура общества определяет жизнь и деятельность каждого его члена.

Разделение общества на классы является не результатом действия биологических законов, а обусловлено способом производства; функции индивида определяются не его «генным снаряжением», а тем положением, которое он занимает в системе общественных отношений.

Решающую роль в детерминации процесса антропогенеза сыграли не биологические, а исторические закономерности. Именно под их влиянием изменилась направленность самой биологической эволюции предков человека. Основные биологические законы раскрывают отношения «индивид (особь)—вид», «особь—популяция», «организм — среда». В процессе антропо- и социогенеза сформировалось и новое отношение «индивид •— общество» (конечно, при этом индивид остался представителем вида), изменилось также отношение человеческого индивида и вида ко всей остальной природе, возникло отношение «общество — природа»³⁶.

³⁵ «...Перенесение биологических понятий вообще,— писал Ленин,— в область общественных наук есть фраза. С „хорошими“ ли целями предпринимается такое перенесение, или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой» [24, с. 349].

³⁶ Разработка проблемы антропо- и социогенеза требует изучения не только организменного типа организации живого, но также популяционного, биоценологического и биосферного. Преобразующая деятельность общества, безусловно, должна была изменить не только организменный, но и другие типы. Иначе говоря: в связи с антропогенезом важно исследовать изменения всей системы организации живого.

В этом процессе сложился новый способ существования и развития: не приспособление к среде, а ее преобразование — ее приспособление к человеческим потребностям³⁷.

Однако, естественно, возникает вопрос: а что случилось с биологическими законами? Не прекратили ли они действовать?

Утверждение, что с возникновением человека и общества действие биологических законов полностью прекратилось, а их место заняли законы социальные, — это такое же упрощенчество и «фраза», как и биологизаторская позиция.

Возможность определить рубеж, разделяющий биологическую эволюцию и историческое развитие человека сомнительна. Действительная научная задача состоит в том, чтобы понять, каким образом под мощным все возрастающим влиянием законов развития общества трансформировались биологические законы. Как, например, изменились действие законов уравнивания организма и среды (единства организма и среды) в условиях общества, изменяющего в процессе производства природу для удовлетворения человеческих потребностей? Как преобразовались в условиях общественно-трудового способа существования человека законы изменчивости и наследственности? Какие произошли преобразования их действия в условиях общественно-трудового способа существования человека: какие признаки человека изменились в процессе антропогенеза? Как и в каком диапазоне? Как складывалась особая генетическая «социализированная» программа, отразившая необходимость сложного мозга, развитой руки, прямохождения, анатомических особенностей гортани и многое другое? Как возникал и развивался генетический полиморфизм?

Короче говоря, для понимания изменений соотношения биологического и социального в процессе антропогенеза необходимо исследовать не только формирование социальных законов, но и связанную с этим специфику законов биологических, вызванную объективным изменением их роли в развитии человека.

В процессе возникновения общества и законов его развития, а также обусловленного этим преобразования биологических законов происходили изменения психических свойств человека. Изменялись природные потребности индивида (и вида), складывались общественные потребности, а в этой связи формировались мотивы и цели поведения, зарождалась идеальная форма отражения действительности, связанная с качественно новым (по сравнению с животными) типом наследования — социальным.

В связи с формированием сознания происходили изменения основных функций психики: возникали понятийное мышление, производная регуляция поведения, средства и способы обмена результатами идеального отражения в общении.

Человек становился общественным субъектом познания, деятельности и общения. Поскольку его формирование осуществлялось

³⁷ Когда говорится о преобразующей деятельности человека, то имеется в виду не отдельный индивид, а общество. Индивид постольку участвует в этой деятельности, поскольку он включен в общество.

в процессе труда, преобразующего природу, активного по своему характеру, это неизбежно должно было сказаться и на психике. Возникли также специфически человеческие психические явления, такие, как творческое воображение, волевой акт, самосознание, моральные чувства и т. п. Исследование того, как именно все это происходило, является фундаментальной задачей психологической науки³⁸.

Положение о том, что труд создал человека, является в советской науке общепризнанным. Оно разделяется и рядом зарубежных ученых. Однако в конкретно-научном плане многие вопросы относительно роли труда в процессе антропогенеза остаются пока еще недостаточно разработанными.

В исследованиях психологов обычно отмечается, что человек в процессе взаимодействия с природой в отличие от животного изготавливает и использует орудия, что в деятельности человека представление будущего результата предшествует самой реальной деятельности и направляет ее, что в своей деятельности человек взаимодействует с другими людьми, координирует свои действия с их действиями.

Все это, конечно, верно. Однако, каждый из указанных признаков в какой-то элементарнейшей форме можно найти и у некоторых видов животных.

В психологии имеется немало исследований так называемых орудийных действий обезьян [204; 252]. Они показывают, что обезьяны (и не только человекообразные) могут использовать предметы в качестве своего рода орудий для добывания, например, пищи. Более того, они способны к элементарному «конструированию» таких орудий. К применению предметов в качестве орудий (точнее, подобий орудий) способны и другие животные, в том числе некоторые виды птиц.

Конечно, орудийные поведенческие акты животных только внешне сходны с орудийными действиями человека. У них эти акты выступают в контексте приспособительного поведения как момент активного приспособления к среде, но не образуют единой системы поведения.

Однако дело даже не в этом, а в том, что действительные орудия труда — это не просто некоторые предметы, опосредствующие взаимодействие организма со средой; это — элемент производительных сил общества и как таковой обладает специфическим системным качеством. В его конструкции зафиксирован способ действия, т. е. социальная программа. Овладевая орудием, индивид усваивает и эту программу, что неоднократно подчеркивалось Леонтьевым [271]. Это отмечается также Кликсом [600].

³⁸ Отметим, кстати, что невозможность вывести эти явления из процесса биологической эволюции часто ставила психологию в тупик; приводила либо к идеалистическому их объяснению, либо вообще к их отрицанию. И только с возникновением марксизма, раскрывшего объективные законы развития общества, появилась возможность их научного объяснения.

Можно полагать, что в связи с изготовлением и использованием орудий труда, фиксирующих общественно-накопленный опыт, сильное развитие получили пространственные представления и способность к подражанию. В свою очередь, это оказало влияние на развитие нагляднообразной памяти и тех психических процессов, которые обеспечивают перевод ее содержания в реальную деятельность: расширились также ассоциативные и комбинаторные возможности [600, с. 48].

Что касается представления о будущем результате действия, то нужно сказать, что акцептор результата действия является важнейшим элементом функциональной системы поведенческого акта любого (или почти любого) животного (Анохин). Главное не в том, что он есть, а в том, что у человека представление будущего результата трудового действия выступает как социальная по своему генезису цель деятельности.

В связи с этим в индивидуальной деятельности должны были возникать определенные «рассогласования» между образом — целью и результатами действий, преодоление которых объективно потребовало развития сложных систем умственных действий и операций.

У многих животных можно наблюдать и различные формы стадного, группового, т. е. совместного поведения³⁹; при этом они достигают иногда весьма высокой степени сложности. Как показывают исследования Н. А. Тих, у обезьян такое групповое поведение имеет довольно сложную организацию, включающую распределение функций, определенную систему подчинения и т. д. [476]. Однако объединение животных, их совместное поведение хотя и представляет собой весьма специфическую форму, все же имеет только приспособительный характер. В отличие от совместной деятельности людей оно не направляется целью, связанной с преобразованием природы, с производством.

Качественное своеобразие совместного поведения людей в процессе производственной деятельности необходимо должно было привести к возникновению и новых форм общения. Вместе с тем должна была измениться мотивация деятельности, а также структура всей системы психических процессов.

Наконец, элементарные формы коммуникации и использование в ней условных сигналов также свойственны многим видам животных. Но это еще не язык, как иногда пытаются утверждать. Язык возникает и развивается как общественное, а не биологическое явление⁴⁰. Он обладает специфическими системными качест-

вами, основания которых определяются жизнью общества. Усваивая человеческий язык, индивид приобщается к опыту, накопленному человечеством.

В целом, как уже отмечалось в четвертой главе, деятельность индивида является производной от преобразующей природу деятельности общества, дериватом последней. Поэтому и исследование психики человека требует анализа его деятельности в совокупности тех системных качеств, основаниями которых является жизнь общества. Непонимание специфики этих качеств в изучении общественных явлений и человеческой психики нередко приводит к выводам, вызывающим большие сомнения.

Примером здесь может служить книга известного американского психолога Н. Хомского «Язык и ум» [561].

Хомский справедливо выступает против концепции прямого поведения человеческого языка из «языка» животных и рассмотрения его как естественного, биологического явления. Однако далее он пытается объяснить язык, исходя не из объективных законов развития общества, а из умственных способностей человека. Такой психологизаторский подход в конце концов приводит его к признанию врожденных идей. Хомский утверждает, что человек рождается со знанием некоторой универсальной грамматики, используемой затем при овладении любым конкретным языком. Признание врожденных идей и постановка вопроса об изучении тех мозговых механизмов, которые якобы лежат в их основе, — это следствие непонимания объективного характера законов развития общества.

Попытка вывести свойства языка из сознания индивида или работы его мозга самих по себе неизбежно приводит к ложным выводам. Здесь действует механизм, аналогичный выявленному Марксом при анализе товарного и других форм фетишизма.

В процессе антропогенеза, как отмечает Клике, происходило выделение коммуникативных сигналов из врожденных форм поведения. Но это был лишь первый шаг. Вторым шагом явилась оптимизация этих сигналов, в результате которой они все более отделялись от исходной поведенческой основы: сигнал приобретал характер знака [600, с. 84]. Вместе с тем формировались речевое общение и понятийное мышление.

Изучение психологических, как, впрочем, и других проблем антропогенеза, предполагает разработку таких методов анализа, которые позволили бы рассматривать изучаемые явления в системе их объективных связей и раскрывать основания всего многообразия качеств, которыми они обладают, в первую очередь системных.

При рассмотрении психического развития индивида (второй параграф этой главы) высказывалось сомнение в возможности сформулировать некоторый универсальный принцип, определяющий

³⁹ Иногда эти формы называют «социальным поведением животных». Термин «социальное» в отношении животных неудачен, так как вносит ненужный момент антропоморфизма. Клике называет совместное (групповое) поведение животных «квазисоциальным» [600].

⁴⁰ Очень интересны исследования американских психологов по обучению человекообразных обезьян (в основном шимпанзе) пользованию знаковыми системами (проекты йеркского регионального центра по изучению приматов, Стэнфордского университета и др.). Эти исследования показывают, что обезьян

можно обучить определенным системам жестов, которые они достаточно правильно применяют в своем поведении. Они могут овладеть также системой визуальных знаков и усвоить связь этих знаков с обозначаемыми предметами и их свойствами. Утверждается, что обезьяны в состоянии создавать элементарные обобщения и абстракции, т. е. формировать понятия [589].

Эти исследования раскрывают большие умственные возможности обезьян, но все же системы жестов и знаков еще не представляют собой в подлинном смысле слова язык как средство общения, а также обобщения и фиксации результатов общественной практики.

соотношение биологического и социального. Еще более сомнительна эта возможность в области проблем антропогенеза. Здесь соотношения биологического, социального и психического во много раз более сложны, многоплановы и многогранны. По-видимому, на разных ступенях антропогенеза эти соотношения изменялись.

Анализируя работы Маркса, В. П. Кузьмин специально выделил те положения, которые показывают изменения соотношений естественной (природной) и общественно-исторической детерминации в развитии человечества. На его начальных ступенях преобладала естественная детерминация. На низших уровнях развития производительных сил человек (главная производительная сила) выступал как «субъект природы» [244, с. 47]. «В своих потребностях и образе жизни он продолжал оставаться во многом природным существом» [244, с. 126]. Коллектив, в котором он жил, первоначально также был «естественно возникшим», природным коллективом (семья, род, племя). Наконец, и производство выступало как «природное производство»; оно в основном состояло в собирании и добыче готовых продуктов природы. И только по мере развития общества происходил переход от системы с преобладанием преимущественно естественной детерминации к системам с преобладанием социально-исторической детерминации [244, с. 125—136]. Таким образом в процессе становления и развития общества изменялся характер самой детерминации. В этом процессе осуществлялось и развитие человеческих форм и уровней психического отражения.

Исследование психологических аспектов проблемы антропогенеза предполагает объединение психологии со многими естественными и общественными науками. Уже отмечалось, что связи психологии с нейрофизиологией и физиологией высшей нервной деятельности являются для отечественной науки традиционными. Но сейчас, на современном уровне развития психологии, этого недостаточно. При разработке многих проблем, в том числе и психологических аспектов проблемы антропогенеза, а также исторического развития психики, возникает необходимость ее связей с общей физиологией человека (а не только нейрофизиологией) и в то же время с другими естественными науками, в особенности с генетикой поведения и генетикой человека.

Что касается связей психологии с общественными науками, то дело здесь не ограничивается только социологией. Они распространяются на экономику, историю, археологию, этнографию и другие области обществоведения.

Исследование психологического аспекта антропогенеза предполагает также объединение собственно психологических дисциплин: по крайней мере, общей, социальной, исторической, этнической, сравнительной психологии, психологии труда, зоопсихологии и психофизиологии.

Иначе говоря, в связи с возникающим здесь кругом проблем требуются знания законов, относящихся ко-всем основным классам психологических феноменов: психики животных, психики человеческого индивида, социально-психологических явлений.

В данной книге обсуждались вопросы применения системного подхода в психологических исследованиях и развития общей теории психологии как целостной науки. Это потребовало обратиться к базовым категориям, на основе которых строится понятийный аппарат психологии, формируются теоретические представления о предмете, определяется область исследований, разрабатываются методы познания и решения практических задач.

Поскольку в советской психологии сейчас наиболее широко используются категории «отражение», «деятельность» и «личность», они и были рассмотрены в первую очередь. Однако в ходе исследования выяснилось, что перечисленные категории не раскрывают предмет психологии и область ее исследований достаточно полно и всесторонне. Пришлось обратиться к категории «общение», а также к понятиям «социальное» и «биологическое», близким по уровню обобщенности и абстрактности к категориям. Проведенный анализ показал, что к числу базовых для психологии относится также марксистская категория «общественные отношения». Она имеет особенно большое значение для анализа психологических свойств личности и социально-психических явлений.

Вообще нужно сказать, что современный этап развития психологической науки настоятельно требует переосмысления ее категориального и в целом понятийного аппарата. Это касается прежде всего базовых категорий и общих (основных) понятий. Представляется неоправданным исключение некоторых общих понятий, в свое время широко используемых в психологии, из круга основных. В такое положение попало, например, понятие «поведение». Когда-то оно занимало в психологической науке центральное место, более того — выступало как универсальное и всеобъемлющее. Позднее в ходе резкой (и справедливой) критики бихевиоризма это понятие исчезло из психологии. В тех редких случаях, когда оно все же используется, его содержание трактуется либо очень узко, либо слишком широко и поэтому оказывается расплывчатым. Здесь типично тот самый случай, о котором говорят, что «вместе с водой выплеснули и ребенка». Сейчас наступила пора восстановить в правах это емкое и конструктивное понятие, разумеется, отделив его от того толкования, которое давалось бихевиоризмом. Конечно, это потребует большой теоретической работы, направленной на определение места «поведения» в системе других основных по-

нятий психологической науки, сферы его действия, взаимоотношения с другими понятиями и т. д.¹

Отметим, что в психологии существуют разные точки зрения по вопросу о взаимоотношениях «поведения» и «деятельности». Одни считают, что первое является родовым по отношению ко второму; другие — что первое относится только к животным, а второе — только к человеку; третьи рассматривают поведение как одну из «проекции» деятельности. На наш взгляд, по уровню обобщенности и абстрактности понятие «поведение» вполне может быть отнесено к базовым категориям психологии или во всяком случае к ее основным понятиям.

Одно из главных требований к категориальному аппарату науки — это его достаточность и полнота. Аппарат должен включать такую совокупность категорий, которая могла бы раскрыть предмет науки во всех основных отношениях и определить область исследований. Думается, что в психологии это требование еще не выполнено; здесь предстоит дальнейшая теоретическая работа.

Любая категория, обладая всеобщностью, позволяет рассматривать большое множество явлений, но лишь в одном определенном аспекте, раскрывает свойства одного порядка. Проведенное исследование показало, какой именно «срез» изучаемого объекта дает каждая из категорий и какова сфера ее действия.

Конечно, изучение ограниченного круга явлений допускает возможность использования только одной категории. Более того, на определенной ступени познания — при переходе от конкретного эмпирического знания к абстрактному — это не только возможно, но и необходимо. Однако важно понимать, что при этом изучаемое явление изолируется, «вырывается» из системы всеобщих взаимосвязей.

Если же возникает задача понять место изолированно изученного явления в его взаимосвязях с другими, мы вынуждены использовать совокупность категорий. Процесс восхождения познания от абстрактного к конкретному неизбежно включает систему категорий. Необходимость использования такой системы обнаруживается в полной мере тогда, когда речь идет о взаимосвязях различных классов (или видов) явлений. Так, возможно в каких-то границах исследовать познавательные процессы, опираясь только на категорию отражения (хотя, впрочем, для их понимания требуются и другие категории). Но при переходе к изучению эмоциональных и волевых процессов обнаруживается, что одной только этой категории недостаточно; возникает необходимость обратиться также к категориям деятельности, общения и личности (хотя при этом категория отражения не теряет своего значения).

Попытки рассматривать все виды (и разновидности) психических явлений через призму единственной категории неизбежно ведут

¹ В этой связи интересны идеи Узнадзе, который попытался классифицировать формы поведения человека. Он относил к ним потребление, развлечение, игру, обслуживание и некоторые другие формы жизнедеятельности человека [481, с. 366-424].

(хочет Юго исследователь или нет) к смазыванию различий между ними; закрывается возможность исследования их реальных взаимосвязей и взаимопереходов.

В процессе теоретического анализа того или иного объекта неизбежно должны совершаться переходы от категории к категории. Благодаря этому осуществляются, с одной стороны, конкретизация проблем и спецификация объекта; с другой — возникают новые обобщения и новые абстракции. Только система базовых категорий и основных понятий дает возможность понять психические явления в том множестве внешних и внутренних связей и отношений, в которых они реально существуют. Система категорий позволяет в изучении того или иного объекта рассматривать его как бы с разных сторон. В процессе познания объекта при переходе от категории к категории каждый раз раскрываются новые свойства, что позволяет все более и более глубоко проникать в его сущность. При этом соотношения категорий не однозначны, не абсолютны; применительно к анализу разных объектов они выступают по-разному. Это было показано при рассмотрении фактически всех психологических проблем, обсуждавшихся в данной книге.

Система категорий составляет ту теоретическую основу, на которой формируется весь понятийный аппарат психологической науки. Чтобы раскрыть содержание каждого из понятий, его нужно рассмотреть в контексте именно системы категорий; только тогда оно приобретает необходимую четкость и определенность.

В русле системного подхода должны быть переосмыслены и упорядочены не только категории, но также методологические принципы психологической науки. В процессе становления и развития советской психологии были сформулированы принципы детерминизма, отражения, развития, единства сознания и деятельности (часто он формулируется более широко — как принцип единства психики и деятельности), личностный принцип и др. Как было показано в данной книге, есть основания говорить также о принципе общения. Однако нередко эти принципы рассматриваются так, как если бы они были однопорядковыми. Например, принцип детерминизма, являющийся общенаучным, ставится в один ряд с личностным принципом, который относится только к психологическим дисциплинам, изучающим человека.

Между тем сферы действия перечисленных принципов не совпадают. Кроме того, важно иметь в виду, что в разных психологических дисциплинах они выступают по-разному.

На современном этапе развития психологической науки задача упорядочения сформулированных принципов становится все более актуальной. Нужно выделить общенаучные принципы, показав специфику их применения в психологии; принципы, охватывающие психологическую науку в целом, а также относящиеся к ее специальным дисциплинам. Решение этой задачи предполагает определение взаимоотношений между принципами, особенностей их применения к разным психологическим проблемам и оценку сферы действия каждого из них.

Но значение системного подхода для психологии не исчерпывается только тем, что он позволяет упорядочить систему базовых категорий, понятийный аппарат и методологические принципы, а тем самым определить ее предмет и область исследования.

Еще более важно то, что системный подход открывает большие возможности для разработки методов исследования психических явлений; точнее говоря, он сам выступает как эффективный метод познания. Этот метод охватывает все звенья процесса познания: от постановки проблемы до разработки теории и далее — ее применения в практике.

Нужно отметить, что в психологии проблемы формулируются нередко очень общо и нечетко. В этом случае естественно и поиск путей их решения оказывается затруднительным. Чем более аморфно поставлена проблема, тем меньше вероятность того, что будет найден эффективный путь ее решения. Системный подход позволяет (более того, требует) четко формулировать проблему, выделять в ней именно те аспекты, которые нуждаются в специальном исследовании, а соответственно направляет научный поиск. Он предполагает также определение места данной проблемы в общей проблематике науки, ее связей с другими проблемами, выявления того, к какому уровню свойств изучаемого объекта, к какому его измерению, моменту развития и т. д. она относится. В свою очередь, это задает направление разработки инструментария (теоретического или экспериментального, либо того и другого), обеспечивающего решение данной проблемы.

Исследование проблематики психологии, предпринятое в данной книге, выявило некоторые новые аспекты проблем, разрабатываемых уже в течение длительного времени. Достаточно сказать, что в комплексе традиционных проблем раскрылся новый, особый аспект, как только они стали рассматриваться с точки зрения категории общения. Это относится к проблемам психических процессов и состояний, а также свойств личности. В частности, в новом аспекте выступила проблема способностей. Традиционно она изучалась в рамках категории деятельности, а также в связи с соотношением социального и биологического в развитии человека. Рассмотрение способностей в контексте общения и совместной деятельности привело к постановке вопросов о влиянии на их развитие таких факторов, как подражание, сотрудничество и соперничество. То же можно сказать и о многих других проблемах.

Вместе с тем системный подход привел к постановке ряда новых проблем. К ним относятся прежде всего проблемы структуры и динамики процессов общения, а также строения совместной деятельности.

В каждой главе этой книги по ходу рассмотрения проблематики психологической науки, отдельных подходов и концепций были отмечены проблемы разного масштаба, требующие специального исследования. Здесь нет необходимости их повторять. Подчеркнем только, что системный подход позволил выявить ряд «белых пятен» на общей «карте» этой проблематики.

Что касается путей разработки проблем, то нужно сказать, что системный подход открывает широкие возможности для формирования гипотез, их теоретической, экспериментальной и практической проверки. Он предполагает несколько планов исследования. Каждый из них имеет в науке долгую историю, но в русле системного подхода эти планы связываются единой логикой.

Первый план требует прежде всего выявить качественную определенность изучаемого объекта и его отношение к виду-родовой системе, а значит, раскрыть его специфику и взаимосвязи с другими объектами того же класса.

Второй план состоит в исследовании объекта как относительно самостоятельной системы. Здесь необходимо рассмотреть строение объекта, вычленив его основные свойства, элементы, их связи и рассмотреть различные формы их проявления. Движение в этом направлении в конце концов приводит к анализу тех микроструктур, которые «лежат в основании» объекта.

Наконец, изучаемый объект должен быть рассмотрен в отношении к системам более высокого уровня, как элемент макроструктуры, в которую он объективно включен. Макроструктуры вместе с микроструктурами определяют организацию объекта, его функциональные и системные свойства — качества.

Каждый из этих планов исследования раскрывает различные измерения объекта и их взаимосвязи. Понятно, что последовательность переходов от одного плана к другому и уровень детализации анализа определяют конкретную задачу исследования.

Все перечисленные планы в большей или меньшей степени были реализованы при рассмотрении психических явлений разного масштаба, затронутых в этой книге. Ко многим из них мы вынуждены были возвращаться многократно в разных главах, стараясь каждый раз показать некоторые их новые стороны, и это диктовалось логикой системного исследования.

Прежде всего психические явления были рассмотрены в их отношении к виду-родовой системе, а именно в контексте категории отражения. Здесь мы следовали принятому в советской психологии определению психики как субъективного отражения объективной действительности, осуществляемого мозгом. Оно раскрывает самую общую характеристику психики, охватывая всю систему психических явлений. Рассмотрены особенности психического отражения по сравнению со всеми другими видами отражения, которое является всеобщим свойством материи, лежащим в самом ее фундаменте.

Анализ психики в контексте категории отражения позволил выявить процессуальный характер психического отражения, его основные уровни и формы (см. третью главу). Отражательная природа психики наиболее полно раскрывается в исследованиях познавательных процессов. В других процессах и явлениях она обнаруживается менее отчетливо. Но это не значит, что они имеют иную природу. Отражательная природа психики подчеркивалась при рассмотрении эмоциональных и волевых процессов, индиви-

дуального сознания, субъективных отношений личное! и т. д. Вместе с тем был отмечен ряд еще не решенных вопросов.

Конечно, наиболее трудная теоретическая задача — дать конструктивное объяснение субъективного характера психического отражения и раскрыть в единой логике разнообразие его проявлений. В результате проведенного исследования намечены некоторые подходы к ее решению. Главным звеном здесь является изучение активности «носителя» психики — материального субъекта.

В книге рассмотрены две основные формы этой активности — деятельность и общение.

В исследовании деятельности как специфической формы активности человека, определяемой отношением «субъект—объект», было показано, что психическое отражение является ее необходимым «внутренним компонентом», обеспечивающим регуляцию действий соответственно предмету, средствам и условиям.

Анализ деятельности потребовал специально рассмотреть мотивы, цели, планирование, принятие решений и т. д. Тем самым был раскрыт как бы особый «пласт» психологических реальностей.

Новый «пласт» этих реальностей был выявлен и в исследовании другой формы активности: общения, определяемого отношением «субъект—субъект (ы)». Здесь предметом психологического анализа стали такие явления, как взаимный обмен результатами психического отражения, общий фонд информации, подражание, содействие, сопереживание, межличностные отношения и др.

Представление о психических реальностях еще более обогатилось, когда мы обратились к исследованию личности. Здесь рассматривались мотивационная сфера личности, ее жизненные цели и планы, способности, одаренность, склонности, субъективно-личностные отношения.

В целом последовательный анализ психики в системе базовых категорий раскрыл чрезвычайно большое многообразие психических явлений. И тем не менее нужно отметить, что все они относятся к одному и тому же классу, их самая общая существенная характеристика состоит в том, что эти явления представляют собой различные формы и уровни субъективного отражения. В этот класс включаются явления разной степени сложности — от элементарных ощущений до субъективно-личностных отношений. Упорядочение всего их многообразия в рамках видо-родовой системы — задача чрезвычайной трудности. Один из возможных (и с нашей точки зрения перспективных) подходов — это исследование уровней психического отражения, его форм и измерений.

Но здесь требуется переход к другому плану исследования: теоретическому рассмотрению всей совокупности психических явлений как относительно самостоятельной системы. Сразу же отметим, что, будучи свойством особым образом организованной материи, которое реализуется в субъективном отражении, психика не существует и не может существовать как нечто обособленное, замкнутое в самом себе. Поэтому рассмотрение ее как относительно независимой системы возможно лишь в абстракции.

В психологии не раз предпринимались попытки разложить психику на дискретные составные элементы и определить взаимосвязи между ними, но они обычно оказывались безуспешными: границы между психическими явлениями найти не удавалось. В третьей главе было показано, что психическое выступает как континуально-генетический процесс, в ходе которого непрерывно осуществляются превращения одних его стадий и уровней в другие.

Отражательная природа психического процесса, своеобразие взаимоотношений в нем непрерывного и дискретного создают, конечно, очень большие трудности исследования психики как системы. Здесь требуется несколько иной подход. Анализируя психику как систему, в качестве ее «составляющих» нужно выделять не дискретные элементы, а прежде всего функции, уровни, разные измерения, а также варианты динамики психического процесса. Когда речь идет о психике как относительно самостоятельной системе, то имеется в виду ее функциональная организация. Поэтому и ее анализ должен начинаться с выявления основных функций психики в жизнедеятельности человека.

Проведенное исследование дало возможность высказать гипотезу о трех основных функциях: когнитивной, регулятивной и коммуникативной. Эта гипотеза была раскрыта в книге лишь в общих чертах, схематически. Ее дальнейшая разработка потребует новых теоретических и экспериментальных исследований. Но, на наш взгляд, она намечает подход к анализу психики как относительно самостоятельной системы. Во всяком случае эта гипотеза определяет основные «образующие» психики и тем самым намечает путь разработки теоретического представления о ее структуре.

Проведенное исследование позволяет говорить о разных уровнях реализации перечисленных функций, о специфике их сочетаний в различных ситуациях деятельности индивида и его общения с другими людьми, поведения в целом.

К сожалению, в данной книге не удалось разработать достаточно полное и четкое теоретическое представление о структуре психики. В процессе анализа неперестанно обнаруживалось, что многие звенья этой структуры не изучены.

Однако в качестве иллюстрации общего подхода можно привести примеры исследования некоторых специфических феноменов.

К таким феноменам относится антиципация, играющая весьма важную роль в организации психики как целостной системы. Ее исследование как явления опережающего отражения позволило вскрыть несколько уровней: неосознаваемый, сенсомоторный, перцептивный, «представленческий» (образно-мнемический) и речемыслительный. Были выявлены также некоторые измерения антиципационных процессов, характеризующие их возможности (адекватность и «дальность» антиципации). Эти процессы рассматривались также в связи с анализом деятельности; было раскрыто их значение в целеобразовании, планировании, принятии решений и оценке результатов действий. Отмечалась роль антиципации в общении. Специфическим образом процессы антиципации проявля-

ются в формировании жизненных целей и планов личности/ Наконец, эти процессы были затронуты при рассмотрении проблемы физиологического обеспечения психики.

Аналогичная логика была реализована также в исследовании мотивов и потребностей. Первоначально о них шла речь в связи с проблемой субъекта и субъективного характера психического отражения. Анализ деятельности и общения раскрыл многообразие видов мотивов; в частности, было показано, что мотивы формируются на основе не только индивидуальных, но и общественных потребностей. Представление о разнообразии и многомерности мотивов обогатилось в ходе анализа личности: было отмечено сложное строение ее потребностно-мотивационной сферы. В новом аспекте проблема потребностей выступила при рассмотрении взаимоотношений биологического и социального в психическом развитии человека.

Для понимания системного строения потребностей представляется важным выдвинутое в книге положение о базовых и производных измерениях. Оно было использовано также в исследовании структуры субъективных отношений личности.

Можно ожидать, что анализ, направленный на вычленение базовых и производных «составляющих», позволит со временем дать более полную картину системной организации психики в целом.

Как отмечалось, третий план исследования требует рассмотрения изучаемого объекта в качестве элемента макросистемы. Он был реализован в исследовании личности. Подчеркивалось, что для того чтобы понять законы формирования и развития личности как социального системного качества индивида, нужно рассмотреть его жизнь в контексте общества. Решающее значение здесь приобретает категория «общественные отношения», позволяющая определить подход к изучению детерминации психологического склада личности.

Таким образом, каждый из перечисленных планов системного исследования дал возможность раскрыть определенные функции, уровни, измерения и свойства человеческой психики.

Говоря о системном подходе, обычно подчеркивают, что он дает возможность изучать те или иные объекты как целостные системы. И действительно, системность и целостность — понятия, связанные неразрывно. Для психологии проблема целостности, как неоднократно отмечалось, имеет исключительно важное значение. Но вместе с тем не менее важно и другое. Системный подход позволяет исследовать объект в многообразии его свойств и разносторонности связей. Иначе говоря, в русле этого подхода система исследуется как дифференцированное целое.

В процессе переходов от одного плана и от одной категории исследования к другим осуществляется все более глубокий анализ изучаемого объекта и вместе с тем все более полный синтез получаемых знаний; именно в этом движении психика раскрывается как дифференцированная и организованная целостность.

Главная цель психологической науки состоит в том, чтобы выявить объективные законы образования, строения, функционирования и развития этой целостности. В книге были показаны трудности, возникающие на пути познания законов психики, отмечалось, что известные законы относятся к ее разным уровням и измерениям. Подчеркивалось, что исследование этих законов составляет стержневую линию разработки психологической теории. Обсуждались требования к научной теории, ее связи с экспериментом и практикой.

Из проведенного анализа теории психологии следует, что она (как, впрочем, теория и любой другой науки) не сводится к простому перечню общих положений, расположенных как бы в одной плоскости. Она имеет сложную «архитектонику», включающую несколько «этажей». В современных условиях экстенсивной дифференциации психологии ее общая теория строится на основе достижений всего комплекса специальных психологических дисциплин, а также пограничных областей знания. Разрабатывая принципы и методы познания многообразных психических явлений, она должна обеспечить интеграцию накапливаемых знаний, раскрыть единый строй фундаментальных законов психики. Системный подход в разработке общей теории психологии открывает возможность синтеза всего того ценного, что создано в разных психологических школах

Все сказанное в этой книге позволяет наметить несколько уровней исследования человека и его психики.

Первый уровень — это исследование развития человека в системе общественных отношений. Соответственно изучается тот класс психических явлений, которые порождаются этой системой. Центральное место здесь занимают проблемы развития личности и общностей людей разного масштаба, динамики общественного настроения, психологического климата, социальных установок и ориентации людей и др. Этот уровень является основным для социальной психологии и примыкающих к ней других психологических дисциплин — организационной, этнической, юридической, политической психологии¹. Он связывает психологию с комплексом общественных наук. Вместе с тем исследования этого уровня являются необходимой составной частью той базы, на которой развивается общая теория психологии.

На этом уровне личность, ее деятельность, процессы общения берутся в глобальном плане.

Но далее возникает задача их более детального изучения. В этой связи возникает необходимость перехода к другому, более дробному уровню анализа. Второй уровень — это исследование структуры личности: динамики ее потребностей и мотивов, способностей и субъективных отношений. На этом уровне иссле-

¹ Конечно, они не ограничиваются только этим уровнем. Но для перечисленных дисциплин он является основным.

дуются также строение, динамика и механизмы регуляции деятельности и общения, поведения в целом. Он позволяет раскрыть ряд новых психических явлений и новых свойств психики (в книге им уделено достаточно большое внимание). Масса ценных для этого уровня данных накоплена в психологии труда и спорта, инженерной психологии, в дифференциальной и возрастной психологии и других дисциплинах.

Следующий, еще более дробный, уровень исследования относится к системе психических процессов: сенсорно-перцептивных, мыслительных, мнемических, эмоциональных и др. Если на втором уровне эти процессы рассматриваются как «составляющие» деятельности, общения, поведения и в связи с проявлением психических свойств личности, то здесь они становятся предметом относительно самостоятельного изучения. Нужно отметить, что подавляющее большинство психологических исследований длительное время проводилось именно на этом уровне. Здесь накоплены большие массивы конкретных данных и выявлен ряд закономерностей ощущений, восприятия, памяти, мышления, эмоций и т. д. (о них говорилось в ряде глав книги). Благодаря достижениям в исследовании этого уровня общая аналитическая картина психических процессов сейчас существенно изменяется. С одной стороны, в изучении отдельных процессов, казавшихся прежде более или менее простыми, однородными, раскрывается их сложное строение, с другой — выявляются процессы интегральные (к интегральным процессам относится, например, антиципация). Существенная роль в развитии этого уровня принадлежит прежде всего тем направлениям общей психологии, основным предметом которых являются психические процессы и состояния, а также психофизике и связанным с нею дисциплинам.

Наконец, уровень исследования физиологического обеспечения психических процессов, их материального субстрата. Нужно сказать, что исследования этого уровня относились главным образом к вопросам, пограничным для психологии и нейрофизиологии. Однако сейчас все отчетливее обнаруживается необходимость в более широком подходе — в исследовании не только нейрофизиологических, но и всей системы процессов, протекающих в организме и обеспечивающих психическую деятельность. Этот уровень связывает психологию с естественными науками.

Разделение перечисленных уровней психологического исследования, конечно, относительно, в какой-то мере условно. Однако, как нам кажется, оно поможет систематизировать накапливаемые в психологии данные, более четко определить их взаимосвязи и упорядочить проблематику. Одна из ошибок, допускаемых в разработке теории, — это прямой перенос закономерностей, специфических для одного уровня, на другой. Именно в этом случае возникает больше всего недоразумений и бессодержательных дискуссий.

Однако, дело, конечно, в требованиях не только теории, но и практики. Каждая практическая задача требует определения аде-

кватного ей уровня психологического исследования или сочетания уровней, а также взаимосвязей психологии с другими науками. Если уровень неадекватен, то исследование может пойти «мимо задачи», в сторону от нее. Напротив, адекватное определение уровня и его взаимосвязей с другими позволяет выявить основное звено данной задачи и разработать наилучшую в данных условиях стратегию исследования.

Нет необходимости доказывать, что задача формирования нового человека, воспитания личности требует исследований прежде всего на том уровне, который раскрывает развитие личности в системе общественных отношений. Здесь он является ведущим. К этому уровню относятся основные задачи, связанные с совершенствованием системы управления народным хозяйством, идеологической работы и пропаганды. Необходимым условием эффективности психологических исследований на этом уровне является теснейший контакт с другими общественными науками.

Ведущим для задач рациональной организации трудовой деятельности людей является второй уровень, а для таких, например, задач, как разработка рекомендаций к системам отображения информации, — третий и т. д.

Общую схему стратегии научного исследования в интересах практики можно было бы описать примерно так. Ее начальным звеном является четкое определение научной проблемы. Дело в том, что практическая задача и научная проблема — это не одно и то же. Иногда та или иная практическая задача разворачивается в целую систему научных проблем; иногда, напротив, множество — казалось бы на первый взгляд даже и не связанных друг с другом — задач замыкается на одну проблему. К сожалению, психологи еще не всегда умеют вскрывать те действительные проблемы, которые стоят за практической задачей. Когда проблема определена и точно сформулирована, начинается сложный процесс научного поиска, который включает критический анализ существующих теорий и концепций, выдвижение гипотез и их проверки, экспериментирование и т. д. Результатом решения проблемы является, конечно, создание теории. Но этим дело не завершается. Далее необходимо на основе этой теории разработать добротные практические рекомендации, определить способы и пути их внедрения в практику. Вместе с тем в процессе внедрения происходит проверка теории, ее уточнение, возникают новые практические задачи и новые научные проблемы и т. д.

В этом процессе фундаментальные и прикладные исследования соединяются органически, непрерывно происходят переходы от практики к теории и от теории к практике.

Приведенная схема дает глобальную картину процесса развития научного знания. При более детальном его рассмотрении обнаруживаются «ответвления», которые выступают как «чисто» фундаментальные или «чисто» прикладные исследования. Важно отметить, что такие ответвления необходимы; они диктуются законами познания.

Основной вопрос фундаментального исследования: что представляет собой изучаемый объект? Какова его сущность? Каким объективным законам он подчиняется? Высший результат такого исследования — теория.

Основной вопрос прикладного исследования: как решить ту или иную задачу, возникающую в общественной практике? Какие средства и пути здесь могут быть использованы? Его результат — метод решения практической задачи.

В данной книге речь шла главным образом об общетеоретическом направлении системного подхода, связанного с фундаментальными исследованиями. Это направление нацелено на разработку такого научного инструментария, который позволял бы адекватно понять природу и сущность психических явлений, раскрыть объективные законы их развития.

Но сейчас, как отмечалось, наступил такой период развития психологической науки, когда она все более широко включается в решение задач, возникающих в различных сферах общественной практики. Современная психология — это не только познавательная дисциплина. Она превращается в особую область профессиональной практической деятельности. Назрела необходимость создания в стране психологической службы, нацеленной на решение практических задач. Такая служба должна, опираясь на достижения психологической науки, учитывая закономерности формирования и функционирования психики, особенности психической регуляции деятельности и поведения людей, содействовать наилучшему развитию каждого члена нашего общества, облегчению условий его труда, ускорению процесса приобретения знаний, умений, навыков (как общих, так и специальных), максимальному повышению эффективности сознательной деятельности каждого на благо общества.

В этой связи все более острой становится необходимость разработки научно-практического направления системного подхода³. Это направление затрагивалось в данной книге лишь частично.

Конечно, разделение двух отмеченных направлений в известной мере условно. Серьезные фундаментальные, общетеоретические исследования раньше или позже находят применение в практике, а основательные прикладные исследования нередко приводят к существенным теоретическим выводам.

Однако тем не менее каждое направление имеет свои особые цели и предполагает свой собственный специфический тип познавательного инструментария.

В советской психологии многое сделано по разработке общетеоретического познавательного инструментария. За время ее развития сформировалась разветвленная система методов (некоторые из них можно было бы назвать изошренными), нацеленная на изучение законов психического развития.

³ Различение общетеоретического и научно-практического направлений системных исследований и соответствующих типов системного знания предложено В. П. Кузьминым [245].

Значительно хуже обстоит дело с инструментарием научно-практическим. Методы, которые бы обеспечивали применение психологических знаний к реальным жизненным ситуациям и эффективное решение практических задач, разрабатываются явно недостаточно.

Не рассматривая вопроса о научно-практическом инструментарии подробно, отметим лишь, что в его разработке должны быть использованы те общие идеи и принципы, которые развиваются в русле общетеоретического направления системного подхода.

Прежде всего следует сказать о методах психологической диагностики. Вряд ли нужно доказывать, что решение любой практической задачи требует объективной констатации и оценки реально сложившейся ситуации, т. е. диагноза; при этом необходимы такие методы, которые позволяли бы осуществлять диагноз достаточно быстро, точно и надежно. А это возможно лишь в том случае, если они разрабатываются на основе знания законов психики. Как отмечалось, психологические законы, выступающие как законы-тенденции, реализуются в жизни каждой конкретной личности специфическим образом. Поэтому стандартизация диагностических методов должна предусматривать возможность их конкретизации (индивидуализации).

Системный подход к разработке диагностических методов предполагает также определение порядка объективных оснований оцениваемых при их помощи психологических свойств. В этой связи особое значение приобретает намеченная в данной книге теоретическая задача изучения «пирамиды свойств» (см. главу вторую).

Сказанное относится также и к методам прогноза. Исходя из сказанного в книге, нужно подчеркнуть, что прогноз должен включать определение не какого-либо одного-единственного пути дальнейшего развития, а ряд различных (в том числе и альтернативных) вариантов с указанием тех условий, в которых может реализоваться каждый из них.

При этом в построении прогноза особое внимание должно быть уделено активности самого человека, к которому этот прогноз относится. Прогнозирование в психологии не может сводиться просто к предсказанию возможного развития индивида (или группы людей) в тех или иных независимых от него (или от них) условиях. Как отмечалось, важнейшим моментом системной детерминации психического развития является самодетерминация. Поэтому психологический прогноз предполагает определение меры и способов активности самого человека, которая может обеспечить реализацию того или иного из возможных вариантов.

Научно-практический инструментарий включает также методы проектирования⁴.

⁴ Впервые вопрос о проектировании в психологии был поставлен в связи с практической задачей создания систем «человек—машина», т. е. в инженерной психологии. Здесь же были предприняты и первые попытки определения принципов проектирования деятельности человека-оператора.

К сожалению, пока еще в психологии этим методам почти не уделяется внимания; «технология» проектирования еще не разработана. Не определен также круг задач, решение которых требует психологического проектирования (или во всяком случае участия психологов в разработке проектов).

Важная роль в проектировании должна принадлежать методам моделирования — теоретического (в том числе математического) и экспериментального. В данной книге эксперимент обсуждается главным образом как метод познания. Но он является также и методом оценки теоретических моделей, создаваемых для решения практических задач. К методам проектирования относится также и умственный эксперимент.

Наконец, научно-практический инструментарий включает методы воздействия, т. е. приемы и способы целенаправленного изменения психологии людей. Одним из них является формирующий эксперимент, который одновременно служит средством исследования и средством формирования изучаемого явления. Правда, возможности этого метода реализуются пока еще неполностью.

Разработка методов воздействия, как и других научно-практических методов, предполагает определенную стратегию поиска решения поставленной задачи, выявление возможных путей, выбор наилучших в данных условиях.

Как отмечалось, детерминация психики имеет системный характер. Из этого следует, что в принципе одну и ту же задачу можно решить разными путями. В одних случаях целесообразно воздействие на причину или создание такого явления, которое может стать причиной того, которое нужно получить; в других более эффективным может оказаться изменение условий, внешних или внутренних факторов, общих или специальных предпосылок или детерминант. Однако в любом случае очень важно, во-первых, предвидеть, что произойдет с другими детерминантами при воздействии на одну из них, а во-вторых, в каждом конкретном случае определять ведущее звено в общей системе детерминант.

В этой связи особую значимость приобретает вопрос о выявлении возможных альтернатив. Иногда один и тот же эффект может быть получен при применении полярно-противоположных способов воздействия⁵. Нужно подчеркнуть, что такой эффект возникает не случайным, а закономерным образом.

При разработке методов воздействия важно иметь в виду не только тот эффект, на получение которого рассчитывают, но и другие — побочные по отношению к нему — эффекты, т. е. всю возможную систему эффектов. В том случае, если в практической рекомендации эта система не учитывается, побочный эффект может оказаться сильнее основного, а конечный результат — противоположным тому, ради которого создавался метод воздействия.

⁵ В этой связи большой интерес представляют исследования изобретательской и конструкторской деятельности, проведенные С. М. Василейским; они пока дали, что одним из эффективных приемов этой деятельности является прием «сделать наоборот тому, что было принято»

В данной книге неоднократно отмечалась уникальность каждого человека как личности и индивидуальности и в этой связи подчеркивалась необходимость внимательно-индивидуализирующего подхода в работе с людьми, на чем настаивал Ленин. Этот подход должен строго соблюдаться при применении любого метода воздействия на человека, с какими бы задачами он ни был связан. При этом предлагаемый метод должен учитывать то, как он будет принят данным человеком и какого рода активность этого человека он может стимулировать.

Разрабатывая систему научно-практического инструментария, включающую методы диагноза, прогноза, проектирования и воздействия, нельзя ограничиваться некоторыми стандартами (хотя и они не исключаются). Работа с людьми не может быть сведена к некоторым шаблонам. Она предполагает творчество.

Когда речь идет о научно-практическом инструментарии, то нужно иметь в виду, что методы воздействия на человека, предлагаемые на основе психологических исследований, реализуются в своем большинстве не прямо, а через педагогику, медицину, технику и т. д. Это значит, что и разрабатываться они должны в сотрудничестве психологии с другими науками.

Здесь намечена лишь общая схема разработки научно-практического инструментария.

Однако даже из того, что было сказано, вытекает, что научно-практическое направление системного подхода, обладая своей спецификой, не может развиваться в отрыве от общетеоретического направления.

Проследивая развитие инструментария фундаментальных исследований в истории психологии, нельзя не обратить внимание на то, что оно идет в направлении все большего приближения к реальной жизни. Вместе с тем развитие научно-практического инструментария все более требует понимания сущности тех явлений, с которыми он имеет дело. В этом процессе сближения разных типов познавательного инструментария происходит взаимопревращение методов одного рода в методы другого и их взаимное обогащение.

Главным звеном связи между указанными направлениями системного подхода является знание законов развития психики. Именно это знание, получаемое в ходе фундаментальных исследований, выступает в роли основы исследований прикладных.

В данной книге рассматривались преимущественно общие принципы системного подхода в психологии и ее базовые категории. С этого и должна была начинаться работа. Ближайшими методологическими задачами являются уточнение понятийного аппарата психологической науки в целом, анализ теоретических, экспериментальных и прикладных методов исследования, а также систематизация фактических данных.

Перспективы психологии как фундаментальной науки и как особой области практической деятельности существенно зависят от дальнейшего развития системного подхода, вытекающего из материалистической диалектики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., 1955. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 14.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20
- 7а. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т 21
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 2-х т. М.: Политиздат, 1979. Т. II.
18. Архив Маркса и Энгельса М, 1935. Т. 4.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистической и идеалистической воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М.: Политиздат, 1966. 152 с.
20. Ленин В. И. Поли собр. соч. Т. 1.
21. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 14.
22. Ленин В. И. Поли собр. соч. Т. 18
23. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24.
- 23а. Ленин В. И. Поли собр. соч. Т. 26.
24. Ленин В. И. Поли, собр соч. Т. 29.
25. Ленин В. И. Поли собр. соч. Т. 38
26. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 39.
27. Абульханова К- А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973 288 с.
28. Абульханова-Славская К- А. Деятельность и психология личности М : Наука, 1980 334 с.
29. Абульханова-Славская К- А. О путях построения психологии личности Психол журн., 1983, т. 4, № 1, с 14—29.
30. Аладжалова Н А. Психофизиологические аспекты сверхмедленной ритмической активности головного мозга М Наука, 1979 214 с.
31. Аладжалова Н. А., Арнольд О. Р. О корреляции между пропуском сигнала в монотонных условиях и сверхмедленными ритмами мозга.— Психол. журн., 1980, № 6, с. 86—95.
32. Александрова М. Д. О качественной характеристике пространственных порогов зрительного восприятия.—Учен зап. ЛГУ, 1953, № 147.
33. Александрова М. Д. Очерки психофизиологии старения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 111 с.
34. Александровский И. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 1976. 272 с.
35. Ананьев Б. Г. Пространственное различение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. 188 с.
36. Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 486 с.
37. Ананьев Б. Г., Рыбалко Е. Ф. Особенности восприятия пространства у детей. М.: Просвещение, 1964.
38. Ананьев Б. Г., Дворяшина М. А., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968. 334 с.
39. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 338 с.
40. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.
41. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2-х т. М.: Педагогика. Т. I. 1980. 230 с.; Т. II. 287 с.
42. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для факультетов психологии университетов. М.: Изд-во МГУ, 1980. 415 с.
43. Андреева Е. А., Вергилес П. Ю., Ломов Бт-Ф. К вопросу о функциях движений глаз в процессе зрительного восприятия.— Вопр. психологии, 1972, № 1, с. 11—24.
44. Андреева Е. А., Вергилес Н. Ю., Ломов Б. Ф. К вопросу о механизме движений глаз.— Вопр. психологии, 1973, № 1, с. 3—17.
45. Анохин П. К- Опережающее отражение действительности.— Вопр. философии, 1962. № 7, с. 97—111.
46. Анохин П. К- Биология и непрофизиология условного рефлекса. М : Медицина, 1968. 547 с.
47. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. 447 с.
48. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. тр. М.: Наука, 1978. 400 с.
49. Анохин П. К. Избранные труды: Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1979. 455 с.
50. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 197 с.
51. Анциферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М.: Наука, 1974. 359 с.
52. Анциферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности.— Психол. журн., 1981, т. 2, № 2, с. 8—18.
53. Артемов В. А. Введение в социальную психологию. М, 1927. 88 с
54. Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969. 279 с.
55. Артемьева Т. И. Методологический аспект проблемы способностей. М.: Наука, 1977. 184 с.
56. Артемьева Т. И. Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности.— В кн.: Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981, с. 67—86.
57. Архангельский С. Н. Очерки по психологии труда. М.: Трудрезервиздат, 1958.
58. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.' Мысль, 1976. 158 с
59. Асеев В. Г. К вопросу о монотонности работы при выполнении конвейерных операций.— Вопр. психологии, 1961, № 6, с. 37—54
60. Асмолов А. Г. О предмете психологии личности.— Вопр психологии, 1983, № 3, с. 118—124.
61. Атkinson Р. Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980. 528 с.
62. Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании.— Вопр философии, 1973, № 6, с. 98—111.
63. Баев А. А. Современная биология как социальное явление.— Вопр. философии, 1981, № 3, с. 17—26.
64. Барабанчиков В. А. Исследование глазодвигательной системы в условиях положительной зрительной обратной связи.— В кн.: Движение глаз и зрительное восприятие. М.: Наука, 1978, с. 117—170.
65. Бардин К- В. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М.: Наука, 1976. 395 с.

66. Бардин К. В., Горбачева Т. П., Садов В. А., Цзен Н. В. Явление компенсаторного различия.— *Вопр. психологии*, 1983, № 4, с. 113—119.
67. Бассин Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии.— *Вопр. психологии*, 1971, № 4, с. 101—113.
68. Бассин Ф. В., Прангишвили А. С., Шерозия А. Е. О перспективах дальнейшего развития научных исследований в психологии (к проблеме бессознательного и собственно психологической закономерности).— *Вопр. психологии*, 1979, № 5, с. 82—96.
69. Бассин Ф. В. Еще раз о законах психики.— *Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 6, с. 145—151.
70. Белопольский В. И., Усманов М. М. Об активности чувственного отражения.— *Обществ. науки в Узбекистане*, 1982, № 1, с. 38—47.
71. Белоус В. В. Проблема типа темперамента в современной дифференциальной психологии.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 1, с. 45—55.
72. Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека.— *Вопр. философии*, 1981, № 3, с. 3—16.
73. Беляева А. В. Восприятие и вербализация различий в звучании сложных акустических сигналов.— В кн.: *Симпозиум по общим аспектам обработки лингвистической и музыкальной информации*. Таллин: 1982.
74. Беляева А. В. Вербальное выражение признака при описании слуховых образов.— В кн.: *Проблемы экспериментальной психологии*, Львов: О-во психологов СССР, 1983, с. 10—11.
75. Береговой Г. Т., Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике. М.: Наука, 1978. 303 с.
76. Бернштейн Н. А. О построении движений. М.: Медгиз, 1947. 255 с.
77. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.
78. Бернташвили И. С. Избранные труды. М.: Наука, 1975. 667 с.
79. Бернулли Д. Описание новой теории измерения риска. 1738.
80. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
81. Бехтерев В. М. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии.— В кн.: *Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы*. М.; Л., 1925. ,
82. Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. М.; Л., 1928.
83. Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л.: Медицина, 1971. 118 с.
84. Бехтерева Н. П. Злоровый и большой мозг человека. Л.: Наука, 1980. 208 с.
85. Блонский П. П. Память и мышление. М. 1935.
86. Блонский П. П. Реформа науки. М. 1920.
87. Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1979.
88. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. 311 с.
89. Бобнева М. И. Нормы общения и внутренний мир личности.— В кн.: *Проблема общения в психологии*. М.: Наука, 1981, с. 241—263.
90. Бодаев А. А. Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. 123 с.
91. Бодаев А. А. Об общении и учете его характеристик в работе с людьми. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
92. Бодаев А. А. Личность в общении. М.: Педагогика, 1983.
93. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 435 с.
94. Божович Л. И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе.— *Вопр. психологии*, 1976, № 6, с. 45—53.
95. Бойко Е. И. Время реакции человека (история, теория, современное состояние и практическое значение хронометрических исследований). М.: Медицина, 1964.
96. Бочарова С. П. Память как базовая функциональная система в структуре деятельности человека-оператора.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 3, с. 3—11.
97. Бочков Н. П. Социальные и биологические факторы развития человека.— *Вопр. философии*, 1972, № 9, с. 116—117.
98. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
99. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979. 230 с.
100. Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.
101. Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983. 231 с.
102. Бубнова С. С. О некоторых критериях оценки качества деятельности оператора-наблюдателя.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 4, с. 112—115.
103. Бувеева Л. П. Общественные отношения и общение.— В кн.: *Методологические проблемы социальной психологии*. М.: Наука, 1975. с. 136—150.
104. Бувеева Л. П. Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978. 325 с.
105. Бушурова В. Е. О взаимодействиях анализаторов в формировании так называемого «чувства времени».— В кн.: *Материалы Ленингр. зональной психол. конф.* Л., 1980.
106. Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М., 1930.
107. Бюгнер В. А. Возникновение и развитие психических способностей: (Этюды по сравн. психологии). Л., 1924—1929 гг. (11 вып.).
108. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М.: Просвещение, 1967.
109. Василейский С. М. Ошибки изобретательской мысли в психологическом освещении.— В кн.: *Материалы унив. психол. конф.* Л.: Изд-во ЛГУ, 1949, с. 38—42.
- НО. Василейский С. М. Психология технического изобретательства: Докт. дис. М., 1962.
111. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1980. 191 с.
112. Величковский Б. М. Зрительное восприятие в реальном масштабе времени.— В кн.: *Проблемы инженерной психологии и эргономики*. Ярославль, 1974, с. 89—90.
113. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М.: Изд-во МГУ, 1982. 336 с.
114. Венда В. Ф. Инженерная психология и синтез систем отображения информации. М.: Машиностроение, 1975, 398 с; 2-е изд., 1982. 334 с.
115. Венда В. Ф. Методологические проблемы адаптивного информационного взаимодействия.— В кн.: *Инженерная психология/Под ред. Б. Ф. Ломова, В. Ф. Рубахина, В. Ф. Венды*. М.: Наука, 1977, с. 55—66.
116. Венда В. Ф. Перспективы развития психологической теории обучения операторов.— *Психол. журн.*, 1980, № 4, с. 48—63.
117. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1965.
118. Винер Н. Кибернетика. М.: Сов. радио, 1958. 214 с.
119. Вероятностное прогнозирование в деятельности человека / Под ред. И. М. Фейгенберга, Г. Е. Журавлева. М.: Наука, 1977. 391 с.
120. Владимиров А. Д. Методы исследования движений глаз. М.: Наука, 1972. 99 с.
121. Водлозеров В. М. К вопросу о перцептивном предвосхищении как одном из механизмов слежения. — В кн.: *Экспериментальная и прикладная психология*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968, вып. 1, с. 36—47.
122. Войтонис Ю. Н. Предыстория интеллекта: (К пробл. антропогенеза). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 271 с.
123. Волков Н. Н. Восприятие предмета и рисунка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. 507 с.
124. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930, с. 114—115.
125. Вундт В. Основания физиологической психологии. СПб., 1880. Т. 1, 2.
126. Вундт В. Проблемы психологии народов. М. Космос, 1918. 132 с.
127. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1965. 379 с.
128. Выготский Л. С. Мышление и речь.— *Собр. соч.* М.: Педагогика, 1982, т. 2, с. 6—361.
129. Выготский Л. С. История развития высших психических функций.— *Собр. соч.* М.: Педагогика, 1983, т. 3, с. 6—328.

130. *Галактионов А. И., Бахарева Н. А.* О многоструктурности концептуальной модели оператора-технолога.— В кн.: Проблемы инженерной психологии и эргономики. Ярославль, 1974, вып. 1, с. 100—101.
131. *Гальперин П. Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий.— В кн.: Исследование мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966, с. 236—277.
132. *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976. 150 с.
133. *Гамезо М. В., Рубахин В. Ф.* О роли пространственных представлений при чтении топографической карты и дешифрировании аэрофотоснимков.— В кн.: Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961, с. 171—178.
134. *Ганзен В. А., Кудин П. А., Ломов Б. Ф.* О гармонии в композиции.— Техн. эстетика, 1969, № 4, с. 1—3.
135. *Ганзен В. А., Головей Л. А.* К системному описанию онтогенеза человека.— Психол. журн., 1980, т. 1, с. 6, 42—53.
136. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. Наука логики. 452 с.
137. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3. Философия духа. 471 с.
138. *Геккель Э.* Мировые загадки. М., 1937.
139. *Геллерштейн С. Г.* Чувство времени и скорость двигательной реакции. М.: Медгиз, 1958.
- 139а. *Генов Ф. О.* О законах психики.— Психол. журн., 1984, т. 5, № 1, с. 99—102.
140. *Герцен А. И.* Собр. соч.: в 30-ти т. М., 1954, т. III, с. 8—55.
141. *Гиппенрейтер Ю. Б.* Движение человеческого глаза. М.: Изд-во МГУ, 1978.
142. *Голубева Э. А.* Индивидуальные особенности памяти: (Психофизиол. исслед.). М.: Педагогика, 1980. 150 с.
143. *Голубева Э. А.* Об изучении психофизиологическими методами проблемы отношения общих и социально человеческих свойств высшей нервной деятельности.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 2, с. 89—98.
144. *Гонсалес Ф. Рей.* Общение и его значение в разработке проблемы личности.— Психол. журн., 1983, т. 4, № 4, с. 40—47.
145. *Горбов Ф. Д.* Экспериментальная групповая психология.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, вып. 4.
146. *Горбов Ф. Д., Лебедев В. И.* Психоневрологические аспекты труда операторов. М.: Мысль, 1975. 207 с.
147. *Гордеева Н. Д., Девишвили В. М., Зинченко В. П.* Микроструктурный анализ исполнительской деятельности. М.: ВНИИТЭ, 1975.
- 147а. *Гостев А. А.* Индивидуальные особенности пространственных представлений в операторской деятельности.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 1.
148. *Грачев А. А.* Влияние общения на выбор цели.— В кн.: Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 133—147.
149. *Греченко Т. Н.* Нейрофизиологические механизмы памяти. М.: Наука, 1979. 165 с.
150. *Гуревич К- М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М.: Наука, 1970. 271 с.
151. *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. М.: Педагогика, 1972. 423 с.
152. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора.— Соч. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939, т. 3, с. 254—678.
153. *Демидова Е. В.* Экспериментальное исследование мысленных вращений в зрительных представлениях.— Психол. журн., 1983, т. 4, № 1, с. 144—145.
154. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М.: Наука, 1976. 191 с.
155. *Дранков В. Л.* Природа таланта Ф. И. Шаляпина. Л.: Музыка, 1973, 215 с.
156. *Дубинин Н. П.* Проблемы генетики и марксистско-ленинская философия. М.: Наука, 1970.
157. *Дубинин Н. П.* Биологическое и социальное в человеке.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977, с. 81—92.
158. *Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н.* Генетика, поведение, ответственность. М.: Политиздат, 1982.
159. *Душков Б. А.* Актуальные проблемы этнической психологии.— Психол. журн., 1981, т. 2, № 5, с. 43—54.
100. *Жуков Е. М., Берг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979.
161. *Журавлев А. Л., Рубахин В. Ф., Шорин В. Г.* Индивидуальный стиль руководства производственным коллективом. М.: Ин-т упр. нар. хоз-вом, 1976. 120 с.
162. *Журавлев Г. Е.* Системные проблемы развития математической психологии. М.: Наука, 1983. 289 с.
163. *Забродин Ю. М.* Процессы принятия решения на сенсорно-перцептивном уровне.— В кн.: Психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1978, с. 33—55.
164. *Забродин Ю. М.* Проблемы разработки практической психологии (о научных основах психологической службы)—Психол. журн., 1980, т. 1, № 2, с. 5—18.
165. *Забродин Ю. М., Лебедев А. Н.* Психофизиология и психофизика. М.: Наука, 1977. 288 с.
166. *Забродин Ю. М., Носулежо В. И.* Особенности оценки громкости тональных сигналов в условиях общения.— Вопр. психологии, 1979, № 4, с. 118—121.
167. *Забродин Ю. М., Фришман Е. З., Шляхтин Г. С.* Особенности решения сенсорных задач человеком. М.: Наука, 1981. 198 с.
168. *Завалишина Д. Н.* Системный анализ мышления.— Психол. журн., 1983, № 3, с. 3—11.
169. *Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А.* Принцип активного оператора и распределение функций между человеком и автоматом.— Вопр. психологии, 1971, № 3, с. 3—12.
170. *Завалова П. Д., Пономаренко В. А.* Значение теоретических концепций и понятий психологии для прикладных исследований.— Психол. журн., 1981, т. 2, № 6, с. 3—15.
171. *Завалова Н. Д., Пономаренко В. А.* Структура и содержание психического образа как механизма внутренней регуляции предметных действий.— Психол. журн., 1980, т. 1, № 2, с. 5—18.
172. *Запорожец А. В.* Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 429 с.
173. *Запорожец А. В.* Развитие восприятия и деятельность.— Вопр. психологии, 1967, № 1, с. 11—17.
174. *Запорожец А. В., Венгер Л. А., Зинченко В. П., Рузская А. Г.* Восприятие и действие. М.: Просвещение, 1967. 322 с.
175. *Зараковский Г. М.* Психофизиологический анализ трудовой деятельности. М.: Наука, 1966. 114 с.
176. *Зворыкин А. А.* Наука, общество, человек. М.: Наука, 1969.
177. *Зейгарник Б. В.* Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1976. 238 с.
178. *Зейгарник Б. В.* Теории личности в зарубежной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.
179. *Зимняя И. А.* Психологические аспекты обучения говорению на английском языке. М.: Просвещение, 1978. 159 с.
180. *Зинченко В. П.* Продуктивное восприятие.— Вопр. психологии, 1971, № 6, с. 27—42.
181. *Зинченко В. П., Ломов Б. Ф.* О функциях движений руки и глаза в процессе восприятия.— Вопр. психологии, 1960, № 1, с. 29—41.
182. *Зинченко В. П., Вергилес П. Ю.* Формирование зрительного образа. М.: Изд-во МГУ, 1969. 106 с.
183. *Зинченко В. П., Мунипов В. М.* Основы эргономики. М.: Наука. 1979.
184. *Зинченко П. И.* Непроизвольное запоминание. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1969.
185. *Злобина Е. Г.* Общение как фактор развития личности. Киев: Наук, думка, 1981. 115 с.
186. *Ибрагимбекова Р. Ф.* Формирование художественного образа при восприятии архитектурных сооружений: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1976.
187. *Иваницкий А. М.* Мозговые механизмы оценки сигналов. М.: Медицина, 1976. 263 с.
188. *Иванов-Смоленский А. Г.* Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. М.: Медгиз, 1952.

189. *Иващенко Ф. И.* Проблемы психологии трудового воспитания — *Вопр. психологии*, 1980, № 6, с. 16—24.
190. *Ильенков Э. В.* Идеальное.— В кн.: *Филос. энциклопедия*, 1962, т. II, с. 213.
191. *Ильин Е. П.* Признаки оптимального рабочего состояния двигательной системы человека.— В кн.: *Проблемы инженерной психологии*. Л., 1965, вып. 2, с. 17—25.
192. *Ильин Е. П.* Нейродинамические особенности личности и эффективность деятельности.— В кн.: *Личность и деятельность*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 74—83.
193. *Инженерная психология в применении и проектировании оборудования/Под ред. А. Чапалиса*. М., 1971, 488 с.
194. *Инженерная психология: Теория, методология, практическое применение/Отв. ред. Б. Ф. Ломов, В. Ф. Рубахин, В. Ф. Венда*. М.: Наука, 1977. 304 с.
195. *«Искусственный интеллект» и психология/Под ред. О. К- Тихомирова*. М.: Наука, 1976. 342 с.
196. *Исследование и моделирование деятельности человека-оператора/Под ред. Ю. М. Забродина*. М.: Наука, 1981. 150 с.
197. *Исследование проблем психологии творчества/Под ред. Я. А. Пономарева*. М.: Наука, 1983. 335 с.
198. *Кабанова-Меллер Е. И.* Роль образа в решении задач.— *Вопр. психологии*, 1970, № 5, с. 122—130.
199. *Казан М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
200. *Карвасарский Б. Д.* Медицинская психология. Л.: Медицина, 1982. 271 с.
201. *Карсаевская Т. В.* Социальная детерминация возрастных фаз человека.— В кн.: *Соотношение биологического и социального в развитии человека*. М.: Наука, 1977, с. 747—756.
202. *Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М.: Медицина, 1978. 248 с.
203. *Кедров Б. М.* *Науки*.— В кн.: *Филос. энциклопедия*. М.: Сов. энциклопедия, 1962, т. 3, с. 582.
204. *Келлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Ком. акад., 1930. 208 с.
205. *Кибернетику на службу коммунизму/Под ред. А. И. Берга*. М.: Энергия, 1967. Т. 5. 420 с.
206. *Киреево В. И.* Психология способностей к изобразительной деятельности. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 260 с.
- 207. *Китов А. И.* Психология управления. М.: Акад. МВД, 1979. 521 с.
208. *Китов А. И.* Психология и экономика: междисциплинарные проблемы в свете решений XXVI съезда КПСС—*Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 3, с. 15—28.
209. *Клике Ф.* Элементы психофизики восприятия пространства. М.: Прогресс, 1965. 464 с.
210. *Клике Ф.* Понятие информации и теория информации в психологии: границы и возможности.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 4, с. 12—28.
211. *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 277 с.
212. *Ковалев А. Г.* Предмет и проблемы социальной психологии.— В кн.: *Вопросы марксистской социологии*. Л., 1962, с. 110—00.
213. *Ковалев А. Г.* Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1978. 279 с.
214. *Ковалев А. Г., Мясичев В. Н.* Психические особенности человека. Л.: Изд-во ЛГУ. Т. I. Характер. 1957. 264 с; Т. II. Способности. 1957.
215. *Ковалев В. И.* К проблеме мотивов.—*Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 1, с. 29—44.
216. *Ковач Д.* Проблемы психической регуляции поведения: Методология, теория, эксперимент.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 3, с. 47—57.
217. *Ковач Д.* Взаимодействие в парных системах и проблема доминирования.— *Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 6.
218. *Коллектив и личность/Под ред. К. К. Платонова, О. И. Зотовой, Е. В. Шо-роховой*. М.: Наука, 1975. 263 с.
219. *Кольцова В. А.* Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова: (К 125-летию со дня рождения).—*Психол. журн.*, 1981, т. 2, кч 5, с. 137—149.
220. *Кольцова В. А.* Усвоение понятий в условиях непосредственного общения.— В кн.: *Проблема общения в психологии*. М.: Наука, 1981, с. 60—78.
221. *Кон И. С.* Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
222. *Конюшкин О. А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.
223. *Константинов Ф. В.* Заключительное слово на симпозиуме «Проблемы сознания» — В кн.: *Сознание*. М.: Наука, 1967, с. 346—347.
224. *Корж Н. Н., Садов В. А.* Динамические особенности удержания в памяти эталонов длительности.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 4, с. 95—101.
225. *Корнев Г. В.* Введение в механику человека. М.: Наука, 1977. 264 с.
226. *Корнилов К. И.* Учение о реакциях человека. М.; Л.: ГИЗ, 1921; 2-е изд., 1923.
227. *Корнилов К. И.* Психология и марксизм. Л.: ГИЗ, 1925. 246 с.
228. *Корнилов Ю. К.* Мышление руководителя и методы его изучения. Ярославль: Ярослав ун-т, 1982.
229. *Корчагинская В. И., Лебедев А. Н., Кузьмина Т. В., Щербакова Е. Л.* Интегративная деятельность мозга при локальных поражениях. М.: Наука, 1981. 238 с.
230. *Косилов С. А.* Психофизиологические основы научной организации труда. М.: Экономика, 1979. 175 с.
231. *Костюк Г. С.* Некоторые вопросы взаимосвязи воспитания и развития личности.— *Вопр. психологии*, 1956, № 5, с. 3—14.
232. *Костюк Г. С.* Вопросы психологии мышления.— В кн.: *Психологическая наука в СССР*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959, т. 1, с. 357—440.
233. *Костюк Г. С., Андриевская В. В., Балл Г. А., Кисарчук З. Г., Мусатов С. А., Чмут Т. К.* Сравнительное исследование индивидуального и совместного решения мыслительных задач младшими школьниками.— *Психол. журн.*, 1983, т. 4, № 5, с. 23—31.
234. *Кравков С. В.* Взаимодействие органов чувств. М.- Изд-во АН СССР, 1948.
235. *Кравков С. В.* Глаз и его работа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
236. *Крутецкий В. А.* Психология математических способностей школьников. М.: Просвещение, 1968. 432 с.
237. *Крылов А. А.* и др. Психология труда и инженерная психология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
238. *Крылов А. А.* Человек в автоматизированных системах управления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 192 с.
239. *Крылов В. Ю.* Математические методы в психологии.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 6, с. 26—34.
240. *Крылов В. Ю.* Нормативные модели принятия решения при вероятностном выборе.— В кн.: *Нормативные и дескриптивные модели принятия решения*. М.: Наука, 1981, с. 39—45.
241. *Крылов Д. Н., Кулакова Т. П.* Роль биологических и социальных факторов в формировании нейрофизиологических функций.— В кн.: *Соотношение биологического и социального в развитии человека*. М.: Наука, 1975.
242. *Крылова Н. В., Боковиков А. К.* Взаимосвязь речи и действия в условиях операторской деятельности.— *Психол. журн.*, 1983, т. 4, № 6, с. 48—53.
243. *Кудин П. А., Ломов Б. Ф.* Использование средств архитектурной композиции для организации внимания оператора при зрительном восприятии.— В кн.: *Инженерная психология в приборостроении*. М.: Машиностроение, 1967, с. 80—92.
244. *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 312 с.
245. *Кузьмин В. П.* Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания.— *Вопр. философии*, 1983, № 3, с. 18—29.
246. *Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 173 с.
247. *Кулоткин Ю. Н.* Эвристические методы в структуре решений. М.: Педагогика, 1970. 231 с.

248. Кулюткин Ю. Н., Сухобская Г. С. Индивидуальные различия в мыслительной деятельности взрослых учащихся. М.: Педагогика, 1971. 112 с.
249. Куразов И. Ф. Введение в историческую психологию: Опыт построения марксистской методологии и психологии. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. 182 с.
250. Кучевская Н. В. Некоторые проблемы и перспективы развития психологии сферы обслуживания.— Психол. журн., 1981, т. 2, № 5, с. 116—121.
251. Кучинский Г. М. Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач.— В кн.: Проблемы общения в психологии. М., 1981, с. 92—120.
252. Ладыгина-Коте Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека. М.: 1936.
253. Лазурский А. Ф. Классификация личностей. 3-е изд. Л.: Госиздат, 1924.
254. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. Пг., 1917. 386 с.
255. Лазурский А. Ф. Программа исследования личности в ее отношениях к среде. Пг., 1912.
256. Лазурский А. Ф. Естественный эксперимент и его школьное применение. Пг., 1918.
257. Ланге Н. Н. Закон перцепции. Одесса, 1894.
258. Лебедев А. Н. Закономерности восприятия зрительных сигналов.— Психол. журн., 1980, т. 1, № 5, с. 66—74.
259. Лебедев А. Н. Психофизиологические закономерности памяти.— В кн.: **Вопр. кибернетики: Проблемы измерения психических характеристик человека в познавательных процессах.** М: Науч. совет по комплексу, пробл. «Кибернетика», 1980, с. 69—92.
260. Лебединский М. С, Мясичев В. Н. Введение в медицинскую психологию. Л.: Медицина, 1966. 432 с.
261. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
262. Лейтес Н. С. Способности.— В кн.: Психология / Под ред. А. А. Смирнова и др. М.: Учпедгиз, 1956, с. 466.
263. Леонов А. А., Лебедев В. И. Психологические проблемы межпланетного полета. М.: Наука, 1975. 248 с.
264. Леонов А. А., Ломов Б. Ф., Лебедев В. И. К проблеме общения в интернациональных космических полетах.— *Вопр. философии*, 1976, № 1, с. 56—69.
265. Леонов Ю. П. Теория статистических решений и психофизики. М.: Наука, 1977. 227 с.
266. Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
267. Леонтьев А. А. Деятельность и общение.— *Вопр. философии*, 1979, № 1, с. 121—132.
268. Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974. 220 с.
269. Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии.— *Вопр. философии*, 1972, № 9, с. 95—108.
270. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
271. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. I. 392 с; Т. II. 320 с.
272. Лесгафт П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. СПб., 1909.
273. Ливанов М. Н. Пространственная организация процессов головного мозга. М., 1972. 182 с.
274. Ливанов М. Н. Электроэнцефалограмма и мышление.— *Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 2, с. 127—137.
275. Лингарт И. Процесс и структура человеческого учения. М.: Прогресс, 1970.
276. Лисина М. И. Возрастные и индивидуальные особенности общения со взрослым у детей от рождения до семи лет.: Докт. дис. М., 1974.
277. Лихачев Б. Т. Теория коммунистического воспитания: (Опыт методол. исслед.). М.: Педагогика, 1974, 492 с.
278. Логинова А. И. Б. Г. Аняньев о психологии искусства.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 4, с. 131—141.
279. Локк Д. Опыт о человеческом разуме.— *Избранные философские произведения: В 2-х т.* М.: Политиздат, 1960.
280. Ломов Б. Ф. Формирование графических знаний и навыков у учащихся. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 270 с.
281. Ломов Б. Ф. Человек и техника: (Очерки инженерной психологии). 2-е изд. М.: Сов. радио, 1966. 464 с.
282. Ломов Б. Ф. О структуре процесса опознания сигнала.— В кн.: *Материалы XVIII Междунар. конгр. по психологии: Обнаружение и опознание сигнала.* Симпоз. 16. М.: О-во психологов, 1966, с. 135—142.
283. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии.— *Вопр. психологии*, 1975, № 2, с. 31—45.
284. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии.— В кн.: *Методологические проблемы социальной психологии.* М.: Наука, 1975, с. 124—135.
285. Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида.— В кн.: *Психологические проблемы социальной регуляции поведения.* М.: Наука, 1976, с. 64—93.
286. Ломов Б. Ф. О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР.— *Вопр. психологии*, 1977, № 5, с. 9—24.
287. Ломов Б. Ф. О путях развития психологии.— *Вопр. психологии*, 1978, № 5, с. 31—43.
288. Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии.— *Вопр. философии*, 1979, № 8, с. 34—47.
289. Ломов Б. Ф. Психология в системе наук и в общественной практике.— *Вест. АН СССР*, 1979, № 10, с. 35—45.
290. Ломов Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 5, с. 23—45.
291. Ломов Б. Ф. Психологическая служба страны.— *Вестн. АН СССР*, 1980, № 1, с. 20—30.
292. Ломов Б. Ф. К проблеме деятельности в психологии.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 5, с. 3—22.
293. Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 1, с. 3—17.
294. Ломов Б. Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений— В кн.: *Нормативные и дескриптивные модели принятия решений.* М.: Наука, 1981, с. 5—20.
295. Ломов Б. Ф. Развитие техники и проблемы психологии.— *Вестн. АН СССР*, 1981, № 2, с. 30—40.
296. Ломов Б. Ф. Сознание, мозг и внешний мир.— В кн.: *Философия и мировоззренческие проблемы современной науки.* М.: Наука, 1981, с. 218—246.
297. Ломов Б. Ф. Об исследовании законов психики.— *Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 1, с. 18—30.
298. Ломов Б. Ф., Иваницкий А. М. О взаимосвязи психологии и физиологии в исследовании восприятия.— *Физиология человека*, 1977, т. 3, № 6, с. 951—960.
299. Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978. 64 с. (Сер. «Наука и управление»; Вып. 7).
300. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980. 279 с.
301. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.
302. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. 374 с.
303. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. М.: Педагогика, 1963. Т. 1. 479 с.
304. Лурия А. Р., Гургенидзе Г. С. Философские приключения известного нейрофизиолога.— *Вопр. философии*, 1972, № 6, с. 150—153.
305. Лурия А. Р., Миренова А. Н. Экспериментальное развитие конструктивной деятельности: Дифференциальное обучение однойцевых близнецов.— *Тр. мед.-генет. ин-та*, 1936, т. 4.
306. Лурия А. Р., Цветкова Л. С. Нейропсихологический анализ процесса решения задач: Нарушение процесса решения задач при локальных поражениях мозга. М.: Просвещение, 1966. 291 с.
307. Люблинская А. А. Очерки психического развития ребенка. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 545 с.
308. Люс Р. Д., Райфа Х. Игры и решения. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
309. Макаренко А. С. Сочинения. М., 1956. Т. 5.

310. Макаров П. О. Проблемы микрофизиологии нервной системы. М.: Медгиз, 1947.
311. Марков М. А. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира.— В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке: Эволюция материи и ее структурные уровни. М.: Наука, 1983. 240 с.
312. Марютина Т. М. О генотипической обусловленности вызванных потенциалов человека.— В кн.: Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978, с. 72—93.
313. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М.: Наука, 1982. Ч. I—III.
314. Материалы III Всесоюз. совещ. по филос. вопр. соврем. естествознания. М.: Наука, 1981. Вып. II. 275 с; Вып. III. 193 с.
315. Матюшкин А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности.— Вопр. психологии, 1982, № 4, с. 5—17.
316. Матюшкин А. М. Основные направления исследования психологии мышления и творчества.— Психол. журн., 1984, № 1.
317. Мельник И. М. Влияние общения на характер воспроизведения в кратковременной памяти.— В кн.: Категории, принципы, методы психологии: Психические процессы. Материалы VI съезда О-ва психологов СССР. М., 1983, ч. 2, с. 462—463.
318. Мельников В. М. О биомеханическом аспекте психологической подготовки спортсменов.— В кн.: Психология и современный спорт: Междунар. сб. науч. работ. М., 1980.
319. Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. М.: Просвещение, 1964. 302 с.
320. Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1969. 376 с.
321. Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1975. 295 с.
322. Методология и методы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1977. 247 с.
323. Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. М.: Изд-во ЛГУ, 1977, с. 8.
324. Методы и средства автоматизации психологических исследований / Под ред. Ю. М. Забродина. М.: Наука, 1982. 175 с.
325. Мешкова Т. А. Наследственная обусловленность некоторых параметров электроэнцефалограммы покоя человека.— В кн.: Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978, с. 48—71.
326. Миракян А. И. Константно-аконстантное восприятие величин.— Вопр. психологии, 1975, № 1, с. 39—53.
327. Миракян А. И. Константность и функциональная гибкость восприятия.— Вопр. психологии, 1983, № 4, с. 104—110.
328. Митрофанов Б. Н. Динамика структуры сенсомоторного навыка в условиях непрерывной трехсуточной деятельности.— В кн.: Вопросы кибернетики: Психические состояния и эффективность деятельности. М.: Науч. совет по комплекс, пробл. «Кибернетика», 1983, с. 122—127.
329. Митькин А. А. Дискуссионные аспекты психологии и физиологии зрения.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 1, с. 31—42.
330. Митькин А. А., Сергиенко Е. А., Ямщиков А. Н. Динамика развития глазодвигательной активности у младенцев.— В кн.: Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978, с. 170—181.
331. Михеев В. Ф. Наследственная обусловленность некоторых индивидуальных особенностей памяти человека.— В кн.: Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978, с. 254—262.
332. Мозговой В. Д. Исследование наследственной детерминации произвольного внимания.— В кн.: Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978, с. 244—253.
333. Моляко В. А. Психология конструкторской деятельности. М.: Машиностроение, 1983. 153 с.
334. Моторные компоненты зрения / Под ред. Б. Ф. Ломова, Н. Ю. Вергилеса. М.: Наука, 1975. 235 с.
335. Муканов М. М. Роль различных функций и структуры мыслительной деятельности в преодолении концепции Леви-Брюля о примитивном интеллекте.— В кн.: Вопросы исследования речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1977, с. 3—16.
336. Мышление и общение в производственной деятельности / Под ред. Ю. К. Корнилова и др. Ярославль: Ярослав, ун-т, 1981.
337. Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Наука, 1983. 287 с.
338. Мясищев В. Н. Проблемы психологии в свете взглядов классиков марксизма-ленинизма на отношения человека.— Учен. зап. ЛГУ, 1955, № 203, с. 17—24.
339. Мясищев В. Н. Проблема личности и отношений человека.— В кн.: Материалы совещ. по психологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957, с. 71—72.
340. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. 224 с.
341. Мясищев В. Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека — В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960, ч. 2, с. 110—125.
342. Мясищев В. Н. Социальная психология и психология отношений.— В кн.: Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1965. 98 с.
343. Натадзе Р. Г. Восприятие и установка.— В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982, с. 80—88.
344. Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы. М.: Просвещение, 1966. 383 с.
345. Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. 336 с.
346. Никифоров Г. С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 112 с.
347. Новиков М. А. Психофизиологические и экпсихологические аспекты межличностного взаимодействия в автономных условиях.— В кн.: Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 178—216.
348. Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М.: Наука, 1981. 350 с.
349. Носуленко В. Н. Особенности приема и переработки звуковой информации¹ в условиях взаимодействия операторов.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. М.: Наука, 1979, с. 70.
350. Носуленко В. Н. Динамика процесса совместной оценки сигналов.— Психол. журн., 1980, № 6, с. 71—79.
351. Обозов Н. Н. Межличностные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 150 с.
352. Обозов Н. Н. Психические процессы и функции в условиях индивидуальной и совместной деятельности.— В кн.: Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 24—44.
353. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности.— В кн.: Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981, с. 66.
354. Общение как предмет теоретических и прикладных исследований.— В кн.: Материалы I и II Всесоюз. симпоз. по пробл. общения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
355. Осязание в процессах труда и познания / Под ред. Б. Г. Ананьева. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.
356. Ошанин Д. А. Роль оперативного образа в выявлении информационного содержания сигналов.— Вопр. психологии, 1969, № 4, с. 24—33.
357. Ошанин Д. А. О психологическом изучении производственных операций.— Вопр. психологии, 1959, № 1.
358. Павлов И. П. Полное собрание трудов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. Кн. 1.
359. Парыгин Б. Д. Общественные настроения. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1966.
360. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 351 с.
361. Парыгин Б. Д. Социально-психологический климат коллектива. М.: Наука, 1981. 190 с.

362. *Парыгин Б. Д.* НТР и динамика социальных потребностей.— В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
363. *Перфильев М. П.* Общественные отношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
364. *Петровский А. В.* К построению социально-психологической теории коллектива — *Вопр. философии*, 1973, № 12, с. 80—95.
365. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969, с. 186—187.
366. *Пиаже Ж.* Антиципирующая деятельность.— В кн.: Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресс, Ж- Пиаже. М.: Прогресс, вып. 6, с. 43—46.
367. *Пилютенко П. В.* Диалектика необходимости и случайности. М., 1980.
368. *Платонов К. К.* Проблема способностей. М.: Наука, 1972. 312 с.
369. *Платонов К. К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216 с.
370. *Платонов К. К.* Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982. 309 с.
371. *Платонова Т. А.* Мотивация достижения и познавательная мотивация в разработке теории искусственного интеллекта.— В кн.: Семантические вопросы искусственного интеллекта. Киев: Знание, 1978, с. 14—15.
372. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Госполитиздат, 1949.
373. *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории.— Избр. филос. произведения. М., 1956, т. 2, с. 309.
374. *Пономарев Я. А.* Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.
375. *Пономарев Я. А.* Роль непосредственного общения в решении задач, требующих творческого подхода.— В кн.: Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 79—91.
376. *Пономарев Я. А.* Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967. 264 с.
377. *Пономарев Я. А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
378. *Попов Е. П.* Психология и робототехника.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 3, с. 123—133.
379. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 232 с.
380. *Прангишвили А. С.* О некоторых вопросах общепсихологической теории личности.— *Сообщ. АН ГССР*, 1956, т. 17, № 9.
381. *Прангишвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1967.
382. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
383. Прикладные проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой, В. П. Левкович. М.: Наука, 1983. 296 с.
384. Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. 368 с.
385. Проблемы генетической психофизиологии / Отв. ред. Б. Ф. Ломов, И. В. Равич-Щербо. М.: Наука, 1978. 264 с.
386. Проблемы дифференциальной психофизиологии / Под ред. В. Д. Небылицына. М.: Наука, 1974. 263 с.
387. Проблемы измерения психических характеристик человека в познавательных процессах. М.: *Вопр. кибернетики: Науч. сов. по комплекс. пробл. «Кибернетика»*, 1980. 173 с.
388. Проблемы психофизики / Отв. ред. Б. Ф. Ломов. М.: Наука, 1974. 253 с.
389. Проблемы принятия решения / Отв. ред. П. К. Анохин, В. Ф. Рубахин. М.: Наука, 1976. 319 с.
390. Проблемы психологической поддержки операторов человеко-машинных систем / Под ред. Ю. М. Забродина и др. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 134 с.
391. Проблемы сенсорной изоляции / Под ред. А. А. Смирнова, Б. Ф. Ломова, В. Д. Небылицына. М., 1970. 204 с.
392. Психические состояния и эффективность деятельности.— *Вопр. кибернетики*, 1983, с. 1—168.
393. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. 240 с.
394. Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О. К. Тихомирова. М.: Наука, 1977. 259 с.
395. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1979. 335 с.
396. Психологическая наука в социалистических странах / Под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Наука, 1981. 224 с.
397. Психологические проблемы космических полетов / Под ред. Ю. М. Забродина и др. М.: Наука, 1979. 239 с.
398. Психологические проблемы социальной регуляции поведения. / Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобневой. М.: Наука, 1976. 368 с.
399. Психологические проблемы взаимной адаптации человека и машины в системах управления / Под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Наука, 1980. 320 с.
400. Психологические проблемы переработки знаковой информации / Под ред. В. Ф. Венды, М. В. Гамезо, Ю. М. Забродина, В. Ф. Рубахина. М.: Наука, 1977. 276 с.
401. Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. М., 1975.
402. Психофизика сенсорных и сенсомоторных процессов / Под ред. Ю. М. Забродина. М., Наука, 1984. 213 с.
403. Психологические проблемы повышения эффективности деятельности производственных коллективов: (Тез. докл. науч.-практ. конф.) / Под ред. Е. В. Шороховой, О. И. Зотовой, Е. В. Таранова. Курган, 1981. 271 с.
404. Психология и математика / Под ред. Г. Е. Журавлева, Ю. М. Забродина, В. Ю. Крылова, В. Ф. Рубахина. М.: Наука, 1976. 295 с.
405. Психология межличностного познания / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Педагогика, 1981. 223 с.
406. Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1981. 365 с.
407. Психофизика сенсорных систем / Под ред. Ю. М. Забродина. М.: Наука, 1979. 199 с.
408. Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности / Под ред. В. М. Русалова, Э. А. Голубевой. М.: Наука, 1980. 208 с.
409. Психофизические исследования восприятия и памяти / Под ред. Ю. М. Забродина. М.: Наука, 1981. 215 с.
410. *Пуни А. Ц.* О сущности двигательных навыков.— *Вопр. психологии*, 1964, № 1.
411. *Пушкин В. Н.* Эвристика — наука о творческом мышлении. М.: Политиздат, 1967. 272 с.
412. *Пьерон А.* Психофизика.— В кн.: Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966, вып. I, II.
413. *Равич-Щербо И. В.* Исследования по психогенетике человека.— *Вопр. Психологии*, 1972, № 2, с. 178—187.
414. *Равич-Щербо И. В.* Возможный экспериментальный подход к изучению биологического и социального в человеке — В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977, с. 158—170.
415. *Раева С. Н., Ливанов М. Н.* Микроэлектродное изучение нейрональных механизмов произвольной мнестической деятельности человека.— *Физиология человека*, 1975, № 1, с. 36—43.
416. *Ратинов А. Р.* Методологические вопросы юридической психологии.— *Психол. журн.*, 1983, т. 4, № 4, с. 107—118.
417. *Роцин С. К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука. 1980. 303 с.
418. *Рубахин В. Ф.* Психологические основы переработки первичной информации. Л.: Наука, 1974. 296 с.
419. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
420. *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 148 с.
421. *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 354 с.
422. *Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии 2-е изд. / Отв. ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1976. 303 с.

423. Руководство по физиологии. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. Ч. 1. Физиология зрения.
424. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979. 352 с.
425. Русалов В. М. Дифференциальная психофизиология: Основные достижения и перспективы изучения индивидуальности человека.— Психол. журн., 1980, т. 1, № 2, с. 61—76.
426. Рыбалко Е. Ф. Возрастные особенности объема и структуры зрительного поля. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
427. Рыков Н. А. К вопросу об образовании умения.— Сов. педагогика, 1953, № 10.
428. Самарин Ю. А. Очерки психологии ума: Особенности умственной деятельности школьников. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. 504 с.
429. Самойлов А. Ф. Кольцевой ритм возбуждения: Избр. тр. М., 1967.
430. Сафонов В. К., Суворов Г. Б. Проявление свойств личности и нервной системы в деятельности авиадиспетчера.— В кн.: Личность и деятельность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, с. 84—90.
431. Северцов А. Н. Эволюция и психика. М., 1922. 54 с.
432. Селье Г. На уровне целого организма. М.: Наука, 1972.
433. Селиванов В. И. Психология волевой активности. Рязань, 1974. 150 с.
434. Селиванов В. И. Волевая регуляция активности личности.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 4, с. 14—25.
435. Семенов С. А. Первобытная техника. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
436. Сержантов В. Ф. Философские проблемы биологии человека. М.: Наука, 1974. 158 с.
437. Сеченов И. М. Избранные произведения. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 771 с.
438. Симонов П. В. Эмоциональный мозг: Физиология. Неуронатомя. Психология эмоций. М.: Наука, 1981. 215 с.
439. Системные аспекты нейрофизиологии поведения / Отв. ред. К. В. Судаков. М.: Наука, 1979. 303 с.
440. Системный анализ интегративной деятельности нейрона / Под ред. П. К. Анохина. М.: Наука, 1974. 158 с.
441. Системный анализ механизмов поведения / Отв. ред. В. Б. Швырков, Д. Г. Шевченко. М.: Наука, 1979. 360 с.
442. Системный подход к психофизиологической проблеме / Под ред. В. Б. Швыркова. М.: Наука, 1982. 230 с.
443. Смирнов А. А. Развитие памяти.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959, т. 1, с. 257—314.
444. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. М.: Просвещение, 1966. 422 с.
445. Смирнов А. А., Волокитина М. И. Зависимость константности воспринимаемой величины предметов от их взаимного удаления и т. д.— В кн.: Зрительное ощущение и восприятие / Под ред. В. Н. Колбановского. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935.
446. Сокоенин В. М. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1974.
447. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
448. Соколов Е. Н. Восприятие и условный рефлекс. М.: Изд-во МГУ, 1958.
449. Соколов Е. Н. Перспективы развития психофизиологии.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 4, с. 84—93.
450. Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, 288 с.
451. Социальная психология личности / Под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1979. 344 с.
452. Социально-психологическая служба промышленных предприятий: Теория, опыт, практика / Под ред. Е. В. Таранова, Ю. М. Забродина. Курган, 1983. 149 с.
453. Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Ред. Е. В. Шорохова, В. И. Монахов, О. И. Зотова. М.: Наука, 1977. 175 с.
454. Социально-психологический климат коллектива / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1979. 176 с.
455. Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми — В кн.: Материалы I и II Всесоюз. симпоз. по пробл. общения. Л., 1970.
456. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
457. Станиславский К. С. Работа актера над собой. М.: Искусство, 1951.
458. Степанов А. А. Общение на уроке с использованием телевидения.— В кн.: Социально-психологическая и лингвистическая характеристика форм общения и развития контактов между людьми. Л., 1970.
459. Степанова Е. И. Человек как предмет комплексного познания в трудах В. М. Бехтерева: (К 125-летию со дня рождения).— Психол. журн., 1982, т. 3, № 6, с. 125—130.
460. Страхов И. В. Толстой как психолог. Саратов, 1947. 316 с. (Учен. зап. Саратов. пед. ин-та; Вып. 10).
461. Судаков К. В. Цель поведения как объект системного анализа.— Психол. журн., 1980, т. 1, № 2, с. 77—98.
462. Судаков К. В. Биологическая мотивация. М.: Медицина, 1971.
463. Сурков Е. Н. О некоторых особенностях решения оперативных задач в экстремальных условиях.— В кн.: Проблемы общей и инженерной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
464. Сурков Е. Н. Антиципация в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1982. 145 с.
465. Суходольский Г. В. Понятийная система психологической теории деятельности.— Психол. журн., 1981, т. 2, № 3, с. 12—24.
466. Тальзина Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1975.
467. Таранов Е. В. Коллектив в условиях производственного объединения. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. 132 с.
468. Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности. М.: Наука, 1979. 191 с.
469. Тарасов Г. С. К вопросу о марксистской психологии искусства.— Психол. журн., 1982, т. 3, № 3, с. 29—39.
470. Теоретические проблемы психологии личности / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1974. 319 с.
471. Теория функциональных систем в физиологии и психологии / Под ред. Б. Ф. Ломова. М.: Наука, 1978. 383 с.
472. Теплое Б. М. Пространственные пороги зрения.— В кн.: Зрительные ощущения и восприятие. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935, с. 194—225.
473. Теплое Б. М. Исследование свойств нервной системы как путь к изучению индивидуально-психологических различий.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960, т. II, с. 3—46.
474. Теплое Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. 535 с.
475. Теплое Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы.— Вопр. психологии, 1971, № 6.
476. Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
477. Ткаченко А. Н. Методология разработки единицы анализа психики в истории советской психологии.— Психол. журн., 1983, т. 4, № 2, с. 3—12.
478. Тютин В. С. Теория отражения в свете современной науки. М.: Знание, 1971. 48 с. (Сер. Философия).
479. Тютин В. С. Отражение, системы, кибернетика: Теории отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972.
480. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961.
481. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. Тбилиси, 1966.
482. Уильямс Р. Биохимическая индивидуальность. М., 1960. 232 с.
483. Украинцев Б. С. Целеполагание и целеосуществление как один из принципов самодвижения функциональных систем.— В кн.: Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973, с. 62—67.
484. Уманский Л. И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов.— В кн.: Методология и методы социальной психологии. М., 1977, с. 54—71.
485. Ухтомский А. А. Сочинения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. Т. IV, V.
486. Ухтомский А. А. Доминанта. М.: Наука, 1966.

487. Ушакова Т. И. Функциональные структуры вбросы сигнальной системы. М.: Наука, 1979. 248 с.
488. Ушакова Т. И. К пониманию закона Хика.— *Вопр. психологии*, 1964, № 6, с. 56–65.
489. Ушакова Т. И. Проблемы внутренней речи в психологии и психофизиологии.— *Психол. журн.*, 1980, № 4, с. 149.
490. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. 2-е изд. СПб., 1895, т. 1, с. 15.
491. Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977, с. 5–64.
492. Физиологическая генетика и генетика поведения. Л.: Наука, 1981.
493. Филиппов А. В. Обучение работе на клавиатуре наборных и пишущих устройств с помощью осязания.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, вып. 4.
494. Филиппов А. В. Вопросы психологии управления.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 2, с. 19–28.
495. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки / Под ред. П. Н. Федосеева. М.: Наука, 1981. 381 с.
496. Фомин С. В., Соколов Е. Н., Вайтквичус Г. Г. Искусственные органы чувств. М.: Наука, 1979. 180 с.
497. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пг.: Госиздат, 1923.
498. Фресс П. О психологии будущего.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 3, с. 48–54.
499. Фролов И. Т. Перспективы человека. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. 350 с.
500. Функции лобных долей мозга / Под ред. Е. Д. Хомской, А. Р. Лурия, М.: Наука, 1982. 285 с.
501. Ханин Ю. А. Внутригрупповое общение в условиях взаимосвязанной деятельности: Канд. дис. Л., 1970.
502. Хачатурьянц Л. С., Гримак Л. П., Хрунов Е. В. Экспериментальная психофизиология в космических исследованиях. М.: Наука, 1976. 400 с.
503. Холл К.-С. Генетика поведения.— В кн.: Экспериментальная психология / Под ред. С. С. Стивенса. М.: Изд-во иностр. лит., 1960, с. 405–436.
504. Холмская Е. Д. Мозг и активация. М.: Изд-во МГУ, 1972. 382 с.
505. Хрунов Е. В., Хачатурьянц Л. С., Попов В. А., Иванов Е. И. Человек-оператор в космическом полете. М.: Машиностроение, 1974. 399 с.
506. Цветкова Л. С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга. М.: Педагогика, 1972. 272 с.
507. Цуканова Е. В. Влияние межличностных отношений на процесс общения в условиях совместной деятельности.— В кн.: Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 148–167.
508. Цуканова Е. В., Фрыгина Н. И. О взаимовлиянии специфики общения и межличностных отношений в процессе совместной деятельности.— В кн.: Экспериментальные и теоретические вопросы психологии обучения. Новосибирск, 1979, с. 7–115.
509. Чернов А. П. Опыт психологического исследования мысленного экспериментирования: Канд. дис. М., 1976.
510. Чернышев А. П., Зыкин В. Г., Бодров В. А. Компенсаторное слежение.— *Техн. эстетика*, 1975, № 11.
511. Чернышев А. С. Специфические особенности организаторов первичных коллективов школьников и студентов.— В кн.: Личность в системе коллективных отношений / Отв. ред. А. А. Бодалев и др. М., 1980. 288 с.
512. Чернышев А. С. Лабораторный эксперимент в социально-психологическом исследовании организованности коллектива.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 4, с. 84–91.
513. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
514. Чуприкова Н. И. Сознание как высшая расчлененная и системноупорядоченная форма отражения и его мозговые механизмы.— *Психол. журн.*, 1981, т. 2, № 6, с. 16–27.
515. Шадриков В. Д. О содержании понятий «способность» и «одаренность».— *Психол. журн.*, 1983, т. 4, № 5, с. 3–10.
516. Шадриков В. Д. Проблема системогенеза в профессиональной деятельности. М.: Наука, 1983. 185 с.
517. Шагас И. Вызванные потенциалы в норме и патологии. М., 1975. 314 с.
518. Шаров Ю. В. Вопросы психологии духовных потребностей.— В кн.: Проблемы формирования духовных потребностей личности: Науч. тр. Новосибирск, 1970, вып. 47.
519. Швырков В. Б. Нейрофизиологическое изучение системных механизмов поведения. М.: Наука, 1978. 214 с.
520. Швырков В. Б. На пути к психофизиологической теории поведения.— *Психол. журн.*, 1982, т. 3, № 2, с. 70–88.
521. Шеварев П. В. Обобщенные ассоциации в учебной работе школьника. М., 1959.
522. Шеварев П. А. Исследования в области восприятий.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959, т. 1, с. 114–139.
523. Шемякин Ф. Н. О психологии пространственных представлений.— *Учен. зап. ГНИИ психологии*, 1940, т. 1.
524. Шемякин Ф. Н. Ориентация в пространстве.— В кн.: Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959, т. 1, с. 140–192.
525. Шехтер М. С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. М.: Педагогика, 1981. 264 с.
526. Шехтер М. С. Проблемы опознания.— В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М.: Педагогика, 1982, с. 300–327.
527. Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 229 с.
528. Шкопоров Н. В., Гостев А. А. К защитной теории персонального пространства Доузи и Мейзелса: Динамика межличностных дистанций под влиянием краундинга.— В кн.: Психологическая наука и общественная практика М., 1983, ч. 1, с. 79–86.
529. Шорохова Е. В. Проблемы сознания в философии и психологии: М.-Соцэкгиз, 1961. 520 с.
530. Шорохова Е. В. О естественной природе и социальной сущности человека.— В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977, с. 65–80.
531. Шорохова Е. В. Тенденции исследования личности в современной психологии.— *Психол. журн.*, 1980, т. 1, № 1, с. 45–57.
532. Шорохова Е. В. Психология личности и образ жизни.— В кн.: Личность в системе коллективных отношений / Под ред. А. А. Бодалева. М., 1980. 288 с.
533. Экспериментальная психология / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1966–1968. Вып. 1–6.
534. Элькин Д. Г. О влиянии коллектива на процессы репродукции.— В кн.: Детский коллектив и ребенок. Екатеринбург, 1926.
535. Эльконин Д. Б. Достижения и проблемы дальнейшего развития детской психологии в СССР.— *Вопр. психологии*, 1978, № 1, с. 3–15.
536. Энгельгардт В. А. О некоторых атрибутах жизни: иерархия, интеграция, узнавание.— В кн.: Современное естествознание и материалистическая диалектика. М.: Наука, 1977, с. 328–350.
537. Эсаулов А. Ф. Проблемы решения задач в науке и технике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 200 с.
538. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.
539. Якобсон Ф. Лингвистика и поэтика. Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 193–230.
540. Яноушек Я. Коммуникация трех участников совместной деятельности.— Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с. 168–177.
541. Яноушек Я. Проблема общения в условиях совместной деятельности.— *Вопр. психологии*, 1982, № 6.

542. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: Теорет. пробл. развития психол. науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
543. Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974. 303 с.
544. Ach N. Über die Willenstätigkeit und das Denken. G5ttingen, 1905. 294 p.
545. Allport F. H. Social psychology. Boston: Houghton, 1924. 453 p.
546. Allport F. H. The influence of the group upon association and thought.— J. Exp. Psychol., 1920, vol. 3, p. 370—377.
547. Attneave F. Applications of information theory to psychology: a summary of basic concepts, methods and results. N. Y., 1959.
548. Baldwin J. M. Social and ethical interpretation in mental development. N. Y., 1897.
549. Bales R. F., Strodtbeck B. F. Phases in group problem-solving.— J. Abnorm. Soc. Psychol., 1951, vol. 46, p. 485—495.
550. Bandura A. Social learning theory. Morristown. N. Y.: Gen. Learn, press, 1971.
551. Bindra D. The problem of subjective experience.— Psychol. Rev., 1970, vol. 37, p. 581—584.
552. Binet A. L'étude expérimentée de l'intelligence. P.: Schleider, 1903.
553. Blondel Ch. Introduction a la psychologie collective. P., 1928.
554. Bracken von. H. Humangenetische Psychologie.— In: Human Genetik. Stuttgart: Georg Thieme Verl., 1969, Bd. 1/2.
555. Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Leipzig: Duncker und Humboldt, 1874. Bd. 1.
556. Bunge M., Llinas R. The mid-boby problem in the light of neurosciences.— In: 16th World Congr. Philos. Dusseldorf, 1978, p. 132.
557. Buhler K. Das Strukturmodel der Sprache.— Trav. Circle Linguist. Prague, 1936.
558. Cattell R. B. Personality and social psychology. San Diego: Knapp, 1964.
559. Cauch A. S. Psychological determinants of interpersonal behaviour. Harvard: Univ. press, 1960.
560. Cherry C. On human communication: a review, a survey and a criticism. N. Y., 1961.
561. Chomsky N. Language and mind. N. Y. etc., 1968.
562. Ciganek H. Die elektroenzephalographische Lichtreizantwort der menschlichen Hirnrunde. Br.: Slowak. Akad. Wiss., 1961.
563. Cooper L. A., Shepard R. N. Mental transformation in the identification of left and right hands.— J. Exp. Psychol, Hum. Percept, and Perform., 1975, vol. 104, p. 48—56.
564. Craik K. J. W. Theory of the human operator in control systems.— Brit. J. Psychol., 1947, vol. 3.
565. Craik F. J. Human memory.—Annu. Rev. Psychol., 1979, vol. 30, p. 63.
566. Darlington C. The evolution of man and society. N. Y., 1969.
567. Darlington C. Genetics and man. L., 1964.
568. Diirckheim E. Les formes elementaires de la vie Religieuse. P , 1912, 647 p.
569. Duval S., Wicklund R. A. A theory of objective self awareness. N. Y.: Acad. press, 1972.
570. Ebbinghaus H. Grundziige der Psychologie. Leipzig: Veit, 1902.
571. Eccles J. Brain and conscious experience. B. etc., 1966.
572. Eccles J. The understanding of the brain N. Y.: McGraw Hill, 1977.
573. Eherenfels Ch. von. Ober Gestaltqualitätum.— Vierteljahresh. wiss. Philos., 1890, Bd. 4, S. 249—292.
574. Ekman G. On the number and definitions in Kutschmer's and Scheldon's constitutional systems.— In: Essays in psychology dedicated to David Katz. Uppsala, 1951.
575. Estes W. Toward a statistical theory of learning.—Psychol. Rev., 1950, vol.57, p. 94—107.
576. Eysenck H. The structure of human personality. L., 1960.
577. Fechner G. Elemente der Psychophysik. Bd. I, II. 1. Aufl. Leipzig, 1860; 2. Aufl. Leipzig, 1889.
578. Flevell J. A., Draguns J. A. A microgenetic approach to perception and thought — Psychol Bull, 1957, vol 54, p. 197—217.
579. Fraire P. Education for a critical consciousness. L.: Secner and Ward, 1974.
580. Freud S. Introductory lectures on psycho-analysis. L., 1960.
581. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. N. Y., 1973. 438 p.
582. Gazzaniga M. S. The split brain in man.— In: Physiological psychology. San-Francisco, 1972.
583. Gibson J. J. The perception of the visual world. Boston, Massachusetts: Houghton, 1950. 313 p.
584. Gilbreth F. B. Motion study. N. Y.: L., 1911.
585. Gilbreth F. B. Applied motion study. N. Y.: MacMillan, 1919.
586. Handbook of perception / Ed. E. C. Carterette, M. P. Friedman. N. Y. etc. Acad. press, 1974. Vol. 1. Historical and philosophical roots of perception. 431 p.
587. Handbook of social psychology / Ed. G. Lindzey, E. Aronson. 2-nd ed. Massachusetts etc. Addison-Wesley Publ. Co, 1968. Vol. 1. 653 p.
588. Hecht S. Vision. II. The nature of the photoreceptor process.— In: The foundations of experimental psychology / Ed C. Murchison. Worcester (Mass.): Clark Univ. press, 1929.
589. Hilgard E. R., Atkinson R. C., Atkinson R. L. Introduction to psychology. 6th ed. N. Y. etc.; Brace Jovanovich. 1975. 658 p.
590. XXI International congress on psychology: Summary. P., 1976.
591. Ittelson W. H., Cantril H. Perception: a transactional approach. N. Y.: Doubleday, 1954.
592. Jacobson R., Fant C, Halle M. Preliminary speech analysis: The distinctive features and their correlates. Cambridge: MIT press, 1952.
593. James W. Does «consciousness» exist? — J. Physiol. Psychol. and Sci. Meth., 1904, vol. 1, p. 477—491.
594. James W. The principle of psychology. N. Y.: Holt, 1893.
595. Janet J. L'intelligence avant la language. P., 1936.
596. Jensen A. R. Genetics and education. L., 1972.
597. Jensen A. R. How much can we boost IQ and scholar achievement.— Harvard Educat. Rev., 1969.
598. Jensen A. R. The phylogeny and ontogeny of intelligence.— Perspect. Biol. and Med., 1971, vol. 15, N 37, p. 43.
599. Kidd J. S., Kmkade R. G. Operator change over effects in a complex task.— J. Eng. Psychol., 1962, vol. 1, N 2.
600. Klix F. Erwachendes Denken. Eine Entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz. B.: VEB. Dt. Verl. Wiss., 1982. S. 302.
601. Koch S. Psychology cannot be a coherent... science.— Amer. Psychol., 1970, N 1.
602. Kodym M. Vyzkum intelektualnich schopnosti polybone talentovane mladeze. Rozpr. Ped. fak. Cesk. Budejov., 1977. 83 p.
603. Koffka K- Principles of Gestalt psychology. N. Y.: Harcourt Brace, 1935.
604. Köhler W. Gestalt psychology. N. Y.: Liveright, 1929.
605. Krauss R. M., Weinheimer S. Changes in reference phases as a function of frequency of usage in social interaction.— In: The psychology of language/ Ed. S. Moscovichi. Chicago, 1972.
606. Krech D., Crutchfield S. Theory and problems in social psychology. N. Y.: McGraw Hill, 1948.
607. Lamm H., Trammendorf G. Group vs individual performance on tasks requiring ideational proficiency (brainstorming).— A review Eur. J. Soc. Psychol., 1973, vol. 3(4), p. 361—388.
608. Lewin K- Principles of topological psychology. N. Y.: McGraw Hill, 1936. 231 p.
609. Lewis C. S. Studies in words. Cambridge, 1967.
610. Likert B. A. A technique for the measurement of attitudes.— Arch. Psychol., 1932, N 140.
611. Lindzey G., Hall C, Thompson R. F. Psychology. N. Y.: **Worth Publ., 1975.** 802 p.
612. Lomov B. F. Cognitive processes and communication,—Ztschr. Psychol., **1980, Bd 188, N 1, S. 3—25.**

613. *Lordyes J. H., Solomon C* Two models of group behaviour in the solution of Euroka-type problems.— *Psychometrica*, 1955, vol. 20, p. 139—148.
614. *Luce R. D.* Dimensionally invariant numerical laws correspond to meaningful qualitative relations.— *Philos. Sci.*, 1978, vol. 45.
615. *MacKay D. M.* Information, mechanisms and meaning. Cambridge (Mass.); London: MIT press, 1969.
616. *Mandler G.* Mind and emotion. N. Y.: Wiley, 1979.
617. *Maslow A. H.* Motivation and personality. N. Y.: Harper and Row, 1954.
618. Mathematics and psychology / Ed. G. A. Miller. N. Y. etc.: Wiley, 1964.
619. *McDougal W.* Introduction to social psychology. Boston: Luce, 1908.
620. *McDougal W.* Outline of psychology. New York; Chicago, 1929.
621. *Mead G. H.* Mind, self and society. Chicago, 1934.
622. *Meude W.* Experimented messenpsychologie. Leipzig, 1920.
623. *Meumann E.* Haus und Schularbeit. Leipzig, 1914.
624. *Mill I. S.* Analysis of phenomena of human mind. L., 1869.
625. *Miller G. A., Philip N.* Language and perception. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. press, 1976.
626. *Miller N. E.* Control of bodily functions through biofeedback.— In: Psychology / Ed. G. Lindzey et al. Worth Publ., 1975.
627. *Milnsterberg G.* Grundzuge der Psychotechnik. Leipzig, 1920. Bd. 2. 769 S.
628. *Neisser U.* Cognitive psychology. N. Y.: Appleton, 1967. 351 p.
629. Neural mechanisms of goal-directed behaviour and learning / Ed. R. Thompson, V. B. Shvyrkov. N. Y. etc.: Acad. press, 1980.
630. *Newcomb T. M., Turner R. H., Converse P. E.* Social psychology. L., 1965.
631. *Nosulenko V. N.* The estimation of sound intensity when subjects communicate.— In: Soviet and western perspectives in social psychology. L.: Pergamon press, 1979, p. 227—233.
632. *Nuttin J.* Motivation and reward in human learning.— In: Handbook of learning and cognitive processes / Ed. W. K. Estes, N. Y.: Erlbaum, 1976, p. 247—281.
633. *Palermo D. S.* Is a scientific revolution taking place in psychology?— *Sci. Stud.*, 1971, vol. 1.
634. *Pask G.* Conversation theory. Amsterdam etc.; Elsevier, 1976.
635. *Piaget J.* Logic and psychology. Manchester, 1965.
636. *Piaget J.* The psychology of intelligence. L., 1967. 192 p.
637. *Piaget J.* The origin of intelligence in the children. Harmond north: penguin books, 1967, 192 p.
638. *Piaget J.* La situation des sciences de l'homme dans la systeme des sciences.— In: Tendences principes de la recherche dans les sciences sociales et humaines. Pt 1 Paris; La Haye, 1970, p. 1—65.
639. *La Piere R. T.* Attitude versus action.— In: Attitude theory and measurement / Ed. M. Fishbein. N. Y., 1967.
640. *Popper K- R.* The open universe: An argument for interdeterminism. N. Y.: Roman and Littlefield, 1982.
641. *Popper K- R., Eccles J.* The self and its brain: An argument for interactionism. B. etc.- Springer, 1981. 597 p.
642. *Posner M. I.* Cognition: an introduction.— *Ill. Philos. Quart.*, 1971, vol. 8, p. 1—12.
643. *Rommatveit R.* Words meaning and messages. Theory and Experiments in psycholinguistics. N. Y., etc., 1968.
644. *Sampson E. E.* Cognitive psychology as ideology.— *Amer. Psychol.*, 1981, vol. 36, N 7, p. 730—743.
645. *Schank R. L.* A study of community and its groups and institutions conceived of as behaviours of individuals.— *Psychol. Monogr.*, 1932, vol. 3, N 2.
646. *Scott W. A.* Attitude measurement.— In: Handbook of social psychology. 2-nd ed / Ed. G. Lindzey, E. Aronson. Massachusetts etc. Addison-Wesley Publ. Co. 1968 Vol. 1. 653 p.
647. *Sherif M.* The psychology of social norms. N. Y., 1965. 209 p.
648. *Sheppard R. N.* Mental rotation of three-dimensional direct.— *Science*, 1971, vol. 171, p. 701—703.
649. *Skinner B. P.* Verbal behaviour. N. Y., 1957.
650. *Skinner B. F.* Beyond freedom and dignity. N. Y., 1971.
651. *Smart J. J. C.* Sensation and brain progress.— *Philos. Rev.*, 1959, vol. 68, N 2; p. 145.
652. *Smart J. J. C.* Between science and philosophy. N. Y., 1968. 363 p.
653. *Spearman C. E.* The abilities of man. McMillan, 1932. 415 p.
654. *Sperry R. W.* A modified concept of consciousness.— *Psychol. Rev.*, 1969, vol. 76, p. 532—536.
655. *Steitz E.* Die Evolution des Menschen. Weinheim. 1973.
656. *Stevens S. S.* Mathematics measurement and psychophysics.— In: Handbook of experimental psychology / Ed. S. Stevens. N. Y.: Wiley, 1951.
657. *Stevens S. S.* On the psychophysical law.— *Psychol. Rev.*, 1957, vol. 64, p. 153—181.
658. *Swels G., Tanner W., Birdsall G.*— *Psychol. Rev.*, 1961, vol. 68.
659. *Szentagothai J.* The mentional machine of the cerebral cortex as a substrate of psychic functions.— In: 16th World Congr. Philos. Dusseldorf, 1978, p. 613—614.
660. *Taylor D. W.* Problem solving by groups.— In: Proc. 16th Intern. Congr. Psychol. Amsterdam: North Holland Publ., 1954.
661. *Taylor F. W.* The principles of scientific management. N. Y.: Harper and Row, 1911.
662. *Telford C. W.* The refractory phase of voluntary and associated responses.— *J. Exp. Psychol.*, 1931, vol. 14, N 1.
664. *Thurstone L. L.* The learning curve equation.— *Psychol. Monogr.*, 1919, vol. 26, N 3.
665. *Tobach E., Gianutsos J., Topoff H. R., Gross G.* The four horseman: Fasism, sexism, militarism and social darvinism. N. Y., 1974, p. 14—15.
666. *Watson J.* Psychology as the behaviorist views it.— *Psychol. Rev.*, 1913, vol. 20, p. 158—177.
667. *Wellord A. T.* The measurement of sensory-motor performance: survey and reappraisal of twelve years-progress.— *Ergonomics*, 1960, N 3.
668. *Welford A. T.* On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training.— In: Industrial and bussiness psychology. Copenhagen, 1961, vol. 5, p. 182—193.
669. *Werner H., Wapner S.* Toward a general theory of perception.— *Psychol. Rev.*, 1953, vol. 45
670. *Wertheimer M.* Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt II.— *Psychol. Forsch*, 1923, Bd. 4, S. 301—350.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Активность 25, 132, 192—193, 248, 283, 305, 334, 400, 409
- Актуалгенетическое направление (актуалгенез) 161
- Акцептор результата действия 117, 353, 392
- Анализ системный 374
- Аналитическая картина психического 48, 77, 404
- Антиципация 47, 94—96, 113, 121, 166, 168, 170, 210, 236, 357, 401, 402, 404
- Антропогенез 384—386, 388—391, 393, 394
- Антропология 11, 20
- Апперцепция 66, 93, 161
- Ассоцианизм 111
- Ассоциация 75, 111, 115
- Аттитюд (attitude) 326, 330, 332, 334, 335
- Базовые измерения 320—321, 332—333, 402
- потребности 320—321, 402
- субъективных отношений личности 332—333, 402
- Биологизаторский подход (биологизаторство) 4, 6, 342, 343, 372, 373, 377, 388, 389
- Биологическое 8, 10, 37, 291, 342, 346, 358, 361, 362, 370, 373—375, 380, 383, 384, 390, 394, 395, 398, 402
- обеспечение психического 368
- Биохимические основы поведения и психики 14
- Бихевиоризм 8, 35, 44, 99, 115, 133, 174, 190, 372, 395
- Борьба мотивов 7, 316
- Вариативность психического 108—109
- Вектор «мотив — цель» 209, 217, 225, 251, 311
- Взаимодействие
- гено-средовое 378
- информационное 63, 66
- психофизиологическое 347, 349
- субъектов 249
- Взаимотношение (в коллективе) 253, 322
- Вкус 331
- Внешнее 211—213, 372
- Внимание 26, 68—69
- Внутреннее 211—213, 372
- «Внутренний (субъективный) мир» личности (субъекта) 40, 133, 189, 249, 308, 331, 336
- Внутренняя связанность сознания 188—189, 340, 361
- Внушение 12, 28, 73, 181, 238, 388
- Возрастной кризис 329
- Волевой акт 391
- Волевое свойство личности 307
- Воля 9, 26, 205, 307
- Воображение 167, 390
- Воспитание 16, 17, 33—34, 335, 377, 405
- Восприятие (перцепция) 9, 26, 66, 67, 127, 132, 143, 153, 161, 163, 166, 168, 214, 351, 355, 368, 387, 404
- Воспроизведение 281
- Восхождение
- от абстрактного к конкретному 115, 127, 299, 302, 396
- от конкретного к абстрактному 11, 127, 299, 396
- Вторая сигнальная система 184, 359, 382
- Генетика
- поведения 14, 394
- человека 14, 98, 394
- Генетическая организация индивида 378
- программа 377
- Генетический полиморфизм 130, 380
- «Генное снаряжение» 376—377, 389
- Генотип 375—379
- Гетерохронность
- процесса овладения деятельностью 123, 227, 313
- психического развития 113, 123, 369
- Гештальт 73, 90
- Гештальтизм (гештальтпсихология) 44, 67, 90, 161
- Гиперболизация и абсолютизация категории 8
- Гипотеза угодобления 151—154
- Гностическое действие 168
- Группа (людей) 255, 257, 291
- Группы законов 111—115, 130
- Гуманистическая (гуманистская) психология 44, 344, 372, 373
- Движение 80, 151—153, 228
- викарное 154
- гностическое 228
- глаза 152—154
- исполнительское 228
- осязательное (ощупывающее) 151—152
- приспособительное 228
- выразительное 265
- Деятельно-преобразующий тип знания 50—51
- Действие 75—76, 123, 156, 209, 212, 216, 219, 270, 300, 331, 344
- актуальное 95, 168
- внешнее 212—213
- внутреннее 212, 213
- перцептивное 156, 166
- потенциальное 95, 168
- с идеальными предметами 225
- с реальными (материальными) предметами 225
- умственное 168—169, 213, 229, 392
- Детерминанта 5, 36, 40, 100, 102, 125, 162—163, 205, 257, 284, 310, 327, 370, 383, 408
- биологическая 99, 102, 346, 367, 370, 383
- внешняя 373
- внутренняя 373
- социальная 346, 370, 383
- Детерминант смена 102, 394
- Детерминация 10, 39, 41, 43, 98, 100, 114, 125—126, 128, 163, 335, 342, 364, 372, 374, 383, 394, 408
- кумулятивная 123, 330
- поведения и психики 98—100, 115—126
- системная 99, 103, 115—126, 163, 337, 344, 407
- социальная 21, 65, 99, 303, 366, 373
- стабилизирующая 101
- Детерминизм 5, 45, 115—117, 121, 392
- вероятностный 100, 116
- «линейный» 98—100, 115—116, 383
- «Деятельный» подход 186—187, 226

- Деятельность 8, 9, 10, 21, 37, 76, 82—83, 86, 118, 120, 147, 182, 189—190, 192—193, 197—198, 199, 201, 209, 211, 214, 227, 245, 256, 270, 312—313, 318, 320, 335, 350, 368, 377, 395—396, 398, 400, 403, 406
- ведущая 336
- внешняя 211—212
- внутренняя 211, 212
- индивидуальная 193—194, 195, 202—204, 207—208, 213, 241, 268, 270, 280, 284
- познавательная 184
- предметно-практическая (предметная) 166, 168, 338
- совместная 28, 72, 187, 202, 231—234, 236—237, 239, 240—241, 269, 272, 274, 283—284, 287, 325, 337, 359, 388, 392
- трудовая 26, 360, 387, 405
- Диагноз 407, 409
- Диагностика 407
- Диада 276, 278, 283
- Диалог 249, 274
- гнутренний 281
- Дилетантизм в психологии 38—39
- Динамика 112, 151, 160, 163, 321, 350, 381, 403
- общения 272, 283, 287
- потребностей 321, 403
- психического процесса 112, 160, 381
- формирования перцептивного образа 350
- Динамическая локализация психических функций 45, 357
- организация существенных сил человека 311
- (формальная) сторона психического 380—381
- тенденции 311
- Дифференциация
- психических процессов 370
- психологического знания (психологии) 19, 20, 61—63, 73, 403
- системы 102
- Доминантность отношения 333, 371
- Доминирующее отношение 311
- Дуализм 134, 137, 343—345, 347
- Дуалистическое понимание человека 343—344
- «Единица» психического 75—76, 162
- Единство обучения и психического развития 45
- теории, эксперимента и практики 50—51
- Жизненная цель личности 322—323, 329, 336, 339, 371, 402
- Жизнедеятельность 125, 144, 176—177
- Жест 265, 276, 278, 280, 283
- изобразительный 265, 278, 280, 283
- имитационный (имитирующий) 278, 280, 283
- указательный 265, 278, 283
- досады 283
- запрета 283
- нетерпения 283
- поощрения 283
- Забывание 70
- Задаток 377—378
- Задача 209, 219, 223, 233, 270
- Закон 5, 11, 21, 38, 81, 91, 96, 104—114, 165, 215, 244, 314, 366, 389, 391, 403, 406—407, 409
- ассоциации 111, 115
- биологический 130, 384, 389, 390
- Вебера — Фехнера 111, 114, 136
- гетерохронного развития психических функций 113, 369
- Йеркса — Додсона 113
- обихода 111
- общий 12, 48, 115
- генетический, культурного развития индивида 181—182
- основной биогенетической 362
- психофизический 111, 114, 136
- перцепции 159
- развития интеллекта 113
- психологический 111—114, 128—129, 388, 409
- социального (развития общества) 81, 128—130, 299
- специальный 12, 116
- Стивенса 111, 136
- Хика 111, 112
- Закон-тенденция 109, 407
- Закономерность 30, 35, 40, 43, 60, 83, 93, 243, 312, 369, 378, 389, 404
- историческая 299, 389
- Заломинание 281
- непроизвольное 281
- произвольное 381
- Заражение как социально-психическое явление 12, 73, 161, 308
- Знак 143, 168, 171—172, 185, 393
- Знание 11, 124, 183, 187, 213, 229, 336, 406
- научное 11, 12, 19, 21, 22, 44, 105, 358
- системное 89
- эмпирическое 4, 7, 50, 396
- Значение 75—76
- Зона ближайшего развития 109, 336
- Зоопсихология 13, 18
- Зрелище 153—154
- Зрительный поиск 280
- Идеал 299, 323
- Идеальная форма отражения 173, 175—176, 263
- Идеальное 177
- Идеальный объект 49, 52, 57, 128
- Идентификация 357
- Идеологическая функция психологии 35, 36
- Иерархия в строении системы 94—97
- Индивид 12, 32, 36, 73, 80, 82, 129, 144, 180, 186, 187, 193—194, 196, 199, 203, 204, 206, 208, 291, 295, 297, 319, 325, 328, 340, 362, 365—366, 371—372, 374, 383—389, 393, 401, 407
- Индивидуализация 308, 309, 407
- Индивидуально-психологические особенности человека 15, 34, 210, 287
- Индивидуальность 291, 340—341, 379—380, 409
- Индивидуальный стиль деятельности 381
- уровень общественного бытия человека (жизнедеятельность) 145, 180, 202, 246, 247
- Индукция взаимная 181
- Инструментальный сигнал 222
- Интегральные свойства (качества) 290—291
- Интеграция 7, 19, 63—65, 102—103, 341, 370
- знания 7, 19, 63—65, 341
- психических процессов 370
- систем 102, 103
- Интеллект 54, 164, 169, 307, 377
- Интеллектуальный (мыслительный) процесс 159, 239, 292
- Интенсивность субъективных отношений личности 332
- Интерес 32—33, 311, 323, 331
- Интериндивидуальный психический процесс 308
- Интерпретация 211—213
- Интерпсихическое 286, 308
- Интерсубъективное 286
- Интраиндивидуальный психический процесс 286, 308
- Интрапсихическое 286
- Интроспекционализм (интроспекционалистская психология) 40, 167, 174
- Интроспекция 41
- Интуция 230
- Информационная эквивалентность 150
- Информация 28, 29, 112, 150—151, 163, 222, 225—226, 230, 255—266, 286, 352, 354, 361, 405
- о результатах действия 225—226, 230
- о текущем состоянии предмета 222
- Исследование 405—409
- прикладное 405—406
- фундаментальное 405—406, 409
- Историческое развитие общества и человека 145, 342
- Категориальность восприятия 93, 161
- Категория 7—10, 142, 241—242, 244, 289, 345, 397, 400, 409
- базовая (в психологии) 7, 9, 142, 242, 244, 289, 395, 397, 400, 409

- Качество (свойство) 7, 17, 85, 87, 293, 342, 362, 370—371, 373
 — биологическое 85, 87, 371—373
 — психологическое 7, 17, 85—87, 342, 362
 — социальное 85, 87, 293, 370
 Классификация 88, 197, 198, 250, 318
 — наук 11, 19
 Классы психических явлений 73, 394
 Когерентность субъективных отношений личности 333
 Когнитивная психология (когнитивизм) 44, 191
 Когнитивная схема 168
 Когнитивный конфликт 267
 Коллектив 30—32, 255, 322—323, 325, 394
 Коллективная рефлексология 242
 Константность восприятия 68, 161—162
 Контакт 272
 Контрподражание 32, 73, 181
 Конфликт 329
 Концепция 45, 47, 59, 84, 94—96, 102, 111, 195, 213, 227, 231, 292, 314, 323, 326, 345, 347—349, 352—353, 359, 362, 377, 383
 — автоматизма 348
 — биологизаторская 345, 362, 377, 383
 — взаимодействия органов чувств 45
 — включения 102
 — деятельности 195
 — динамической функциональной структуры личности 292
 — дуалистическая 345
 — единства обучения и психического развития ребенка 45
 — информационного синтеза физических и биологических параметров стимула 352
 — коллективных реакций 45
 — обобщенных ассоциаций 45, 111
 — поэтапного формирования умственных действий 213
 — психологических отношений 45, 326
 — психофизиологических основ индивидуальных различий 45
 — психофизиологического параллелизма 347
 — психофизиологической идентичности 347, 349
 — развития высших психических функций 45
 — развития памяти 45
 — развития произвольных движений 45
 — системного механизма реакции 45
 — системной организации психических процессов и функций 45
 — системогенеза деятельности 227
 — «собственного будущего» 323
 — социологизаторская 345, 377
 — уровней антиципации 94—96
 — уровней реакции 45
 — установки 45, 59
 — функционального органа 231
 — функциональной системы 47, 84, 231, 353, 359
 — эмерджентного психодеривального монизма 348, 349
 Корректировка действия 216
 «Карта — обозрение» 279, 280
 «Карта — путь» 280
 Ленинская теория отражения 132, 138, 349
 Личностные свойства 298
 Личностный смысл 323, 326
 Личность 7, 8, 10, 12, 21, 34, 37, 72, 128, 146, 241, 244, 258, 289, 291—292, 297, 301, 302, 305, 310, 312—313, 328, 336, 339, 341, 365, 370, 377, 382, 395—396, 400, 403, 404, 409
 Локализация 350—351
 Макросистема 92, 402
 Макроструктура 92, 399
 Макроуровень 271, 370
 Малая группа 32, 81, 295, 297
 Математизация психологической науки 53, 55, 61
 Материально-структурные свойства (качества) 78—80
 Межличностные отношения 12, 28, 73, 195, 234, 238, 257, 269—270, 274, 283, 288, 296, 327, 400
 Мезауровень 272, 370
 Мера общения 37
 Метод воздействия 408—409
 Механизм 142, 150—155, 383
 — отражения 142, 150—155
 Микрогенез (актуалгенез) 160
 Микросистема 92
 Микроструктура 399
 Микроуровень 273, 370
 Мимика 265, 276
 Многомерность психических явлений 93—94
 Мода 32
 Модальность субъективных отношений личности 332, 371
 Моделирование 52, 54, 55, 56, 60, 61, 408
 — математическое 52, 54—55, 60, 61
 — дискурсивный подход в математическом моделировании 55—56
 — структурный подход в математическом моделировании 56
 — функциональный подход в математическом моделировании 56
 Модель 52, 56, 57—61, 70, 133, 210, 216, 222—223, 226, 235, 387
 — дескриптивная 57—61
 — концептуальная 70, 210, 216, 222—223, 226, 235
 — нормативная 57—61
 Монистический подход к изучению человека 374
 Мотив 9, 12, 27, 125, 201, 204, 205—207, 209, 214, 216, 234, 251, 311, 312—314, 336, 400, 402—403
 — «смыслообразующий мотив» 311
 Мотивационная (мотивационно-потребностная) сфера личности 34, 202, 206—207, 311, 313—315, 317—318, 321, 322, 336—337, 338, 371, 380
 Мотивация 41, 47, 102, 257
 Мультипликативность психического отражения 163, 263
 Мышление 9, 17, 26, 70, 96, 110, 127, 143, 162—164, 169, 171, 214, 231, 351, 368, 404
 — вербально-логическое 169, 171
 — образное 171
 — оперативное 70
 — понятийное 164, 169
 Навык 124, 227, 228, 229, 336, 406
 Направленность личности 17, 310, 311, 324, 336
 Наследственность 376
 Натуралистический подход 294
 Настроение 28
 Научение по наблюдению 187
 Научно-практический инструментарий 407—409
 Научно-практическое направление системного подхода 406—409
 Нейнструментальный сигнал 222
 Нейропсихология 15, 66, 350
 Нейрофизиологическое обеспечение психики (психических процессов) 355, 356
 — гибкие звенья 355
 — жесткие звенья 355
 Новый человек 34—35, 341
 Обнаружение сигнала 71, 357
 Обобщение психологических данных 7, 37, 49
 Обобщенность субъективных отношений личности 334, 371
 Обобщенные ассоциации 45, 111
 Образ 7, 67, 133, 142—143, 153, 156, 158, 161, 167, 168, 171, 172, 210, 216, 226, 235, 267, 285—286, 350
 — гипногический 167
 — зрительный 153
 — оперативный 210, 216, 226, 235
 — перцептивный 285, 286, 350
 — последовательный 167
 — видетический 167
 Образ жизни 93, 256, 298
 Образ-цель 217, 218—219, 226, 392
 Образная форма отражения 171
 Обучение 16, 17, 33—34, 377
 Общая теория личности 290
 Общая теория психологии 4, 8, 53, 64—67, 74, 232, 240, 341, 346, 362, 378
 Общая цель 233
 Общение 8, 10, 21, 37, 41, 72, 76, 82, 83, 147, 186, 189, 235, 241, 242, 244—245, 247—248, 252, 254—256—258, 261, 262—263, 268, 270, 274, 286, 312, 320—321, 325, 337—338, 339, 359—360, 368, 388, 390, 392, 395—396, 400, 403
 — ведущая сфера общения 338
 — деловое 258
 — косвенное 258, 265, 337
 — личное 258
 — межличностное 258
 — непосредственное 258, 260, 265, 337
 — опосредствованное 258, 265, 337
 — прямое 258, 265, 337
 — разговорное 258
 — резонансное 258
 Общественное настроение 7, 73, 403
 Общественные отношения 6, 34, 182, 195, 196, 197, 258—260, 292, 296, 298—299, 301—303, 323, 327, 329, 330, 335, 365, 370, 395, 402, 405
 Общетеоретическое направление системного подхода 406
 Общие (основные) понятия психологии 395, 397
 «Общий фонд» знаний (информации) 237, 273, 282, 287, 400
 — навыков 273
 — умений 273
 Общность (людей) 32, 72, 80—81, 174, 202, 252, 301, 318
 Объективистские направления в психологии 133
 Одаренность 109, 311, 324
 Олигаторные общественные отношения 327
 Онтогенез 157, 369
 Операция 221
 Опережающее отражение 141—143, 166, 187, 210, 218, 232
 Оpozнание 66—67, 357
 Опосредствование 100, 117—118
 Орган чувств (анализатор) 66, 71, 158, 165—166, 228
 Организм 13, 84, 85, 87, 141, 342, 370, 383
 Ориентировка 141
 Орудие (средство)
 — труда (деятельности) 85
 218 391—392
 — стимул 184, 185
 Основание (психических свойств) 97, 100, 102, 292—293
 Основная жизненная направленность 311
 Осознаваемое 231, 286
 Осознание 151—152
 Отношение 190, 194—195, 197, 245—246, 250, 256, 275, 293, 296, 315, 326, 330, 333, 337, 389, 400
 — личностное (личное) отношение 296, 330, 337
 — «объект — субъект» 275
 — «субъект — объект» 190, 194—195, 197, 245, 400
 — «субъект — субъект(ы)» 245—246, 250, 256, 275, 400
 — индивид — общество 293, 389
 Отражение 8, 9, 37, 85, 118, 131—134, 258, 350, 395—396
 — актуальное 140
 — идеальное 178, 263, 360, 390
 — опосредствованное 169
 — психическое 76, 125, 136, 139—143, 146, 147, 155—158, 175, 190, 205, 244, 248, 350—351, 358, 361, 386, 394, 400
 — субъективное 133—134, 215, 348—349, 399, 400
 Ощущение 66, 67, 75—76, 94, 132, 136—137, 143, 166, 347, 351, 368, 404
 Павловское учение 46, 47
 Память 9, 26, 69—70, 112, 127, 163, 167, 171, 279, 281, 355, 363, 386, 404
 — вербально-логическая (словесно-логическая) 171
 — долговременная (хранилище) 69, 112, 163, 281
 — кратковременная (хранилище) 69, 112, 163, 281
 — образная 167, 171
 — оперативная 69—70
 Панорамность представления 168
 Пантомимика 265
 Параллелизм 90, 134—135
 — психофизиологический 347, 349
 Парциальное свойство 98
 Патология 15
 Паттерн активации 355
 — динамический 357
 — мультиклеточной активности 84, 357
 Первая сигнальная система 382
 Передача—прием информации 266
 Переработка (анализ и синтез) текущей информации 216, 221, 222, 235
 ПерIOD 272, 336, 369
 — общения 272
 — развития личности 336
 — сенситивный 369
 Периодизация психического развития 365, 366
 Пирамида свойств 98, 407
 Планирование деятельности 127, 216, 219, 220—221, 234, 400
 — индивидуальное 221, 234
 Плуриализм 62, 65, 76
 Побочный продукт (деятельности) 230, 284
 ПовеДение 4, 8, 12—13, 34, 86, 113, 115, 117, 121, 123, 129, 140—141, 184, 209, 299, 331, 343, 349, 351, 353, 371, 395—396, 401
 Поведенческий акт 115, 117, 120, 123—124
 По*крепление 308
 По*лажение 12, 28, 32, 73, 181, 187, 238, 308, 325, 337, 388, 392, 400
 «Подстройка» действия 236
 Подсознательное (бессознательное, неосознаваемое) 95, 118—119, 174, 188—189, 191, 230—231, 286, 344, 352, 361
 Позитивизм (позитивистский подход) 4, 6, 111, 133, 295
 Познавательный инструментарий 406
 Полиморфизм задатков 378
 Понятийная форма отражения 171
 Понятийный (категориальный) аппарат психологии 4, 9, 396
 Порог 67, 71, 224
 — обнаружения сигнала 224
 — оперативный 67
 — чувствительности 71
 Порядок свойств 97—98
 Постулат 38, 165
 — непосредственности 165
 Поступок 331
 Потребление 31, 199, 201
 Потребность 17, 32—33, 72, 199—201, 206—207, 217, 225, 263—264, 269, 311, 315, 317—318, 321, 336, 372, 374—375, 390, 402
 — базовая 320—321, 402
 — биологическая (биогеенная) 206, 315, 374
 — в деятельности 320
 — в материальных условиях и средствах жизни 320
 — в общении (коммуникативная) 263—264, 269, 320—321
 — в отдыхе 321
 — в познании 321
 — витальная 263
 — духовная 201, 374
 — индивида 200, 316, 321, 371, 375, 390
 — материальная 200, 374
 — общества 200, 207, 317, 318, 319, 321, 371, 390
 — производная 321, 402
 — социальная (социогенная) 315, 374
 — человека 372, 375
 Прагматизм 39
 Практика 3, 4, 25—37, 51, 194, 403
 — общественная 3, 4, 25
 Предпосылка как детерминанта 100, 102, 126, 162, 367, 378, 383, 385, 408
 — общая 126, 367, 378, 408
 — специальная 126, 408
 Представление 9, 73, 143, 164, 167, 168, 275, 279, 285—286, 386, 388
 — коллективное 73, 388
 — топографическое 279, 285, 286
 Привычка 331
 Принцип 5, 45, 84, 100—101, 115, 121, 132, 182, 191,

193, 275, 289, 362—364, 397
 — детерминизма 5, 46, 121, 397
 — единства сознания и деятельности 182, 191, 193, 289, 397
 — личностный 289, 397
 — линейного детерминизма 115
 — общения 289, 397
 — отражения 132, 397
 — парного эксперимента 275
 — развития 100—101, 397
 — рекапитуляции 362—363, 394
 — системности 84
 Принципальность субъективных отношений личности 334, 371
 Приятные решения 47, 57—61, 96, 112, 216, 223—224, 235, 331, 400
 Приобщение 340
 Природное свойство человека 373
 Пращина 100—101, 116, 120, 126, 384, 408
 Причинность (причинно-следственные связи, каузальность) 100, 122—123, 163
 Проблема человека 11
 Проблематика психологической науки 21, 398
 Проверка и оценка результата действия 216, 226, 235
 Прогноз 407, 409
 Прогнозирование 124, 284
 — вероятность 284
 Прогностическая ценность теории 38
 Проектирование деятельности 407—408, 409
 Производные измерения субъективных отношений 333
 Производство 25, 196, 201, 247, 295—296
 Промежуточные переменные 116—117
 Пространственная синхронизация колебаний био-потенциалов мозга (мозговых процессов) 84, 355
 «Пространство отношений» личности 302
 Противоречия в развитии 103, 104, 338
 Процесс 67, 85, 94, 138, 151—158, 159, 163—164, 166, 191, 239, 274—276, 281—282, 285, 292, 339, 352, 354, 386, 396, 399, 404
 — волевой 399
 — мнемический 159, 239, 275, 281, 292, 354, 404
 — мыслительный, интеллектуальный 275, 282, 404
 — несознаваемый 191
 — отражения 138, 158, 163, 339
 — познавательный 274, 296
 — перцептивный 67, 151—239, 276
 — пенический 7, 17, 20, 29, 41, 66, 83, 96, 109, 127, 143, 162—164, 183, 186, 188, 191, 208—206, 209, 211, 275, 306, 331, 339, 342, 349, 351, 354—355, 358, 360, 362, 368, 387, 398, 401, 404
 — рефлексивный 164
 — сенсорно-перцептивный 85, 94, 164, 166, 275, 285, 292, 352, 386, 404
 — эмоциональный 399, 404
 Психика (психическое) 5, 8, 13, 22, 44, 78, 86—87, 106, 117, 134, 164, 180, 190, 211, 214, 340, 342, 349, 350, 357, 360, 362, 363, 380, 384, 385, 393, 394, 399, 400—401, 403
 Психическое развитие индивида 129, 271, 336, 361, 363—365, 366—367, 371, 374
 — человека 5, 16—17, 34, 37, 44, 65, 102, 103—104, 109, 113, 167, 191
 — первичная 365—370
 — спонтанное 316
 — варианты 110, 407
 — свойство 7, 17, 85, 87, 342, 362
 — состояние 7, 29, 41, 109, 206, 342, 362
 Психоакустика 13
 Психобиохимия 14, 16
 Психоллингвистика 13, 62, 243
 Психологизация социальных явлений 4, 295
 Психологика 331
 Психологический барьер 28
 — климат 28, 73, 195, 403
 — склад личности 5, 248, 379
 — аспекты антропогенеза 384—394
 — знание 6, 24, 25, 134
 психология (психологическая наука) 13, 15, 16—19, 24, 27—28, 30—31, 34, 36, 39, 41, 47, 51, 54, 62, 64—67, 69, 72, 108, 132, 215, 243, 244, 255, 289—291, 297, 350, 361, 379, 403—404, 407
 — авиационная 62
 — возрастная 17—18, 28, 30, 62, 290, 361, 404
 — детская 17, 62, 65
 — дифференциальная 28, 30, 62, 108, 289—291, 379, 404
 — инженерная 17—18, 30, 62, 64, 66—67, 69, 132, 215, 243, 404, 407
 — искусства 13, 36, 62
 — историческая 13, 62
 — космическая 62
 — математическая 51, 54, 62
 — медицинская 15, 28, 30, 62, 66, 243
 — общая 18—19, 62, 255, 289—290, 350, 404
 — педагогическая 17, 18, 28, 30, 34, 36, 39, 62, 65, 243, 290, 361
 — политическая 13, 403
 — социальная 13, 19, 24, 36, 39, 47, 62, 72, 243—244, 290, 297, 403
 — спорта 62, 404
 — сравнительная 13, 18
 — труда 18, 27, 62, 243, 290, 291, 275, 306, 331, 339, 342, 349, 351, 354—355, 358, 360, 362, 368, 387, 398, 401, 404
 — управленческая (организационная) 31, 62, 243, 290, 403
 — экономическая 13
 — экспериментальная 39, 41
 — этническая 13, 36, 62, 290, 403
 — юридическая 13, 36, 39, 62, 243, 403
 Психопатология 15
 Психотерапия 16, 174
 Психофармакология 16, 62
 Психофизика 13, 24, 39, 54, 62, 67, 71, 116, 132, 135—136, 350, 404
 Психофизиологическая проблема 134, 137, 139, 346—347, 349, 350, 353—354, 356, 357—358
 Психология 14, 19, 24, 39, 46, 47, 62, 66, 132, 291, 350, 379, 382
 — генетическая 14
 — дифференциальная 14, 47, 62, 108, 291, 379, 382
 — общая 14, 62, 132
 Психологическая проблема 90, 134, 137, 139
 — шкала 278, 285
 Развитие личности 266, 308
 — психики 336, 409
 Раздражимость 141
 Различение 357
 Реактология 372
 Реакция 43, 115—116, 133, 344, 355
 Регуляция 70, 80, 113, 133, 184, 215, 226, 268, 386, 388, 404, 406
 — деятельности (психическая) 70, 80, 113, 133, 215, 226, 386, 388, 404, 406
 — общения 404
 — поведения 268, 404, 406
 — произвольная 184
 Редукционизм 23, 47
 Результат отражения 142—143, 285
 Рекапитуляция 362—364
 Рекомендация практическая 405
 Релятивизм 62
 Рефлекс 133, 184, 368
 — рефлекс Бабинского 368
 — рефлекс Моро 368
 Рефлексивность сознания 189
 Речь 187, 276
 Самодетерминация 309, 310, 406
 Саморегуляция 122
 Самосознание 175, 188, 391
 Свойство (качество) 7, 12, 17, 78—80, 83—85, 87, 113, 132, 155, 293, 306, 311, 342, 356, 362, 370—373, 381, 383, 386, 392
 — биологическое 381
 — психологическое 7, 12, 17, 83, 85, 87, 113, 293, 306, 342, 362, 376, 383, 386
 — системное 78—80, 84, 353, 356, 392
 — системообразующее 311, 370
 — социальное 85, 87, 293, 370

Сенсорная организация человека 132, 155, 356
 Сенсорно-перцептивный уровень отражения 157—159, 164—165
 Сеть взаимосвязей (в общении) 271
 Симультанность восприятия 169
 Система 9, 42, 78, 80—87, 91—92, 94—98, 100—101, 111—113, 117, 120—121, 130, 146, 155, 168, 170, 184—185, 195, 205, 212, 223, 225, 229, 265, 279, 287, 294, 309, 313, 344, 349, 352—359, 364, 366, 370, 382, 392, 397, 399, 400, 403, 405
 — биологическая 83—85, 130, 294
 — воздействий 120, 356
 — диахроническая 112—113
 — знаковая 168, 170, 185, 212, 223, 225
 — категорный 9, 309, 397
 — методов 42
 — мозговых процессов 355
 — мотивов 313
 — общения 366
 — сенсомоторная 112
 — сенсорная 279, 339
 — сигнальная 184, 359, 382
 — социальная (общество) 80—82, 116
 — родо-видовая 91, 92, 399
 — уровневое строение 94—98
 — физическая 85—87
 — функциональная 84, 112, 354, 357, 392
 Систематизация 7, 88, 353, 357
 Системная организация (строение) процессов 353, 361
 Системные нейрональные сдвиги и межнейрональные перестройки 357
 Системный подход 3, 9, 41, 61, 89, 91, 104, 124, 128, 350, 357, 395, 398, 402—403, 406—407, 409
 Системогенез деятельности 112, 230, 241
 — психики 76
 Ситуация 120, 254, 287
 Склонность 311, 324
 Следствие 116
 Совместное воспроизведение (вспоминание) 280
 — мыслительная деятельность 282
 — поиск 277—278, 280
 — решение задач 283—284
 Содействие 400
 Содержательная сторона психического процесса 380
 Созерцательно-описательный тип знания 50
 Сознание 5, 36, 133, 137, 144, 173—175, 179—180, 182—183, 188—189, 231, 248, 258, 263, 339, 340, 343, 360, 361, 390, 400
 — индивидуальное 36, 173, 180, 248, 339—340, 343, 400
 — общественное 36, 174, 178—180
 — активность сознания 189
 — сознание как идеальная форма отражения 173—189, 390
 — рефлексивность сознания 188—189, 361
 — внутренняя связь сознания 188—189, 361
 Сознательность 334, 371
 Сопереживание 28, 400
 Соперничество 325, 337
 Сопряженное действие (акт) 253, 265, 273
 Соревнование 238
 Сотрудничество 325, 337
 Социал-дарвинизм 38
 Социализация 307, 308, 309
 Социальная регуляция поведения 243
 — программа наследования 382, 390—391
 — установка 12, 34, 403
 социальное 8, 10, 37, 291, 342—346, 358, 361, 362, 370, 374—375, 380, 383—384, 390, 394—395, 398, 402
 Социально-психологическое явление 34, 73, 388, 394
 Социогенез 385, 389
 Социологизаторский подход (социологизаторство) 6, 342—343
 Способ производства 178, 295—296
 Способность 9, 12, 17, 41, 72, 97, 109, 311, 324—325, 376—378, 403
 Способности коллектива 325
 Средовое 375
 Средство общения 265, 274
 — вербальное 265, 274
 — невербальное 265, 274
 Средства развития (человека) 201
 Стадильность (фазность) восприятия 161—162
 — психического процесса 112
 Стадии (фазы) процесса восприятия 160
 Степень сознательности субъективных отношений личности 334—335
 Стереотип поведения 331
 Стимул 27, 115—116
 — «стимул—реакция» формула 115—116
 Структура 27, 49, 58—59, 90—91, 112, 114, 155, 227, 228, 258, 271—274, 294, 335, 388, 403
 — биологическая 294
 — двигательная (моторная) 227—228
 — (строение) деятельности 27, 58—59, 335
 — личности 114, 403
 — общения 258, 271—274
 — поведения 388
 — психологической теории («теоретическое здание») 49
 — сенсорная 228
 — теории 49
 Субстанционалистское представление о психике 45, 134
 Субъект 10, 12, 136, 141, 144—145, 161, 165, 204—

205, 240, 248, 249, 251—252, 255—256, 273, 289, 330, 339—340, 353, 400
 — деятельности 204—205, 255
 — общения 144
 — общественный 330
 — познания 144
 — совокупный 240, 255—256, 273
 Субъективизм 330
 Субъективистские направления в психологии 133
 Субъективная шкала 286
 Субъективные шкалированные 278
 — отношение личности (субъективно-личностные отношения) 33, 73, 125, 325—331, 336—337, 339—340, 364, 371, 380, 388, 400, 402, 403
 Субъективность 106, 143, 146—147, 330, 340
 Субъективный мир человека 22, 40, 133
 Сурдопсихология 17
 Сфера потребностно-мотивационная 401
 Схематизация образа 168
 Талант 324
 Творческий потенциал 17
 Творчество 28, 96, 112, 230, 409
 Тема общения 254
 Температура 97, 288, 380
 Теоретический тип знания 7
 Теория в психологии (психологическая теория) 6—7, 37, 47—49, 105, 403, 405
 — общая 48, 64—65
 — рефлекторная 184
 — специальная 46—48, 65—66
 — обнаружения сигнала 352
 Типы организации живого 83, 389
 Тифлопсихология 17
 Требования к теории 37—38
 Труд (трудовая деятельность) 26—28, 176, 199, 250, 326, 385, 387, 391, 405
 Убеждение 181
 Умение 124, 229, 336, 406
 Уровень 59, 94—97, 111, 113, 119, 131, 155—157, 164—171, 173, 228, 314—315, 339, 401
 — анализа (исследования) 97, 271—274, 375, 403—404
 — антиципация 94—96
 — мотивации 314—315
 — несознаваемого 401
 — психического процесса 94—97, 111, 113
 — регуляции 59, 228
 — системы психических явлений 94
 Уровень психического отражения 119, 131, 155—157, 164—171, 173, 339, 401
 — сенсорно-перцептивный 164—166, 401
 — представлений («пред-

ставленческий) 167—168, 401
 — рече-мыслительный (вербально-логический) 59, 169—170, 401
 Усвоение понятий 282
 Условие (в системе детерминант) 100—101, 126, 408
 Установка 7, 112, 125, 227, 326
 Устойчивость отношений личности 333, 371

Фаза общения 277, 279
 Факт (научный) 43
 Фактор (в системе детерминант) 9, 96, 100—101, 124, 126, 128, 161, 384, 408
 — внешний 161, 408
 — внутренний 161, 408
 — системообразующий 9, 96, 124, 128
 Феноменальный мир 133, 164—167
 Феноменологический подход (феноменологизм) 6, 23, 106, 111
 Физиологическая психология 347
 Физиологическое обеспечение психических процессов 274, 358, 367, 373, 379, 402, 404
 Физиология активности 231, 359
 Форма 142, 154, 157, 172—173, 254, 285, 318, 338, 339
 — знаковая 172
 — общения 318, 338
 — отражения 142, 154, 157, 173, 285, 339
 — сообщения 254
 Формальная сторона психического 380
 Формирование личности 17, 35
 Фрейдизм 35, 44, 118, 191, 372
 Френология 78
 Функционализм 74
 Функциональная асимметрия 79

Функциональное свойство (качество) 78—80
 Функциональный орган 356, 357
 Функция общения
 — аффективно-коммуникативная 266, 268—269
 — информационно-коммуникативная 266—268
 — когнитивная 59, 94, 183, 358, 361, 401
 — коммуникативная 94, 96, 183, 186—187, 358, 361, 401
 — организации совместной деятельности 269—270
 — познание людьми друг друга 269—270
 — психики 59, 94, 96, 183—184, 186—187, 358, 361, 401
 — формирования и развития межличностных отношений 269—270
 — регулятивная 59, 94, 96, 183—184, 358, 361, 401
 — регуляционно-коммуникативная 266, 268—269

Характер 12, 72, 97, 311
 Холмский подход 161

Целеобразование 47, 122, 127, 205, 208, 287
 Целеполагание 122
 Целостность психики 86, 90, 100
 — дифференцированная и структурированная 74, 76, 402
 Цель 121, 123, 125, 201, 204, 207—210, 216, 218, 234, 270, 286, 392, 400
 — деятельности 121, 139
 — как идеальное представление будущего результата 217, 322
 — как уровень достижений 217, 232
 Ценностная ориентация 311
 Цикл (в общении) 273, 287

Человек как объект комплексного исследования 11, 12
 Человеческий фактор 26—30
 Человечество 80—81
 Чувствительность 97, 137, 141, 149
 Чуждость 12, 335
 — ответственности 335

Широта субъективных отношений личности 332, 371

Эволюция биологическая 11, 13, 78, 139, 145, 155, 342, 367, 385, 389, 390, 391
 Эквивалентность ощущений 149
 Эвипотенциализм 351
 Эклектизм 44
 Эксперимент 37, 39—42, 43, 66, 403, 408
 — естественный 42, 43
 — лабораторный 39—42
 — умственный 408
 — формирующий 408
 Экстернизация 212
 Элементаристский подход 161
 «Элементарное» и «сложное» в психологии 127
 Эмерджентный психо-нейрональный монизм 348—349
 Эмоциональная сфера человека 269
 Эмоциональное взаимодействие 238
 — состояние 41, 172, 306, 369
 Эмоциональность отношений личности 333—334, 371
 Эмоциональный процесс 47, 292
 Эмпатия 9, 26, 143, 172—173, 205, 306—307, 386, 404
 Эмпиризм 4, 7
 Эмпирический уровень психологического анализа 16
 Эпифеномен 106
 Эргономика 17—18

Язык 170, 178, 183, 187, 263, 361, 393

Абульханова-Славская К. А. 3, 180, 291, 305, 312, 410
 Айзенк Г. (Eysenk H. J.) 376, 383, 428
 Аладжолова Н. А. 352, 410
 Александрова А. Д. 410
 Александровский Ю. А. 410
 Анаьев Б. Г. 6, 11, 19, 45, 78, 79, 83, 109, 112—113, 123, 132, 138, 144, 152, 155, 159—160, 164, 166, 173—174, 192, 289, 291, 306, 311—312, 323—324, 327, 336, 340, 356, 358, 366, 369, 380—381, 410—411, 421
 Андреева Г. М. 238, 290, 308, 411
 Андреева Е. А. 153, 154, 411
 Андриевская В. В. 417
 Анохин П. К. 14, 47, 84, 88, 96, 141, 145, 150, 177, 184, 231, 351, 352—354, 357, 359, 367, 381, 392, 411, 422, 424
 Аньферова Л. И. 3, 109, 114, 292, 303, 366, 411, 422—423
 Арнольд О. Р. 352, 410
 Аронсон Э. (Aranson E.) 294, 429—430
 Артемов В. А. 411
 Артемьева Т. И. 313, 411
 Архангельский С. Н. 411
 Асеев В. Г. 236, 411
 Асеев В. Г. 313, 317, 411
 Асмолов А. Г. 308, 411
 Аткинсон Р. (Atkinson R.) 54, 112, 163, 411, 429
 Афанасьев В. Г. 80, 411
 Аш С. (Asch S. E.) 179

Баев А. А. 411
 Балл Г. А. 417
 Бандура А. (Bandura A.) 187, 411, 412
 Бардин К. В. 3, 71, 93, 411, 412
 Бассин Ф. В. 127, 412
 Бауэр Г. (Bower G. H.) 54
 Бахарева Н. А. 228, 414
 Бахтин М. М. 249
 Бейлс Р. Ф. (Bales R. F.) 428
 Белополюский В. И. 412
 Белоус В. В. 291, 412
 Беляев Д. К. 377, 412
 Беляева А. В. 267, 412
 Берг А. И. 415—416
 Берг М. А. 415

Береговой Г. Т. 42, 412
 Бериташвили И. С. 14, 47, 412
 Бернулли Д. (Bernoulli D.) 54, 412
 Бернштейн Н. А. 47, 184, 231, 359, 412
 Бехтерев В. М. 5, 45, 53, 73, 89, 159, 162, 181, 184, 242, 276, 282, 291, 326, 412, 425
 Бехтерева Н. П. 47, 84, 351, 354, 355, 357, 412
 Биндра Д. (Bindra D.) 428
 Бине А. (Binet A.) 54, 428
 Блонский П. П. 5, 6, 45, 162, 412
 Блондель Ч. (Blondel Ch.) 428
 Блохина Т. П. 283
 Бобнева М. И. 312, 412, 423—424
 Бодалева А. А. 3, 65, 237, 290, 412, 423, 426—427
 Бодров В. А. 426
 Божович Л. И. 366, 412
 Бойко Е. И. 45, 184, 356, 412
 Бокоников А. К. 417
 Болдуин Дж. (Baldwin J. M.) 428
 Большакова Т. С. 3
 Бонгард М. 54
 Бочарова С. П. 112, 412
 Бочков Н. П. 412
 Браккен Х. фон (Bracken H. von) 376, 428
 Брентано Ф. (Brentano F.) 428
 Брунер Дж. (Bruner J.) 413
 Брушлинский А. В. 3, 162, 413, 421
 Бубнова С. В. 307, 413
 Будилова Е. А. 3, 413
 Буева Л. П. 247, 413
 Бунге М. (Bunge M.) 348—349, 428
 Буш Р. (Bush R. R.) 54
 Бушурова В. Е. 413
 Бен А. (Ben A.) 75
 Бюлер К. (Buhler K.) 185, 413, 428

Вайткявичус Г. Г. 426
 Вайнхаймер С. (Weinheimer S.) 429
 Валлон А. (Wallon A.) 369, 413
 Вальпер С. (Warner S.) 431
 Васильевский С. М. 168, 324, 408, 413

Васильев И. А. 413
 Вебер Е. (Weber E.) 114, 149
 Ведерников В. Ф. 281
 Веллфорд Б. М. 413
 Велфорд А. Т. (Welford A. T.) 222, 431
 Венгер Л. А. 415
 Ванда В. Ф. 3, 27, 413, 416, 423
 Вергилес Н. Ю. 153—154, 411, 415, 420
 Вернадский В. И. 83, 413
 Вернер Г. (Werner H.) 160, 431
 Вертгеймер М. (Wertheimer M.) 75, 90, 431
 Викланд Р. А. (Wicklund R. A.) 428
 Вивер Н. (Wiener N.) 17, 413
 Владимиров А. Д. 413
 Водозеров В. М. 413
 Войтонис Н. Ю. 413
 Волков Н. Н. 161, 413
 Волокитина М. И. 424
 Воложников В. Н. 413
 Вудвортс Р. (Woodworth R. S.) 94
 Вундт В. (Wundt W.) 53
 Выготский Л. С. 6, 45, 75, 83, 109, 170, 174, 181—182, 185, 242, 286, 308, 336, 358, 369, 413

Газзанига М. С. (Gazzaniga M. S.) 429
 Галактионов А. И. 223, 414
 Гальперин П. Я. 414
 Гальтон Ф. (Galton F.) 376
 Гамезо М. В. 168, 414, 423
 Гандлах Р. (Gundlach R.) 93
 Ганзен В. А. 54, 375, 414
 Гартли Дж. (Hartley J.) 131
 Гегель Г. В. Ф. (Hegel G. W. F.) 20, 105, 108, 117, 145, 179, 364, 414
 Геккель Э. (Heckel E.) 13, 414
 Геллерштейн С. Г. 414
 Гельмгольц Г. (Helmholtz H. von) 138, 172
 Гезов Ф. 30, 115, 414
 Герасимов М. Н. 385
 Гербарт Г. (Herbart G.) 167
 Герцен А. И. 38, 43, 326, 414
 Гехт С. (Hecht S.) 54, 429

- Гибсон Дж. (Gibson J. J.) 429
 Гиллрейтер Ю. Б. 414
 Глезер В. Д. 54
 Головей Л. А. 375, 414
 Голубева Э. А. 382, 414, 423
 Гонсалес Ф. Рей (Gonzales F. Rey) 338, 414
 Горбачева Т. П. 93, 112
 Горбов Ф. Д. 236, 359, 414
 Гордеева Н. Д. 228, 414
 Гостев А. А. 414, 427
 Грачев А. А. 414
 Греченко Т. Н. 414
 Гримак Л. П. 426
 Гросс Г. (Gross G.) 431
 Гургендзе Г. С. 419
 Гуревич К. М. 314, 381, 414
- Давыдов В. В. 172, 312, 414
 Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 21, 89, 414
 Дарлингтон К. (Darlington C.) 376, 428
 Дворянина М. А. 411
 Девильяли В. М. 228, 414
 Декарт Р. (Descartes R.) 134
 Демидова Е. В. 414
 Демокрит (Demokritos) 131
 Джаннутос Дж. (Gianut-sos J.) 431
 Джаспер Г. (Jasper H.) 106
 Джекобсон Р. (Jacobson R.) 429
 Джеймс В. (James W.) 328, 348, 429
 Дженсен А. (Jensen A. R.) 375—376, 389, 429
 Джидарьян И. А. 264, 414
 Джильтберт Ф. (Gilberth F.) 215, 429
 Добролюбов Н. А. 326
 Додсон Дж. (Dodson J.) 113
 Драгунс Дж. (Draguns J. A.) 160, 428
 Дранков В. Л. 324, 414
 Дубинин Н. П. 380, 382, 414
 Дувал С. (Duval S.) 428
 Душков Б. А. 3, 414
 Дюркгейм Э. (Durkheim E.) 73, 237, 262, 428
- Жанэ П. (Janet P.) 211, 308, 429
 Жуков Е. М. 129, 415
 Журавлев А. Л. 290, 307, 415—416, 419
 Журавлев Г. Е. 111, 413, 415, 423
- Забродин Ю. М. 3, 54, 94, 132, 164, 224, 278, 415—416, 420, 422—424
 Завалишина Д. Н. 103—104, 415
 Завалова Н. Д. 132, 412, 415
 Зазыкин В. Г. 426
 Запорожец А. В. 6, 45, 157, 184, 366, 415
 Зараковский Г. М. 415
 Зваржик А. А. 415
 Зейгарник В. В. 272, 292, 415
 Зимняя И. А. 415
- Зинченко В. П. 152, 228, 414, 415
 Зинченко П. И. 162, 185, 415
 Злобина Е. Г. 415
 Знаицкий Ф. (Znaniicki F.) 327
 Зотова О. И. 290, 416, 423—424
- Ибрагимбекова Р. Ф. 415
 Иванидный А. М. 352, 415, 419
 Иванов Е. И. 426
 Иванов-Смоленский А. Г. 359, 415
 Иващенко Ф. И. 120, 416
 Ильенков Э. В. 175, 416
 Ильина Е. П. 113, 381, 416
 Ительсон В. (Itelson W.) 429
- Йеркс Р. (Yerks R.) 113
- Кабанова-Меллер Е. Н. 416
 Каган М. С. 416
 Кантрил Г. (Cantril H.) 429
 Карпец И. И. 414
 Карвасарский Б. Д. 416
 Карсаевская Т. В. 369, 416
 Картеретт Э. (Carterette E.) 429
 Касван Дж. (Kaswan J.) 160
 Касюлис Ю. К. 290
 Кауфман И. И. 368
 Кедров Б. М. 19, 416
 Келер В. (Köhler W.) 90, 416, 429
 Кидд Дж. (Kidd J.) 236, 429
 Кинкейд Р. Г. (Kinkade R. G.) 236
 Киреев В. И. 324, 416
 Кисарчук З. Г. 417
 Китов А. И. 3, 416
 Кликс Ф. (Klix F.) 54, 67, 102, 138, 388, 391—393, 416, 429
 Климов Е. А. 381, 416
 Ковалев А. Г. 290, 292, 416
 Ковалев В. И. 317, 416
 Ковач Д. (Kovač D.) 116, 122, 416
 Кодым М. (Kodum M.) 324, 377, 429
 Колбановский В. Н. 424
 Кольцова В. А. 282—283, 417
 Кон И. С. 417
 Конверз П. Е. (Converse P. E.) 430
 Конопкин О. А. 112, 122
 Константинов Ф. В. 19, 417
 Корж Н. Н. 162, 417
 Кореньев Г. В. 153, 231, 417
 Корнилов К. Н. 6, 45, 417
 Корнилов Ю. К. 5, 417, 421
 Корчагинская В. И. 356, 417
 Косилов С. А. 417
 Костюк Г. С. 6, 45, 162, 283, 417
 Коффка К. (Koffka K.) 90, 429
 Кох Э. (Koch S.) 77, 429
- Коч А. С. (Couch A. S.) 428
 Кравков С. В. 6, 45, 132, 417
 Крауз Р. (Krauss R.) 429
 Крейк К. Дж. В. (Craik K. J. W.) 54, 184, 429
 Крейк Ф. Дж. (Craik F. J.) 428
 Крелин Э. (Krelin E.) 387
 Креч Д. (Krech D.) 327, 429
 Кречфилд Р. (Crutchfield R.) 327, 429
 Крозье В. (Crozier W. J.) 54
 Кротерс Э. (Crothers E.) 54
 Крутецкий В. А. 324, 417
 Крылов А. А. 3, 102, 132, 219, 417
 Крылов А. Н. 52
 Крылов В. Ю. 3, 54, 417
 Крылов Д. Н. 417
 Крылова Н. В. 239, 417, 423
 Кудин П. А. 414, 417
 Кудрявцев В. Н. 414
 Кудрявцева Н. А. 411
 Кузьмин В. П. 3, 91, 96, 394, 406, 417
 Кузьмин Е. С. 238, 290, 417, 420, 424
 Кузмина Т. В. 356, 417
 Кулакова Г. П. 417
 Кулюткин Ю. Н. 60, 225, 417, 418
 Купер Л. (Cooper L.) 428
 Куразов Н. Ф. 418
 Кучевская Н. В. 33, 418
 Кучинский Г. М. 282, 418
 Кэттел Р. В. (Cattell R. V.) 428
- Ладыгина-Котс Н. Н. 418
 Лазурский А. Ф. 42, 242, 292, 323—324, 326—327, 333, 418
 Лазарев П. П. 5
 Ламм Г. (Lamm H.) 282, 429
 Ланге Н. Н. 112, 159, 160, 418
 Ландис К. (Landis C.) 175
 Лапе Ю. П. 152
 Ла Пире Р. Т. (La Pierre R. T.) 327, 430
 Лебедев А. Н. 3, 355, 415, 417—418
 Лебедев В. И. 414, 418
 Лебедinsky М. С. 418
 Левин-Брюль Л. (Levy-Bruhl L.) 418
 Левин К. (Levin K.) 54, 429
 Левкович В. П. 422
 Лейбниц Г. (Leibniz G. W.) 167, 261
 Лейтес И. С. 324, 369, 377, 418
 Ленин В. И. 7—9, 18, 21, 31, 81, 100, 105, 108, 110, 132, 139, 145, 164, 165, 169, 172, 179, 201, 247, 252, 261, 296, 299, 305—306, 310—311, 366, 380—389, 410
 Леонов А. А. 418
 Леонов Ю. П. 418
 Леонтьев А. А. 269, 418
 Леонтьев А. Н. 6, 45, 75, 83, 113, 132, 141—142, 151, 154, 157, 164, 173—174, 183, 190, 192, 204,
- 255, 307, 309, 312, 323, 340, 356, 358, 377, 391, 418
 Лермонтов М. Ю. 324
 Лесгафт П. Ф. 418
 Либерман Ф. (Lieberman F.) 387
 Ливанов М. Н. 47, 84, 355, 357, 418, 423
 Ликерт Б. А. (Likert B. A.) 327, 429
 Лингарт Й. (Linhart J.) 419
 Ляндзей Г. (Lundzey G.) 294, 429, 430
 Липпманн О. (Lippmann O.) 305
 Лисина М. И. 264, 418
 Лихачев Б. Т. 418
 Лилиас Р. (Lilinas R.) 428
 Логинова Н. А. 283, 418
 Локк Дж. (Locke J.) 418
 Ломов Б. Ф. 411, 412, 414—420, 422—423, 425, 429
 Лорднес Дж. (Lordnes J. H.) 430
 Лурья А. Р. 6, 45, 83, 356, 357, 358, 419, 426
 Лучкий В. А. 355
 Льюис К. С. (Lewis C. S.) 429
 Люблинская А. А. 366
 Люс Р. (Luce R. D.) 54, 419, 430
 Лютер М. 348 (Luther M.)
- Макаренко А. С. 234—235, 382, 419
 Макаров П. О. 112, 159, 420
 Мак Дауголл В. (Mc Dougal W.) 372, 430
 Маккей Д. (MacKay D. M.) 137, 430
 Мандлер Г. (Mandler G.) 430
 Марков М. А. 75, 420
 Маркс К. (Marx K.) 21, 25—26, 79, 86, 89, 144, 170, 175—176, 178, 183, 186—187, 196, 198, 199, 201, 204, 207, 208, 238, 246—247, 248, 259, 263, 295—296, 299, 305, 322, 327, 330, 333, 339, 342, 345, 365, 368, 370, 372—373, 393—394, 410
 Марштина Т. М. 420
 Маслоу А. (Maslow A.) 314—316, 430
 Матвеева Л. В. 352
 Матюшкин А. М. 162, 239, 284, 420
 Маяковский В. В. 324
 Мёде В. (Meöde W.) 277, 279, 430
 Мейман Э. (Meumann E.) 279, 430
 Мельников В. М. 420
 Менделеев Д. И. 89—89
 Мерлин В. С. 291, 369, 420
 Мёрчисон К. (Murchison C.) 429
 Мешкова Т. А. 420
 Мид Г. (Mead G. H.) 260, 430
 Миллер Дж. А. (Miller G. A.) 54, 57, 430
 Миллер Н. Е. (Miller N. E.) 430
 Милль И. С. (Mill I. S.) 75, 430
 Миракян А. И. 162, 420
- Миронова А. И. 419
 Митрофанов Б. Н. 227, 420
 Митькин А. А. 161, 367, 420
 Михеев В. Ф. 420
 Мозговой В. Д. 420
 Моляко В. А. 324, 420
 Монахов В. И. 424
 Мостеллер Ф. (Mosteller F.) 54
 Муханов М. М. 421
 Мунипов В. М. 415
 Мусатов С. А. 417
 Мюнстерберг Г. (Münsterberg H.) 277, 430
 Мысисцев В. Н. 6, 45, 242, 292, 310—311, 326—327, 332, 416—418, 421
- Найсер У. (Neisser U.) 430
 Натадзе Р. Г. 227, 421
 Небылицын В. Д. 6, 45, 108, 113, 291, 351, 356, 379—381, 421—423
 Никифоров Г. С. 122, 421
 Николов В. И. 54
 Никонов А. В. 239
 Новиков М. А. 359, 421
 Носуленко В. Н. 267, 278—279, 415, 421, 430
 Ньюкомб Т. М. (Newcomb T. M.) 430
 Нюттен Дж. (Nuttin J.) 430
- Обозов Н. Н. 236, 238—239, 277, 280, 283, 421
 Обуховский К. (Obuchovsky K.) 323, 421
 Олпорт Ф. (Allport F.) 277, 327—428
 Ошанин Д. А. 132, 236, 421
- Павлов В. И. 415
 Павлов И. П. 5, 13, 43, 46, 78, 111, 171, 351, 359, 421
 Палермо Д. С. (Palermo D. S.) 430
 Парыгин Б. Д. 73, 264, 290, 421—422
 Паск Г. (Pask G.) 242, 430
 Перфильев М. Н. 422
 Петровский А. В. 238, 290, 422
 Пиаже Ж. (Piaget J.) 85, 90, 113, 164, 169, 181, 422, 427, 430
 Пилипенко Н. В. 109, 129, 422
 Платонов К. К. 3, 132, 173, 289, 292, 358, 381, 416, 422
 Платонова Т. В. 113, 422
 Плеханов Г. В. 128—131, 298—300, 304, 422
 Познер М. (Posner M.) 430
 Пономарев Я. А. 3, 50, 112, 162—163, 284, 416, 422
 Пономаренко В. А. 3, 132, 412, 415
 Поллужный В. Л. 413
 Попов В. А. 426
 Попов Е. П. 422
 Поппер К. (Popper K.) 430
 Поршнев Б. Ф. 81, 422
 Праггишвили А. С. 310, 311, 412, 422
 Прибрам К. (Pribram K.) 422
 Пуни А. Ц. 423
- Пучетти К. (Puccetti K.) 175
 Пушкин А. С. 324
 Пушкин В. Н. 423
 Пьерон Г. (Pieron H.) 150, 423
- Равич-Шербо И. В. 377, 380, 422—423
 Раева С. Н. 423
 Райфа Х. (Raiffa H.) 419
 Рагинов А. Р. 423
 Рид Д. (Reed J.) 175
 Ромметвейт Р. (Rommet-veit R.) 286, 430
 Рощин С. К. 423
 Рубахин В. Ф. 168, 414—416, 422—423
 Рубинштейн С. Л. 6, 45, 75, 79, 109, 132, 159, 162, 174, 192, 205, 289, 306, 310—311, 323, 331, 423
 Русская А. Г. 415
 Русалов В. М. 3, 284, 291, 312, 380, 424
 Рыбалко Е. Ф. 411, 424
 Рыков Н. А. 187, 424
- Садов В. А. 93, 162, 412, 417
 Самарин Ю. А. 111, 424
 Самойлов А. Ф. 253, 424
 Сафонов В. К. 381, 484
 Северцов Н. А. 5, 13, 78, 140, 424
 Селиванов В. И. 424
 Селье Г. (Selye G.) 113, 424
 Семенов С. А. 387, 420, 424
 Сентаготан И. (Szentago-thai J.) 349, 357, 431
 Сергиенко Е. А. 420
 Сержантов В. Ф. 373, 424
 Семенов И. М. 13, 26, 46, 53, 78, 89, 107, 117, 123, 138, 157, 159, 170, 242, 326, 424
 Сямон Г. (Simon H.) 54
 Симонов П. В. 47, 56, 173, 424
 Скиннер Б. (Skinner B. F.) 389, 431
 Скотт В. (Scott W. A.) 322, 430
 Скрабин А. Н. 324
 Смарт Дж. (Smart J. J.) 347—349, 431
 Смирнов А. А. 6, 45, 132, 162, 192, 422, 424
 Соколов В. М. 260, 424
 Соколов А. Н. 170, 424
 Соколов Е. Н. 132, 358, 424, 426
 Соломон К. (Solomon C.) 430
 Спенсер В. (Spencer W. A.) 75
 Сперри Р. (Sperry R. W.) 175, 431
 Спиркин А. Г. 175, 425
 Спирмен Ч. (Spearman Ch.) 54, 431
 Стагатаев В. Э. 280, 282
 Станиславский К. С. 249, 252, 425
 Степанов А. А. 3, 265, 425
 Степанова Е. И. 89, 425
 Стенвик С. С. (Stevens S. S.) 93, 111, 136, 149—150, 426, 431
 Страхов И. В. 425
 Стрелец В. Б. 352

ОГЛАВЛЕНИЕ

*г. Ленинград 1984г
А. Д. Д.*

Стродбеч В. Ф. (Strod- betch V. F.) 428	Филип Н. (Philip N.) 430	Шевченко Д. Г. 424
Суворова Г. Б. 381, 424	Филлиппос А. В. 3, 152, 426	Шевченко Т. Г. 324
Судаков К. В. 47, 354, 373, 424, 425	Фингаретт Д. (Fingarette D.) 175	Шекспир В. (Shakespeare W.) 348
Сурков Е. Н. 95, 168, 419, 425	Фишбейн М. (Fishbein M.) 430	Шемакин Н. Ф. 427
Суходольский Г. В. 191, 425	Флеявелл Дж. (Flavell J. H.) 160, 428	Шеннон К. (Shannon C. E.) 56
Сухобская Г. С. 60, 225, 418	Фомин С. В. 426	Шеппард Р. Н. (Sheppard R. N.) 428, 430
Сэмпсон Е. Е. (Sampson E. E.) 430	Франк С. С. 326	Шериф М. (Sherif M.) 247, 430
Талызина Н. Ф. 425	Фрейд З. (Freud Z.) 119, 179, 188, 426, 428	Шеролия А. Е. 412
Таранов Е. В. 314, 423— 425	Фрейер П. (Freire P.) 429	Шехтер М. С. 94, 427
Тарасов Г. С. 425	Фресс П. (Fraisse P.) 11, 426—427	Шихирев П. Н. 427
Тард Г. (Tarde G.) 181	Фридман М. П. (Friedman M. P.) 429	Шкопоров Н. Б. 239, 427
Тейлор Д. В. (Taylor D. W.) 431	Фришман Е. З. 415	Шляхтия Г. С. 415
Тейлор Ф. В. (Taylor F. W.) 215, 431	Фролов И. Т. 426	Шмидт В. (Schmidt W.) 282
Телфорд К. (Telford C. W.) 431	Фромм Э. (Fromm E.) 179, 428	Шорин В. Г. 415
Теплов Б. М. 6, 45, 109, 112—113, 132, 164, 192— 291, 314, 324, 351, 357— 358, 377, 380—381, 425	Фрыгина Н. И. 426	Шорохова Е. В. 3, 93, 132, 168, 290, 292, 416, 420, 422—425, 427
Терстон Л. (Thurstone L. L.) 54, 431	Халле М. (Halle M.) 429	Штейц Е. (Steitz E.) 386, 431
Тих Н. А. 392, 425	Ханни Ю. А. 426	Штери В. (Stern W.) 363— 364
Тихомиров О. К. 58, 217, 413, 416, 423	Хачатуряц Л. С. 426	Штумпф К. (Stumpf K.) 93
Ткаченко А. Н. 425	Хик В. (Hick W. E.) 111, 112	Шукин В. М. 324
Тобах Э. (Tobach E.) 431	Хилгард Е. Р. (Hilgard E. R.) 429	Шустова Л. А. 355]
Томас В. И. (Thomas W. I.) 327	Холл К. (Hull C. L.) 54, 426, 429	Щербакова Е. Л. 417
Томпсон Р. (Thompson R. F.) 429, 430	Хомская Е. Д. 356, 426	Эббингауз Г. (Ebbinghaus H.) 89, 428
Торофф Г. Р. (Toroff H. R.) 431	Хомский Н. (Chomsky N.) 393, 428	Экклз Дж. (Eccles J.) 137— 138, 428, 430
Трамсдорф Г. (Trammsdorf G.) 282, 429	Хорни К. (Horney K.) 179	Экман Г. (Ekman G.) 428
Турнер Р. (Turner R.) 430	Хрунов Е. В. 426	Элькин Д. Г. 279, 427
Тюхтин В. С. 122, 140, 425	Цветкова Л. С. 356, 419, 426	Эльконин Д. Б. 312, 336— 338, 366, 369, 427
Узнадзе Д. Н. 6, 45, 112, 310, 326, 396	Цзен Н. 93, 412	Эмпедокл (Empedokles) 131
Уильямс Р. (Williams R.) 373, 425	Цуккерман И. И. 54	Энгельгард В. А. 536
Украинцев Б. С. 122, 425	Цыганек К. (Ciganek C.) 428	Энгельс Ф. (Engels F.) 14, 21, 81, 83, 89, 103, 178, 186, 201, 204, 206, 246, 259, 330, 345, 365, 410
Уманский Л. И. 236, 425	Чапанис А. (Charanis A.) 416	Эренфельс Ч. фон (Ehren- fels Ch. von) 89—90, 428
Уотсон Дж. (Watson J. B.) 174, 431	Чернов А. П. 426	Эрикссон Э. (Erikson E.) 303, 328
Усмано М. М. 412	Чернышев А. П. 426	Эрлбаум Н. (Erlbaum N.) 430
Ухтомский А. А. 5, 13, 47, 112, 159, 231, 356, 357, 425	Чернышев А. С. 236, 290, 426	Эсаулов А. Ф. 324, 427
Ушакова Т. Н. 3, 273, 355, 361, 426	Чернышевский Н. Г. 326	Эстес В. (Estes W. K.) 54, 428, 430
Ушинский К. Д. 16, 369, 426	Черняк Е. Б. 415	Эттинг Ф. (Attneave F.) 54, 428
Фант К. (Fant C.) 429	Черри К. (Cherry C.) 428	Юнг С. (Young S.) 160
Федосеев П. Н. 426	Чесиокова И. И. 188, 426	Ядов В. А. 427
Фейгенберг И. М. 413	Чмут Т. К. 417	Якоби Ф. Г. (Jacobi F. H.) 117
Фейербах Л. (Feuerbach L.) 261	Чуприкова Н. И. 361, 426	Якобсон Ф. 427
Фехнер Г. Т. (Fechner G. T.) 38, 54, 111, 114, 135— 136, 164, 428	Чюрленис М. К. 324	Ямшиков А. Н. 420
	Шагас Ч. (Shagass Ch.) 427	Яноушек Я. (Janoušek I.) 258, 427
	Шадриков В. Д. 3, 112, 123, 217, 225, 227, 307, 312, 427	Ярошевский М. Г. 428
	Шалаяпин Ф. И. 324	
	Шанк Р. Л. (Shank R. L.) 327, 430	
	Шаров Ю. В. 427	
	Шварц Л. А. 358	
	Швырков В. Б. 3, 47, 354, 357, 424, 427, 430	
	Шеварев П. А. 45, 111, 132, 427	

Предисловие	3
ВВЕДЕНИЕ	4
Глава первая	
СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И РАЗВИТИЕ ЕЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ.	11
§ 1 Психология в системе научного знания	12
§ 2 Психологическая наука и общественная практика	25
§ 3 Теория, эксперимент и практика в психологии	37
§ 4 Психология и математика	51
§ 5 Особенности развития общей теории психологии в современных условиях	61
Глава вторая	
О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ В ПСИХОЛОГИИ	77
§ 1 Психика человека как предмет системного исследования	78
§ 2. Некоторые принципы системного подхода в психологии	92
§ 3 Проблема закона в психологии	104
§ 4 О системной детерминации поведения и психики	115
Глава третья	
КАТЕГОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ.	131
§ 1 Психика как субъективное отражение объективной действи- тельности	134
§ 2 Психическое отражение как процесс; его уровни и формы	155
§ 3 Сознание как идеальное отражение	173
Глава четвертая	
ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ.	190
§ 1. Деятельность—общественно-историческая категория	192
§ 2 Психологические аспекты изучения индивидуальной деятель- ности	202
§ 3 Строение индивидуальной деятельности	215
§ 4 Проблема совместной деятельности	231
Глава пятая	
ПРОБЛЕМА ОБЩЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ.	242
§ 1 Общение как базовая категория в психологии	244

§ 2. Функции и структура общения	258
§ 3. Особенности психических процессов в условиях общения . . .	275
Глава шестая	
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ	289
§ 1. Общественные отношения как общее основание свойств личности	292
§ 2. Направленность личности	310
§ 3. Субъективные отношения личности	325
Глава седьмая	
СОЦИАЛЬНОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА	342
§ 1. Психофизиологическая проблема	346
§ 2. Проблема социального и биологического в психическом развитии индивида	361
§ 3. Психологические аспекты проблемы антропогенеза	384
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	395
ЛИТЕРАТУРА	410
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	432
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	439

БОРИС ФЕДОРОВИЧ
ЛОМОВ
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИИ**

Утверждено к печати
Институтом психологии
АН СССР

Редакторы О. И. Цатурян, А. А. Куприянова
Художник О. В. Камаев
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технические редакторы Р. М. Денисова, О. М. Гуськова
Корректоры Л. И. Левашова, Е. В. Шевченко

ИБ № 28601

Сдано в набор 10.02.84
Подписано к печати 4.07.84
Т-13140 Формат 60x90У«
Бумага типографская №1
Гарнитура литературная
Печать высокая
Уел. печ. л. 28 Уч.-изд. л. 36,3 Усл. кр. отт. 28
Тираж 9000 экз. Тип. зак. 3708
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука»
У7864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121.099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕНИЯ

20 л — 2 р 50 к

В коллективной монографии представлены теоретические, экспериментальные и прикладные исследования одной из ведущих проблем современной психологии — проблемы общения. Показаны возможности системного подхода как методологического принципа психологического исследования общения. Для психологов широкого профиля, философов, социологов, педагогов и других специалистов, интересующихся современными подходами к психологическим исследованиям когнитивных и коммуникативных процессов.

ПСИХОФИЗИКА ДИСКРЕТНЫХ И НЕПРЕРЫВНЫХ ЗАДАЧ

20 л.—2 р 50 к.

В сборнике представлены результаты исследований в различных областях психофизики влияние различных условий на характеристики двигательного анализатора; восприятие времени человеком в различных экспериментальных ситуациях, зависимость решения психофизической задачи от группы внесенсорных факторов, возможности психофизических методов при работе в клинике. Анализируются результаты работ по построению психофизических моделей. Для психологов, психофизиологов и социологов.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

18 л—1 р 80 к.

В книге представлены исследования социально-психологических аспектов трудовой и учебной деятельности; рассматривается применение социально-психологических методов в медицине и этнографии. Специальный раздел посвящен описанию и анализу эмпирических и математических методов, используемых в прикладных социально психологических исследованиях. Для психологов, социологов, философов.

ТВОРЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

15 л—1 р. 60 к.

В монографии анализируются те стороны человеческого познания, которые характеризуют его творческий характер. Исследуются процессы и приемы познания, которые связаны с выделением в изучаемых объектах существенного, необходимого, закономерного, с их расчленением на части, с абстрагированием отдельных характеристик, с конструктивизацией и идеализацией, с построением упрощенных моделей изучаемых объектов. Показывается, как соотносится содержательное знание с его формализованными и уточненными моделями, как оно оформляется по законам построения теорий. Рассматривается творческая природа технического знания. Для научных работников, преподавателей и аспирантов, а также для самостоятельно изучающих философию.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	630000	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
420043	Казань, ул. Достоевского, 53;	142292	Пушине, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, в («Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 19;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1,	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 8, («Книга — почтой»);
199164	Ленинград, Таможенный пер, 2;		